

Российская академия наук

Научный совет
«История международных отношений
и внешней политики России»

Автономная некоммерческая организация
«Исполком совета славянских народов
(Международная организация)»

**У ВСЯКОГО НАРОДА ЕСТЬ РОДИНА,
НО ТОЛЬКО У НАС – РОССИЯ**

**Проблема единения народов России
в экстремальные периоды истории
как цивилизационный феномен
российской государственности.
Исследования и документы**

Москва–2012

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)-33
У11

У11 У всякого народа есть Родина, но только у нас – РОССИЯ: Проблема единения народов России в экстремальные периоды истории как цивилизационный феномен российской государственности. Исследования и документы / Тишков В. А., Сахаров А. Н., Дьяков Ю. Л. и др. – М.: Издательство «Прометей», 2012. – 526 с.

Книга издана при поддержке Автономной некоммерческой организации «Исполком совета славянских народов (Международная организация)» и программ Отделения историко-филологических наук РАН в серии «К 70-летию событий Великой Отечественной войны»

Не раз судьба российской государственности в экстремальных условиях спасалась жертвенным подвигом народов ее населявших. И хотя новая эпоха в XXI столетии расставила уже совсем иные акценты, все же в 2012 г. представляется полезным напомнить обществу об исторических вехах, свидетельствовавших о непобедимости российского воинства, о неодолимости единения народов, удерживавших на протяжении веков державное место России среди народов мира. В 2012 г. – в Год российской истории – мы вспоминаем о 400-летию преодоления Смуты 1612 г., о 200-летию Победы в Отечественной войне 1812 г., о 70-летию Сталинградской битвы... В реалиях XXI столетия, помимо общечеловеческих ценностей, у России есть и свои национальные интересы, которые она сумеет отстаивать. В книге представлены исследовательские статьи по национальному вопросу, работы региональных историков, материалы «документальной коллекции академика И. И. Минца» посвященные подвигу защитников Сталинграда.

ISBN 978-5-7042-2298-9

© Редколлегия, 2012
© Исполком совета славянских народов (Международная организация).
В. В. Федоров
© Издательство «Прометей», 2012

Редколлегия:

акад. РАН В. А. Тишков; член-корр. РАН А. Н. Сахаров; д-р юр. наук С. А. Мельников; д-р ист. наук Ю. Л. Дьяков; д-р ист. наук В. А. Юрченков; д-р ист. наук Н. Ф. Бугай, канд. ист. наук Т. С. Бушуева, канд. ист. наук Л. П. Колодникова

Авторский коллектив:

В. А. Тишков, А. Н. Сахаров, Ю. Л. Дьяков, С. А. Мельников, Н. Ф. Бугай, Т. С. Бушуева, Л. П. Колодникова, А. В. Сперанский, Г. Е. Корнилов, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина, В. Б. Базаржапов, Е. А. Высотина, Р. Н. Сулейманова, Ш. Н. Исянгулов, И. И. Бойко, М. Э. Грязнухина

Ответственный редактор:

д-р юр. наук С. А. Мельников

Рецензенты:

д-р ист. наук Л. Н. Нежинский; д-р ист. наук В. М. Лавров

«У всякого народа есть родина, но только у нас – Россия». Проблема единения народов России в экстремальные периоды истории как цивилизационный феномен российской государственности. Исследования и документы. Колл. моногр. / **Редколлегия:** акад. РАН В. А. Тишков; член-корр. РАН А. Н. Сахаров; д-р юр. наук С. А. Мельников; д-р ист. наук Ю. Л. Дьяков, д-р ист. наук Н. Ф. Бугай, канд. ист. наук Т. С. Бушуева, канд. ист. наук Л. П. Колодникова. **Авторский коллектив:** В. А. Тишков, А. Н. Сахаров, Ю. Л. Дьяков, С. А. Мельников, Н. Ф. Бугай, Т. С. Бушуева, Л. П. Колодникова, А. В. Сперанский, Г. Е. Корнилов, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина, В. Б. Базаржапов, Е. А. Высотина, Р. Н. Сулейманова, Ш. Н. Исянгулов, И. И. Бойко, М. Э. Грязнухина

В названии книги использованы слова русского философа Г. Федотова.

Фото на обложке: К. Васильев. Русский витязь. 1974 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Концептуальная эволюция национальной политики России (В. А. Тишков).....	
Основные этапы и особенности русского национализма (А. Н. Сахаров).....	
Историческое наследие межнациональных отношений в России XX века (Ю. Л. Дьяков).....	

«Замутились ...умы у русских людей, и пошла Смута...» (Л. П. Колодникова).....

Мир как политическая система.
Первая половина XIX в. Священный Союз
(А. Н. Сахаров).....

Восстановление патриаршества
на Поместном Соборе 1917–1918 гг.
(С. А. Мельников) .....

Особенности социального, культурного облика
и менталитета советских людей (1930 г. – 22 июня
1941 г.) (Л. П. Колодникова).....

Вклад в изучение темы войны историков Урала
(Г. Е. Корнилов, А. В. Сперанский).....

Архивные источники по истории Северного Кавказа
в годы Великой Отечественной войны
(Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина).....

Изучение истории Бурятской АССР
периода Великой Отечественной войны
(В. Б. Базаржапов, Е. А. Высотина).....

- Источники освещения проблемы депортации и участия репрессированных граждан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Н. Ф. Бугай).....
- Источники по истории Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Р.Н.Сулейманова, Ш.Н.Исянгулов).....
- Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: исследования историков Чувашии (И.И.Бойко).....
- Историография проблемы участия народов Якутии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (М. Э. Грязнухина).....

ДОКУМЕНТЫ

К 70-летию Сталинградской битвы

- Исторический подвиг Сталинграда. Документы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Т. С. Бушуева).....

Документ № 1. «Национальный состав – русские, много сибиряков было, процентов 70 было русских, процентов 10 украинцев, а остальные националы. Лучше всего дерутся русские».

- Из беседы (сотрудников Комиссии) с генерал-лейтенантом Василием Ивановичем Чуйковым – командующим 62-й армией. 5 января 1943 г. Сталинград.....

Документ № 2. «Лучше всех воевали сибиряки».

- Из беседы с генерал-майором Александром Ильичем Родимцевым – командиром 13-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии. 7 января 1943 г. Сталинград.....

Документ № 3. «Пионерами снайперского движения полка были: Александр Калентьев – сибиряк и уралец- моряк Василий Зайцев...».

- Из беседы с гвардии капитаном 1047-го полка 284-й стрелковой дивизии Николаем Никитичем Аксеновым 5 мая 1943 г. ....

- Документ № 4. «Как можно дороже отдать свою жизнь, как можно больше перебить немцев. ... »*
Из беседы со снайпером 1047-го полка
284-й стрелковой дивизии Василием Григорьевичем
Зайцевым. Апрель 1943 г. ....
- Документ № 5. «Трупов, как на картине
после ледникового периода...».*
Из беседы с генерал-майором
Иваном Дмитриевичем Бурмаковым –
командиром 38-й мотострелковой бригады.
28 февраля 1943 г. ....
- Документ № 6. «Немцы удивлялись тому
упорству, с которым сражались наши части...».*
Из стенограммы беседы с инструктором
7-го отдела политотдела 66-й армии
майором Петром Андреевичем Зайончковским.
28 мая 1943 г. ....
- Документ № 7. «Всякие бои происходили,
в большинстве бои были неравные.
У нас с самолетами неважно было...».*
Из беседы с Героем Советского Союза майором
Владимиром Григорьевичем Каменьщиковым –
летчиком 788-го истребительного авиационного полка
102-й истребительной авиационной дивизии.
16 марта 1943 г. ....
- Документ № 8. «...В нашем отделении было
3 узбека, 2 киргиза, 3 русских и 1 мордвин.
Командир взвода был татарин».*
Из беседы со Львом Александровичем Охитович –
красноармейцем 347-го стрелкового полка
308-й стрелковой дивизии. 14 августа 1943 г. ....
- Документ № 9. «Мы работали, когда вокруг
нас рвались мины, снаряды, сыпалось все,
а мы делали сложные операции...».*
Из беседы с Верой Леонтьевной Гуровой –
медицинской сестрой 13-й гвардейской
стрелковой дивизии 62-й армии.
Сталинград. 7 января 1943 г. ....
- Документ № 10. «Потеряла мужа и двоих детей
во время боев в Сталинграде».*
Из беседы с Аграфеной Петровной Поздняковой –
кухонной рабочей горкома ВКП (б).
14 марта 1943 г.
Сталинград.....

Документ № 11. «...будем работать и день, и ночь...».

Из беседы с Вениамином Яковлевичем Жуковым – начальником цеха № 7 завода «Красный Октябрь».....

Документ № 12. «Бомбардировка продолжалась недолго – минут 20–25, но для нас это показалось вечностью...».

Из беседы с Константином Васильевичем Зубановым – главным инженером Сталинградского энергокомбината. 13 марта 1943 г. Сталинград.....

Документ № 13. «Почему немцы так быстро прорвались к Сталинграду?»

Из беседы с генерал-майором Степаном Савельевичем Гурьевым – командиром 39-й гвардейской стрелковой дивизии. Август 1942 г. ....

Документ № 14. «...каждому бойцу мы сделали кинжалы десантные. Это гордость для него...»

Из беседы с подполковником Яковом Ивановичем Дубровским – начальником политодела дивизии.....

Документ № 15. «...третий батальон бой вел всю ночь... Неожиданно и крепко он побил немцев».

Из беседы с подполковником Василием Андреевичем Лещининым – зам. командира дивизии по строевой части, командиром 112-го полка.....

Документ № 16. «Мы отходили к Дону под прикрытием одной из рот, допуская противника до рукопашной схватки».

Из беседы с капитаном Василием Васильевичем Горячевым – командиром 3-го батальона 112-го полка .....

Документ № 17. «Немцы сгруппировали до 30 автоматчиков, пустили 15 танков на нашу переправу».

Из беседы со старшим сержантом Полтораком Иваном Марковичем – санинструктором 112-го полка.....

Документ № 18. **«Наши полки были по 300–350 человек. Противник сосредоточил против них артиллерийский огонь, бомбил с самолетов, и они там сражались до последнего...».**

Из беседы с генерал-майором
Леонтием Николаевичем Гуртьевым –
командиром 308-й стрелковой дивизии
62-й армии.....

Документ 19. **«Считаю себя сибирячкой...»**

Из беседы со старшим сержантом
Ниной Михайловной Кокориной –
санитаркой санитарной роты,
помощником заместителя по политчасти
санитарной роты 347-го стрелкового полка.....

Документ № 20. **«Эти бойцы были и стрелками, и минометчиками, и пулеметчиками, и бронебойщиками, и наблюдателями, и что самое важное, почти все снайперы».**

Из беседы с майором
Василием Георгиевичем Белугиным –
комиссаром 347-го стрелкового полка.....

Документ № 21. **«Люди, в основном, были сибиряки. Приходила неопытная молодежь, никогда не воевавшая».**

Из беседы с капитаном
Семеном Соломоновичем Рывкиным –
командиром отдельного саперного батальона.....

Документ № 22. **«Мы... много занимались, вырабатывали стойкость и выносливость у бойцов, что впоследствии дало свои результаты».**

Из беседы со старшим лейтенантом
Михаилом Петровичем Власовым –
комиссаром артиллерийского батальона
351-го стрелкового полка.....

Документ № 23. **«Задачей дивизии было – прорвать фронт через высоты, чтобы соединиться с нашими частями, находящимися в Сталинграде».**

Из беседы с подполковником
Алексеем Степановичем Смирновым –
начальником политотдела дивизии.....

Документ № 24. **«В период боевой подготовки был поставлен вопрос добиться ликвидации танкобоязни, а также авиационной боязни...».**

Из беседы с подполковником
Афанасием Матвеевичем Свириным –
заместителем командира
308-й стрелковой дивизии по политчасти 62-й армии.....

Документ № 25. **«Люди были разных национальностей».**

Из беседы с капитаном
Александром Филипповичем Ольховкиным –
инструктором пропаганды 112-го полка.....

Документ № 26. **«28 сентября приехали в Сталинград. Переправились через Волгу. Сталинград был весь в огне».**

Из беседы со старшим лейтенантом
Василием Григорьевичем Бялых –
заместителем командира 2-го батальона 120-го полка....

Документ № 27. **«Я Сталинграда не узнал... Раньше – это был цветущий, полнокровный город, а теперь развалины, ни домов, ничего».**

Из беседы со старшим сержантом
Митрофаном Яковлевичем Карпушиным –
стрелком 1-го батальона 120-го полка.....

Документ № 28. **«Оборону надо держать. Пополнение шлют, его на два, на три часа хватает. Опять нужен народ. Так вот и воевали».**

Из беседы с красноармейцем
Александром Андреевичем Тимониным –
минометчиком 1-го батальона 120-го полка.....

Документ № 29. **«Особенно было жутко 23 октября. Сил у нас было мало, были раненые, были убитые. Немец после артподготовки пошел в атаку. В нашем батальоне было мало людей».**

Из беседы с красноармейцем
Федором Ивановичем Черданцевым –
связным 3-го батальона 112-го полка.....

Документ № 30. **«После того, как пехота взяла высоту, наши пушки не отступили. Я заставил двух казахов тащить пушки...».**

Из беседы с младшим лейтенантом
Василием Яковлевичем Болтенко –
командиром взвода и зам. командира батальона
по строевой части 347-го полка.....

Документ № 31. **«В целом по дивизии вышло из строя до тысячи человек».**

Из беседы с Дмитрием Андриановичем Петраковым – комиссаром 339-го стрелкового полка.....

Документ № 32. **«Немцы опять взялись бомбить из шестиствольного миномета-ванюши». Тут ранило командира роты. Нам было очень его жалко. Хороший человек, такой герой, всегда ободрял всех».**

Из беседы с Селезневым Гавриилом Григорьевичем – красноармейцем саперного батальона 308-й стрелковой дивизии.....

Документ № 33. **«...мы перетаскивали раненых в медпункт ночью, причем таскали в Сталинграде все время на себе, так как подвод никаких не было».**

Из беседы с военфельдшером Анной Киприяновной Стойлик – командиром санитарного взвода санитарной роты 308-й стрелковой дивизии.....

Документ № 34. **«Все живое в полку зарылось в землю...».**

Из беседы с Генрихом Ароновичем Фугенфировым – командиром 1011-го артиллерийского полка.....

Документ № 35. **«11 сентября 1942 года был самый жаркий для наступательной дивизии бой, особенно для 339-го полка...».**

Из беседы с капитаном Иваном Васильевичем Максиным – начальником политотдела дивизии по работе среди комсомольцев.....

Документ № 36. **«4 октября наши подразделения показали свою большую стойкость. Весь день шел бой, и у нас не было ни одного бойца, дрогнувшего или ушедшего с поля боя».**

Из беседы с Александром Федоровичем Кошкаревым – секретарем партбюро 339-го полка.....

Документ № 37. **«В этом бою было уничтожено 23 немецких танка и истреблено до двух батальонов пехоты противника».**

Из беседы с подполковником Чамовым.....

Документ № 38. **«Только я успел войти в блиндаж, как противник сбросил 250-килограммовую бомбу и нас 9 человек завалило...».**

Из беседы со старшим лейтенантом Калининым.....

Документ № 39. **«Открыли огонь, и пошли в атаку».**

Из беседы с подполковником Кушнаревым.....

Документ № 40. **«...немцы хотели ... выйти к Волге...».**

Из беседы с майором

Владимиром Макаровичем Совчинским – заместителем командира 339-го стрелкового полка по политчасти.....

Документ № 41. **«Рус, сдавайся, в Волгу буль-буль».**

Из беседы с младшим лейтенантом

Ильей Мироновичем Брысиным –

командиром саперного взвода

отдельного саперного батальона

308-й стрелковой дивизии.....

Документ № 42. **«...Раненый, изнемогая от потери крови, продолжал стрелять...»**

Из беседы с Ефимом Ефимовичем Дудниковым –

красноармейцем саперного взвода

отдельного саперного батальона

308-й стрелковой дивизии.....

Фотоиллюстрации.....

Указатель имен.....

ИССЛЕДОВАНИЯ

Национальный вопрос и российская цивилизация

Таджикистан, 1920-е годы

Каршинская степь. Узбекистан 1926 г.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ*

За последние годы в отечественной и зарубежной литературе появилось большое число работ, посвященных природе этнического фактора и его политическим проекциям в современной истории России. В данном случае следует остановиться на доктринальной стороне вопроса или на том, что можно назвать политической концептуальностью. Политическая концептуальность – это своего рода система предписаний, которая вырабатывается учеными, политиками и публицистикой, чтобы через эти предписания, оформленные в доктрины, концепции и программы, утверждать свой статус, отправлять власть и управлять обществом.

Советская система, как всякая идеократия, была перегружена политической концептуальностью и разного рода предписаниями, без которых было бы невозможно жесткое регулирование представлений и поведения его членов.

В свое время представители марксистско-ленинской философии осуществили масштабную узурпацию в отношении этнологии и социально-культурной антропологии. Все, что касалось изучения и объяснения этнической политики, функционирования этнических общностей и их взаимодействий, определялось как «теория нации и национального вопроса». А научная дисциплина этнография вынуждена была самоограничивать себя преимущественно эмпирическими внутригрупповыми описаниями.

Концептуально-терминологический аспект теории нации приобрел особое значение, ибо он непосредственно проецировался на саму основу государственности и на характер взаимоотношений центра и периферии. В лексике ученых и политиков настолько прочно утвердились категории-демиурги, что выражение каких-либо сомнений насчет их адекватности реалиям вызывало неприятие даже в условиях идеологической либерализации.

Так, академик Ю. В. Бромлей отреагировал на предложение автора настоящей статьи пересмотреть понятие нации в пользу ее гражданского, а не этнического содержания почти паническим замечанием: «Ну, это тогда будет полный хаос!». Еще в период деятельности I-го съезда народных депутатов СССР настоящим автором была опубликована статья в газете «Правда», в которой подвергался сомнению сам принцип по-

строения государства и его внутреннего устройства на этнической основе, и высказывалась мысль, что в условиях развития демократии и стремления к суверенитету советские республики в этом смысле не могут категоризироваться как «национальные» (читай – этнонациональные) государства, как это было определено Конституцией СССР 1977 г. и охотно поддерживалось элитами «коренных наций»¹. О стойкой инерции мышления свидетельствовал, например, принятый в 1990 г. Съездом народных депутатов СССР закон «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих развития их на территории СССР». Понятно, что означало «национальное развитие граждан» (видимо, имелось в виду этнокультурное), а также выделение некой категории жителей страны без «своей» государственности – притом, что государственность на всех уровнях провозглашалась от имени всех граждан. Данный закон был мало профессиональной попыткой через старую фразеологию найти ответ на новые проблемы. Понятно, что цель при этом преследовалась достойная, но только грамотно выразить ее правовым текстом прежний доктринальный багаж не позволил.

В ситуации инерционного догматизма того времени какие-либо серьезные переоценки были фактически невозможны. Однако кое-что в те годы все же удалось сделать. В резолюции по проблемам межнациональных отношений XXVII съезда КПСС (которую ночью 5 июля 1990 г. после заседания секции «Национальная политика КПСС» в кабинете заведующего отделом ЦК КПСС Вячеслава Михайлова мы писали вместе с эстонским академиком Виктором Пальме) термин «нация» вообще не был употреблен, а целью национальной политики впервые (вместо ритуальной фразы об укреплении дружбы народов и развитии интернационализма) определялось всяческое содействие и создание условий для свободного развития и обеспечения прав граждан, принадлежавших к национально-культурным общностям². Это была первая попытка провести в официальном документе мысль, что права гражданина выше прав нации.

В «эпоху Горбачева» основные направления дискуссии задавались сторонниками радикального осуществления ленинско-вильсоновского самоопределения этнонаций. Вариант так называемого «упразднения империи» инициировался частью столичных интеллектуалов и почти всецело элитами большинства союзных республик. Этот вариант был поддержан академиком А. Д. Сахаровым, предложившим утопиче-

ский проект конституции «Соединенных государств Европы и Азии», согласно которому все 53 национально-государственных образования должны были стать суверенными государствами. Веру в возможность упразднения «последней империи» поддерживало неверное прочтение международно-правовых документов о самоопределении народов. Как известно, поддержка национально-освободительных движений долгое время входила в арсенал советской внешней политики, хотя по сложившейся практике самоопределение допускается лишь в контексте деколонизации и только для народов территориальных, а не этнических общностей³.

Именно под лозунгом «упразднения империи» произошли распад СССР и образование новых 15-ти государств, в том числе и Российской Федерации. В доктринальном плане это был триумф, а точнее – последствия всей 70-летней практики «национально-государственного строительства», важнейшим компонентом которой был этнический национализм, то есть представление о нации как о высшем типе этнической общности, на основе которой якобы только и может быть построена «нормальная» государственность⁴.

Со стороны политиков понятие нации как многоэтнической государствообразующей общности в момент распада СССР отсутствовало.

В России в сфере национальной политики «правили бал» импровизация и амбиции. Ответственная международная экспертиза этой сферы преобразований не была обеспечена: ситуация казалась уникальной и слишком деликатной для внешних советов. К тому же среди западных специалистов слишком привлекательными были формула «распадающейся империи» и искус закрепления победы либерализма через новые самоопределения. Мало кто из западных экспертов осмеливался высказываться по поводу опасностей растущего периферийного национализма в России, хотя почти все они жестко осуждали аналогичные явления в других постсоветских государствах, связывая их с деятельностью, так называемых пророссийских сил.

В Российской Федерации разработкой и осуществлением национальной политики занялись по преимуществу политики, а не ученые. Именно они столкнулись с неожиданным «парадом суверенитетов» и жестким торгом со стороны автономных республик за рассредоточение полномочий центральной власти в свою пользу. В свою очередь, в тот момент российское руководство во главе с Б. Ельциным делало им политические уступки, ибо исключительно желало укрепить собственную власть.

Именно поэтому и были предприняты конкретные шаги в сфере национальной политики, которые являлись более чем спорными с точки зрения утверждения в стране демократического порядка. В частности, преобразование автономных областей в республики (Адыгея, Горный Алтай, Карачаево-Черкесия и Хакасия) на территориях, где большинство жителей составляли русские, было сделано чисто по советской модели.

В 1991–1992 гг. наибольшую активность в сфере регулирования взаимоотношений Центра и республик проявлял Верховный Совет, в том числе его Палата национальностей. Это было связано с тем, что в его состав вошло большое число неноменклатурных этнолидеров, а также ряд активистов радикальных националистических движений.

Именно тогда, в апреле 1991 г., был принят закон «О реабилитации репрессированных народов», который хотя и исходил из благородных демократических порывов, но по своей идеологии остался ущербным и конфликтогенным. Закон сочиняли и лоббировали либо малосведущие в этнических и правовых материях люди, либо отчаянные активисты, которые использовали болезненную память народов и восплаяющую риторику для собственного политического утверждения. Закон пытался «примирить прошлое» за счет новых территориальных манипуляций. При этом никак не учитывался социальный статус граждан, который у многих представителей репрессированных народов был не ниже, а в ряде аспектов (жилье, материальный доход, образование) даже выше, чем у других групп местного населения. Закон не учитывал изменившуюся за послевоенные десятилетия демографическую, экономическую и политическую ситуацию на местах, не говоря о реальных возможностях государства в осуществлении провозглашенных компенсаций.

Энтузиасты «исправления» прошлого были и в президентских структурах, откуда, кстати, весной 1992 г. поступили в Верховный Совет законопроекты о разделе Чечено-Ингушетии и Карачаево-Черкесии. Еще раньше состоялась зафиксированная официальным документом договоренность Б. Ельцина с Г. Кодем о воссоздании Республики немцев Поволжья (именно так, с заглавной буквы, как состоявшееся государственное образование, было записано в тексте документа) на территории, где проживало не более 2% российских немцев и куда они особенно не стремились.

Наиболее значительными свершениями бывшего Верховного Совета стали выработка Федеративного договора, подписанного в Кремле 31 марта 1992 г., и разработка «Концепции

государственной программы национального возрождения народов Российской Федерации», которая в ее окончательном виде так и не была официально утверждена. Первый документ относится больше к сфере фундаментальных положений системы взаимоотношений Центра и субъектов Федерации, хотя, на деле, республики предпочли отдельный вариант договора (две из них – Татарстан и Чечено-Ингушетия не подписали договор вообще, а одна – Башкирия подписала с особым протоколом-приложением). Федеративный договор, как представляется, стал, прежде всего, важным политическим актом, снявшим нарастающее напряжение внутри государства. Для нас же в данном случае более интересен вариант договора с республиками, который имел непосредственное отношение к выработке доктринальных основ национальной политики.

Важнейшей чертой этого документа было то, что он как бы вводил в правовое русло то «низовое» творчество, которое отразилось в текстах принятых в республиках деклараций о суверенитете, где наряду с полезными новациями содержались формулировки, противоречащие действующей конституции. Федеративный договор вместе с тем подтверждал принцип делегирования властных полномочий, тем самым признавая, что власть рождается снизу. Для многоэтничного Российского государства это имело особое значение. В равной мере немаловажен был факт подтверждения более высокого статуса республик с элементами государственности: собственные конституции, законы, парламенты, верховные суды, символика. Господствующая доктрина интерпретировала этот более высокий статус по сравнению с другими субъектами Федерации исключительно этническим фактором: республики – это национально-государственные образования в отличие от других двух типов субъектов Федерации – административно-территориальных (округов). Именно так комментировал Р. Абдулатипов текст Федеративного договора, несмотря на то, что из конституционного языка уже исчезла эта малопонятная типология⁵. Скорее, были инерция мышления и уступка республиканскому национализму, базировавшемуся на метафоре «национальной государственности». Аналогичной терминологией продолжал, кстати, пользоваться и министр по делам национальностей С. Шахрай, хотя, как юрист, он в принципиально важных случаях (выработка текста Конституции, указов Президента) занимал гораздо более аккуратную позицию (если не считать его вклада в легитимизацию казачества).

Что касается «Программы национального возрождения», разработанной в Совете национальностей с широким участи-

ем ученых-специалистов, то этот документ содержал довольно много полезных положений, особенно в социально-экономической, демографической и культурно-языковой сферах. Но и он в своей концептуальной основе оставался архаичным и противоречивым⁶. «Уши» тривиального этнонационализма «торчали» уже в самом понятии «национального возрождения народов», особенно, если вспомнить о советском режиме, вкладывавшем «огромные ресурсы» в конструирование этнонаций и поддержку этнических культур. Документ узурпировал такие ключевые общегражданские понятия, как «национальная культура», «национальные интересы», исключительно в пользу этнических общностей, повторял старые советские «клише», например, «национальное образование», даже вводил такие несуразные категории, как «национальные интересы народов», «национальные реалии». Но главное – документ был пронизан алармистской риторикой, неадекватно оценивавшей относительно благоприятное (насколько это позволял общий уровень развития всего государства) состояние этнических культур, носителям которой в гораздо большей степени требовалась социальная мобилизация, а не «национальное возрождение», а тем более этнический партикуляризм.

Тупиковая идеология, амбиции и недостаточный профессионализм новых российских парламентариев также не позволили выработать и конструктивные законы в сфере регулирования межэтнических отношений. В Комитете по международным отношениям ВС РФ, возглавлявшемся Н. Медведем, был рожден законопроект о правах меньшинств, по которому получалось, что особой поддержкой должны были пользоваться, скажем, не коми, чукчи или карелы, уже обладающие статусом «коренной нации» в «своих» республиках, а любые другие народы, в том числе русские, украинцы, азербайджанцы, армяне.

В Комитете по малочисленным народам на пути принятия закона о правах коренных малочисленных народов была создана настоящая преграда в виде необдуманного попыток перенести в текст закона политическую риторикку Международной декларации о правах аборигенных народов. Отечественными учеными и политиками последний документ воспринимался как высшая правовая норма.

В России, где все население нуждалось в улучшении социального бытия и где ресурсодобывающая промышленность сосредоточена в зонах преимущественного проживания малочисленных народов, текстуальное копирование подобных подходов, особенно в вопросах владения землей и ресурсами,

изначально было безнадежным делом. Нужно было искать компромиссный вариант, к чему законодатели пришли только спустя несколько лет. Кроме того, все тот же примитивный взгляд на коллективные права этносов создавал конфликтную идеологию: русский старожил-охотник, например, под действие закона не попадал, а писатель-чукча, живущий в Петербурге, напротив, попадал.

В феврале 1992 г. автор настоящей статьи был приглашен на должность председателя Государственного комитета по национальной политике в России. Власти в тот период были заняты реализацией структурных экономических преобразований в стране. Вопросы национальной политики не были центральными, хотя наличие конфликтных ситуаций (особенно кризис во взаимоотношениях с Татарстаном и Чечней) ставило задачу более эффективного управления этой сферой общественной жизни. В правительственных и экспертных кругах начинались процесс изживания радикально-демократической идеологии перед лицом жестких реалий, и даже поиск адекватных терминов и попытки категоризации вновь возникших ситуаций и явлений. Концептуализация политики в ситуации быстрых перемен в принципе представляется, хотя трудным, но все же необходимым делом: общество не могло жить старыми нормами, но и для принятия новых всегда существует определенный предел.

Едва ли было разумным и возможным в 1992 г. начинать концептуальные переосмысления с публичного сомнения по поводу самого термина «национальная политика». Дело в том, что, по убеждениям автора (тогда их не разделяли даже его ближайшие помощники по министерству и коллеги по научной профессии), «национальная политика» – это политика осуществления внешних интересов государства. Именно так это принято понимать во всем мире. Внутренняя политика государства в отношении этнических общностей обычно называется этнической политикой (*ethnic policy*) или политикой в отношении меньшинств (*minority politics*). Поэтому, например, в переводе на английский язык термин «национальная политика» должен переводиться и действительно переводится как «nationalities policy». Но для того чтобы внедрить это в общественное сознание, требовалось время. Работа над вариантом концепции национальной политики была начата Миннацем России весной 1992 г. и представлена на заседании Правительства под председательством Б. Ельцина 30 июля 1992 г. Судьба этого документа с позиции сегодняшнего дня выглядит достаточно драматично.

Во-первых, о содержании самого документа. Язык концепции, включая базовые категории, был намеренно избран наименее кон-фронтационным, оставляющим поле для дальнейших доктринальных поисков. Вместо терминов «нация» и «меньшинства» были использованы понятия «народы», «национальности» и «этнокультурные общности» как синонимы. Учитывая, что только 47% представителей нерусских народов проживают на территории «своих» республик, было предложено рассматривать полем национальной политики всю территорию государства, а ее субъектом – все этнические общности (народы), включая русских. Именно поэтому, впервые в документах появился специальный раздел о проблемах русских, в том числе и за пределами России.

Как некая общая формула политики для полиэтничной России был предложен принцип «единства в многообразии», или культурного плюрализма: государство, власть и ресурсы, как на федеральном, так и на других уровнях не являются собственностью той или иной этнической группы. Центр, включая властные институты и культурно-информационное пространство, должен отражать культурную мозаику всего государства. В республиках власть и распоряжение ресурсами (в широком их понимании) не могут быть узурпированы представителями только титульной национальности. Именно поэтому проект концепции содержал рекомендации в адрес федеральных властей по расширению представительства нерусских народов и культур в центре страны, в том числе организацию вещания на языках других крупных народов страны (татар, чувашей, бурят, чеченцев и другие).

И все же основным в проекте концепции был раздел, посвященный дальнейшему развитию федерализма в России. Существование этнотерриториальных автономий всегда рассматривалось автором статьи как важнейший механизм и стратегия национальной политики, ибо их наличие в СССР проявило себя как реальный институт сохранения групповой целостности и защиты прав и развития культур народов. Правда, сам термин «автономия» (достаточно достойный и широко употребляемый в мире) в документе не присутствовал по чисто политическим соображениям: в российских республиках от него поспешили избавиться как от уничижительного.

В связи с этим попытки приписать в то время Госкомнацу и лично автору данной статьи позицию упразднения республик являются беспочвенными. Они были вызваны, скорее всего, упрощенным восприятием, а также намеренной дезинформацией. Достаточно привести цитату из открытого письма Р. Аб-

дулатипова Президенту Б. Ельцину в апреле 1994 г.: «Помню, как Вы в свое время резко отозвались о концепции национальной политики тогдашнего Госкомнаца, которая строилась на отказе от национального принципа формирования субъектов Федерации. Более того, концепцией предусматривалось объявить из Москвы вместо наций какое-то согражданство. Вы справедливо оценили такой подход как объявление войны внутри России»⁷. Ничего подобного со стороны Президента при обсуждении концепции в действительности высказано не было.

Неадекватная интерпретация концепции могла возникнуть и в силу того, что в проекте предлагалось расширение прав территориально-административных образований (краев и областей) до уровня республик. Это было продиктовано тем, что децентрализация власти и наделение ею местных сообществ позволяют более чувствительно реагировать на любые запросы и потребности граждан, в том числе и этнокультурного характера. В связи с этим в концепции говорилось о необходимости развития местного самоуправления (принятый к тому времени соответствующий Закон о местном самоуправлении носил крайне ограниченный характер). Сильное местное самоуправление рассматривалось как не менее эффективный, чем федеральная власть, механизм ограничения нарождающегося всевластия региональных этнических элит. Эти два момента в проекте концепции и породили еще далеко не закончившийся упорный политический торг последних за ограничение полномочий Центра и укрепление собственной власти. Важной новацией, содержащейся в концепции, было предложение о признании политики национально-культурной автономии, столь рьяно осужденной в свое время большевиками. В предложенном документе достаточно четко определялись императивы и приоритеты экстерриториальной автономии как важнейшей формы государственной поддержки и развития культур и учета интересов и прав граждан в стране, где административные, в том числе республиканские, границы далеко не совпадают с ареалами расселения народов.

В конечном итоге на заседании Правительства 30 июля 1992 г. концепция не была принята, но и не была отвергнута. Не будь обсуждения этого документа в 1992 г., возможно, не появилось бы более грамотной записи в Конституции 1993 г. о республиках как государствах, а не «национальных государствах». Не было бы более адекватного восприятия проблем русских за пределами России и соответствующих корректив в деятельности российских ведомств, в том числе МИДа, уже в 1992 г. Не были бы внесены принципиальные коррективы в

тексты законопроектов по проблемам межнациональных отношений, что в конечном итоге позволило принять закон «О национально-культурной автономии» в 1996 г. Наконец, текст принятой в 1996 г. Концепции государственной национальной политики вобрал в себя все принципиальные положения документа 1992 г.

Но тогда откуда такая грустная слава «отвергнутой концепции»? Этому есть несколько причин. Важнейшая из них – тогдашняя неготовность российской политики воспринять необходимые новации: для этого требовались еще дискуссии и время. Это был не самый благоприятный политический момент: радиальные националистические движения были на подъеме, а лидеры республик еще не уладили взаимоотношения с Центром, не обзавелись президентскими самолетами. Наконец, была допущена ошибка в тактике подготовки концептуального документа: обсуждение проекта документа с республиками носило ограниченный характер. И все же главное заключалось в амбициях тех федеральных политиков, которые претендовали на собственное авторство новой национальной политики. Практика оформления государственной политики в форме доктрин, концепций или программ общепризнанна. В отличие от законов доктринальные документы являются официальными ориентирами, а не обязательными предписаниями. Однако в ситуациях общественных трансформаций значимость такого рода ориентиров возрастает: концепция – это официальный трактат, нацеленный на перспективу и определяющий рамки и цели перемен, инициируемых властями. Если закон обязывает, концепция объясняет и рекомендует.

Работа над правительственным документом по вопросам национальной политики продолжалась в Миннаце России при министрах С. Шахрае и Н. Егорове и была успешно завершена при В. Михайлове, который смог довести дело до ее принятия на заседании Правительства РФ. Пожалуй, самая большая ирония в том, что принятый документ был результатом длительных согласований его текста с основными «потребителями» концепции. Только сравнительно небольшая группа, главным образом московских деятелей, продолжала баталию, вплоть до наушничанья о якобы «вредном» содержании документа. Это, кстати, задержало его подписание на два месяца.

В чем суть принятого документа, как следует его читать и использовать? В течение нескольких рабочих дней перед рассылкой проекта документа до заседания Правительства все было в полном смысле завалено предложениями и заме-

чаниями от субъектов Федерации и от федеральных ведомств. Были учтены все основные замечания, в том числе и самые «неудобные» – от Татарстана, Башкирии, а также от МИДа и Минэкономики России. Из текста ушли назойливые упоминания о сохранении целостности государства и об определяющей роли русского народа, вписанные некоторыми напуганными авторами в первоначальный вариант.

В тексте не употребляется термин «нация», а объясняются понятия «народы», «национальности», «этнокультурные» или «национальные общности», используемые скорее как синонимы, нежели как иерархические доктринальные величины. Сделано это не для того, чтобы «упразднить нации», а с целью ввести документ в русло всей международно-правовой практики и доктринального языка.

Концепция вместе с тем не вводит категорию гражданской российской нации. Это было сделано в связи с необходимостью оставить некоторое доктринальное пространство для процесса гражданского строительства, который не мог быть легким. Более того, концепция делает уступку в пользу этнического понимания термина «народ». В концепции под понятием «народ» имеется в виду общность, члены которой разделяют общие элементы культуры, прежде всего язык, обладают чувством солидарности. Кстати, гражданское и этнокультурное значения понятия «народ» не противоречат друг другу.

Концепция более современно трактует понятие самоопределения как формы обеспечения права гражданских и этнокультурных общностей на выбор самостоятельных путей развития и форм политического управления. Самоопределение в рамках полиэтничных государств осуществляется в двух основных формах – территориальных образований и национально-культурной автономии. Поэтому существование республик в составе Российской Федерации признается важнейшей формой внутреннего территориального самоопределения. Дальнейшее развитие федерализма и совершенствование разнообразных и разностатусных взаимоотношений с федеральным Центром и другими субъектами Федерации определяются как одни из приоритетных задач государственной национальной политики.

В концепции не фиксируется право на самоопределение в виде отделения, но такое право отсутствует в Федеральной конституции и в конституциях республик (кроме Тувы и Татарстана, в конституциях которых этот вопрос обойден с помощью формулирования ассоциированного статуса). В настоящее время нет государств, где бы законодательство и доктрины предусматривали явочную сепессию (волевым односторонним

отделение); и России нет смысла повторять безответственную лексику советских конституций. Право на сецессию в международном праве не разработано и признается только в случае его осуществления на основе взаимного согласия, как это было в ситуации распада СССР. Не будь этого согласия, международное признание новых государств могло бы не последовать⁸.

Второй важной формой самоопределения концепция подчеркивает экстерриториальную автономию. Ее субъектом могут быть любые народы и этнокультурные общины независимо от территории расселения. Это, прежде всего, право на отправление разнообразных запросов граждан, которые возникают на основе их этнокультурной принадлежности и самосознания. Концепция трактует национально-культурную автономию гораздо шире, чем ее фольклорно-этнографический вариант. Предусматривается (помимо образовательно-культурной деятельности любого уровня) право на особые формы политического представительства (пока в Ассамблее народов России как общественно-государственной палате) и законодательную инициативу. В чем-то эта форма самоопределения даже перспективнее и мощнее территориальной.

В концепции последовательно проводится принцип гражданского равноправия и равных прав народов. Во-первых, все народы России определяются как государствообразующие, хотя отмечается историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны. Именно через эту культурную систему граждане России независимо от этнической принадлежности способны в полной мере реализовать свои социальные возможности и политические права. Концепция тем самым не ориентируется на культурный и политический изоляционизм, как тормозящий фактор модернизации.

Во-вторых, концепция ставит ограничители для местных этнократий и нарушений прав человека на основе этнической дискриминации.

Наконец, концепция, чтобы избежать градации граждан на разно-статусные категории по этническому признаку, крайне ограничено использует понятие «меньшинства». Это не для того, чтобы обойти проблему мирового значения, зафиксированную в ряде международных деклараций. Международное понятие «меньшинства» – это все численно не доминирующие в государстве группы, то есть, строго говоря, к ним должны быть отнесены все нерусские народы. Для них международно-правовыми документами предусматриваются разнообразные права, но они никак не идут дальше куль-

турно-образовательных и антидискриминационных. Едва ли резонно зачислять в категорию меньшинств чувашей, татар, якутов, осетин и другие народы, имеющие территориальную автономию и мощные культурные институты. А если оставить в этой категории только всех других (без «своей» государственности), то получается абсурд. Для коренных малочисленных народов (главным образом, народов Севера), которые проживают в особых экологических средах и сохраняют традиционное хозяйство, необходимы другие подходы. Концепция приводит их в соответствие с международными требованиями. В итоге среди претендентов на статус «меньшинства» остаются главным образом представители диаспор крупных народов (украинцы, армяне, азербайджанцы и другие), а также дисперсно-расселенные народы (евреи, греки, корейцы и другие), которые находятся далеко не в приниженном положении. А ведь именно в приниженном статусе и необходимости особой защиты заключается суть доктрины меньшинств. К тому же в стране сохраняется традиция негативного восприятия категории «нацмен», и не хотелось бы ее возрождать ради соответствия международному словарю.

От того, с каким исходным инструментарием работает экспертиза, зависит корректность последующих политических действий. Неадекватная научная доктрина, перейдя в сферу практики, может вызвать к жизни явления, называемые «ложной этничностью».

Итак, с 1996 г. в Российской Федерации существует официальная концепция государственной национальной политики. При всей важности обозначенных ею ориентиров наивно полагать, что реальный политический ориентир должен испытать жесткое ее «направляющее» воздействие. Остается один, довольно большой вопрос: чем должна быть построена концепция?

Самое важное из всего комплекса межэтнических проблем – обеспечить предотвращение конфликтов, ибо они делают уже особенно бессмысленной, запаздывающей и в чем-то даже лицемерной разработку программных стратегий. К тому же прессинг открытого конфликта заставляет политиков не думать и действовать в категориях лет и десятилетий, а вести счет неделями, днями или даже часами, работая на ближайший результат. В этой ситуации о некоей общей идеологии и стратегии говорить вообще не приходится: Поэтому в нынешней ситуации не меньшее значение имеют стратегии среднего и низшего уровня, а также техника претворения в жизнь идеологических договоренностей или законов. Если последние провозглашают равенство всех граждан, а также равноправие

народов в едином государстве, тогда встает один кардинальный для конкретной политики вопрос: есть ли смысл в ситуации, когда советское государство и без того десятилетиями насаждало и конструировало жесткие этнические границы и во многом строило на этом управление страной, включая как этнические репрессии, так и этнический фаворитизм, продолжать стратегию этнополитического партикуляризма и фиксации социальных группировок данного типа в ущерб не менее важным усилиям по утверждению общегражданской лояльности, а значит, и общероссийской общности или нации?

Как известно, государства существуют не по причине писанных конституций, охраняемых границ и международного признания. Они есть тогда, когда существует не только представление об этом государстве, но и лояльность ему со стороны граждан⁹. Точно так же известно, что общества различаются не степенью культурного многообразия, а тем, какое имеет значение этим различиям. Вопрос о регулировании межэтнических отношений в странах бывшего СССР не может рассматриваться вне важной цели формирования общероссийской, общеукраинской, общемолдавской или общеказахстанской идентичности. Именно по этой причине, будучи последовательным сторонником политики культурного многообразия и плюрализма, автор настоящей статьи высказывает определенные предпочтения в пользу более важного в данный момент интеграционистского подхода. Дело в том, что смертоносные конфликты сегодня возможны не только внутри полиэтничных обществ, но и между полиэтничными обществами-государствами. Да и внутренние конфликты в постсоветских государствах происходят не от напряженного состояния этносов, а от слабости и расколотости гражданских общностей.

Этим вопросом не снимается проблема обеспечения и поддержки различных этнических культур и прав народов. Дилемма в том, что оба эти вопроса взаимосвязаны, и нужно найти баланс между интегративностью и групповой отличительностью. Какие здесь главные проблемы?

Прежде всего, это вопрос о государственном устройстве. Федерализм является наиболее адекватной формой организационной структуры полиэтничных государств. Россия в этом плане демонстрирует наиболее последовательную позицию, оставаясь пока единственной из 15 государств Федерацией.

Но проблема федерализма в России – это теперь преимущественно повседневная практика. «Этнический федерализм», что примерно равнозначно употребляемому понятию «этно-территориальная автономия», реально существует. Он бази-

руется на том, что население определенной автономии представляет собой гомогенную этническую общность или хотя бы значимое большинство данного населения. В этом случае как общефедеральная, так и внутрифедеральная государственность не приходят в противоречие с этническим фактором, то есть с этнокультурным составом населения. Но это требует совершенно особой концепции гражданственности.

Ситуация осложняется тем, что российские республики являются полиэтничными, в большинстве из них титульная группа составляет этническое меньшинство или же имеются две или несколько титульных групп. Границы республик в свое время оформлялись с учетом не только состава населения, но и экономических и политических факторов, главным образом в пользу этих республик, учитывая политическую установку на ликвидацию отсталости «национальных окраин». Процесс демократизации выявил доктринальные тупики прошлой политики. Современное политическое творчество находит новые, более демократические формулы. Идет поиск разрешения этих противоречий. Республики (как население, так и политические элиты) предпочли сохранить свой главный капитал – территории с их ресурсными возможностями. Ни одна из титульных этнических групп не выступила с проектом сокращения территорий для приведения их к этнической гомогенности. Почти во всех декларациях о суверенитете и в конституциях республик была найдена примерно одинаковая формула: основой государственности и источником суверенитета и власти в республиках является проживающий в ней народ¹⁰.

Эта формула позволяет развивать общедемократические формы управления у республик, хотя явление узурпации власти в республиках в пользу одной из этнических групп имеет место, что составляет один из наиболее конфликтогенных факторов в жизни современной России. Возможности для сохранения межэтнического баланса, в том числе в сфере распределения власти, в республиках сохраняются. Их конституционные основы и накапливающийся неформальный опыт достижения согласия позволяют это сделать.

Существует также другой кардинальный вопрос, вернее, дилемма этнического федерализма: как в условиях рынка и демократии (то есть этническая принадлежность не может быть причиной, как дискриминации, так и особых преференций) все же обеспечить отличный этнокультурный профиль государственных автономных образований (часто при демографическом меньшинстве титульной группы) без изменения их территориальных границ? Этот профиль («нацио-

нальный облик») республик является важнейшим (символическим, реальным) фактором сохранения групповой целостности не доминирующих в стране культур.

Представляется, что в республиках должны фиксироваться и отражаться в государственных институтах одна, две или более (Дагестан) предпочтительные или референтные этнокультурные системы наряду с доминирующей на уровне всего федеративного государства культурной системой, русской или, точнее, русскоязычной культурой. Другими словами, пропуск для участия в управлении республикой обеспечивает не этническая принадлежность, а представительство в местной культуре (наряду с возможным цензом оседлости).

Следует подчеркнуть, что наличие этнического компонента в российском федерализме предполагает возможность асимметрий. Не может быть и равенства между республиками. Предложения по распределению власти по групповому этническому принципу в варианте демократии согласия¹¹ вызывают сомнения, хотя консоциальность как дополнение к механизму представительной демократии в России необходима.

Во-первых, для осуществления предлагаемых процедур распределения власти по данному принципу необходимо выявление границ этнических групп. Хотя в СССР каждый гражданин в паспорте носил своеобразную прописку в одной из групп, на деле эти границы являются не столь жесткими, как в обществах, где их усиливают расовые различия, реальная разделенность по разным конфессиям и т. д. Кроме того, в России сохраняется высокий уровень смешанных браков. Предлагаемые процедуры поставят в сложное положение десятки миллионов людей, могут привести к появлению настоящих этнических партий, а также и трудовой сегрегации.

Во-вторых, в современной России менее 50% нерусских проживает в территориальных автономиях, а в «своих» – еще меньше (10 млн из 28 млн человек). Таким образом, через этнический федерализм решается только часть проблем распределения власти в пользу недоминирующих.

Отсюда вывод: распределение власти в полиэтнической стране не покрывается федерализмом, а должно решаться через экстерриториальные формы на уровне всего государства – как его Центра, так и региональных местных сообществ. Но в России уже реабилитирована доктрина экстерриториальной национально-культурной автономии. Принятый в июне 1996 г. закон дает надежду на успех распределения власти ради сохранения и развития ее культурного многообразия. Надо учитывать, что в настоящее время закон предусматривает право на политиче-

ское представительство и даже на законодательную инициативу через этнокультурные ассоциации и другие коалиции.

Критики интеграционистского подхода иногда несправедливо отождествляют его с ассимиляторомством. Так, авторы книги «Национализм и рациональность»¹² ставят интеграционизм в один ряд с такими методами упразднения различий, как геноцид, насильственные депортации и т. п. Кстати, в России особенно старшее поколение ученых и политиков или сторонники ультранационалистических взглядов также отвергают интеграционистский подход. Одни видят в утверждении общероссийской, общереспубликанской общности и лояльности попытку насадить новый вариант «единого советского народа» или региональный сепаратизм; другие считают, что это может подорвать чистоту и статус главной «государственнообразующей» нации – русских.

Противники интеграционизма не учитывают два принципиальных момента. Во-первых, речь идет об интеграции, включающей межэтнические коалиции для пользования властью на гражданской основе. Во-вторых, интеграционизм в современном мире стал и элементом культурных систем. Культура каждой отдельной группы по сути плюралистична и включает в себя элементы заимствований. Возрождение некой утраченной нормы для этнических культур – утопия, ибо такой нормы в ее чистом виде не было и в прошлом.

Демократия согласия и распределение власти между группами возможны как часть интеграционистской практики, осуществляемой только через фиксированные нормы, через неформальные договоренности.

Как же распределять власть в Центре в полиэтничном государстве? Необходимо учитывать, что рекрутируемые в центральную власть представители этносов вливаются, как правило, в единый клан высшей бюрократии и могут быть не меньшими централистами и великодержавниками, чем этнические русские. Инкорпорация в высшую бюрократию ослабляет и даже может элиминировать этническую ориентацию, а некоторые представители этносов могут намеренно в целях демонстрации личной лояльности и укрепления выступать за жесткую государственность. Здесь существует серьезная проблема личностного и психологического уровня.

Главная слабость консоциальных (групповых) подходов в распределении власти в полиэтничных обществах состоит в том, что они исходят из позитивистских представлений о гомогенности этнических групп и априорной этнической лояльности их элитных представителей. «Служение нации» и «борьба

за интересы своего народа» часто могут быть лишь средством достижения власти и авторитета. Этнический фактор в политике не только служит средством мобилизации, но и выступает в качестве, как капитала политического торга, так и аргумента при переговорах с другими членами политического клуба.

Ученые склонны обращать внимание только на два институциональных уровня политики – принципиально-декларативный и уровень реальных практик и процедур. Но есть еще один уровень, который политическая антропология только начинает осознавать как предмет изучения¹³. Это уровень неписаных и негласных представлений, поведенческих норм, включая систему неформальных связей и личностных контактов.

Отечественная академическая традиция также способствовала утверждению приоритета взаимоисключающей этнической идентичности. Этнографическая наука со своей стороны помогла категоризации этнических границ, абсолютизируя гомогенность и значимость этнокультурных сообществ. Интеллектуальный этнонационализм при такой поддержке обрел причудливые формы как изоциренных схоластических конструкций, так и паранаучных построений о «подразделениях этноса», «субэтносах», «метаэтносах» и т. п., которыми и питается постсоветский этнонационализм.

Весь его язык фактически заимствован из этнографических и исторических текстов, включая также основополагающие понятия, как «жизнь или вымирание этносов (наций)», «этническая территория», «коренная нация», «национальные движения (возрождение народов)», «национальный вопрос», «межнациональные отношения (конфликты)», «национальность», «родной язык», (как язык национальности) и т. п. Ни одно из этих понятий в мировой науке не используется в качестве категорий, а если и используется, то исключительно в гражданско-политическом контексте: «национальность» как гражданство, «национальная политика» как политика государственных интересов.

Большинство этих категорий с научной точки зрения уязвимы или просто бессмысленны, а с общественно-политической точки зрения порождают тушиковые стратегии. «Этнось», «суперэтнось», «субэтнические группы», «национальные группы» и многие другие неизвестные мировой науке понятия и категории, тем не менее, вошли в язык постсоветской политики, провоцируя конфликтность и делая невозможным принятие даже минимально необходимых законов, обеспечивающих интересы и права граждан, основанные на осознании или принадлежности к той или иной культурной общности.

Учитывая все это, постсоветский национализм (точнее, этнонационализм) следует определить как доктрину и политическую практику, основанную на понимании нации как формы этнической общности, обладающей членством на базе глубоких исторических и других объективных характеристик, и на проистекающем из этого коллективного членства праве обладания государственностью, включая институты, ресурсы и культурную систему. Все трудности с определением понятия «нация» связаны не со сложностью материи, а с эпистемологически неверной посылкой придать значимость объективной категории по сути пустому, но ставшему эмоционально влиятельным термину, за исключительное обладание которым состоялись две несовпадающие формы группировки людей – государство и этнокультурная общность.

По убеждению автора статьи, нация – это политический лозунг и средство мобилизации, а не научная категория. Стоящая почти из одних оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки. В этнокультурном смысле понятие «нация» утратило в современном мире всякое значение и стало фактически синонимом этнической группы. Сегодня «нациями» называют себя лидеры даже самых немногочисленных этнических общностей.

Представляется, что применяемое в государственно-политическом значении понятие «нация-государство», или «национальное государство» («nationstate»), также является одной из грандиозных мистификаций. Всякие попытки разделить политическую карту мира на государства-нации и государства-не нации вызваны упрощенными представлениями о внешнем мире, о степени этнической гомогенности других государств и преувеличенным представлением об «уникальности» собственных стран. То есть это вопрос интеллектуальных дебатов, а не вопрос о реальном типе государственных сообществ.

Серьезным препятствием на пути утверждения гражданского национализма (или российского патриотизма) является не столько национализм нерусских народов, сколько национализм от имени «русской нации» как некой «государствообразующей» или «сплачивающей нации, да еще превращающейся в некий «суперэтнос». Кстати, категория «русская нация» в ее этническом смысле – сравнительно недавняя элитная конструкция. Никто за всю историю государства не ставил перед собой цель изложить «русскую идею на языке законов России», как это сделал Комитет по геополитике Государственной думы, организовав специальные слушания по данной теме в октя-

бре 1996 г. Рекомендации этого комитета прямо направлены против использования терминов «россияне» и «российский народ», как «неологизмов», и требуют их замены на «русских» и «русский народ». Самоопределение русской нации на основе принципа «вся Россия для русских» и воссоединение русской нации представляются наиболее насущными политическими задачами. Это крайне невежественные и провокационные взгляды. До сих пор подавляющее большинство российских граждан, считающих себя русскими, вполне обходятся не менее достойным термином «народ». Государство – это не только границы, институты и правовые декларации, но и то, что в качестве представления существует в самих людях.

Собственно говоря, если учитывать уже выполненные представительные и многократные этносоциологические замеры, такая доминирующая форма идентичности и лояльности в России существует, несмотря на частичность и растущий культурно-региональный партикуляризм¹⁴. Вот только выразить этот феномен в грамотных и политически ориентированных формулах наше обществоведение и больная политика до сих пор никак не могут.

По-видимому, в России пришло время устранить лексику этнонационализма, хотя бы из языка науки, и перейти к общеразделяемым методологиям и терминологиям, в том числе и к более глубокому и чувствительному пониманию феномена этничности. Последнее есть сложный комплекс характеристик, чувств и индивидуально-коллективистских стратегий, не разобравшись в котором академическое сообщество порождает не только общественную нетерпимость, плохое управление и трагические коллизии, но и неоправданные антагонизмы в собственной среде.

---

* Статья была опубликована в сборнике «Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений». М., 1999.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

При всем разнообразии и обилии рассуждений о русском национализме, как в России, так и на Западе сами эти рассуждения отличаются порой крайностью взглядов, сильной эмоциональной окрашенностью. По существу, не проявлено объективного понимания проблемы. До сих пор не выяснено, что собой представляет этот национализм в сегодняшней России, каковы его социальные и политические, а по существу исторические корни, имеются ли они в действительности, какова связь таких общественных настроений, как патриотизм и национализм. Сколь опасен для России и остального мира русский национализм и насколько он реален, какова его взаимосвязь с иными националистическими, в частности антирусскими, движениями современной России и каковы исторические корни этой взаимосвязи? И, наконец, какие слои народа или народ в целом являются носителями идей национализма в России? Только ответив, хотя бы приблизительно, на эти вопросы можно подойти к пониманию такой безусловно важной и актуальной проблемы.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что Россия с самого своего рождения как государство являлась всегда многонациональным конгломератом. Уже Древняя Русь IX – начала XIII вв. объединяла более 20 различных народов¹⁵. Здесь жили угро-финны, балты, тюрки, иранцы. Часть из них вошла в состав Руси естественным путем, соседствуя и живя бок о бок со славянскими племенными конфедерациями, все они боролись против общих врагов. Так, известно противоборство новгородских славян совместно с местными балтскими и угро-финскими племенами против насильников варягов. Позднее жившие на территории Руси тюрки и угро-финны, обитавшие в междуречье Волги и Оки, совместно с руссами противостояли татаро-монгольскому нашествию. А далее в состав Владимиро-Суздальского княжества и Московского государства вошли земли, также населенные многоязычными народами, которые ранее входили в состав Древней Руси¹⁶. С XVI–XVII вв. Русское централизованное государство включает в свой состав татарские поволжские ханства и Сибирь, часть Северного Кавказа, населенные многочисленными народами, а также территорию Украины. Наконец, императорская Россия завершает формирование многонационального государства,

включая в его состав Закавказье, Среднюю Азию, Прибалтику, юго-западные окраины, Польшу и Финляндию.

Часть этих регионов и народов вошла в состав России насильственным путем, часть – добровольно, но во всех случаях это вхождение имело драматический характер для того или иного народа, означало серьезную перемену в его исторической судьбе.

В этих уникальных геополитических условиях постепенно соседствовали, переплетаясь в политике и практике России, определенные черты интернационализма и традиционного официального национализма, свойственного всем крупным государственным образованиям, как средневековья, так и нового времени. Все российские правительства от глубокой древности до XX в. вынуждены были проводить весьма осторожную и гибкую национальную политику, для того чтобы сохранить единство огромного многонационального государства, позднее огромной империи.

Традиционно насаждая свою администрацию, и Древняя Русь, и Москва, и Петербург опирались в национальных районах на местную знать, приближали наиболее ярких и способных ее представителей к трону. Выходцы из балтской и тюркской среды, позднее из Грузии, Армении, Украины, Бессарабии, Прибалтики, Финляндии, с Северного Кавказа занимали периодически высокие посты в российском руководстве, в правительстве, армии, в царской свите. Царская администрация, по существу, не распространила крепостное право на большинство национальных районов России, оставив эту «привилегию» за русским крестьянством. Сохраняла она и конфессиональные особенности национальных районов.

Веротерпимость была традиционна для России, хотя это не исключало активной миссионерской (и порой весьма воинственной) деятельности православной церкви. По существу, с XVI по XX вв. Россия выработала стройную систему административного управления национальными районами, примераясь к особенностям, традициям, обычаям, верованиям и даже уровню экономического и политического развития того или иного региона¹⁷. Достаточно вспомнить конституционное устройство Польши и Финляндии в составе абсолютистской России в первой четверти XIX в., у истоков которого стояли Александр I, М. М. Сперанский, Н. Н. Новосильцев¹⁸, или прогрессивные реформы П. Д. Киселева в 20-е годы XIX в. в Молдавии и Валахии, одобренные Николаем I¹⁹.

В условиях подобной политики русскому национализму, то есть линии на преимущественное положение русской нации

среди других наций России, на подавление прав других наций и народностей, практически не находилось места. Даже в известной формуле «православие, самодержавие, народность», в теории «официальной народности» не нашлось места для тезиса об исключительности в рамках империи русской нации²⁰.

Говоря о том времени, Герцен отметил, что это был удивительный период внешнего политического рабства и внутреннего интеллектуального освобождения. Апелляция идеолога «официальной народности» графа С. С. Уварова к «русским традиционным институтам» включала и основные принципы национальной политики²¹, хотя, конечно, реальная власть великорусской правящей верхушки вносила свой «насильственный» колорит в отношения метрополии и национальных районов, что порождало многочисленные и острые конфликты на национальной почве: бунты, восстания, убийства русских чиновников и т. д. Конечно, при этом нельзя игнорировать тот факт, что в ряде регионов России, несмотря на их добровольное вхождение в состав России (Украина, Грузия, Армения, Казахстан и другие), не говоря уже о насильственно присоединенных территориях (часть районов Северного Кавказа, в том числе Чечня, Средняя Азия, узбекские ханства), постоянно «тлели угли» местного национализма²². Эти «угли» порой приводили к крупным национальным пожарам, что вызывало ответную реакцию властей, приводило к тяжким репрессиям.

Наконец, необходимо сказать и о том, что национальная политика российского правительства лишь в малой степени вовлекала в свое русло широкие слои народа. Российское крестьянство, жители больших и малых городов с древности привыкли жить рядом с представителями иных, также коренных для России, народов, они вместе трудились, противостояли врагу. Это приводило к тому, что в народной среде развивался стихийный интернационализм, что находило адекватный ответ и среди иных народов в составе России.

Таким образом, можно определенно сказать, что в России геополитические условия существования страны не способствовали развитию русского национализма, обращенного на другие народы России. Националистические настроения скорее сохранялись среди определенных слоев национальной верхушки, утратившей свои былые привилегии в составе России, части национальной интеллигенции по мере развития национального самосознания этих народов, их вступления в общецивилизованное русло развития, стесненных потерей своей политической независимости. Со стороны России это выражалось, скорее всего, в преимуще-

ственном положении православия как государственной религии среди других конфессий.

Наряду с этими интернационалистскими и националистическими чертами, тесно переплетенными и обращенными внутрь страны, существовали иные национальные тенденции. Я бы назвал это «оборонительным национализмом». Известно, что Древняя Русь, затем Московское государство сформировались позднее, чем иные крупные государственные образования своего времени. Основные торговые пути, выходы к морям были давно и прочно заняты соседями – Византией, Польшей, Германской империей, Золотой Ордой, позднее Швецией, Турцией, Крымским ханством, Поволжскими татарскими ханствами и т. д. Это приводило к тому, что и Русь, и Московское государство долгими веками постоянно дискриминировались и в сфере экономики, и в сфере политики. В свою очередь, это обстоятельство вызывало активное стремление и Древней Руси, и Московского государства к самоутверждению, повышению своего международного престижа, к борьбе за государственную титулатуру, к собиранию под свою руку прежде принадлежащих земель, к формированию концепций, соответствующих этим государственным интересам. Не случайно в XI в. появилось знаменитое «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в котором он с гордостью обозревает исторический путь Руси, равной по своему значению другим государствам мира²³. Не случайно позднее складывается концепция преемственности Древней Руси, Владимиро-Суздальской Руси и Московского государства, а потом формулируется идея «Москвы как Третьего Рима»²⁴, не случайно русские летописцы XV–XVI вв. ведут родословную Рюриковичей чуть ли не от императора Августа. В этих подходах немало стандартного, свойственного идеологиям и другим средневековым государствам, но немало здесь и чисто российских политических комплексов.

Параллельно с этими тенденциями и почти одновременно с ними и Русь, и Московское государство вынуждены были отчаянно бороться против натиска степных кочевников – наследия далеких скифско-сарматско-гуннско-аварско-хазарских времен – против печенегов, половцев, позднее татаро-монголов. Это была вековая изнурительная борьба, в которой истощались силы народа, утрачивались лучшие земли, разорялись города и села, а русские столицы неоднократно подвергались осадам, штурмам и пожарам. В этих условиях на Руси закономерно складывались национально-патриотические настроения, отраженные в фольклорной и литературной тра-

дициях, кульминацией которых стали бессмертные «Слово о полку Игореве» и лирически-горделивая «Повесть о погибели русской земли». Глубоко патриотическое начало звучит в летописях XII–XV вв., в «Поучении» одного из видных деятелей Древней Руси, великого киевского князя Владимира Мономаха. Появляется знаменитая «Задонщина» – повесть о борьбе русского народа с татаро-монголами в XIV в. и его победе на Куликовом поле.

Если политические претензии Руси-Московии носили в основном государственно-идеологический характер, то патриотические мотивы имели глубоко народную основу. В тяжелых условиях борьбы народа за выживание развивалось русское национальное самосознание, спаянное с глубоким народным национализмом.

Несомненно, что эти тенденции вели к формированию национальной идеологии. Однако это был национализм, обращенный не внутрь страны, не по отношению к населявшим ее народам (тем более что, как уже подчеркивалось, основы для такого рода национализма в народе практически не существовало), а вовне страны, по отношению к ее исконным внешним врагам. Борьба с татаро-монгольским игом в течение веков стала основным стержнем русского самосознания. Эти характерные исторические черты русского национализма, замешанного на патриотизме, на национальном ущемлении и страданиях народа, сохранились и позднее, уже в пору формирования Русского централизованного государства, и в XVII в., в послесмутное время.

XVI–XVII века прошли в суровой борьбе за овладение торговыми путями по Волге, за сокрушение вечных противников – осколков Золотой Орды – Казанского и Астраханского ханств, за овладение выходом к Балтике. Москва шла в наступление, началась великая российская экспансия на Восток и Северо-Запад, бывшая логическим ответом на давление Востока и католического мира на русские земли. Смута, нашествие поляков и шведов всколыхнули победно патриотическую волну в России. Не случайно спасителем России, освободителем Москвы в 1612 г. от интервентов стало народное ополчение во главе с народными же героями Мининым и Пожарским.

Но в то же время со времени создания единого государства с центром в Москве, затем в период его стабилизации уже в послесмутное время формировались и иные стороны русского национализма, вдохновляемые державными претензиями царской власти, боярско-дворянских группировок. От обороны Россия переходит к экспансии, от возвращения своих искон-

ных земель – к завоеванию новых территорий – в Сибири, на Юге (Крым, Молдавия, Валахия). Такого рода политические тенденции стали основой для складывания русской самодержавной националистической идеологии, которая уже обращается не только вовне страны, но и внутрь ее. В императорской России уже имеет место четкое разделение на русских и инородцев. И по мере укрепления абсолютистского государства и его унитарных черт, стеснения былой вольности народов (например, Украины, Грузии, Азербайджана) эта разница обозначается все более и более четко. Былая ненависть к латинству и «бусурманству» как носителям антирусских геополитических традиций и опора на православие как на силу национально-патриотическую превращаются в императорской России в великодержавную формулу «православие, самодержавие, народность», которая, как уже отмечалось выше, несла в себе скорее автократические, нежели националистические, начала. Именно эта формула стала основой российского государственного национализма. Этому способствуют и некоторые политические тенденции внутри страны в XVIII–XIX вв., такие, как борьба с «бироновщиной» – засилием немцев в русской правящей верхушке, завершившаяся переворотом, совершенным «русской партией», который возвел на престол дочь Петра I – Елизавету. К этому же относится и борьба против немецкой ориентации Петра III, и новый переворот под русскими знаменами, который привел к власти правительство Екатерины II, чьей идеологией официально становится русский национализм.

Но и в XVIII и в XIX вв. государственно-националистические тенденции в России охватывают лишь верхушку российского общества, которая причудливо сочетала в себе низкопоклонство перед Западом и русскую доморощенную спесь. Народ – миллионы крепостных, государственных, удельных крестьян, работные люди, городские ремесленники были весьма далеки от этих настроений. Можно со всей определенностью утверждать, что в нашем распоряжении нет материалов, которые бы говорили о массовом распространении националистических настроений в народной среде. Напротив, там сохранялись стихийный интернационализм, спокойное, дружеское отношение к инородцам – татарам, украинцам, грузинам, латышам, якутам и т. д., которое зародилось в этом многонациональном, унитарном по своему характеру государстве в глубокой древности. Точно так же отсутствовало и враждебное отношение к другим народам мира, хотя испокон веков на Руси было настороженное отношение к немцам – не только как к ближайшим носителям

иной, западной культуры и религии, но и как к нации, постоянно агрессивно устремленной на Восток. Характерно, что даже война с Наполеоном и Крымская война стали в России лишь эпизодами в развитии национального самосознания, но «ледовая» победа Александра Невского над тевтонцами, война с Ливонским орденом вошли прочно в душу народа. И эти чувства были подкреплены в дальнейшем в ходе первой мировой войны и схватки с германским фашизмом.

Самое главное, в народе не было ни малейшего признака чувств расового превосходства русских по отношению к другим народам России и мира, что определяет основную черту шовинизма, расизма и воинственного национализма, хотя необходимо признать существующее в народной среде чувство эдакой бытовой дружелюбной снисходительности по отношению к представителям некоторых национальностей, попадающих в русскую народную стихию.

Вторая половина XIX – начало XX в. резко изменили ситуацию в стране. Мощные социально-экономические и политические процессы нового времени подтачивали устои прежней империи. Близилась революционные потрясения. Народы России, лишённые по разным причинам своей государственности и не прошедшие определенных историей цивилизованных ступеней развития, устремились на путь самостоятельною решения своих исторических судеб.

В этих же условиях верхи российского общества обратились к рычагам национализма как к панацее против поднимающих голову национальных движений народов страны, против революционных сил разных направлений. С конца XIX в., но особенно определено в ходе революции 1905–1907 гг. и в послереволюционное время консервативные силы, близкие к трону, выдвигают лозунги незыблемости самодержавия как исконной русской формы правления, стабильности системы помещичьего землевладения, единой и неделимой России, борьбы против пагубных общественных перемен и настроений, воинствующего православия и религиозной нетерпимости, великодержавного шовинизма и антисемитизма, ксенофобии²⁵.

Одновременно националисты (и об этом также надо сказать откровенно) вели критику правительства, настаивая на борьбе с бюрократией, ратуя за уравнивание прав всех сословий, за сохранение общинного землевладения, развитие страхования рабочих; некоторые из них активно поддерживали реформы Столыпина.

Создаются националистические организации: «Союз русского народа», «Объединенный русский народ», «Русский на-

родный Союз имени Михаила Архангела». Именно в начале века зазвучали слова, которых не знала ранее Россия, о защите русского народа от инородческой опасности, о том, что Россия представляет собой осажденную инородцами крепость, что Россия должна принадлежать русским²⁶ и т. д. Но что характерно – националистическая истерия не затронула широких слоев народа. Под этими знаменами шла часть духовенства, дворянства, купечества, некоторые слои городских обывателей.

Скажем, «Союз русского народа» насчитывал 350 тыс. человек, «Русский народный союз Михаила Архангела» – около 60 тысяч. Это было немало, но в стране обитали десятки миллионов людей. Трудовой народ остался глух к этим настроениям. Любопытно, что на выборах в I Государственную думу в 1905 г. от монархических правых партий прошло лишь 9,2% выборщиков, а черносотенцы получили 6,1% голосов выборщиков, хотя избирательная система дискриминировала крестьянство и городские трудовые слои и отдавала преимущество тем социально-политическим силам, которые могли поддержать националистические призывы²⁷.

Думается, что традиционно интернационалистские настроения народа сыграли свою роль в этих процессах, оставив националистов без широкой массовой опоры. Однако националисты выступали хотя и немногочисленным, но сплоченным фронтом. Их пропаганда, насильственные действия, в частности еврейские погромы, спровоцированные ими столкновения между армянами и азербайджанцами и другие акты имели широкий общественный резонанс и придавали времени определенную националистическую окраску.

В первые революционные и послереволюционные годы национальные отношения резко обострились. Во-первых, русское националистическое движение нашло себе дополнительную опору в катастрофическом для старой России коллапсе страны: разрухе, утрате всех старых общественных ценностей, отпадении от России веками собираемых национальных территорий. По существу, большинство «белых» антибольшевистских движений выступало не только под реставрационно-монархическими или буржуазно-демократическими лозунгами, но и под лозунгами националистическими. Сохранение единой России, возрождение ее территориальной целостности были маниакальной идеей правительств и Колчака, и Юденича, и Деникина, и Врангеля. Но надо объективно признать, что этот всплеск русского национализма имел весьма специфический характер. Он снова был вызван тяжелым положением страны, утратой ее прежних приоритетов, горькими

размышлениями о судьбах Родины, как их понимали дворянство, чиновники, офицерство, православное духовенство, предпринимательские слои, благополучный обыватель, зажиточное крестьянство – все, кто был сметен с общественной арены большевистской революцией. Одновременно наблюдался взрыв национализма в «инородческих» регионах России. На развалинах рухнувшей империи создавались националистические правительства, множилась и совершенствовалась националистическая, зачастую антирусская и, естественно, антибольшевистская пропаганда, поскольку большевики сразу же фактически выступили политическими наследниками центральной власти в России, несмотря на свои интернационалистические лозунги.

Сложность ситуации заключалась и в том, что события резко окрашивались в социальные тона. И в России, и в национальных районах одновременно шла борьба «белых» против «красных», сторонников старого общественного устройства с апологетами левых, социалистических сил, с низами народа. Все это придавало националистическим настроениям крайне запутанный характер. Однако попытки создать российские фашистские партии в Маньчжурии в 1920–30-е гг. и в США в 1930-е гг. окончились полным фиаско, не говоря уже о том, что такие же попытки в России оказались обреченными на полный провал²⁸.

Что касается большевистской России, то ее революционно-интернационалистический дух формально был вполне очевиден. После победы большевиков в гражданской войне подавление как великорусского шовинизма и национализма, так и местного национализма, кажется, стало одной из главных задач новой власти. Однако история жестоко посмеялась над большевиками: будучи теоретическими интернационалистами, именно они стали полноправными великодержавными наследниками старой власти и создали, особенно с приходом к руководству Сталина, мощное унитарное государство, прикрытое лишь флером национальной самостоятельности советских республик. Создание такого государства, воплотившего в себе территориальные контуры старой империи, сопровождалось тяжкими репрессиями национально ориентированных лидеров советских республик, несмотря на их ленинскую правоверность, департациями народов как в 1930-е, так и 1940-е гг.²⁹ Поэтому вполне логично, что со временем сталинское руководство прочно вступило на позиции великорусского шовинизма, проводя его, однако, скрыто и осторожно, стараясь не раздражать население национальных регионов страны.

Вместе с тем наивными и антиисторичными представляются попытки поставить на одну доску германский фашизм и советский тоталитарный режим. Последний был во сто крат более жестким, грубым, беспощадным, но их социальная природа была различной. Немецкий расист, бюргер, обыватель не смог дойти до той степени социальной ненависти, до которой дошли в Советском Союзе рабоче-крестьянские массы, люмпенизированные слои города и деревни во главе с подобными же себе вождями. Но при всей жестокости режима, которой, видимо, не знал мир (потому что нигде в мире низы не имели до этого возможности создать общество по своему образу и подобию, как и практику расправы с неугодными социальными элементами), его нельзя назвать режимом фашистским, так как в нем начисто отсутствовала сердцевина фашизма – расовое превосходство одной нации над другой и уничтожение целых народов по расовому признаку.

Но столь же логичным в условиях подъема советских наций на малокультурной основе было и скрытое нарастание национализма среди населения национальных районов России, так и не прошедших этапа своей государственности или утративших ее в ходе воссоединения с Россией. Эти процессы, будучи политическими по своему характеру, затрагивали лишь руководящую часть советского общества. Широкие народные массы, как в России, так и в национальных районах, особенно не затронутых репрессиями, жили по тем же стихийно интернационалистским законам, которые были установлены на территории России всем ходом истории.

В период ослабления и последующего кризиса тоталитарного режима в России националистические тенденции, носящие во многом антирусский характер, нарастали с каждым годом, о чем свидетельствует установление феодально-коммунистических и националистических режимов Рашидова в Узбекистане, Усубалиева в Киргизии, Кунаева в Казахстане, Мжаванадзе в Грузии, Алиева в Азербайджане. Все в больших масштабах политическая верхушка советских республик, националистически настроенная интеллигенция втягивали в этот поток простых людей³⁰.

Глубокий кризис советского общества во второй половине 1980-х гг., распад Советского Союза в 1991 г. всколыхнули дополнительно националистические настроения, как в России, так и в других больших и малых республиках бывшего СССР. Всплыли старые обиды народов друг к другу, старая интернационалистическая традиция была сознательно и энергично отодвинута в тень. Новые лидеры сделали этнонационализм стержнем своей политики.

В этих условиях почти во всех бывших советских национальных республиках к власти пришли националистические режимы самой различной политической окраски – от тоталитарно-коммунистических до буржуазно-демократических. Во многих из них антирусские настроения были поставлены во главу угла.

К этому времени новый радикально-антикоммунистический режим Ельцина в России в основном ориентировался в своей политике на социально-политические ценности. Национально-патриотические и националистические приоритеты в его политике носили весьма умеренный характер и в основном имели в виду государственный суверенитет России в рамках бывшего СССР. С распадом СССР и этот приоритет померк. Прежние интернационалистические тенденции в политике России, соответствующие настроениям, прежде всего русского народа, взяли верх. Можно определенно сказать, что в первые годы существования нового режима было ликвидировано то несоответствие между лицемерно провозглашаемым интернационализмом и скрыто проводимым великорусским шовинизмом, которое разъедало политику Москвы.

Однако политические события и национальные процессы развертывались в пределах бывшего СССР с калейдоскопической быстротой. Очень быстро повсюду в бывших республиках СССР возобладали, как отмечалось, режимы, основанные не только на националистической закваске, но и на сильных антирусских настроениях. И это было во многом естественной реакцией на насилия тоталитарного режима. Волна национализма обрушилась с окраин на центр бывшего СССР. В тяжелое положение попали миллионы русских, оставшихся за пределами России. Во многих национальных районах бывшего СССР над ними началось подлинное глумление. К этому добавились утрата русскими чувства «великой державы», упадок экономики России, деградация русской культуры, образования, медицинского обслуживания, науки и, наконец, разложение и деградация извечной гордости России – ее армии. Были утрачены былые завоевания, также ставшие гордостью нации, – Крым с Севастополем, Прибалтика, под угрозой потери оказались острова Курильской гряды. За расширительное толкование суверенитета выступили националистически-экстремистские силы в некоторых российских автономных республиках, где русское население стало подвергаться всяческой дискриминации.

Кульминацией этой политики стала антирусская линия чеченского руководства, приведшая позднее к военному противостоянию в этом регионе России. Все это становилось не-

стерпимым для русского населения, как в самой России, так и за ее пределами.

И закономерно, что подъем национально-патриотических настроений в России на этом этапе шел снизу, со стороны народных масс, рабочих, крестьян, широких слоев интеллигенции, служащих, многие из которых стали потерпевшей стороной на новом политическом «полигоне». Активно формировались эти настроения и в армейской среде, с учетом того, что армия как оплот прежнего режима потеряла свой исключительный политический имидж и мощную материальную подпитку и получила ряд сильных моральных ударов в бывших республиках СССР, особенно в странах Прибалтики.

Но пробуждение русского народного национализма и патриотизма, как это всегда бывало в трудные для России годы, не носило наступательный, расовый, великодержавный характер, а имело защитительный и оборонительный смысл. В основе его лежала трагедия русского народа, трагедия русского самосознания.

Политически наступательный, воистину националистический и даже шовинистический характер этим настроениям стали придавать некоторые общественные деятели, лидеры вновь созданных националистических партий и группировок, таких, как «Русское национальное единство», «Народно-социалистическая партия», «Фронт национально-революционного действия», «Корпус стражей православной России», движение «Белый мир», «Национал-демократическая партия» и ряд других, которые появлялись, переформировались, исчезали в первой половине 1990-х гг. В программах этих политических организаций – подъем русского национального самосознания, возрождение России во всех социально-экономических, политических, культурных аспектах, объединение русских для защиты своих национальных интересов, основа на православные ценности, антисемитизм. Некоторые из этих организаций ставят перед собой имперские цели, апеллируют к национал-социализму, борьбе с врагами русского народа, создают собственные боевые организации. В части имперско-патриотической они близко подходят к организациям коммунистической ориентации и соответственно являются их открытыми или потенциальными союзниками. Однако численность этих организаций невелика – от нескольких десятков до нескольких сот человек, и они не имеют широкой общественной поддержки. Характерно, что на всех последних как общероссийских, так и региональных выборах русские националистические организации не имели успеха.

Иное дело ЛДПР во главе с Владимиром Жириновским или движение «Конгресс русских общин». Не имея четко выраженных социально-экономической и политической программ, либеральные демократы и сторонники КРО весьма умело использовали все болевые точки русского населения: его экономические тяготы, неудовлетворенность реформами, политический развал страны, ущемление интересов русского населения за пределами России. Практически и ЛДПР и КРО на первых порах отвечали на многие запросы ущемленного русского самосознания и самолюбия, хотя они и были далеки от националистических крайностей иных экстремистских правых партий. Их национализм был выдержан в старорусском имперском духе времен начала века. В социально-экономическом плане эти движения, если так можно сказать, стояли на позициях национал-капитализма. Однако и их лозунги, и их фразеология носили скорее националистически-защитительный, нежели наступательный, характер, что соответствовало настроению значительной части недовольного русского населения. И все же народ чутко и настороженно реагировал на националистическую направленность программ этих движений и не оказывал им на выборах широкой поддержки, что, на мой взгляд, отразило общую интернационалистическую суть российского общества. В дальнейшем шовинистически-наступательные позиции эти движения постепенно стали сворачивать, оставляя в арсенале лишь то, что импонировало определенным слоям народа. Любопытно, что некоторые из оборонительно-националистических лозунгов сегодня берет на себя и правящее российское руководство, пытаясь выбить здесь инициативу из рук национал-патриотических сил. Война в Чечне, видимо, и была призвана выполнить эту функцию. Как многие правительства «великих держав» в трудных условиях хватаются за соломинку «маленькой победоносной войны»!

Сегодня эти тенденции проявляются в формировании разного рода партий и движений, в названии которых неизменно звучат слова «Держава», «Отечество». Они являются отражением все той же озабоченности общества упадком российских общественных и моральных ценностей, надломленностью российской державности, утратой былых завоеваний, порой совершенно закономерных с точки зрения истории и геополитики страны, достигнутых величайшим напряжением народных сил, сдобренных потом и кровью миллионов людей.

Одновременно в левозкстремистской среде, как и на правом фланге общественного движения, происходят обострения проблем ксенофобии, антисемитизма, которые приобретают

не столько концепционный и политический, сколько бытовой характер, что, впрочем, всегда было свойственно тем слоям населения, прежде всего городского, которые страдали комплексами неполноценности и личной ущемленности. Сегодня эти комплексы подчеркнуты всей изменившейся общественно-политической обстановкой в стране. Увы, уроки истории не идут впрок. И вместе с тем корней для настоящего фашизма с его расизмом, духом насилия в широком плане не существует, залогом чего является вся многострадальная история русско-го народа и многонациональной России.

Ю. Л. Дьяков

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XX ВЕКА

Демократизация и гласность, вскрыв крупные изъяны в национальной политике предшествующего периода истории России, обнаружили реальную картину национальных проблем. Причины многих нынешних бед и трудностей корнями уходят в социалистическое прошлое. Многие народы подверглись по существу насильственной депортации. 2(15) ноября 1917 г. СНК утвердил Декларацию прав народов России, провозгласившую право народов России на самоопределение вплоть до отделения. Это право – одно из действительно фундаментальных прав человека, если, конечно, понимать под национальным самоопределением как раз то, что оно предполагает, – свободное проявление и утверждение этнического начала в жизнедеятельности людей, их добровольных ассоциаций, но не государств. И хотя государство обязано, среди прочих своих функций, защищать и законные интересы этнических общин, но оно, прежде всего, обязано защищать все общины, не деля их на «титульные» и «нетитульные», на «коренные» и «некоренные», то есть пришлые. Государство обязано в первую очередь защищать личность от деспотизма самих общин и выступающих от их лица организаций. Ибо общинный деспотизм, особенно в условиях межэтнических распрей, оказывается не лучше деспотизма самого ярого полицейского государства.

На основании Декларации прав народов России и Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой 12(25) января 1918 г., Россия была провозглашена в качестве федерации. Документ от 12(25) января 1918 г. вошел

составной частью в Конституцию, принятую 10 июля 1918 г. В этой Конституции Советская Российская Республика учреждалась «на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик». То есть в Конституции выделен национальный признак и не упоминались административные единицы в качестве субъектов федерации. Но федерация не складывается одномоментно. Это долгий и сложный эволюционный процесс. Вот почему провозглашение РСФСР явилось лишь формальным актом идеологического свойства, а субъекты этой федерации оставались по-прежнему зависимыми от центра.

Историческая наука, как наиболее политизированная, идеологизированная отрасль научных знаний, была особенно подвержена разрушающему влиянию тоталитаризма. В результате вопросы исследования реального состояния межнациональных отношений оказались деформированными, как и разработка путей преодоления межнациональных противоречий в условиях углубления процесса демократизации уже в наши дни.

В свое время национальные проблемы были переложены на плечи республик, что породило горькие плоды. Тончайшие «струны» национальных чувств, натянутые до предела, стали рваться. Корни же проблемы нужно искать в прошлом, когда тоталитарная общественно-политическая система Советского Союза формировалась и утверждалась как диктатура партии и в тесной связке с ней – диктатура централизованного государства в форме имперского центра.

По Конституции Союз представлял собой федеративное государство, но фактически с 1922 г. страна жила в унитарном государстве (с некоторым федеративным оформлением). До последних лет единство СССР держалось на единстве правящей партийно-государственной олигархии, которая была вне-национальна и в основном враждебна к национальной культуре. Большевики-интернационалисты стремились лишить Россию национальной государственности и тем самым права на историческую память. Они пытались «дозировать» историческое наследие русских, свести его только к классической русской литературе и традициям борьбы с самодержавием. Ничего из этого не получилось.

За первые 20 лет советской власти произошло ленинско-сталинское территориальное размежевание страны по национальному (часто псевдонациональному) признаку. В составе союзных республик возникли еще «четыре нижних этажа» – автономии. Это десятки автономных республик, областей,

округов и национальных районов. Большевики тем самым создали этнократическую империю, разделив народы на пять официальных сортов: союзно-республиканские, автономно-республиканские, автономно-областные, автономно-окружные и национально-районные. Такие формирования на словах были «автономными», а на деле строго подчинялись централизованному государству. Народы самого «без национальных административных границ» не получили из рук властей никакой государственности или автономии, а это более 50 коренных и множество некоренных народов. Но самое главное, ряд союзных и большинство автономных республик являлись искусственными образованиями, ибо коренная нация не составляла в них большинства населения. Воздействовала и «научно обоснованная» тенденция всеобщей нивелировки, постепенного сглаживания различий в правах разных наций.

Народы бывшего СССР получили в наследие национально-конституционную структуру с тенденциями имперской политики «разделяй и властвуй». Жертвами этой политики национального угнетения стали не только малые национальные образования, вошедшие в состав союзных республик по принципу административного подчинения, но и сами союзные республики, и русский народ, ставшие вассалами «центра». В чисто политических целях на карте СССР вместо республик были начертаны некие разновеликие территории, разделенные произвольными символическими границами. В 1990 г. А. И. Солженицын писал: «Карабах отрезали к Азербайджану», тогда, после революции, когда «надо было угодить сердечному другу Советов – Турции». Казахстан, в котором «казахов заметно меньше половины», Солженицын считает искусственно раздутым за счет территории России. К Казахстану просто прирезали часть Сибири, Южного Приуралья, Центральной России³¹.

Все границы между республиками бывшего СССР были произвольно «нарезаны», без всякого соотнесения с этническим составом областей, местностей и их историческими традициями – по политическим выгодам того момента. Так была оторвана Донецкая область от Дона, чтобы ослабить Дон за его борьбу против большевизма. За то же были наказаны уральское и сибирское казачество, а также Западно-Сибирская область, где произошло восстание крестьян 1921 г.

Право на самоопределение – это общепризнанный принцип демократии, он принадлежит к числу фундаментальных принципов международного права и содержится в Уставе ООН.

Национально-административная структура, навязанная большевиками России и СССР, стала источником бесконечных конфликтов, миной, заложенной в фундамент многонационального государства. На основе национального членения нормальное государство не построить. Это возможно лишь на принципе чисто административно-территориального деления. Исторический опыт доказал, что государства, построенные по национальному признаку, – СССР, Югославия, Чехословакия – менее стабильны. Проблемы национальные и территориальные не должны взаимоувязываться. Поэтому путь, когда государственность становится самоцелью, бесперспективен, ибо приоритет национальных прав – для человека, а не для структуры в форме национально-территориальных границ.

Большая часть советских республик возникла вследствие административных решений, принятых «наверху» без учета демократического волеизъявления снизу. В реальной практике, как при жизни Ленина, так и после него, право наций на самоопределение являлось всего лишь декларацией, идеологическим инструментом «решения» национального вопроса, а образование СССР – средством воссоединения прежних национальных окраин распавшейся империи в большевистском государстве. В этой «уступке» национальному принципу в «ущерб» классовому нет ничего загадочного, ибо это был политический компромисс, выбивавший, «kozyри из рук» националистов. Ленин знал, что декларация не означает реализации и на практике никогда не будет осуществлена.

Ленин создал независимые по форме, но абсолютно зависимые от Москвы национальные республики. Так он стремился сохранить бывшую царскую империю, придав ей форму федерации. Но эта задумка провалилась. Ссылаясь на право самоопределения наций, провозглашенное большевиками, нерусские народы в 1918 г. стали объявлять о своем выходе из России и об образовании независимых государств: Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Туркестан, Татаро-Башкирия, Северный Кавказ, Грузия, Армения, Азербайджан.

Провозгласив право наций на самоопределение, гарантировав право выхода из состава Российской империи, большевики снискали симпатии колониальных народов России во время революции и Гражданской войны. Но Ленин жестоко их обманул. Это было лицемерное право на самоопределение с отделением. В 1918 г. была провозглашена независимая республика Азербайджан, а в апреле 1920 г. по указанию Ленина она была оккупирована 11-й армией. В ноябре – Армения. 7 мая между Грузинской демократической республикой и

РСФСР был заключен межгосударственный договор, признающий независимость и суверенитет Грузии.

В период 1917–1920 гг. Украина была захвачена пять раз: один раз – австро-германской армией, один – Белой армией Деникина и трижды – Красной Армией. Сначала Ленин рассчитывал ликвидировать Украинскую народную республику либо через переговоры с Центральной Радой, либо, организовав вооруженное восстание, изнутри. Рада отвергла ленинский ультиматум (декабрь 1917 г.) о капитуляции, опираясь на право самоопределения. Попытка поднять на Украине всеобщее восстание тоже потерпела неудачу. Лишь в Харькове (населенном в основном русскими) большевики 11 декабря 1917 г. провозгласили Украинскую Советскую Республику во главе с украинским Совнаркомом. Этот военно-политический прием не новый в истории, и его пытался осуществить Сталин во время Зимней войны с Финляндией (1939–40 гг.).

В конце декабря 1917 г. по просьбе харьковских мятежников (большевиков) о «братской помощи» Ленин послал на Украину войска, захватившие Киев. Однако 1 марта 1918 г. украинские войска изгнали Красную Армию и освободили Киев. В феврале 1919 г. Красная Армия вторично оккупировала Киев, но весной войска Петлюры изгнали ее из столицы. Летом 1920 г. Красная Армия третий раз захватила Украину, 12 июня Киев пал³².

В дальнейшем Сталин следовал курсу вождя. Прибалтийские республики и Молдавия (как и при Ленине республики Закавказья) были заняты советскими войсками.

Тоталитарный режим являлся сдерживающим фактором развития наций, народов и народностей. Создавалась лишь видимость решения национального вопроса. По существу это было унитарное государство. А корни этого явления в 1918–1920 гг., когда большевики встали на глубоко ошибочный путь создания национальных образований. Границы были фиктивными, фальшивыми. Они не соответствовали ни демографическому, ни экономическому, ни какому другому критерию. Это была трагическая ошибка, усугубившаяся тем, что национальные образования были загнаны «под крышу» имперского централизма. Именно тогда в фундамент государства были заложены «минь» замедленного действия, которые сегодня рвутся то здесь, то там.

Произвольное деление на автономии привело к тому, что каждый народ считает, что он может спастись в одиночку. В СССР десятилетиями накапливались межнациональное недоверие, рознь, вражда, ставшие неизбежной реакцией на

перекосы в национальной политике. Как и любая другая союзная республика, РСФСР, по существу, находилась в колониальной зависимости от центра. Произошли абсолютизация интересов центра, откровенное попрание прав субъектов федерации, пренебрежение их жизненными интересами, отрицание их суверенитета и т. д.

Абхазия и ее коренной народ – абхазы, имея свою многовековую государственность, никогда не жили под диктатом Грузии. Но в годы советской власти Абхазия волевым решением была насильственно присоединена к Грузии на правах автономии. Началось массовое заселение Абхазии жителями Грузии, в результате чего абхазов на своей родине оказалось всего 17%³³. По существу здесь был установлен колониальный режим. Карабах, Южная Осетия, Приднестровье, Таджикистан, Абхазия, Ингушетия – все это негативные последствия конструирования государства по национальному признаку.

Там, где победители произвольно перекраивали границы, при развале империй наиболее острой становилась проблема границ.

Многие дважды покоренные народы – сначала царским режимом, а затем большевиками – потребовали вернуть им волю.

Имперская политика была направлена на «переплавку» всех народов в одном «интернациональном» тигле, с тем, чтобы унифицировать страну, в которой не будет треней по национальному вопросу, легче станет работа аппарата, армии, можно перейти на один язык, один стандарт мышления, создать «одномерного человека», готового работать и отправиться на любые «стройки века». Чтобы любой, самый отсталый солдат понимал команду, а вся страна пользовалась одной и той же документацией, и по указке сверху. Эта нелегкая задача требовала вытравить из людей их историческую память, любовь к родным очагам, «отеческим гробам», превратить их в «Иванов, не помнящих родства». От этого больше всех пострадали русские. Ведь произошло фантастическое оскудение, прежде всего России, русской культуры и русского языка.

Страдали и другие многочисленные народы России. В Казахстане, как и на Севере, в Сибири, создавалась система лагерей. Сюда ссылались «провинившиеся» народы. Именно в Казахстан в начале 1950-х гг. прибыли огромные массы людей (2 млн человек) на освоение целины. Такое «переселение народов» не могло не сказаться на морально-нравственном климате республики. Ведь здесь перемешались не только невинные и энтузиасты, но и уголовные элементы.

Утаивание и забвение исторического прошлого, содержащего и позитивный опыт тюркских единений, и острые противоречия минувших столетий в Средней Азии, привели к взаимному отчуждению людей, к нынешним вспышкам межнациональных конфликтов.

Составление реестра исторических обид, кропотливое и дошное выяснение, кто пришел на ту или иную землю первым, – обязательная претенциозная доминанта всех национальных разногласий. Но такие претензии и споры на их основе бессмысленны. Дело в том, что единой исторической версии событий, единой интерпретации исторических фактов не существует и каждая сторона выпячивает из истории то, что ей выгодно. Справедливых границ не бывает. Почти всегда можно обосновать территориальные претензии.

Важно осознать, что нагнетание атмосферы вражды и страха, попытки сведения исторических счетов между народами бессмысленны, а главное – опасны. На ненависти ничего создать не удастся, можно лишь разрушать.

Накануне Великой Отечественной войны почти 50-и народам СССР были навязаны новые алфавиты, составленные на основе русской графики. Так целенаправленно уничтожалась национальная письменная культура.

Политика центра по отношению к республикам была типичным отголоском самой настоящей колониальной политики. О людях никто не думал. Все же у нас был накоплен опыт решения межнациональных проблем и даже считался надежным.

Как представляется, никакой расовой ненависти и расовой доктрины у коммунистов не было. Они терпимо относились к людям любой расы, если те участвовали в их движении или были просто лояльны. Но кто против них, тот непримиримый враг независимо от расовой принадлежности. Признавалось лишь классовое деление.

В 1936–1937 гг. из дальневосточных областей изгонялись китайцы и корейцы. Они перемещались в Среднюю Азию или за рубеж. Из Ленинградской области были изгнаны финны и эстонцы; в 1937–1941 гг. – поляки из старых и новых областей у западной границы; в 1941 г. за одну ночь перестала существовать Республика Немцев Поволжья; в 1943–1944 гг. произошла расправа с калмыками, чеченцами, ингушами, балкарцами, крымскими татарами, карачаевцами, месхами, болгарами; в 1947–1952 гг. на восток выселяли тысячи литовцев, латышей, эстонцев и западных украинцев³⁴.

Итак, вопросы межнациональных отношений должны занять особое место в исторических исследованиях. Здесь выя-

вились серьезные проблемы, нараставшие постепенно. Оставаясь нерешенными, они «загонялись под почву», создавали предпосылки для будущих противоречий, ссор и открытых вооруженных противоборств. В теории национального вопроса, в научном изучении состояния межнациональных отношений появлялись серьезные проблемы. Мифологизированное сознание создавало ирреальный мир «расцвета наций». Дефинициям «дружба народов», «социалистический интернационализм» был придан парадный характер. Как бесспорную истину официальная пропаганда и историография внушала, что национальный вопрос в стране решен полностью и окончательно. Считалось аксиоматичным, что СССР – союз равных и братских народов. Это действительно было равенство в бесправии, в отсутствии реальной независимости республик. Преуменьшалось значение национального вопроса в государственном строительстве, принижалась роль национального самосознания в духовном развитии общества, особенно русского народа. Парад суверенитетов, который так раздражал бывшее советское партийно-государственное руководство, – явление объективное. Российская империя, а затем СССР объединили народы различные по историческому прошлому, этносу и культурному наследию. Их развитие было искусственно остановлено. Серьезное же обсуждение межнациональных проблем в обстановке идеологической эйфории исключалось. Между тем проблемы существовали и требовали своего решения.

Официальная идеология утверждала, что у нас конфликтов нет, и поэтому создается впечатление, что все ухудшилось одномоментно и что виной всему перестройка. Но все дело в том, что конфликты подавлялись в зародыше, загонялись внутрь, а в годы демократизации и гласности вышли на поверхность. Национальный вопрос оказался сложнее, чем представлялось идеологам коммунизма. Их неоднократные заклинания о том, что этот вопрос, «оставшийся от прошлого», в СССР успешно решен, так же как и декларации о расцвете и сближении наций, не спасли Союз от распада. Подобные же национальные проблемы есть и в других странах.

Проявления самобытности национальных культур большевики рассматривали порой как национальную ограниченность. Но во всем мире сотни миллионов людей, так или иначе, придерживаются национального фактора, а это значит, что он является содержанием человеческой сущности. Если чувство национального удовлетворяет потребности личного и общественного характера, естественные национальные стремления и не приносит вреда другим нациям – это нормальное явление.

ние. Важно, чтобы чувство национального не трансформировалось в национальные перекосы в виде приоритета одной нации перед другой, в ненависть к другим нациям и народам.

Беспроblemная трактовка межнациональных отношений в стране в прежние годы оказала негативное влияние. Плохую услугу оказали и надуманные, оторванные от реальности установки. Так, официальная идеология настаивала на форсированном слиянии наций, их языков и культур, а это есть ассимиляция в чистом виде. Историки же с готовностью подхватывали и «обосновывали» новые указания партии. Исторический опыт, и прежде всего наш собственный, убеждает в том, что национальные отношения представляют собой весьма тонкие, чувствительные человеческие связи. Эта проблема деликатная и вечная, и ее большевистским наскоком не решить. Отсюда и необходимость особо чуткого, бережного подхода к национальным отношениям.

«Исторический опыт убедил нас и в том, что пренебрежение отечественным и мировым историческим наследием приводит к снижению общего уровня культуры населения, пробуждению темных инстинктов уродливого национализма и дремучего шовинизма».

Современная национальная политика нуждается в глубокой научно-теоретической разработке. Это серьезный социальный заказ обществоведам, в том числе историкам. Остро назрела необходимость научной разработки современной концепции межнациональных отношений. И в этом вопросе историки в большом долгу перед обществом.

Сама объективная реальность, а не чье-то учение, поставила обществоведов перед необходимостью активизировать с позиций накопленного опыта процесс становления федерации, развития нашего многонационального государства в его конкретно-историческом содержании с учетом реальных деформаций и противоречий, выработать рекомендации, которые могли бы стать основой практической политики государства.

Особо важно акцентировать внимание на множественности национальных культур, анализе психологии общественного сознания, особенно национальной психологии. Необходимо осознать, что суть национальных проблем не только в этническом, но и в социальном, экономическом, политическом факторах. Нам нужно не заботиться «о чистоте» нации (Гитлер уже был озабочен такой чистотой), а создавать максимум условий для самовыражения личности в любой республике или области независимо от ее национальной принадлежности. В этом заключается суть цивилизованного государства,

гуманного общества. Само определение нации, соотношение социального и национального догматизированы. В научной литературе еще серьезно не пересмотрена большевистская вульгаризация по национальному вопросу.

Немалый вклад историческая наука может внести в восстановление культуры малочисленных народов. Государственно-партийная политика исходила из ложной идеологемы «слияния народов», а отсюда предание забвению интересов многих народов. Доктор исторических наук Л. Н. Гумилев, автор теории этногенеза, высказал серьезную критику в адрес Института этнографии, сотрудники которого во главе с академиком Ю. В. Бромлеем выдвигали и защищали тезис, что этнос – явление социальное, то есть относится к числу классовых. А, следовательно, в СССР никаких якобы этносов нет, ибо нет классового разделения. Абсурдность этого тезиса очевидна, считал ученый, но до сих пор он оказывает негативное воздействие на теоретическую часть этнографической науки. Этнос – явление природное, а не социальное. Это Л. Н. Гумилев попытался обосновать в своей книге «Этногенез и биосфера земли» (СПб., 1992). Он создал теоретическую этнографию, то есть этнологию, помогающую избавиться от классового подхода к этносу.

Координационно-методический центр Института этнологии и этнической антропологии АН СССР им. Миклухо-Маклая еще в конце 1980-х гг. приступил к важной работе по созданию новой научной серии «Народы Советского Союза» с целью восполнить зияющие бреши в отечественной этнографической науке. Впервые предпринята попытка публикации многих источников по истории и демографии этносов, населявших СССР. Обращение к научной истории этносов способно помочь и политикам и, главное, народам. Ведь только, кажется, что мы во всем пионеры, а исторический опыт сосуществования этносов разнообразен и поучителен.

Представляется актуальным разобраться с проблемой славянской идеи. В настоящее время существуют различные ее концепции. Имеет место трактовка славянской идеи, смысл которой в том, что русские, украинцы и белорусы – славяне и должны держаться вместе. В этом есть здравый смысл. Но, к сожалению, этот вариант славянской идеи связан с коммунистической ортодоксией и имперским сознанием. Существует и военно-патриотический вариант славянской идеи. Но подчеркнем, что военный патриотизм часто оборачивается имперским шовинизмом и фашизмом, ограниченностью и сепаратизмом. «Есть у нас и третий вариант “славянского сознания”»,

распространенный среди национал-патриотических кругов и опирающийся на почвеннические тенденции, – пишет историк С. Романенко. – Эти взгляды и эта психология имеют давнюю историческую традицию. В наиболее четкой и концентрированной форме они выразились в программе «Союза русского народа» в 1905–1906 гг. Эта организация рассматривала «русскую народность как собирательницу земли русской и устроительницу Русского государства», именно ей должно «принадлежать первенствующее значение в государственной жизни и государственном строительстве», а православная церковь должна сохранить в России «господствующее положение». «Выступая за “единую и неделимую Россию”, – продолжает Романенко, – члены “Союза русского народа” заявляли, что “не делают различия между великороссами, белоруссами и малороссами”»³⁵.

Конечно, каждую идею можно довести до абсурда. Исключительных наций и народов не было и нет, в принципе. И если отбросить идею славянской исключительности, то можно помечтать о том времени, когда славянство смогло бы стать одной из основ мировой цивилизации, при условии, что русский народ наконец-то добьется благополучия, богатства, подлинного расцвета культуры на основе гармоничного сотрудничества всех народов России. Нет криминала и в пожелании, чтобы русская нация стала самой сильной и крупной, но сила всякой цивилизованной нации заключается не только в оснащенности оружием новейших систем, не в силовом решении всех проблем, а в достижении духовного, материального и интеллектуального богатства каждым россиянином независимо от его национальной принадлежности, а, следовательно, всем российским обществом – многонациональным, но единым.

С. Романенко хоронит славянскую идею, заявляя, что она как политическая и правовая концепция «исчерпала свой относительно прогрессивный потенциал, который был ей присущ в конце XIX – начале XX вв., когда она совпала с процессом национального самоопределения... Полиэтническая (как и моноэтническая) общность не может выступать как субъект государственного права. Груз славянской идеи не выдержали ни централистские монархии, ни коммунистические этнотерриториальные федерации»³⁶, – заключает ученый.

Следует возразить на это тем, что американская идея (нация), при всей ее полиэтничности, выдержала экзамен истории. И если мы вполне обоснованно скажем, что американская идея (нация) победила, что она встала во главе мировой цивилизации, являясь одной из самых сильных и крупных,

то почему к этому не может стремиться Россия? А потерпел поражение (будем надеяться временное) не «груз славянской идеи», а централистские монархии и фальшивые коммунистические этнотерриториальные федерации. Если первая и вторая революции и были антиславянской направленности, то крах коммунизма не имеет никакого отношения к «грузу славянской идеи».

Россию спасли, прежде всего, русские патриоты. И быть патриотом России – это долг и святая обязанность всех русских и нерусских народов. По вопросу о патриотизме Герцен предупреждал, что «исключительное чувство национальности никогда до добра не доводит»³⁷. Это верно, и поэтому нам, русским и нерусским россиянам, никогда не следует доводить чувство национальности до исключительности.

Помимо общечеловеческих ценностей, у России есть и свои национальные интересы, которые она должна и сумеет отстаивать. Но следует знать и помнить идеи русского историка и политического деятеля П. Н. Милюкова, завещавшего нам, что «национальная мораль, ничем не просветленная и не ограниченная, может легко выродиться в проповедь человеконенавистничества, порабощения и истребления. Сколько исторических злодеяний прикрито от морального обсуждения вывеской подобного патриотизма»³⁸. Грань между патриотизмом и шовинизмом чрезвычайно тонка и подобна лезвию бритвы.

Наше общество продолжает культивировать агрессивность и, насилие, отражающиеся в межнациональных конфликтах и в политической борьбе. Вот почему важно изучить, осмыслить традиции насилия с тем, чтобы отвергнуть их как метод социального переустройства общества. Мы страдали классовым недугом, страдаем национальной болезнью. И лишь выздоровев и осознав, что человеческая сущность важнее классовой и национальной принадлежности, можно обрести поступательное движение к обновленному образу жизни и миру в своем растревоженном доме.

Любая идеология, основанная на насилии, должна быть опровергнута, в том числе средствами исторической науки. Но, как представляется, в последнем десятилетии XX в. Россия переживает период уникальной исторической возможности для формирования более справедливой системы сосуществования народов. Ясно одно, что на основе ленинско-сталинских национальных границ невозможно воссоздание России. И сегодня мы – россияне – пожинаем горькие плоды этой безумной политики. Волна суверенизации захлестнула Россию. Повсюду на волне демократического романтизма избраны президенты

бывших автономий, идет игра в псевдодемократию, в независимость, ведутся пограничные разборки. Между тем Россия населена полутора сотнями разноговорящих народов, и сама идея национальной государственности России внеисторична и опасна. Выход из этой взрывоопасной ситуации видится в крайне осторожном, постепенном (по мере созревания общества) переходе на строго добровольных началах к принципу не национального, а административно-территориального государственного устройства России, при полном и безусловном соблюдении национальных прав и обычаев народов. Право каждой нации на государственность лишь на том основании, что она единое национальное целое, весьма сомнительно, тем более что таких монолитных однопациональных субъектов в России просто нет.

Русская нация сумела сохранить себя даже в двухвековой период татаро-монгольского ига и нашла в себе силы объединиться в единую Московскую Русь. Исторический опыт, содержащийся в русской идее, необходим для стабилизации межнациональных отношений в России и утверждения ее нового положения в мире. «Если есть русская “интеллигенция” как совокупность образованных людей, способных создавать себе идеалы и действовать во имя их, и если есть у этой “интеллигенции” какой-нибудь “долг перед народом”, то долг этот состоит в том, чтобы со страстью и упорством нести в широкие народные массы национальную идею, как оздоровляющую и организующую силу, без которой невозможно ни возрождение народа, ни воссоздание государства»³⁹, – писал видный общественный деятель, экономист, историк П. Б. Струве, анализируя уроки Октября 1917 г.

Русский мыслитель Н. Я. Данилевский со всей остротой поставил вопрос: «Должно ли Славянское племя – член Арийской семьи, равноправной с племенами: Индийским, Иранским, Эллинским, Латинским и Романо-Германским, создавшими каждое свою самобытную культуру, – оставаться только ничтожным придатком, так сказать, прихвостнем Европы, или же, в свою очередь, приобрести миродержавное значение и положить свою печать на целый период истории?»⁴⁰. Ответ может быть только положительным. Русский народ должен опять стать уважаемым и могучим столпом единой многонациональной России.

¹ *Тишков В. А.* Тупики национальной государственности // Правда, 1990. 4 сент.

² Резолюции XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. – С. 18–22.

³ *Hannum H.* *Autonomy, Sovereignty and Self-Determination. The Accommodation of Con-flicting Rights.* Philadelphia, 1992; *Hannum H.* *The Right to autonomy: Chimera or solution? Ethnicity and Power in the Contemporary World / Eds. Kumar Rupesinghe and Valery Tish-kov.* Tokyo; N.Y.; 1996. – P. 287–295.

⁴ *Тишков В. А.* Доклад на Всемирном конгрессе историков в августе 1995 г. в Монреале: Национальности и национализм в постсоветском пространстве: Ист. аспект // Ист. зап. М., 1995. – Т. 1 (119). – С. 117–171; См. также, возможно, наиболее точный анализ истории советской национальной политики, сделанный зарубежным ученым: *Suny R. G.* *The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union.* Stanford, 1993.

⁵ Федеративный договор. Документы. Комментарий. М., 1994. – С. 5.

⁶ См. последний, значительно улучшенный вариант: Государственная программа национального возрождения и межнационального сотрудничества народов России (основные направления). М., 1994.

⁷ *Абдулатипов Р.* О федеративной и национальной политике Российского государства. М., 1995. – С. 14. Версия об аболиционистской позиции перешла и в ряд зарубежных изданий. См., например: *Kremenjuk V.* *Conflicts in and Around Russia.* Westport., 1994. – P. 10; Hill F. «Russia's Tinderbox» Conflict in the North Caucasus and its Implications for the Future of the Russian Federation. Strengthening Democratic Institutions Project Report. Harvard University, September, 1995. – P. 33; *Lapidus G., Walker E.* *Nationalism, Regionalism and Federalism: Center-Periphery Relations in Post-Communist Russia. The New Russia: Troubled Transformations / Ed. by G. Lapidus.* Boulder, 1995. – P. 117.

⁸ *Hannum H.* *Rethinking Self-Determination // Virginia Journal of International Law,* 1993. – Vol. 346. – N 1. Fall. – P. 1–69.

⁹ О господствующей идее государства в период территориальных трансформаций см.: *Lustick J.* *Unsettled States, Disputed Lands: Britain and Ireland, France and Algeria, Israel and the West Bank-Gaza.* Sthaca; N.Y.; L., 1933.

¹⁰ Анализ текстов деклараций о суверенитете, принятых в российских республиках в 1990–1992 гг., см.: *Тишков В. А.* Федерализм в национальном и многонациональном государстве // Межнациональные отношения в России и СНГ: Семинар Московского Центра Карнеги. Доклады 1994–1995 гг. / Ред. Г. Бордюгов, П. Гобл. М., 1995. – Вып. 2. – С. 157–173.

¹¹ *Sisk T.* Op. cit.; *Liphart A.* Democracy in Plural Societies. New Haven, 1977; *Young C.* The Pising Tide of Cultural Pluralism: The Nation-State at Bay? Madison, 1993.

¹² *Brendan O., McGarry J.* Regulating Nations and Ethnic Communities. Nationalism and Rationality // Eds. Al. Breton, Gianluigi Galeotti, Pierre Salmon, Ronald Wintrobe. N.Y.; Melbourne, 1995. – P. 245–289.

¹³ *Susan W.* Anthropology: Still the Uncomfortable Discipline? The Future of Anthropology. Its Relevance to the Contemporary World / Eds. Arbar S. Ahmed and Cris N. Shore. N.Y.; Athlone, 1995. – P. 65–93.

¹⁴ *Губогло М. Н.* Развивающийся электорат России. М., 1996; *Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

¹⁵ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. – С. 20.

¹⁶ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. – С. 79–103.

¹⁷ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М, 1997.

¹⁸ *Сахаров А. Н.* Александр I. М., 1998; *Федоров В. А.* Михаил Михайлович Сперанский // Российские реформаторы. М., 1995. – С. 34–76.

¹⁹ *Гросул В. Я.* Павел Дмитриевич Киселев // Российские реформаторы. – С. 77–115.

²⁰ *Whittaker H.* Cynthia the Ideology of Sergei Uvarov: An Interpretive Essay // Russian Review. 1978. – Vol. 37, – N 2. April. – P. 158–176.

²¹ Там же.

²² Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? М., 1998.

²³ *Иларион.* Слово о Законе и Благодати. М., 1994. – С. 73, 75, 91, 95, 97.

²⁴ *Сахаров А. Н.* Политическое наследие Рима в идеологии Древней Руси // История СССР. 1990. – № 3.

²⁵ *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1914). М., 1992. – С. 32–82.

²⁶ Там же. – С. 86–117.

²⁷ Там же. – С. 123.

²⁸ *Онегина С. В.* Русский фашизм в 30-е годы // Кентавр. 1993. – № 5; *Она же.* Крах расчетов и иллюзий (Внутрисюжная работа Всероссийской фашистской партии в Маньчжурii) // Кентавр. 1995. – № 5; *Она же.* Российское фашистское движение в эмиграции в период 20-40-х годов // Демократия и фашизм: Сборник. М., 1996.

²⁹ *Бугай Н. Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.

³⁰ *Hosking Geoffrey.* A History of the Soviet Union. L., 1985. – P. 427–429.

³¹ Солженицын советует // Новое время, 1990. – № 39. – С. 7.

³² *Авторханов А.* Указ. соч. – С. 67–69.

³³ Лит. Россия, 1993. 5 февр.

³⁴ *Копелев Л.* Вопрос без ответа // Огонек, 1989. – № 46. – С. 14.

³⁵ *Романенко С.* Все мы – славяне, но... Славянская идея и национальное самоопределение // Независимая газ. 1991. 10 авг.

³⁶ Там же.

³⁷ *Герцен А. И.* Былое и думы. – М., 1956. – Т. 8. – Ч. 1. – С. 23.

³⁸ *Милюков П.* Что такое патриотизм? Цит. по: Новое время, 1991. – № 9. – С. 40.

³⁹ *Струве П.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубинки. – М., 1990. – С. 250.

⁴⁰ Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. Изд. И. Страхова. СПб., 1890. – С. 31.

К 400-летию выхода России из Смуты

Минин и Пожарский возглавили народное ополчение

**«ЗАМУТИЛИСЬ ...УМЫ У РУССКИХ ЛЮДЕЙ,
И ПОШЛА СМУТА...»**

*И вся Русская земля из старины
от наших прародителей
наша отчина.*

Иван III

Русское государство в начале XVII в. переживало один из чрезвычайно сложных периодов своей истории. Обстановка в стране в силу внутренних и внешних осложнений была исключительно напряженной.

Анализ историографии и источниковедения проблемы Смутного времени¹ на Руси – этого тяжелейшего этапа отечественной истории – свидетельствует о том, что многие аспекты истории Смуты еще недостаточно изучены, а хранящиеся в центральных и региональных архивах редчайшие свидетельства того времени в полном объеме не исследованы и сегодня, в XXI в. В этой связи позволю в сжатом виде привлечь внимание к некоторым проблемным вопросам истории рассматриваемого периода.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что Смутное время оказало глубокое влияние на весь дальнейший ход истории России. Русские люди, пережившие это тяжелое время, называли его не иначе как «великой разрухой Московского государства», а иностранцы-современники – «московской трагедией». По оценке выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского, «отличительной особенностью Смуты является то, что в ней последовательно выступают все классы русского общества, и выступают в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества, как были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лестнице. На вершине этой лестницы стояло боярство; оно и начало Смуту»². Недаром говорили, что самозванец был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве.

Судя по документам, признаки Смуты стали обнаруживаться сразу же после смерти последнего царя старой династии, Федора Ивановича³. Когда пресеклась династия Рюриковичей, и стал распадаться государственный порядок, каждый класс, каждое сословие стали искать своего царя и отстаивать своих кандидатов. Общество без твердой государственной власти

пришло в состояние анархии. Люди растерялись, и раз некому стало повиноваться, следовательно, значит – надо бунтовать.

Важный аспект истории этого периода заключается также в том, что для русского народа был вообще неприемлем и непонятен выборный царь, всегда признавался лишь наследственный и обязательно из семьи государя. А потому народ не мог принять ни Бориса Годунова⁴, ни Василия Шуйского, ни тем более самозванца – польского королевича Владислава.

Прекрасный знаток русской Смуты В. О. Ключевский на примере Бориса Годунова так объяснял этот феномен русского менталитета: «Несомненно, страшная школа Грозного, которую прошел Годунов, положила на него неизгладимый печальный отпечаток. Еще при царе Федоре у многих составился взгляд на Бориса, как на человека умного и деловитого, но на все способного, не останавливающегося ни перед каким нравственным затруднением»⁵. И далее В. О. Ключевский так характеризует начало Смуты: «...разнеслась громкая весть, что агенты Годунова промахнулись в Угличе, зарезали подставного ребенка, а настоящий царевич жив и идет из Литвы добывать прародительский престол. Замутились при этих слухах умы у русских людей, и пошла Смута...»⁶.

Важной причиной Смуты явился также тяжелый тягловый характер московского государственного порядка, неравномерное распределение государственных повинностей, порождавших социальную рознь. В среде господствующего класса между землевладельцами, боярами-вотчинниками и помещиками-дворянами происходила борьба за политические права, за землю, за крестьян. Бояре-вотчинники, «поревдевшие и присмирившие» при Иване Грозном, с ослаблением царской власти усилили борьбу за восстановление своих прежних прав. Людей того времени в полном смысле этого слова еще нельзя называть сословиями, скорее всего это еще так называемые служебные разряды или чины. Еще не было надлежащего соответствия между правами и обязанностями ни личными, ни сословными. Смута способствует тому, что нарастает тенденция со стороны общественных низов прорваться наверх и столкнуться оттуда, как тогда говорили, «верховников». В Смуту начинает втягиваться простонародье – тяглое и нетяглое, которые действуют одинаково враждебно и против боярства, и против дворянства. И в этом также характерная черта Смуты.

Есть такое выражение, что история злопамятнее народа. С конца 1611 г., когда стали истощаться политические силы, начинают пробуждаться исконные силы – религиозные и национальные, которые пошли на выручку гибнущей земле. Возни-

кает исторический феномен. Смута, питавшаяся рознью классов земского общества, прекращается борьбой всего земского общества с вмешавшимися во внутреннюю усобицу внешними силами, еще раз убедительно подтверждая мысль о том, что русский народ не приемлет никакого иноземного завоевателя.

Начинают распространяться призывные грамоты архимандрита Дионисия и келаря⁷ Авраамия, расходившиеся из Троицкого монастыря. Они поднимают нижегородцев под руководством их старосты Кузьмы Минина. На призыв нижегородцев стали стекаться оставшиеся без дела и жалованья, а часто и без поместий служилые люди, городовые дворяне и дети боярские, которым Минин нашел вожда, князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Так составилось дворянское ополчение против поляков.

Важнейшей страницей рассматриваемого периода становятся события борьбы за Москву. Остановлюсь на этом вопросе более подробно. Как известно, в мае 1609 г. князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский с русскими и шведскими отрядами вышел из Новгорода на Тверь, Переяславль-Залесский, Москву. Он двигался по районам, охваченным народным движением, что очень облегчало и ускоряло их окончательное освобождение от польских отрядов. В конце 1609 г. была снята осада Троице-Сергиева монастыря. Весной 1610 г. Москва была освобождена от блокады. Вскоре после этого князь М. В. Скопин-Шуйский внезапно умер, как полагали, был отравлен. В его смерти обвиняли царя Василия Шуйского, который боялся успехов племянника. 17 июля 1610 г. дворяне во главе с Захарием Ляпуновым свергли Василия Шуйского. Чтобы лишить его возможности в дальнейшем бороться за царскую власть, он был насильно пострижен в монахи. Однако дворянам, принимавшим участие в этом перевороте, не удалось захватить власть, которая перешла к правительству, образованному из состава высшего боярства во главе с князем Мстиславским. Оно состояло из семи представителей крупной знати («Седьмочисленная дума» или «Семибоярщина»), принадлежавших в большинстве к княжеским фамилиям.

Гетман Жолкевский, подошедший в начале августа к Москве, остановился в Можайске и держал под угрозой столицу: он ждал гонца от короля с инструкциями и в то же время стремился договориться с боярским правительством. Можно предположить, что он намеренно не трогал тушинцев⁸, так как угроза с их стороны заставляла боярское правительство быть более сговорчивым.

Документы и свидетельства современников подтверждают факты того, что только в течение августа Лжедмитрий II принял четыре попытки овладеть Москвой, приобретя много сторонников в составе боярского правительства. Полученная им инструкция от короля достоверно показывает отношение в Польше к московским боярам, особенно князю Мстиславскому, стоявшему во главе правительства, что их служба королю будет с удовольствием принята и вознаграждена. «Это надо ему сообщить весьма осторожно со всеми подробностями при передаче посылаемого ему доверительного письма», – писал король. Он обещал сохранить вотчины и поместья и дать в придачу к ним новые земли «в порядке королевской милости».

Переговоры боярского правительства с Жолкевским закончились 17 августа 1610 г. заключением нового договора, в основу которого были положены условия соглашения от 4 февраля⁹. Если февральский договор представлял собой компромисс между требованиями боярства и служилого дворянства, то в договоре 17 августа явно преобладали боярские интересы. В связи с этим в договоре исчезло обещание повышать служилых людей по заслугам.

После заключения договора с Жолкевским под Смоленск к королю было отправлено большое посольство – свыше 1 200 человек, которое должно было пригласить королевича на московский престол. Посольство вело бесконечные переговоры, так как король, сам мечтавший стать московским царем (что означало бы династическую унию с Московским государством в интересах Речи Посполитой), не хотел отпускать сына и выполнять условия августовского соглашения. Между тем, опасаясь народного восстания в столице, боярское правительство изменчески впустило в Кремль польские войска. Москва в конце сентября была занята польским гарнизоном, начальником которого взамен уехавшего Жолкевского стал пан Гонсевский.

Следует подчеркнуть, что правление боярской Думы продолжалось недолго. В Москву приехали люди тушинской «знати», которым поляки больше верили. Фактическая власть оказалась в их руках. В польском лагере под Смоленском было составлено расписание должностей, утвержденное королем. В результате Боярская дума была поставлена в самое унижительное положение, она должна была послушно выполнять все распоряжение польского воеводы Гонсевского.

После занятия Москвы Сигизмунду III уже не было необходимости прикрываться условиями договора. Он не только не снял осады Смоленска, но продолжал расширять свои требования. Паны в переговорах с московскими послами требовали от

них сдачи Смоленска, который продолжал мужественно отражать все приступы неприятеля. Посольство решительно отказывалось выполнять это требование. Дворяне, находившиеся в посольстве, посылали письма в Москву, в которых описывали свое бедственное и унижительное положение и призывали не подчиняться королю и его сыну королевичу: «Положите о том крепкий совет меж себя: пошлите в Новгород, и на Волгу, и в Нижний нашу грамоту списав, и свой совет к ним отпишите, чтоб всем было ведомо, всею землею обще стати...». После безрезультатных переговоров московские послы были арестованы и отправлены в Польшу.

Многочисленные документальные свидетельства говорят о том, что в конце 1610 г. в столице стало расти сильное возмущение против иноземных захватчиков и грабителей. Так, неизвестный автор такого произведения как «Новая повесть о преславном Российском царстве», называет бояр, заключивших договор с Жолкевским, «изменниками», «душепагубными волками». Он описывает тяжелое положение страны и населения, на которое наложены «безмерные и неподъятные нормы». Воззвание предупреждало, что польский король хочет овладеть московским царством и посадить в нем своих подручных. Воззвание заканчивалось призывом к восстанию. «Время, время пришло во время дело, подвиг показать и на страсть дерзновение учинити».

В это же время против польской власти выступил патриарх Гермоген. Как глава русской православной церкви, он понимал, какая опасность ей грозит в случае, если царский престол займет король-католик. После того как в Москве и по всей стране стало быстро нарастать народное движение, Гермоген открыто выступил против признания московским царем королевича Владислава. Собрав московских посадских людей в Успенском соборе, он объявил, что освобождает их от присяги королевичу Владиславу и королю Сигизмунду. Затем Гермоген стал рассылать грамоты в разные города, призывая собраться всем из всех городов и идти к Москве «на литовских (польских) людей». За эти грамоты Гермоген был взят под стражу, затем заточен в заключение. Его так и не удалось сломить. Он призывал к населению от высшего представителя церкви, что еще больше усиливало народное движение.

Среди городов, первыми поднявшимися против поляков, были Рязань и Нижний Новгород. В Рязани восстание поднял воевода Прокопий Ляпунов. Он обратился с призывом к южным и северным городам, где уцелели остатки войск царя Василия Шуйского. Он призывал на помощь также и казаков,

находившихся раньше в Тушинском лагере. Большая часть тушинских казаков во главе с Иваном Заруцким и князем Дмитрием Трубецким присоединилась к Ляпунову, который, рассылая грамоты в разные города, обращался и «к холопам, и к боярским людям, крепостным и старинным...», убеждая их идти в ополчение.

Начавшееся в Рязани движение в короткое время охватило всю область Заокских городов. На севере движение распространилось от Нижнего Новгорода по всему Поволжью. Польский гарнизон в Москве, получив известие о сборе из разных мест русских ратных людей для похода на Москву, приступил к спешному укреплению стен Кремля и Китай-города. Нуждаясь в рабочей силе, паны требовали, чтобы москвичи помогали им устанавливать пушки. Ссора, возникшая по поводу этих требований, перешла в уличную драку, которая 19 марта 1611 года превратилась в восстание московского населения. Улицы Москвы покрылись завалами из возов, бревен и пр., с крыш домов, с заборов, из окон в поляков стреляли, бросали камнями, их били дубьем. Сопrotивление полякам оказал отряд под командованием князя Д. М. Пожарского. Он укрепился на Сретенке вблизи своего двора и превратил эту часть посада в настоящую крепость. Во время сражения князь был ранен. Между тем к Москве стали подходить передовые части ополчения. Комендант Москвы Гонсевский приказал жечь Москву. Это было поручено немцам-наемникам, которые в числе двух тысяч человек находились в составе польского войска. Вся столица пылала, ночью в Кремле было светло как днем. Но и пожар не устрасил жителей Москвы. Жители гибли на улицах родного города, но не сдавались врагу. Польский гетман Жолкевский вспоминал, что многие москвичи, не желавшие попасть в руки врага, сами бросались в огонь вместе с женами и детьми. Пожар, быстро охвативший деревянные дома Московского посада, продолжался несколько дней.

Очевидец тех событий польский шляхтич Маскевич вспоминал: «Русские свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды они преследуют нас, неся в руках столы и лавки. И лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитой своих загоронок стреляют по нас из ружей, а другие, будучи в готовности, с кровель и заборов, из окон бьют по нас из самопалов, кидают камнями, дрекольем... Жестоко поражали нас из пушек со всех сторон, ибо по тесноте

улиц, мы разделялись на 4 или 6 отрядов – каждому из нас было жарко». Восстание посадских людей в Москве – яркий пример ожесточенных уличных боев, искусного использования артиллерии в уличных боях и устройства баррикад.

Поляки отступили за черту Кремля и Китай-города. Однако у Ляпунова не было достаточно сил, чтобы освободить Москву. К тому же в ополчении произошел внутренний разлад между дворянской и казачьей частями. Чтобы придать некоторую организованность разнохарактерному составу ополчения, вожди его – Прокопий Ляпунов, князь Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий вошли в соглашение. Однако разногласия не прекратились. Казаки не хотели подчиняться дворянам 22 июля 1611 г. Ляпунов был убит в казачьем кругу. Ополчение стало распадаться. Дворянство покинуло лагерь и разъехалось по домам.

В июне 1611 г. пал Смоленск, героически оборонявшийся почти два года крестьянами, посадскими людьми, пушкарями под руководством воеводы Шеина. Смоленск пал, исчерпав все свои возможности для сопротивления. Но защитники Смоленска на долгое время задержали главные силы польско-литовской армии. Польские отряды сжигали Москву, укрепившись за уцелевшими стенами Кремля и Китай-города; шведы заняли Новгород и выставили одного из своих королевичей кандидатом на московский престол на смену убитому второму Лжедмитрию. Дворянское ополчение под Москвой со смертью его предводителя Ляпунова расстроилось. Страна осталась без правительства. Боярская дума упразднилась сама собой, когда поляки захватили Кремль. Государство, потеряв свой центр, стало распадаться на части. Положение страны было близко к полной катастрофе, угрожавшей политическим распадом и потерей национальной независимости. Центральной власти не было, бояр, сидевших в Москве с поляками и рассылавших грамоты, никто слушать не хотел. Население было совершенно разорено и вымирало от болезней. Москвичи скрывались в лесах. Многолюдные посады опустели, торговля замерла. К тому же северо-западные русские земли захватывали шведы, южные окраины Руси грабили орды крымских татар. Английский король Яков I готовился захватить Север, ожидалась высадка англичан в Архангельске.

Трудно было даже помыслить в те дни о том, что может возникнуть единение народа. Центром организации нового, действительно народного ополчения стал Нижний Новгород – один из самых богатых и многолюдных городов Среднего Поволжья. Движение в Нижнем Новгороде в пользу

образования нового ополчения, начавшегося осенью 1611 г., выдвинуло замечательного организатора народных сил Кузьму Минина, земского (посадского) старосту, «ремеслом говядарь», про которого говорили, что он «муж рода не славного, но смыслом¹⁰ мудр». Военачальником был выбран Дмитрий Пожарский, князь, выделявшийся своей непримиримостью к врагам и полководческими способностями. Он, как говорили тогда, был «муж честен, кому ратное дело за обычай, который в таком деле искусен и который в измене не явился». Между ними был заключен союз. Именно эти люди вошли в историю как крупнейшие политические и военные деятели. Зародившееся в Нижнем Новгороде ополчение, постепенно становилось общенародным делом¹¹, ближайшей целью которого стало освобождение страны от иноземных захватчиков. Об этом ясно говорили грамоты, рассылавшиеся из Нижнего Новгорода: «Бытии всем нам православным христианам в любви и в соединении, и прежнего междоусобства не всчинати, и Московское государство от врагов наших, от польских и от литовских людей, очищати неослабно до смерти своей, и грабежей налогу православному христианству отнюдь не чинити, и своим произволом на Московское государство государя без совету всей земли не обирати».

Однако общая обстановка не позволила немедленно начать поход на Москву. В конце марта в Ярославль прибыли основные силы нижегородского ополчения. Эта остановка, длившаяся четыре месяца, имела большое значение. В Ярославле была закончена организация военных сил ополчения, и был образован временный «Совет всея земли»¹², нечто вроде Земского собора. В отличие от первого, второй состав ополчения охватывал все основные слои населения. Военное его ядро составляло организованное и вооруженное мелкое дворянство. Надо отдать должное руководителям ополчения в том, что ими своевременно была предпринята политическая и материальная подготовка похода. Так, со шведами, захватившими Новгород и настаивавшими на признании московским царем шведского королевича Карла-Филиппа (брата Густава-Адольфа), вожди ополчения начали мирные переговоры. Их дальновидная политика смогла на какое-то время ослабить действия шведов, что было очень важно для борьбы с главным противником. Пребывание ополчения в Ярославле дало возможность собрать силы и обеспечить их всем необходимым – продовольствием, вооружением, порохом. Именно в Ярославле была проведена политическая и материальная подготовка похода к Москве.

Обращает на себя внимание выбор момента для совершения похода на Москву. Стало известно, что поляки направили на помощь гарнизону, засевшему в Москве, крупный отряд во главе с гетманом Ходкевичем. Известие об этом заставило К. Минина и Д. Пожарского срочно двинуться с ополчением на Москву. 27 июля главные силы ополчения, примерно 10 тыс. чел.¹³, выступили из Ярославля и 20 августа уже стояли под Москвой. Следует подчеркнуть, что источники свидетельствуют о том, что поход был блестяще организован и отличался порядком и дисциплиной. Впереди следовал отряд Туренина. Еще до выступления главных сил из Ярославля под Москвой уже стоял передовой отряд ополчения под начальством Дмитриева и Левашева. Затем туда же был послан и второй отряд Лопаты-Пожарского численностью в 700 всадников.

Ополчение, прибыв к Москве, расположилось вдоль стен «Белого города» – от Петровских ворот до Москва-реки. Главные силы стояли у Арбатских ворот. 2500 казаков Трубецкого¹⁴ располагались в Замоскворечье, в районе Крымского двора. Гетман Ходкевич расположил свое войско, состоявшее из поляков, литовцев и различных наемников, в том числе немецких, станом на Поклонной горе. Войско Ходкевича насчитывало не менее 12 тыс. чел.¹⁵

Сражение 22 августа началось наступлением противника, который переправился с утра через Москва-реку возле Новодевичьего монастыря, подошел к Чертольским воротам¹⁶ и атаковал ополчение. Преимуществами Ходкевича являлись его кавалерийские, хорошо вооруженные части, которым не могла противостоять неопытная конница народного ополчения. Ведя бой в пределах Земляного города¹⁷ среди сгоревших улиц, Пожарский приказал спешить конницу и биться пехими. Особенно жаркий и продолжительный бой разгорелся на левом фланге ополчения, на берегу Москва-реки, близ Алексеевской башни. Трубецкой бездействовал. Тогда казацьи сотни, посланные Пожарским Трубецкому, увидев трудное положение ополченцев, сами пошли к ним на помощь, не спрашивая разрешения начальников. К ним также самостоятельно присоединились некоторые атаманы Трубецкого. Они кричали Трубецкому, что «в вашей нелюбви к Московскому государству и ратным людям пагуба становится». Сражение длилось 7 часов. К концу дня Ходкевич с большим уроном был отброшен и отошел на Воробьевы горы. На месте сражения было подобрано и закопано больше тысячи трупов. В ночь с 22 на 23 августа Ходкевичу удалось при помощи одного изменника перебросить до 600 чел. в Кремль для усиления поль-

ского гарнизона. 23 августа войско Ходкевича заняло Донской монастырь. В этот же день была отбита вылазка противника из Китай-города. 24 августа произошло второе большое сражение. В связи с занятием Донского монастыря значительная часть ополчения переправилась на правый берег Москва-реки – в Замоскворечье. Утром Ходкевич из Донского монастыря повел свое войско в Замоскворечье, где и развернулось сражение. После пятичасового боя отряды ополченцев начали отходить. Между тем, Трубецкой продолжал бездействовать, даже отошел несколько назад, что позволило полякам занять очень важное место у церкви Климента. Тогда Авраамий Палицын отправился в казацкие таборы и добился согласия казаков принять участие в сражении, пообещав отдать драгоценную монастырскую казну. Одновременная атака казаков и ратников народного ополчения на польский острожек у церкви Климента закончилась полным успехом, и почти весь гарнизон был перебит. Опасность прорыва в Кремль со стороны Замоскворечья была предотвращена.

В этот же день Минин обратился к Пожарскому с просьбой дать на подмогу людей. Тот ответил: «Емли ково хоцещи». Минин с ополченцами переправился через Москва-реку и напал с фланга на польские конные и пешие роты. Неожиданное нападение вызвало среди поляков растерянность и панику, они не выдержали и побежали к своему лагерю. Успешный натиск Минина стал сигналом к общему наступлению: «пошли тиском» к польскому лагерю. Теснимый ополченцами, Ходкевич «в великой ужаси» отошел к Донскому монастырю, где его отряд стоял всю ночь, не слезая с коней. На следующий день Ходкевич не решился на возобновление попытки прорваться в Кремль. Вскоре он отошел от Москвы – «срама же ради своего прямо в Литву поидоша».

С уходом Ходкевича участь польского гарнизона в Москве была решена. Победы Минина и Пожарского в сражении с лучшими польскими войсками высоко подняла авторитет вождей ополчения. Трубецкому не оставалось другого выхода, как присоединиться к ополчению. Поляки, сидевшие за стенами Китай-города и Кремля, оказались в замкнутом кольце осады. В конце сентября Пожарский предложил полякам сложить оружие. «Вам самим известно, что Карл Ходкевич приходил со всем полевым войском, ... много было тогда польского и литовского войска; никогда прежде не бывало столько ваших людей, а теперь вы сами видели, как гетман пришел и с бесчестием и страхом он ушел от вас, а тогда еще не все наши войска прибыли». Польские шляхтичи продолжали упорство-

вать, считая, что простые русские люди не в состоянии сражаться с профессиональными воинами.

22 октября штурмом была взята Китайгородская стена. Остатки польских войск отступили в Кремль. Однако они не могли больше сопротивляться и несколько дней спустя, сдались вождям ополчения.

22 октября 1612 г. при сражении русских с поляками в Москве список Чудотворной Казанской иконы Богородицы находился у князя Д. Пожарского. Молитвами и заступлением Пречистой Владычицы по вере вождя русских воинов к чудотворной Ее иконе Московское государство было очищено от поляков. После избрания на престол царь Михаил Федорович в память сего события установил праздновать в Москве память Иконы Казанской Божией Матери два раза в год – в день обретения иконы 8 июля и в день освобождения Москвы – 22 октября, с учреждением крестных ходов из Успенского собора во Введенскую церковь, где князем Пожарским была поставлена эта икона, украшенная множеством драгоценностей.

26 октября 1612 г. ополченцы вступили в Кремль. Москва была освобождена силами народного ополчения, что явилось новым замечательным проявлением старой традиции русского народа – всеми силами защищать свою столицу. Польский историк XVII в. Кобержицкий писал о победе ополчения: «Поляки понесли такую значительную потерю, что ее ничем нельзя было вознаградить. Колесо фортуны повернулось, и надежда овладеть целым Московским государством рушилась невозвратно». История показала, что и на этот раз спасительными для общества оказались национальные и православные скрепы, и враждующие силы соединились, прежде всего, во имя национальной, религиозной и простой гражданской безопасности, которой угрожали ляхи и казаки.

Смута в русском государстве начинает затихать с того времени, когда все силы общества, увидев свою страну на краю гибели, объединились, а земские чины, собравшиеся в Москве в начале 1613 г., избрали на престол родоначальника новой династии, царя Михаила Романова, связанного родством, хотя и не прямым, с угасшей династией¹⁸.

От подвига К. Минина и Д. Пожарского тянется историческая нить к Отечественной войне 1812 г., а от нее – к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

**К 200-летию победы России
в Отечественной войне 1812 г.**

Въезд Императора Александра I в Париж

МИР КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в. СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

Война и мир возникли одновременно с появлением человеческого общества. Война – как самое решительное средство борьбы за существование. Мир – как возможность самосохранения людей между суровыми битвами. Специалисты подсчитали, что за 55 веков своего существования (а отчет велся со времени появления письменности) человечество пережило около 15 тысяч войн. В этих войнах были понесены утраты в 3,6 млрд человеческих жизней, не считая гибели материальных ценностей, разрушения городов, исчезновения государств и целых народов. На этот период пришлось лишь 300 мирных лет. Всего три века. Но они существовали¹⁹.

И по мере развития цивилизации, стремления к совершенствованию человеческой жизни, развитию и самосохранению человеческой личности мирные периоды в истории становились если не продолжительнее, то все более осознанными. Мир, мирное устройство жизни на земле вступали в решительный бой с разрушительными силами войны.

Уже на заре племенной истории обычное право стало регулировать отношения между человеческими коллективами, а позднее переросло в зачатки международного государственно-правового регулирования. Древнегреческие полисы, особенно Древний Рим, дали первые высокие детально разработанные образцы правового регулирования межгосударственных отношений в рамках всего тогдашнего видимого мира, центром которого являлся Средиземноморский культурный регион.

Римская концепция мирного устройства прагматически воплощала в себе мощь республиканского и императорского Рима и политическое умение достичь компромисса там, где это было либо выгодно, либо неизбежно. Особенно очевидным это стало во времена Гая Юлия Цезаря и императора Августа.

Внешнеполитический каркас Древнего Рима был скреплен не только устрашающими походами и блестящими победами римских легионов, но и чередой мирных устройств с окружающими государствами и народами – противниками, союзниками, сателлитами. Эти устройства поддерживали жизненно необходимый международный баланс, нужный для нормального функционирования римского государства²⁰.

С тех пор международное право наряду с войной как методом разрешения конфликтов стало доминировать в мировом

сообществе государств на долгие столетия. Без этой тщательно разработанной, всесторонне взвешенной опоры невозможен был дальнейший цивилизационный прогресс в данной области межгосударственных отношений.

И все-таки прогресс обозначился и был связан с появлением христианских этических ценностей. Вопросы противостояния злу, насилию, войнам стали едва ли не центральными в этике христианства. Решались они христианскими идеологами сложно и противоречиво. С одной стороны, звучали слова Иисуса Христа: «Все взявшие меч, от меча погибнут» (Мф 26, 52) и «блаженны миротворцы» (Мф 5, 9), а также апостола Павла: «Если возможно, мир имейте со всеми людьми» (Рим 12, 18). С другой стороны, известные слова, сказанные Христом: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч» (Мф 10, 24).

Это видимое противоречие в позиции христианских вероучителей разрешается весьма просто. Любовь к человеку, к людям, которой учил Христос, предполагает, что существуют такие моральные и духовные ценности, во имя которых стоит умирать, в том числе во имя спасения людей. А это означает борьбу во имя этих ценностей.

Таким образом, римский прагматизм политической системы мира в христианском учении был дополнен нравственными категориями, которые отныне стали неотъемлемой частью понятий войны и мира.

Очередным рубежом в цивилизованном осмыслении войны и мира, уходе от их прагматической практики, основанной либо на праве сильного, либо на холодном расчете, стали воззрения деятелей эпохи Возрождения, а позднее Просвещения. Общая гуманизация общества не могла не затронуть проблем войны и мира. Именно в это время постепенно выкристаллизовывается идея о человеке как высшей ценности, стремление к миру как естественной норме существования, а к насилию как античеловеческому началу. В XVI в. эти идеи звучат в трудах Эразма Роттердамского. В XVII в. они выражены в семитомной эпопее гуманиста Яна Амоса Коменского «Всеобщий совет человеческому роду, прежде всего ученым и благочестивым властителям Европы об исправлении человеческих дел». Он писал, что необходим третейский собор, «где разбирались бы все международные споры». Мирное устройство Коменский не отделял от внутригосударственных гуманистических дел, от народного блага, которое должно быть «величайшим законом каждой республики и королевства»²¹.

С годами идея мира как международной политической системы крепла, совершенствовалась. Ее поддерживали деятели реформаторского движения в Германии, английские квакеры. Наконец, в начале XVIII в., как бы синтезируя предшествующие идеи на этот счет, выходит трактат французского аббата Шарля Ирины де Сен-Пьера «Проект вечного мира в Европе». Автор настаивает на необходимости союзного конфедеративного правления, которое, объединяя народы, подчинило бы их авторитету закона. «Постоянный совет» станет при этом высшим арбитражем между членами конфедерации. Против нарушителей мира предусматривались санкции.

Об «Общей республике», состоящей из европейских государств, об «Общем конгрессе» писал французский мыслитель Анжи Гудар (1757 г.) в трактате «Мир Европы или проект всеобщего замирения». Основная мысль трактата – правовая обусловленность политического равновесия в Европе, при котором «сила частных государств зависит от всеобщей силы в Европе». Как и Сен-Пьер, Гудар озабочен разработкой санкций, в том числе финансовых, которые «Общая республика» могла бы наложить на нарушителей мира²².

Идеи Сен-Пьера и Гудара были поддержаны и развиты Жан Жаком Руссо в работе «Суждение о вечном мире» (1782 г.). Он увязывает связь насилия, войн с деспотизмом, подчеркивая, что власти воюют «в той же мере со своими подданными, сколь со своими врагами». Разбирая проект Сен-Пьера, Руссо все же определил его как прекрасный, но утопичный и подчеркнул, что проект создания Европейской лиги может быть осуществлен лишь «жестокими и чуждыми человечности средствами». Так впервые прекраснодушные утопические планы мыслителей-гуманистов были поставлены на реальную историческую почву²³.

Для нашей темы важно отметить, что идеи правового регулирования отношений между народами, верховенства договора и закона над безумием деспотов, честолюбцев, ввергающих народы в войны, получили в конце XVIII – начале XIX в. широкое распространение в России.

Я не могу упомянуть обо всех случаях поддержки идей гуманистов и просветителей русскими мыслителями. Скажу лишь о наиболее ярком примере этой преемственности – о трудах В. Ф. Малиновского, которые во многом предвосхитили и определили идеи и политическую практику российского императора Александра I (1801–1825 гг.), который впервые в мире попытался претворить утопические проекты «о вечном мире» в реальную политическую жизнь евро-

пейских государств и стал инициатором создания в 1815 г. Священного союза.

В 1791 г. В. Ф. Малиновский, видный российский государственный и военный деятель, выдающийся просветитель, человек, близкий к Александру I, выпустил книгу «Рассуждение о мире и войне». Там он сформулировал свою основополагающую идею о том, что принцип мира должен быть определяющим в межгосударственных отношениях, а война должна быть вне закона. Создание европейского союза государств он связывал, как и западные просветители, с демократическими преобразованиями в государствах Европы. Международные отношения, утверждал он, должны быть «наукой прав и законов между целыми народами, как и юриспруденция между частными лицами»²⁴.

С таким богатым гуманистическим багажом, который представлял собой достижение человеческой мысли о войне и мире, подошел Александр I к выработке своей концепции мирных, правовых отношений между европейскими странами. Сам Александр к моменту своего восшествия на престол в 1801 г. был вполне готов к своей необычной миссии. Воспитанник гуманиста, просветителя, республиканца Лагарпа, человек, блестяще образованный по всем европейским канонам, глубоко верующий христианин, для которого этический идеал христианства не был пустым звуком, он обогащал этот идеал все новыми раздумьями по мере того, как мужал, проходил через горнило тяжелых жизненных испытаний.

Казалось, что мысли Александра I воплотили в своей концепции мира и войны и прагматизм римлян, и нравственные нормы христианских вероучителей, и основанные на современной для XVIII в. научной и гуманистической мысли идеи просветителей. В этом была сила его идей, но в этом была и их слабость, поскольку имперский правовой прагматизм Рима, христианская этика и страстный демократический и гуманистический порыв слабо сопрягались друг с другом в европейской геополитике.

Это проявилось уже в первом опыте реализации концепции Александра I на практике. В 1804 г. в Лондон с секретной миссией отправился посланник и друг императора Н. Н. Новосильцев. В своем портфеле он вез инструкцию для переговоров с английским кабинетом, полную новых внешнеполитических идей молодого монарха. То было время, когда старая Европа встала на дыбы в борьбе против Наполеона Бонапарта, свергнувшего троны и кривившего карту Европы. Англия – традиционный противник Франции на европей-

ском континенте – активно поддерживала складывающиеся одну за другой военные коалиции против Бонапарта и была их душой и лидером. Но Новосильцев предлагал не только очередной военный блок. В Лондоне от русского посланца слышали нечто невообразимое. Опираясь на идеи Сен-Пьера–Руссо–Малиновского, Александр I предлагал англичанам после сокрушения «тирана» договор об общеевропейском «вечном мире», о дальнейших договорных правовых отношениях между государствами, обеспечении национальных интересов и воли народов. Главное в предложении Александра I – противопоставить агрессии и вседозволенности Наполеона единство европейских народов, основанное на лозунгах Французской революции дояковинской поры, в частности свободы и благоденствия народов.

В Лондоне Новосильцев предложил созвать общеевропейский конгресс, который бы гарантировал сохранение мира в Европе перед опасностью новой агрессии. В основу этой политики должны были лечь договорные правовые отношения. И хотя проект был ограничен антибонапартистскими устремлениями²⁵, впервые утопические идеи всеобщего мира и договорного регулирования отношений между государствами, соединенные с идеями социальной справедливости, легли в основу проекта государственного документа.

По существу, это был новый важный гуманистический рубеж в подходе к проблемам войны и мира, который человечество не исчерпало и по сей день. В Лондоне посланца императора встретили вежливо, его предложение выслушали, улыбнулись. Для английских политических прагматиков это был еще один утопический проект. Они жили реалиями, где все решала сила, искусство дипломатии, военные блоки.

К идеям о долговременном мире, осуждении войны как средства решения межгосударственных проблем многострадальная Европа вернулась после сокрушения Наполеона Бонапарта. Уже в ходе заседаний Венского конгресса в 1814–1815 гг. и нового передела Европы победители стремились к созданию такого баланса сил на европейском континенте, который бы на долгое время, если не навсегда, исключил новые войны. Уже тогда Александр I возродил к жизни идеи, заложенные им в инструкцию Новосильцеву.

Но не только геополитическое равновесие интересовало победителей. На этот раз, настрадавшись за полтора десятка лет от наполеоновских войн, лидеры Европы осудили войну как таковую и призвали рассматривать военную агрессию при спорных межгосударственных вопросах как проявление неци-

вильзованности. На повестку дня встали вопросы религиозно-нравственные, которые еще вчера считались лишь утопиями. Сама жизнь, европейская цивилизация подвела народы Европы к вопросу об исключении войн из политического арсенала человечества²⁶.

Будущее показало, что европейское общество цивилизационно было еще не подготовлено к решению этой задачи. Но мысль, опережающая социально-экономические, политические, нравственно-этические реалии века, уже ковала новый каркас подходов к вопросам войны и мира.

На конгрессе Александр I дополнил свои прежние предложения новыми реальными шагами, а именно: одобрением и конкретной поддержкой принципов конституционализма, попорченных в ходе радикализма Французской революции, а затем растоптанных Наполеоном Бонапартом. Итак, в основу «Венской системы» были положены, по существу, все «три кита» предшествующих разработок проблем войны и мира: 1) баланс сил, геополитическое равновесие, политический легитимизм; 2) нравственно-этические христианские категории, осуждение войны и насилия; 3) идеи суверенитета народов, конституционализма, демократизации жизни²⁷.

Образование Священного союза в качестве гаранта «Венской системы» стало итогом как драматического развития событий на европейском континенте в конце XVIII – начале XIX вв., так и напряженных поисков человечеством средств для обуздания молоха войны. 26 сентября 1815 г. в Париже состоялось торжественное подписание Акта о Священном союзе. Вначале это был Союз трех монархов – Александра I (Россия), Франца I (Австрия), Фридриха-Вильгельма III (Пруссия). Первоначальный текст Акта был составлен Александром I. Уже в 1-й статье акта говорилось о задачах Союза – предотвращать межгосударственные конфликты, добиваться спокойствия и мира в Европе.

Какими же средствами предполагали монархи поддерживать мир и стабильность в Европе? Согласно статьям Акта «три договаривающихся монарха» обязались поддерживать между собой государствами узы братской дружбы, оказывать друг другу помощь в случае дестабилизации международной обстановки, управлять своими подданными в духе братства, правды и мира, считать себя членами единого христианского общества, руководствоваться в международных делах евангельскими заповедями. Характерно, что в этот документ вошли составной частью идеи Сен-Пьера – Руссо – Малиновского о том, что монархи обязаны «сохранять верность принципам справедливости, христианского

милосердия и мира, которые помимо того, что они применимы в частных делах, должны оказывать непосредственное влияние на совет монархов и определять все их действия». Отныне, утверждал Акт, отношения между государствами будут регулироваться с позиций правовых и религиозно-нравственных норм²⁸.

Следует обратить внимание, что Акт о Священном союзе вполне прагматично предусматривал ситуацию, когда обстановка в Европе может быть дестабилизирована. Тогда предусматривались совместные действия для восстановления мира. Это указывает на то, что создатели Священного союза не были столь уж наивны, чтобы полагаться лишь на правовые и нравственные принципы. Они понимали, что человеческое общество не совершенно, и учитывали это в своих будущих действиях. Важно было отделить пшеницу от плевел и сообщать действовать там и тогда, где и когда это соответствовало принципам Союза. При этом и Александр I, и другие монархи Европы считали, что наиболее дестабилизирующим началом может стать очередной революционный взрыв²⁹, сметающий на своем пути и монархов, и порядок, и право, и нравственность. Во всяком случае, именно такой опыт Европа вынесла из ужасов якобинской диктатуры, революционной агрессии французских санкюлотов, деспотии Наполеона. В этом смысле признавать устремления деятелей Священного союза реакционными, как это считала, скажем, советская историография, было бы, по меньшей мере, спорным.

Европа с изумлением наблюдала за созданием и первыми шагами нового сообщества государств, к которому вскоре примкнули почти все страны континента за исключением Англии, придерживающейся особых взглядов на европейскую политику, и Ватикана, считавшего, что нет необходимости в новом христианском сообществе государств, поскольку оно воплощается в папском престоле.

Уже первые шаги Священного союза показали, что Александр I и другие лидеры Европы всерьез взялись за дело стабилизации и гуманизации европейской жизни. И до создания Священного союза, и после него был осуществлен ряд конституционных преобразований: во Франции (1814 г.), в Польше (1815 г.), Баварии (1816 г.), Вюртемберге (1819 г.). Идея представительных правлений начала свой марш по Европе.

Проект французского конституционного устройства был написан самим Александром I, не говоря уже о том, что из его рук Польша, а еще ранее, до войны 1812 г., Финляндия получили конституционное выборное управление и определенные гражданские права и свободы.

Закономерно, что на конгрессах Священного союза Александр I поставил ряд кардинальных вопросов жизни европейских стран и европейского сообщества государств в целом. Так, на первом конгрессе в Аахене (1818 г.) русская делегация предложила провести ряд гуманистических актов, полноценно возвращающих побежденную Францию в лоно европейских государств, а именно: вывести оккупационные армии из страны досрочно, принять Францию в число союза европейских государств без всяких предварительных условий, облегчить выплату Францией репараций. Идеи русской делегации в отношении Франции были поддержаны.

На конгрессах в Троппау (1820 г.), Лайбахе (1821 г.), Вероне (1822 г.) Александр I ставил вопрос об одновременном сокращении вооруженных сил европейских держав, о взаимных гарантиях неприкосновенности территории, о принятии международного статуса лиц еврейской национальности, о создании межсоюзнического штаба. На последнем Веронском конгрессе Священного союза державы договорились о совместной защите морской торговли от пиратства, приняли протокол о запрещении работорговли. Российская делегация заявила об отказе России покупать колониальные товары у стран, не прекративших работорговлю. Это были уже, как мы говорим сегодня, экономические санкции³⁰.

Одновременно европейское сообщество и Священный союз столкнулись с возрастающим демократическим, антифеодальным движением народов Европы, разбуженным Французской революцией, затем крахом деспотии Бонапарта и новыми демократическими веяниями. Вспыхнули революции в Испании (1820 г.), Португалии (1820 г.), Италии (Неаполь и Пьемонт, 1820 г.).

Эти события стали подлинным испытанием для миротворческих и гуманистических принципов Священного союза. К этому времени обозначились и геополитические цели держав, укрепились имперские амбиции Александра I, считавшего себя освободителем и спасителем Европы и ее подлинным лидером, каковым, кстати, он и стал, что раздражало и настаивало. Австрия во главе с Францем I – Меттернихом, ревниво относилась к этой новой миссии российского императора и, сохраняя узы Священного союза, тем не менее, стремилась укрепить свое присутствие и влияние в Итальянских землях и с этой целью опереться на авторитет Союза. Англия ни с кем не хотела делить свою первенствующую роль в европейских делах.

Новая волна европейских революций стала своеобразной лакмусовой бумажкой для европейского сообщества. Здесь

столкнулись как представления монархов Европы о путях стабилизации положения на континенте, так и геополитические притязания держав. Итак, можно ли было считать революции на Пиренеях и Апеннингах прорывом к новым, прогрессивным социально-политическим ценностям? Или это был необузданный бунт толпы, анархия, грозящая повторением событий конца XVIII – начала XIX вв.

Позиция России, Александра I была четко выражена в рескрипте П. А. Шувалову, который направлялся в Париж вскоре после событий в Испании: «Нельзя возвращаться к “правилам устаревшей политики”, необходимо сочетание формы правления, которую требует нынешнее время, с правилами порядка и дисциплины, которые только и могут обеспечивать прочность учреждений»³¹. Мартовская революция была признана Александром I, поскольку восстановленную в Испании конституцию признал король Фердинанд VII, но дальнейшее наступление на права легитимного монарха Александр I посчитал противоправным³². Так «новая форма правления» в его представлении сочеталась с «порядком и дисциплиной». Для того времени такая позиция, да еще со стороны абсолютного монарха, считалась несомненным прогрессом в оценке происходящих в Европе перемен. На конгрессах Священного союза, которые состоялись в 1820–1822 гг., российская сторона руководствовалась именно этими соображениями.

В Троппау (октябрь 1820 г.) Александр I выступил за меры морального воздействия на революционные правительства в случае, если они не обеспечат умеренность проводимых реформ и безопасность монархов – Фердинанда VII в Испании и Фердинанда I в Неаполе. Предлагалось привлечь к переговорам с революционными правительствами представителей других держав. Австрия и ее канцлер Меттерних жестко настаивали на одностороннем, австрийском выступлении против инсургентов в Италии.

При этом австрийцы мало заботились о поддержке конституционных устремлений революционеров, а беспокоились, прежде всего, об утрате своих геополитических позиций на Апеннинском полуострове. Пруссия поддержала Австрию. По существу, встал вопрос о судьбе Священного союза – первого опыта международного сотрудничества. Александр I вынужден был отступить. При поддержке конгресса Австрия получила свободу рук в Италии. В феврале 1821 г. 60-тысячная австрийская армия перешла реку По. Революция на Апеннингах была подавлена, а власть Габсбургов в Италии восстановлена. Ситуация повторилась и с судьбой испанской революции. На конгрессе

в Вероне (конец 1822 г.) русская делегация настаивала на дипломатическом решении вопроса, прежде всего на «моральных методах», но требовала восстановления на престоле свергнутого монарха. Однако в конце концов, под давлением держав – и в первую очередь Англии, Франции, Австрии – Россия подписала протокол, санкционирующий подавление испанской революции силами французской армии. Весной 1823 г. сотысячная армия Франции вторглась в Испанию, революция была сокрушена, а власть Фердинанда I восстановлена.

Определенным шагом Александра I в сторону Европы в ущерб революционному движению стало осуждение Россией революции в Греции в 1821 г. против власти Османской Турции. Александр I назвал греческую революцию «преступным предприятием», хотя речь шла о восстании христианского народа против иноземного мусульманского владычества. Устой для Священного союза и здесь оказались выше и христианских, и освободительных ценностей³³.

Таким образом, интересы легитимизма и стабильности, геополитические расчеты в 20-е годы XIX в. по всем линиям взяли верх над революционными, освободительными тенденциями в Европе, которые деятели Священного союза рассматривали как анархию, угрозу порядку, эволюционному развитию общества. При этом наиболее жесткую позицию в данном вопросе занимала Австрия.

Однако, отступив от своих первоначальных христианских, нравственно-этических, правовых принципов в отношении малых государств, лидеры Священного союза остались верны им применительно к отношениям между ведущими европейскими державами, каковыми были Россия, Австрия, Пруссия, Франция и примыкавшая к Священному союзу Англия. Компромиссы по второстепенным вопросам были достигнуты. За счет этого мир и стабильность в Европе сохранились на десятилетия. Плата была высокой. Однако, для тогдашнего уровня развития европейского общества, возможно, она была вполне закономерной: в течение 40 лет мир и покой в Европе сохранялись, несмотря на локальные конфликты и насильственные действия со стороны отдельных держав.

Лишь в 1853 г. континент потрясла новая европейская война. Это была Крымская война 1853–1855 гг., когда против России выступила коалиция государств. Россия потерпела поражение в этой войне. А вместе с этим поражением закатилась и звезда Священного союза, который сохранял свои позиции на исторической сцене во многом благодаря могуществу и влиянию России и умению Александра I и его преемника идти на компромиссы, приносить тяжелые жертвы ради великой цели – мира как политической европейской системы.

К 95-летию восстановления патриаршества

Поместный собор. 1917 г.

В православном храме. Москва август 1941 г.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ 1917–1918 гг.

Обращение к вопросу о восстановлении патриаршества диктуется не только личными симпатиями и пристрастиями, да и не столько ими. Наряду со всей историей православия в советский период, он остается недостаточно исследованным.

В этой связи основными задачами данной статьи являются:

- попытка: дать исторический очерк проблемы в предреволюционный период;
- выявить главные препятствия на пути успешного решения этого вопроса, как в предреволюционный период, так и в период с февраля по декабрь 1917 г.;
- проследить формирование двух основных церковных сил, вступивших в единоборство на Соборе;
- указать на причины, способствовавшие положительному решению вопроса о патриаршестве, и основные политические факторы, ускорившие это решение.

Все это необходимо рассматривать на фоне конкретного фактического материала, реальной атмосферы прений на Поместном Соборе, в ходе которых выявились аргументы «за» и «против» патриаршества, которыми оперировали стороны.

Источниковая база данной работы достаточно обширна и, вместе с тем, собрана компактно. Поскольку в центре исследования лежит Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 гг., а также предсоборный период непосредственно с ним связанный, то главным источником следует назвать издание, которое именуется «Деяния Священного Собора Православной Российской церкви» (кн. I– IX) М, ПГ, 1918 г. и представляет собой весьма полное изложение стенограммы заседаний Собора, каждое из которых именуется «Деянием». Сюда же входят в качестве приложений информация о Богослужениях, Церемония Интронизации Патриарха, внесоборные речи и другие³⁴. В I-ю книгу, которая состоит из 3-х выпусков, сверх того включены Предсоборные документы: Постановления Священного Синода о Созыве Собора, образовании Предсоборного Совета и другие³⁵. В целом, характеризуя этот источник, следует отметить его особую ценность и привлекательность, так как он дает возможность погрузиться в атмосферу Собора со всеми его перипетиями борьбы, столкновениями точек зрения и дискуссиями. К этой же группе примыкает «Собрание определений и постановлений Священ-

ного Собора», которые служат своеобразным приложением к Деяниям³⁶. Четыре выпуска Определений и Постановлений включают юридические акты канонического права, принятые Собором и расположенные в Хронологическом порядке.

При рассмотрении деятельности Предсоборного Совета (весна – лето 1917 г.) использовались итоговые документы его деятельности – законопроекты и объяснительные записки по различным сферам церковной жизни, внесенные на Собор. Они вошли в издание «Материалы Священного Собора Православной Российской Церкви; Святейший Правительствующий Синод, в Поместный Собор» вып. 1–16³⁷. Надо отметить, что Предсоборный период февраль–август 1917 г. В меньшей степени обеспечен источниками, поэтому мной привлечены материалы периодической печати за этот и соборный период. Речь идет о 3-х основных изданиях. В первых 2-х, газетах «Церковные ведомости» (издание Священного Синода) и «Московских епархиальных ведомостях»³⁸ отразились позиции основных группировок, существовавших на этот период³⁹.

Сложнее обстоит дело с источниками по вопросу о патриаршестве до февраля 1917 г. Но так как смыслом этой части работы была попытка дать общую оценку вопроса о патриаршестве в предреволюционные десятилетия, достаточным будет лишь перечислить использовавшиеся источники. Следует назвать «Записки Санкт-Петербургских религиозно-философских собраний»⁴⁰, (которые первоначально были опубликованы в Журнале «Новый путь» за 1903–1904 гг.), «Журналы и протоколы заседаний высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия»⁴¹. Кроме того, использованы ряд работ, которые служат, на наш взгляд, репрезентативным источником церковного общественного мнения по вопросу о восстановлении патриаршества в предреволюционный период. Во-первых, это цикл статей одного из виднейших церковных публицистов второй половины XIX в. прот. А. М. Иванцова-Платонова «О русском церковном управлении»⁴², горячего сторонника патриаршества. На противоположенных позициях стоял известный историк церкви Е. Е. Голубинский в книге «О реформе в быте русской церкви»⁴³. Прежде чем перейти к обзору историографии вопроса нужно обратить внимание на ряд книг, которые являются и источниками и историографическими работами. Поскольку их писали люди, которые непосредственно участвовали в Соборе и оставили труды, в которых делали попытку осмыслить и оценить происходившее. В качестве таковых следует назвать работу проф. Б. В. Титлинова⁴⁴ и две книги в будущем одного из лидеров обновленцев

прот. А. И. Введенского⁴⁵. Последний не участвовал в Поместном Соборе, но был вдохновителем деятельности Святейшего Синода и Предсоборного Совета.

* * *

Можно определенно считать, что почти сразу после упразднения патриаршества Петром I, которое, естественно, не вызвало энтузиазма в церковных кругах, настойчиво встал вопрос о статусе высшего церковного управления. Учреждение Святейшего Правительствующего Синода отнюдь не удовлетворило иерархов. Тем более, что церковь всегда очень ревностно относилась к канонам и традициям. Уже в 1742 г. член Святейшего Синода митрополит Ростовский Арсений (Мацеевич) и архиепископ Новгородский Амвросий (Юшкевич) общались к императрице Елизавете Петровне с просьбой избрать патриарха или Президента Синода, но в этом им было отказано⁴⁶. Тогда это выглядело, как попытка вернуться к допетровским церковно-государственным отношениям, что, конечно, было невозможно в условиях абсолютизма. Правительственная позиция мало изменилась вплоть до начала XX в., но, насколько нам известно, в практическом плане, вопрос о патриархе больше не ставился. Однако еще в 70–80-е гг. XIX в. теоретическом уровне он стал появляться в трудах публицистов православного направления. Один из них А. М. Иванцов-Платонов выступил в печати⁴⁷ с целой серией статей, которые потом были опубликованы отдельным оттиском под заголовком «О русском церковном управлении»⁴⁸.

Несколько статей были непосредственно посвящены интересующему нас вопросу. При чтении этих разделов, знакомому с речами сторонников патриаршества на Соборе 1917–1918 гг. трудно отделаться от мысли о том, что он слышит что-то очень схожее. Автор задает вопрос: «Нет ли надобности восстановить в России «степень патриаршескую» и тут же отвечает себе: «восстановление патриаршества было бы желательно по многим причинам»⁴⁹.

Доводы оппонентов, о которых пишет автор, тоже очень похожи на Соборные. Противников патриаршества пугает «единоличная власть, таящая опасность для соборности» и «опасность столкновения с правительством»⁵⁰. Всем этим, как и критикой синодальной системы⁵¹, совпадения далеко не исчерпываются. Эти факты позволяют предположить, что аргументация сторонников и противников патриаршества Соборного периода начала складываться уже в конце XIX в. Не секрет, что к началу XX в. между официальной церковью и религи-

озной интеллигенцией не существовало полного взаимопонимания. С начала XX в. предпринимаются попытки преодолеть это отчуждение. В Петербурге с 1901 до 1903 г. регулярно заседают религиозно-философские собрания представителей светской культуры и деятелей церкви под председательством епископа Ямбургского Сергия (Старгородского)⁵², впоследствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси.

Мысль о необходимости преобразований в церкви звучала все настойчивее. В 1905 г. в условиях нестабильности в государстве работает Особое Совещание при Комитете Министров под началом С. Ю. Витте, на котором дискутировался вопрос о новом статусе церкви в государстве⁵³. Любопытно, что именно в революционный период в церкви оформилось течение, с которым потом оказались генетически связаны и противники патриаршества на Соборе, и будущие обновленцы. Речь идет о так называемой «группе 32-х», в которую входили Петербургские священники, направившие в марте 1905 г. митрополиту Антонию письмо «О необходимости перемен в русском церковном управлении»⁵⁴. Они требовали введения выборного и соборного начала, но деликатно умалчивали о необходимости восстановления патриаршества⁵⁵. Генетическую связь этой группы с обновленчеством и партией Синода 1917 г. отмечал протоиерей А. И. Введенский (самый активный сторонник обновленцев)⁵⁶. Так, мы уже в 1905 г. имеем дело с началом формирования этой силы. Тогда же Комитетом Министров был принят проект «Вопросы о желательных преобразованиях в Постановке у нас Православной церкви», представленный на заседание митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским)⁵⁷. В документе указывалось на необходимость «устранить или хотя бы ослабить ту постоянную опеку и тот бдительный контроль светской власти над жизнью церковной, которые лишают церковь самостоятельности и инициативы»⁵⁸. Несмотря на небольшой масштаб требований, они встретили противодействие со стороны обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Когда составленная С. Ю. Витте записка «О современном положении православной церкви» попала в Синод, она была положена под сукно обер-прокурором⁵⁹.

22 марта 1905 г. Св. Синод подал императору Николаю II доклад, где содержались прямые требования созвать в Москве Собор для выборов Патриарха⁶⁰. Император отвечал уклончиво. «По примеру Византийских императоров» – Николай II обещал созвать собор – «когда наступит благоприятное для сего время»⁶¹. Все-таки, в целом позитивный ответ был получен. Следующим этапом подготовки к собору,

главной целью которого должно было стать восстановление патриаршества, был созыв Предсоборного присутствия, состав которого был утвержден 16 января 1906 г., а его председателем стал митрополит Антоний (Вадковский)⁶². Итоги работы этого учреждения были весьма скромными. Это объяснялось главным образом позицией правительства, которое находило данное время «неблагоприятным» для созыва собора. Тактика была изменена. 28 февраля 1912 г. при Святейшем Синоде было создано Предсоборное совещание, в которое вошли семь человек⁶³. В документах, ими разработанных, значился вопрос о высшем церковном управлении, тогда как глава церкви уклончиво именовался председателем⁶⁴. Но и эта тактика не принесла положительных результатов. В целом итогом всего предреволюционного десятилетия, всего предреволюционного периода была лишь постановка вопроса о патриархе, но, отнюдь, не решение этой проблемы.

Было бы, однако, упрощением считать, что произошел безусловный раздел на два лагеря: противников патриаршества – государственная власть, и его сторонников – церковь. Как уже было показано, в предреволюционный период сложилась группировка сторонников патриаршества и его противников. В последнюю, помимо «группы 32-х», входили представители церковной интеллигенции: академик Е. Е. Голубинский⁶⁵, профессор П. В. Верховский, А. И. Бриллиантов. Сложилась и система аргументации, которой оперировали стороны на Соборе.

* * *

Падение монархии в России по логике вещей должно было бы распутать клубок противоречий, который завязался вокруг вопроса о патриаршестве. И, казалось бы, действительно произошло заметное оживление церковной жизни. По стране прошла волна съездов клира, на которых обсуждались вопросы церковной жизни⁶⁶. Но крайняя политизированность общества в этот период сыграла злую шутку. Основным мотивом всех церковных форумов было введение выборного начала. Выражая эти настроения, Святейший Синод 29 апреля 1917 г. выпустил «Послание к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Российской православной церкви». В нем отмечалась необходимость ввести выборное начало «во все доступные для него формы церковного управления»⁶⁷.

Интересно, что избрание председателя церкви в документе не фигурировало. Это было заменено аморфной формулой о необходимости изменений в сфере высшего церковного управления⁶⁸. В тот же день было принято долгожданное решение

о созыве Собора и об образовании для этих целей Предсоборного Совета⁶⁹. Два этих документа примечательны тем, что составляют разительный контраст с актами, принимаемыми Синодом до февраля 1917 г. Объяснение тому простое. Последовательный противник патриаршества, вдохновитель обновленчества А. И. Введенский пишет о послефевральских событиях в церкви: «Инициативная группа петроградского духовенства... прот. А. Я. Смирнов, прот. Ф. Д. Филоненко, прот. А. Рождественский и автор этих строк, организуют новый состав Св. Синода...»⁷⁰.

В Синод вошли также ряд либерально настроенных епископов. Новый Синод признал факт революции и необходимость ее⁷¹. В силу своих установок «демократическое» руководство нового Синода не желало избрания патриарха, ибо видело в нем прообраз единовластия. Этим фактом, в сущности, и объясняется вся дальнейшая тактика этой группировки и в Предсоборное время и на соборе, а также деятельность учреждений, где она имела большинство. Предсоборный Совет, образованный Указом от 29 апреля и 8 мая 1917 г.⁷², имел своеобразную систему комплектования, в него вошли все присутствовавшие в Святейшем Синоде (8 человек) и 18 человек по приглашению Святейшего Синода⁷³. Естественно, что такая процедура позволяла руководству синода получить большинство голосов в Предсоборном Совете и принимать нужные им решения. Итоги его деятельности тому подтверждение. Известны два итоговых документа по вопросу о высшем Церковном Управлении: «Законопроект о высшем церковном управлении» и «объяснительная записка» к нему⁷⁴. Суть их состояла в том, что высшими органами в Церкви признавался Поместный Собор и Святейший синод. Комментируя эти документы в выступлении уже на Соборе, архимандрит Илларион, профессор Московской духовной академии, констатировал, что: «Предсоборный Совет ответил на вопрос о патриаршестве очень быстро и решительно: патриаршество будто бы противоречит началу Соборности, а потому его не следует восстанавливать»⁷⁵. С такими результатами пришла к Собору группа сторонников революции в церкви. Вернемся, однако, к вопросу заданному в начале данной главы, а именно, мог ли февраль и Временное правительство помочь восстановлению патриаршества. В историографии на этот вопрос часто отвечали положительно⁷⁶. Думается, что это не так. Во-первых, необходимо отметить, что новый Синод был во многом детищем февраля, и относительно благожелательное и доверительное отношение к нему со стороны Временного Правительства и обратное. 5 марта Синод

объявил о своем подчинении и благословении Временному Правительству⁷⁷, а 8 марта решил поминать его в ектеньях⁷⁸. В свою очередь на заседании Временного Правительства было заслушано сообщение обер-прокурора Святейшего Синода о положении дел, и поручено именно ему представить свои соображения об устройстве Православной Церкви⁷⁹. Однако, главное в чем были едины Синод и Правительство, заключалось в том, что патриарх церкви не нужен. На соборе министр исповеданий Временного Правительства А. В. Карташев недвусмысленно заявил, что необходимо «сохранить впредь до принятия государственной властью нового устройства высшего Церковного управления в ведении Святейшего Правительствующего Синода и состоящих при нем установлений»⁸⁰.

Правительство не сомневалось, что на Соборе будет принят и представлен на утверждение ему проект, разработанный Предсоборным Советом. В дни, когда проявилась внутренняя слабость правительства А. Ф. Керенского, оно не прочь было иметь послушный синод, а не сильного независимого патриарха. Это во многом и объясняет тот факт, что в период пребывания у власти Временного Правительства, вопрос о патриархе, в принципе, не ставился. Вторая группировка в церкви была несравнимо сильнее, чем обновленцы. Сам Введенский констатировал, что «Новый Синод опирается на сочувствующий ему немногочисленный слой либерального духовенства»⁸¹, и на правительство – забыл добавить он. Эта другая группировка была представлена большинством епископата, провинциального духовенства и мирян, что показала расстановка сил на Соборе. Главным в их позиции было преодоление цезарепанизма, создание достаточно независимой церковной организации, и поэтому было бы близоруким связывать ее с какой-либо классовой или социальной группой, как это часто делалось⁸². В эту группу входили иерархи, часто оппозиционно-настроенные как ко Временному правительству Митрополит Харьковский (Антоний Храповицкий)⁸³.

5 июля 1917 г. Святейший Правительствующий Синод постановил «назначить открытие Поместного Собора Всероссийской православной церкви в Честного Успения Пресвятыя Богородицы 15 августа 1917 г. в богоспасаемом граде Москве»⁸⁴. К Собору обе церковные силы пришли с разными намерениями. Вопрос о патриархе никак не фигурировал в Предсоборных документах и законопроектах. Но как мы увидим, он прорвался на Соборе сквозь положенные заранее препоны и сразу на несколько месяцев оказался в центре внимания большинства его членов.

По словам докладчика, по вопросу о высшей церковной власти епископа Астраханского Митрофана, участники Собора «с изумлением наблюдали, как прямо чудодейственно вырастала мысль о Патриархе и скоро воплотила в себе лучшие чаяния русских людей»⁸⁵.

* * *

Открывшийся в Москве 15 августа 1917 г., Поместный Собор был самым представительным в истории Русского православия. Он состоял из 564 членов, в их числе было: десять митрополитов, семнадцать архиепископов, пятьдесят три епископа, пятнадцать архимандритов, всего двести шестьдесят пять духовных лиц и двести девяносто девять мирян⁸⁶. По справедливому замечанию И. Шабатина, время следует разделить на два периода⁸⁷ – 1 сессия с 15 августа по 9 декабря 1917 г. было посвящено реорганизации высшего церковного управления⁸⁸ и будет нас интересовать в первую очередь.

На второй и третьей сессиях с 20 января по 7–20 сентября 1918 г. были рассмотрены вопросы преобразования епархиального управления, принят Приходской Устав, приняты определения о порядке избрания Патриарха и о местоблюстителе Патриаршего престола и другие⁸⁹.

В общем списке членов Собора, между прочим читаем: «№14. Алексей – иеромонах, духовник Смоленской Зосимовой пустыни, Московской епархии»⁹⁰. Запомним это имя... Попали в число членов Собора и старые наши знакомые: проф. Б. В. Титлинов, Н. В. Цветков, Н. Павлович – главным образом, включенные в состав Собора по приглашению Св. Синода и впоследствии противники патриарха, а некоторые из них активные деятели обновленчества⁹¹. Что касается А. И. Введенского, то он посчитал, то деятельность Синода недостаточно радикальна, он (Синод) «начинает править... проваливать невинные реформы»⁹². Введенский был первым, кто почувствовал активизацию оппозиции церковным «либералам». Он писал: «церковники начинают пытаться взять реванш на Соборе»⁹³. Оппозиция, тем не менее, проявила себя не сразу. Открывшийся, как и было намечено, 15 августа 1917 г. в Москве Поместный Собор жил первоначально по сценарию Предсоборного Совета. Более того, в списках образованных отделов нелегко, а попросту невозможно найти отдел, ведающий подготовкой вопросов о реформе высшего церковного управления. Это и вызвало первоначально недоумение выступивших в прениях. 25 августа А. И. Покровский: «в проекте, предложенном нам, нет упоминаний о двух отделах: о

Высшем церковном управлении и пересмотре Устава для Собора»⁹⁴. С похожими заявлениями выступили А. Г. Куляшев, прот. С. И. Шлеев, Н. М. Абрамов⁹⁵. «Недоразумение» скоро выявилось. Оказывается, дела о высшем церковном управлении были включены в компетенцию уставного отдела. 28 августа 1917 г. Собором было принято постановление о том, что необходимо разделить уставный отдел на два отдела: о высшем церковном управлении и об уставе⁹⁶. Поскольку запись в отделе была объявлена добровольной, отдел о высшем церковном управлении стал самым большим на Соборе – 138 человек⁹⁷ и оказался заполнен сторонниками восстановления патриаршества во главе с председателем епископом Астраханским Митрофаном⁹⁸. Впервые на Соборе открыто вопрос о патриаршестве был поднят в выступлении А. В. Васильева 28 августа: «Я считаю долгом своей христианской совести сказать, что в программе деятельности Собора должен быть поставлен вопрос о патриаршестве. С этим вопросом творится что-то неладное... Предсоборный Совет в своем проекте не дал места патриарху, а в объяснительной записке высказался, что в том смысле, что идея патриаршества противоречит соборности. Как и в гражданстве темные силы разрушают Россию, так и тут хотят обойти молчанием важный вопрос. Я настаиваю, чтобы Собор сосредоточил на нем свое внимание»⁹⁹. После этого выступления и до заседания 11 октября 1917 г. центр дискуссий о патриаршестве переместился в Отдел о высшем церковном управлении. По свидетельству его председателя епископа Митрофана, в отделе «целых семь заседаний обсуждался вопрос о церковном устройстве и, в связи с этим, о патриаршестве»¹⁰⁰. 11 октября на заседании Собора Митрофан выступил с докладом «по поводу формулы перехода к очередным делам, принятой отделом о Высшем церковном управлении». Главная мысль доклада содержалась в следующих словах: «народ желает видеть во главе церкви живую личность... Нам нужен патриарх»¹⁰¹. Досталось в докладе и оппонентам: «Синод является чуждым для нас... Синод чужд русскому сердцу..., в Синоде присутствует беззигненность и безответственность»¹⁰². Была предложена формула перехода к вопросу о патриаршестве, один из пунктов которой гласил: «Возстанавливается патриаршество, которым возглавляется управление делами Российской Православной церкви»¹⁰³. Как выяснилось в ходе прений, из 133 членов Отдела только 32 человека были решительными противниками такой резолюции. Эту группу возглавлял профессор П. П. Кудрявцев, сторонник «Церковного либерализма» – по словам Б. В. Титлинова¹⁰⁴.

106/32 похоже нереально отражает расстановку сил в отделе и дальнейшие прения это подтвердили. По докладу епископа Митрофана и по вопросу о восстановлении патриаршества записалось выступать свыше ста человек. В ближайшие после доклада дни за патриаршество выступили: архиепископ Кишиневский Анастасий («Церковь должна развить всю силу своего благодатного влияния на народ через пастыря...»¹⁰⁵), Д. И. Волков, И. И. Сперанский и другие. Против – Е. И. Кузнецов, князь Чагодаев и Н. В. Цветков¹⁰⁶, этим список, конечно, не исчерпывается. Постепенно становилась ясна аргументация сторон. Противников патриаршества пугала единоличная власть будущего предстоятеля церкви.

Часть епископата во главе с митрополитом Антонием (Храповицким) ставили патриарха над Синодом и высшим Церковным Советом¹⁰⁷. Столкновение это было связано еще с одной линией, если не противостояния, то напряженности, которая существовала между частью епископата с одной стороны и белого духовенства и мирян с другой стороны. Участник Собора Б. В. Титлинов по этому поводу замечал, что «на Соборе вначале ходили толки о епископских замыслах выделиться в особую курню, изменить соборную конституцию и т. п.»¹⁰⁸. Однако эти противоречия сглаживались, когда речь заходила о том, нужен ли патриарх или нет. В этом вопросе епископат поддерживало: соборное большинство клира и мирян, а также церковные интеллектуалы С. Н. Булгаков, кн. Е. Н. Трубецкой, В. М. Васнецов, архимандрит Илларион профессор Московской духовной академии И. М. Громогласов, В. Н. Бенешевич¹⁰⁹. С. Н. Булгаков и архимандрит Илларион выступили на Соборе с блестящими речами, в которых помимо «цветов красноречия» содержалась законченная аргументация необходимости избрания патриарха. Архимандрит Илларион выступил на заседании Собора 23 октября 1917 г.

Его речь под названием «Живая жизнь» вместе с ретроспекцией последующих событий была опубликована в «Богословском вестнике» за декабрь 1917 г.¹¹⁰ В ней содержится указание на две основные причины. Первая: необходимость для церкви освободиться от государственной опеки («Орел петровского на заказный образец устроенного самодержавия выклевал... русское православное сердце. Святотатственная рука нечестивого Петра свела первосвятителя Российского с его векового места в Успенском Соборе. Поместный собор... снова поставит Московского патриарха на его законное неотъемлемое место»)¹¹¹. Вторая: в условиях существующих и грядущих настроений необходимо церкви иметь действительного главу¹¹². Что касается

первого, то возник момент, когда государство само сделало первый шаг в направлении размежевания с церковью. На одном из заседаний Тамбовский архиепископ Кирилл, докладывая о разговоре с А. Ф. Керенским по поводу передачи церковно-приходских школ в светское ведомство, сказал: «Вы слышали заявление правительства, что оно не конфессионально, что оно разрывает вековой союз между церковью и государством. А сама церковь не должна сторониться этого»¹¹³.

Несмотря на явное превосходство числа сторонников восстановления патриаршества, на Соборе нужен был некий толчок, который позволил бы завершить начатое дело. Одним из поводов стала обозначившаяся явная слабость Временного Правительства и невозможность с его стороны как-либо воспрепятствовать решению собора, что могло быть раньше. Второй фактор: Октябрьский переворот, на влияние которого необходимо остановиться особо. Дело в том, что в литературе высказывалось мнение о большем, едва ли не определяющем, влиянии этого фактора на то, что решение о патриаршестве было принято¹¹⁴. Думается, что это не так. Как отмечал тот же Илларион «чувствовалось, что в общем соборном стремлении и настроении вопрос этот (о патриаршестве – С. М.) решен положительно»¹¹⁵. То, что большинство было за патриарха еще до октябрьских событий, писал даже его противник Б. В. Титлинов: «соборное большинство не хотело внимать никаким предостережениям и шло напролом к поставленной себе цели»¹¹⁶. Кроме того, к 28 октября, когда было принято историческое решение, революция в Москве только начиналась «28 октября в Москве было первым днем кровопролитного междоусобия»¹¹⁷.

Бои, как известно, были ожесточенными, и расстановка сил далеко не ясна, более того, один из членов Собора, побывавший в городе сообщил, что «Кремль занят юнкерами, и что большевики сдались, но часть из них попрятались по чердакам и подвалам, и их оттуда вылавливают»¹¹⁸. По этим двум причинам тезис о решающем влиянии Октября на восстановление патриаршества кажется преувеличением, некоторого такого влияния отрицать не приходится.

Итак, 28 октября 1917 г. на заседании в присутствии 346 членов в 12 часов 10 минут Поместный Собор принял по частям историческое решение о восстановлении патриаршества в Православной Российской церкви. Второе постановление гласило: «Восстанавливается патриаршество, которым возглавляется управление церковными делами Российской Православной Церкви»¹¹⁹.

Таким образом, эпопея борьбы за патриаршество закончилась. Осталось только исполнить Постановление Собора, определить порядок выборов и избрать предстоятеля. Это решено было сделать немедленно. Уже 30 октября было постановлено приступить к избранию трех кандидатов путем подачи заявок, а «после совершения литургии, во время которой записки с именами трех кандидатов полагаются на святой престол, один из священнослужителей вынимает жребий, который и провозглашается»¹²⁰. 30 и 31 октября было проведено три тура голосования, на которых выявилось три кандидатуры на патриаршее достоинство. Ими стали архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), митрополит московский Тихон (Белавин).

Итак, владыки Антоний, Арсений, Тихон, или как удачно выразился один из выступавших: «Самый умный, самый строгий и самый добрый из иерархов Русской церкви»¹²¹. Выборы было решено провести 5 ноября 1917 г., поскольку Успенский собор Московского Кремля после событий октября 1917 г. оказался поврежденным. Обратимся, однако, к свидетельству очевидца событий: «5 ноября, лишь только окончилась междоусобная брань на улицах Москвы, во Храме Христа Спасителя была отслужена Торжественная литургия и нарочитое молебное пение. В это время жребий с именами трех кандидатов лежал в особом ковчеге пред Владимирской иконой Божьей Матери».

После молебна, член Собора старец-затворник Зосимовой пустыни Алексей вынул жребий. Митрополит Киевский Владимир, приняв жребий из рук старца, огласил Собору имя Божия избранника: «Тихон, Митрополит Московский»¹²². Немедленно формируется специальное посольство для Благовестия новому патриарху, который находится на Троицком Сухаревом подворье. Как отмечает один из членов посольства, Митрополит Тихон встретил весть о своем избрании спокойно¹²³. Митрополит Владимир торжественно произносит: «Преосвященный Митрополит Тихон, Священный и Великий Собор призывает твою святыню на патриаршество Богоспасимого града Москвы и всея Россия». На что новый патриарх ответил канонической фразой: «Понеже Священный и Великий Собор судил мене недостойного бытии в таковом служении, благодарю, приемлю и ни мало вопреки глаголю». Днем торжественного на stolования нового Патриарха было назначено 21 ноября 1917 г. В назначенный день «трижды посажают Патриарха на горнее место Успенского Собора и возглашают достойным. Ведомый двумя митрополитами, идем святейший Патриарх на патриаршее место у

переднего правого столба Успенского Собора, которое двести лет стояло пустым»¹²⁴.

Падение Временного Правительства и в равной мере смута и общая политическая нестабильность сделали необходимым создание института, который бы помог Русской Православной церкви нормально функционировать и сохранить собственное лицо в новых условиях. Таким институтом стало восстановленное патриаршество, которое родилось в ожесточенной борьбе двух основных сил, существовавших в церкви. Судьба их была различна. Церковные «демократы», не желавшие восстановления патриаршества, превратившиеся потом в «обновленцев» не погнушались использовать в дальнейшей борьбе силу новой власти и потерпели неудачу в попытках внести в церковь «пресвитерианский раскол». Вторая группа, возглавляемая избранным Патриархом Тихоном, проводила политику последовательного отстаивания интересов церкви в условиях безбожной власти. Реальные последствия восстановления патриаршества остались за рамками нашей работы, и поэтому остается лишь присоединиться к мнению современного историка церкви архимандрита Августина, что «не будь в Русской Церкви в это время патриарха, она не вышла бы с... честью... из обрушившихся на нее испытаний»¹²⁵.

* * *

¹ Смутным временем в истории принято называть период с 1598 по 1613 гг. Термин смутные времена принадлежит подьячему Г. К. Котошихину (Селицкий). (См. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 2-е. СПб., 1859. – С. 3). Продолжительность Смуты в 14 лет подтверждает современник, келарь Троицкого монастыря Авраамий Палицын, автор сказания об осаде поляками Троицкого Сергиева монастыря (Сказание Авраамия Палицына, Русская историческая библиотека. – Т.13. СПб., 1891).

² *Ключевский В. О.* Сочинения. – Т. III; Курс русской истории. – Ч. 3. – М., 1957. – С. 29. С этим положением, разделявшимся и историком С. Ф. Платоновым, были не согласны советские историки В. А. Александров и А. А. Зимин.

³ Царь Федор Иоанович 1584–1598. (Взошел на престол в 27 лет). 14-летнее царствование царя Федора было для государства временем отдыха от погромов и страхов опричнины. «Умилосердился господь, – по воспоминаниям современников, – на людей своих и даровал им благополучное время, позволил царю державствовать тихо и безмятежно, и все

православное христианство начало утешаться и жить тихо и безмятежно».

⁴ Борис Федорович Годунов (был зятем Малюты Скуратова) правил (1598–1605гг.).

⁵ *Ключевский В. О.* Сочинения. – Т. III; Курс русской истории. – Ч. 3. М., 1957. – С.25.

⁶ *Ключевский В. О.* Сочинения. – Т. III; Курс русской истории. – Ч. 3. – С.27.

⁷ Сторож монастырского имущества.

⁸ Главная ставка Лжедмитрия II была устроена в нескольких километрах от столицы, на возвышенном берегу Москвы-реки в селе Тушине. Здесь образовался «воровской» лагерь, в его состав стали поодиночке и целыми группами вливаться служилые московские люди, переходили и отдельные представители старых боярских и служилых родов, недовольные Василием Шуйским или неуверенные в прочности его власти. Довольно значительной была группа выходцев из приказной бюрократии и московского торгово-ремесленного посада. Господствующую роль в Тушинском лагере, однако, играли не представители московской знати, а польская шляхта.

⁹ Договор с Сигизмундом III был составлен на основе компромисса между требованиями боярства и желаниями служилого дворянства, ориентировавшихся на польскую помощь. Владислав должен был стать московским царем при условии сохранения в неприкосновенности всего московского социально-экономического порядка. Политика властей Тушинского лагеря и действия польских отрядов показали населению действительное положение тушинского «царька», который являлся игрушкой в руках польской знати и части московских бояр, связавших свою судьбу с польской интервенцией.

¹⁰ Значит – умом.

¹¹ Главной военной силой ополчения были крестьяне, посадские люди и холопы. В начале военнообученное ядро ополчения составляли стрельцы, пушкарки и другие служивые люди. Организация ополчения проводилась по принципу постоянной армии. Было введено денежное жалование для всех ополченцев по четырехокладной системе. Общая численность ополчения до сих пор вызывает разные мнения. И это очевидно потому, что число крестьян и посадских людей установить достаточно сложно. Руководители ополчения не прибегали к найму иностранных отрядов. На предложение одного иностранного отряда служить за денежную плату, руководители ополчения ответили: «Оборонимся от польских людей сами... без наемных людей».

¹² В него входили избранники уездов («из всяких чинов по два человека») и представители ополчения.

¹³ Имеется в виду численность главных сил ополчения. Общая численность может быть названа и до 20 тыс. чел.

¹⁴ Заруцкий ушел с частью казаков еще до прихода ополчения.

¹⁵ См. *Бибииков Г.* Минин и Пожарский. 1942. – С.43. Кроме того, в ходе сражения с ним взаимодействовал польский отряд (3 тыс. чел.), находившийся в Китай-городе и Кремле.

¹⁶ Кропоткинские ворота.

¹⁷ Район Кропоткинской улицы и Арбата.

¹⁸ Царь Михаил Романов являлся племянником последнему царю прежней династии.

¹⁹ *Ипполитов Г. М.* «Красные орлы» против «рыцарей белой мечты». Моральный дух комбатантов в Российской Гражданской войне (октябрь 1917–1922 г.). Опыт компаративного анализа. Самара, 2005. – С. 25.

²⁰ См.: История Человечества. VII в. до н. э. – VII в. н. э. – М., 2003. – Т. III. – С. 209–210.

²¹ Трактаты о вечном мире. М., 1963. – С. 75–76.

²² См.: *Рудницкая Е. Л.* Мир без войны: русское преломление европейской идеи // Миротворчество в России. Церковь. Политики. Мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий. – М., 2003. – С. 112–113.

²³ Трактаты о вечном мире. – С. 137 и сл.

²⁴ *Малиновский В. Ф.* Рассуждения о мире и войне. СПб., 1803. – С. 124.

²⁵ См.: *Рудницкая Е. Л.* Указ. соч. С. 121–122; *Минаева Н. В.* Миротворческие идеи внешнеполитического проекта Адама Чарторыйского (1804–1807 гг.) // Там же. – С. 140–141.

²⁶ *Вишленкова Е. А.* Война и мир и русское общество в правление Александра I // Там же. – С. 176–177.

²⁷ См.: *Орлик О. В.* Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. От Венского конгресса до Адрианопольского мира. М., 1998. – С. 18.

²⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX вв.: Документы российского Министерства иностранных дел (далее: ВПР). Серия I. 1801–1815. Т. III. М., 1972. Док. № 231. – С. 518.

²⁹ Там же. Док. 232. – С. 519.

³⁰ См.: *Орлик О. В.* Указ. соч. – С. 30–34, 36–49.

³¹ См.: *Вишленкова Е. А.* Указ. соч. – С. 185.

³² *Орлик О. В.* Указ. соч. – С. 38.

³³ *Вишленкова Е. А.* Указ. соч. – С. 190–191.

³⁴ См. «Деяния Св. Собора Православной Российской Церкви», кн. I вып. 3, С. Н. Булгаков «В защиту патриаршества»,

доклад В. М. Васнецова «О русской иконописи», кн. III, V, «Церемония интронизации Патриарха». – Кн. II. – Ч. 2. – С. 118–122.

³⁵ Там же. – Кн. I. – Вып. I.

³⁶ Собрание определений и постановлений Св. Собора Православной Российской церкви приложение к «Деяниям». – Вып. 1–4. – М., 1918.

³⁷ Материалы Св. Собора Православной Российской церкви, Святейший Правительствующий Синод в Поместный Собор. – Вып. 1–16. – М., 1917.

³⁸ «Церковные ведомости с 1917 (№1–48)», «Московские епарх. ведомости (№1–36)».

³⁹ 3 печатное издание, о котором идет речь, выступление в МДА проф. архим. Иллариона с докладом «Живая жизнь» о Соборе. «Богословский вестник, издаваемый МДА», октябрь–декабрь 1917г. – С. 418–436.

⁴⁰ «Записки Санкт-Петербургских религиозно-философских собраний», СПб., 1906.

⁴¹ «Журналы и протоколы заседаний высочайше утвержденного Предсоборного присутствия». – т. 1–2. – СПб., 1906. – Т. 3–4. – СПб., 1907.

⁴² *Иванцов-Платонов А. М.* «О русском церковном управлении», СПб., 1898.

⁴³ *Голубинский Е. Е.* «О реформе в быте русской церкви», М., 1913.

⁴⁴ Проф. *Титлинов Б. В.* «Церковь во время революции», Пг., 1925.

⁴⁵ Прот. *Введенский А. И.* «Церковь Патриарха Тихона». – М., 1926, он же «Церковь и государство». – М., 1923.

⁴⁶ «Русская Православная Церковь 988–1988. Очерки истории». – Вып. 2. – М., 1988. – С. 4.

⁴⁷ «Русь», 1882. – №1–16.

⁴⁸ Прот. *Иванцов-Платонов А. М.* «О русском церковном управлении». – СПб., 1898.

⁴⁹ Там же. – С. 18.

⁵⁰ Там же. – С. 19.

⁵¹ Там же. – С. 67–68.

⁵² «Записки Санкт-Петербургских религиозно-философских собраний». СПб., 1906.

⁵³ *Кузнецов Н. Д.* «Преобразования в Русской церкви. Рассмотрение вопроса по официальным документам в связи с потребностями жизни». М., 1906. – С. 8–10.

⁵⁴ Церковный вестник, 1905. – № 11, 17 марта.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Введенский А. И. «Церковь Патриарха Тихона». – М., 1923. – С. 19.

⁵⁷ Кузнецов Н. Д. «Преобразования в Русской церкви», с. 9.

⁵⁸ Там же, с. 10.

⁵⁹ Кузнецов Н. Д. «Преобразования в Русской церкви». – С. 40.

⁶⁰ Там же. – С. 59–61.

⁶¹ «Церковные ведомости», 1905. – №14. – С. 99

⁶² «Журналы и протоколы заседаний высочайше утвержденного предсоборного присутствия». – Т. 1–2. – СПб., 1906; – Т. 3–4. – СПб., 1907.

⁶³ «Церковные ведомости», 1912. – №9. – С. 52–53.

⁶⁴ Там же. – С. 58.

⁶⁵ Голубинский Е. Е. «О реформе в быте Русской Церкви». – М., 1913. – С. 73–91.

⁶⁶ «Русская Православная Церковь 988–1988. Очерки истории». – Вып. 2. – М., 1988. – С. 9.

⁶⁷ «Церковные ведомости». – №18–19 (6 мая), 1917. – С. 101.

⁶⁸ Там же. – С. 102.

⁶⁹ «Деяния Св. Собора Православной Российской Церкви». – Кн. 1. – Вып. 1. – М., 1918. – С. 5–6.

⁷⁰ Прот. Введенский А. И. «Церковь Патриарха Тихона». – М., 1926. – С. 20.

⁷¹ Церковные ведомости, 1917. – № 9–15.

⁷² «Деяния Св. Собора Православной Российской Церкви». – М., 1918. – Кн. 1. – Вып. 1. – С. 6.

⁷³ Там же. – С. 6–11.

⁷⁴ Материалы св. Собора Православной Российской Церкви. Святейший правительствующий Синод в Поместный Собор. – СПб, 1917.

⁷⁵ «Богословский вестник, издаваемый Московской Духовной Академией», октябрь–декабрь 1917. – Сергиев посад, 1917. – С. 424–425.

⁷⁶ См. Введенский А. И. «Церковь Патриарха Тихона». – М., 1923. – С. 21–22; проф. Шабатин И. «Русская Православная Церковь в 1917–1967 г.г.», «Журнал Московской Патриархии», 1968. – №10. – С. 32.

⁷⁷ «Церковные Ведомости», 1917. – № 9–15.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Шишкин А. А. «Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви». – Казань, 1970. – С. 8.

⁸⁰ «Деяния Св. Собора Православной Российской Церкви». – Кн. 1. – Вып. 2. – М., 1918. – С. 30.

⁸¹ Прот. *Введенский А. И.* «Церковь Патриарха Тихона». – М., 1923. – С. 20.

⁸² См. *Корзун М. С.* «Русская Православная Церковь 1917–1967 гг.». – Минск, 1987. – С. 7–8.

⁸³ *Титлинов Б. В.* «Церковь во время революции». – Пг., 1924. – С. 92.

⁸⁴ «Деяния Св. Собора Православной Российской Церкви». – Кн. 1. – Вып. 1. – М., 1918, – С. 11.

⁸⁵ «Деяния Св. Собора». – Кн. 2. – Вып. 2. – С. 237.

⁸⁶ «Русская Православная Церковь 988–1988. Очерки истории». – Вып. 2. – М., 1988. – с. 9.

⁸⁷ Шабатин И. «Русская Православная церковь 1917–1967 гг.» // «Журнал Московской Патриархии», 1967. – №10. – С. 34–35.

⁸⁸ См. Определения Постановления Св. Собора Православной Российской Церкви. Приложение. – Вып. 1–4. – М., 1918.

⁸⁹ Там же. – С. 4–9.

⁹⁰ «Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви». – Кн. 1. – Вып. 1. – М., 1918. – С. 60.

⁹¹ См. *Титлинов Б. В.* «Новая церковь». – М., 1923.

⁹² Прот. *Введенский А. И.* «Церковь патриарха Тихона». – М., 1923. – С. 21.

⁹³ Там же. – С. 22.

⁹⁴ «Деяния Св. Собора Православной Российской Церкви». – Кн. 1. – Вып. 3. – М., 1918, –С. 135.

⁹⁵ Там же. – С. 134–139.

⁹⁶ Там же. – С. 143.

⁹⁷ Там же. – С. 151.

⁹⁸ «Деяния Св. Собора Православной Российской Церкви». – Кн. 2. – Вып. 2. – М., 1918, –С. 225.

⁹⁹ Там же. – Кн. 1. – Вып. 3. – С. 140.

¹⁰⁰ Там же. – Кн. 2. – Вып. 2. – С. 230.

¹⁰¹ Там же, с. 235.

¹⁰² Там же. – С. 228–229.

¹⁰³ «Собрание определений и постановлений Св. Собора Православной Российской Церкви». Приложение. – Вып.1. – М., 1918. – С.3.

¹⁰⁴ *Титлинов Б. В.* «Церковь во время революции». – Пг., 1924. – С. 87.

¹⁰⁵ «Деяния Св. Собора Православной Российской Церкви». – Кн. 2. – Вып. 2. – М., 1918. – С. 257.

¹⁰⁶ Там же. – С.225–442.

¹⁰⁷ Проф. Шабатин И. «Русская Православная церковь в 1917–1967», Журнал Московской Патриархии, 1967. – № 10. – С. 35.

¹⁰⁸ Проф. Титлинов Б. В. «Церковь во время революции». – С. 92.

¹⁰⁹ См. «Деяния Св. Собора». – Кн.3–4. – речи изв. участников Собора; см. также «Русская Православная церковь 988–1988. Очерки истории». – М., 1988. – С. 10.

¹¹⁰ «Богословский вестник, издаваемый МДА», октябрь–декабрь 1917, Сергиев-Посад, 1917. – С. 419–436.

¹¹¹ Там же. – С. 425.

¹¹² Там же. – С. 426–427.

¹¹³ «Деяния Св. Собора». – Кн. 2. – Вып. 2. – С. 250.

¹¹⁴ См. напр. Сахаров К. И. «Патриарх Тихон». – М., 1925. – С. 5; Шишкин А. А. «Сущность и критическая оценка обновленческого раскола РПЦ». – Казань, 1970. – С. 12; проф. Титлинов Б. В. «Церковь во время революции». – С. 96.

¹¹⁵ «Богословский вестник, издаваемый МДА ноябрь–декабрь 1917 г.»

¹¹⁶ Проф. Титлинов Б. В. «Церковь во время революции». – С. 95.

¹¹⁷ «Богословский вестник, издаваемый МДА октябрь–декабрь 1917 г.»

¹¹⁸ «Деяния Св. Собора». – Кн. 3. – С. 11.

¹¹⁹ Там же. – С. 41.

¹²⁰ Там же. – С. 41.

¹²¹ «Русская Православная Церковь 988–1988. Очерки истории». – Вып. 2. – М., 1988. – С. 11.

¹²² «Богословский вестник, издаваемый МДА», октябрь–декабрь 1917 г. – Сергиев Посад, 1917. – С. 428.

¹²³ «Житие свт. Тихона Патриарха Московского и всея Руси» // Журнал Московской Патриархии, 1990. – № 2. – С. 61.

¹²⁴ «Богословский вестник, издаваемый МДА», октябрь–декабрь 1917 г. – Сергиев Посад, 1917. – С. 430

¹²⁵ «Материалы Церковно-научной конференции, посвященной 400-летию установления Патриаршества в Русской Православной Церкви», «История восстановления патриаршества», доклад архимандрита Августина // Журнал Московской Патриархии, 1990. – №2. – С. 75.

**К 70-летию событий
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.**

Стоять насмерть. Монумент на Мамеевом кургане

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО, КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА И МЕНТАЛИТЕТА СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ (1930 г. – 22 июня 1941 г.)

Многого сегодня не понять в истории предвоенных лет, если не рассмотреть особенности социального, культурного облика и менталитета советских людей в канун войны. Тридцатые и начало сороковых годов стали ключевыми в постижении того, почему в 1941-м народ поднялся на защиту Отечества и принес победу над агрессором не всеми любимой им властью. Осмысление истории предвоенной жизни народа является альфой и омегой истории Великой Отечественной войны.

История предвоенных лет показывает, что перенес и сколько претерпел народ, какими невероятными усилиями выживал, поднимал страну, любил Родину, учился, создавал вооруженные силы, возводил индустриальные объекты, прозревал, отрезвлялся, преодолевая террор, насилие, лицемерие демагогов от власти.

Начавшаяся война сплотила нацию, отодвинула в сторону былые обиды и страдания. Готовность стоять за родную землю была свойственна практически всем слоям общества – от низверженных дворян до крестьян, натерпевшихся от коллективизации. В былой славе Отечества народ всегда находил силы для борьбы с агрессором. И не всегда патриотизм масс был тождественен преданности режиму. После катастрофического начала войны уйти от разгрома мог только народ, имевший глубокие исторические корни, духовные и физические силы, веру в справедливость своей борьбы. Еще раз в формате всемирной истории была продемонстрирована необходимость народов России.

1. В 1930-е гг. люди советской страны стали участниками грандиозного социального эксперимента по строительству нового общества

К началу 1930 г. советская страна уже в течение тринадцати лет жила в постреволюционных условиях, когда позади остался беспощадный в своем революционном утопизме военный коммунизм, а система НЭПа несколько сгладила ведущие в никуда насильственные методы управления обществом, включив рычаги цивилизационного самосохранения

нации¹. В предвоенный период властно вступили на исторический подиум люди нескольких поколений: это родившиеся еще в XIX в. (возраст 50–60 лет), в первые годы XX в. (возраст 25–30 лет), а также молодые люди до 20 лет². В основном это было крестьянское население³.

Мощный поток официальной пропаганды активно формировал в сознании людей убеждение, что они являются первыми строителями самого справедливого общества на земле, ради чего можно вытерпеть и голод и нищету. Пафос и оптимизм имели под собой реальную основу, так как за короткий исторический срок разоренная войнами и революциями страна ценой самоотверженного труда и лишения миллионов была превращена в индустриальную державу, открылся широкий доступ населения к образованию, медицине, культуре. Все это поддерживало авторитет власти в глазах советских граждан. Гордость за свою страну, достижения которой связывались с именем Сталина, станут побудительным стимулом для защиты страны в годы войны. С другой стороны, оптимизм официальной пропаганды входил в противоречие с другими реалиями жизни: репрессиями, выселением крестьянства, преследованием религии.

По переписи, проведенной в марте 1939 г., численность населения СССР составила 170 126 000 чел.⁴. С вхождением в состав СССР новых территорий⁵ в 1939–1940-х гг. численность населения страны возросла еще на 20,1 млн. чел. Таким образом, накануне Великой Отечественной войны СССР был одной из самых крупных и самых «молодых» держав мира⁶, к этому надо добавить невероятную динамичность населения предвоенных лет⁷. Высокая численность населения СССР обеспечивала как производительные, так и вооруженные силы страны в случае агрессии.

Вместе с тем, настоящей трагедией для страны стал следовавший за индустриализацией и коллективизацией голод 1932–1933гг., который держал в смертельных тисках густонаселенные территории Центрального Черноземья (Воронежскую, Курскую и Орловскую области), Средней и Нижней Волги, Северного Кавказа (Ростовскую обл., Кубань и Ставрополье), Юг Украины (включая Крым), Юг Урала, Северный Казахстан и Западную Сибирь. В документах того времени информация о голоде приравнивалась к статусу государственной тайны. Ранней весной 1933 г, когда голод обострился до крайней степени, центральные районы СССР вокруг Москвы были оцеплены контрольными постами частей ОГПУ, милиции и Красной Армии. Беженцы из голодных районов Юга России

и Украины, Поволжья, Южного Урала, Северного Казахстана и Западной Сибири не должны были проникать в Центр Советского Союза⁸. Несмотря на массовый голод в стране, правительство продолжало продавать своим гражданам хлеб, масло, колбасу, сахар и другие продукты за иностранную валюту, и золото через так называемые торгсины – магазины для торговли с иностранцами. В действительности любой человек мог принести туда валюту, золотое кольцо, серьги, монеты. Там, вещь оценивалась в рублях, и на определенную сумму выдавался нужный товар. Голодные люди несли все, что у них было. По данным современных исследований голод унес почти 8 млн жизней. В 1933 г. чрезвычайно велика была смертность по всей стране⁹, ослабившая целый ряд возрастных групп, деформировавшая возрастно-половой состав населения¹⁰.

Рассекреченные документы госбезопасности рассматриваемого времени свидетельствуют, что в стране по-прежнему грозно бурлила поднятая революцией волна народного чувства социального реванша по отношению к старому миру, к людям, которые этот мир олицетворяли, пробивая для революционного потока все новые русла в области экономики, культуры, политических установлений, социальных отношений. И когда революция стала доходить до каждого человека, когда бедные и даже нищие люди поняли, что они могут не только встать вровень с богатым, имущим, интеллигентным человеком, но и оказаться выше него в социальной иерархии, когда до них дошел этот сокровенный смысл революции, тогда революция стала многомиллионным социальным взрывом, который и стал на десятилетия исторически реальным результатом Октября 1917 г.¹¹

В ходе перемен население испытало мощные сдвиги, потеряв, с одной стороны, целые социальные пласты, а с другой, вознеся другую часть народа на исторический пьедестал. В ходе этих драматических процессов формировались миллионные легионы людей, преданных Сталину и коммунистической партии, гордившиеся своим новым эксклюзивным положением.

Согласно проведенной в СССР в 1939 г. переписи, все население страны официально структурно рассматривалось только по трем категориям: рабочие, крестьянство, служащие. Все остальные слои населения, по выражению Сталина, «исчезли с лица советской земли». Однако в переписи имеется упоминание о все-таки существовавшем значительном проценте так называемого «нетрудящегося» населения. В эту категорию включались так называемые «бывшие» люди: дворяне, чиновники старого режима, священники, жандармы и др., которые

каким-то образом приспособлялись к новой системе, влача подчас жалкое существование. Особой категорией считались «лишенцы». Причем это была немалая группа населения страны вообще не имевшая права на труд, на продпаек, на обучение детей в школах. В упомянутых документах присутствуют и такие категории населения как: военнотруженики, люди национальных окраин, сектанты, обновленцы, эмигранты, монархисты, кадеты, меньшевики, анархисты, эсеры (правые, левые), максималисты¹². Всех их в скором времени коснется военное лихолетье, в ходе которого большинство этих обиженных людей сделают свой выбор не в пользу власти агрессора.

Безусловно, что, две наиболее многочисленные категории населения, прежде всего, рабочие¹³ и крестьяне советской страны, стали основными участниками грандиозного социального эксперимента по строительству нового общества. Именно они трудились на главных индустриальных объектах страны, давали стране хлеб. Это был непрерывный и надрывный труд миллионов тружеников города и деревни. Чрезвычайной интенсификации труда, предложенной руководством страны народу, сопутствовал крайне низкий уровень жизни ведущих социальных слоев общества: трехмиллионного рабочего класса и 110-миллионного крестьянства. Рабочие существовали в тяжелых бытовых условиях: бараки, антисанитария, скудное питание по продкарточкам, распространение инфекционных, онкозаболеваний, туберкулеза. В итоге умирало множество людей трудоспособного молодого и среднего возраста¹⁴.

Против крестьянства, не желавшего подчиниться новой власти, применялась такая мера наказания как высылка вместе с детьми в отдаленные, совершенно неосвоенные районы страны. Под личным контролем Ягоды в апреле 1930 г. крупные партии раскулаченных были направлены на объекты золотодобывающей промышленности. Для работы на золотых приисках Сибири было выделено 2050 семей кулаков, на прииски Дальневосточного края – 2500 семей и 3500 человек – одиночек. В следующем, 1931 г., по неполным данным, ОГПУ направило на золотые прииски в Свердловскую область 1000 семей раскулаченных, в Новосибирскую – 1400 семей, в Хабаровский край – 3300 семей. Документы ОГПУ за 1931 г. свидетельствуют о массовой гибели высланных в Нарымский край крестьянских семей¹⁵. Общий «контингент» высылаемых кулацких семей в 1931 г. только в Казахстан составил 150 тыс. семей, их рассредоточили в районах бывших Акмолинского и Каркаралинского округов для работы в угольных шахтах, медном и железорудном деле, железнодорожном строительстве¹⁶.

На вокзалах и улицах центральных городов стали появляться дети спецпереселенцев, бежавшие из ссылки и пополнявшие ряды беспризорников. Жертвой политики ликвидации кулачества и пролетаризации крестьянства стали миллионы людей. Единого мнения историков о людских потерях среди спецпереселенцев пока не существует¹⁷.

Рабочие выражали свой протест главным образом средствами массовых забастовок, обусловленных длительными задержками и низким уровнем зарплаты; снижением тарифных ставок и расценок; повышением норм выработки; переходом на увеличенное число станков и сторонок, невыплатами за сверхурочные работы; непомерной интенсификацией труда, в том числе и женского, отсутствием социальной защиты и другое. Для этой большой, относительно сплоченной самими условиями работы и жизни группы населения была характерна неразрывная связь с деревней. Большинство рабочих в первой трети XX в. являлось выходцами из сельской местности, не порывавших связи с землей. Неизгладимая печать крестьянской общинной ментальности, традиций, привычек, уровня культуры и быта, отношения к труду лежала на облике рабочей сферы в рассматриваемые годы.

В своем тягостном положении рабочие обвиняли государство, политику советской власти, партию, профсоюзы. Рабочих возмущали бесхозяйственность, злоупотребления, грубость и невнимательность к их нуждам. К началу 1930-х гг. на биржах труда в СССР было зарегистрировано 1 млн 298 тыс. чел. безработных¹⁸.

Что касается деревни, то чрезвычайно опасным для власти становилось ожесточенное размежевание крестьянства на три основные группы: 23% составляли середняки, 63% – маломощные крестьяне, зажиточная группа составляла 14% населения¹⁹. Крестьянство проявляло недовольство непомерными налогами, низкими ценами на хлеб, высокими – на промышленные товары, так называемые «ножницы цен». Вместе с тем, сталинская риторика рассматриваемых лет сводилась к констатации факта беспримерного в истории события: а именно того, что крестьянство, в том числе середняк, повернулось к «социалистическому пути», в сторону колхозов²⁰. Частнособственнический инстинкт российского крестьянина, по мнению Сталина, был преодолен, перед обществом встала захватывающая перспектива социалистического строительства – в аграрном секторе, охватывавшим почти стомиллионную крестьянскую массу – основную часть населения советской страны.

Вместе с тем, мощные щупальца частной собственности, рыночных отношений и связанное с этим утверждение свободной и независимой от власти личности, крепко держали в своих объятиях значительную часть народа: крестьянство в этом ряду стояло на первом месте. Добиваться в этих условиях экономических, культурных успехов было достаточно трудно. Необъявленная война с деревней деформировала не только крестьянскую, но и общенародную ментальность. Престиж труда в сельском хозяйстве падал, и деревня постепенно умирала. Раскулачивание, насильственная коллективизация и последующее разорение колхозного хозяйства государственными заготовками и налогами привели к гибели крестьянства как класса, к разрушению вековых аграрных традиций. Разрушенный аграрный сектор экономики из ведущего донора индустриализации СССР, превратился в тормоз на пути социально-экономического развития страны. В 1930–1934 гг. государственные заготовки зерна буквально опустошали недавно образовавшиеся колхозы.

В социальном слое женщин-работниц возникла проблема «двойной ноши»²¹. Причем на текстильных предприятиях страны практиковалась выматывавшая система женского труда на двух-трех и более станках. Через десять лет в военные годы именно на женские плечи ляжет тяжелейшая ноша заменить мужчин на производстве.

Вполне очевидно, что общество в целом в рассматриваемый временной период переживало тяжелейший процесс приспособления к новой власти, новому укладу жизни, пытаясь в свою очередь как-то приспособить его к себе.

2. К середине 1930-х гг. в СССР завершилось формирование административно-командной системы

К середине 1930-х гг. в СССР завершилось формирование административно-командной системы. Ее важнейшими чертами были: централизация системы управления экономикой, сращивание политического управления с экономическим, усиление авторитарных начал в руководстве общественно-политической жизнью.

Именно к этому времени борьба за власть, увенчалась победой И. В. Сталина и его окружения. При осуществлении выбранной политической линии жестко отвергались альтернативные позиции и взгляды на характер экономической отсталости страны и пути ее преодоления, на перспективы победы социализма в одной отдельно взятой стране, аграрную политику,

подавлялась оппозиция, прекращались внутрипартийные дискуссии. Исходя из своей политической доктрины, в экономической политике большевистское руководство проводило линию на полное уничтожение частной собственности, планировалось постепенное обобществление производства и создание централизованного управления экономикой, национализировались банки, железнодорожный транспорт, средства связи.

Партия большевиков все более переставала быть политической партией, ее аппарат постепенно срастался с государственными структурами²². Именно она определяла политическую, идеологическую, экономическую и культурную ситуацию в стране, Сталин и его сторонники выступили за использование наиболее радикальных методов преобразования общества по социалистическому образцу, в их понимании.

Именно Сталину принадлежит как общий территориальный дизайн с установлением ранжированного ряда этносов и соответствующих им национально-территориальных образований разного уровня, так и базовые принципы функционирования: сопряжение этнического и территориального, горизонтальные ротации управленцев, множественность конкурирующих между собой управленческих вертикалей и другое. Сталин существенно расширил арсенал имперской политики, широко практикуя объединение разнородных этносов в национально-территориальные образования.

Верхом апологетики И. В. Сталина, как единственного и выдающегося теоретика партии и государства, явился труд «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). «Краткий курс», одобренный ЦК ВКП (б) и положенный²³ в основу политического просвещения и пропагандистской работы в стране, что означало канонизацию всей идеологической деятельности²⁴. На помпезно отмечавшемся в декабре 1939 г. 60-летнем юбилее И. В. Сталина, он был объявлен «вождем всех времен и народов», ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Сужение демократических свобод и прав граждан и общественных институтов сопровождалось ростом и укреплением культа вождя, которого можно рассматривать как родоначальника варианта советской империи. Шло насильственное перемешивание по территориям, переселение целых народов с окраин в центр. Несоответствие целей по преобразованию общества с методами их достижения и создание однопартийной политической системы отталкивали от большевиков демократическую интеллигенцию, казачество, кулаков, середняков, бывших представителей политических партий²⁵

Недовольство в обществе усиливалось разрушением вековых традиций, перекраиванием без учета исторических и этнических особенностей административной карты России. По данным 2-го Отделения Особого Отдела ОГПУ в 1930 г. по 13-ти районам СССР было зафиксировано от 60 до 68 восстаний с количеством участников восстаний – 63 845 человек. Восстаниями было охвачено 1 292 населенных пункта. Было изъято огнестрельного оружия – 16 771 единица. По продолжительности наибольшими были восстания в Казахстане – 346 суток, по СКК – 302 и в Восточной Сибири – 188²⁶.

Средняя продолжительность восстаний в сутках по 13-ти районам СССР была 1 056 суток. Лозунги в вооруженных выступлениях по СССР в 1930 г. были следующими: против колхозов, раскулачивания и арестов кулаков, против хлебозаготовительного налога, на религиозной почве (в том числе за шириат и ислам), за восстановление монархии, за свержение советской власти, за крестсоюзы, за свободу торговли и частную собственность, за демократию, за волю, землю, за Советы без коммунистов, националистические, автономистские, иттихадистские, муссаватистские, дашнакские, против пятилетки, за отмену деления на классы, против «диктатуры партии» и другое.

Вооруженные силы, участвовавшие в ликвидации повстанческих выступлений по СССР в 1930 г. насчитывали всего пштыков и сабель по 13-ти районам – войск РККА – 5 827, в том числе 2 933 в Закавказье, 725 – в Восточной Сибири. Вместе с ними в подавлении выступлений приняли участие войск ОГПУ – 2 354 человека. В ликвидации повстанческих выступлений по Северному Кавказу также участвовали две маневренные группы, 15 кавэскадронов, три каввзвода, 19-й дивизион ОГПУ, две пехшколы, 17 рот РККА, две роты связи, одна саперная рота, две пулеметных роты, 5 батарей, три бронемашин, три авиазвена²⁷.

По НВК в подавлении повстанцев участвовала одна пехотная школа, один взвод ОГПУ и один комотряд. В процессе ликвидации вооруженных выступлений по СССР за 1930 г. потери по СССР с учетом войск РККА, войск ОГПУ, сотрудников ОГПУ, милиции, актива совашарата – убито – 463 и ранено 355 человек. Причинами массовых выступлений за 1930 г. были: коллективизация, изъятие и ущемление антисоветских элементов, выселение, хлеб и мясозаготовки, налоги, продзатруднения, перевыборы. Подавление протестного движения являлось важнейшей задачей частей РККА совместно с ОГПУ. Протестные движения принимали форму достаточно продолжительных вооруженных восстаний, массовых непо-

виновений, кулацкого террора, массовых эксцессов в городах, распространении антисоветских листовок, забастовки, диверсии, шпионаж.

Важной частью формирования административно-командной системы управления промышленным и сельскохозяйственным производством явилось введение в декабре 1932 г. в Москве, Ленинграде и других крупных и портовых городах паспортной системы, распространенной в 1940 г. на все города и поселки городского типа. В сельской местности паспорта не вводились. За нарушения паспортного режима устанавливалась уголовная ответственность. Таким образом, паспортная система фактически прикрепляла крестьянина-колхозника к своему селу или колхозу.

Усиление централизма в партии стало основной частью командно-административной системы, сложившейся в 1930-х гг. не только в партии, но во всех отраслях народного хозяйства, государственного и хозяйственного управления. Командно-административная система пронизала все поры советского общества, его общественное сознание и психологию, выдвинула на первое место волевые методы управления. Постепенно партия взяла на себя руководство всей жизнью страны. На практике это руководство осуществлялось ЦК ВКП (б), Политбюро.

Складывалось несоответствие между официальным и фактическим механизмом государственной власти, которая принадлежала партийному аппарату, отождествлявшему себя с партией. Именно высшему партийному аппарату принадлежала и фактическая власть во всех областях жизни, и функции всестороннего контроля, включая контроль над всеми руководящими кадрами высшего ранга, во всех организациях и на всех предприятиях.

Оценивая командно-административные методы партийного руководства, следует отметить, что они в конкретно-исторических условиях строительства социализма в определенной мере способствовали целенаправленному использованию ограниченных материальных ресурсов на главных для укрепления экономики и обороноспособности страны направлениях. При оценке административных методов руководства в предвоенный период нельзя не учитывать необходимости ускорения темпов развития оборонного потенциала страны, обеспечения армии и флота новейшим вооружением в достаточном количестве.

Авторитарно-командная система осуществила предельную концентрацию власти с доведенным до предела единообразием и авторитарностью во всех сферах экономического, политического и культурного развития страны.

Существенным элементом функционирования государственного механизма стала репрессивная политика, направленная, как утверждали сами ее организаторы, «на борьбу с врагами построения нового общества», раскручивался маховик репрессий. Весной 1928 г. в советской прессе появились сообщения о разоблачении «крупной вредительской организации» в Шахтинском районе Донбасса, во второй половине 1930 г. страну известили о раскрытии новых мощных вредительских организаций: буржуазно-кадетской «Промышленной партии», кулацко-эсеровской «Трудовой крестьянской партии» и меньшевистского «Союзного бюро». Только в 1931 г. во внесудебном порядке ОГПУ были рассмотрены дела в отношении 2 490 лиц, из них 85 профессоров, 1 152 человека из инженерно-технического персонала, 249 экономистов, 310 агрономов, 22 ветврача и 666 других служащих²⁸. Одной из важнейших целей этой кампании стало стремление ее вдохновителей создать в стране обстановку всеобщего недоверия и подозрительности, сформировать в сознании людей убежденность в необходимости во имя борьбы с врагами дальнейшего свертывания демократических начал в жизни общества. Репрессивный меч обрушился на самые различные слои общества, включая, партийный и государственный аппарат²⁹. Были смещены и репрессированы партийные и советские руководители во всех без исключения союзных и автономных республиках, краях и областях. Только в 1939 г. из 1,4 млн заключенных 34,5% были осуждены по политическим мотивам³⁰. Репрессии прокатились тяжелым катком и по военным кадрам. За 1920-е и первую половину 1930-х гг., по словам Ворошилова, были уволены 47 тыс. командиров и начальников Красной Армии, в том числе 5 тыс. бывших оппозиционеров. По «делу военных» в 1937 г. прошли представители высших эшелонов руководства РККА: А. И. Корк, В. М. Примаков, В. К. Путьна, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, Б. Е. Фельдман, Р. П. Эйдеман, И. Э. Якир.

3. Духовная жизнь советского общества в предвоенные годы представляла собой сложное, противоречивое явление

В жизни советского общества в предвоенный период, несмотря на лишения и беды, всегда большое значение имела сфера духовная. Сложность оценки состояния общества упирается в расхождение между тем, какие ценности и идеалы преподносились в теории и официальной пропаганде, и тем,

что было на самом деле. На народное сознание сильное воздействие оказывала система образования, политическое просвещение и пропаганда, культурно-просветительные учреждения, научные достижения, художественная литература. Значительная часть населения была увлечена революционным оптимизмом и энтузиазмом. Средствами печати, радио, кино, театра славил человека труда, портреты энтузиастов трудовых починов не сходили со страниц газет. Страна была покрыта сетью радиотрансляционных узлов, входили в эксплуатацию радиорелейные станции, в домах трудящихся обычной становилась радиотрансляционная точка с репродуктором³¹.

По решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 июня 1939 г. была создана Высшая партийная школа при ЦК ВКП (б); в феврале 1941 г. открылись Ленинские курсы в Москве и Ленинграде, призванные осуществлять подготовку и переподготовку секретарей горкомов и райкомов партии.

Всеми средствами пропаганды у советских людей воспитывались не только вера, но и убежденность в возможности построения коммунистического общества в советской стране. И хотя знания были «идеальными, символическими» и насаждались они путем заучивания определенных лозунгов и догм, тем не менее, у народа складывалось убеждение в возможности построения коммунизма.

Важнейшим направлением идейно-воспитательной работы было воспитание советского патриотизма, что имело большое значение для подготовки трудящихся к обороне Родины. В патриотическом воспитании большую роль играли встречи с героями-современниками, рассказы по радио, публикации в печати о мужестве челюскинцев, попавших в ледовый плен, о летчиках, первым удостоенных звания Героя Советского Союза за спасение полярных исследователей, о беспримерных по дальности и продолжительности полетах экипажей В. П. Чкалова, М. М. Громова, В. С. Гризодубовой, о мировом рекорде летчика В. К. Коккинаки, о покорении Северного полюса.

Во второй половине 1930-х годов массовый героизм проявили бойцы и командиры Красной Армии в боях в республиканской Испании и Китае, в борьбе с агрессией японского милитаризма у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол, в военных действиях на Карельском перешейке зимой 1939–1940 гг. Их подвиги широко популяризировались, они стали примером для советских людей, готовившихся к вооруженной защите Родины.

Партийные решения предвоенных лет требовали от всех наций и народностей массового изучения русского языка. Вместе с тем, изучение русского языка считалось строго обя-

зательным, навязывалось сверху, что привело к тому, что в годы Великой Отечественной войны в части и соединения Красной Армии приходило немало людей из национальных республик, плохо владевших русским языком.

Надвигавшаяся война для многих трудящихся казалась не такой уж опасной. Однако после событий на Халхин-Голе и советско-финляндской войны в ЦК ВКП(б) и в Совет Народных Комиссаров поступало немало писем трудящихся с предложениями усилить подготовку страны к обороне. По указанию мартовского (1940 г.) Пленума ЦК ВКП(б), совещания по вопросам идеологической работы в Вооруженных Силах (апрель 1940 г.) в стране и армии стали предприниматься крупные меры по усилению военно-патриотической работы, воспитанию готовности к отражению военного нападения на страну.

Политорганы, партийные и комсомольские организации Красной Армии, Военно-Морского Флота нацеливали личный состав на улучшение полевой и морской выучки, добивались, чтобы принцип «Учиться тому, что необходимо на войне» стал ведущим в боевой подготовке. Среди населения и особенно молодежи усилились оборонно-массовая работа и пропаганда военных знаний. Была перестроена военная подготовка в высших, средних специальных учебных заведениях, допризывное военное обучение школьников. В печати, на радио, в выступлениях пропагандистов все более тревожно звучал голос о возрастающей военной опасности.

Система народного образования, широко развернувшаяся по всей стране, была нацелена на подготовку «строителей и защитников социализма».

Укреплению экономического и оборонного потенциала страны служило и развитие специального среднего и высшего образования³². К сожалению, к началу 1940-х гг. около 20% населения страны (от 9 лет и старше) так и осталось неграмотным. Не была полностью ликвидирована неграмотность и лиц трудоспособного возраста. Что же касается людей старше 50 лет, то они в подавляющей части оставались неграмотными.

В целом к началу 1940-х гг. в СССР было 14,7 млн человек, имевших неполное среднее, общее среднее и специальное среднее образование. При высоких мобилизационных возможностях советского строя этот потенциал в целом был достаточен для военного противоборства. Он позволял обеспечить соответствующим человеческим материалом все виды и рода Вооруженных Сил.

Рост численности инженеров, массовая подготовка трактористов (в случае необходимости легко превращающихся в тан-

кистов) и т. п. имели большое оборонное значение, хотя стимулировались нуждами мирного развития. Учебные заведения дали миллионам советских людей те знания, уровень которых в целом позволял специалистам трудиться по профессии в мирное время и осваивать новые специальности при перестройке народного хозяйства в соответствии с условиями войны.

В системе народного образования решались и воспитательные задачи, прививались высокое чувство долга, социальный оптимизм, способность к самопожертвованию во имя Родины, ответственность за судьбы социализма. Система народного образования, деятельность мастеров литературы и искусства³³, представителей общественных наук, также способствовали формированию нового поколения советских людей³⁴, огромное значение имели предвоенные достижения науки и техники, способствовавшие укреплению обороноспособности страны. Вместе с тем, для истории развития советской науки, и особенно отдельных ее отраслей, были характерны неравномерность, противоречивость, регрессивные и драматические перегибы. В эти годы бурное развитие получила советская массовая песня, хотя в песенном творчестве 1930-х гг., немалый вес имели казенный оптимизм, наивная самоуверенность, упрощение сложных вопросов общественного развития, преимущественное внимание к праздничным сторонам жизни и быта, безудержный культ Сталина.

Проводимая в стране социальная политика, утверждение в ней коммунистической идеологии не находила поддержку верующего православного населения, а к нему относилось до двух третей сельского и треть городского населения страны.

Духовная жизнь советского общества в предвоенные годы представляла собой сложное, противоречивое явление. С одной стороны, за годы советской власти Коммунистической партии удалось решить задачу воспитания у советских людей высокой политической сознательности, преданности идеалам социализма. Советский народ был готов самоотверженно и стойко защищать свое социалистическое Отечество. С другой стороны, говоря о духовной сплоченности советских людей в предвоенные годы, следует помнить, что на морально-политической атмосфере негативно сказывались ускоренная индустриализация, принудительная коллективизация, а также духовное принуждение людей. Произвол и беззаконие, всевластие Сталина породили обстановку взаимной подозрительности и недоверия, которая мрачной тенью ложилась на общественное сознание.

Серьезный вред мобилизации духовных сил общества перед лицом военной угрозы наносил отход от трезвой реалисти-

ческой оценки событий внутренней и международной жизни в политической пропаганде. Иллюзорный оптимизм, недооценка противника и переоценка собственных сил пропагандировались и военными руководителями. Проникая в средства массовой информации и широко распространяясь, подобные взгляды трансформировались в сознание масс. Создавая неправильное представление у советских людей о характере будущей войны, такие суждения отрицательно влияли на воспитание у них волевых качеств, снижали готовность народа к преодолению тяжких испытаний предстоящей войны, препятствовали мобилизации его духовных сил.

4. Особенности предвоенной политической системы в СССР

Советская политическая система до сих пор остается наиболее сложной структурой, когда-либо созданной в формате всемирной истории, что дает основание говорить о ее цивилизационном феномене. Серьезные деформации социализма, культ личности усиливавшаяся опасность войны особенно сказались на государстве, так как именно через государственный механизм осуществлялось управление обществом.

Руководство всеми сторонами жизни советского общества, подготовку народа к обороне страны, к отпору назревавшей вооруженной агрессии осуществляла Коммунистическая партия. Важное значение приобретал партийно-идеологический аппарат, тесно связанный с силовыми организациями и карательными структурами. К началу 1938 г. в ВКП(б) состояло 1 млн. 920 тыс. коммунистов, то есть почти на 1,3 млн. человек меньше, чем в 1933 г. Такое уменьшение числа партийцев произошло за счет того, что более 400 тыс. выбыли из партии механически, умерли, погибли, вышли из ее рядов добровольно, но большую часть выбывших составляли исключенные из ВКП(б). Из прошедших чистку 1 млн. 916,5 тыс. человек было исключено из партии 312,8 тысяч, или 16,3%, в том числе около 35% – по политическим мотивам. После чистки партии по постановлению ЦК ВКП(б) от 13 мая 1935 г. была проведена проверка партийных документов, а по решению декабрьского (1935 г.)³⁵ Пленума ЦК ВКП(б) – обмен партийных документов у всех членов и кандидатов в члены партии. При этом было исключено из партии еще около 324 тыс. членов и кандидатов в члены ВКП(б), в том числе свыше 34% – по политическим мотивам.

За весь 1937 г. было принято кандидатами в члены ВКП(б) 33,6 тыс. человек. Рост партии за счет приема стал возрастать

в 1938 г. и составил в 1938–1940 гг. 2 млн. 67 тыс. человек. За эти же годы восстановлено в партии 164,8 тыс. коммунистов. Это дало возможность к XVIII съезду партии (март 1939 г.) иметь свыше 2 млн. 477 тыс. коммунистов, а в последующем превзойти уровень начала 1933 г. В территориальных и военных партийных организациях в 1937 г. было исключено из партии почти 118 тыс. чел., в 1938 году – около 98 тысяч, а за два года – немногим менее 216 тысяч коммунистов³⁶. Следует отметить, что волна репрессий против коммунистов 1939 г. пошла на спад. За год было исключено из партии 26,7 тыс. членов и кандидатов в члены ВКП(б), однако в 1940 г. количество исключенных вновь возросло до 66,9 тыс., а в первую половину 1941 г. – до 58,2 тыс. чел. Новый рост количества исключенных из партии в 1940–1941 гг. в значительной мере был связан, как свидетельствуют протоколы местных партийных организаций, с выполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Лишь за вторую половину 1940 г. по этой причине исключено из ВКП(б) 15,3 тыс. человек. На 1 января 1941 г. в партии находилось 47,5% членов ВКП(б) со стажем менее пяти лет. Коммунистов же, вступивших в большевистскую партию при жизни В. И. Ленина и составлявших старую ленинскую гвардию оставалось всего 6,1%. Вместе с тем, 60% членов и кандидатов в члены партии имели не выше начального образования, а 4,6 тыс. человек были азбучно-неграмотными. Накануне войны в состав ВКП(б) входило 15 коммунистических партий союзных республик, имевших права областных партийных организаций и полностью подотчетных высшим органам Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)³⁷.

В предвоенные годы была созвана лишь одна, XVIII партийная конференция ВКП(б) (в феврале 1941 г.), которая обсудила доклады Г. М. Маленкова о задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта и Н. А. Вознесенского – о хозяйственных итогах 1940 г. и плане развития народного хозяйства на 1941 г., а также решила организационные вопросы³⁸.

Важнейшим событием стало принятие в декабре 1936 г. Конституции СССР, законодательно закрепившей руководящую роль Коммунистической партии как единственной политической партии в Советском государстве, ее место как «передового отряда трудящихся в строительстве и защите нового общества». Конституция СССР закрепляла факт построения

социализма в СССР, формирование дружественных социалистических классов. Провозглашалось, что «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян». Вся власть объявлялась принадлежащей трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся. В качестве экономической основы СССР закреплялись социалистическая система хозяйства, социалистическая собственность на орудия и средства производства в форме государственной (всенародное достояние) и кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений). Тенденция к демократизации наиболее ярко проявилась в решении Конституцией 1936 г. проблемы прав и свобод граждан. Закрепление прав и свобод граждан, равно как и обязанностей, в Конституции Союза ССР подчеркивало равноправие всех советских граждан независимо от расы, национальности, цвета кожи, языка, независимо от того, на территории какой союзной республики они проживали. В Конституции СССР 1936 г. были отменены ранее существовавшие ограничения прав для определенных категории граждан по классовому признаку. Это коснулось, прежде всего, политических прав, в том числе избирательного права, которое стало всеобщим, равным, прямым, при тайном голосовании, осуществлялось по единым нормам и территориальным избирательным округам, а также и ряда гражданских прав (например, снятия ограничений по классовому признаку для поступления в учебные заведения и т. д.). Одной из важнейших конституционных обязанностей граждан, их священным долгом стала защита социалистического Отечества.

Помимо политических прав Конституция впервые закрепила социально-экономические права (право на труд, на отдых, на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери работоспособности, на образование) и такие личные права, как неприкосновенность личности, жилища, охрана тайны переписки. Однако жизнь показала, что конституционные нормы о правах граждан в значительной мере носили декларативный характер. Конституция и практика деятельности госаппарата существенно расходились.

Значительные изменения были внесены в структуру, порядок образования и функции высших и местных государственных органов. В компетенцию Верховного Совета СССР входило рассмотрение и решение всех вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР, в том числе вопрос войны и мира, организации обороны страны и руководства Вооруженными Силами СССР. В компетенцию Президиума Верховного Совета СССР входил

ряд вопросов, относившихся непосредственно к организации обороны страны. В период между сессиями Верховного Совета СССР ему были предоставлены широкие права: объявлять состояние войны в случае военного нападения на СССР или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии, объявлять общую или частичную мобилизацию, назначать или смещать высшее командование Вооруженных Сил СССР³⁹.

На СНК СССР Конституция возлагала ответственность за защиту интересов государства, руководство общим строительством Вооруженных Сил страны. СНК определял ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу. В состав СНК входил и был подотчетен ему народный комиссар обороны, а с 1937 г. и нарком Военно-морского флота. Деятельность всех наркоматов, в ведении которых были различные составные элементы, Вооруженных Сил страны – Наркомата обороны (Красная Армия), Наркомата Военно-морского Флота (Военно-морской Флот), Совнарком СССР должен был координировать с оборонной промышленностью. Она разрабатывала и поставляла армии и флоту военную технику, вооружение, снаряжение и боеприпасы. ЦК ВКП (б) 27 апреля 1937 г. признал необходимым создать при Совнаркоме СССР Комитет Обороны СССР⁴⁰.

Суверенитет каждой союзной республики, входившей в состав советской федерации, должен был охраняться всей мощью Союза ССР. Этот момент особенно ярко проявился в дальнейшем – в ходе Великой Отечественной войны, когда территории ряда советских республик были оккупированы врагом (Украинской, Белорусской, Молдавской, Прибалтийских республик) и освобождались совместными усилиями граждан всех республик страны.

Очевидно, что большинство статей Конституции СССР 1936 г. резко расходились с реальной практикой. Речь идет, прежде всего, о таких принципах, как демократический централизм, выборность руководящих государственных органов, гласность в их работе, подотчетность исполнительных и других образуемых Советами органов, всеобъемлющий контроль трудящихся, коллегиальность в обсуждении и решении принципиальных коренных вопросов жизни государства.

Важным фактором развития советской государственности в предвоенные годы являлось принятие в состав СССР новых республик – Литовской, Латвийской и Эстонской, создание Молдавской ССР, воссоединение в едином Советском государстве украинского и белорусского народов. Согласно решению

VI-й сессии Верховного Совета СССР в апреле 1940 г. была создана Карело-Финская ССР. К началу войны в СССР входили 16 союзных, 21 автономная республика, 9 автономных областей и 10 национальных округов.

Преобразования общественного строя в новых республиках имели ряд существенных особенностей. В Прибалтийских республиках, Молдавской ССР и это отражалось в их конституциях, допускались мелкие частные промышленные и торговые предприятия, земля закреплялась за единоличными крестьянскими хозяйствами в установленных законом пределах⁴¹. Однако их реализация, как правило, вела к нарушению конституционных норм. В июне 1941 г. за 8 дней до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз началась массовая депортация в восточные и северные районы литовских, латышских и эстонских семей. Органами госбезопасности было раскрыто несколько ультранационалистических подпольных организаций, только в Латвии ликвидировано четыре резидентуры германской разведки⁴². Тогда же из Эстонии были выселены без суда и следствия более 10 тыс., а из Литвы – около 15 тыс. чел., среди которых почти 4/5 составляли женщины, старики и дети.

Оценка вхождения в СССР новых республик сложна и противоречива. Но негибкая политика, не учитывавшая особенности Прибалтики, административно-командные методы управления оттолкнули часть населения от поддержки советской власти и не могли не сыграть отрицательную роль в событиях первого периода войны, а также в послевоенное время.

Усилилась и приняла гипертрофированные размеры роль Генерального секретаря ЦК И. В. Сталина. При обсуждении вопросов в Политбюро решающее слово принадлежало Сталину, нередко он формулировал и диктовал текст, решения, а роль других членов Политбюро сводилась лишь к тому, чтобы одобрить эти предложения. Декларирование полноты власти Советов сочеталось с их фактическим безвластием, Произошла формализация деятельности Советов, их функции, особенно в высшем эшелоне власти, были сведены к автоматическому, единогласному утверждению подготовленных партийным и государственным аппаратом решений. Создавалась как бы иллюзия участия масс в осуществлении власти. И это не могло не сказаться на работе, политической сознательности и активности советских людей, на степени их влияния на принятие важнейших государственных решений.

В преддверии войны особенно важными были законодательные акты, направленные на усиление обороноспособно-

сти страны. 1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял Закон о всеобщей воинской обязанности. В нем на основе конституционного принципа о равенстве прав и обязанностей всех советских граждан и отмененных ограничений по классовому признаку было установлено, что все граждане СССР мужского пола несут воинскую обязанность на равных основаниях вне зависимости от социального происхождения, классовой, национальной, религиозной принадлежности. Статья 2-я закона гласила, что измена Родине – нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж – карается как самое тяжкое злодеяние. Призывной возраст был понижен с 21 г. до 19 лет, а для окончивших среднюю школу – до 18 лет. Закон установил единый порядок прохождения военной службы, отменив существовавшее ранее прохождение службы в территориальных частях и вневоинским порядком. Тем самым была создана юридическая основа кадровой армии, переход к которой от территориально-милиционной системы, начавшийся еще в 1935 г., был завершён к 1939 г.

Новые принципы строительства Вооруженных Сил, установленные Законом о всеобщей воинской обязанности 1939 г., сыграли существенную роль в укреплении обороноспособности СССР. Для повышения обороноспособности СССР были значительно увеличены и утверждены Верховным Советом государственные ассигнования на оборону страны.

В основе политической стороны советской военной доктрины в 20–30-е годы неизменно лежала идея вооруженной защиты социалистического Отечества от агрессии извне, и в этом плане доктрина имела оборонительный характер. В то же время на содержании военной доктрины не могло не сказаться влияние концепции мировой социалистической революции и, в частности, политических установок VII конгресса Коминтерна, которые, как известно, ориентировали на стратегию «победы социализма во всем мире», Мышление в духе мировой социалистической революции, искусственного ускорения мирового революционного процесса имело место со стороны и власти и общества непосредственно накануне войны⁴³. В качестве дополнительного источника трудовых ресурсов в период войны предполагалось использовать женщин, молодежь и подростков, а также мужчин, не пригодных к службе в армии по состоянию здоровья, пенсионеров, инвалидов. Считалось, что все слои населения должны знать основные ленинские положения о защите социалистического Отечества, понимать справедливый характер войны, обладать определенными на-

выками в военном деле, выполнении задач местной обороны, защиты от химического оружия, военно-санитарной подготовки. Однако система объективного формирования принципиальных установок, имевших доктринальное значение, в условиях всевластия И. В. Сталин в государственном масштабе практически не могла функционировать. В государстве не было системы политической блокировки ошибочных доктринальных положений. Резкое сужение демократизма привело к расцвету тенденциозных установок в теории: субъективистских решений в практике военного строительства.

В январе 1937 г. на заседании Политбюро было решено увеличить объем капиталовложений на 1937 г. по Наркомату оборонной промышленности и на оборонные объекты Наркомата тяжелого машиностроения на 1 млрд. 445,8 млн руб. В апреле 1941 г. начальник Главного управления политической пропаганды РККА А. И. Запорожец докладывал в ЦК ВКП(б), что около 76 тыс. политработников запаса, или 44% состоящих на учете, прошли военную переподготовку на сборах и курсах. Из них до 1939 г. – 10,2 тыс., в 1939 г. – 26 тыс. и в 1940 г. – 39,7 тыс. человек. Остальные 56% должны были закончить⁴⁴. В 1938–1940 гг. на нужды обороны было израсходовано более 113,1 млрд. руб. (60% из них – в 1940 г.). В 1941 г. военные расходы составили почти 71 млрд руб., или 43,4% всех расходов государства⁴⁵. Большое внимание уделялось также созданию государственных резервов и мобилизационных запасов.

Принятое накануне войны новое административно-территориальное деление⁴⁶ позволило сделать более тесными и мобильными хозяйственные связи внутри регионов, что было очень важно в условиях надвигающейся войны.

Таким образом, система государственного руководства жизнью страны перед войной была четко централизованной, охватывала все сферы народного хозяйства и культуры, что в значительной мере давало возможность успешной и последовательной организации обороны страны. Привлечение широких слоев населения к массовой оборонной работе, занятиям военно-прикладными видами спорта сыграло большую роль в укреплении обороноспособности в предвоенные годы, в подготовке трудящихся, молодежи к службе в армии и на флоте.

Ярким проявлением феномена советского гражданского самосознания стал 1941 г. Именно тогда в самых различных слоях народа вспыхнул невиданный еще патриотизм как показатель высочайшей гражданственности, сопричастности к судьбам страны, стремление к сопротивлению захватчикам. Это была советская модель гражданской соборности в период

нашествия агрессора. В этом очевиден тот своеобразный, трагический, но определенный для России ходом истории, путь прозрения и выработки гражданского самосознания ее народа.

Г. Е. Корнилов, А. В. Сперанский

ВКЛАД В ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ ВОЙНЫ ИСТОРИКОВ УРАЛА

Выдающаяся роль Урала, как кузницы оружия, предопределила повышенный интерес исследователей к военной истории края, выразившийся в написании большого количества различных научных работ⁴⁷. Накопление научной информации по военной проблематике шло постепенно.

Первый этап – с 1941 г. до середины 1980-х гг.; второй – с рубежа 1980-х – 1990-х – по 2010 г. Первые 45 лет (1941–1985 гг.), за исключением небольшого отрезка времени – с конца 1950-х до начала 1960-х гг., были отмечены безраздельным господством унифицированной методологии. При некоторых колебаниях в сторону усиления или ослабления идеологического диктата, общая направленность, выходящих из-под пера исследователей исторических трудов, не изменялась. Для последующих 25 лет (1986–2010 гг.) характерен мучительно сложный переход к новому качеству исторической науки, вектор которого был направлен от тоталитарной методологии к плюрализму мнений в рамках марксизма и далее к полному методологическому плюрализму.

За 1941–1985 гг. было опубликовано множество статей, брошюр по истории Урала периода Великой Отечественной войны. Одним из первых обстоятельный анализ развития уральской промышленности в период войны дал экономист К. И. Клименко⁴⁸, чьи изданные статистические материалы до сих пор используются историками. Обобщенные сведения о промышленном производстве на Урале, о роли региона в выпуске военной продукции приведены в книге Н. А. Вознесенского. Он первым предложил концепцию об истоках экономической победы Советского Союза над фашистской Германией⁴⁹. Об исторической роли Урала в Великой Отечественной войне речь также идет в работах Н. М. Шверника, А. Н. Лаврищева, Н. С. Патоличева, А. Е. Ферсмана, других партийных и государственных руководителей, организаторов производства, ученых, непосредственно участвовавших в превращении края в «становой хребет оборонь»⁵⁰.

Историки, анализируя трудные годы военного лихолетья, естественно не могли обойти стороной и героические свершения жителей уральского региона. Много интересной и полезной информации о боевых и трудовых подвигах уральцев имеется на страницах энциклопедии «Великая Отечественная война»⁵¹.

Материалы о военных буднях уральского тыла достаточно широко представлены в научных монографиях ученых-историков, пытавшихся проанализировать различные проблемы Великой Отечественной войны в общесоюзном масштабе. «Уральский след» явственно просматривается в исследовании Г. Д. Комкова, раскрывшего сущность идейно-политической работы КПСС в 1941–1945 гг., в трудах А. В. Митрофановой, Г. Г. Морехиной, Г. С. Кравченко, Г. А. Куманева акцент сделан на промышленном развитии СССР в военное время. В книге Ю. В. Арутюняна показан вклад советского крестьянства в общую победу над врагом⁵². Тема «Урал в обороне» самым активным образом разрабатывалась и на региональном уровне⁵³.

Постепенно по мере накопления материала уральские историки приступали к освещению отдельных аспектов и направлений функционирования Урала в годы Великой Отечественной войны. Прежде всего, пристальное внимание исследователей было обращено на процессы промышленных трансформаций уральской экономики в соответствии с условиями военного времени. Развитию отдельных отраслей промышленности Урала посвятили свои работы Г. И. Дедов, Н. П. Липатов, П. Г. Агарышев, А. Ф. Васильев⁵⁴. Вопросы пополнения отряда уральских рабочих, их трудовой активности, организации патриотических движений на производстве, привлечения к производственной деятельности женщин и подростков, были проанализированы в исследованиях Н. А. Мошкина, А. Г. Карманова, М. Н. Евлановой, Г. П. Ануфриенко и других⁵⁵.

Важное место в налаженной работе тыла отводилось развитию аграрного сектора, обеспечивавшего городское население Урала продовольствием. В ряде публикаций А. Б. Сендеревой, В. И. Швыдченко, А. Г. Наумовой, в рамках господствовавшей в то время идеологии, была продемонстрирована сила и жизнеспособность колхозного строя, готовность советского крестьянства вместе со всем народом защищать Родину⁵⁶.

Примечательным направлением исследовательской деятельности историков в «доперестроечное» время оставалась массово-политическая работа партийно-государственных структур среди населения, развитие духовного потенциала уральского региона в экстремальных условиях военного времени⁵⁷. Что касается культурного развития уральского регио-

на в военный период, то нужно подчеркнуть в первую очередь вклад исследователей в изучение проблем функционирования системы образования. Первая попытка показать деятельность уральских вузов в военный период была предпринята в одном из разделов монографии А. И. Деменева и Н. С. Добровольского «Высшее образование на Урале». Затем свет увидели статьи А. Г. Наумовой, З. И. Сираева, З. В. Семочкиной, Г. А. Ивановой, рассмотревших некоторые вопросы работы вузов Прикамья, Южного Урала и Башкирии⁵⁸.

Весомый вклад в изучение проблемы внесла З. И. Гузненко, подготовившая кандидатскую диссертацию «Руководство партийными организациями Урала высшей школой в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». На материалах Свердловской и Пермской областей⁵⁹. Вопросы, связанные с разработкой темы среднего специального образования на Урале в военный период, стали предметом исследования Н. Н. Баженовой. Автор проанализировала деятельность партийных организаций Урала по сохранению контингентов учащихся средних специальных заведений, по улучшению качества подготовки молодых специалистов, по укреплению учебной базы вузов и обеспечению их педагогическими кадрами⁶⁰. Проблема развития в годы войны средних общеобразовательных школ и других детских учебно-воспитательных учреждений ставилась в исследованиях Ю. С. Токаревой, Н. Н. Кузьмина, О. Н. Грачевой, Г. А. Ивановой, З. И. Гузненко, И. Ф. Плотникова⁶¹.

В первый период накопления исторических знаний (1945–1985 гг.) наиболее слабым местом в историографии культурного развития уральского региона военных лет являлась область литературы и искусства. За исключением работ А. В. Сперанского и Е. И. Семочкиной, касавшихся соответственно проблем развития театрального и изобразительного искусства, все остальные немногочисленные публикации были написаны практиками культурной сферы, носили, в основном, искусствоведческий или мемуарный характер⁶². В годы Великой Отечественной войны Урал был не только надежной тыловой базой, но и центром подготовки многочисленных частей и подразделений, воевавших практически на всех фронтах. Боевая доблесть уральских воинов была отражена в монографиях И. А. Кондаурова, С. Х. Айнутдинова, А. И. Корзикова. На страницах этих книг авторы показали процесс формирования уральских полков, дивизий, корпусов, их боевые маршруты, сражения с противником, связи фронтовиков с труженниками тыла⁶³.

Советский период историографии Великой Отечественной войны знаменовался появлением целого ряда работ, претендовавших на обобщение истории Урала. Это исследование Н. А. Мошкина, отразившее ратный и трудовой вклад трудящихся Удмуртии в победу над немецко-фашистским агрессором⁶⁴. Самоотверженная борьба башкирского народа по укреплению уральского тыла показана в монографии Т. Х. Ахмадиева⁶⁵. Итоговой работой первого этапа историографии можно считать коллективную монографию «Урал–фронту» (1985 г.). На основе широко используемых архивных документов автором комплексно рассмотрены вопросы организации тружеников края на развитие военного производства, сельского хозяйства, транспорта, работы партийных и советских органов власти⁶⁶.

Следует заметить, что основную часть названных работ отличает «трепетное» отношение к коммунистической идеологии, как к лучшей в мире, поэтому в строгом научном плане они, безусловно, несут на себе печать ущербности. Их выводы и оценки базируются не на беспристрастном и объективном анализе всего спектра проблем, а, прежде всего, на идеологических догмах и политических стереотипах, навязанных господствовавшим в 1945–1985 гг. в СССР политическим режимом.

Несомненный прорыв обозначился в историографии Урала периода Великой Отечественной войны в 1990-е годы XX и в первое десятилетие XXI вв. Изучение истории уральской промышленности было традиционным для региональной историографии. Но только в монографии А. А. Антуфьева представлен комплексный анализ не только топливно-энергетической отрасли, черной металлургии и машиностроения, но и цветной металлургии, химической, лесной, деревообрабатывающей, легкой, пищевой промышленности, имевших общесоюзное значение. А. А. Антуфьев утверждает, что во время войны уральская индустрия развивалась главным образом за счет экстенсивных факторов. Трехкратное увеличение валовой продукции было достигнуто благодаря сравнительно высоким закупочным ценам на военную технику, боеприпасы, снаряжение и другую продукцию, шедшую на оборонные цели. Отсюда высокие темпы роста промышленного потенциала Урала, как считает автор, были связаны, главным образом, с интенсивным развитием, прежде всего машиностроения.

Машиностроение развивалось за счет внедрения научно-технических достижений, чему способствовала эвакуация на Урал десятков научно-исследовательских, академических, учебных, проектно-конструкторских институтов. А. А. Антуфьев попытался найти новые, неординарные подходы к оценке про-

цессов, происходивших в кадровом составе уральской промышленности, выявлению роли командно-административной системы. Он исследовал уголовно-правовые меры принуждения, широко применявшиеся в сфере трудовых отношений, особенно при наборе рабочей силы на производство и в процессе укрепления трудовой дисциплины. В целом, автор делает правильный вывод, что, хотя СССР и превратился в величайшую военную державу, но по степени социально-правового развития, уровню жизни народа, образования, научно-технического прогресса страна оставалась на задворках мировой цивилизации⁶⁷.

Основные этапы становления и развития танковой промышленности на Урале выявил Н. Н. Мельников, он представил динамику выпуска основной продукции, исследовал взаимосвязи между танковыми заводами Челябинска, Свердловска и Нижнего Тагила, определил факторы роста производства бронетехники. Историк пришел к выводу, что к лету 1942 г. уральская танковая промышленность преодолела последствия эвакуации и с помощью переброшенных мощностей, кадров рабочих и специалистов смогла наладить серийное производство всех существовавших на тот момент типов танков: легких – Т-60, средних – Т-34, тяжелых – КВ⁶⁸.

Значительное место в освещении основных направлений деятельности Военно-промышленного комплекса Уральского региона в военный период отведено в коллективной монографии «Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней». Научный труд, вышедший в свет под редакцией А. В. Сперанского, стал первым в отечественной историографии, в котором, комплексно рассматривалась эволюция оружейного дела в регионе, специализировавшемся на производстве вооружений и боеприпасов на протяжении очень длительного исторического времени. Во главу угла авторским коллективом был поставлен человеческий фактор, что дало возможность продемонстрировать и творческий поиск выдающихся советских конструкторов. Книга дает понять читателю, что создание великолепных советских танков КВ, Т-34, ИС, обеспечивших советской стране победу в Великой Отечественной войне, напрямую связано с развитием инженерной мысли Ж. Я. Котина, А. А. Морозова, Л. С. Троянова, М. Ф. Балжи, творчества замечательных конструкторов артиллерии В. Н. Сидоренко, Ф. Ф. Петрова, Л. И. Горлицкого. Благодаря подвижнической деятельности конструкторов стрелкового оружия С. Г. Симонова, Ф. В. Токарева, М. Е. Березина, В. А. Дегтярева Красная армия оснащались в годы войны первоклассными пистолетами, винтов-

ками, автоматами, пулеметами, ни в чем не уступавшими лучшим немецким образцам⁶⁹.

В отличие от промышленности, аграрная сфера экономики Урала за годы войны оказалась подорванной. Исследования В. Т. Анискова, М. Н. Денисевича, Г. Е. Корнилова, В. П. Мотревича, Р. Р. Хисамутдиновой и других показали, что уральская деревня, заплатив дорогую цену за победу, неуклонно шла к разрушению.

Документы Наркомата заготовок СССР позволили выявить механизм военно-экономической мобилизации сельского хозяйства. Государство в годы войны постоянно изыскивало возможности увеличения изъятия сельскохозяйственной продукции у крестьянства. В этих условиях невозможно было осуществление и простого воспроизводства. Деревня тыловых районов работала на износ.

Роль промысловых и потребительских кооперативов в создании системы материально-бытового обслуживания населения стала предметом исследования А. А. Пасса. Совершенствование институциональной среды благотворно отразилось на показателях уральских промсоветов и промсоюзов. В 1944 г. промартели произвели товаров первой необходимости в 2,5 раза больше, чем в 1940 г. Почти на 880 млн руб. было изготовлено боеприпасов, армейского снаряжения и обмундирования. Наличие в советской системе кооперативных ассоциаций с отличным от госпредприятий экономическим содержанием повышало ее приспособляемость к перекосам и деструктивным воздействиям, вызванным милитаризацией народного хозяйства и военной обстановкой⁷⁰.

Новым направлением в изучении истории Урала военного времени стали историко-демографические публикации. Введение в научный оборот демографической статистики позволило выяснить количественные и качественные изменения в структуре населения региона. В ряде работ показана связь и зависимость демографических процессов с экономическим и социальным развитием. Более глубоко изучено сельское население региона⁷¹. В работах Г. Е. Корнилова выявлены две противоположные тенденции демографического развития: с одной стороны, значительный рост населения Урала в 1941–1942 гг. (на 9,9%), с другой – неуклонное сокращение его к концу войны (на 7,8%). Выявлено, что определяющим фактором количественных и качественных характеристик населения Урала были миграции⁷².

Специфика Урала состояла в том, что он находился в глухом тылу. Через его территорию проходили основные тран-

спортивные магистрали из европейской части СССР на восток. Промышленный потенциал региона позволил обеспечить трудоустройство эвакуированного населения и беженцев, а следовательно, возможность его выживания. Поскольку Урал принял более 2 млн мигрантов, изучение проблемы на материалах такого масштаба вышло за рамки регионального исследования.

В монографии М. Н. Потемкиной прослежены не только местные особенности приема, устройства и деятельности эвакуанселения, но выявлены общие закономерности этих процессов. Автор, проанализировав процессы реэвакуации населения, показала, что она осуществлялась с декабря 1941 по 1948 гг., проходила многообразными потоками, завершившись возвращением подавляющего большинства эвакуированных граждан на прежние места жительства. Последствиями пребывания эвакуированного населения на Урале были: интенсивное промышленное развитие региона, изменение кадрового состава рабочей силы, рост научного и культурного потенциала края.

Плодотворной, на наш взгляд, является попытка М. Н. Потемкиной выделить социальные потоки среди эвакуированных граждан⁷³. В исследованиях Н. П. Палецких впервые в региональной историографии рассмотрена социальная политика на Урале в годы войны. В ее монографиях в центре внимания оказались объективные и субъективные основы, пределы необходимого и возможного в социальной политике в условиях войны. Автор анализирует процессы выработки и реализации трудовой и налоговой политики, организации системы жизнеобеспечения, показывает источники и способы осуществления социальных мероприятий, выявляет основные тенденции развития социальной структуры, эффективность и результаты социальной политики в экстремальных обстоятельствах военного времени.

Автор пришла к выводу, что в основе трудовой политики в годы войны лежали апробированные методы: использование революционного энтузиазма масс, государственное принуждение и ограниченное применение экономических стимулов. Нельзя не согласиться с выводом Н. П. Палецких о том, что в годы войны советское государство прибегло к административно-мобилизационному механизму организации совокупного общественного труда. Разнообразие административных санкций давало усиление внеэкономического принуждения к труду, а в социальном смысле они означали широкомасштабные горизонтальные и вертикальные перемещения работников. По мнению Н. П. Палецких, первостепенное значение для прев-

ращения Урала в опорный край державы имели его социальные ресурсы, а также деятельность властей по их сохранению, возобновлению, наращиванию, использованию, развитию.

В решении социальных проблем властные структуры и в центре, и на местах проявили оперативность и политическую волю. В чрезвычайной обстановке и зачастую чрезвычайными методами партийно-советская система выполнила свою основополагающую функцию: организовала общество на отпор врагу и достижение победы⁷⁴.

Одному из аспектов социальной политики – трудовому подвигу подростков государственной системы трудовых резервов посвящена монография Г. К. Павленко. Формирование и развитие системы трудовых резервов исследованы на фоне процессов, проходивших на фронте и в тылу. В монографии сделана попытка выявить психологию поведения подростков-учащихся РУ и ФЗО, мастеров, руководителей учебных заведений. Автор отметила, что в годы войны воспитанники учебных заведений трудовых резервов составили 59% от рабочих, принятых в промышленность, на транспорт и стройки Урала. Что именно они – подростки военной поры, составили костяк тружеников страны, восстановивших ее из руин, освоивших новые технологии в 1950–1960-е гг.⁷⁵.

Представление о репрессивной политике советских властей на Урале дают исследования В. М. Кириллова. Он показал, что в конце 1930-х – 1940-е гг. в регионе были созданы многочисленные лагерные системы, пропустившие через себя сотни тысяч заключенных. Наиболее крупными из них были – Ивдельлаг, Севураллаг, Богословлаг, Тагиллаг. Обобщающий характер носит для историографии вывод В. М. Кириллова, что репрессии привели к колоссальной деформации морали и нравственности уральцев и невольных мигрантов. Лагерь и спецпоселения формировали новый тип человека – надломленного, привыкшего жить тяжелым нелюбимым трудом, молчаливого и покорного государственному насилию⁷⁶.

Исследование жизнедеятельности формирований из советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагерь НКВД СССР на территории Свердловской области, предпринял С. А. Разинков. На основе анализа массовых источников (карточек персонального учета и личных дел трудармейцев, архивно-следственных дел, учетных карточек и личных дел спецпоселенцев) он исследовал дислокацию, состав, режим содержания, условия трудового использования, материально-бытовое положение, господствующее психологическое состояние мобилизованных немцев двух крупнейших лагерных

систем региона. По его мнению, общее количество советских немцев-трудармейцев, прошедших через Тагиллаг, составило 6,7 тыс. чел., через Богословлаг – около 20,7 тыс. чел.⁷⁷

Деятельность военизированных трудовых формирований в годы войны на Урале проанализировал Г. А. Гончаров. Он предполагает, что с первых дней военного лихолетья была выделена особая социальная группа людей, которая должна была работать до конца войны в составе рабочих колонн. Наибольшей численности личного состава трудармия достигла в середине 1943 г. В это время она насчитывала более 190 тыс. чел., из которых: 61,7% представляли мобилизованные немцы, 35% – трудмобилизованные из Средней Азии и Казахстана и 3,3% – спецпоселенцы. В середине 1944 г. их численность сократилась до 140 тыс. чел. Вклад в победу над врагом они вносили в условиях полной изоляции и политического недоверия к себе⁷⁸.

Механизм реализации политики советского государства по отношению к иностранным военнопленным на Урале исследован в монографии Н. В. Суржиковой. На ее страницах автор раскрывает характер и направленность эволюции системы учреждений для содержания плененных солдат и офицеров противника, проанализирована динамика их численности и состава, освещены особенности материально-бытового обеспечения и трудового использования, политической и оперативно-следственной работы. Н. В. Суржикова определила, что на территории Свердловской области в 1942 – 1949 гг. функционировало 13 лагерей для военнопленных, через которые прошло более четверти миллиона военнослужащих германской, итальянской, венгерской, румынской, финской и японской армий⁷⁹.

Оперативную деятельность территориальных органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны впервые в региональной историографии изучил А. И. Вольхин. В его работах определено соотношение реальных и потенциальных, внешних и внутренних угроз безопасности Урало-Сибирского региона. Автор выявил роль и место органов госбезопасности в политической системе советского общества военных лет, исследовал разведывательные, диверсионные, вредительские, саботажнические, идеологические, повстанческие, террористические акции спецслужб иностранных государств и враждебных антисоветских элементов. По мнению А. И. Вольхина, органы госбезопасности СССР никогда не являлись самостоятельной и независимой силой, своеобразным «государством в государстве». Их деятельность находилась под контролем Политбюро ЦК, крайкомов и обкомов правящей партии, определявшей задачи, направления, фор-

мы и методы работы, структурные реорганизации спецслужб. Это предопределило их дуалистическую природу⁸⁰.

Продовольственное положение горожан Урала оказалось в центре внимания исследований А. Н. Трифонова. Историк проанализировал основные черты продовольственного положения населения региона накануне войны, выявил основные мероприятия по реорганизации системы снабжения продовольствием в военных условиях. В результате автор пришел к выводу, что сосредоточение в руках государства запасов продовольствия, строгая централизация планирования, распределение товарных ресурсов по единому плану, карточная система, жесточайший режим экономии позволили советскому государству наиболее эффективно использовать ресурсы и обеспечить нормированное снабжение городского населения⁸¹.

С вопросами продовольственного обеспечения уральцев в годы военного лихолетья тесно связана проблема голода. Эта тема находится в стадии разработки, поэтому исторические исследования в этом направлении ограничиваются пока небольшими статьями, затрагивающими лишь ее отдельные аспекты. Так, в работе М. Н. Денисевича предпринята попытка выявить и сформулировать основные этапы голода: время возникновения, апогей и продолжительность. Автор отметил, что на рубеже 1942–1943 гг. Урал оказался на грани голода. Апогей продовольственного кризиса и локальные очаги голода длились два года – 1943 и 1944 гг., однако массового распространения в период войны голод в регионе не получил. Эту точку зрения разделяет Г. Е. Корнилов, который, используя методику П. А. Сорокина, проанализировав широкий массив документов, также пришел к заключению, что массового голода, хронического недоедания в уральском регионе в 1941–1945 гг. не было⁸².

Культурному развитию Урала в годы войны посвящена монография А. В. Сперанского. Автор отметил, что влияние культуры ощущалось на состоянии общества военной поры, способствовало осмыслению происходившего, определяло единство целей, задач, чувств нашего народа, обуславливало его сознательное участие в боях.

Историк выяснил, что доля Урала в общероссийском культурном потенциале была значительна. В регионе к концу войны были сосредоточены 14% вузов, 16% средних специальных заведений, совместно подготовившие 10% всех российских специалистов. В областях и республиках Урала работало 15% общеобразовательных школ, 16% театральных учреждений, 27% киноустановок.

В годы войны, приходит к выводу А. В. Сперанский, проанализировав развитие литературы и искусства, героико-патриотические произведения, созданные деятелями культуры, не могли быть конъюнктурными, а выражали стремление всей страны к победе и во многом способствовали ее достижению. Впервые в региональной историографии А. В. Сперанский рассмотрел роль церковных организаций в годы войны. Он пришел к выводу, что либеральный поворот большевистской диктатуры к церкви был спланированным политическим маневром, целью которого было полное подчинение церковных институтов интересам воюющего государства. Автор заключает, что культурный потенциал Урала был полностью использован для организации обороны страны⁸³.

На втором этапе развития региональной историографии объектом пристального внимания историков стали религиозные процессы, происходившие на Урале в период военного времени. В свет вышел ряд публикаций, отражающих изменение религиозной ситуации, как на отдельных территориях, так и по всему региону в целом. В частности, в статьях Г. С. Бирилова, Г. М. Нечаева анализируется патриотическая деятельность представителей Пермской (в годы войны Молотовской) епархии, дается характеристика мобилизационного подъема среди верующих Прикамья. Т. А. Чумаченко, Г. Е. Корниловым на материалах Южного Урала и в общесоюзном масштабе прослеживают влияние новой религиозной политики советского государства на положение тружеников аграрного сектора⁸⁴.

В публикации Р. С. Аюпова представлена картина возобновления исламского движения в Башкирии, отражены его противоречия и компромиссы при взаимодействии с местными органами власти. А. Б. Юнусова, А. В. Сперанский исследовали историю распространения и функционирования ислама на территории Башкортостана в длительной исторической ретроспективе, процесс нормализации государственно-религиозных отношений, религиозной жизни мусульман в период войны и первые послевоенные годы, провели обобщенный анализ религиозной обстановки во всех пяти областях, двух автономных республиках уральского региона⁸⁵.

Уникальным явлением в историографии Урала стала публикация монографий, освещающих жизнедеятельность уральских городов в условиях военного времени. Первым исследованием подобного рода стала работа А. В. Федоровой, посвященная истории г. Оренбурга в годы Великой Отечественной войны. Как расширились функции города, стал ли город

«городом-заводом», что представляла собой в тот период социальная сфера областного центра – на эти и другие вопросы отвечает историк. А. В. Федорова показала этапы мобилизации горожан на фронт, организацию военного производства, прием и размещение эвакуированных предприятий и населения. Лучшими сюжетами книги, на наш взгляд, являются те, где дан рассказ о культурной жизни города – театрах, деятелях культуры. Эта работа явилась отправной точкой для развития исторического городоведения на Урале⁸⁶.

Вторым обобщающим трудом, воссоздавшим историю города в военных условиях, стала коллективная монография «Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.». В книге, опубликованной под редакцией А. В. Сперанского, отмечено, что предприятия города за годы войны увеличили объем продукции в 7 раз. Главным источником самоотверженной работы «свердловчан», их стойкости и терпимости в преодолении трудностей, их готовности пойти на жертвы и лишения был патриотизм. Впервые в региональной историографии проанализирована демографическая ситуация в городе. Показана динамика роста населения Свердловска, достигшего 548 тыс. чел. Сделан вывод о том, что город стал не только грандиозной кузницей оружия и местом подготовки прославившихся на фронте воинских частей и соединений, но и уникальным центром культуры, оказавшим влияние на всю борющуюся с неприятелем страну. Авторы монографии приходят к выводу, что суровые годы войны сплотили население города, заставили его в едином порыве отдавать все свои силы для достижения победы над врагом⁸⁷.

Начиная с 1990-х гг., по вполне понятным причинам, практически прекратились исследования деятельности партийных, комсомольских, профсоюзных организаций. Последней работой, посвященной анализу исторического опыта идеологической работы коммунистов в годы войны, стала монография Б. П. Дементьева. Коммунисты, безусловно, влияли на все сферы общественной жизни, формировали образ врага, призывали к беззаветному служению Отечеству, поднимали патриотический дух, объединяли население на борьбу с фашизмом. Выдвинув четкий и понятный людям лозунг «Все для фронта! Все для победы!», они сумели добиться общественно-политической консолидации советского общества⁸⁸. В условиях, когда конъюнктурно-политические страсти заметно поостыли, исследования деятельности партийных, общественных организаций, местных органов государственной власти необходимо продолжить, используя труды предшественников

и появившиеся возможности изучения ранее недоступных архивных документов.

Проблемы подготовки резервов для фронта, включая ее боевую, политическую, материально-техническую составляющие, боевые действия уральских подразделений на фронтах Великой Отечественной войны тоже стали меньше привлекать исследователей в постсоветский период накопления исторических знаний. Тем значимей вклад в региональную историографию работ В. П. Могутнова. С началом войны, демонстрирует автор, мобилизация людских и материальных ресурсов осуществлялась на основе расчетов мобилизационного плана. На одно из первых мест выдвинулась задача мобилизации в РККА военнообязанных, находившихся в запасе и получивших армейскую подготовку в предвоенные годы. Анализируя потребность армии в пополнении, В. Могутнов охарактеризовал дополнительные источники ее комплектования. Он приводит сведения о направлении в армию военнообязанных из числа ранее судимых, рабочих строительных колонн, ограниченно годных по состоянию здоровья, других категорий населения. Автор изучил деятельность военных комиссаров и исполкомов местных советов по подготовке молодежи к военной службе, организации лечебно-оздоровительных и профилактических мероприятий, повышении общеобразовательного уровня призывников. За годы войны, отметил историк, заметно выросло количество призывников, прошедших вневойсковое обучение на различных курсах, подразделениях Всевобуча, осовиахимовских подразделениях⁸⁹.

На втором этапе региональной историографией предпринимались попытки комплексных исследований по истории Урала в годы Великой Отечественной войны. К работам субрегионального характера относится монография В. Д. Павленко и Г. К. Павленко, посвященная воинам и труженикам Челябинской области. На ее страницах отражены основные военные операции с участием южноуральцев на фоне широкой панорамы тяжелой и самоотверженной работы тружеников области ради свободы и независимости Родины⁹⁰. Вклад в победу над грозным врагом еще одной уральской территории – Башкирии, отражен в монографии Р. С. Аюпова. Изучив большой массив опубликованных и архивных документов, труды предшественников, автор исследовал перестройку на военный лад народного хозяйства Башкирии, общественно-политическую жизнь, развитие культуры и искусства. Положительным моментом является и то, что в книге изложен не только трудовой, но и ратный подвиг тружеников республики⁹¹.

На уровень общеуральских обобщений претендуют крупные разделы о Великой Отечественной войне, подготовленные А. В. Сперанским и опубликованные в коллективных монографиях «Урал в панораме XX века» («Опорный край державы») и «Военная история Урала. События и люди» («Священная война»). В исследованиях, базирующихся на впервые вводимом в научный оборот архивном материале, показана геополитическая роль уральского региона в стратегии Второй мировой войны. Не обойдены вниманием и процессы формирования уральских воинских подразделений, их участие в сражениях Великой Отечественной войны⁹².

Общеуральская проблематика превалирует и в монографии И. А. Якунцова. На ее страницах освещаются наиболее значимые события истории Великой Отечественной войны, связанные с Уралом и уральцами – воинами и тружениками тыла, внесшими весомый вклад в достижение Великой Победы. Автор демонстрирует примеры патриотизма, героизма и жертвенности, проявляемые населением «станового хребта оборонь» в тяжелейших условиях военного времени⁹³.

Заметным явлением в историографии стал выход сборника-справочника «Урал ковал победу» под редакцией П. Г. Агарышева. В книге представлена документальная информация о вкладе уральцев в разгром немецко-фашистских захватчиков. Впервые в одной книге даны биографические справки на 657 уральцев, ковавших победу в тылу; содержится список предприятий, награжденных орденами и получивших на вечное хранение красные знамена. В сборнике перечислены воинские формирования, отправленные с Урала на фронт; госпитали, в которых находились на излечении раненые; трудовые коллективы, граждане, оказавшие помощь фронту и получившие благодарность от Верховного Главнокомандующего⁹⁴.

Заметное место в изучении истории Великой Отечественной войны занимают традиционные военно-исторические чтения, проводимые в Екатеринбурге. В рамках этих мероприятий было проведено несколько крупных научных форумов, всероссийского и международного масштаба. Опубликованные доклады дают возможность подвести промежуточные итоги изучения истории региона в военный период и определить перспективы дальнейших исследований. Они во многом содействуют укреплению общественного интереса к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, совершенствованию процесса духовно-патриотического воспитания населения, направленного против искажения исторической памяти в гражданском сознании населения России⁹⁵.

В целом следует отметить широту проблем и комплексность работ, вышедших в регионе за последнюю четверть века. Важную значимость должно приобрести изучение особенностей быта, феномена массового участия женщин в индустриальном производстве и на фронте, продолжение изучения ратных дел уральцев на фронтах, роли психологического фактора, отражение роли Уральского региона в мировой истории середины XX столетия.

Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Крупный массив материалов по рассматриваемой проблеме находится в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Они хранятся, прежде всего, в фондах высших и центральных государственных учреждений, судебно-следственных органов, общественных организаций. Социально-экономическое развитие региона нашло отражение в широком комплексе документов Российского государственного архива экономики (далее – РГАЭ). Различные аспекты участия жителей Северного Кавказа в войне раскрывают материалы Российского государственного военного архива (далее – РГВА) и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ).

Наиболее значительный комплекс документов по истории Северного Кавказа в рассматриваемый период хранят архивы региона: Это Главное архивное управление Государственного архива Ставропольского края (далее – ГАУ ГАСК), Государственное учреждение Краснодарского края «Государственный архив Краснодарского края» (далее – ГАКК), Государственное учреждение «Центральный государственный архив Республики Дагестан», Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР), Центральный государственный архив Республики Северной Осетии – Алании (далее – ЦГА РСО–А). В связи с повышением статуса ряда субъектов России на Северном Кавказе областные архивы Адыгеи и Карачаево-Черкесии были преобразованы в Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ГУ НАРА) и Республиканское

государственное учреждение «Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики» (далее – РГУ ГАКЧР).

В 1990-е гг. на базе прежних партийных архивов в регионе возникли: ГАУ ГАНИСК, Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦДНИ КБР), ЦДНИКК, Республиканское государственное учреждение «Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики» (далее – РГУ ЦДОДи-ПКЧР), Центральный государственный архив историко-политических документов Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГАИПДРСО–А). В ряде субъектов бывшие партийные архивы вошли в состав государственных архивов. В Республике Адыгея фонды бывшего Партийного архива ААО составили специальное хранилище в Национальном архиве – ХДНИ ГУ НАРА. Материалы по истории региона хранятся также в архивных отделах городских и районных администраций, различных ведомственных архивах. Например, документы органов НКВД и НГКБ находятся в архивах региональных управлений ФСБ.

В самом начале 1990-х гг. были практически полностью уничтожены архивы бывшей Чечено-Ингушской АССР. В настоящее время ведется работа по формированию архивного фонда в Чеченской Республике и Республике Ингушетии, в обеих республиках созданы соответствующие органы управления, координаты которых размещены на портале «Архивы России». Однако вернуть большую часть утраченных документов практически невозможно. Вероятно, единственный способ хотя бы частичного воссоздания документальной базы по истории Чечни и Ингушетии в рассматриваемый период времени – выявление и копирование соответствующих материалов в ГАРФ, РГАСПИ и других архивах России и зарубежных стран. Для этого в обеих республиках приняты специальные целевые программы.

В соответствии со сложившейся традицией, исторические источники военной темы обычно разделяются на две большие группы: официального и личного происхождения. В свою очередь официальные документы по истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны можно разделить на несколько больших комплексов в соответствии с их происхождением и содержанием. Первый и самый крупный из них составляют советские источники официального происхождения, включающие гражданскую и военную документацию. Наиболее значительный массив данных по рассматриваемой проблеме содержит официальная советская гражданская до-

кументация, среди которой выделяют законодательные источники, директивную и делопроизводственную документацию государственных, партийных и советских органов, судебно-следственные материалы, документы общественных организаций, статистические источники.

Законодательные источники представлены законами СССР и РСФСР, указами и постановлениями ЦИК СССР, ВЦИК, президиумов верховных советов СССР и РСФСР. Основная часть законодательных актов была опубликована непосредственно после их принятия, полные тексты других документов, например указов Президиума Верховного совета СССР о принудительном выселении народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, опубликованы в последние годы. Не публиковались подготовительные материалы, использование которых позволяет реконструировать сам процесс разработки и принятия законодательных актов.

Особенностью советского строя являлось то, что партийные директивы лежали в основе всей деятельности государства, комсомола и других общественных организаций, а решения высших и центральных органов служили базой для разработки нормативно-правовых актов на местах. Поэтому официальные советские документы разделяют на документацию директивно-политического и директивно-исполнительного характера высшего уровня, а также документацию, связанную с непосредственной организацией и обеспечением выполнения директивных документов высшего уровня. Необходимо также учитывать, что в рассматриваемый период действовало немало чрезвычайных органов власти, не всегда соответствовала правовым нормам и практика работы конституционных органов, в результате принятые решения не часто облекались в форму соответствующих нормативно-правовых актов, что создает определенные сложности для исследователей.

В подклассе документации директивно-политического характера высшего уровня выделяются, во-первых, указания и поручения И. В. Сталина на поступившие к нему документы, во-вторых, постановления Политбюро ВКП(б); в-третьих, протоколы заседаний Политбюро, Секретариата, совещаний членов Политбюро, секретарей ЦК ВКП(б) и материалы к ним, записи бесед членов Политбюро и секретарей ЦК. Значительное количество указанных документов, определявших выработку официального советского курса, содержится в фонде ЦК ВКП(б) в РГАСПИ. Однако по доступным в настоящее время исследователям кратким записям постановлений заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) невозможно выяснить мнение

того или иного партийного руководителя по принимаемому вопросу. Основная масса материалов – подготовленные документы к постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б) – находятся в «закрытом» для исследователей АПРФ, малодоступны для историков и стенограммы их заседаний.

Впрочем, даже расширение доступа исследователей ко всему комплексу документов, хранящихся в архивах, не решит всех проблем. Современные исследователи указывают на то, что «наиболее существенные с научной точки зрения документы, способные в какой-то мере раскрыть “кремлевские тайны”, давно уничтожены»⁹⁶. Например, когда материалы архивов И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и других советских лидеров поступили в РГАСПИ из АПРФ, выяснилось, что они практически не содержат принципиально новой информации о деятельности Политбюро ЦК ВКП (б). Вполне вероятно, что еще в 1930-х гг. и в последующее время из этих документов было изъято все, что компрометировало большевистскую систему. И. В. Сталин лично комплектовал свой архив и сам решал, какие документы оставить, а какие уничтожить⁹⁷. Другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) также самостоятельно решали, какие свои письма хранить в партийном архиве, а какие оставить у себя.

Самую значительную часть документов директивно-исполнительного характера высшего уровня составляют постановления и распоряжения СНК СССР и РСФСР, бюро СНК РСФСР, союзных и республиканских наркоматов и других ведомств. К этой же группе относятся принятые в годы войны постановления ГКО СССР, которые фактически имели силу законов, приказы и распоряжения Центрального штаба партизанского движения (далее – ЦШПД). Законодательная и директивная документация высшего уровня позволяет представить основные направления советской политики на Северном Кавказе в годы войны. Помимо официальных документов общего характера, определявших развитие Северного Кавказа, высшие и центральные партийные и советские органы приняли немало нормативно-правовых актов, посвященных непосредственно событиям в данном регионе.

Основной массив документации, связанной с организацией и обеспечением выполнения директивных документов высшего уровня на Северном Кавказе, сосредоточен в архивах региона. По степени значимости среди нее выделяются, во-первых, директивные документы региональных партийных органов – постановления пленумов и бюро крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б), так как именно они иг-

рали ключевую роль в системе органов власти и управления на Северном Кавказе. Не обладая формально высшей юридической силой, они фактически определяли порядок и направления деятельности других региональных органов власти и управления, отдельных предприятий и учреждений.

Во-вторых, это постановления городских комитетов обороны Краснодара, Новороссийска, Майкопа, Темрюка, Туапсе, Кизляра, приказы и распоряжения Южного, Краснодарского, Ставропольского и других штабов партизанского движения, созданных в годы Великой Отечественной войны. В-третьих, материалы сессий местных советов, постановления, решения и распоряжения краевых, областных, окружных, городских, районных и волостных исполкомов, поселковых и сельских советов, протоколы общих собраний граждан населенных пунктов. Как и в центре, многие решения руководства краев, республик и областей Северного Кавказа оформлялись совместными постановлениями партийных и советских органов и откладывались, соответственно, и в партийных, и в советских фондах.

Директивные документы партийных и советских органов региона характеризуют основные направления в их деятельности, условия жизни населения региона в рассматриваемый период времени. В мотивировочной части они нередко содержали оценку обстановки, в постановляющей – определяли задачи развития региона. Однако информация, содержащаяся в директивной документации, не раскрывает самих процессов принятия и выполнения решений, их результатов, реакции общества на деятельность власти.

В данной связи определенные возможности для исследователей предоставляет делопроизводственная документация, которую по ее характеру подразделяют на несколько основных групп. Во-первых, это документы, характеризующие задачи, компетенцию, порядок деятельности различных учреждений и организаций (к ним относятся различного рода нормативные акты, уставы и инструкции). Во-вторых, документация, освещающая процесс выработки, обсуждения и принятия решений об основных направлениях деятельности органов и учреждений (планы работы, проекты постановлений, протоколы и стенограммы). В-третьих, документы, раскрывающие ход исполнения принятых решений (докладные записки, справки, информации). В-четвертых, документация, посвященная итогам деятельности учреждения или органа за определенный временной промежуток (отчеты, справки).

Кроме того, по уровню принадлежности выделяются делопроизводственные документы высших, центральных, регио-

нальных и местных органов власти и управления. К делопроизводственной документации высших и центральных органов власти относятся протоколы заседаний, подготовительные и перспективные материалы СНК, Госплана, наркоматов и других ведомств СССР и РСФСР. Это планы, докладные записки, справки, сводки о развитии отдельных отраслей народного хозяйства, составлении бюджетов, регулировании цен и зарплаты, борьбе с преступностью, детской беспризорностью и по другим вопросам, а также деловая переписка высших и центральных государственных учреждений. Так, в докладных записках «Особой папки» Сталина содержатся сведения о количестве, хозяйственном положении и политических настроениях жителей Северного Кавказа, выселенных в Казахскую и Киргизскую ССР⁹⁸. Документы Транспортного комитета при ГКО СССР в фонде СНК СССР ГАРФ освещают работу водного и железнодорожного транспорта на Северном Кавказе, эвакуацию подвижного состава, строительство железнодорожной линии Кизляр – Астрахань в годы Великой Отечественной войны⁹⁹.

Значительным информативным потенциалом обладает делопроизводственная документация региональных и местных органов власти и управления, немалая часть которой еще не введена в научный оборот. В содержательном отношении в качестве особой группы данных документов выделяются протоколы заседаний пленумов и партийных бюро, партийного актива крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б). Как исторический источник данную группу отличает широкий, систематизированный характер содержащейся информации, сравнительно высокая степень архивной обработки (снабжены соответствующими указателями) и хорошая сохранность значительной части материалов (машинописный текст). Многие документы введены в научный оборот, часть опубликована в основном в извлечениях, так как в них содержатся и сведения личного характера, критика отдельных коммунистов и учреждений, информация о решении текущих вопросов, считавшаяся «несущественной» для историков. В меньшей степени в научный оборот введены протоколы заседаний городских комитетов обороны Северного Кавказа. Другую группу документов составляет деловая переписка. Прежде всего это переписка региональных органов власти с ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, ВЦИК, президиумами верховных советов и СНК СССР и РСФСР, наркоматами, другими высшими и центральными государственными и партийными органами. Телеграммы, отчеты, докладные записки и другие документы позволяют выяснить взаимоотношения различных органов

власти, их степень ответственности в принятии тех или иных решений, характеризуют выполнение партийно-правительственных директив на Северном Кавказе.

Дублирование деятельности партийных и советских органов выразилось в том, что многие вопросы хозяйственного и социального развития Северного Кавказа в 1941 – 1945 гг. нашли отражение в документах и тех и других учреждений. Так, развитие промышленности и сельского хозяйства региона характеризуют документы соответствующих отделов партийных органов, исполкомов, а также производственных объединений, трестов, заготовительных контор Северного Кавказа. Это протоколы и стенограммы совещаний секретарей партийных организаций предприятий и кооперативов, производственных совещаний, планы, отчеты и справки об их выполнении, ходе полевых работ, восстановлении предприятий после освобождения и другие материалы. В целом, данные документы позволяют охарактеризовать структуру народного хозяйства региона, выпуск различных товаров, выполнение продовольственных заготовок, сдачу государству зерна, мяса, молока, птицы, состояние производственной базы, полей и семенных культур. Немало документов показывает развитие социалистического соревнования, внедрение передовых методов труда и другие патриотические инициативы рабочих и служащих. Документы фондов отдельных промышленных предприятий, комбинатов, заводов, фабрик, политотделов МТС, совхозов и колхозов отражают общий объем их производства и выпуск отдельных видов продукции.

Состояние транспортной сети Северного Кавказа освещают документы отделов транспорта партийных органов и исполкомов, отделы шоссейных дорог при управлениях НКВД, управления и тресты дорожного строительства, ремонта и эксплуатации. В фондах пароходств и портов хранятся приказы, распоряжения, планы, отчеты, обзоры, доклады, характеризующие развитие морского и речного транспорта. Вопросы торговли и снабжения населения, состояние детских домов и госпиталей, коммунального и жилищного хозяйства характеризуют документы соответствующих отделов партийных органов и исполкомов, а также торговых контор. Здесь хранятся их уставы, планы товарооборота, приказы, распоряжения, протоколы совещаний, сведения о структуре розничной торговой сети, снабжении населения промышленными и продовольственными товарами, конъюнктурные обзоры и итоговые отчеты по торговле.

В фондах управлений строительства и архитектуры, строительных трестов имеются документы по вопросам строитель-

ства и реконструкции городов и поселков, их восстановления после освобождения от немецкой оккупации. Они практически не вовлечены в научный оборот, как и материалы фондов организаций потребительской кооперации на Северном Кавказе. В связи с тем, что данная тема не являлась предметом специального изучения, исследователями не использовались постановления городских и районных потребительских союзов и обществ, протоколы собраний пайщиков, заседаний правлений, планы и годовые отчеты, акты документально-финансовых ревизий и другие материалы.

Благоприятные природные условия Северного Кавказа способствовали успешному развитию в регионе санаторно-курортной отрасли, в годы Великой Отечественной войны преобразованной в госпитальную базу. В научный оборот введен ряд документов краевых управлений госпиталями: планы, доклады, акты, политдонесения, характеризующие настроения раненых и персонала. Фонды краевых, республиканских, областных, окружных, городских и районных отделов здравоохранения содержат документы о работе медицинских учреждений, состоянии здоровья населения, данные медико-санитарных обследований, сведения о борьбе с инфекционными заболеваниями. В меньшей степени использованы данные о профилактической, противозидемической, лечебной и санитарно-просветительской работе, приказы главных врачей, протоколы заседаний медицинских советов, комплексные планы, отчеты, которые находятся в фондах СЭС, больниц и других медицинских учреждений.

Материалы фондов отделов социального обеспечения исполкомов раскрывают порядок назначения государственных пособий многодетным и одиноким матерям, инвалидам, престарелым, сиротам и другим категориям лиц, нуждавшихся в дополнительных мерах социальной защиты, вопросы их трудоустройства, обеспечения детских домов и домов-интернатов, проведение других социальных мер. Значительная часть документов данных фондов, особенно материалы, посвященные рассмотрению жалоб и заявлений граждан, не рассматривалась историками. Между тем они отражают не только степень эффективности работы социальных органов, но и материальное положение и настроения отдельных социальных слоев в годы войны. Физкультурно-массовую работу, проведение спортивных соревнований характеризуют документы комитетов по физической культуре и спорту местных исполкомов. Вопросы духовного развития советского общества всегда находились под особым контролем партийных органов. В на-

учный оборот введены многие материалы отделов агитации и пропаганды крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б), так как данное направление деятельности партии не раз являлось предметом специального изучения историков. Однако при этом не всегда в должной мере учитывались их пропагандистский характер, идеологическая направленность. Указанные дела содержат планы, отчеты, докладные записки о работе органов народного образования, школ и дошкольных учреждений, радиокомитетов, газет и издательств, киносети и учреждений культуры, агитационных коллективов и лекторских групп, а также документы о деятельности духовенства, борьбе с детской безнадзорностью и преступностью, проведении смотров художественной самодеятельности, курсов пропагандистов и других вопросах. Часть документов только недавно, после их рассекречивания стала доступна исследователям.

Вопросы развития образования на Северном Кавказе раскрывают также документы соответствующих фондов исполкомов, а также вузов, техникумов, училищ, школ: акты проверок готовности учебных заведений к учебному году, списки педагогов, учащихся и студентов, приказы, протоколы заседаний ученых и педагогических советов, планы и отчеты о работе. Фонды отделов и управлений культуры и кинофикации, музеев, научно-исследовательских учреждений, театров, филармоний, библиотек содержат уставы и паспорта данных учреждений, документы об их деятельности в военное время, эвакуации и возвращении после освобождения.

Наряду с фондами, документация которых отражает различные аспекты социально-экономической, политической и культурной жизни региона, в архивах сложились специальные комплексы документов, характеризующих определенные темы и периоды его истории. К ним можно отнести и ряд фондов военного времени. Так, стенограммы и протоколы совещаний, докладные записки и информации военных отделов партийных органов, их переписка с командованием Северо-Кавказского военного округа характеризуют проведение мобилизации, состояние оборонной работы, всеобуча, выполнение военных заданий промышленностью, а также формирование добровольческих частей, истребительных батальонов, сбор теплых вещей и другие патриотические инициативы населения региона в 1941–1945 гг. В фонде Ставропольского крайкома партии выделен комплекс дел комиссии по комплектованию Орджоникидзеградской добровольческой кавалерийской дивизии¹⁰⁰, но данные материалы встречаются и в других делах.

Особый комплекс документов составляют и материалы о развитии сопротивления оккупантам в период Великой Отечественной войны, которые можно разделить на несколько групп. Во-первых, это нормативно-распорядительные источники, отражающие процессы создания партизанских отрядов и соединений, организацию их внутренней жизни, участие в боевых действиях, развертывание подпольной сети. Однако исследователи справедливо указывали, что предписанные ими действия не всегда в реальности осуществлялись¹⁰¹. Во-вторых, разнообразные по форме и тематике оперативные источники: акты о боевых действиях, в которых указывался состав и обязанности участников, служебные дневники, оперативные и разведывательные сводки, справки, составленные на основе боевых донесений и содержащие сведения обобщающего характера о действиях отрядов и соединений за определенный промежуток времени. В большинстве своем они имели информационное значение, адресовались для осведомления выше- и нижестоящих инстанций. В отличие от них докладные записки, справки и донесения о морально-политическом состоянии и материальной обеспеченности отрядов и соединений, протоколы партийных собраний, раскрывающие внутреннюю жизнь отрядов и соединений, имели пропагандистский характер.

В-третьих, выделяются итоговые отчеты партизанских отрядов и соединений. Так, в итоговом отчете о боевой и разведывательной деятельности Краснодарского штаба партизанского движения раскрываются вопросы организации и основные направления деятельности партизанских отрядов и соединений края, подводятся итоги боевых действий партизан Кубани, анализируется их состав и потери¹⁰². Исследователи отмечали, что источники данного вида различаются по степени обобщений и по отдаленности от описываемых событий. Кроме того, отношение авторов «в какой-то степени определялось сознанием того, что он послужит истории или военной науке»¹⁰³. Пристальное внимание уделялось составлению итоговых отчетов и со стороны партийных руководителей, которые нередко стремились в них отметить свои заслуги. Поскольку работа над итоговыми отчетом о деятельности партизан Ставропольского края была завершена уже после депортации карачаевского народа, в нем не было «даже упоминания о деятельности партизан – карачаевцев». По словам современных историков, «уже ввиду этого он не может быть для исследователей объективным источником»¹⁰⁴. Впрочем, и оперативная документация партизанских отрядов и соединений также не может являться абсолютно достоверным источ-

ником, особенно в области учета вражеских потерь, которые противник стремился скрывать, а сами участники боев нередко преувеличивали.

Существенное место среди источников истории рассматриваемой проблемы занимают судебно-следственные материалы. Состояние преступности и ее формы, основные направления деятельности правоохранительных органов на Северном Кавказе раскрывают документы ряда фондов центральных и региональных архивов. Общий надзор за соблюдением законности в регионе характеризуют документы фондов верховных судов и прокуратуры СССР и РСФСР в ГАРФ. Фонды краевых, республиканских и областных судов в региональных архивах содержат приказы их председателей, постановления и протоколы заседаний президиумов, квартальные статистические отчеты о работе судов. В них имеются приговоры городских и районных судов, копии приговоров и решений судебных коллегий, копии представлений в Верховный суд РСФСР и его определений, другие материалы.

В фондах краевых, республиканских и областных органов прокуратуры хранятся справки о кассационной практике, состоянии надзора за рассмотрением уголовных и гражданских дел в судах, представления в партийные, советские и профсоюзные органы, докладные записки и обзоры о состоянии следственной работы в регионе. В них содержатся документы комплексных проверок, годовые статистические отчеты городских и районных прокуратур, квартальные отчеты краевых управлений внутренних дел о количестве зарегистрированных и раскрытых преступлений, а также документы о проверке тюрем, надзоре за местами лишения свободы и другие материалы.

Определенный материал по рассматриваемой теме содержат фонды краевых управлений ФСБ и МВД, республиканских министерств внутренних дел в соответствующих ведомственных архивах, а также музеев ФСБ. Среди них, в частности, обвинительные заключения по следственным делам коллорабационистов, выявленных КГБ после войны. Значительная часть данных документов сохраняет секретный характер, лишь часть впервые вводится в научный оборот в работах последних лет. Стали доступны исследователям и фильтрационные дела, переданные в РГУ ГАКЧР из КГБ¹⁰⁵.

Сущность немецкой оккупации раскрывают материалы специальных судебно-следственных органов. Прежде всего, это документы Международного военного трибунала для главных немецких преступников (Нюрнбергского процесса) в ГАРФ. В большинстве своем они представляют собой копии, а подлинни-

ки хранятся в Гааге. Лишь часть данных материалов опубликована¹⁰⁶. Немало документов советского обвинения и защиты, включая и материалы, не представленные на процессе, характеризуют планы Германии в отношении советских территорий, в том числе и Северного Кавказа, попытки их реализации.

В ГАРФ хранятся материалы Чрезвычайной государственной комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками. Обобщающие сведения об ущербе, нанесенном отдельным краям и автономиям Северного Кавказа в период немецкой оккупации, приводятся в документах фондов местных комиссий по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, которые хранятся в региональных архивах. В них содержатся акты о злодеяниях и материальном ущербе, нанесенном предприятиям, колхозам, организациям и отдельным гражданам, сводные ведомости и обобщенные реестры ущерба, акты судебно-медицинских экспертиз, списки замученных граждан, списки и опросные листы граждан, угнанных на работу в Германию, и лиц, сотрудничавших с оккупантами, протоколы допросов немецких военнопленных.

Указанные документы характеризуют результаты и характер оккупационной политики, террор и грабежи захватчиков, социальный состав коллаборационистов, положение «восточных рабочих». Собранный материал создает достаточно полную картину об огромном ущербе, нанесенном немецкой оккупацией. Данные об ущербе подсчитывались по отдельным населенным пунктам, районам, городам, областям, краям, а также по отраслям народного хозяйства. При этом наряду с прямым ущербом данные показатели включали и потери, понесенные регионом в результате эвакуации, бомбардировок, боевых действий и других разрушений.

Комплекс документов общественных организаций Северного Кавказа периода войны представлен материалами партийных, комсомольских, профсоюзных и других организаций. Вопросы внутрипартийной работы, численность и состав партийных организаций Северного Кавказа раскрывают документы организационно-инструкторских отделов партийных органов. Они характеризуют подготовку и итоги проведения отчетов и выборов в партийных организациях, содержат данные о количестве принятых в члены партии и исключенных из нее, списки руководящих работников.

В фонде ЦК ВЛКСМ в РГАСПИ содержатся материалы пленумов и совещаний в ЦК ВЛКСМ, документы бюро, секре-

тариата, отделов ЦК ВЛКСМ. Директивные и делопроизводственные документы центральных органов ВЛКСМ определяли основные направления деятельности комсомольских организаций Северного Кавказа. В частности, порядок деятельности комсомольских организаций региона в период его оккупации вермахтом определялся инструкцией ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками» и другими документами. В указанном фонде хранятся и документы, отражающие непосредственно работу комсомольских организаций Северного Кавказа. Докладные записки, справки инструкторов ЦК, отчеты, материалы антифашистских митингов молодежи, наградные листы и характеристики на молодых партизан, описания их подвигов, другие материалы периода оккупации региона содержатся в делах специального отдела ЦК ВЛКСМ, который занимался работой среди комсомольцев и молодежи оккупированных районов СССР в годы Великой Отечественной войны¹⁰⁷. В фондах ГАУ ГАНИСК, ХДНИ ГУ НАРА, ЦДНИКБР, ЦДНИКК, РГУ ЦДОДиПКЧР, ЦГАИПДРСО-А хранятся протоколы, стенограммы пленумов, заседаний бюро, секретариата, совещаний актива, справки, докладные записки, переписка, отчеты местных комсомольских организаций Северного Кавказа, справочно-информационные материалы об их численном составе, сводки производственных показателей и другие материалы.

Документы о деятельности профессиональных союзов Северного Кавказа содержатся в фондах ВЦСПС и отраслевых профсоюзов ГАРФ, а также в соответствующих фондах их крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов, находящихся на хранении в местных архивах. Это материалы профсоюзов работников государственных учреждений, медицинских работников, работников просвещения, высших школ и научных учреждений, торговли, культуры и др. В указанных фондах имеются протоколы конференций, пленумов, заседаний президиумов, общих собраний членов профсоюзов, планы работы, отчеты, документы о социалистическом соревновании в годы войны.

В фондах Центрального совета общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР и РСФСР, его краевых, областных и городских советов содержатся приказы по проведению оборонно-массовых мероприятий, военно-спортивных соревнований, протоколы заседаний оргбюро и конференций, докладные записки, циркулярные письма, информации, отчеты. Здесь находятся справки о численности первичных организаций и членов Осоавиахима, материалы

совещаний о сборе средств на строительство военной техники, подготовке инструкторов и минеров групп самозащиты, военных специалистов и по другим вопросам, документы о сдаче норм ГТО, ПВХО. К данной группе документов также относятся материалы всероссийских, краевых и областных комитетов обществ Красного креста, других советских общественных организаций в центральных и региональных архивах.

Статистические данные небезосновательно относятся к сложным и противоречивым видам исторических источников. В рассматриваемый период в СССР существовала государственная статистика, сбором, обработкой и публикацией данных занималось Центральное статистическое управление Госплана СССР, на местах – региональные статистические управления. Советская статистика стремилась учесть самые различные показатели развития советского общества, используя разнообразные способы статистического учета, различные виды отчетности. Основными направлениями статистического учета являлись статистика промышленности, транспорта, сельского хозяйства, народонаселения и другие.

Фонды краевых и областных статических управлений Северного Кавказа содержат разнообразную статистическую информацию. Это списки предприятий и учреждений, статистические таблицы о развитии народного хозяйства краев, областей, городов и районов, отдельных предприятий, колхозов, совхозов и МТС, ведомости регистрации жилищного фонда, находящегося в общественной и личной собственности, документы переписи населения, промышленности, энергооборудования, плодово-ягодных насаждений, годовые и месячные бюджеты. В указанных фондах представлены плановые и фактические показатели развития различных отраслей народного хозяйства, здравоохранения, учебной и культурно-просветительной работы, сравнительные таблицы посевных площадей, урожайности, использования орошаемых земель, производства отдельных видов продукции и уровня цен, численности рабочих и служащих, движения населения. Представляют интерес и сопровождающие их объяснительные и аналитические записки. В то же время и в документах региональных статистических управлений отмечались определенные недостатки при составлении отчетности¹⁰⁸.

Военную документацию как исторический источник отличают определенные особенности, связанные как с ее характером, так и с возможностями использования. В комплексе документации военного характера, посвященной проблемам истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной

войны, можно выделить несколько основных групп источников. Во-первых, это документы советских военных органов управления: приказы и постановления командующих и военных советов Северо-Кавказского и Закавказского фронтов, Северной и Черноморской группы войск, отдельных армий. К данной группе можно отнести военно-оперативную документацию и другие материалы оперативных отделов, политуправлений, разведывательных, тыловых, формирующих и других органов, посвященные общей обстановке и боевым действиям на территории региона, развитию на Северном Кавказе партизанского движения и другим вопросам. Они находятся в соответствующих фондах данных воинских соединений в ЦАМО РФ, в фондах ЦШПД РГАСПИ, а также в фондах ЦДНИКК, посвященных партизанскому движению.

Особую часть документов данной группы составляют материалы фондов управления внутренних войск НКВД, управления войск НКВД по охране тыла Черноморской группы войск Закавказского фронта, затем Северо-Кавказского фронта и управления внутренними войсками НКВД Северо-Кавказского округа, хранящиеся в РГВА¹⁰⁹. Они содержат информацию об оперативной обстановке на Северном Кавказе в годы войны, развитии бандитизма в регионе и борьбе с ним, а также о действиях войск НКВД по наведению порядка в прифронтовой полосе, пресечении антисоветских выступлений, борьбе с дезертиством, мародерством и другими негативными явлениями.

Во-вторых, это документы 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского казачьего корпуса, 9-й пластунской, 70-й кавалерийской, 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской, 347-й стрелковой дивизий и других воинских частей и соединений, созданных на территории Северного Кавказа. Это приказы по боевой подготовке, ведению боевых действий, организационным вопросам, а также деловая переписка, доклады, оперативные сводки, боевые донесения, раскрывающие процесс создания данных формирований и их участие в боевых действиях. Особую разновидность документов указанной группы составляют исторические формуляры, журналы боевых действий, справки, представляющие собой различные формы итоговых отчетов о боевом пути данных частей. Наиболее полный комплекс указанных материалов хранится в соответствующих фондах ЦАМО РФ, отдельные документы – в фондах местных архивов и музеев.

В-третьих, следует выделить документы политических органов, партийных и комсомольских организаций, а также наградные документы, репортажи, в которых изложены боевые

подвиги, заслуги лиц, представленных к наградам, наконец, списки безвозвратных потерь рядового, сержантского и офицерского состава в фондах политуправлений частей и соединений в ЦАМО РФ. Частично они также находятся в фондах местных архивов и музеев. Так, в фонде Краснодарского крайкома ВКП(б) в ЦДНИКК хранятся политдонесения начальника политотдела 9-й пластунской дивизии, присяга казаков-пластун, списки погибших и другие материалы¹¹⁰. Данные источники характеризуют работу по формированию морально-политического духа советских солдат, их чувства и настроения.

Массив документации третьего рейха и учреждений, созданных оккупантами на захваченной территории Северного Кавказа, в количественном отношении уступает комплексу официальных советских документов по данной теме, что, впрочем, не снижает его значимости. По происхождению и характеру данные источники целесообразно разделить на две большие группы. Первую из них составляют директивные и делопроизводственные документы органов власти третьего рейха: приказы и инструкции германского гражданского и военного руководства, стенограммы заседаний штаба «Ост» и другие материалы, характеризующие общие принципы оккупационной политики на советских территориях, а также проекты административно-территориальных, экономических и политических преобразований германского руководства на Северном Кавказе.

Основная часть данных документов хранится в фондах центральных архивов, в том числе в фонде Нюрнбергского судебного процесса в ГАРФ. Многие опубликованы и широко используются исследователями, другие лишь частично введены в научный оборот. К последним относятся материалы «Коричневой папки» Розенберга. Подготовленные в канцелярии министра по делам восточных оккупированных областей в 1942 г., они обосновывали необходимость изменений германской политики на Кавказе. Отдельные документы органов власти третьего рейха встречаются и в других архивных фондах. Так, в фонде ЦШПИД в РГАСПИ хранятся приказы, директивы, инструкции немецкого командования о борьбе с партизанами, а в фонде Общеказацкого объединения в Германской империи ГАРФ – копии приказов и воззваний германского командования к казачьим войскам.

Вторую группу составляет нормативно-распорядительная и иная делопроизводственная документация оккупационной администрации, действовавшей на захваченной территории Северного Кавказа в 1942–1943 гг. Наиболее полно данные

документы представлены в фондах городских и районных управ, отдельных предприятий и учреждений, специальных документальных коллекциях в региональных архивах, отдельные материалы содержатся в фондах и экспозициях региональных музеев. Это указания и инструкции германского командования, воззвания к жителям Северного Кавказа, приказы, объявления, распоряжения немецких комендантов и бургомистров, деловая переписка, списки сотрудников гражданской администрации и полиции, заявления граждан и другие материалы. Значительную часть указанных фондов составляют административно-хозяйственные и бухгалтерские документы, традиционно считавшиеся малоинформативными для историков: преysкуранты цен, акты, ведомости о поставках вермахту продуктов, по учету трудодней, выдаче продуктов и заработной платы, об изъятии скота и птицы у жителей, уплате штрафов, гибели скота и посевов, приходно-расходные документы, кассовые книги, корешки квитанций, ордера. Однако и их использование позволяет получить определенное представление о жизни населения, взаимодействии отдельных органов власти и управления на оккупированной территории Северного Кавказа.

Комплекс материалов эмигрантских учреждений и организаций представлен хранящимися в настоящее время в ГАРФ документами фондов бывших Русского заграничного исторического архива в Праге и Донского казачьего архива: Юго-Восточного отдела Объединения русских воинских союзов в Германии, Канцелярии Казачьего национально-освободительного движения, Общеказачьего объединения в Германской империи и личного фонда А. А. фон Лампе, возглавлявшего объединение русских воинских союзов в Берлине. Они содержат не только информацию о деятельности самих эмигрантских учреждений, но и документы о вступлении в вермахт эмигрантов, в том числе, казаков (включая их заявления, анкеты, списки), копии приказов начальника Главного управления казачьих войск генерала П. Н. Краснова и другие материалы. Названные документы проясняют обстоятельства создания вооруженных коллаборационистских формирований, раскрывают роль, которую сыграла в этом российская эмиграция, содержат информацию об участии в войне на стороне Германии донских, кубанских и терских казаков.

Таким образом, комплекс официальных документов представляет собой основу источниковой базы для изучения истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Содержащиеся в центральных и местных архивах и музеях

документы разнообразны в видовом и тематическом отношении, позволяют раскрыть различные аспекты рассматриваемой темы. При этом наиболее значительная часть документов отражает события, происходившие в 1943–1945 гг., после освобождения региона от немецкой оккупации. Многие документы, характеризующие события начального периода войны и немецкой оккупации погибли или были уничтожены. В ГАКК хранится секретный приказ анапского районного бургомистра от 11 сентября 1943 г., в котором он требовал от всех старост немедленно сжечь имевшиеся у них документы сельских управ¹¹¹. Тем не менее, имеющиеся в архивных и музейных фондах документы предоставляют достаточные возможности для характеристики различных событий на Северном Кавказе на протяжении всей Великой Отечественной войны, при условии их более полного вовлечения в научный оборот, а также соответствующего источниковедческого анализа.

В. Б. Базаржапов, Е. А. Высотина

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ БУРЯТСКОЙ АССР ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны свой вклад в дело победы внесли и трудящиеся Бурят-Монгольской АССР. Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика¹¹² была образована постановлением Президиума ВЦИК СССР 30 мая 1923 г. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в республике проживало 545,8 тыс. чел.; в городской местности – 167,3 тыс. чел., в сельской – 378,5 тыс. чел., что составляло соответственно 30,7% и 69,3%. Административным центром являлся г. Улан-Удэ (бывший Верхнеудинск). По национальному составу в 1939 г. русские составляли 72%, буряты – 21,3%, прочие национальности – 6,7%. В городской местности проживало 133,5 тыс. русских и 10,5 тыс. бурят.

На территории республики в 1940 г. располагался ряд крупных предприятий союзного и республиканского значения. К наиболее крупным из них относились находящиеся в г. Улан-Удэ паровозовагоноремонтный, авиационный, стекольный, судоремонтный заводы, мясоконсервный комбинат и Джидинский вольфрамомолибденовый комбинат в Закаменском районе. Кроме этого, имелись группы рыбозаводов, хлебозаводов, заводов лесной и лесоперерабатывающей промышленности. Была создана энергетическая база, развива-

лись угольная промышленность, машиностроение. Посевная площадь увеличилась более чем в 2 раза. К 1941 г. колхозы объединяли 98,9% крестьянских хозяйств.

Немаловажную роль в успешном разрешении сложных проблем военного производства сыграло использование максимальных возможностей восточных районов страны, в том числе национальных автономий, получивших индустриальное развитие в годы социалистического строительства. Заказы для фронта в Бурятской АССР выполняли авиационный, судоремонтный, паровозовагонный, стекольный заводы, Джидинский вольфрамомолибденовый комбинат и другие предприятия. В республике в короткие сроки возникли 44 новых предприятия, работавших на оборону.

Заметно возросла роль заводов Наркомата путей сообщения, в число которых входил и Улан-Удэнский паровозовагонный завод. На завод в большом количестве поступали разрушенные на фронте паровозы, товарные и пассажирские вагоны, здесь строились новые паровозы, производились различные детали, работали цеха по производству мин, минометов и других видов вооружения, осуществлялся ремонт.

Улан-Удэнский мяскоконсервный комбинат занимал в военные годы третье место среди мяскокомбинатов страны по объему валовой продукции. Это крупнейшее предприятие Восточной Сибири успешно справлялось с ответственными задачами военной экономики. Кроме мяса, консервов, колбас, альбумина, костной муки, здесь было организовано производство белковых котлет, студня и других продуктов. Мяскокомбинат выпускал до 50 наименований медицинской продукции.

Обеспечивал нужды фронта Джидинский вольфрамомолибденовый комбинат, поставлявший военной промышленности страны почти половину количества руды, необходимой для производства брони самолетов и танков. Каждый третий танк, изготовленный в годы Великой Отечественной войны в СССР, был выпущен из стали, легированной джидинским вольфрамом.

Значительно увеличил выпуск самолетов авиационный завод; военные заказы выполняли судоремонтный и стекольный заводы, Вотогольский графитовый рудник, Тимлойский цементный завод и другие.

Промышленно-производственный персонал республики в сентябре 1940 г. достиг 28 тыс. чел. По данным за 1945 г., среднегодовая численность промышленно-производственного персонала превысила уровень 1940 г. на 0,9 тыс.; доля его в общем числе рабочих и служащих возросла на 1,3%¹¹³.

В то же время численность промышленно-производственного персонала в республике увеличилась незначительно. Имело место перераспределение рабочей силы по предприятиям. Выросли отряды рабочего класса в отраслях, имевших оборонное значение. Вместе с тем, в военные годы определились заметные качественные изменения в составе рабочего класса республики, выразившиеся в росте численности женщин, молодежи, пенсионеров на производстве, понижении квалификационного уровня рабочих кадров.

Характерной особенностью военного времени было вовлечение в промышленное производство рабочих кадров из бурятского населения. На ряде предприятий республики заметно увеличилась доля рабочих-бурят. Однако значительные качественные изменения в составе рабочего класса не снизили его политической, патриотической и производственной активности.

Самоотверженным трудом, широким развитием движения за поиски новых путей повышения производительности труда ответили рабочие на нападение фашистской Германии. Трудовая и творческая активность трудящихся во многом способствовала решению целого ряда задач сурового военного времени. Валовая продукция всей промышленности республики возросла, по сравнению с 1940 г., в 1941 г. – на 21%, в 1942 г. – на 43,5%, в 1943 г. – на 33,5%, в 1944 г. – на 12,4%¹¹⁴.

Труженики села в сложнейших условиях войны обеспечивали промышленность сырьем, а фронт и трудящихся страны – продовольствием. Колхозное крестьянство Бурятии, преодолевая военное лихолетье, смогло дать стране и фронту хлеба, мяса, кожи и другой продукции сельского хозяйства значительно больше, чем в довоенные годы. Были расширены площади технических культур, снабжая промышленность таким ценным сырьем, как сахарная свекла, табак и т. д. И это, несмотря на то, что трудности военного времени в целом отрицательно сказались на развитии сельского хозяйства республики – сократилось количество скота, снизилась урожайность зерновых и других сельскохозяйственных культур, не выполнялся план важнейших агрохимических мероприятий и т. д.

Широкий размах получило социалистическое соревнование, развернувшееся в самых различных формах на предприятиях промышленности и транспорта, в строительстве и сельском хозяйстве. Это стахановские вахты, движение многостаночников, совместителей профессий, комсомольско-молодежных и фронтовых бригад и т. д. Рабочие, крестьяне Бурятии активно участвовали во Всесоюзном социалистическом соревновании. Передовым коллективом страны в соревнова-

нии стал Улан-Удэнский мясокомбинат. За период с 1942 по 1945 гг. коллектив комбината четыре раза завоевывал знамя ГКО, 14 раз – знамя ВЦСПС и Наркомата мясной и молочной промышленности страны. За самоотверженный труд в годы войны Красное Знамя ГКО было оставлено коллективу комбината на вечное хранение.

Творческая активность трудящихся нашла свое выражение в движении рационализаторов и изобретателей, широко развернувшимся на предприятиях промышленности и транспорта республики, что позволило достичь экономии государственных средств, увеличить выпуск продукции для фронта и страны. Особенно активно развернулась рационализаторская и изобретательская работа в коллективах крупнейших предприятий республики – паровозовагоноремонтного, судоремонтного, авиационного заводов, мясоконсервного и вольфрамомолибденового комбинатов. Замечательным выражением творческой активности трудящихся республики стало движение по изысканию и использованию местных материальных ресурсов, по экономии сырья, топлива, электроэнергии, дефицитных материалов, позволившее в трудных военных условиях повысить рост производства.

Активно участвовала в решении задач военного времени и интеллигенция Бурятии. Научными кадрами республики были подготовлены и изданы сборники статей и отдельные брошюры в помощь организаторам производства местной промышленности и колхозникам по увеличению объемов продукции, работы по освоению природных ресурсов Бурятии, по проблемам истории и языка. Особое внимание было обращено на проведение геологоразведочных работ. Только в 1942 г. в республике работали 22 геологоразведочные партии, занимавшиеся поисками редких и цветных металлов и других сырьевых богатств. За годы войны в эксплуатацию был сдан ряд месторождений молибдена и вольфрама, что позволило значительно увеличить производство концентратов, необходимых для оборонной промышленности.

В исследовательской работе активно участвовали ученые институтов Академии наук СССР и вузов центральных и сибирских городов страны. Они оказывали активное содействие в выполнении важных народно-хозяйственных работ республиканского масштаба.

В сложнейших условиях военного времени продолжала развиваться культура Бурятии. Деятельность творческих коллективов, работников литературы и искусства была направлена на осуществление первоочередной задачи: «Все для фронта, все

для Победы!». Трудящиеся республики в военные годы показали себя истинными патриотами своей страны. Они приняли участие в создании фонда обороны, фонда вооружения, подписывались на военные займы и денежно-вещевые лотереи, посылали на фронт продовольствие, теплые вещи и т. д.

Рабочие, служащие, колхозники приняли участие в движении по созданию фонда помощи районам, освобожденным от немецкой оккупации.

Трудовой вклад трудящихся республики в дело Победы был высоко оценен правительством страны. За годы войны 244 работника промышленности, транспорта, сельского хозяйства были награждены орденами и медалями СССР. В их числе – награжденный орденом Ленина машинист депо станции Улан-Удэ М. П. Соседенко; награжденные орденом «Знак Почета» работницы мясокомбината М. Г. Иванова, А. В. Кривогорницина, Д. Ц. Цыремпилова, работник Хандагатайского мехлесхоза С. И. Вацалкин; удостоенная ордена Трудового Красного Знамени бригадир неводной бригады Горячинского рыбозавода Н. М. Петрова и многие другие. Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» было награждено 83 240 рабочих, служащих и колхозников Бурятской АССР. Трудящиеся Бурятии с честью выполнили возложенные на них задачи, сыграли свою роль в деле создания крепкого тыла.

Впервые обобщенные материалы и выводы о национальных районах Сибири в годы Великой Отечественной войны появились в пятом томе «Истории Сибири»¹¹⁵. Во второй главе «Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» содержится раздел «Вклад национальных районов Сибири в дело Победы» (автор И. И. Кузнецов), в котором отмечается, что в национальных районах в военные годы трудностей было больше, чем в других сибирских регионах: были резко прерваны связи с более развитыми областями, почти прекратился завод оборудования, сырья, промышленных и продовольственных товаров и т. д.

В последующем сибирскими исследователями было опубликовано немало работ, освещающих историю региона периода Великой Отечественной войны¹¹⁶, в которых основное внимание уделено Западной Сибири.

Восточно-Сибирским книжным издательством в 1974 г. была издана монография И. И. Кузнецова¹¹⁷. Две первые главы посвящены вопросам развития промышленности и рабочего класса Восточной Сибири, третья глава – сельскохозяйственному производству и крестьянству, четвертая – всена-

родной помощи фронту. В работе имеется немало материалов по Бурятии, относящихся к перестройке промышленности на военный лад, решению проблемы кадров, количественным и качественным изменениям в составе рабочего класса республики, развитию его творческой и трудовой инициативы, материально-технической базе сельского хозяйства республики, сельскохозяйственному производству, трудовой и политической активности крестьянства, участию трудящихся Бурятской АССР во всенародном движении помощи фронту. И. И. Кузнецов использовал опубликованные (данные статистических сборников, материалы периодической печати, воспоминания ветеранов фронта и тыла) и неопубликованные документальные материалы архивов Москвы, Красноярска, Иркутска, Улан-Удэ, Читы. Это позволило создать обширную источниковую базу исследования, не утратившего высокой научной значимости.

Содержательный материал приведен в коллективных трудах «Рабочий класс Сибири» и «Крестьянство Советской Сибири». Среди обобщающих работ следует отметить коллективный труд историков Бурятии – «История Бурятской АССР»¹¹⁸. Глава IX второго тома «Бурятия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», написанная А. К. Золотоевым, посвящена истории республики в военный период. Автором рассмотрены вопросы перестройки народного хозяйства республики на военный лад, его развития в военные годы, изменения количественного и качественного состава рабочих и колхозных кадров, участия трудящихся республики в движении всенародной помощи фронту. В работе приводится материал о трудовом героизме населения, социалистическом соревновании, движении рационализаторов и изобретателей, увеличению роли женщин в промышленном и сельскохозяйственном производстве и т. д. Интересен материал о воинах Бурятии на фронтах Великой Отечественной войны.

В «Очерках истории Бурятской организации КПСС»¹¹⁹ имеется отдельная глава «Областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», написанная А. К. Золотоевым, Б.-М. М. Митуповым, Г. Л. Санжиевым. Рассмотрены вопросы руководства промышленностью, транспортом, сельским хозяйством республики в военные годы. На конкретных примерах и фактах показано, что деятельность партийной организации республики являлась одним из действенных рычагов мобилизации трудящихся на осуществление задачи перестройки народного хозяйства на военный лад. Авторы подчеркивают, что партийные организации решали кадровые вопро-

сы, занимались мобилизацией работников на промышленные предприятия, транспорт, в строительство и сельское хозяйство все трудоспособное население вместо ушедших на фронт кадровых рабочих и колхозников. В главе освещены успехи рабочих и колхозников в социалистическом соревновании, их трудовые достижения, вклад трудящихся в Фонд обороны страны, показано единство фронта и тыла – важнейшего источника победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В «Очерках истории культуры Бурятии»¹²⁰ основное внимание акцентируется на вопросах развития культуры республики в военные годы, показан самоотверженный труд и патриотическая помощь фронту работников культуры, образования и медицины. В Бурятии в военные годы печатались статьи в газетах, в которых освещались материалы о ходе военных действий, перестройке хозяйства республики на военный лад и другие. Были изданы брошюры С. Д. Игнатьева, Б. С. Санжиева, З. Л. Шоткиной¹²¹, носившие научно-популярный и пропагандистский характер. В работе С. Д. Игнатьева содержится материал о конкретных фактах использования имеющейся сырьевой базы для производства товаров широкого потребления, приводятся примеры проявления заботы о детях, инвалидах, семьях военнослужащих.

Сведения по некоторым вопросам истории военного периода содержатся в трудах бурятских историков¹²², изданных в послевоенное время. Так, А. А. Бартанова уделяет большое внимание трудовому героизму женщин. Автор приводит материалы по привлечению женщин в промышленное и сельскохозяйственное производство, возрастанию их роли в целом ряде отраслей промышленности, делая акцент на возникновение движения женщин за овладение мужскими специальностями и сложными производственными профессиями.

Материалы об успехах социалистической промышленности в военные годы содержатся в работе Б. Х. Хомхолова. Основное внимание автором уделено вопросам развития различных видов социалистического соревнования, итогом борьбы рабочих республики за успешную работу промышленности, показано участие трудящихся Бурятской АССР в движении всенародной помощи фронту. Краткие сведения о деятельности комсомольцев промышленных предприятий, транспорта республики в военные годы имеются в книге Ю. А. Дылыкова. Автор сконцентрировал внимание на трудовых достижениях комсомольцев Бурятии, приведя данные о росте числа передовиков производства, деятельности комсомольско-молодежных и фронтовых бригад.

Б.-М. М. Митупов в монографии «Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.)»¹²³ подвел итоги процесса формирования рабочего класса республики в предвоенные годы. На наш взгляд, особый интерес представляют данные о национальных кадрах рабочих. Автор на основе архивных материалов пришел к выводу, что в 1937 г. удельный вес рабочих-бурят в общей численности рабочих механического стеклозавода составлял 28%, мелькомбината – 24,8%, мясокомбината 28,1%.

Сборники статей, посвященные юбилеям республики¹²⁴, содержат статьи руководителей партийных и советских органов, работавших в военный период, в которых, как правило, внимание акцентировалось на достижениях, при этом замалчивались издержки и просчеты.

Первой специальной работой по истории республики военного периода, является работа А. К. Золотоева¹²⁵. Основная цель ее – показать вклад трудящихся Бурятской АССР в дело Победы. В главе, посвященной вопросам развития промышленности республики, автор приводит данные по источникам и формам пополнения рядов рабочего класса, возрастанию удельного веса женщин и подростков на производстве, развитию различных форм социалистического соревнования, движению рационализаторов и изобретателей, борьбе за режим экономии. Особое внимание уделено изменениям в структуре сельского хозяйства, отмечается сокращение посевных площадей и поголовья скота, появление новых технических культур и т. д. Ярко охарактеризована трудовая деятельность колхозного крестьянства во имя победы. Кратко освещены вопросы изменений в культуре и быту населения республики. На сегодняшний день это единственная работа, в которой в комплексе освещены основные аспекты развития республики в военные годы, хотя она и не располагает достаточно широкой источниковой базой. В 1965 г. им же была опубликована научно-популярная книга «Бурятия в годы Великой Отечественной войны»¹²⁶, где описаны ратные подвиги воинов республики на полях сражений с фашистскими захватчиками.

Продолжил начатую А. К. Золотоевым тему Д. М. Цыренов. К 50-летию Победы им была написана работа военнопатриотического характера «Кавалеры Золотой Звезды»¹²⁷. Автор использовал архивы Министерства Обороны СССР, Центрального музея Вооруженных сил, материалы личных бесед с участниками войны и их родственниками, данные периодической печати. Звания Героя Советского Союза получил 41 воин из Бурятии, 2 стали Героями Российской Федерации,

11 воинов – полными кавалерами ордена Славы. Книга содержит яркие примеры героизма, проявленного представителями республики. Работа имеет большую ценность в деле патриотического воспитания молодежи.

К 60-летию Победы В. Б. Базаржапов опубликовал работу «Буряты на службе Отечеству»¹²⁸, написанную на основе архивных данных и различного рода публикаций. В монографии есть разделы «Ратные подвиги воинов-бурят на фронтах Великой Отечественной войны» и «Участие воинов Бурятии в разгроме империалистической Японии». Автор отмечает, что с самого начала в составе различных родов войск в смертельную схватку с врагом вступили воины из Бурятии. Они участвовали во всех сражениях Великой Отечественной войны, начиная с тяжелых оборонительных боев лета 1941 г. Первыми из сибирских соединений с врагом встретились войска 16-ой армии, которая была сформирована в Забайкалье за счет военнообязанных Иркутской и Читинской областей, Бурятской и Якутской АССР. Не перечить забайкальцев – героев боев за Берлин, участвовали воины-буряты и в разгроме империалистической Японии. Работа содержит множество ярких воспоминаний участников сражений, снабжена биографическими справками о воинах-бурятах, удостоенных звания Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы.

В этом же году В. Б. Базаржаповым в соавторстве с Д. О. Зандановой и Л. С. Карташевым была издана работа о 83-й гвардейской стрелковой Городокской, ордена Суворова дивизии¹²⁹, сформированной в г. Улан-Удэ (ст. Дивизионная) в декабре 1941 г. Укомплектование частей и подразделений дивизии производилось в основном из призывников Джидинского, Закаменского, Кабанского, Курумканского, Селенгиского, Мухоршибирского, Прибайкальского районов Бурятской АССР и г. Улан-Удэ. Пополнение шло также из Иркутской и Читинской областей, с Алтая и Урала. Дивизия участвовала в сражениях под Москвой и на Орловско-Курской дуге, освобождала Белоруссию и Литву, прошла с боями Восточную Пруссию. Книга повествует о массовом героизме воинов дивизии, достойном памяти и подражания. Воины дивизии были награждены 9 414 орденами и 7 770 медалями, в числе их много уроженцев Бурятии. Девяти воинам дивизии было присвоено звание Героя Советского Союза, в том числе Н. С. Афанасьеву из Бурятской АССР.

В 1960–1964 гг. был издан ряд работ по истории крупнейших промышленных предприятий республики: паровозового завода, механизированного стекольного завода и мя-

соконсервного комбината¹³⁰. В них нашли свое отражение и вопросы деятельности рабочих коллективов этих предприятий в годы Великой Отечественной войны. В работе, посвященной истории паровозовагонного завода, авторами раскрыты вопросы перестройки деятельности предприятия на военный лад, освоения новых видов продукции, роли рационализаторов и изобретателей в наращивании военного производства, борьбы за режим экономии, материально-бытового положения рабочих. В книгах по истории стекольного завода и мясоконсервного комбината основной материал посвящен трудовым достижениям рабочих коллективов этих предприятий. В них содержатся яркие примеры по вовлечению женщин в производство, участия рабочих в сборе теплых вещей для воинов Красной Армии и т. д. В 1984 г. вышла работа А. Н. Болотова «Улан-Удэнские стеклодельцы»¹³¹, где также были рассмотрены вопросы, отражающие состояние стекольной промышленности республики и ее рабочих кадров в военные годы.

Особую ценность представляют работы бурятских экономистов Б. Р. Буянтуева, Г. Ш. Раднаева, В. Н. Дерюгиной, А. Г. Туйска, Н. А. Ознобина¹³², в которых содержатся материалы по состоянию экономического развития республики в военные годы. В историко-экономическом очерке Ф. И. Шулунова¹³³, в главе, посвященной основным чертам развития промышленности Бурятии в военные годы, имеются данные по рабочему классу этого периода.

Интересный материал представлен в работе Е. Е. Тармаханова и Т. Е. Санжиевой. Авторы отмечают, что в годы войны промышленное строительство не прекращалось; с 1941 по 1945 гг. в него было вложено в 5 раз больше средств, чем в первой пятилетке, в результате чего заметно возросли производственные фонды промышленных предприятий¹³⁴. Особо отмечено создание в годы войны в Бурятии новой отрасли промышленности – сахарной, которая сыграла заметную роль в снабжении населения этим необходимым продуктом питания.

В Новосибирске была опубликована монография Е. Е. Тармаханова¹³⁵. В главе «Промышленность и транспорт в годы Великой Отечественной войны» показана перестройка работы промышленности и транспорта на военный лад, отмечаются трудности этого процесса: отсутствие опыта перестройки, уход на фронт большинства квалифицированных рабочих, на место которых пришли женщины, подростки, пенсионеры. Так, только с паровозовагонного завода были призваны в армию 2500 чел., с мясоконсервного комбината – 700. В 1941–1942 гг. остро стояла кадровая проблема, и только в 1943 г. она была

решена. Многие предприятия республики были переведены на выпуск оборонной продукции. Автор отмечает, что в военные годы активнее стали работать рыбная и местная отрасли промышленности. В работе освещены основные проблемы развития промышленности республики, дана характеристика состоянию рабочих кадров, трудового героизма трудящихся. Автор на конкретных примерах показывает вклад трудящихся республики в дело победы.

В монографическом исследовании М. Н. Балдано¹³⁶ содержатся ценные обобщающие материалы о состоянии промышленности, строительства и транспорта республики в военный период. За четыре с половиной года войны инвестиции в народное хозяйство республики составили 48,8 млн. руб. Основные фонды промышленности Бурятии возросли на 31%, в том числе крупной – на 36%. Автор отмечает, что капитальные вложения в промышленность и транспорт давали возможность республиканским организациям наряду с перестройкой народного хозяйства проводить и строительные работы. Большое внимание в монографии уделено проблеме подготовки кадров квалифицированных рабочих, так как рост военного производства на предприятиях и пуск новых требовали непрерывного увеличения их численности. Используя широкую документальную базу, автор делает вывод, что, несмотря на значительные масштабы обновления в годы войны, квалификация рабочей силы не была утрачена, благодаря деятельности ФЗУ и других профессионально-технических учреждений.

В 1986 г. в Новосибирске была опубликована монография К. Б.-М. Митупова¹³⁷, в которой представлены обобщающие материалы об изменениях в демографической ситуации в Бурятии в годы войны. Рождаемость в Бурятии в довоенный период была выше, чем в целом по стране (42,7 против 31,2). В военные годы рождаемость резко сократилась, она достигала около 5,8 тыс. чел. Автор делает вывод, что война нанесла тяжелейший урон населению как всей страны, так и Бурятии. Гибель людей на фронтах, снижение рождаемости значительно изменили весь ход демографических процессов, изменили возрастную структуру населения, ухудшив соотношение возрастных групп, затормозив прирост населения.

В том же году в Улан-Удэ была издана монография Т. Е. Санжиевой¹³⁸. Во второй главе «Электрификация Бурятии в период упрочения и развития социализма» содержатся данные по электрификации республики в военные годы. Автор отмечает, что война выдвинула перед энергетиками республики сложные задачи, сводившиеся к росту производства элек-

троэнергии за счет мобилизации внутренних ресурсов, наращивания мощностей электростанций. Непреложным законом военного времени стала всемерная экономия электроэнергии, топлива, материалов и средств. Энергетикам республики в этот тяжелый для страны период приходилось работать с большим напряжением, максимальной мобилизацией внутренних ресурсов, развертыванием производственной инициативы всех работников. Автор подчеркивает трудности с обеспечением основных отраслей народного хозяйства Бурятии электроэнергией и приходит к выводу, что, благодаря трудовому героизму, за счет роста производительности труда, всемерной экономии средств и материалов, энергетики Бурятии обеспечили бесперебойное снабжение электроэнергией народное хозяйство и внесли свой вклад в победу над фашизмом.

В 1980 г. в Иркутском государственном университете Е. А. Высотиной была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Рабочий класс Бурятской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор И. И. Кузнецов). Автором были раскрыты вопросы количественных и качественных изменений в составе рабочих кадров, источников и форм пополнения их пополнения, развития творческой и трудовой активности рабочих коллективов предприятий промышленности и транспорта, их участие в патриотическом движении помощи фронту, и впервые приведен материал по материально-бытовому положению рабочих республики. Работа написана с привлечением обширного архивного материала как местного, так и центрального сосредоточения, учтены достижения отечественной советской историографии этого периода. Это было первое и единственное комплексное исследование по истории отряда рабочего класса Бурятии военного периода.

В последующие годы Е. А. Высотина продолжила работу над темой. В 1985 и 1999 гг. ею были опубликованы главы «Трудовой вклад рабочего класса Бурятии в дело разгрома фашизма» и «Рабочий класс Бурятской АССР в годы Великой Отечественной войны» в коллективных трудах по истории рабочего класса республики¹³⁹. Автору удалось ввести в научный оборот новые документы, расширена источниковая база исследования, уделено внимание широкому развитию различных форм социалистического соревнования на предприятиях промышленности и транспорта республики, организации комсомольско-молодежных и фронтовых бригад, движению рационализаторов и изобретателей, борьбе за режим эконо-

мии. Е. А. Высотиной написаны и опубликованы статьи по различным аспектам истории рабочих кадров Бурятии в период Великой Отечественной войны¹⁴⁰.

Следует признать, что вопросы развития сельского хозяйства Бурятии в рассматриваемый период изучены слабее, нежели различные аспекты истории промышленности и рабочего класса. В монографии Л. А. Зайцевой¹⁴¹ имеется специальная глава, посвященная сельскому хозяйству республики в годы войны. На конкретных примерах показаны трудности, появившиеся в сельскохозяйственном производстве, когда не хватало рабочих рук, техники, лошадей. Преодолевать эти трудности приходилось в основном женщинам, подросткам, людям пожилого возраста, которые героически трудились на полях и фермах, в различных отраслях сельского хозяйства. Приводятся примеры, как колхозники Курумканского, Баргузинского, Закаменского, Тункинского районов досрочно выполняли планы хлебозаготовок и сверх плана сдавали государству хлеб в фонд Красной Армии, хотя сами жили и работали полуголодными. Автор отмечает, что трудности военного времени отрицательно сказались на сельскохозяйственном производстве республики – сокращались посевные площади и поголовье скота, снижалась урожайность зерновых и других сельскохозяйственных культур.

В 2006 г. в Бурятском государственном университете И. В. Гордина была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Е. Е. Тармаханов). Это исследование является первой специальной работой о роли женщин Бурятии в годы войны, в ней на большом фактическом материале показана роль женщин во всех отраслях жизни периода войны.

В 2008 г. Е. Е. Тармаханов и И. В. Гордина издали монографию¹⁴², в которой была значительно расширена источниковая база, введено в научный оборот немало новых документов. Во введении дан научный анализ опубликованной литературы, указано, что в бурятоведческой исторической литературе специальной монографии по этой теме нет. В первой главе анализируется роль женщин в общественном производстве республики в годы войны, рассматриваются политика партийно-советских органов по вовлечению женщин в общественное производство и их высокая трудовая активность. Вопросы рассмотрены в тесной связи с состоянием народного хозяйства и культуры в годы войны; большое внимание уделено социальным сторонам

проблемы. Монография выполнена в историко-сравнительном плане с другими регионами Сибири и всей страны.

Вопросы состояния и развития культуры Бурятии в период Великой Отечественной войны рассмотрены во втором томе «Истории Бурятской АССР». Том содержит главу «Развитие культуры Бурятии (1938–1955 гг.)», в которой отмечается, что в годы Великой Отечественной войны в развитии культуры произошли существенные изменения, усугубились трудности с кадрами и материальными средствами. Авторы показывают, как работники просвещения, в основном женщины и пенсионеры, имея огромную нагрузку, проводили большую работу, направленную на воспитание патриотических чувств и национальной солидарности, готовности в любой момент встать на защиту Родины. В школах не хватало учителей, поэтому каждый педагог вынужден был вести занятия по различным предметам, в результате чего снизился научно-методический уровень преподавания. Ухудшилось материальное обеспечение школ, хотя, как отмечается в работе, школам помогали промышленные предприятия и колхозы. В годы войны были внесены значительные изменения в учебные планы, в большей степени направленные на трудовое и патриотическое воспитание. Вопросы высшего образования, науки, литературы и искусства рассматриваются в работе весьма фрагментарно.

Появление работ А. П. Панчукова, Г. А. Дуриновой, В. Р. Бояновой¹⁴³ позволило начать разработку новых направлений по истории войны в республике. Во втором томе «Очерков истории культуры Бурятии»¹⁴⁴ в главе «Культура Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» дана характеристика работы школ, учреждений культуры, науки, здравоохранения республики, показаны объективные трудности военного времени: недостаток учительских кадров, материально-технических средств, сокращение комплектности школ и другое. В годы войны сократилось число средних специальных и высших учебных заведений, был сокращен срок обучения в педагогическом институте, чтобы в кратчайшие сроки обеспечить школы учителями. За 1941–1944 гг. Бурятский пединститут выпустил всего 231 учителя, в основном это были девушки. В работе показано шефство промышленных предприятий и колхозов над школами, помощь учащимся Красной армии, большой интерес представляют материалы об учителях, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, таких как Ц. Н. Номтоев (ставший позже Героем Социалистического труда), Г. И. Бадашкеев, Д. Ш. Будаев, П. М. Матвеев, А. П. Петрова и многих других.

В военное время увеличение ассигнований на здравоохранение привело к значительному росту числа больниц и амбулаторий. Были открыты на базе школ и общежития пединститута госпитали для раненых солдат и офицеров. Школьники и студенты помогали медицинским работникам ухаживать за ранеными фронтовиками. В главе приведены имена известных в республике врачей и медицинских сестер, самоотверженно, не считаясь со временем и здоровьем, трудившихся в госпиталях, больницах, амбулаториях, медпунктах.

В годы войны в Бурятии, как и во всей стране в целом, была перестроена общественно-политическая жизнь. В этот период в корне была изменена массово-политическая и культурно-просветительская работа, в первую очередь, ориентированная на воспитание патриотизма, реальное объяснение международной обстановки и событий на фронтах. Несмотря на трудности военного времени, в г. Улан-Удэ работал Государственный институт, языка, литературы и истории (ГИЯЛИ), преобразованный затем в Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики (НИИКЭ). Была издана работа Ф. А. Кудрявцева о боевых традициях бурятского народа, увидел свет труд П. Т. Хаптаева «Краткий очерк истории бурятского народа», в котором освещается жизнь бурят с древнейших времен и их борьба за независимость с XVII в. Были также опубликованы брошюра Л. А. Петрова «Доржи Банзаров – первый бурятский ученый», сборник улигеров известного народного сказителя А. Тороева; бурятский героический эпос «Гэсэр» под редакцией Ц. Галсанова. Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики имел тесные связи с другими научно-исследовательскими институтами и высшими учебными заведениями. Научными исследованиями в области краеведения занимались республиканский музей истории и Кяхтинский краеведческий музей.

Литераторами Бурятии были созданы значительные произведения: поэмы «Четыре года» Ж. Тумунова, «Павел Балтахинов» Ц. Галсанова, повесть «Луч победы» и пьесу «Кнут тайши» Х. Намсараева, пьесы «Рыбаки Байкала» и «Бабжа-Барас батор» Н. Балдано, «Снайпер» и «Сын полка» Г. Цыдынжапова. Получил развитие жанр рассказа, особенно в работах Ж. Тумунова, создавшего такие произведения, как «Горячее сердце», «Отец и сын», «Лейтенант Саханаев» и другие. Цикл произведений, исполненных патриотических чувств, был создан композиторами П. Берлинским, Б. Ямпиловым, Д. Аюшеевым, Ж. Батуевым.

Плакатная мастерская Бурят-Монгольского государственного газетного издательства выпустила за годы войны 170 номеров «Агитокон», 50 плакатов. Художниками был создан ряд картин, отражавших патриотический подъем трудящихся, героические будни фронта и тыла. Старейший художник Бурятии, заслуженный деятель искусств РСФСР Ц. Сампилов создал яркие патриотические полотна «Колхозные кони для фронта», «Агитатор на полевом стане», «Рейд гвардейской конницы в тыл врага», «Подарки на фронт», «Зимняя атака гвардейцев». Некоторые из них Ц. Сампилов написал после поездки на фронт в составе делегации республики, отвозившей подарки бойцам. Заслуженный деятель искусств Р. Мырдыгеев создал галерею портретов: легендарного снайпера Ц. Доржиева, Героя Советского Союза Ж. Тулаева, знатного комбайнера Т. Цырендоржиева, им были написаны картины «Разрешите на фронт», «Фашистам нет места», «Интересный рассказ». Заслуженный деятель искусств, фронтовик А. Тимин написал картины «Руки вверх!», «Захват фашистского штаба», «Фашистские мародеры», создал ряд портретных зарисовок советских воинов.

Великая Отечественная война, конечно, внесла изменения в творческие планы работников искусства Бурятии. В это время в республике работали Государственный бурятский музыкальный драматический театр, Государственный русский драматический театр, Театр юного зрителя, Русский драматический театр в г. Кяхте, Бурятский колхозно-совхозный театр и филармония, а также эвакуированный в г. Улан-Удэ из Харькова Русский драматический театр. На сценах театров ставились пьесы на военно-патриотические темы; коллективы театров и филармоний выступали с концертами перед рабочими, колхозниками, служащими, ранеными бойцами, лежавшими в госпиталях, и выезжали на фронт в составе концертных бригад. Так, в начале 1943 г. концертно-балетный ансамбль бурятского музыкально-драматического театра совершил трехмесячную поездку по Дальнему Востоку, выступая перед воинами Забайкальского и Дальневосточного фронтов, моряков Тихоокеанского флота. В 1945 г. бригада артистов из Бурятии выезжала на восточный фронт и дала 22 концерта. Артисты фронтовых концертных бригад были награждены медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Авторы «Очерков истории культуры Бурятии» отмечают, что в целом в годы Великой Отечественной войны культура Бурятии развивалась успешно и выполнила задачи, постав-

ленные временем, способствовала мобилизации населения республики на решение проблем военного времени, на ратные и трудовые подвиги.

Общественно-политическая жизнь Бурятии периода войны представлена в монографиях Б. С. Санжиева и Б. В. Базарова¹⁴⁵. В работе С. В. Балдано¹⁴⁶ подчеркнуто, что годы войны стали важным этапом в творческом и идейном росте художественной интеллигенции Бурятии. Впервые была поставлена проблема взаимоотношений художника и власти. Властные структуры активно стремились поощрять развитие национальной культуры в регионе, но под строгим контролем идеологических органов. Автор подчеркивает, что военные годы были заполнены мероприятиями идеологического характера, подавляющее большинство принимавшихся тогда партийных и государственных решений по вопросам культуры своим содержанием выходили на идеологию. Художественная интеллигенция выступила выразительницей дум и чаяний народа, его нравственных черт и духовных ценностей. Актуальность проблематики, публицистичность и обостренная гражданственность подхода к изображению жизни характеризуют литературу и искусство Бурятии в годы войны.

В течение долгого времени плодотворно работает над военной тематикой В. Б. Базаржапов. Кроме названных работ, в 1981 г. им была опубликована монография «Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны»¹⁴⁷. Это первое обобщающее исследование по истории национальных районов Сибири и Дальнего Востока военного периода. На основе обширного фактического материала автор анализирует развитие народного хозяйства автономных республик, областей и округов, показывает самоотверженный труд рабочих и колхозников, всенародную помощь фронту, дружбу народов этих районов.

В 1985 г. В. Б. Базаржапов опубликовал новую работу¹⁴⁸. Монография написана на обширной источниковой базе, в ней дана научная характеристика использованных источников, сделан историографический анализ использованной опубликованной литературы. Рассмотрены автором период начала войны, перестройки народного хозяйства на военный лад, промышленность и рабочий класс в 1941–1942 гг.; промышленность и рабочий класс в 1943–1945 гг.; материально-техническая база, сельскохозяйственное производство, кадры сельского хозяйства,

По мнению Е. Е. Тармаханова и Т. Е. Сажиевой¹⁴⁹, это связано тем, что, во-первых, в Бурятии эта проблематика иссле-

дована лучше, чем в других национальных районах Сибири; во-вторых, Бурятия по развитию промышленности и всего народного хозяйства стояла выше, чем другие национальные автономии. Автором показан вклад каждого национального региона в победу Советского Союза над фашистской Германией.

В 1996 г. увидела свет монография В. Б. Базаржапова¹⁵⁰, в которой автор акцентировал свое внимание на самоотверженном труде колхозного крестьянства республики в военное время. Продолжая работу по изучению деятельности тружеников тыла Бурятии, В. Б. Базаржапов издал книгу «Была живая жизнь (Бурятия в 1939–1945 гг.)»¹⁵¹, где рассмотрел развитие Бурятской АССР в предвоенные годы, дал характеристику итогам первых пятилеток, общему состоянию советского общества накануне Великой Отечественной войны, исследовал вопросы промышленности и сельского хозяйства, трудовых достижений рабочих и колхозников, их участия в движении всенародной помощи фронту.

В. Б. Базаржаповым в 2000 г. была опубликована работа «Трудовой подвиг тыла»¹⁵². Автор значительно углубил изучение данной темы, ввел в научный оборот много новых документов, тем самым, расширив источниковую базу проблемы. Богатый конкретно-исторический материал анализируется с позиций современных достижений отечественной историографии. В монографии показаны перестройка экономики в соответствии с условиями войны, изменения в образе жизни, даже в вероисповедании – русские и буряты стали более религиозными, они молились за победу, за своих мужей, сыновей и братьев, ушедших на фронт.

На конкретных примерах показана трудовая деятельность населения, помощь фронту. На исходе XX столетия автор по-новому взглянул на социально-экономический и патриотический феномен высокого трудового героизма, раскрыл глубинные корни жертвенности народа, остановился на проблеме взаимоотношений партийно-государственного руководства и крестьянства. В. Б. Базаржапов резюмирует: «За эти четыре тяжелейших года, когда единственным и ни с чем не сравнимым материальным и духовным стимулом была только Победа, наши славные рабочие и колхозники предстали перед историей не только в их предельной измотанности, но и в явной коллективистской силе и жизненности»¹⁵³.

В 2009 г. В. Б. Базаржапов издал очерк-воспоминание, очерк-размышление «Возращение на круги своя. Из истории Советской Бурятии»¹⁵⁴. Эта работа полна раздумий об исторических судьбах нашей страны, сравнений прошлого и на-

стоящего, чувства глубокого уважения к простому советскому человеку, труженику Бурятии, сумевшему в военные годы выстоять, выжить и победить.

Под научным руководством В. Б. Базаржапова в последние годы были успешно защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Е. В. Банзаракцаевой «Охрана детства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Бурят-Монгольской АССР)» (Улан-Удэ, 2005); В. Д. Гармаевым «Деятельность военных комиссариатов по формированию воинских частей на территории БМАССР (1923–1945 гг.)» (Улан-Удэ, 2005); Б. Б. Цыретаровой «Социальная политика в Бурятии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» (Улан-Удэ, 2006); Я. О. Жабаяевой «Становление и развитие профессиональной музыкальной культуры в Бурятии (1923–1945 гг.)» (Улан-Удэ, 2006); Б. Б. Шагдаровой «История развития журналистики в Бурятии (1930–1945 гг.)» (Улан-Удэ, 2006); С. С. Будаевой. «Сельское хозяйство Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» (Улан-Удэ, 2007); Б. Г. Хамисовым «Деятельность органов внутренних дел Бурят-Монгольской АССР в 1941–1953 гг.» (Улан-Удэ, 2008).

Нельзя не отметить то обстоятельство, что в Бурятии ведется целенаправленная работа по изданию сборников документов, в которых публикуются материалы, характеризующие историю республики периода Великой Отечественной войны¹⁵⁵. К юбилейным датам в Республике Бурятия проводятся крупные научно-практические конференции. Например, в 2000 г. прошла республиканская научно-практическая конференция, посвященная 55-летию Победы советского народа над немецким фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. «Бурятия в годы Великой Отечественной войны», на которой ведущие ученые республики представили 35 докладов. Это Г. Л. Санжиев, Б. Б. Батуев, В. Б. Базаржапов, М. Н. Балдано, К. Б.-М. Митупов, Л. А. Зайцева, Т. Е. Санжиева, Е. А. Высотина и другие. Большой интерес вызвал доклад школьного учителя Н. Д. Коробенковой «Черное крыло плена», в котором прослежена судьба военнопленных из Бурятии на основе материалов НКВД, МГБ, КГБ, ФСБ и воспоминаниях бывших военнопленных и малолетних узников концлагерей.

Плен – это одна из малоизученных и непрочитанных до конца страниц Великой Отечественной войны. Н. Д. Коробенкова опубликовала свою работу в Челябинском книжном издательстве в 2000 г.¹⁵⁶ В своем докладе автор заметила: «...Солдатская правда, рассказанная ее рядовыми участни-

ками, воссоздает войну не лакированную, а такую, какой она была на самом деле. Мои собеседники, бывшие военнопленные и малолетние узники из бичурских сел и других районов республики, поведали мне свою судьбу, и я читала печаль и усталость на их лицах. Но еще и достоинство, которое не убили ни плен, не долгие годы неверия и забвения. На фоне их горчайших судеб ярче и дороже Победа»¹⁵⁷.

В апреле 2005 г. в г. Улан-Удэ состоялась научно-практическая конференция «Великая победа великого народа», посвященная 60-ой годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В материалах конференции представлены доклады и сообщения о различных аспектах Великой Отечественной войны, дана общая оценка характера войны, героизма солдат и офицеров на фронтах, трудового и патриотического подвига рабочих и колхозников¹⁵⁸.

Таким образом, несмотря на значительное внимание к проблемам Великой Отечественной войны, многие вопросы истории республики ждут более глубокого исследования на основе современных достижений исторической науки с привлечением новых документов. Это такие вопросы, как перестройка народного хозяйства на военный лад, методы его руководства, влияние войны на материальное положение, быт и культуру советских граждан в трудные годы войны. Ждут дальнейшего изучения проблемы взаимодействия промышленного и сельскохозяйственного производств, работа всех видов транспорта. Необходимо исследовать в комплексе, в диалектическом взаимодействии все стороны социально-экономического, политического и культурного развития республики в годы Великой Отечественной войны.

Н. Ф. Бугай

ИСТОЧНИКИ ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДЕПОРТАЦИИ И УЧАСТИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ГРАЖДАН В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.

Степень разработки проблемы депортации и участия репрессированных народов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в значительной мере определяет состояние ее источниковой базы. Составной частью источниковой базы проблемы выступают опубликованные в 1990-е – начале

XXI в. документы¹⁵⁹. Они касались вопросов депортации почти всех народов, подвергшихся репрессиям начиная с 1917 г. и в период Великой Отечественной войны. Характеризуя источниковую базу, вряд ли можно обойтись без обращения к документам КПСС. Это оправдано, так как именно партией, как в 1920-е–1930-е годы, так и позднее, определялись политические акции, связанные с осуществлением репрессивных действий со стороны правительства, различных министерств и ведомств, включая и период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Особый блок представляют документы, несущие в себе информацию об оценке акций, проводившихся центром по депортации этнических общностей на территории республик, краев и областей. Конечно же, они кощунственны по своему содержанию. Так, например, первый секретарь обкома ВКП(б) АССР НП С.Малов уже 2 сентября 1941 г. в специальной записке на имя И. Сталина информировал, что «подавляющее большинство трудящихся русской и других (кроме немцев) национальностей встретили Указ с большим одобрением, рассматривая его как одну из серьезных мер по укреплению тыла...». Конечно, подобные утверждения были далеки от реального положения дел.

В числе источников в первую очередь следует назвать резолюции Пленумов ЦК РКП(б), а применительно к казачеству, это резолюция Пленума ЦК РКП(б) «По вопросу о казачестве» (апрель 1925 г.), в которой среди прочих мер решалось «признать допустимым районы с компактным казачьим населением в национальных областях выделить в отдельные административные единицы»¹⁶⁰.

Для исследователя проблемы весьма ценное значение имеют и материалы XX съезда партии (февраль 1956 г.), в частности, доклад Первого Секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», прочитанный на закрытом заседании съезда 25 февраля 1956 г.¹⁶¹ В докладе был проведен глубокий анализ деятельности И. Сталина, давалась обстоятельная оценка акциям в отношении репрессированных этнических общностей.

Хотя XX съезд КПСС в целом и был малозначащим, мало внесшим в совершенствование общественных отношений в Советском Союзе, тем не менее, он сыграл определенную роль в плане оценки места и роли репрессированных этнических общностей в 1920–1940-е гг. и в последующее время.

Источниковую базу проблемы составляют, прежде всего, документы архивных фондов НКВД-НКГБ СССР, МВД-МГБ

СССР, и особенно хранящиеся в «Особой папке» Сталина¹⁶². Фактически эти папки формировались на базе материалов переписки НКВД СССР (Н. Н. Ежов, Л. П. Берия и др.) и И. Сталина, а также переписки с другими наркоматами, министерствами СССР, Прокуратурой СССР, ОГПУ, управлением ГУЛАГа, раскрывающие разные стороны развития международных отношений в Союзе ССР, механизм укрепления советской власти на местах, и особенно в тех регионах, которые вошли в состав Союза ССР в конце 1940-х гг. и в последующем, участие представителей этнических общностей, подвергшихся репрессивным воздействиям со стороны государства, в Великой Отечественной войне.

Во многих папках сосредоточена межведомственная и внутриведомственная переписка, в том числе И. В. Сталина, В. М. Молотова, Н. С. Хрущева с руководством НКГБ, МВД, МГБ и других министерств Союза ССР, а также различных служб.

Многие материалы переписки Сталина и Берии позволяют понять, в чем же была суть проводимой политики насильственных переселений, действия репрессивного аппарата власти, какими по своему содержанию явились последствия столь непродуманных мер со стороны функционировавшего режима государственной власти, какое влияние они оказывали на степень участия репрессированных граждан в Великой Отечественной войне.

В «Особых папках» содержатся также ценные документы о самом положении этнических общностей Союза ССР, и особенно национальных меньшинств, различных по своему характеру национальных движений, в том числе и действовавших на территории Украины, Белоруссии, государств Прибалтики, Закавказья как накануне Великой Отечественной войны, так и непосредственно в ходе ее.

Фактически в «Особых папках» сосредоточены документы и материалы Отдела НКВД СССР по спецпереселенцам, создававшегося в 1944 г. отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа и ОГПУ, Управления отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР, 9-го управления МГБ СССР, Отдела «П» МВД СССР, 4-го спецотдела МВД СССР, Секретариата НКВД-МВД СССР, отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР, Главного управления по борьбе с бандитизмом, Верховного Совета ССР и др. Их содержание позволяет восстановить ход депортации этнических общностей Союза ССР в 1930–1950-е годы, включая период Великой Отечественной войны. Именно на этот период приходился пик принудитель-

ных переселений народов, влияние этой акции на формирование самосознания и национального сознания граждан.

Докладные записки, рапортчики позволяют выявить тех представителей государственного и партийного аппарата, кто непосредственно занимался осуществлением акций по переселению этнических общностей, показать взаимодействие партийных, военных и гражданских органов власти¹⁶³.

Наряду с названными архивами ценные сведения почерпнуты также в материалах пленумов областных обкомов РКП(б), состоявшихся в 1940-е годы, хранящимися в РГАСПИ.

Отдельную группу документов архива составляют постановления Государственного Комитета Обороны СССР, начавшего свою деятельность 30 июля 1941 г. и наделенного всей полнотой власти в условиях чрезвычайной экстремальной обстановки. В историко-правовой науке бывшего Союза ССР мало, что известно о «правотворческой работе» ГКО.

И. Сталин знакомился с имевшимися документами. Каждый из них он уведомлял своей подписью, давал документу путевку в жизнь, не задумываясь над трагическим исходом начинаемых дел (потеря государственности народами, ущерб в экономическом и культурном их развитии, разрыв семейных связей, утрата традиций, принудительное направление в рабочие колонны и батальоны и т. д.).

Несомненно, огромную ценность представляют и документы архива Института российской истории РАН. Их содержание обогащает познания по разным аспектам истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов и особенно по вопросу, например, о развитии партизанского движения в краях и республиках Северного Кавказа, на территории Украины, Белоруссии, республик Прибалтики, в Крымской АССР.

Например, в Крыму Советское правительство именно с партизанским движением связывало акцию по выселению крымских татар в 1944 г. Степень их участия в партизанском движении рассматривалась в качестве одной из причин репрессивной меры, а также и тот ущерб, который был нанесен партизанскому движению со стороны крымских татар, представителей других этнических общностей, проживавших на территории республики и подвергшихся репрессивным воздействиям со стороны государства.

Документы как раз и свидетельствуют о том, что отношение к этому «обоснованию» нельзя расценивать как однозначное. В них просматривается взаимодействие крымских татар, других народов с партизанами, выявляются частично причины, вызвавшие принятие столь антигуманных мер, связан-

ных с депортацией этнических общностей, проживавших на полуострове; роль и место областной партийной организации, органов советской власти в регулировании национальными процессами в республике; состояние межнациональных отношений. Ценность архивных документов и в том, что в них прослеживается то, как сами руководители партизанского движения в Крыму подходят к оценке движения с двух сторон.

К созданию источниковой базы проблемы имеет отношение и работа координационно-методического Центра института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН. Усилия Центра увенчались в начале 1990-х годов первой публикацией важнейших нормативных документов, хода проведения операций по высылению репрессированных лиц, а также частично их реабилитации¹⁶⁴.

В публикации подборки документов НКВД-НКГБ СССР, МВД-МГБ СССР «Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...» (М., 1992) были впервые представлены депортированные контингенты населения с территории Украины, а также крымские татары (тогда проживали в Крымской АССР и не входили в состав Украины).

Через опубликованные документы прослеживается негативный характер предпринимавшихся мер административно-командным руководством Центра по отношению к народам Украины, показано содержание мер по переселению, трудности обустройства народов в местах поселений, выявлены те лица, которым приходилось заниматься осуществлением операций по переселению граждан Украины как накануне, так и непосредственно в ходе Великой Отечественной войны.

Российская историческая наука располагает к настоящему времени и определенным корпусом источников, в которых имеются документы, отражающие роль и место еврейского этнического меньшинства в системе межнациональных отношений в Союзе ССР. Они помогают более полно представить события, связанные с расселением евреев по территории Украины, Российской Федерации, их переселением в годы войны¹⁶⁵.

Определенный свет на проблему проливает публикация трехтомного издания документов и воспоминаний под редакцией С. У. Алиевой. «Так это было» (М., 1993). К сожалению, автор изрядно увлекся сбором и автоматической перепечаткой того материала, который был уже введен в научный оборот ее предшественниками, хотя можно было бы заняться выявлением и публикацией совершенно новых документов, что, несомненно, обогатило бы источниковую базу проблемы в целом.

Особо ценное значение в названном сборнике документов имеют выявленные составителем воспоминания подвергшихся принудительным переселениям, хотя они и поданы автором целенаправленно – показать только страдания переселенцев, и мало помогают раскрыть саму суть происходивших национальных процессов, связанных с другими сторонами жизни спецпереселенцев. Не совсем убедительно аргументированы выводы составителя, ведущего речь о некоей «национальной депортации» в годы Великой Отечественной войны, по другим далеким от научного обоснования положениям темы. Четкое научное толкование по многим аспектам проблемы у автора просто отсутствует.

В первую очередь следует отметить появившийся «Сборник нормативных актов» непосредственно в Крымской Республике (Симферополь, 1992), в котором в систематизированном виде отслеживаются шаги Крымского областного совета, других органов власти по реабилитации народов, выработке основных принципов расселения крымских татар и других народов по территории республики.

В это же время обращаются к проблеме политики и обществоведы государств СНГ, что объяснялось потребностью публикации новых разрабатываемых документов по реабилитации граждан, принадлежавших к различным национальностям и подвергшихся репрессиям. В числе этих публикаций «Сборник законодательных актов о реабилитации, принятых в государствах – бывших союзных республиках СССР» (М., 1992.). Это были первые публикуемые подборки нормативных актов, разработанные новыми правительствами государств СНГ.

Для первой половины 1990-х гг. для источниковой базы проблемы депортации народов и участия их представителей в Великой Отечественной войне характерны в большей степени публикация подборок документов о депортации, в частности, крымских татар, греков, армян, иранцев, болгар, казаков, курдов, турок-месхетинцев, представителей этнических общностей Прибалтики и других¹⁶⁶. Именно такого рода подборки публиковались Альманахом писательского и журналистского расследования «Шпион» (Москва) за 1993–1997 гг. Им же была опубликована, по нашему мнению, весьма ценная работа «Кавказские орлы» (Алма-Ата, 1945), изданная по свежим следам после депортации чеченцев, ингушей в первой половине 1940-х гг.¹⁶⁷.

К названным публикациям подборок примыкают и публикации информационно-аналитического журнала «Обозреватель» (М., 1994, № 10 – 11, № 14 и другие). Первая половина

1990-х гг. ознаменовалась публикацией «Истории российских немцев в документах (1763–1992 гг.)». Кн. 1. М., 1993. Составители В. А. Ауман и В. Г. Чеботарева представили фактически основополагающие документы, подготовленные Государственным комитетом обороны СССР и связанные с мерами по проведению депортации немецкого населения, то есть специальный раздел посвящен советским немцам в Союзе ССР в 1940-е гг.

Публиковавшиеся документы позволили обратить внимание исследователей и на правовую сторону проблемы выстраивания взаимоотношений органов государственной власти, партийных организаций и спецпереселенцев в годы Великой Отечественной войны в плане их трудовой занятости, борьбы за свои права, обозначенные основным государственным законом – Конституцией СССР¹⁶⁸. Изданием сборника документов ставилась задача дать возможность всем интересующимся сложной судьбой российских немцев «получить собственное представление об истории этого народа, который сталинское руководство обрекло на насильственную ассимиляцию и в конечном итоге – на исчезновение в ближайшей исторической перспективе»¹⁶⁹.

В этой ситуации была вполне приемлема и объявленная цель издания – найти «цивилизованное решение проблем российских немцев», как составной, неразрывной части этнических обществ, населяющих территорию единой России. Представлены материалы о первых шагах по созданию государственных органов для управления делами народов, не имевших национально-государственных образований, о Комитете по проблемам немцев, восстановлению немецких национальных районов и многие другие.

С середины 1990-х гг. усиливается интерес к проблеме и в государствах СНГ. В Алматы архивом Президента Республики Казахстан (ответ. редактор Г. А. Каршыкова) был опубликован сборник документов «Из истории немцев Казахстана» (1921–1975 гг.). В 1930–1940-е гг. Казахстан становился республикой, которая принимала наряду с репрессированными народами огромное число граждан, эвакуированных из западных районов страны, что еще более возлагало на республику ответственность за судьбы народов, их обустройство, организацию трудовой деятельности. Самым многочисленной этнической общностью оставались советские немцы, положение которых резко изменилось с принятием постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 26 августа 1941 г. о переселении немцев из Саратовской, Сталинградской областей и Республики Поволжья.

Указ Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. придавал этому решению видимость законности. Опубликованные в сборнике документы как раз и раскрывают картину переселения немцев в Казахстан, их размещения в чрезвычайно трудных условиях первых месяцев Великой Отечественной войны. Повсеместно в республике ощущалась острая нехватка средств. Положение немцев усугублялось принадлежностью к нации, с народом которой ведется война. Из состава немцев, переселенных из центральных областей СССР, Республики немцев Поволжья, формировались трудовые колонны и рабочие батальоны в целях сохранения животноводческих ферм колхозов республики, добычи и переработки руды на Теке-лейском свинцово-цинковом комбинате и другие.

Документальное отображение проблема репрессий, принимавшихся против поляков и российских поляков, нашла в сборнике статей и документов «Репрессии против поляков и польских граждан», – подготовленном и опубликованном польской комиссией общества «Мемориал» (М., 1997).

Впервые в сборнике комплексно представлены ценные документы и о многочисленной польской когорте населения в СССР, о поляках – гражданах СССР, о польских военнопленных. Названный сборник следует оценить как одну из удачных публикаций по проблеме депортации поляков на территории Союза ССР. В нем раскрываются фактически неизвестные до того времени страницы истории польско-советских отношений, самой жизни граждан польской национальности, а также их культурных связей, отношения поляков с народами тех регионов, где и приходилось проживать им в новых условиях, позиция поляков в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Документы, представляющие ценность для исследователя в плане выяснения обстоятельств, связанных с переселением представителей этнических общностей в период Великой Отечественной войны, их обустройством на новых территориях, организацией трудовой деятельности, медицинским обслуживанием и т. д. были опубликованы в сборнике «Белая книга. О депортации корейского населения России в 1930–40-х гг.» (В 2-х кн. М., Кн. 1. М., 1992.; М., Кн. 2. 1997). Это первая публикация подборки документов, в которой показана эволюция переселения советских корейцев, их трудовое использование, указывается, что режим проживания корейцев в годы войны в республиках Средней Азии и Казахстане мало отличался от режима спецпереселенцев. В разделах сборника приведены ценные сведения об использовании корейцев на трудовом

фронте, где они вносили ощутимый вклад в достижение победы над врагами на фронтах Великой Отечественной войны.

Существенный вкладом в развитие источниковой базы проблемы явился и опубликованный сборник «Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы» (Алма-Ата, 1998).

Интерес к проблеме репрессий не иссякал и в Украине, включая поляков, о чем свидетельствовала публикация объемного тома документов «Депортация» (Киев, 1998). Документы опубликованы на русском и украинском языках. Они выявлены в архивах Российской Федерации и Украины. В значительной мере дополняют уже известные материалы по изучаемой проблеме, пополняют наши знания, уточняют многие события, отраженные в исторической науке и связанные с процессами депортации народов Союза ССР, Украины, Белоруссии. В середине 1990-х гг. обозначилась тенденция в изучении проблем переселений, включая и украинское население, в тех регионах, куда переселялись его контингенты. Так, в 1996 г. появился сборник документов и материалов «Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1938–1945 гг.» (Новосибирск, 1996.). В 2001 г. был опубликован сборник документов и материалов «Из истории земли Томской. 1940 – 1956 гг. Невольные сибиряки». Наряду с документами, раскрывающими трудности переселенцев в плане их жизнеобустройства, в публикации содержатся и документы о переселении на территорию Томской области с Украины «оуновцев», «власовцев», кулаков-переселенцев 1950-х гг.¹⁷⁰

В связи с тем, что в Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. казаки России были признаны репрессированными гражданами, в этот же период проявлялось внимание со стороны исследователей и к этой проблеме, с чем было связано появление в последующем сборника «Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917 – 1940 гг. (Нальчик, 1999). Казакам с момента снятия ограничений по службе в РККА (середина 1930-х годов) посвящены документы и подборка публикаций в периодической печати, раскрывающих процесс участия казачества в Великой Отечественной войне, и роль его в освобождении городов на юге Союза ССР.

В 2002 г. издательство «Инсан» (Москва) опубликовало книгу хронику «Депортация народов Крыма». Впервые была представлена подборка архивных материалов по вопросу о депортации этнических общностей Крымской АССР. В их числе были крымские татары, греки, болгары, армяне, немцы, а также «прочие» народы (караимы, итальянцы, румыны, цы-

гане, русские, венгры и другие)¹⁷¹. Часть опубликованных в сборнике документов и материалов отражают как раз события периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Крымском полуострове.

Книга содержит богатый блок архивных документов, выявленных в основном в фондах ГАРФ, по которым фактически прослеживается вся эволюция процессов, связанных с переселением народов полуострова в республики Средней Азии и Казахстан. Публикацией документов преследовалась единственная цель выявить механизм осуществления этой грубой государственной национальной политики относительно народов, в частности, народов многонациональной Крымской АССР, показать значение провозглашенного принципа строгого соблюдения конституционных норм в государстве. «Не бывало и не может быть случая, – писал И. В. Сталин, – чтобы кто-либо мог стать в СССР объектом преследования из-за национального происхождения»¹⁷².

Эта же цель преследовалась в этот период и публикацией документов о депортации, участии репрессированных граждан в создании тыла. Многие из этих публикаций размещаются в качестве приложения к монографическим исследованиям¹⁷³.

Существенным образом документальная база проблемы пополнилась изданием сборников документов, подготовленных Министерством внутренних дел и администрации Республики Польша и Государственным архивом службы безопасности Украины. Впервые были опубликованы многие документы, касающиеся вопроса положения поляков на Украине в 1930–1940-е гг.¹⁷⁴ В этом же году были опубликованы документы, подготовленные Ю. Шаповалом, в которых рассматривались многие аспекты изучаемой проблемы, в частности, развития событий в Закерзонье (Холмщина, Підляшшя, Надсяння, Лемківщина)¹⁷⁵.

Источниковая база проблемы обогатилась и в связи с публикацией книги-хроники «По решению Правительства Союза ССР...» (Нальчик, 2003 г., составители Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов)¹⁷⁶, наряду с разделами, освещающими ход принудительных переселений представителей этнических общностей, в том числе и с территории Украины, два раздела посвящены проблемам реабилитации народов.

В 2003 г. вышел в свет и первый совместный сборник документов, «Депортация польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г.» (Варшава – Москва, 2003). Сборник одновременно издан на русском и польском языках. Это богатейшее, концентрированное издание документов

Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства внутренних дел и администрации Республики Польша и Института национальной памяти в Варшаве. В сборнике опубликованы 170 ценных документов. В первом томе сборника, посвященного польскому подполью, содержатся информационно-аналитические документы НКВД-НКГБ СССР, раскрывающие подготовку и осуществление оперативно-чекистских мероприятий во время вхождения советских войск на территорию западных областей Белоруссии и Украины осенью 1939 г., и дальнейшее противодействие отечественных спецслужб польскому подполью. В их числе докладные записки И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. П. Берии спецсообщения, донесения, шифртелеграммы В. Н. Меркулова, И. А. Серова, Л. Ф. Цанавы, В. М. Бочкова, Л. П. Берии и другие документы¹⁷⁷.

Высокую оценку сборник получил и в средствах периодической печати. Газета «Дуэль» (№ 17–18 (366) 27 апреля 2004 г.) отмечала важность уточнения численных величин, подвергшихся репрессиям граждан польской национальности в 1939 г. на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. В действительности, как это считалось ранее, она составляла 950 тыс. – 1 млн. чел., однако, документы называют точную цифру – 292 513 человек, а также этапы переселений поляков. НКВД арестовывало и высылало не только бывших офицеров, помещиков и фабрикантов, жандармов, пограничников, политических деятелей, работников лесной стражи и так называемых «осадников» (переселенцев-колонистов, присылаемых на эти территории в соответствии с программой правительства Польши по их освоению), но и членов их семей.

Отдельные документы для раскрытия темы можно использовать и из опубликованной подборки документов и материалов «Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. 1937 – 1938 гг.» М., 2004 (под ред. академика А. Н. Яковлева), в котором раскрыта судьба разоблаченных антисоветских группировках, в частности, в Киеве, Одессе, Ленинграде, Москве. Здесь же имеются и доклады В. П. Балличко¹⁷⁸ о ситуации в Украине, который, как и другие комиссары госбезопасности, руководил до перевода его в Управление НКВД по Дальневосточному краю переселением контингентов населения Украины.

Публикуемые документы подтверждают, что укрепление личной власти в 1930-е гг. порождало в небывалых размерах подозрительность в шпионаже, как против власти, так и непосредственно против Сталина, его сторонников и позволяет

сделать вывод: сталинский режим не мог существовать без репрессий, без принятия экстренных мер по укреплению своих позиций, отстаиванию интересов, которые шли зачастую в разрез с интересами народов.

Что касается Российской Федерации в плане разработки источниковой базы по проблеме депортаций граждан, в том числе в период Великой отечественной войны, то в данном случае особую ценность составляют публикации, подготовленные по теме региональными группами исследователей применительно ко всем регионам России¹⁷⁹. Важным источником в этом ключе являются многотомные издания о жертвах политических репрессий, в которых содержатся богатые материалы и о жизни тех граждан, кто подвергнулся депортации в 1930-х–1950-х гг. Так, например, в изданном 7 томе документального исследования «Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему» (Иркутск, 2007) содержатся архивные данные о 3172 лицах, репрессированных по политическим мотивам в Восточно-Сибирском крае и Иркутской области в период с 1920 по 1973 гг., в последствие реабилитированных. Ценные сведения о жертвах политических репрессиях содержатся и в публикуемых Книгах памяти¹⁸⁰.

Такие материалы представляют, конечно, огромную ценность для исследователей истории репрессий, участия репрессированных в защите Отечества. Они позволяют воссоздать динамику политических репрессий и социальный портрет контингента пострадавших¹⁸¹.

Фактически это итоги реализации приказов Наркома внутренних дел Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г., приказа № 00486 о порядке рассмотрения дел и приведения приговоров в исполнение в отношении «изменников родине, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций» от 15 августа 1937 г., а также деятельности создававшихся внесудебных «троек» и «двоек», вершивших расправу по устанавливавшемуся лимиту.

По неполным данным, в 1937–1938 гг. были приговорены к расстрелу по политическим обвинениям 681 692 человек, из них 63 897 человек «тройками» и «двойками». А всего в сталинскую эпоху было устранено почти 800 тыс. человек по политическим обвинениям. В Восточно-Сибирском крае этот показатель превысил 30 тыс. репрессированных, включая и 17 тыс. расстрелянных граждан¹⁸².

Привлекает внимание выводы составителей. Ими опровергается имевшая хождение точка зрения, что типичным

«врагом народа» был состоящий в партии служащий (как вариант – представитель научно-технической или гуманитарной интеллигенции) еврейской национальности. По данным материалов, опубликованных в сборнике, национальный состав пострадавших от политических репрессий, соответствует составу населения Иркутской обл.: в числе репрессированных было 2 289 русских, 264 украинца, 123 поляка, 84 еврея, 60 белорусов, 37 литовцев, 29 латышей, 27 немцев, 21 кореец, 13 эстонцев, по 10 китайцев и мордвин, 9 чехов, 8 татар¹⁸³.

В этой связи представляют интерес и данные о партийном составе репрессированных. Из них 183 – члены ВКП(б), 3 – кандидаты в члены партии, 2 975 – беспартийные. В профессиональном отношении: крестьяне-единоличники – 507 чел., советские служащие – 249, рабочие – 216, неработающие – 175, председатели колхозов – 30 чел., вузовские преподаватели – 24 чел., студенты – 22 чел., шахтеры и учителя – по 21 человеку и другие¹⁸⁴.

Приведенный пример можно рассматривать как «модель» применительно для всех субъектов Российской Федерации. Аналогичным способом развивались события в это же время и в других краях, и областях Западной и Восточной Сибири.

Ценным источником, формировавшимся именно в 1990-е гг. – начале XXI в., являются многотомные публикации документов о жертвах политических репрессий в субъектах Российской Федерации, которые осуществлены различными общественными организациями. В этом плане примеров более чем достаточно. Для анализа избрано одно из таких изданий¹⁸⁵. Тома содержат письменные памятники для безвинно погибших и пострадавших от политических репрессий, а такими считаются в крае 150 тыс. чел. Более 40 тыс. жителей Алтайского края с 1917 г. было осуждено по политическим мотивам (из них – около 15 тыс. чел. – расстреляны).

В результате административных репрессий – депортация этнических общностей, спецпоселения – в регионе пострададо до 107 тыс. чел. Еще несколько тыс. чел., проживавших в Алтайском крае, стали жертвами коллективизации. Составители, авторы этих изданий приходят к единому заключению, преступные действия, связанные с депортацией этнических общностей, вызывали невосполнимые человеческие, духовные и материальные потери¹⁸⁶.

В качестве иллюстрации обратимся и к публикации многих специальных изданий, посвященных представителям – жертв политических репрессий, принадлежавших одной из этнической общности, в частности, корейской (с 2000 г. изда-

но 12 книг)¹⁸⁷. Сборники уникальные по своему содержанию. Вместе со скорбным мартирологом в них отражена жизнь депортированных корейцев в Среднюю Азию, многих жертв сталинских репрессий, их жизнестойкость и трудолюбие, стремление к служению родине.

Глубокому раскрытию изучаемой проблемы содействовала и публикация в 1990-е гг. – начале XXI в. многочисленных документов. Их содержание позволяет масштабно представить процессы осуществления политики принудительных переселений, в том числе и применительно к каждой из этнических общностей, раскрыть различные стороны их жизни, и возвращение со ссылкой, и реабилитацию¹⁸⁸.

Особую группу среди документов могли бы составить и материалы международных организаций¹⁸⁹. Отчеты в преобладающей степени отличаются своей тенденциозностью, поверхностным пониманием сути происходящих событий.

1990-е гг. ознаменовались появлением многочисленных сборников архивных документов¹⁹⁰, что значительно облегчило ученым поиск необходимых для них аргументов, доказательств по неадекватной лозунгам социализма мере – осуществление депортации этнических общностей, включая и период Великой Отечественной войны. Так, о сборнике документов «Час испытаний. Депортация, реабилитация и возвращение балкарского народа» (Нальчик, 2001) А. И. Мусукаев в предисловии к сборнику писал: «Выход этой книги, может быть, впервые за одиннадцать лет нынешних преобразований в России подведет читателя к мысли о том, что наступил качественно новый рубеж культуры политического мышления и что люди способны спокойно и мудро осмысливать и воспринимать негативную, а порой и жестокую правду о прошлом нашей страны и судьбах ее граждан»¹⁹¹.

В этом ряду публикация 2-й книги документов «ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. 1933 – 1945 (М.: «Росспэн», 2009). Отдельные документы касаются депортации представителей разных национальных меньшинств, и особенно в плане решения территориальных споров. К сожалению, во введении составителями допущены ошибки применительно хронологии переселения народов в 1940-е гг. В частности, отмечается о том, что в 1943 г. депортации подвергались целые народы и в их числе названы балкарцы, греки, ингуши, калмыки, карачаевцы, крымские татары, чеченцы и другие. Подобное утверждение не соответствует истинному положению дел. Вряд ли можно согласиться и с утверждением авторов введения к сборнику о том, что «депортации этнических меньшинств исполь-

зовались в качестве инструмента подавления потенциально-го сопротивления режиму» (с. 7). Это далеко не так. Мотивы неоднократно связывались и возрождением после победы сталинского экспансионизма в отношении сопредельных стран, в частности, Турции, Ирана, Японии и других.

Анализ применения других репрессивных мер воздействия применительно к населению страны показывает, что в связи с изучением перечисленных процессов, связанных с депортацией этнических общностей, включая и период Великой Отечественной войны, ценное значение приобрели для исследователей публикации, приуроченные демографическим изменениями в советском обществе¹⁹².

Составители сборника документов и материалов «Ссылка калмыков: как это было» (Элиста, 1993) систематизировали документы по проведению операции «Улусь», связанной с выселением калмыков, при этом учтен каждый из улусов республики. Показаны условия проживания на спецпоселении, возвращение спецпереселенцев-калмыков с фронта, расформирование самой государственности калмыцкой общности, приведены сведения о работе калмыков в тылу.

Целям более глубокого изучения происходивших социальных процессов в Чечено-Ингушской АССР была подчинена публикация подборки документов, посвященных конкретно депортации в 1940-е гг. чеченцев и ингушей¹⁹³, позволять показать процесс разработки и проведения операции «Чечевица» по переселению почти полумиллиона чеченцев и ингушей. Приведены многие документы о развитии бандповстанческого движения на территории республики, о расформировании государственности чеченского и ингушского народов – Чечено-Ингушской АССР, решении вопросов адаптации в новых местах проживания, частично представлены сведения об участии чеченцев и ингушей в Великой Отечественной войне, их мобилизации как спецпереселенцев.

Появилась публикация документов и об этнических общностях Закавказья, подвергшихся репрессивным воздействиям со стороны государства в период войны 1941–1945 гг. Материалы и документы, опубликованные в сборнике «Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. 1944–1994. (М., 1994), восстанавливают картину депортации этнических общностей с территории Грузии на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

В книге содержатся интересные сведения об участниках войны – турках-месхетинцах, которых было призвано в Красную армию более 20 тыс. чел., о роли И. Сталина и Л. Берии,

руководителей высших органов государственной власти, партийных организаций Грузии в осуществлении мер по переселению более 100 советских граждан, их расселению в Средней Азии, а также на территории Казахстана.

К созданию источниковой базы проблемы депортации как в период Великой Отечественной войны, так и в послевоенное время этнических общностей Прибалтики имеет отношение упоминавшаяся публикация подборки документов НКВД–НКГБ СССР, МВД–МГБ СССР «Иосиф Сталин–Лаврентию Берию: “Их надо депортировать...”» (М.: Дружба народов, 1992). Были впервые представлены депортированные контингенты населения с территории Прибалтики. Частично документы, касающиеся вопроса депортации народов из Прибалтики, публиковались журналом „Молодая гвардия” под общей рубрикой «Власть сатань». Депортации народов из Прибалтики составили в общей сумме депортированных более 200 000 человек и растянулись на длительный период

Издавались также сборники тематических документов по проблеме, а также отдельные их подборки, которые заметно приращивали знания по данной стороне жизни советских народов, сущности сталинской национальной политики, истории межнациональных отношений¹⁹⁴. Опубликована также незначительная по своему объему подборка архивных документов, что, конечно же, не решает проблемы в научном плане¹⁹⁵.

Привлекают внимание документы и материалы, посвященные трудовой занятости спецпереселенцев из Прибалтики. Как правило, это или документы НКВД СССР или местных республиканских, краевых и областных партийных организаций. Эти же материалы – свидетельство, каким образом проводились многие операции по переселению из Прибалтики непосредственно по просьбе правительств и ЦК партий прибалтийских республик. Для республик Прибалтики бывшего Союза ССР и союзного Центра они были сложными, в большей мере строились на приказном принципе. Это объяснялось, прежде всего, поздним вхождением прибалтийского региона в состав союзного государства и проводившимися теми социальными преобразованиями, которые имели место в странах Балтии в конце 1930-х – в 1940-е годы.

Старый, уходящий в прошлое, не соответствовавший требованиям нового времени государственный аппарат власти в республиках, как и те, кто поддерживал эту власть, уходя с политической арены, оказывали, ожесточенное сопротивление. Новые партийные и государственные лидеры балтийских республик принимали со своей стороны меры по усилению

режима власти, пришедшей на смену старым порядкам, ее удержанию. В связи с этим объяснимо их обращение в союзные органы власти, в частности к И. Сталину, в НКВД–НКГБ, МВД–МГБ с предложениями и просьбами «о наведении порядка в республиках».

В странах Балтии после 1939 г. общество являло собой истинный пример погружения в бифуркационное состояние. Общество, расколотое на тех, кто цеплялся за старый режим, и тех, кто поддерживал новые начинания, тогда казавшиеся прогрессивными, естественно прибегло к поиску выхода из создававшегося положения. Сила оказалась на стороне поддержанной сталинским режимом власти. Ход событий соответствовал развитию ситуации, связанной с включением Прибалтики в состав Союза ССР, пактом Риббентропа-Молотова и с другими акциями, проводимыми в международном плане.

Безусловно, государственная политика не должна проводиться подобными мерами. Однако в этих условиях, вряд ли можно утверждать о геноциде по отношению к народам Прибалтики. Граждане латышской, литовской, эстонской, польской, а заодно с ними и других национальностей (русские, финны, евреи) действительно претерпели лишения и страдания, но это вряд ли можно расценивать как явление геноцида в его классическом понимании. Скорее всего, это было проявление жесткой политики со стороны власти придержавшихся, базировавшейся на персонифицированном факторе политики. Действия их сопровождалось отвержением любого коллективного начала в решении столь сложных вопросов и признанием воли одной личности. В данном случае было избрано принудительное переселение граждан, принадлежавших к разным национальностям, но составлявшим «альтернативную силу, укреплявшемуся режиму власти».

Составной частью источников темы Великой Отечественной войны остаются воспоминания тех, кто подвергался репрессивным воздействиям, свидетелей и непосредственных участников процесса депортации этнических общностей. Безусловно, в них в значительной мере преобладает эмоциональный аспект. Не всегда позиция совпадает с общей линией осуществления антигуманной политики государством в отношении репрессированного. Тем не менее, воспоминания как источник в значительной степени обогащают сведения о развитии самих процессов, депортации, участия подвергшихся репрессиям в Великой Отечественной войне¹⁹⁶.

По многим общим и частным вопросам депортации народов важным источником остается и «национальная» пресса,

печатные органы различных общественных национальных движений, организаций, национально-культурных автономий. В числе их такие как «Народ» «Лига наций» (Москва), «Путь» (Ростовская обл.), «Вон-Дон» (Дальний Восток), «Российские корейцы» (Москва, ООК), «Ариран», «Ариран-Пресс» (Москва, ФНКА российские корейцы), «Корейская диаспора» (Москва), «Русский курьер», «Омал маал» (Ленинградская обл.), «Краснодарские известия» (14 апр. 2001 и другие), «Аз-зерос» (Москва), «Страна содружества» (Москва) и другие.

Публикации в прессе передавали во многом настроение масс, военно-политическое состояние в том или ином регионе страны. Так, из автономии немцев Поволжья, например, в это время сообщалось «политическое настроение трудящихся Республики немцев Поволжья здоровое. Рабочие, колхозники и интеллигенция, перестраивая работу на военный лад, стремятся все подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага». Немецкие газеты «Большевик» и «Nachrichten», по указанию комиссара И. Серова, прибывшего в республику для проведения операции по выселению немцев, опубликовала Указ о выселении немцев от 30 августа 1941 г. Все это сразу же изменяло политику по отношению к советским немцам.

Фактически во многих из газет 1990-х – начала XXI в. содержится разнообразный материал о ходе реабилитации народов, о межнациональных отношениях, развитии культурной жизни, об участии репрессированных в сражениях на фронтах войны и др.

Накопление исторических знаний по проблеме позволило уже в конце 1980-х – начале 1990-х гг. сообщить о первых итогах на научно-теоретических конференциях как международного, регионального, так и местного масштаба. В докладах участников анализировалось состояние разработки мер реабилитации и их практического осуществления, делались выводы и давались рекомендации об усилении работы в этом направлении¹⁹⁷.

Впервые проблема депортированных народов Союза ССР в обобщенном виде рассматривалась на заседаниях «круглого стола», проведенном 4 – 6 июля 1989 г. бывшим Институтом марксизма – ленинизма при ЦК КПСС. Среди других сообщений прозвучали выступления о греках – Г. Х. Политидис, о крымских татарах – А. И. Куркчи и другие. Все выступавшие были единодушны во мнении, переселение в 1930-е – 1940-е гг. этнических общностей и групп населения – прямая вина И. Сталина и его окружения, грубое нарушение принципов национально-государственного устройства народов, их конституционных прав¹⁹⁸.

Из международных конференций следовало бы особое внимание обратить на состоявшуюся еще 25 июля 1990 г. научную конференцию по проблемам курдов, в работе которой приняли участие курдологи. Особый интерес вызвали доклад академика Н. К. Надирова, а также ученого из Швеции Джамшида Хейдери, выступившего с докладом «The Kurds of the USSR». Участники конференции затронули проблему репрессий курдской этнической общности. Джамшид Хейдери посвятил этому аспекту проблемы целый раздел «Репрессии», в котором констатировал о репрессиях применительно советских курдов Закавказья в 1937 и 1944 гг., в частности, о принудительной их депортации в республики Средней Азии и Казахскую ССР.

Многие стороны проблемы были рассмотрены в 1990-е гг. и в начале XXI в. на научно-практических конференциях (Украина, Россия). Газета «Республика Крым» опубликовала доклад В. Земскова, сделанный им на Всесоюзной исторической конференции «Проблемы истории Крыма», проходившей в Симферополе в 1991 г.¹⁹⁹ Автор на основе документов архивов НКВД–НКГБ Союза ССР восстановил частично ход депортации крымских татар и других народов с территории Крыма. И все же по его публикациям оставались невыясненными сведения о численности депортировавшихся крымских татар из Крыма, другие аспекты проблемы.

4 – 5 марта 1995 г. состоялась Международная конференция «История лагерей, переселений, депортаций, массовых уничтожений в СССР, Германии (1933 – 1945 гг.)» в Евангелической академии Мюльхаим–Рура (Германия)²⁰⁰. На ней впервые обстоятельно обсуждались и многие стороны интересующей проблемы переселений народов Украины: поляков, евреев в период Великой Отечественной войны. З. Возничка (Польша), опираясь на выявленные им документы, принадлежавшие наркому СССР А. Вышинскому, в частности, письмо наркома на имя Посла Республики Польша С. Кота, сообщил итоговые данные о подвергшихся репрессиям граждан польской национальности на территории Союза ССР – 367 392 человек, однако, по данным непосредственно посольства, эта цифра была якобы заниженной.

Посольство полагало, что на территории Союза ССР пребывали на спецпоселении (различные категории граждан) 446 тыс. поляков. З. Возничка были названы и новые сведения о депортации весной 1945 г. специальными отрядами НКВД СССР около 15 тыс. поляков из Поможа, и от 10 до 25 тыс. поляков – из Верхней Силезии, которых считали гражданами немецкой национальности. По данным З. Возничка, их труд

использовался в Челябинской, Харьковской областях, на шахтах Донбасса, Урала и Сибири.

12–13 января 2007 г. в г. Элисте состоялась российская научно-практическая конференция «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе» с участием ученых, представителей законодательных и исполнительных органов власти, государственных и общественно-политических деятелей Республики Калмыкия и многих субъектов Южного федерального округа²⁰¹.

Участники, выступавшие как на пленарном, так и секционных заседаниях, рассмотрели наиболее актуальные вопросы проблемы возрождения государственности, культурного и социально-экономического развития репрессированных народов. Доктор философских наук, профессор Кабардино-Балкарского госуниверситета Салих Эфендиев, призвал ученых «написать историю этого периода во имя восстановления исторической справедливости и правильного формирования национального сознания подрастающих поколений».

Полученные итоги разного уровня научно-практических конференций, многочисленных заседаний «круглых столов», содействовали выработке единых подходов в освещении столь сложной проблемы, включая и депортацию этнических общностей, и их участие в борьбе с фашизмом. Появилась возможность одновременно вносить определенные коррективы в проводимые исследования по конкретным направлениям темы, применительно к каждой, из подвергшихся репрессии этнических общностей.

Несмотря на сложную предвоенную обстановку, а также ситуацию начала 1940-х гг., граждане Советского Союза героически выдержали выпавшие на их долю испытания войны. Боевая сплоченность и дружба многонационального личного состава войск проявлялась в ходе всей войны, на разных участках громадного советско-германского фронта.

Граждане Советского Союза без исключения внесли неоценимый вклад в дело борьбы с фашизмом. Он проявлялся не только на фронтах сражений, но оставался ощутимым и в тылу, был связан с действиями, направленными на создание прочного материального обеспечения фронта и тыла, Красной армии.

Огромной силой в тылу сражавшихся войск являлось партизанское движение, в котором также принимали самое активное участие представители многих национальностей, в том числе репрессированных народов, о чем свидетельствует

и публикуемые письма, направлявшиеся с фронта, материалы проведенных исследований.

Цементирующим началом совместной борьбы на фронтах войны выступал тот фактор, что представители разных национальностей Союза ССР связывали свои судьбы с военным делом, становились известными военачальниками, получившими огромную признательность народов Союза ССР, заслуженную славу.

Накопленный ими опыт с успехом использовался в годы Великой Отечественной войны. Отдельные представители разных народов были известными хозяйственниками, организаторами отраслей народного хозяйства в трудных условиях военного времени и в послевоенный период.

Однако государственное управление процессами в сфере национальной политики в 1920–1930-е гг., проведение жесткой хозяйственной политики привело в конечном итоге к тому, что некоторая часть народов бывшего Союза ССР, начиная с середины 1930-х гг., была депортирована в Казахстан, республики Средней Азии, а также в отдельные регионы восточной части Российской Федерации.

И, если эти действия во второй половине 1930-х гг. носили исключительно спонтанный характер, то уже в первой половине 1940-х гг. они со стороны Правительства Союза ССР приобретали непрерывный и целенаправленный характер.

Именно таким способом Правительство Союза ССР решало задачу стабилизации положения на местах, то есть там, где была напряженной этнополитическая обстановка, требовавшая огромных усилий со стороны партии и государства. Однако ситуация складывалась таким образом, что более удобным для органов власти оказалось выслать, депортировать ту или иную этническую общность, чем проводить кропотливую работу по стабилизации обстановки.

В целом динамика этих действий выглядела следующим образом. По данным созданного в марте 1944 г. в структуре НКВД Союза ССР Отдела спецпоселений, начиная с середины 1930-х годов и до конца 1940-х гг. (в 1949 г. был произведен переучет спецпоселенцев), на территории страны среди подвергшихся принудительному переселению было: 1 024 722 гражданина немецкой национальности («российские немцы»), около 640 чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, 92 тыс. калмыков, 692 тыс. бывших кулаков, в число которых входили в преобладающем количестве представители русской национальности, 194 тыс. крымских татар, около 40 тыс. греков, армян и болгар из Крыма. В числе депортировавшихся оказа-

лись также около 30 тыс. греков из районов Черноморского побережья Грузии и Краснодарского края, около 100 тыс. турок, курдов, хемшин из Месхетии, более 400 тыс. поляков, граждан Украины и Белоруссии, более 215 тыс. литовцев, латышшей, эстонцев, 12 тыс. финнов, 172 тыс. корейцев, 8 тыс. китайцев, 8 тыс. иранцев, представители других национальностей²⁰².

Разумеется, проводимая в Союзе ССР политика принудительных переселений народов, несла неисчислимы страдания, не могла быть оцененной положительно, заслуживает всемерного осуждения и отторжения.

В то же время в советской, российской историографии до сих пор мало обращалось внимания на такую сторону проблемы как участие представителей «поруганных» народов в Великой Отечественной войне, как непосредственно во фронтовых сражениях с врагом, так и в тылу. Авторы имеющихся немногочисленных исследований касались в основном количественных характеристик описываемых событий²⁰³.

Судьбы их складывались по-разному. Однако ощущалось желание сражаться за свое Отечество, в полном понимании этого слова, не щадя своей жизни. Проявлявшие огромную волю и героизм и тем не менее они оказались как бы за бортом своего же общества, его изгоями. И в это же время многие из представителей «поруганных» народов были удостоены наград родины, а отдельные получили и звание Героев Советского Союза.

В тылу нашли применение такого явления как формирование из репрессированных народов трудовых колонн, рабочих батальонов и т. д., использование дешевого, поистине рабского их труда. Однако и эти действия не нашли должной оценки.

Следует сразу же отметить, что источниковая база вопроса не отличается широтой. Применительно к каждому из репрессированных народов она базируется в первую очередь на имеющихся документах «Особой «паки Сталина», где в отчетах разных структур силовых министерств встречаются сведения об участии контингентов репрессированных этнических общностей на фронтах Великой Отечественной войны. Особенно ценные материалы содержатся в фондах отдел НКВД СССР по борьбе с бандитизмом.

Так, в обобщающей справке (март 1949 г.) о численности спецпереселенцев, служивших ранее в Красной армии, динамика этого вопроса выглядела следующим образом (См. Табл. 1).

**Численность спецпоселенцев,
служивших ранее в Красной армии
(из сведений на март 1949 г.)**

Наименование контингента	Офицеры	Сержанты	Рядовой состав	Итого по контингентам
Немцы:				
выселенные	1 609	4 282	27 724	33 615
репатриированные	1092	2828	18 747	22 667
мобилизованные	326	907	4 444	5 677
местные	119	301	2057	2 477
другие	32	33	143	208
с Северного Кавказа	710	1696	6 488	8 894
чеченцы	238	724	3 286	4 248
ингуши	129	211	606	946
карачаевцы	238	495	1810	2543
балкарцы*	99	243	703	1045
другие	6	23	83	112
из Крыма	569	1 660	8 663	10 892
греки	8	86	465	569
болгары	9	79	424	582
крымские татары	524	1392	7079	8 995
армяне	19	70	485	574
другие	9	33	19	61
из Грузинской ССР				
турки	24	271	2 222	2 517
курды	4	15	122	141
хемшины	–	3	4	7
другие	29	170	1211	1 410
калмыки	383	1118	4683	6 184
по Указу от 2.06.48 г.	132	1128	4736	5 996
из Лигтовской ССР (1945–1948 гг.)	5	5	210	220
«власовцы»	2 423	9 588	7 1606	8 3617
«оуновцы»	1	28	503	532
фольксдейче	3	22	41	66
немецкие пособники	6	27	187	220
«ИПХ»	–	–	1	1
поляки	12	104	810	926
Итого:	8 343	28 001	173 201	209 545
<i>Источник:</i> ГАРФ. Ф. – Р. 9401, оп. 1., д. 2704, л. 17; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М.: «Капъ», 1994. – С. 171.				
*) Сведения о балкарцах в книге: Они сражались за Родину. М.: «Новый хронограф», 2005, приведены неточно. (См. Указ соч. – С. 11.).				

Несомненно, расширить представление об участниках Великой Отечественной войны позволяют материалы, сохранившиеся в республиканских центрах хранения документов новейшей истории. Это в полной мере относится ко всем регионам, с территории которых осуществлялось переселение подвергнувшихся репрессиям этнических общностей.

Наряду с этим определенную ценность представляют для исследования процесса и архивные документы регионов расселения депортированных граждан в годы Великой Отечественной войны. В данном случае материалы раскрывают трудовой героизм спецпереселенцев на трудовом фронте в тылу. Своим самоотверженным трудом они также преумножали победу над врагом, работая на производстве, в промышленности, сельском хозяйстве. В сельском хозяйстве трудились десятки стахановцев из спецпереселенцев. В числе публиковавшихся многие подборки документов, в которых затрагивается и проблема Великой Отечественной войны²⁰⁴.

Раскрытию многих сторон участия репрессированных граждан в Великой Отечественной войне содействуют воспоминания непосредственных участников войны, опубликованные как в авторских изданиях, так и в специальных сборниках²⁰⁵. Многие из воспоминаний публиковались в периодической печати.

В этом плане особую ценность приобретают, например, воспоминания Маркса Хана о корейцах в годы Великой Отечественной войны. Накануне Великой Отечественной войны корейские колхозы буквально за два года, получив колоссальные урожаи риса, особенно в Ташкентской области (Узбекская ССР) и Уштобе (Казахская ССР), сразу же стали жить зажиточно. Этому содействовала и продуманная аграрная политика правительства республик, в которых проживали советские корейцы. Они временно, на два года, освободили все корейские колхозы от налогов. И буквально за три года – с 1938 по 1940 гг. – все корейские колхозы были обустроены, появились новые дома, которых не было в Средней Азии, электростанции, школы, кинотеатры, клубы, библиотеки.

Такие колхозы Средне-Чирчикского района, как «Полярная звезда», «Северный маяк», «им. Ленина» и другие были очень богатыми к 1941 г., к началу Великой Отечественной войны. В эти районы устремились корейцы из других мест поселения. И буквально за три года численность корейского населения Узбекистана резко возросла. Все это позволяет сделать вывод о высокой хозяйственной организованности корейской общности, ее индивидуальной саморорганизованности, как неотъемлемой черты менталитета корейцев.

Как пишет М. Хан, «к началу Великой Отечественной войны корейское население в Средней Азии и Казахстане в своем абсолютном большинстве по меркам того времени жило довольно зажиточно. Это было очень позитивным симптомом»²⁰⁶.

Богатым источником являются и архивы республиканских, краевых и областных музеев. В связи с этим объемный материал собран, например, краеведческими музеями Ингушской Республики, где особое внимание придавалось воспоминаниям участников Великой Отечественной войны. Многие из этих воспоминаний публиковались в республиканской прессе²⁰⁷.

На основе источников, включая и документы областных архивов, и воспоминания, собрания музеев установлено, что, по приблизительным данным, на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. находилось более 20 тыс. калмыков-солдат и офицеров, из них 25% были коммунистами, многие из воинов-калмыков дошли до Берлина²⁰⁸.

Многие сведения об участии представителей репрессированной калмыцкой этнической общности содержатся также в опубликованных воспоминаниях участников войны²⁰⁹. Эти воспоминания отмечают о конкретном вкладе калмыков, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны. «Тов. Хонинов – сын калмыцкого народа, с честью выполнял воинскую присягу. Он не щадил ни сил, ни энергии, ни самой жизни для победы над злейшими врагами человечества – фашистскими захватчиками. По итогам боевой деятельности и развития партизанского движения, и защите советских граждан от угона и истребления гитлеровскими захватчиками заслуживает звания Героя Советского Союза, – констатировал в своих воспоминаниях командир Могилевского партизанского отряда, Герой Советского Союза полковник Сидоренко-Солдатенко о калмыке М. В. Хонинове²¹⁰. Подобных отзывов о воинах-калмыках встречается множество.

Воины карачаевцы – представители другого репрессированного народа в годы войны – сражались в годы войны в боях под Москвой, в битве за Сталинград и непосредственно за Кавказ. Они были активными участниками сражений в боях за освобождение западных районов Союза ССР, проявляли мужество, совершали героические поступки как в ходе войны, так и на ее завершающем этапе. По данным К. Т. Лайпанова, из проживающих в Советском Союзе около 80 тыс. карачаевцев 15 тыс. человек принимали участие в войне, сражаясь с врагом на всех фронтах, а также во многих партизанских отрядах²¹¹.

Архивные документы, воспоминания, заметки непосредственных участников Великой Отечественной войны явля-

ются основной источниковой базой и по истории участия в войне 1941–1945 гг. советских немцев. Документы хранятся в фондах ГАРФ и РГАСПИ, ЦГАРА это сведения и о немцах, направлявшихся в трудовые колонны и батальоны, работавших в тылу, а также многочисленные документы ГКО, содержащие данные о порядке использования советских немцев в период войны. Материалы о немцах-участниках войны публиковались главным образом в газете «Нойес Лебен», а также в других последующих изданиях, выходявших в свет в 1990-е гг.²¹². В воспоминаниях содержатся сведения и об участниках Великой Отечественной войны репрессированных чеченцах. Значительная часть материалов о них сосредоточена в статейных публикациях газет, издававшихся как союзного значения, так и республиканских.

Большую работу по выявлению чеченцев – участников Великой Отечественной войны (более 200 человек) провела Ж. Зайналабдиева, и другие исследователи. Выявлены многие чеченцы, удостоенные звания Героя Советского Союза, участники защиты Брестской крепости на начальном этапе войны. Многие из представителей репрессированных граждан добровольцами уходили на фронт с территории Чечено-Ингушской АССР. Только из числа коммунистов таких было более 5000 чел.²¹³. Особую ценность представляют также письма, присланные с фронта чеченцами и ингушами. Несомненно, значительная часть документов об участниках войны чеченцев, ингушах сосредоточена в архивохранилищах.

В документах содержатся материалы об отзыве из армии военнослужащих из чеченцев ингушей, сражавшихся на фронтах войны. Так, по данным архивных документов, только чеченцев и ингушей было отозвано из рядов Красной армии в 1944–1945 гг. – офицеров 710 человек, сержантов и рядовых – 8 134 человека²¹⁴. Проводится большая работа по выявлению наградных листов участников войны Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

На фронтах Великой Отечественной войны проявили себя пламенными советскими патриотами, как и представители других этнических общностей, курды. Архивы военных комиссариатов Азербайджана, Армении, Российской Федерации хранят документы об участии курдов в войне против фашизма. В районах проживания курдов была развернута широкая работа по обеспечению фронта продовольствием, формированию фонда обороны страны. Более 4 000 курдов, по данным справки «О численности спецпоселенцев Закавказья, ранее служивших в Красной армии» (март, 1949) возвратились с

фронта. Эти факты можно почерпнуть не только в архивных документах, но и в таком источнике как воспоминания курдов-участников Великой Отечественной войны Они становятся доступными для широкой аудитории читателя²¹⁵.

В архивных документах содержатся сведения и о многих направившихся на фронты Великой Отечественной войны около 40 тыс. турках-месхетинцах и проявлявших героизм в борьбе с фашистами, защищая свою родину. Большую работу по выявлению архивных документов и материалов, сбору воспоминаний об участии турок-месхетинцев в войне проделало Международное общество месхетинских турок «Ватан» («Родина»).

Подобным образом складывалось положение и среди других репрессированных этнических общностей – поляков, ингерманландцев, армян, греков и других, сражавшихся на фронтах войны, преследующих единственную цель разгромить фашизм, не допустить порабощения своей родины.

Р. Н. Сулейманова, Ш. Н. Исянгулов

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БАШКИРСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.

Период Великой Отечественной войны – один из немногих периодов в истории Башкортостана XX в., который достаточно представлен в опубликованных и неопубликованных источниках. Еще в годы войны вышел ряд работ, в которых имелись источники. В частности, в конце войны руководящие органы республики продолжили практику публикации принятых важнейших партийно-государственных решений²¹⁶. Выходили стенографические отчеты сессий Верховного Совета Башкирской АССР, отдельные доклады депутатов²¹⁷.

В брошюру «На разгром врага» вошли телеграммы Башкирского обкома ВКП (б) и Совнаркома БАССР, трудящихся республики в Государственный Комитет Обороны, лично И. В. Сталину о сборе средств на строительство самолетов, отправке теплых вещей и подарков для бойцов Красной Армии²¹⁸. В 1944 г. было опубликовано письмо трудящихся Башкирии И. В. Сталину²¹⁹. В 1962 г. источниковую базу темы войны заметно обогатил выход в Башкирском книжном издательстве резолюций областных партийных конференций и пленумов Башкирского обкома ВКП (б), в том числе и периода Великой Отечественной войны. Документы этого пери-

ода впервые были извлечены из фондов партийного архива Башкирского обкома КПСС. Однако следует отметить, что не все резолюции пленумов обкома партии периода войны тогда были опубликованы²²⁰.

Публикация документов или выдержек из документов практиковалась и в последующие годы. Так, история комсомола республики в годы войны получила отражение в документальных выдержках в книге научно-популярного характера «Этапы большого пути»²²¹. Это имело место в выходявших сборниках статей, в которые были включены материалы, характеризующие самоотверженный труд посланцев Башкирии на промышленных предприятиях за пределами республики²²². Интернациональные связи республики в годы войны нашли освещение в сборнике документов и материалов «Связи братские, интернациональные»²²³.

В 1980 г. вышел сборник документов и материалов, специально посвященный периоду Великой Отечественной войны. В нем впервые в историографии Башкирии были представлены документы и материалы, характеризующие практически все стороны общественно-политической, военной, социально-экономической и культурной жизни республики в годы войны, боевой и трудовой вклад трудящихся и воинов из республики в победу²²⁴. В сборник вошли решения Башкирского обкома ВКП(б), обкома ВЛКСМ, СНК БАССР по перестройке народного хозяйства на военный лад, мобилизации сил и средств, улучшению производства в различных отраслях хозяйства, докладные записки, справки, информации республиканских и местных партийных, советских и комсомольских органов об организаторской и массово-политической работе, самоотверженном труде рабочих, колхозников и интеллигенции, помощи фронту, заботе о воинах и семьях фронтовиков. Также в книгу вошли резолюции митингов, обращения коллективов предприятий, колхозников с призывами о социалистическом соревновании, письма трудящихся на фронт и ответные письма. Часть документов и материалов, извлеченных из центральных военных архивов, рассказывает о ратных подвигах воинов Красной Армии и участников партизанского движения. Это извлечения из исторических формуляров о боевых действиях соединений и частей, сформированных в Башкирии, наградные листы, листовки о подвигах героев Советского Союза. Также в сборник были включены более 70 статей и корреспонденций из периодической печати военных лет. Всего в сборник включено 247 документов и материалов, большинство которых (160 документов) опубликовано впервые. Сборник

документов составлен по тематическому принципу и включает семь разделов, каждый из которых был посвящен определенной теме. Однако в основном, включенные в сборник документы и материалы отражали положительные явления в жизни республики периода войны. Внутри разделов документы были расположены по хронологическому принципу. Несмотря на недостатки, сборник стал значительным явлением в башкирской историографии, впервые давал комплексное документальное представление о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., а также о роли республики в этих сложных процессах.

В советский период выходило немало воспоминаний, мемуаров участников войны. Некоторые из них – это дневники, но абсолютное большинство – воспоминания непосредственных участников тех событий. Здесь, в первую очередь, следует выделить работы и воспоминания воинов славной 112-й (16-й гвардейской) Башкирской кавалерийской дивизии²²⁵. В книге Н. И. Бирюкова рассказывается о славном боевом пути 214-й стрелковой дивизии²²⁶. В некоторых мемуарах раскрывается борьба и в тылу врага, и в плену партизан – выходцев из Башкирии²²⁷. Воспоминания единственного в республике дважды Героя Советского Союза, летчика М. Г. Гареева до 1990 г. увидели свет 5 раз²²⁸. Некоторые мемуары написаны на документальной основе. Прежде всего, Г. А. Белов (командир 112-й Башкавдивизии) и Н. И. Бирюков использовали в своих книгах награжденные листы на Героев Советского Союза, исторические формуляры о боевом пути соединений, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны СССР (ныне РФ). В мемуарной литературе живо и ярко передавались обстановка и дух военного времени, они содержат ценные фактические данные, которые могли не всегда отразиться в официальных источниках. В то же время они содержали субъективные оценки, неточности и ошибки.

В изучении вопроса о развитии самой партийной организации республики в рассматриваемый период большую помощь оказывает сборник «Башкирская областная организация КПСС в цифрах (1917–1987 гг.)», в котором представлен численный состав Башкирской областной организации КПСС, количество принятых в партию, их состав, социальный, национальный состав партийной организации и т. д.²²⁹

С 1990-х гг. публикаторская работа по истории войны активизировалась. Привлекает своим содержанием и сборник «Письма далекой военной поры», в которых были перепечатаны письма на фронт, с фронта, опубликованные в областной газете «Красная Башкирия» за 1941–1945 гг.²³⁰ В другой сбор-

ник «Письма огненных лет» вошли фронтовые письма, дневниковые записи, хранящиеся в республиканском музее Боевой Славы²³¹. В отличие от опубликованных в периодической печати, эти письма передают эмоциональные переживания, трудности военных лет.

В республике продолжается работа по публикации мемуарной литературы. В них получают освещение новые аспекты военной тематики, свободных ныне от цензуры²³². К 50-летию Победы увидел свет новый сборник документов и материалов, посвященный войне. В нем, в отличие от издания 1980 г., были опубликованы документы, раскрывающие трудности и негативные явления в общественно-политической и социально-экономической жизни республики. В нем имелись сведения о труде и быте мобилизованных из БАССР в трудармию на предприятиях других регионов, документы о работе секретных предприятий, деятельность которых ранее не освещалась в печати, борьбе с преступностью и детской беспризорностью, дезертирстве с заводов, спецпереселенцах, приводились рассекреченные данные со сводок органов государственной безопасности и т. д. В сборник опубликованы 335 документов и материалов, абсолютное большинство которых были представлены впервые. В нем также были опубликованы постановления Башкирского обкома, горкомов и райкомов партии и комсомола, Совнаркома и Президиума Верховного Совета БАССР, отчеты, информации, справки, докладные записки партийных комитетов и исполкомов Советов депутатов трудящихся о развитии промышленности, сельского хозяйства, всего народного хозяйства, фрагменты годовых отчетов крупных военных заводов. Были представлены корреспонденции и сообщения из республиканских, районных и заводских газет, материалы Башкирского радиокомитета. Сведения о боевых действиях воинов, уроженцев Башкирии, были выявлены из фронтовых газет. Также в сборник вошли письма и воспоминания фронтовиков. Сборник внес существенный вклад в историографию, приоткрыл новые, ранее неизвестные страницы истории Башкирии периода Великой Отечественной войны. Он был издан для того времени массовым тиражом в 18 тыс. экземпляров и оказался доступным массовому читателю²³³.

Во второй половине 1990-х гг. увидел свет сборник «Память. Списки погибших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в 22 томах, подготовленный к изданию военкоматами. Материалы в них расположены по районам и городам республики, а внутри них – по алфавитному принципу. Как показывают эти данные, потери республики в Великой Отече-

ственной войне составили более 312 тыс. человек²³⁴. В начале XXI в. вышли книги «Они вернулись с победой. Списки военнослужащих, вернувшихся живыми с Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» в 14 томах. Для сбора биографических данных фронтовиков были использованы документы городских и районных архивов, военных комиссариатов, предприятий и учреждений республики²³⁵. В 2009 г. в связи с 65-летием Победы в целях увековечивания имен рабочих, инженерно-технического персонала, служащих, колхозников и специалистов сельского хозяйства, работников науки, техники, литературы и искусства, советских, партийных, профсоюзных и других общественных организаций, обеспечивших своим самоотверженным трудом победу над фашистской Германией, начат выпуск многотомника о жителях республики, награжденных в первые послевоенные годы медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»²³⁶. На сегодняшний день вышло 15 томов. К 9 мая 2010 г. должны выйти и все оставшиеся тома. В сборниках «Они вернулись с победой» и «Герои тыла» материалы расположены по тому же принципу, что в многотомнике «Память».

В 2005 г. М. А. Бикмеевым был опубликован сборник документов, посвященный истории и боевому пути 112-й (16-й гвардейской) Башкирской кавалерийской дивизии. В основном, это исторические формуляры, краткие сводки и описания боевых действий дивизии и ее частей в разные периоды войны, извлеченные из Центрального архива Министерства обороны РФ²³⁷. Всего в сборник вошло 10 документов. В результате были внесены исправления в неточности и погрешности, допущенные при публикации частей этих документов в сборнике «Документы мужества и героизма» (Уфа, 1980). В 2005 г. увидел свет сборник документов и материалов, посвященный истории комсомола республики. В сборник вошли 34 документа о войне, все они опубликованы впервые. В основном постановления, отчеты, докладные записки, информации, справки Башкирского обкома комсомола, извлеченные из республиканских архивов. Главное достоинство этой книги – в нее включены документы, характеризующие многие стороны деятельности комсомола и несоюзной молодежи республики. В то же время здесь нет документов, характеризующих участие молодежи и комсомольцев Башкирии на фронтах Великой Отечественной войны. В сборник не включены материалы периодической печати военных лет²³⁸. В 2008 г. вышел сборник документов и материалов «Навеки с Россией», посвященный 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав Рус-

ского государства. Во второй части сборника даны документы, показывающие вклад трудящихся и воинов республики в победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне, работу по размещению эвакуированных из западных регионов предприятий и учреждений. В сборник вошел 38 документов и материалов по периоду Великой Отечественной войны, многие из них опубликованы впервые. В то же время при перепечатке документов из сборника «Документы мужества и героизма» (1980) были допущены те же ошибки, работа проводилась без сверки с первоисточниками²³⁹.

В 2005 г. отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы УНЦ РАН была подготовлена хрестоматия по истории Башкортостана XX в., куда вошел целый ряд документов и материалов по периоду Великой Отечественной войны²⁴⁰. В 2009 г. историография Башкортостана обогатилась новым тематическим сборником документов и материалов «Женское движение в Башкортостане. 1941–2000», в котором впервые был показан в документах трудовой и боевой подвиг женщин республики в годы войны, деятельность женских организаций по оборонно-массовой и патриотической работе.

Периоду войны относится 64 документа и материала. В основном, это решения Башкирского обкома ВКП (б), обкома ВЛКСМ, исполкомов районных и городских Советов, обращения, письма общих собраний трудящихся – женщин, отдельных лиц с патриотическими призывами. Большой материал извлечен из республиканских газет. В книгу включены воспоминания женщин – фронтовиков. Документы свидетельствуют о возникновении новых форм женского движения в республике: организаций жен начсостава Красной Армии, домохозяйек, собраний жен и матерей фронтовиков и другие²⁴¹.

В том же году осуществлялась публикация сборника документов и материалов по истории башкирского народа XX в. В нем же опубликована подборка из более 30 документов и материалов, относящаяся к периоду Великой Отечественной войны. Здесь опубликованы не только официальные партийно-государственные документы, но и различные источники: песни, байты, созданные участниками войны на фронте и в тылу²⁴².

В республике выпуск статистических сборников был возобновлен лишь в 1959 г. В них, хотя и недостаточно, но все же представлен определенный статистический материал, относящийся к периоду войны. Характерной чертой этих сборников является показ в основном положительных явлений социально-экономической, а также политической жизни²⁴³.

Ценным источником является периодическая печать. В начале войны многие областные, многотиражные, районные газеты перестали выходить. В связи с этим материалы, опубликованные в областных газетах «Красная Башкирия», «Кызыл Башкортостан», «Кызыл тан (выходит с 1944 г.), приобретают большое научное значение. Богатый фактический материал также содержится в районных, городских, фабрично-заводских газетах. В годы войны в армейских соединениях практиковался выпуск газет на национальных языках. Так, в 112-й Башкирской кавалерийской дивизии выходила на башкирском языке газета «Кызыл атлылар» («Красные конники»). Она имеет важное значение при изучении боевого пути воинского соединения, сформированного в республике.

Что касается неопубликованных архивных источников, то подавляющее большинство документов партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций хранится в Центральном государственном архиве общественных объединений (ЦГАОО РБ). В фонде Башкирского обкома КПСС (ф. 122) содержатся документы, затрагивающие практически все стороны общественно-политической, военной, социально-экономической и культурной жизни БАССР. Особое значение имеют стенографические отчеты пленумов обкома, материалы различных совещаний и собраний актива, решения бюро обкома ВКП (б). В данном фонде имеются также решения вышестоящих партийных и государственных органов: ЦК ВКП (б), Совета Народных Комиссаров СССР, министерств и ведомств. Отделы обкома контролировали деятельность учреждений, общественных организаций, хозяйственных, советских и иных органов. Докладные записки, отчеты в ЦК ВКП (б), секретарям обкома достаточно полно характеризуют состояние политико-воспитательной, идеологической, организационно-массовой работы в республике. Здесь же хранятся статистические отчеты за каждый квартал и месяц. В документах данного фонда отложились также материалы различных общественных организаций. Здесь же хранятся докладные записки НКГБ, НКВД, прокуратуры и Верховного суда БАССР об общественных настроениях в республике. В докладных записках приводились выдержки из устных высказываний граждан, цитаты из перлюстрированных писем, из различного рода жалоб, записок. Они составлялись по отдельным категориям населения, по тематическому и географическому признакам. В этом же фонде имеются многочисленные личные дела, сообщения, анкеты, списки руководящих работников, наградные дела и т. д. Это важные доку-

менты при изучении жизнедеятельности видных партийных, государственных, военных деятелей республики.

В фонде Башкирского обкома ВЛКСМ (ф. 341) также сосредоточены постановления пленумов обкома, бюро ОК, собраний актива. Здесь же отложились решения бюро ЦК ВЛКСМ, его секретариата по работе Башкирского обкома в годы войны. Деятельность профсоюзов в годы войны можно проследить по документам фондов областных комитетов профсоюзов (ф. 8934, 8917, 8926, 8924, 8930 и другие). Также в ЦГАОО РБ хранятся документы ЦК профсоюза рабочих нефтяной промышленности восточных районов СССР (ф. 8873). В ЦГАОО РБ хранятся также документы райкомов и горкомов, первичных организаций ВКП (б), ВЛКСМ за годы войны, Союза советских писателей, Союза советских художников и других общественных объединений.

В Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦГИА РБ) хранятся документы фонда Президиума Верховного Совета БАССР (ф. Р-394). Пятая опись этого фонда включает в себя стенографические отчеты сессий Верховного Совета республики, протоколы заседаний Президиума Верховного Совета. Переписка данного органа с другими организациями за годы войны представлена в 6-й описи, однако дел в ней отложилось немного.

В 9-й описи фонда Совета Министров БАССР (ф. Р-933) хранятся подлинники постановлений и распоряжений СНК республики за годы войны. В первой описи представлена многочисленная переписка СНК с различными центральными, областными учреждениями, отчеты учреждений и ведомств. В этих описях также можно обнаружить документы, характеризующие многие стороны жизни республики военных лет. Данный фонд богато представлен документами, и является одним из основных при изучении истории республики периода Великой Отечественной войны.

Сведения по состоянию культуры, здравоохранения, естественного движения населения, развитию народного хозяйства можно обнаружить в документах фондов Госплана БАССР (ф. Р-804) и Статистического Управления БАССР (ф. Р-472). В фонде Переселенческого отдела при СНК БАССР (ф. Р-1684) имеются списки эвакуированных в Башкирию в годы войны жителей центральных, западных областей страны, докладные записки, отчеты и другая документация. Богат документами также фонд Министерства просвещения БАССР (ф. Р-798). В нем получили отражение состояние культуры, науки, искусства, школ и других учебных заведений в годы войны. В ЦГИА

РБ хранятся также фонды республиканских государственных комитетов, министерств, ведомств, исполкомов районных и городских советов депутатов трудящихся республики за годы войны, других районных и городских отделов государственной власти и управления. Также в ЦГИА РБ имеются документы некоторых общественных организаций, как Осоавиахим (ф. Р-1012), Башкирского отделения РОКК (ф. Р-748) и т. д. Например, в первой описи фонда Башкирского Осоавиахима (ф. Р-1012) имеются многочисленные отчеты справки, информации Центрального Совета общества, районных и городских советов об их работе в годы войны, циркуляры, директивы вышестоящих организаций. В третьей описи этого же фонда сосредоточены протоколы заседаний Центрального Совета Осоавиахима республики за 1941–1945 гг.

Ценные документы, письма, воспоминания участников войны сосредоточены в коллекции документов участников Великой Отечественной войны (ф. Р-1800). В ЦГИА и ЦГАОО РБ имеется богатый фотофонд. Кроме того, фотодокументы в значительном количестве содержатся в музеях Боевой Славы и Башкирской кавалерийской дивизии, Национальном музее РБ, находящихся в Уфе, в краеведческих музеях городов и районов республики.

Следует отметить, что в республиканских архивах период Великой Отечественной войны представлен достаточно объемно. В то же время, нужно заметить, что документы НКГБ-МГБ и НКВД-МВД за 1941–1945 гг. в ЦГИА РБ не поступали. Имеющиеся документы данных органов в фондах Башкирского обкома КПСС (ф. 122) исследователям практически не доступны. В спецхране ЦГИА РБ также хранится фонд по советским военнопленным, которые проходили после войны фильтрацию на территории республики.

Таким образом, по истории Башкирской АССР периода Великой Отечественной войны имеются несколько опубликованных сборников документов и материалов. Данная проблема представлена в целом ряде тематических сборников, а также сборниках воспоминаний, очерков. Этот период является одним из наиболее богато представленных опубликованными источниками этапов новейшей истории Башкортостана. В то же время многие недавно рассекреченные документы практически не опубликованы и не введены в научный оборот. Они ждут еще своих исследователей.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941-1945 гг.: ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИКОВ ЧУВАШИИ

Перечень публикаций о Великой Отечественной войне, изданных в Чувашии, достаточно обширен. Имеются и небольшие историографические исследования. Первым из историков республики обзор трудов о войне выполнил Г. А. Варюхин, изучавший деятельность местных органов власти – советов военного периода. Значительное внимание уделялось им анализу работы по проблеме применительно различных регионов СССР. Однако в его обзоре не была упомянута ни одна из публикаций, имевшая отношение непосредственно к Чувашии, что, несомненно, являлось отражением фактического положения дел. По его мнению, изучение местных советов в годы войны, должно осуществляться с учетом такого фактора, как близость к театру военных действий, поскольку это определяло значимость и первоочередность задач, решаемыми органами советской власти в экстремальной обстановке в государстве. Конечно, работа советов отличалась своей специфичностью. Специфические проблемы стояли в партизанских краях. К лету 1942 г. площадь территорий, находящихся под контролем народных мстителей, составляла более 200 тыс. кв км²⁴⁴.

Спустя десятилетие была опубликована статья В. Л. Кузьмина, проанализировавшего вышедшую к тому времени в Чувашии литературу о войне²⁴⁵. К 40-летию Победы в сборнике «Коммунисты Чувашии в Великой Отечественной войне» была опубликована и статья Г. Г. Можарова с обзором статей и книг о комсомоле Чувашии в годы войны²⁴⁶. В начале XXI столетия увидели свет статья Е. В. Суховой и брошюра А. Д. Григорьева, посвященные изучению малоразработанных сюжетов деятельности органов власти, жизни тыловых регионов²⁴⁷. Практически все авторы отмечают, что в Чувашии летопись Великой Отечественной войны начала вестись с 1942 г. Вышедшие к этому времени брошюры, очерки, статьи не относятся к научным изданиям, они, в первую очередь, несли идеологический и мобилизационный заряд. В них шла речь о героизме уроженцев Чувашии на полях сражений²⁴⁸, о трудовых подвигах населения в тылу²⁴⁹. Большое внимание уделялось участию граждан республики в таком патриотическом движении как оказание помощи фронту: сбор денег, теплых вещей, продуктов и другое²⁵⁰. Публикации осуществлялись как на русском, так и на чувашском языках.

Жители автономии узнавали о героизме рядовых и офицеров, призванных из Чувашии и воевавших на всех фронтах и во всех родах войск. Легендарным стало имя пилота тяжелой бомбардировочной авиации Ф. Н. Орлова, сражавшегося с первых дней войны на Северо-Западном фронте и удостоенного в июле 1942 г. звания Героя Советского Союза. Небольшой очерк о нем был опубликован отдельной брошюрой. В 1944 г. в публикациях из серии о Героях Советского Союза понятие «уроженец» рассматривалось не только применительно к родившимся на территории республики. К ним относили и тех героев, кто хотя бы некоторое время прожил в республике до призыва в армию. Так, среди упомянутых очерков имеется рассказ о командире танковой бригады, подполковнике В. П. Винокурове, который родился в Новосибирской области, но перед призывом в 1933 г. работал слесарем на Чебоксарской автобазе. Звания Героя Советского Союза он был удостоен за героизм в боях у озера Хасан в 1938 г. Умело воевал он на фронтах Великой Отечественной войны, погиб в ноябре 1942 г. Патриотизм бойцов Красной Армии поддерживался и связью с родными местами, в том числе поездками делегаций из Чувашии на фронт. Об этом, например, пишет С. Макаров²⁵¹.

В республике в годы войны собственно научные работы практически не создавались. Некоторым исключением являются предисловие к сборнику документов о помощи фронту, а также небольшая книга М. А. Андреева²⁵². Эти публикации основываются в основном на материалах периодической печати, ограничены тематически и т. д. Следует также иметь в виду, что для открытой печати в годы войны существовали очень жесткие ограничения, в том числе по данным, характеризующим практически все отрасли экономики, военномобилизационную и другие сферы деятельности партийных организаций и органов власти. Тем не менее, М. А. Андреев в рамках небольшой книги сумел собрать отдельные факты героизма уроженцев Чувашии, рассказывая о представителях различных родов войск. В разделе, посвященном труженикам тыла, имеются сведения о рабочих, представителях колхозного крестьянства, женщинах и молодежи, интеллигенции, а также о всенародной помощи фронту.

Определенный вклад в накопление фактологического материала внесли публикации руководителей республики, а также специальные сборники статей, вышедшие к 25-летию и 30-летию Чувашской автономии. В. Л. Кузьмин, Е. В. Сухова и А. Д. Григорьев обратили внимание на то, что в последующий, более чем десятилетний срок, не было опубликовано ни

одной статьи или книги о войне научно-исследовательского характера. На наш взгляд, это не совсем так, если иметь в виду сборник статей, выпущенный в 1950 г. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, в который были включены статьи П. Г. Григорьева о развитии науки, М. Я. Сироткина – литературы и Ф. М. Лукина – о музыкальной жизни и творчестве композиторов в годы войны²⁵³. Тем не менее, следует признать правоту А. Д. Григорьева констатирующего, что разработка проблем Великой Отечественной войны в эти годы являлась наиболее слабым местом работы историков Чувашии. По его мнению, это связано с субъективными причинами, а именно – с отсутствием прочных традиций исторической науки. Следует добавить к этому и то, что в этот период в республике формирование новых традиций было затруднено, в том числе и в связи с чрезвычайно узким кругом профессиональных историков.

Оживление деятельности по изучению военного периода началось с конца 1950-х – начала 1960-х гг., когда появились труды М. А. Андреева, Н. М. Мурышкина, А. Ф. Ижойкина, В. В. Чебухова. С этого времени имеются основания говорить о начале второго этапа чувашской историографии Великой Отечественной войны. Первая работа, появившаяся в этот период, носила комплексный характер. Н. М. Мурышкин, используя документы, выявленные в партийном архиве Чувашского обкома КПСС (ныне Государственный архив современной истории Чувашской Республики), Центрального государственного архива Чувашской АССР (ныне Государственный исторический архив Чувашской Республики), сделал попытку раскрыть вклад работников промышленности, транспорта и связи, сельского хозяйства, науки и культуры Чувашии в победу над врагом. Показано также участие тружеников тыла во всенародную помощь фронту.

Самостоятельный раздел труда был посвящен подвигам уроженцев республики в военных сражениях, сведения о которых почерпнуты в периодической печати. Однако в книге отсутствовали обобщающие сведения по самым разным сферам деятельности, но это был первый опыт, и он оказался достаточно удачным. Кроме того, следует напомнить и о жесткой цензуре, продолжавшей ограничивать возможности для открытых публикаций. По этой причине в книге отсутствуют, например, данные о подготовке и мобилизации боевых резервов для фронта, количественные характеристики о призванных и погибших в боях и другие. Развитие промышленности, условия жизни рабочего класса Чувашии в военный период изучали А. Ф. Ижойкин и Н. М. Мурышкин. В 1967 г. они под-

готовили главу о войне во втором томе «Истории Чувашской АССР». Авторами достаточно подробно описаны события, связанные с перестройкой на военный лад не только действовавших до войны предприятий (Канашский вагоноремонтный, Алатырский паровозоремонтный заводы и другие), но и работу, проводимую в республике по размещению и быстрому вводу в строй эвакуированных заводов и фабрик с территории западных районов страны. Крупнейшим из таких предприятий был Харьковский электромеханический завод. Часть рабочих и оборудование которого начали поступать в Чебоксары в октябре 1941 г. В начале 1942 г. завод пополнился оборудованием Ленинградского электромеханического завода «Электрик». На этой базе был организован Чебоксарский электроаппаратный завод, ставший уникальным по производству ряда изделий для танковой и авиационной отраслей промышленности. Всего же в республику было эвакуировано 28 отдельных предприятий, производств и цехов. Большая часть оборудования устанавливалась на родственных заводах и фабриках, а 11 предприятий (легкая промышленность, табачная фабрика) были организованы вновь.

Кроме того, в годы войны в республике не прекращалось промышленное строительство (Чебоксарская кондитерская фабрика, Шумерлинский завод комбайновых деталей, Канашский мотороремонтный завод, пищевые комбинаты, промысловые артели и пр., всего 93). Авторы отмечают, что в итоге коренным образом изменились структура и профиль промышленности республики. Предприятия начали производить самолеты, планеры, различное оборонное оборудование, боеприпасы и т. д., то есть полностью работали на нужды фронта. Возникли новые отрасли: электроаппаратостроение, хлопчатобумажная, табачная и другие. Также они отмечают, что эвакуированное оборудование после окончания войны в основном осталось в Чувашии, тем самым заметно усиливался ее индустриальный потенциал.

Внимание авторов было обращено и на развитие транспортной инфраструктуры. В первую очередь речь шла о строительстве участка шоссейной дороги Горький–Казань протяженностью на территории Чувашии в 192 км. Ими отмечен еще один важный элемент развития индустрии: подготовка квалифицированных кадров для новых и расширяющихся предприятий. При этом изменился их состав, выразившийся в значительном росте численности представителей основных профессий машиностроения (токари, слесари), до 60% возросла доля женщин²⁵⁴. А. Ф. Ижойкин приходит к выводу,

что перестройка промышленности и транспорта Чувашской АССР на военный лад завершилась к августу – сентябрю 1942 г и в 1967 г. совместно с Н. М. Мурышкиным авторы пришли к выводу, что в республике перестройка промышленности завершилась к концу 1942 г. Однако с этой точкой зрения не согласен Т. А. Ахазов, который считал, что переход был завершен к середине 1942 г. При этом он относит это не только к индустриальной сфере, но и ко всему народному хозяйству в республике. Показателями перестройки, по его мнению, следует считать следующие факторы:

- 1) перевод промышленных предприятий на выпуск продукции оборонного значения и выполнение заказов фронта;
- 2) восстановление эвакуированных предприятий в предельно сжатые сроки и выполнение ими производственных заданий;
- 3) обеспечение работы железнодорожного и водного транспорта в соответствии с требованиями военной обстановки;
- 4) выполнение заданий по производству и сдаче государству продукции сельского хозяйства.

Анализируя работу отдельных отраслей, наиболее крупных промышленных предприятий, сельского хозяйства и транспорта в начальный период войны, автор пришел к выводу, что за один год (с июня 1941 г. по июнь 1942 г.) предприятия Чувашии не только переключились на производство заказов фронта, но и значительно увеличили свою производственную мощность. За этот период были введены в строй все эвакуированные предприятия, транспорт, в первую очередь железнодорожный, успешно выполнял свои задачи. Работники сельского хозяйства добились неплохих результатов, особенно в развитии животноводства и выполнении планов сдачи государству своей продукции. Все это позволило, отмечает Т. А. Ахазов, подчинить всю экономику Чувашии целиком интересам победы. Уже в последние месяцы 1941 г. выпуск оборонных заказов составил 71,3% к общему объему промышленной продукции, а по Чебоксарам – 80%. В дальнейшем этот показатель еще более возрос.

Подготовку рабочих для индустрии республики изучали А. Ф. Ижойкин и П. М. Михайлов. Они отмечают, что численность рабочих и служащих за годы войны возросла в республике незначительно: с 31,5 тыс. чел. до 37,2 тыс. чел. Однако при этом были заметными перемены в их составе. На крупных предприятиях их состав обновился на половину и более, а на эвакуированных заводах и фабриках основная часть кадров готовилась из местного населения.

Основным видом подготовки рабочих кадров для предприятий промышленности и транспорта Чувашии в первый период войны являлось индивидуально-бригадное обучение, то есть непосредственно на рабочем месте с последующим прохождением курсов техминимума. В последующем развивалась также подготовка молодежи через стахановские школы, курсы повышения квалификации. А. Ф. Ижойкин анализирует трудности в деятельности школ ФЗО, связанные с низким уровнем теоретического и практического обучения, несоблюдением техники безопасности, отсутствием у некоторых учащихся одежды и обуви, из-за чего они не посещали занятия.

Главы о работе отдельных предприятий в годы Великой Отечественной войны имеются в книгах об истории возникновения и развития этих предприятий. Так, в монографии И. Д. Кузнецова и Г. П. Петрова подробно повествуется о формировании трудового коллектива электроаппаратного завода, о напряженной работе по монтажу оборудования и пуске завода в кратчайшие сроки. В исследовании показано развитие отдельных производств, освоение выпуска электроаппаратуры, развития соревнования, в том числе движения «двухсотников», «трехсотников» и т. д. На страницах приведены многие имена передовых рабочих инженеров, руководителей, усилиями которых было выполнено важнейшее государственное задание. Предприятие стало одним из лучших в отрасли и в январе 1944 г. было награждено орденом Трудового Красного Знамени²⁵⁵.

В истории Канашского вагоноремонтного завода также рассмотрены проблемы перестройки предприятия на выпуск оборонной продукции. В августе 1942 г. сюда прибыло оборудование с Дарницкого, Жмеринского, Борисоглебского и Шевченковского вагоноремонтных заводов, а также более тысячи эвакуированных рабочих и служащих с семьями. Предприятие кроме ремонта вагонов начало производить боеприпасы, строить бронепоезда и другое. Оно неоднократно становилось победителем Всесоюзного социалистического соревнования²⁵⁶. Значительный фактический материал о работе молодежи в промышленности, сельском хозяйстве, других отраслях приведен в статье М. В. Румянцева, брошюре П. М. Михайлова, истории комсомольской организации Чувашии.

Сельскохозяйственное производство и крестьянство также является объектом исследования чувашских историков, хотя и не в такой мере, как промышленность и рабочий класс. Кроме названной выше работы Н. М. Мурышкина в 1958 г. была опубликована статья М. А. Андреева, а в 1967 и 1974 г. – соот-

ветственно главы о войне во втором томе «Истории Чувашской АССР» и «Очерках истории Чувашской областной организации КПСС». В 1970-е гг. начали публиковаться статьи В. Космовского о военном периоде в республике. Авторы отмечают, что сельское хозяйство республики столкнулось с огромными трудностями, в первую очередь со значительным сокращением численности рабочей силы, особенно квалифицированной ее части: на фронт ушли 70% председателей колхозов, 80% бригадиров, более 50% трактористов и комбайнеров.

К 1943 г. число трудоспособных колхозников-мужчин уменьшилось на 68%. В производство вовлекались все категории населения, в том числе подростки и престарелые. Удельный вес трудоней, выработанных подростками в годы войны, увеличился в 1,6 раза. Была существенно подорвана экономическая база сельских хозяйств. На нужды фронта были мобилизованы почти 35% лошадей и 90% автомашин.

Авторы «Очерков истории Чувашской областной организации КПСС» подчеркивают, что ценой огромных усилий колхозам Чувашии в военные годы в целом удалось сохранить довоенный уровень сельскохозяйственного производства. Понятно, что повседневные лишения сельских жителей оказались за рамками исследований советского времени. В монографии Н. М. Мурышкина рассмотрена и систематизирована деятельность по организации помощи фронту, в первую очередь сбору денег, продовольствия. Он отмечает, что сбор средств в фонд обороны принес за 4 года 48 млн. руб. наличными и облигациями государственного займа; на строительство боевой техники для Красной Армии внесено около 120 млн руб.; в продовольственный фонд Красной Армии (и в фонд обороны) было собрано 621,1 тыс. ц хлеба, 105,5 тыс. ц картофеля и овощей и много животноводческой продукции. Большое внимание уделялось сбору теплых вещей, праздничных подарков и другое. Кроме того, автором отмечена реализация государственных займов в республике и проведение денежно-вещевых лотерей. Всего, по его подсчетам, общиe денежные взносы трудящихся республики по займам (502 млн руб.), денежно-вещевым лотереям (400 млн руб.) и поступления в фонд обороны Родины и в фонд Красной Армии за период войны составили свыше 770 млн руб.. Эти данные стали основой для будущих исследователей, которые вносили в них только лишь некоторые уточнения.

Сбор средств осуществлялся также для нужд семей фронтовиков, обеспечения детских яслей, садиков, необходимость в которых резко возросла с ростом занятости женщин. Авторы пишут об оказании помощи инвалидам, эвакуированным, а

также освобожденным районам в восстановлении экономики. Уже весной 1942 г. начался сбор семенного материала для весеннего сева в освобожденных районах Подмосквья. В дальнейшем масштабы такой помощи расширились, для восстановления фабрик и заводов выезжали молодые строители, поступала древесина, зерно, сотни голов скота и другое. В статье В. В. Чебухова практически повторены те же сюжеты, что и в книге Н. М. Мурышкина. В. В. Чебухов рассмотрел также организацию и развитие в республике донорства в годы войны. В целом, тема помощи фронту имеет подобную схему и у других авторов.

Система военного обучения молодежи, формирование воинских частей в Чувашии не освещались в исторических трудах до 1965 г., то есть до появления статьи Т. А. Ахазова, в которой рассмотрен процесс перестройки работы Осоавиахима, прежде всего его работы по подготовке летчиков, шоферов, водителей танков и других специалистов для Красной Армии. Впервые в чувашской историографии были изучены меры по реализации постановления Государственного комитета обороны «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Автор при этом отмечает, что для обеспечения обучающихся Чувашское книжное издательство в короткие сроки выпустило 10 наименований воинских уставов и учебных пособий общим тиражом 100 тыс. экземпляров.

Подготовка резервов для Красной Армии содержала в себе не только овладение специальными знаниями, но и обучение русскому языку тех граждан, которые владели им в недостаточной степени. Среди почти 4 тыс. допризывников 1924–1926 гг. рождения и бойцов всеобуча старших возрастов 897 не владели русским языком, а остальные владели слабо. Констатируется об особенностях обучения комсомольцев, девушек. Особое место отведено мобилизации членов ВКП(б), в том числе 500 политбойцов из Чувашии, ушедших на фронт в августе 1941 г. Статья Т. Ахазова стала первой публикацией о формировании ряда воинских частей на территории республики. В частности, речь идет о 324-й стрелковой дивизии, более четверти состава которой составляли выходцы из Чувашии, в том числе 1685 чувашей, из них 11 чел. входили в начальствующий состав. Коротко повествуется и о боевом пути дивизии. Проблемы подготовки боевых резервов, поднятые автором, а также последующими исследователями, будут изучаться только в ходе третьего историографического этапа. Лишь в книге А. Н. Николаева и А. Г. Дудникова «139-я Рославльская Краснознаменная», изданной в 1975 г.

и посвященной боевому пути соединения, формировавшегося в Чувашии, упомянуты некоторые фактические данные, но весьма ограниченные.

Подвигам же отдельных героев войны в Чувашии посвящено немало книг. В 1964 г. историками и журналистами был подготовлен сборник о Героях Советского Союза, родившихся или имевших непосредственное отношение к Чувашии. В 1968 г. издание было дополнено списком Героев – 27 чувашей по этнической принадлежности, родившихся и живших в других областях и республиках страны, в 1980 г. увидело свет третье издание, исправленное и дополненное²⁵⁷. В книгу был включен очерк об А. Г. Николаеве – летчике-космонавте СССР, не являвшемся участником войны. В сборниках помещены статьи не только о воинах, родившихся в Чувашии, но и о тех Героях Советского Союза, кто переехал в Чувашию до или после войны. Иначе говоря, понятие «земляк» применяется здесь в довольно широком толковании. Однозначная трактовка подобной категории, наверное, невозможна, но ею пользуются исследователи, в том числе и краеведы. Сведения о численности Героев Советского Союза подвергаются корректировке. К ним причисляют и тех фронтовиков, которые жили или работали в республике непродолжительное время. Например, Г. М. Паршин, который родился в Орловской области, но перед войной жил в Чебоксарах, работал летчиком-инструктором в Чебоксарах, затем в г. Грозном. В годы войны он стал дважды Героем Советского Союза, продолжал служить и погиб в 1956 г. при выполнении задания по испытанию самолета. Есть примеры и другого рода: сразу после окончания войны или через определенное время в республики приехали фронтовики, удостоенные этого звания, и начинали жить и работать в республике. К таким гражданам относится, например, М. М. Кузнецов, уроженец Нижегородской области, работавший там до войны и после ее окончания. С 1954 по 1979 г. он трудился в Чебоксарах, принимал активное участие в военно-патриотической работе. Его имя занесено в Книгу трудовой славы и героизма Чувашской АССР. Для жителей Рязани такой же землячкой является одна из 58 женщин, удостоенных в годы войны звания Героя Советского Союза З. И. Парфенова, родившаяся в Чувашии, в г. Алатыре. До призыва в армию в октябре 1941 г. она жила на родине, а после войны – в Рязани. На наш взгляд, подобный двойной, иногда тройной и более счет понятен и не является ошибкой, поскольку не влияет на общую численность Героев. В любом случае ветераны войны, родившиеся в Чувашии или за ее пределами, вели патриоти-

ческую работу, встречались с молодежью, рассказывали ей о своих фронтовых буднях. Не забыты и те из Героев Советского Союза, которые погибли в годы войны. О них подготовлены очерки, статьи, отдельные книги, в школах созданы музеи и т. п. Живое слово фронтовиков и память о них вливались в общее дело, где бы они ни родились. Всего в третьем издании названного сборника статей описаны подвиги 79 Героев Советского Союза. Из них 15 человек проживали вне Чувашии.

Подобная же ситуация возникает при подсчетах численности полных кавалеров ордена Славы. В 1975 г. вышла в свет небольшая книга А. Н. Николаева «Боевая слава Чувашии», в которой он повествует о подвигах 13 человек, удостоенных этого звания. Он также пишет о «земляках», включая в них двух героев, эвакуированных в Чувашию с началом войны – Л. А. Блажевича (Латвия) и В. В. Золотина (Украина) – и призванных из Чувашии в действующую армию. Некоторые историки не считают их «земляками» и ограничивают число удостоенных орденом Славы всех трех степеней 11 бойцами Красной Армии.

О деятельности эвакуационных госпиталей в Чувашии впервые кратко упоминали Н. М. Мурышкин и Т. А. Ахазов. Первый отмечал, что в Чувашии было развернуто более 10 госпиталей, Т. А. Ахазов уточняет эти сведения, называя 15 госпиталей, из которых 10 было сформировано в июле 1941 г. Много внимания было уделено проблемам обеспечения лечебных учреждений медицинским персоналом, решению ими различных организационных вопросов. Более подробно и детально исследовал данный сюжет историк медицины Г. А. Алексеев. В изданной в 1972 г. книге он писал о 14 госпиталях, в трудах, вышедших в 1990-е гг. и в начале XXI столетия данная цифра еще раз уточнялась. Подобные разночтения объясняются неодинаковыми подходами к системе подсчета, поскольку некоторые госпитали были реэвакуированы из Чувашии через непродолжительное время после развертывания их в республике. Автор называет имена наиболее отличившихся врачей, медицинских сестер, спасавших жизни бойцов Красной Армии. Он отмечает также, что уже 23 июня из Чебоксар был отправлен эшелон с добровольцами, среди которых были и 25 медицинских сестер. Они были отправлены на укомплектование армейского прифронтового госпиталя № 1 145, который уже 26 июня начал принимать раненых. Г. А. Алексеев дает и общую характеристику развития здравоохранения в военные годы, освещает борьбу с инфекционными заболеваниями: отдельные их вспышки не переросли в эпидемии, более того, в республике удалось добиться снижения ряда заболеваний.

Еще одно направление историографии войны – организационное состояние и деятельность Чувашской областной организации КПСС. Этими проблемами занимались уже неоднократно упоминаемые Н. М. Мурышкин и А. Ф. Ижойкин. С конца 1960-х начали публиковаться статьи Т. А. Ахазова, в годы войны работавшего третьим и вторым секретарем Чувашского обкома КПСС. Публиковались данные, которые свидетельствуют, что из состава партийной организации Чувашии, насчитывавшей к 1 июня 1941 г. 9 654 чел., в первый год войны выбыло в ряды Красной Армии 58,8%, а всего в военное время – 7 527 чел., или 78%. В этот период в ВКП(б) вступило 13 407 чел., и к началу 1946 г. областная партийная организация на 72,6% состояла из коммунистов военного призыва.

Н. М. Мурышкин также считал, что первые мероприятия, связанные с решением проблем военного времени, обком партии обсудил только 3 июля, когда был заслушан доклад одного из райкомов партии по перестройке агитационно-массовой работы. Т. А. Ахазов высказал иную точку зрения. По его мнению, уже 24 июня областной комитет партии и Совнарком Чувашской АССР направили всем райкомам партии и райисполкомам письмо, в котором речь шла о перестройке работы соответственно требованиям военного времени. До 3 июля обкомом был дан еще ряд письменных указаний, а также принят ряд практических решений. Также Т. А. Ахазов уточняет, что на фронт из Чувашии первая группа добровольцев и военнобязанных женщин – медицинских работников выбыла 25 июня, а не в июле, как утверждалось в некоторых публикациях.

Определенным итогом исследовательской работы не только партийных, но и гражданских историков стали «Очерки истории Чувашской областной организации КПСС», вышедшие в 1974 г. Такой вывод вполне обоснован, поскольку деятельность партийной организации республики изучали те же исследователи, что и разрабатывали отдельные проблемы гражданской истории. Но важнее следующее: в данной монографии собственно партийные сюжеты (изменение численности и состава, организационное строение и пр.) занимают незначительное место, а большая часть монографии посвящена экономике, социальной сфере, патриотическому движению, героизму уроженцев Чувашии в боевых действиях и др. В главе отмечено, что более 90 тыс. уроженцев Чувашии отдали свою жизнь за честь и независимость Родины. Среди 54 тыс. уроженцев республики, по данным авторов, насчитывается 75 Героев Советского Союза и 13 полных кавалеров ордена Славы. В книге нет сведений о числе призванных из республики

за годы войны, что, скорее всего, связано с ограничениями на публикации в открытой печати данных, имеющих отношение к мобилизационному потенциалу. Эти материалы станут доступными только после публикации Книги Памяти в последующем историографическом периоде.

Из проблем и трудностей, имевших место в Чувашии, авторы отметили недостатки в культурно-просветительной работе. 14 июня 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе культурно-просветительных учреждений Чувашской АССР». Прошло три года войны, стратегическая инициатива была на стороне СССР, поэтому стало возможным больше внимания обращать на культурное обслуживание населения. В республике значительная часть организаций этой сферы фактически не исполняла своих функций, в них не хватало кадров. Во второй половине 1944–1945 гг. в Чувашии было реконструировано здание драматического театра, электроаппаратный завод восстановил свой клуб, в котором до этого находился механический цех, начали функционировать многие закрытые до этого избы-читальни, колхозные и рабочие клубы, библиотека и другие. Кроме того были отмечены изъяны в идеологической деятельности, проявившейся в организации марксистско-ленинской учебы руководящих кадров, политическом самообразовании коммунистов, проведении идейно-воспитательной и массово-политической работы. Все эти упущения были вскрыты 30 октября – 1 ноября 1944 г. на пленуме Чувашского обкома ВКП(б), который, в свою очередь, отразил критическую линию постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах по улучшению массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» (9 августа 1944 г.). Трудности и лишения, испытываемые абсолютным большинством населения и в трудовой деятельности, и в повседневной жизни, оставались за рамками не только изданий, посвященных истории партийных организаций, но и в других исследованиях о Чуваши в период войны.

О развитии социальной сферы в годы войны специального исследования нет. Имеются разделы в книге Н. М. Мурышкина, «Истории Чувашской АССР», т. 2, «Очерках Чувашской областной организации КПСС», посвященные состоянию науки, литературы, искусства. Проблемы развития науки освещены частично в сборниках статей «Развитие технических и естественных наук в Чувашской АССР» (Труды ЧНИИ, Вып. 99. Чебоксары, 1980) и «Развитие общественных наук в Чувашской АССР за годы Советской власти» (Труды ЧНИИ. Вып. 100. Чебоксары, 1980).

Научные кадры Чувашии перед войной были сосредоточены в педагогическом и сельскохозяйственном институтах и в Научно-исследовательском институте языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР. В связи с необходимостью размещения в Чебоксарах эвакуированных предприятий педагогический институт был переведен в г. Мариинский Посад, где он функционировал до конца войны в непригодных помещениях. В этих условиях научно-исследовательская работа была затруднена, но по некоторым направлениям продолжалась. Изучались история народного образования, грамматика чувашского языка, методика преподавания русского языка и литературы в чувашских школах и т. д. Преподаватели сельскохозяйственного института направили свои усилия на повышение прикладного аспекта исследований. Были опубликованы, например, такие работы, как «Агросоветы председателям и бригадирам по проведению весеннего сева», «Сорняки – враги урожая», «Что нужно знать председателям и бригадирам о семенных участках» и др., написанные ведущими специалистами института.

Продолжались исследования в растениеводстве и животноводстве, печатались монографии и учебные пособия. Большое значение имела работа преподавателей института в подготовке кадров руководителей через организацию различных курсов. За 4 года воны таким сельское хозяйство получило почти 3259 специалистов массовой квалификации: председателей колхозов, бригадиров, техников по птицеводству и других. Обращаясь к вопросу о деятельности Научно-исследовательского института в рассматриваемый период, Н. М. Мурышкин допускает неточность, утверждая, что деятельность небольшого коллектива института не приостановилась. На самом деле с началом войны она была приостановлена, а в ноябре 1942 г. – возобновлена. В штате был оставлен только П. Г. Григорьев в качестве хранителя. Другое дело, что отдельные сотрудники самостоятельно продолжали вести научную работу. Исследовались проблемы чувашского языкознания, фольклора, героического прошлого народа. На основе архивных материалов П. Г. Григорьевым была написана и в 1944 г. издана брошюра «Чувашский народ в Отечественной войне 1812 г.». Автор, директор института в 1941–1951 гг., отмечает, что огромную помощь ученым Чувашии оказывали специалисты, работавшие в системе АН СССР: языковед, член-корреспондент АН СССР, профессор Н. К. Дмитриев и археолог, доктор исторических наук, профессор А. П. Смирнов. В 1944 г. работа института была предметом обсуждения в Академии наук.

Школьное образование в 1941–1945 гг. исследовано Н. С. Степановым, об активности школьников в деле помощи фронту писали также С. П. Ухъянкин и Е. В. Васильев. Среди проблем, вставших перед организаторами образования в Чувашии в первые месяцы войны, Н. С. Степанов отмечает прибытие в республику эвакуированного населения, в том числе детей школьного возраста. В 1941–1942 учебном году они составляли 3,9% учащихся республики. Распределены дети и их родители были по всем городам и районам. Проблема заключалась в том, что в республике в значительной части школ преподавание велось на чувашском языке, а в местах компактного проживания татар и мордвы – на татарском и мордовском соответственно. Поэтому нередко один учитель вел уроки и на родном и на русском языках одновременно. Автор также пишет о помощи общественности школьникам, включении в учебный процесс значительного патриотического материала, участии детей в производительном труде и т. п.

С. П. Ухъянкин освещает деятельность более 1 000 отрядов, объединивших свыше 26 тыс. школьников и 2 тыс. учителей, работавших на полях колхозов.

О чувашской литературе в годы суровых испытаний имеются труды М. Я. Сироткина и Н. С. Дедушкина. В книге Н. С. Дедушкина в большей степени анализируется творчество представителей отдельных видов литературы: поэтов, прозаиков, драматургов, а в трудах М. Я. Сироткина содержится больше обобщающего материала. Оба автора отмечают, что для чувашской литературы были характерны те же явления, что и для всей страны: значительные изменения писательского состава в связи с уходом на фронт многих представителей творческого цеха, перемены в тематике произведений. М. Я. Сироткин отмечает тесное сближение литературы и устного народного творчества. Используя традиционную народно-эпистолярную форму, поэт-фронтовик Я. Г. Ухсай создает поэтическое «Письмо чувашских бойцов и командиров чувашскому народу», а поэмы П. П. Хузангая «Дочь Родины» («Таня»), С. В. Эльгера «Он бессмертен», М. Д. Шумилова-Уйш «Мать солдата» насыщены народно-песенными мотивами.

Другая важная характеристика чувашской литературы военных лет – расширение тематического и жанрового диапазона. По оценке М. Я. Сироткина, в довоенной литературе преобладали местные темы. В военные годы проявилось стремление к широкому и глубокому показу жизни всех народов СССР. Для чувашской прозы этого периода характерно слияние личного и общественного, раскрытие общности судь-

бы героя и народа. Особенно заметные успехи были достигнуты чувашскими литераторами в поэзии.

Музыкальная жизнь Чувашии и творчество композиторов в годы войны исследованы в 1960-е – 1980-е гг. не так полно, как литература. Анализ театральной жизни республики представлен в монографии Ф. А. Романовой, посвященной в основном работе Чувашского государственного академического театра им. К. В. Иванова.

Современный этап историографии проблемы берет начало с конца 1980-х – начала 1990-х годов. Это время крушения моноидеологии, появление публикаций, в которых отстаиваются точки зрения на исторические события, отличных от ранее господствовавших. По-новому начинает оцениваться место и роль отдельных исторических этапов, партий, личностей и т. д. Для исследователей стали доступными целые пласты очень важных документальных источников. В это же время начинают выходить публикации, авторы которых поддались конъюнктурным настроениям, погоне за «сенсационными» фактами и событиями. Тема Великой Отечественной войны в чувашской историографии одна из немногих масштабных проблем, которой практически не коснулись малообоснованные гипотезы. Историки продолжили исследование ряда крупных направлений, делали попытки их обобщения. В то же время началось изучение вопросов, которые в силу ряда причин были недостаточно освещены.

С изданием первой и второй частей Книги Памяти, вышедших в 1995–2000 гг. в 6 томах и 2003–2007 гг. в 5 томах соответственно, были уточнены цифры призванных и погибших на фронтах войны. Всего за годы войны в рядах Вооруженных Сил СССР с учетом довоенного призыва служили более 208 тыс. жителей Чувашии, 106 тыс. из которых сложили головы в ходе боев на фронте. Появился цикл статей, посвященных подвигам героев-фронтовиков из Чувашии в ходе крупных военных сражений. Автор на основе данных наградных листов, извлеченных из Центрального архива Министерства обороны СССР, Центрального военного-морского архива, а также сведений, накопленных Военным комиссариатом Чувашской АССР, попытался дать обобщенные материалы о подвигах красноармейцев и офицеров в ходе в этих боев. Следует при этом отметить, что привести более полную и точную статистику практически не представляется возможным, поскольку речь идет о миллионах единиц документов, которые необходимо обработать, чтобы выявить из них данные о военнослужащих из Чувашии или чувашей по этнической принадлежности.

Кроме упомянутых статей В. М. Михайловым были опубликованы два сборника документов. В предисловии к первому сборнику помещены сведения о численности фронтовиков, не вернувшихся с полей сражений по каждому сельскому району и городу республики. Такое же распределение имеется по числу Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы. Приведены сведения о присвоении звания Героя Советского Союза в отдельные годы войны, из которых следует, что в 1941 г. этот знак высшего отличия был присвоен одному уроженцу республики, в 1942 – троим, в 1943 – 15, в 1944 – 18, в 1945 – 25 и в 1946 – троим. По подсчетам автора им было удостоено 65 уроженцев Чувашии.

В предисловии ко второму сборнику В. М. Михайлов уточнил свои подсчеты. По его данным среди 11 635 воинов армии и флота, ставшими Героями Советского Союза за подвиги в годы Великой Отечественной войны, и 61 уроженец республики. Им было введено в оборот и такое понятие, как «земляк». Участие молодых воинов из Чувашии в военных действиях в годы войны исследовано Д. Е. Ермолаевым. Особо следует выделить раздел его работы, основанный на ранее не вводимых в научный оборот материалах архива Ленинского районного военкомата г. Чебоксар. Это позволило ему показать социальные и демографические характеристики призывников в действующую армию в 1941–1945 гг., а также представить сведения о прохождении ими службы. Автором также использованы материалы опроса 662 фронтовиков в Комсомольском и Шемуршинском районах республики. Следует иметь в виду ограниченную репрезентативность подобных данных, которая снижает возможности для обобщений, но они интересны для локальных исследований.

В последующие годы увидели свет книги краеведческого характера, в которых имеются сведения о фронтовиках, сражавшихся на различных фронтах и в различные периоды войны. Особо следует в этом плане отметить В. М. Бурмистрова. В ходе многолетнего кропотливого труда им были собраны сведения из архивов, воспоминаний, переписки, газетных материалов и т. д. Это стало материалом для нескольких книг, в которых в том числе имеются циклы очерков об участниках обороны Москвы, Ленинграда, Одессы и Севастополя, Сталинградской битвы, бойцах движения Сопротивления в Европейских странах и других.

В 2005 г. Союзом воинов-дальневосточников Чувашии была опубликована книга о событиях августа-сентября 1945 г. Первая часть издания посвящена воспоминаниям непосредствен-

ных участников сражений на Дальнем Востоке, а во второй помещены небольшие биографические статьи о некоторых уроженцах Чувашии, принимавших участие в последнем сражении Второй мировой войны. В трудах профессиональных историков объектом исследования в большей мере является не боевые действия уроженцев Чувашии, а сама республика. Ими представлено развитие отдельных отраслей ее экономики в годы войны, вклад молодежи, профсоюзных организаций в достижении победы над врагом, социальная политика государства, быт населения и т. д. Проблема единства фронта и тыла исследована в статьях и кандидатской диссертации Е. В. Суховой. Сухова отмечает, что одной из серьезных проблем при призыве была недостаточная физическая готовность молодежи. Так, в мае – июне 1942 г. из 649 человек негодными к военной службе было признано 237 человек. В то же время имелись случаи дезертирства, попытки уклонения от службы с помощью фальшивых справок о здоровье и другое

Автор особо отмечает, что экстремальные условия войны потребовали соответствующего мировоззрения, формирования новой системы ценностей – понимания справедливого характера войны, преданности Родине, ненависти к врагу. Большое значение при этом имело укрепление прямых связей трудящихся тыла и фронтовиков (переписка, обмен делегациями, военно-культурное шефство, сбор посылок на фронт и другое). По мнению Е. В. Суховой, единство фронта и тыла стало проявлением таких глубинных черт российского национального характера, как духовность, соборность, общинность, державность, способность к самоотверженности ради Отечества.

Попытка сравнительного анализа по материалам трех тыловых республик Волго-Вятского региона была предпринята В. В. Тимофеевым и А. А. Демановым. В исследованиях В. В. Тимофеева рассматривалось состояние экономики и социальной сферы Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в военные годы. Монография А. А. Деманова хронологически выходит за пределы военных лет, но в ней есть небольшой раздел, посвященный роли эвакуированных предприятий в формировании экономического потенциала ВВЭР в 1941–1945 гг. В своем исследовании В. В. Тимофеев проявляет комплексный подход к освещению промышленного развития республик.

В 1989 г. увидела свет первая часть «Очерков истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии», в которой авторами главы о войне являлись А. В. Космовский и О. В. Космовская. Так, авторы отмечают, что в 1941–1945 гг. значительно

сократились урожайность и валовой сбор зерновых культур. Валовой сбор картофеля увеличился на 2,8%, хотя площади под картофель были расширены значительно больше, а урожайность составляла около 77% по сравнению с 1940 г. Основная причина таких показателей – низкий уровень агротехники, обусловленный недостаточными трудовыми и материальными ресурсами. Планы по заготовке зерна и картофеля выполнялись, но делалось это путем сокращения выдачи этих продуктов колхозникам в счет оплаты труда и уменьшения выделения их на фуражные цели. Авторы считают, что колхозники шли на это сознательно, понимая долг и ответственность перед Родиной. В животноводстве в целом дело обстояло лучше. Глава насыщена конкретными фактами, показывающими самоотверженность рядовых тружеников села, большое внимание уделено работе с кадрами, имеется раздел об экономической работе хозяйств.

Продолжал работу над историей здравоохранения в годы войны. Г. А. Алексеев, выпустивший две работы об участии медиков республики в боевых действиях на фронте и в работе в тылу. Автором выявлено среди медицинских работников 1 046 участников войны, 827 из которых являются уроженцами Чувашии. Автор еще раз уточнил количество госпиталей, развернутых на территории республики и считает, что их было 18, включая и те, которые работали в республике непродолжительное время.

Цикл работ о профсоюзах как Чувашии, так и республик ВВЭР создан Б. Л. Алексеевым. Монографию об истории Государственного ансамбля песни и танца Чувашской АССР в 1989 г. издал М. Г. Кондратьев. Традиции историков предшествующего периода, разрабатывавших молодежную тематику, продолжила В. И. Соколова.

Оценивая названные издания, следует отметить, что их авторы имели возможность и использовали ранее недоступные архивные материалы, они обогатили свои труды новыми фактическими данными, в том числе о формировании воинских частей, о некоторых сторонах деятельности всеобуча. Материалы, в свое время закрытые для научных работников, позволили более наглядно показать самоотверженность тружеников тыла. В то же время приходится констатировать, что исследователи в большинстве своем не сумели выйти на уровень обобщений, показывающих жизнь в тылу гораздо сложнее и противоречивее описываемых событий. Кроме героического труда в тылу имелась и обратная сторона: попытки уклонения от службы, дезертирство, использование служебного по-

ложения для улучшения своего материального положения, нарушения законности и т. п. Подобные события и факты не могли быть массовыми, но они проявлялись достаточно регулярно, и особенно остро они воспринимались в годы тяжелых испытаний. Органично объединить в исследовательском тексте такие противоречивые и нелицеприятные явления, не сбиваясь при этом на их «смакование», не всегда удается. Пока еще не удастся отразить и имевшиеся трудности повседневной жизни граждан в годы войны, специфику городского и сельского быта. С этой точки зрения шаг вперед по сравнению с трудами 1960-х – 1980-х гг., безусловно сделан, но новый качественный уровень пока не достигнут.

Одной из первых, достаточно успешных попыток в освещении истории Великой Отечественной войны, является глава об этом периоде в «Истории Чувашии новейшего времени». Схема изложения материала в книге традиционна: экономика республики, трудовой героизм населения, военно-оборонная работа, помощь фронту, подвиги земляков в боях с фашистами, наука и культура в годы войны. Автор Г. А. Александров предпринял попытку показать реальные трудности и условия, в которых приходилось жить и трудиться тыловому населению. Одной из сложных для анализа проблем являются взаимоотношения между руководителями различного уровня и рядовыми тружениками, в ходе которых нередко возникало противостояние, по крайней мере, понимаемое подчиненными как «мы» и «они». Понятно, что в жестких военных условиях срочные правительственные задания необходимо было исполнять без учета самочувствия конкретных личностей, обеспеченности их продуктами, жильем и т. п. Но люди ожидали и более человеческого отношения к себе даже и в таких условиях. Это не всегда имело место. Например, с конца 1941 г. развивающаяся промышленность Чебоксар стала испытывать острый дефицит электроэнергии. На строительно-монтажные работы была направлена группа инженеров и рабочих, эвакуированных с различных электростанций западных районов страны. Зимой 1941–1942 гг. они жили в «вагончиках» на железнодорожной станции Чебоксары и ежедневно делали пешие переходы в Заволжье по 25 и более км. Они не были обеспечены одеждой, более месяца не получали горячую пищу или сухой паек, а ограничивались только хлебным пайком, а когда не получили и его, то только тогда начальник строительства обратился в обком и Совнарком Чувашской АССР.

Некоторые руководители сельскохозяйственных предприятий вели себя как феодальные князьки, избивая подчинен-

ных, производя незаконные аресты. Не всем из них удавалось избежать наказаний, но такие ситуации нередко повторялись. Автор также характеризует тяжелое материальное положение крестьян. В ряде районов в течение двух-трех лет на трудодни не выдавались никакие зернопродукты. В республике отмечались случаи голодной смерти, в том числе детей до 10-летнего возраста. По-новому рассматривались и некоторые стороны такой деятельности в годы войны, как сбор средств в фонд обороны, на строительство боевой техники и др., в том числе о подписке на займы, нередко осуществлявшейся принудительно, о нарушениях законности, о недовольстве населения и т. п. В чувашской историографии как один из ярких примеров патриотизма приводится случай пожертвования собственных денег на строительство самолета колхозника из Алатырского района А. М. Сарскова, откликнувшегося в декабре 1942 г. на почин саратовского колхозника Ф. Головатого, внесшего на строительство боевых самолетов 100 тыс. рублей.

29 декабря Чувашский обком ВКП (б) направил телеграмму И. Сталину, в которой докладывалось, что колхозники и трактористы республики собрали на строительство танковых колонн «Колхозник Чувашии» и «Тракторист Чувашии» 31 млн. 552 тыс. рублей. А. М. Сарсков передал на строительство самолета для земляка – летчика-героя Ф. Н. Орлова 100 тыс. руб. Реально дело обстояло несколько иным образом. Руководство Алатырского района предложило правлению колхоза «Красный луч» подобрать члена хозяйства, способного внести в фонд обороны 100 тыс. руб., но когда такого не оказалось, то было дано указание использовать на эти цели средства колхоза, а документы оформить на одного из рядовых работников. Первоначально подобранный кандидат отказался от такого предложения, заявив, что не хочет прославляться за счет колхозников. А. М. Сарсков также вначале отказывался, но затем дал согласие. Получив из колхоза тысячу кг пшеницы, он продал ее на рынке, деньги сдал в колхоз, где их оприходовали, затем выдали ему, после чего 100 тыс. руб. были переданы в фонд обороны как личные сбережения. Личные средства колхозника составляла сумма за 330 кг пшеницы, проданных на рынке. Колхозники были недовольны таким решением правления и партийных органов, они говорили, что самолет купил колхоз, а прославили Сарскова.

Впервые Г. А. Александровым в чувашской историографии была поднята проблема коллаборационизма, именно участие военнопленных-чувашей в Волжско-татарском легионе, Туркестанском легионе, 837-м Волго-финском батальоне и др.

воинских соединениях, формировавшихся немцами из военнопленных. Всего по его неполным подсчетам, на стороне немецкой армии воевали около тысячи военнопленных из чувашей. К сожалению, вне его внимания остались место церкви в годы войны, роль православного населения и мусульман в сборе средств для строительства военной техники.

Удачным вкладом в показ реального положения населения республики в годы войны является монография А. Д. Григорьева. Он отмечает, что для абсолютного большинства населения были характерны самоотверженность, стремление сделать все для победы над врагом, но он также выделяет субъективные факторы, в том числе произвол, насилие со стороны некоторых представителей власти. Одна из важных тем, исследуемых им – финансовая помощь фронту. Им были уточнены суммы поступлений, полученных от государственных военных займов, а также сделан вывод о том, что из различных цифр, приводимых в литературе, верной является 517 млн. руб.

Говоря о сборе средств в фонд обороны, автор приводит много конкретных фактов, обобщенных сведений, подсчитанных им самим. Он, как и Г. А. Александров, констатирует о фактах обманов и подлогов, когда в погоне за громкими показателями некоторые руководители хозяйств и работники районных органов проводили сдачу колхозных денег, оформляя их как средства членов хозяйств. По его мнению, партийные и советские органы практически не принимали мер по искоренению подобной практики, поскольку речь шла о значительном пропагандистском эффекте.

В то же время имелись случаи подобных подлогов, видимо, чересчур вызывающие, которые осуждались вышестоящим руководством. Так, в апреле 1943 г. бюро Чувашского обкома ВКП (б) были освобождены от должности председатель одного из колхозов Красночетайского района и заведовавший военным отделом райкома партии за организацию двух случаев внесения на нужды Красной Армии колхозных денег как личных средств. Достаточно подробно проанализирована деятельность органов власти Чувашии по размещению эвакуированных, создании необходимых условий для их жизни на новом месте. К 1 апреля 1943 г. в Чувашию было эвакуировано 70,7 тыс. человек, в том числе 26,7 тыс. из Москвы и Московской области, 12,2 тыс. – из Ленинграда и Ленинградской области, 7,1 тыс. – из Украинской ССР, 5,8 тыс. – из Калининской области, 5,3 тыс. – из Белорусской ССР, 4 тыс. – из Карело-Финской ССР, 3,9 тыс. – из республик Прибалтики и др. Автором выявлен состав эвакуированного населения по

полу, выделены подростки в возрасте до 15 лет, приведено его распределение по каждому району и городу Чувашии. Первоначально самой острой проблемой в работе с эвакуированными гражданами было обеспечение их жильем при его острой нехватке. Переселенцы проживали в коридорах, кухнях, кладовых и пр. непригодных помещениях. При проверке общежитий ряда предприятий Чебоксар отмечалось, что в них наблюдалась чрезвычайная скученность и «совершенно нетерпимая антисанитария». Эвакуированные, расселенные по частным квартирам, сложно интегрировались в местный социум. Они нередко жаловались на завышенную квартирную плату, трудные условия жизни.

Тем не менее, положение постепенно улучшалось, но чрезвычайно медленно. А. Д. Григорьев отмечает, что в сельской местности основные претензии приезжих были связаны с частыми перебоями по снабжению хлебом и мукой. Материалы автора свидетельствуют, что при общей напряженности с продовольствием, конкретные проблемы нередко были обусловлены деятельностью отдельных руководителей. Имелись случаи и откровенного «самоснабжения» за счет фондов эвакуированного населения. В целом ситуация была исправлена, но оставалась напряженной. Автором освещена проблема организации работы для трудоспособной части эвакуированных. Около четверти из них не была занята, в некоторых районах этот показатель был заметно выше. К 1 июля 1942 г. в Ибресинском районе не работало 46%, в Вурнарском – 37,2%, в Комсомольском – 32% трудоспособных переселенцев. В книге подробно проанализирована деятельность по реализации государственной политики в организации торговли, переходу к карточной системе.

При всех издержках, выразившихся в перебоях и срывах в снабжении населения, злоупотреблениях, хищениях и т. п., правительству республики удалось использовать все ресурсы для обеспечения эффективной работы этой системы в условиях военного времени. Кроме отмеченных выше, практически вне внимания историков Чувашии остались такие проблемы военного времени, как деятельность органов исполнительной и законодательной власти, местных советов, их взаимоотношение с партийным руководством, армейским командованием. Не исследованы также такие вопросы, как межэтнические отношения, трансформация общественного сознания в годы войны и прочие.

**ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ
НАРОДОВ ЯКУТИИ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941-1945 гг.**

Историография проблемы участия народов Якутии в Великой Отечественной войне стала складываться уже в годы войны. В 1942 г. вышел сборник «Сыны Якутии в боях за Родину» (отв. редактор М. Гершман)²⁵⁸, в котором были собраны рассказы и очерки о воинах из Якутии, проявивших воинскую доблесть на полях сражений. Подобный сборник материалов о боевых действиях якутов – участников Великой Отечественной войны «Они защищают Родину» (отв. редактор А. Р. Халыев)²⁵⁹ был издан в 1944 г. Авторами статей и кратких очерков, вошедших в сборники, были журналисты местных изданий. Предисловие к обоим сборникам было написано Г. В. Поповым. Будучи секретарем областного комитета ВКП(б), он ведал вопросами подготовки боевого резерва для Красной Армии, призыва в армию, оказания материальной помощи фронту. Г. В. Поповым было опубликовано значительное количество статей в местной периодической печати, в которых содержался большой фактический материал, широко использованный в пропагандистской работе. В 1944 г. вышла его брошюра «Все для фронта, все для победы: трудящиеся Якутской АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза»²⁶⁰, в которой кроме приведенных фактов и сведений о помощи трудящихся Якутии фронту, рассказывается и о боевых подвигах воинов из Якутии. В этом же году А. Е. Мординовым была опубликована брошюра «Якутия в Великой Отечественной войне»²⁶¹. В ней были показаны отдельные подвиги сынов Якутии в боях с немецко-фашистскими захватчиками, приведены ценные сведения о выполнении промышленными предприятиями производственных планов военного времени, оказании материальной помощи трудящимися республики фронту, сделан ряд обобщений.

В 1948 г. сотрудниками Научно-исследовательского Института языка, литературы и истории Якутской АССР М. И. Слепцовой и А. Л. Новгородовой был составлен библиографический указатель «Якутяне на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Появившиеся в годы войны брошюры, сборники и статьи, носившие, в основном, пропагандистский характер, содержат большой фактический материал и пред-

ставляют собой первые шаги в изучении участия Якутии в Великой Отечественной войне Советского Союза.

Следующий этап в историографии Великой Отечественной войны в Якутии формируется с начала 1960-х гг., когда было начато монографическое изучение проблемы «Якутия в годы Великой Отечественной войны». Историк Д. Д. Петров защитил кандидатскую диссертацию «Колхозное крестьянство Якутии в годы Великой Отечественной войны Советского Союза», в которой основное внимание уделено работе тыла, труду колхозников в помощь фронту, показано состояние основных отраслей сельского хозяйства в годы войны. Д. Д. Петров стал автором соответствующих разделов в первых обобщающих трудах: «Очерки по истории Якутии советского периода»²⁶², «История Якутской АССР»²⁶³; а также брошюр, посвященных теме участия якутян в Великой Отечественной войне²⁶⁴.

В 1961 г. был издан очерк Д. Д. Избекова о якутянах – героях Великой Отечественной войны, посвященный боевым подвигам 11 якутян Героев Советского Союза²⁶⁵. Работа была написана на основе наградных документов Центрального архива Министерства обороны СССР. В последующем, когда были дополнительно выявлены якутяне Герои Советского Союза, Д. Д. Избековым был подготовлен второй расширенный и дополненный вариант очерка²⁶⁶. Д. Д. Избеков – автор нескольких очерков и брошюр, посвященных описанию боевых действий якутян на фронтах Великой Отечественной войны²⁶⁷.

В этот же период к теме Великой Отечественной войны обратился Г. К. Боескоров., который рассмотрел вопросы развития якутской поэзии и художественной прозы военных лет в своей монографии «Якутская художественная литература в годы Великой Отечественной войны»²⁶⁸.

Затем в якутской историографии Великой Отечественной войны выделяется период, когда ведущее место заняли работы по историко-партийной тематике. В 1971 г. И. С. Сивцевым была защищена кандидатская диссертация «Вклад комсомольцев и молодежи Якутии в укрепление тыла в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». В 1975 г. была защищена диссертационная работа П. Н. Токарева «Партийное руководство военно-оборонной работой в Якутии. 1939–1945 гг.», в которой в историко-партийном плане рассматривается военно-оборонная работа, проводившаяся накануне и в годы войны.

К этому же периоду относятся работы П. Д. Степанова, посвященные массово-политической работе Якутской областной партийной организации в первый период войны²⁶⁹ и идейно-политической работе партийных органов в годы войны²⁷⁰. В

1979 г. была издана первая часть большого монографического исследования Д. Д. Петрова «Якутия в годы Великой Отечественной войны»²⁷¹, посвященная участию якутян в войне, их ратному подвигу на фронтах. В 1992 г. была издана вторая часть исследования, в которой автор рассматривает вопросы истории тыла, развития народного хозяйства и культуры, истории рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, а также вопросы всенародного движения в помощь фронту²⁷². Автором была проделан колоссальный труд, так как для комплексного освещения военной тематики необходимо было собрать и проанализировать достаточное количество архивных документов.

Если освещение развития народного хозяйства и культурной жизни в годы войны не вызывало особых затруднений, поскольку в местных архивах было сосредоточено большое количество материала, то иначе обстояло дело с изучением ратных дел якутян, сведения о которых были единичными. В связи с этим Д. Д. Петровым привлекались различные источники, в том числе и воспоминания самих участников войны: с 1950 г. автор, побывав во многих районах, наслегах и поселках республики, встречался и беседовал более чем 500 ветеранами войны. Работа Д. Д. Петрова «Якутия в годы Великой Отечественной войны» является самым крупным монографическим исследованием по истории Якутии периода Великой Отечественной войны.

С начала периода демократизации общественной жизни в стране произошел коренной перелом в советской историографии Великой Отечественной войны. Было покончено с идеологическим кураторством над исторической наукой со стороны Коммунистической партии, появилась возможность свободно выражать свои взгляды на исторические проблемы, в том числе и на проблемы истории Великой Отечественной войны. Кроме того, были открыты многие ранее засекреченные фонды в архивах, расширен доступ исследователей к архивным документам военного периода.

К проблемам истории Якутии периода Великой Отечественной войны начинают обращаться молодые историки. В 1998 г. были защищены кандидатские диссертации С. Н. Гусак «Промышленность Якутии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» и С. И. Сивцевой «Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.)». Работа С. И. Сивцевой, посвященная исследованию социально-демографических процессов в Якутии в годы войны, была опубликована в 2000 г.²⁷³ В ней по-

казаны изменения в численности и составе населения, выявлены факторы, повлиявшие на ухудшение демографической ситуации в республике, значительное внимание в работе уделено проблеме спецпереселенцев.

Современный период изучения проблем участия народов Якутии в Великой Отечественной войне имеет свои особенности. Так, например, всплеск интереса к военно-исторической тематике наблюдается в юбилейные годы – в это время проводятся конференции, издаются сборники воспоминаний, переиздаются уже известные издания по теме Великой Отечественной войны. В улусах и наслегах республики большую работу по поиску материалов проводят местные краеведы, однако, крупные фундаментальные научные труды, созданные на местных материалах, появляются крайне редко. Можно выделить историка С. Н. Горохова, который много внимания уделил в своих статьях участию северян в Великой Отечественной войне, описанию их боевого пути на фронтах войны²⁷⁴. В 2005 г. была издана его монография «Героизм сынов Севера на фронтах Великой Отечественной войны»²⁷⁵. Им же было подготовлено учебное пособие о работе спецпереселенцев в созданных на севере Якутии рыболовецких колхозах в годы войны²⁷⁶.

В научно-популярной серии «Улусы республики: история, культура, фольклор» частично представлена история районов республики военных лет. В истории каждого улуса, как правило, присутствует раздел о Великой Отечественной войне, подготовленный улусными краеведами и содержащий сведения о ратных и трудовых подвигах их земляков²⁷⁷.

В 2005 г. Национальной библиотекой Республики Саха (Якутия) выпущен библиографический указатель «Якутия в Великой Отечественной войне: 1941–1945 гг.» (составитель Л. Г. Федорова, редактор Т. С. Максимова), включивший книги и брошюры, изданные с 1941 г. по 2004 г. на территории республики и поступившие в фонд библиотеки. Материалы представлены в следующих разделах: 1. Якутяне на фронтах Великой Отечественной войны; 2. Помощь трудящихся Якутии фронту; 3. Репертуарные листки, сценарии; 4. Библиографические пособия; всего 292 названия.

Всю научную и научно-популярную литературу по данной теме можно разделить на два периода: это советский период, начавшийся в годы войны и продолжавшийся до 1990-х гг., и постсоветский. В советской историографии освещались в основном героизм на фронтах и самоотверженный труд в тылу, а реальная жизнь миллионов людей в тылу под гнетом чрезвычайных обстоятельств, вызванных

войной, и власти, жестко регламентирующей все сферы жизни, оставалась вне внимания исследователей. Многие вопросы, связанные с изучением жизни тыла, оставались за рамками научных работ и якутских историков. К тому же советской историографии проблем Великой Отечественной войны как в целом по стране, так и в регионах была свойственна сравнительная узость ее источниковедческой базы: большинство архивных материалов оставалось для исследователей закрытыми. Работы, посвященные вопросам Великой Отечественной войны, писались по установившимся шаблонам, а их содержание строго контролировалось идеологами коммунистической партии. Дискуссионные подходы к истории войны исключались полностью.

Радикальное обновление проблематики исследований происходит в начале 1990-х гг. прошлого столетия. В историографии постсоветского периода значительно расширяется тематика проблем изучения Великой Отечественной войне. Начинает проявляться интерес к проблемам, непосредственно связанным с повседневной жизнью простых людей. В этом ряду вопросы динамики численности населения, воспроизводства и миграции, экономического благосостояния, здоровья, семейного положения и другое. В связи с отменой партийной цензуры остро ставятся вопросы, связанные с непродуманной жесткой политикой руководства республики по отношению к колхозному крестьянству, в результате которой в 1941–1943 гг. был допущен голод в центральных районах Якутии.

С открытием широкого доступа исследователей к архивным фондам, с обращением к изучению ранее закрытых тем появляется возможность вскрытия многих «белых пятен» истории, в том числе и в истории Якутии военного периода.

* * *

¹ Тема социально-политического состояния советского общества в десятилетие, предшествовавшее войне, рассматривается на базе значительного массива рассекреченных в последние десятилетия архивных документов, в том числе докладов органов госбезопасности о положении в стране высшему руководству страны во главе со Сталиным, а также на базе достижений новейшей отечественной и зарубежной историографии. Особенность источниковедческого анализа истории социально-политического положения в обществе в 1930–1941 гг. в актуализации сравнения двух потоков информации: одного – чисто пропагандистского, преподносившегося всему населению и содержавшему преимущественно только позитивные

факты «строительства социализма» в СССР и другого, вплоть до конца XX в. засекреченного, и предназначавшегося только для Сталина, Политбюро ЦК и региональной номенклатуры. Именно этот длительное время засекреченный источник информации признан ведущими исследователями «советской темь» наиболее репрезентативным для постижения истории СССР в XX в. («Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М., 2000–2008; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: док. и мат.: в 5-ти т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000–2003. – Т.1–4; *Колодникова Л. П.* Советское общество 20-х гг. XX в. По документам ВЧК-ОГПУ. – М., 2009; Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Документы и материалы в 6-ти т. – Челябинск, 2005; *Сахаров А. Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. – М., 2004; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: Город. – М., 2001; *Free and Unfree Labour. The Debate Continues.* Ed. M. Van der Linden. Berne, 1997; *Грегори Пол.* Политическая экономия социализм. М., 2008; *Чубарьян А.О.* и др. История России XX века. – М., 2003 и другие).

² Народ и война. – М., 2010. – С. 14.

³ 86,6% населения России проживало в сельской местности, 13,4% – в городах. (Народ и война. – М., 2010. – С. 15. О социальном положении в деревне см.: *Арутюнян Ю. В.* Социальная структура сельского населения СССР. – М., 1971; *Вдовин А. И., Дробижев В. З.* Рост рабочего класса СССР. 1917–1940. – М., 1976; *Соколов А. К.* Лекции по советской истории. 1917–1940. – М., 1995; *Тюрина А. П.* Социально-экономическое развитие советской деревни. – М., 1982).

⁴ Население России в XX веке: Исторические очерки. – М., 2000. – Т. I. 1900–1939 гг. – С. 180.

⁵ Были присоединены западные области Украины, Белоруссии, Правобережная Молдавия, Литва, Латвия и Эстония.

⁶ По численности уступал только Индии и Китаю. Более трети населения СССР составляла молодежь (от 15 до 29 лет). По уровню рождаемости страна была на одном из первых мест в мире. Лиц, старше 60 лет, было всего 7% (Население России в XX веке: Исторические очерки. – М., 2000. – Т. I. 1900–1939 гг. – С. 11–13, 15; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д.17. ЛЛ.77, 137, 143).

⁷ Индустриализация страны сделала миграцию постоянным спутником жизни населения.

⁸ *Жиромская В. Б.* Голод 1932–1933 гг. в России: оценки людских потерь // Преподавание истории и обществоведения в школе. 2009. – № 6. –С.13–15; Трагедия советской деревни:

коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. Т. 3. 1930–1933. – М., 2001; *Зеленин И. Е., Ивницкий Н. А., Кондрашин В. В., Осколков Е. Н.* О голоде 1932–1933 годов и его оценке на Украине // Отечественная история. 1994, – № 6; Российский Государственный архив экономической истории (РГАЭ). Ф.1562. Оп. 329. Д.17. Л.47,48, 73; Д.55. Л. 70.

⁹ Переписи 1937 и 1939 гг. свидетельствуют, что во многих регионах население так и не восстановило своей численности. В 1940 г. в РСФСР коэффициент рождаемости составлял 33% (3,7 млн против 4,2 млн. в 1939 г.). (*Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л.* Демографическая история России. 1927–1959. – М., 1998. – С. 83).

¹⁰ *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. – М., 2001. – С. 31.

¹¹ Народ и война. – М., 2010. – С. 16–17.

¹² В рассматриваемый период деятельность политических партий, боровшихся против диктатуры большевиков, их экономической и социальной политики, была практически запрещена, вожди повержены, в связи с чем одни деятели – эмигрировали, других – репрессировали. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М., 2003. – Т.3. – С. 370, 537–538; – Т.8. – Ч.2. – С. 1154–1158, 1166, 1171–1175; ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.8. Пор.435.Л.169-241; РГАСПИ. Ф.76.Оп.3. Д.359.

¹³ Основным источником роста рядов рабочих оставалась деревня. По статистике рабочие не составляли большинства ни в структуре населения, ни в структуре занятых. Численность рабочих в начале 1930-х годов не превышала 3 млн человек. В состав рабочих, хотя и с оговорками, включались и служащие госаппарата.

¹⁴ В конце 1930-х годов в возрасте от 16 до 29 лет умерло почти 20%, от 30 до 49 лет – 30%.

¹⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М., 2009. – Т. 8. – Кн. 1. – С. 370, 375.; ЦА ФСБ РФ. Ф.2.Оп.8.Пор.538..

¹⁶ *Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. – № 7. – С. 65–67; *Алексеев А. Н.* Голод начала 30-х годов в Казахстане // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. – М., 1992. – С. 76–78.

¹⁷ По данным В. Ф. Зимы, основанным на цифрах ОГПУ, за 1930–1932 гг. было выслано всего около 500 тыс. семей. Выселение продолжалось в 1933–1934 гг. Исходя из того, что в

то время крестьянские семьи включали в среднем 5 человек взрослых и детей, получаем примерно 2,5 млн человек. Из них от голода, холода и болезней погибли примерно 1/3, то есть 800 тыс. чел., в основном пожилых и детей. Если же учесть проценоманию и антропофагию, имевшие место в ходе раскулачивания и выселения, то приведенные выше цифры лишь примерно отражают реальность того страшного времени. (*Зима В. Ф.* Голод в СССР. Происхождение и последствия. – М.: Институт Российской истории РАН, 1996. – С. 125, 138–149).

¹⁸ Из них чернорабочие составляли 60%, люди интеллектуального труда – 18,2%, а лица индустриальной квалификации – всего 16,3%. В общем составе безработных – женщин было 43,6%, подростков – 14,8%. Причины нарастания безработицы были обусловлены общим экономическим положением в стране; наплывом в города бедноты и батраков.

¹⁹ В категорию кулаков попадали и крестьяне-промысловики. *Вербицкая О. М.* Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. – М., 2002.

²⁰ *Сталин И.* Вопросы ленинизма. – М., 1952. – С. 295–296, 298.

²¹ К 1937 г. стало очевидным нарушение в соотношении полов. Мужчин стало меньше, чем женщин

²² В середине 1937 г. заведующий организационным отделом ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков представил вождю записку со следующими данными. Среди секретарей обкомов партии высшее образование на то время имели лишь 15,7%, а низшее – 70,4%. Среди секретарей окружкомов высшее образование имели 16,1%, а низшее – 77,4%. Среди секретарей горкомов эти цифры соответственно равнялись 9,7% и 60,6%; секретарей райкомов – 12,1% и 80,3%. К 1921 г. 90% состава партии вступили в ее ряды во время Гражданской войны. К 1923 г. лишь 1% членов партии с дореволюционным стажем состояли в рядах большевиков

²³ В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 18.XI. 1938 г.

²⁴ *Сталин И. В.* в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б) // Вопросы истории. 2002. – № 11. – С. 4).

²⁵ Декретами «Об аресте вождей гражданской войны против революции» (ноябрь 1917 г.) и о «красном терроре» большевистское руководство законодательно обосновало «право» на насильственную расправу со своими политическими оппонентами / См.: *Осенина Е. А.* Кризис снабжения 1939–1941 гг. в письмах советских людей // Вопросы истории. 1996. – № 1. – С. 13–14;

²⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 82. Л. 10; Ф. 1. Оп. 3. Д. 187. Л. 22, 27; . Ф. 1. Оп. 5. Д. 157. Л. 70; Ф. 2. Оп. 2. Д. 31. Л. 5, 6.;РГАСПИ. Фонд 323. Оп.2. Л. 229.

²⁷ *Колодникова Л. П.* (Москва). Механизм получения советским руководством от органов Лубянки информации, имевшей статус «государственной» // Клио. 2010. – № 4. –С. 56; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М., 2009. – Т. 8. – Кн.1. – С. 256–275; – Кн.2. – С. 145–149.

²⁸ Политическое образование.1989. – № 16. – С. 75.

²⁹ XXII съезд КПСС: Стенографический отчет. – М., 1962. – Т. 2. – С. 215–216 Собрания законов СССР. 1930. – № 22. – С. 248.

³⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 4. Л. 235–241.

³¹ В 1940 г. число радиоприемных точек в стране достигло почти 7 млн. (Народное образование, наука и культура в СССР, 397 с.).

³² В предвоенный период среднее специальное образование получило 1790 тыс. человек, а высшее образование – 1200 тысяч. В 1940 г. в СССР действовало 65 тыс. средних школ против 4 тыс. в 1914 г.

³³ В феврале 1936 г. состоялось Всесоюзное совещание писателей, работающих над произведениями о Красной Армии, а в мае – совещание драматургов.

³⁴ В 1940 г. издавалось 8806 газет, их разовый тираж составлял 38,4 млн экз., а годовой – 7 092 млн.

³⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф.4000,1930–1990 гг., Оп. 2. Д. 31.ЛЛ. 67-69, 74, 75 об.

³⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 6. Л. 4–6..

³⁷ Народное хозяйство СССР 1922–1972. М.,1972.,. Народное хозяйство СССР в 1963 г.: Статистический ежегодник М., 1964. С. 7. ГАРФ. Ф. 3316. Оп.12. Д.138. Л.4–5; Ф. 5446. Оп.1. Д.92. Л.210.

³⁸ История Коммунистической партии Советского Союза. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 42.

³⁹ Первая сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва: Стенографический отчет. – М., 1938. – С. 120.

⁴⁰ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. – С. 277.

⁴¹ История национально-государственного строительства в СССР. – М., 1970. – Т. 2. – С. 54, 71.

⁴² Латвия на грани эпох. II-я серия. Рига, 1988. – С. 85–86.

⁴³ В Полевом Уставе РККА (ПУ-39) отмечалось: «Великая мощь и несокрушимая сила Рабоче-крестьянской Красной

Армии заключается... в сочувствии и поддержке, которые она встретит среди трудящихся масс напавших стран...»(ПУ-39). – М.: Государственное издательство НКО СССР, 1939. С. 9–10.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.28, Л. 28–34.

⁴⁵ История второй мировой войны 1939–1945. – М., 1973. – Т. 3. – С. 381, 387–388; Советская экономика в период Великой Отечественной войны. – М., 1970. – С. 11.

⁴⁶ В 1941 г. в стране существовало 107 краев и областей, 8 округов, 10 национальных округов, 1 241 город, 1 711 поселков и 4 067 сельских районов, в которые входили 70 034 сельских единицы (*Павловский Ф. С., Шафир М. А.* Административно-территориальное устройство Советского государства. – М., 1961. – С. 72).

⁴⁷ Урал в Великой Отечественной войне: Указатель литературы. Молотов, 1944; Урал в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Указатель литературы 1941–1973 гг. Свердловск, 1974; *Агарышев П. Г., Дергач М. С, Евланова М. Н.* Партийные организации Урала в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 1975; *Наумова А. Г., Унгвицкий В. Н.* Историография деятельности партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны // Исследования по истории Урала. – Вып. 5. – Пермь, 1976; Оренбуржье в Великой Отечественной войне: Указатель литературы. Челябинск, 1977; Вопросы историографии Башкирской областной партийной организации. – Уфа, 1980; *Евланова М. Н.* Рабочий класс – фронту. Челябинск, 1984; Башкирия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Библиографический указатель литературы. – Уфа, 1985; Урал в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Библиографический указатель. – Уфа, 1991 и другие.

⁴⁸ *Клименко К.* Уральский промышленный район. М., 1945.

⁴⁹ *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М., 1947; *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения 1931–1947. – М., 1979.

⁵⁰ *Шверник Н. М.* Речь на собрании избирателей Свердловского избирательного округа 1 марта 1950 г. – М., 1951; *Лаврищев А. Н.* Промышленность Урала в Отечественной войне // Плановое хозяйство. 1944. – №3; *Патолычев Н. С.* Испытание на зрелость. – М., 1977; *Ферсман А. Е.* Урал – сокровищница Советского Союза. – М., 1942.

⁵¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М., 1960–1965. – Т. 1–6; История Коммунистической партии Советского Союза. – Т. 5. – Кн. 1. – М., 1970; История СССР. – Т. 10. – М., 1973; История Второй мировой

войны. 1939–1945. – М., 1973–1982. – Т. 1–12; Советский тыл в Великой Отечественной войне. – Кн. 1–2. – М., 1974; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – М., 1976; Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. – М., 1985.

⁵² *Комков Г. Д.* Идеино-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965; *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. – М., 1971; *Морехина Г. Г.* Рабочий класс – фронту. – М., 1962; *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – М., 1970; *Куманев Г. А.* На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945). – М., 1976; *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – М., 1970.

⁵³ *Наумова А. Г.* Пермская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Пермь, 1960; Очерки истории Башкирской организации КПСС. – Уфа, 1973; Очерки истории Пермской областной партийной организации. – Пермь, 1973; Очерки истории коммунистических организаций Урала. – Т. 2. – Свердловск, 1974; Очерки истории Челябинской областной организации КПСС. 2-е изд. – Челябинск, 1977 и другие.

⁵⁴ *Дедов Г. И.* Кизеловский угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны. Пермь, 1959; *Липатов Н. П.* Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Очерки истории строительства. – М., 1960; *Агарышев П. Г.* В забой, как в бой. Челябинск, 1972; *Васильев А. Ф.* Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – М., 1982.

⁵⁵ *Мошкин Н. А.* Патриотизм трудящихся Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. – Ижевск, 1956; *Карманов А. Г.* Трудовой подвиг южноуральцев в годы Великой Отечественной войны // Челябинская область за 40 лет Советской власти. – Челябинск, 1957; *Евланова М. Н.* Из опыта работы партии по подготовке рабочих в годы Великой Отечественной войны // Из истории уральских партийных организаций: Сб. науч. трудов каф. ист. КПСС ЧПИ. – Челябинск, 1968; *Ануфриенко Г. П.* Деятельность партийных организаций по привлечению женщин к производительному труду в промышленности в первый период Великой Отечественной войны // Человек, труд, коммунизм (из истории партийной организации рабочего класса Магнитки). Сб. науч. трудов МГМИ. – Вып. 66. – Магнитогорск, 1970 и другие.

⁵⁶ *Сендерова А. Б.* Коммунисты Свердловской области во главе организации шефской помощи в массово-политической работе среди колхозников в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). Тр. СХИ. – Т. 9. – Свердловск, 1960; *Швыдченко В. И.* Сельское хозяйство Оренбургской области в годы Великой Отечественной войны // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти (Материалы науч. сессии преподавателей кафедр истории КПСС вузов Урала, посв. 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции). – Свердловск, 1968; *Наумова А. Г.* Колхозное крестьянство – фронту (по материалам уральских партийных организаций 1941–1945 гг. // Из истории партийных организаций Западного Урала: Учен. зап. Перм. ун-та. – № 10. – Пермь, 1972.

⁵⁷ Партийные организации Урала в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 1975. *Колесник А. Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. – М., 1982; Организаторская и массово-политическая работа партийных организаций РСФСР в тылу. 1941–1945 гг. Л., 1980.

⁵⁸ *Деменев А. И., Добровольский Н. С.* Высшее образование на Урале. – Свердловск, 1958; *Наумова А. Г.* Пермская высшая школа в годы войны // Уч. зап. Свердловского пединститута. – Сб. 26. – Свердловск, 1965; *Сираев З. И.* Высшие учебные заведения и научные учреждения Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Из истории советской Башкирии. – Уфа, 1967; *Семочкина З. В.* Вузы Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // На путях строительства коммунизма. – Челябинск, 1977; Она же. Партийная забота о вузах Урала в годы Великой Отечественной войны // Материалы научной конференции (февраль 1985 г.). Всемирно-историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне. – Челябинск, 1985; *Иванова Г. А.* Средняя специальная и высшая школа Башкирии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Науч. труды Куйбышевского пединститута. – Т. 143. – Вып. 4. – Куйбышев, 1974.

⁵⁹ *Гузненко З. И.* Руководство партийными организациями Урала высшей школой в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). На материалах Свердловской и Пермской областей: Дис. ... к.и.н. – Свердловск, 1973.

⁶⁰ *Баженова Н. Н.* Партийное руководство средним специальным образованием на Урале в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Дис. ... к.и.н. – Свердловск, 1988.

⁶¹ *Токарева Ю. С.* Роль партии в воспитании патриотизма учащихся: Из жизни общеобразовательной школы в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Пермь, 1962; *Кузьмин Н. Н.* Из истории средней школы Кургана в период Великой Отечественной войны и в послевоенное время // Учен. зап., посвященные 300-летию городов Кургана и Шадринска. – Курган, 1962; *Грачева О. Н.* Руководство партийными организациями Урала народным образованием в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис. ... к.и.н. – Свердловск, 1965; *Иванова Г. А.* Общеобразовательная школа в Башкирии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1972; *Гузненко З. И.* Партийное руководство учебным процессом в общеобразовательных школах в годы Великой Отечественной войны // Роль партийных организаций Урала и Западной Сибири в развитии народного образования и культуры. – Свердловск, 1981; *Плотников И. Ф.* Народное образование и культура Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Развитие школы: опыт партийного руководства, проблемы, задачи. – Свердловск, 1989.

⁶² *Сперанский А. В.* Театральные учреждения Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в период Великой Отечественной войны. – Свердловск, 1986; *Семочкина Е. И.* Челябинские художники в Великой Отечественной войне // Седьмые Бирюковские чтения, посвященные 250-летию Челябинска. – Челябинск, 1987.

⁶³ *Кондауров И. А.* Боевая доблесть коммунистов и комсомольцев Урала. 1941–1945. – Пермь, 1975; *Айнутдинов С. Х.* Священную клятву держали. – Свердловск, 1982; *Корзников А. И.* Уральцев слава боевая. – Свердловск, 1985.

⁶⁴ *Мошкин Н. А.* Патриотизм трудящихся Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. – Ижевск, 1956; *он же:* Во имя Победы ... – Ижевск, 1968; *он же:* Организационно-партийная и идеологическая работа Удмуртской парторганизации в годы Великой Отечественной войны. – Ижевск, 1985.

⁶⁵ *Ахмадиев Т. Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. – Уфа, 1984.

⁶⁶ Урал – фронту / Ред. А. В. Митрофанова. – М., 1985.

⁶⁷ *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 91.

⁶⁸ *Мельников Н. Н.* Танковое производство на Урале в 1940–1945 гг.: история становления и развития: Автореф. ...к.и.н. – Екатеринбург, 2005.

⁶⁹ Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней/ Под ред. А. В. Сперанского. – Екатеринбург, 2008.

⁷⁰ *Пасс А. А.* Кооперативная промышленность и торговля на Урале в 1939–1941 гг. – Челябинск, 2000; *он же:* Война и кооперация. Промысловые артели и потребительские общества на Урале в 1941 – 1945 гг. – Челябинск, 2000.

⁷¹ Население России и СССР: Новые источники и методы исследования. – Екатеринбург, 1993; Население Урала. XX век. История демографического развития. – Екатеринбург, 1996.

⁷² *Корнилов Г. Е.* Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. – № 3; *он же:* Война и уральское село. Проблемы демографического развития. – Екатеринбург, 1993. – С. 94 – 102.

⁷³ *Потемкина М. Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. – Магнитогорск, 2002.

⁷⁴ *Палецких Н. П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск, 1995; *она же:* Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск, 2007.

⁷⁵ *Павленко Г. К.* Юные гвардейцы тыла. Трудовые резервы Урала – фронту. 1941–1945. – Челябинск, 2004.

⁷⁶ *Кириллов В.М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в 1920–1950-е гг. – Ч. 1–2. – Нижний Тагил, 1996; *он же:* История репрессий на Урале. 1920-е – начало 1950-х гг. (на материале Нижнетагильского региона). Автореф. ...д.и.н. – Екатеринбург, 1996.

⁷⁷ *Разинков С. Л.* Социальный портрет и судьбы советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941–1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных. Автореф. ...к.и.н. – Екатеринбург, 2001.

⁷⁸ *Гончаров Г. А.* Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. – Челябинск, 2006; *он же:* «Трудармия» на Урале в годы Великой Отечественной войны: состав и численность // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. – Том 1. – Челябинск, 2007.

⁷⁹ *Суржикова Н. В.* Иностранцы военнопленные второй мировой войны на Среднем Урале (1942 –1956 гг.). – Екатеринбург, 2006.

⁸⁰ *Вольхин А. И.* Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Автореф. ...д.и.н. – Екатеринбург, 2001.

⁸¹ *Трифонов А. Н.* Продовольственное положение на Урале в период Великой Отечественной войны. – Екатеринбург, 1993.

⁸² *Денисевич М. Н.* Война и голод // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. – Екатеринбург, 1995; *Корнилов Г. Е.* Питание и смертность сельского населения в годы Великой Отечественной войны // 50-летию победы. Тезисы докладов научно-практической конференции. – Челябинск, 1995. – С. 80–83.

⁸³ *Сперанский А. В.* В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Екатеринбург, 1996.

⁸⁴ *Бирилов Г. С.* Пермская церковь в годы Великой Отечественной войны // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной истории Прикамья в годы Великой Отечественной войны. – Пермь, 1991; *Нечаев Г. М.* Пермская епархия в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. – Екатеринбург, 1995; *Чумаченко Т. А.* Новая религиозная политика советского правительства: положение в уральской деревне в 1940-е годы // Летопись уральских деревень. – Екатеринбург, 1995; *она же:* Государство, Православная Церковь, верующие. 1941–1961 гг. – М., 1999; *Корнилов Г. Е.* Религиозные представления крестьян накануне и в годы Великой Отечественной войны // Менталитет и аграрное развитие России. – М., 1996.

⁸⁵ *Сперанский А. В.* Религия и власть в годы Великой Отечественной войны: проблема взаимоотношений (на материалах Урала) // 50-летию Победы. Тезисы докладов научно-практической конференции. – Челябинск, 1995; *он же:* Православие и Вооруженные Силы: патриотическое движение духовенства и верующих Урала в годы Великой Отечественной войны // Армия и религия. Екатеринбург, 1996; *он же:* Русская православная церковь и война: проблема патриотизма // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры. 600-летию памяти святителя Стефана Великопермского. – Т. 1. – Пермь, 1997; *он же:* Процесс религиозного возрождения на Урале в годы Великой Отечественной войны // Культурное наследие Российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья. – Екатеринбург, 1998; *он же:* Новая религиозная политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны: противоречия компромисса. // Роль органов и войск государственной безопасности в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Екатеринбург, 2005. – С. 56–66; *он же:* Власть, Церковь, Народ:

единство во имя Победы // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург, 2008. С. 97–138.

⁸⁶ Федорова А. В. Оренбург годы Великой Отечественной войны. – Оренбург, 1995.

⁸⁷ Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / Ред. А. В. Сперанский. – Екатеринбург, 2005.

⁸⁸ Дементьев Б. П. Идеологическая работа партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Свердловск, 1990.

⁸⁹ Могутнов В. П. Владеть оружием учились на Урале (Войсковая подготовка резервов на Урале в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945). – Часть I. – Курган, 1998; *он же*: Владеть оружием учились на Урале (Вневойсковая подготовка резервов на Урале в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945). – Часть II. – Курган, 1998; *он же*: Война. Урал. Резервы (1941–1945 гг.). – Курган, 1999; *Он же*. Подготовка резервов для фронта в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) (на материалах Урала). Автореф. ...д.и.н. – Челябинск, 2000.

⁹⁰ Павленко В. Д., Павленко Г. К. Огненный рубеж фронта и тыла. Челябинская область в 1941–1945 гг. – Челябинск, 2005.

⁹¹ Аюлов Р. С. Республика Башкортостан в годы Великой Отечественной войны. – Уфа, 1994.

⁹² Сперанский А. В. Опорный край державы // Урал в панораме XX в. / Ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург, 2000; *он же*: Священная война // Военная история Урала. События и люди / Ред. А. В. Сперанский. – Екатеринбург, 2008.

⁹³ Якунцов И. А. Урал в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Пермь, 2003.

⁹⁴ Урал ковал победу. Сборник-справочник / Ред. П. Г. Агарышев. – Челябинск, 1993.

⁹⁵ Урал в Великой Отечественной войне / Ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург, 1995; Урал в стратегии Второй мировой войны / Ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург – Каменск-Уральский, 2000; Урал в военной истории России: традиции и современность / Под ред. А. В. Сперанского. – Екатеринбург, 2003; Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности / Ред. А. В. Сперанский. – Екатеринбург, 2005; Подвиг Урала в исторической памяти поколений / Ред. А. В. Сперанский. – Екатеринбург, 2010.

⁹⁶ *Макаренко П. В.* Механизм внешнеполитических решений в Советской России в начале 1920-х годов // Отечественная история. 2008. – № 4. – С. 144.

⁹⁷ *Волкогонов Д. А.* Семь вождей. В 2 кн. Книга 1. – М., 1996. – С. 260.

⁹⁸ См.: ГАРФ. Ф. Р-9401с/ч., оп. 1, д. 65, л. 311–314; Д. 68, л. 102; Д. 134, л. 233–238; Д. 234, л. 60–65. «Особая папка» Сталина – документы оперативного делопроизводства Секретариата НКВД СССР, имеющие гриф «Секретно» и «Совершенно секретно».

⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446, оп. 88.

¹⁰⁰ ГАУ ГАНИСК. Ф. 1, оп. 2, л. 307–322.

¹⁰¹ *Курносов А. А.* Источники по истории всенародного сопротивления в тылу немецко-фашистских захватчиков (1941–1945 гг.) // История СССР. 1965. – № 3. – С. 78.

¹⁰² ЦДНИКК. Ф. 4372, оп. 1, д. 17-а.

¹⁰³ *Курносов А. А.* Указ. соч. – С. 78–80.

¹⁰⁴ *Линец С. И.* История организации партизанского движения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: состояние и перспективы исследования проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. – № 2. – С. 28.

¹⁰⁵ РГУ ГАКЧР. Ф. Р-868.

¹⁰⁶ Нюрнбергский судебный процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. – М., 1957–1961. Т. 1–7; Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в восьми томах. – М., 1987–1995. Т. 1–8 и др.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. М-1, оп. 53, л. 196–202 и др.

¹⁰⁸ ГУ НАРА. Ф. Р-4, оп. 2, д. 12, л. 11 и др.

¹⁰⁹ РГВА. Ф. 32885, 38650, 38654.

¹¹⁰ ЦДНИКК. Ф. 1774-А, оп. 2, д. 1136, 1410, 1955.

¹¹¹ ГАКК. Ф. Р-469, оп. 1, д. 1, л. 1.

¹¹² С 1958 г. – Бурятская АССР, с марта 1991 г. – Республика Бурятия.

¹¹³ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 196, оп. 14, д. 290, л. 1.

¹¹⁴ История Бурятской АССР, Т. II. Улан-Удэ, 1959. – С. 466.

¹¹⁵ История Сибири. – Т. 5. Л., 1969.

¹¹⁶ *Васильев Ю. А.* Сибирский арсенал. Деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышленности в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Свердловск, 1965; *Анисков В. Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту 1941–1945. Барнаул, 1966; *Акулов М. В.* Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной

войны (1941–1945 гг.). Ставрополь, 1967; *Докучаев Г. А.* Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. – Новосибирск, 1968; *Докучаев Г. А.* Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. – М., 1973.

¹¹⁷ *Кузнецов И. И.* Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1974.

¹¹⁸ История Бурятии. – Т. 2. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1959.

¹¹⁹ Очерки истории Бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ, 1970.

¹²⁰ Очерки истории культуры Бурятии. – Т. 2. – Улан-Удэ, 1974.

¹²¹ *Шоткинова З. Л.* Бурятский народ в Отечественной войне Советского Союза. Иркутск, 1944; *Игнатьев С. Д.* Экономические ресурсы Бурят-Монголии и задачи их освоения в условиях Отечественной войны. – Улан-Удэ, 1943; *Санжиев Б. С.* Агитационно-пропагандистская работа в Бурят-Монголии // Пропагандист. 1943. – № 7–8.

¹²² *Бартанова А. А.* Женщины Советской Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1952; *Митупов Б.-М. М.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.). – Улан-Удэ, 1958; *Хомхолов Б. Х.* Советская Бурят-Монголия в единой семье народов СССР. – Улан-Удэ, 1958; *Дылыков Ю. А.* Славный путь комсомола Бурятии. – Улан-Удэ, 1963.

¹²³ *Митупов Б.-М. М.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.). – Улан-Удэ, 1958. – С. 97.

¹²⁴ 20 лет Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1943; Бурят-Монголия за 30 лет Советской власти. – Улан-Удэ, 1947; 30 лет Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1953; Бурят-Монголия к 40-летию Великого Октября. – Улан-Удэ, 1957; 300 лет нерушимой дружбы. – Улан-Удэ, 1959; Бурятия славит Октябрь. – Улан-Удэ, 1967; Бурятия шагает в коммунизм. – Улан-Удэ, 1973.

¹²⁵ *Золотов А. К.* Бурятия в годы Великой Отечественной войны. – Улан-Удэ, 1963.

¹²⁶ Он же. Бурятия в годы Великой Отечественной войны. – Улан-Удэ, 1965.

¹²⁷ *Цыренов Д. М.* Кавалеры Красной Звезды. – Улан-Удэ, 1995.

¹²⁸ *Базаржапов В. Б.* Буряты на службе Отечеству. – Улан-Удэ, 2005.

¹²⁹ *Базаржапов В. Б., Занданова Д. О., Карташев Л. С.* От Подмоскovie до Кенигсберга. 83-я гвардейская Городокская Краснознаменная, ордена Суворова дивизия. – Улан-Удэ, 2005.

¹³⁰ *Безносос В., Наукин А., Тармаханов Е., Четчин П.* Гигант Бурятии. – Улан-Удэ, 1960; *Горбатенко Т., Горбунов В., Митупов Б.* 25 лет Улан-Удэнскому стекольному заводу. – Улан-Удэ, 1962; *Сперанский Н., Харченко Г.* Первенец мясной индустрии Востока. – Улан-Удэ, 1964.

¹³¹ *Болотов А. Н.* Улан-Удэнские стеклоделы. – Улан-Удэ, 1984.

¹³² *Буянтуев Б. Р., Раднаев Г. Ш.* Советская Бурят-Монголия (Экономико-географический очерк. Улан-Удэ, 1957; *Туйск А. Г.* Развитие горной промышленности Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1961; *Ознобин Н.* Бурят-Монгольская АССР. – Улан-Удэ, 1956; *Буянтуев Б. Р., Дерюгина В. Н., Раднаев Г. Ш.* Очерк народного хозяйства Бурятии. – Улан-Удэ, 1963.

¹³³ *Шулунов Ф. И.* Формирование промышленности Бурятии и ее развитие в послевоенный период. – Улан-Удэ, 1969.

¹³⁴ *Тармаханов Е. Е., Санжиева Т. Е.* Историография истории Бурятии: Уч. пособие. – Улан-Удэ, 2009.

¹³⁵ *Тармаханов Е. Е.* Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии (1938–1958 гг.). – Новосибирск: Наука, 1979.

¹³⁶ *Балдано М. Н.* Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991 гг.): достижения, издержки, уроки. – Улан-Удэ, 2001.

¹³⁷ *Митупов К. Б.-М.* Становление социалистической социальной структуры Бурятии. 1938–1960 гг. – Новосибирск: Наука, 1986.

¹³⁸ *Санжиева Т. Е.* Электрификация Советской Бурятии (1923–1983 гг.). – Улан-Удэ, 1986.

¹³⁹ Рабочий класс Бурятской АССР / Отв. ред. Е. Е. Тармаханов. – Иркутск, 1985; Рабочий класс Бурятии (1917–1985 гг.) / Отв. ред. Е. Е. Тармаханов. – Улан-Удэ, 1999.

¹⁴⁰ *Высотина Е. А.* Материально-бытовое положение рабочих // Бурятия в годы Великой Отечественной войны. Материалы конф., посвященной 55-летию Победы советского народа над немецким фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Улан-Удэ, 2000; Она же. Система трудовых резервов Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Вестник БГУ. Сер. История. 2005; Она же. Основные тенденции развития промышленности и рабочих Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Индустриальное развитие Сибири в контексте модернизационных процессов: материа-

лы науч. конф., посвященной 85-летию профессора Е. Е. Тармаханова. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007; Она же. Решение проблемы обеспечения рабочими кадрами промышленности Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Индустриальная модернизация аграрных регионов Сибири. Материалы межрегиональной научной конференции. – Улан-Удэ, БГУ, 2009 и другие.

¹⁴¹ *Зайцева Л. А.* Сельское хозяйство Бурятии 1930–1950-е гг. – Улан-Удэ, 1996.

¹⁴² *Тармаханов Е. Е., Гордина И. В.* Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны. Проблемы занятости. – Улан-Удэ, 2008.

¹⁴³ *Панчуков А. П.* История начальной и средней школы Восточной Сибири. – Улан-Удэ, 1959; *Дуринова Г. А.* Пионерское движение в Бурятии. – Улан-Удэ, 1962; *Боянова В. Р.* Развитие здравоохранения г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 1970.

¹⁴⁴ Очерки истории культуры Бурятии. – Т. 2. – Улан-Удэ, 1974.

¹⁴⁵ *Санжиев Б. С.* Общественно-политическая жизнь в Бурятии в канун и в годы Великой Отечественной войны. Иркутск, 1995; *Базаров Б. В.* Общественно-политическая жизнь в 1920–1950 гг. и развитие литературы и искусства в Бурятии. – Улан-Удэ, 1995.

¹⁴⁶ *Балдано С. В.* Формирование и развитие художественной интеллигенции Бурятии (1923–1991 гг.). – Улан-Удэ, 2008.

¹⁴⁷ *Базаржапов В. Б.* Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск, 1981.

¹⁴⁸ *Базаржапов В. Б.* Рабочий класс и крестьянство национальных районов Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.). – Улан-Удэ, 1985.

¹⁴⁹ *Тармаханов Е. Е., Санжиева Т. Е.* Историография истории Бурятии: Уч. пособие. – Улан-Удэ, 2009. – С. 150.

¹⁵⁰ *Базаржапов В. Б.* Крестьянство Бурятии в годы Великой Отечественной войны. – Улан-Удэ, 1996.

¹⁵¹ Он же. Была живая жизнь (Бурятия в 1939–1945 гг.). – Улан-Удэ, 1998.

¹⁵² Он же. Трудовой подвиг тыла. – Улан-Удэ, 2000.

¹⁵³ Там же. – С. 157.

¹⁵⁴ *Базаржапов В. Б.* Возращение на круги своя. Из истории Советской Бурятии. – Улан-Удэ, 2009.

¹⁵⁵ Бурятия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док. / под. ред. А. А. Бадиева. – Улан-Удэ, 1975;

Культурное строительство в Б-МАССР (1917–1981 гг.): документы и материалы. – Улан-Удэ, 1983; Бурятская областная организация КПСС. Хроника: 1895–1987.: в 2 кн. / Под ред. Б. Б. Батуева, Г. Л. Санжиева. – Улан-Удэ, 1988; История комсомола Бурятии 1920–1991 гг. – Кн. 1: сб. док. / Под. ред. В. М. Пыкина. – Улан-Удэ, 1993; Книга Памяти: в 8 т. – Улан-Удэ, 1994–2005; Женщины Бурятии: цифры и факты. – Улан-Удэ, 2001; Из истории религиозных конфессий Бурятии XX века: сб. док. / Под ред. Л. Я. Баранниковой, Ю. П. Шагдурова. – Улан-Удэ, 2001; Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны: документы и воспоминания / Под. ред. В. Ц. Лыксоковой. – Улан-Удэ, 2005 и другие.

¹⁵⁶ *Коробенкова Н. Д.* Черное крыло плена. – Челябинск, 2000.

¹⁵⁷ Бурятия в годы Великой Отечественной войны. Тезисы и материалы докладов и сообщений респ. науч.-практ. конф., посвященной 55-летию Победы советского народа над немецким фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Улан-Удэ, 2000. – С. 171.

¹⁵⁸ Великая Победа великого народа: материалы респ. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Улан-Удэ, 2005.

¹⁵⁹ *Дугин А. Н.* Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. – № 7. – С. 90–101; *Бугай Н. Ф.* 40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД – МВД СССР) // История СССР, 1992. – № 1. – С. 122–143; *Земсков В. Н.* Репатриация советских граждан в 1945–1946 годах. Опираясь на документы // Россия XXI век. 1993. – № 4. – С. 145–194; Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. 1990–1992. – М., 1993. – С. 159.

¹⁶⁰ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1970. – Т. 3. – С. 171.

¹⁶¹ См.: Известия ЦК КПСС. – М., 1989. – № 3. – С. 128–170.

¹⁶² См. «Особая папка» Сталина по материалам Секретариата НКВД-МВД СССР 1944–1953 годов. Каталог. 1994 и другие.

¹⁶³ Документы из архивов. Депортация. Берия докладывает Сталину // Коммунист, 1991. № 3; «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...» Л. Берия – И. Сталину // История СССР. 1991, № 1; 40–50-е годы: трагедия народов // Восток, 1992. № 2; Досье «Востока» 20–40-е годы: трагедия народов // Восток. 1992. № 2; 40 – 50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР).

/Сост. Бугай Н. Ф. – История СССР. 1992, № 1; Судьба иранцев-граждан СССР // Обозреватель, 1994. № 14 и другие.

¹⁶⁴ См. Документы к серии «Народы и культура». Вып. XII. Депортация народов СССР (1930–1950-е годы). – Ч. 1. – М., 1992.

¹⁶⁵ См. «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселения...». Л. Берия – И. Сталину // История СССР. – № 11. 1991 и другие.

¹⁶⁶ СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. – М., 1989; Всесоюзная перепись населения 1937 года Краткие итоги. М., 1991; «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений... Л. Берия – И. Сталину». // История СССР. 1991. № 11; 40–50-е годы. Депортация народов в восточные районы Российской Федерации (историография, документы, комментарии) // Вестник Челябинского университета. Серия 1. – Челябинск, 1991. – № 2; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии. – М., 1992; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992; Документы из архива. Депортация. Берия докладывает Сталину // Коммунист. 1993. № 3; Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации 1990.

1992. Документы и материалы. – М., 1993; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. Новосибирск, 1993; Спецпереселенцы в СССР в 1944 г. или год большого переселения. (Документы) // Отечественные архивы. – М., 1993. – № 5; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. – Т. 1. – Кн. 2. – М., 1995; Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. – Варшава. Москва, 2003 и другие.

¹⁶⁷ Отдельные положения, излагаемые исследователем Ж. А. Ермакбаевым, как и автором предисловия к его книге Нурсаном Алимбаем, касающиеся оценок процесса депортации чеченцев и ингушей, их пребывания в Казахской ССР, «нахождения малочисленных народов, имеющих свои исконные территории под протекторатом доминирующих этносов», мало соответствуют истинному положению дел (См. *Ермакбаев Ж. А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы.* Алматы: Дайк-Пресс, 2009.).

¹⁶⁸ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). – Т. 1. – М., 1993.

¹⁶⁹ История российских немцев в документах (1793–1992 гг.). – М., 1993. – С. 430.

¹⁷⁰ Составители сборника *И. В. Нам, Н. И. Наумов, Б. П. Тренин*.

¹⁷¹ Депортация народов Крыма. – М., 2002. (Сост. *Н. Ф. Бугай*); Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений. 1922–1939 гг. Архивные документы и комментарии. М., 2009. / Сост. В. Г. Чеботарева (опубликована большая подборка документов о положении в Республике немцев Поволжья накануне Великой Отечественной войны») и другие.

¹⁷² См. *Сталин И. В.* Соч. – М., 1951. – С. 258.

¹⁷³ См., например, *Бугай Н. Ф.* Социальная натурализация и этническая мобилизации (опыт российских корейцев). – М., 1998. – С. 213–328; Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. – М.: «Новый хронограф». 2000 и другие.

¹⁷⁴ Польша и Украина в 30–40-х годах XX в. Неизвестные документы из архивов спецслужб. Переселение поляков и украинцев. – Варшава, 2000.

¹⁷⁵ См. *Шаповал Ю.* ОУН і УПА на терені Польщі. 1944–1947. – Киев, 2000

¹⁷⁶ См. подробнее: рец. *Широков С.* Без ретуши и перекосов // Комсомолец Калмыкии. – № 56 (139). 2003, 10 декабря; Отечественная история, – № 2. – М., 2004. Этот же аспект проблемы рассматривается и в книге: «Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа. Сборник документов». –Нальчик, 2003.

¹⁷⁷ См. рецензию подробно: *Репников А.* НКВД против польского подполья. Статья на сайте «Интернет». Следует заметить, что настоящий сборник явился продолжением документальной публикации «Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. 1939–1941 гг.». Варшава – Москва, 2001.

¹⁷⁸ *Балицкий В. А.* – комиссар государственной безопасности 1 ранга (26 ноября 1935 г.). Родился в Верхнеднепровске Екатеринославской губернии в семье бухгалтера. Окончил Тифлисскую школу прапорщиков (1915 г.). Член РСДРП с 1912 г. В декабре 1918 г. введен в состав коллегии Всеукраинской ЧК (ВУЧК) и назначен зав. отделом. С июля 1922 г. зам председателя, с сентября 1923 г. по июнь 1931 г. – председатель. ГПУ Украины и одновременно полпред ГПУ–ОГПУ ССР по Украине, в марте 1930 – ноябре 1930 г. – нарком внутренних дел Украинской ССР. С сентября 1930 г. – член ЦК ВКП (б). С июня 1931 г. по июль 1934 г. – зам. Пред ОГПУ при СНК СССР. С июля 1934 г. – нарком внутренних дел Украины. С 1934 г. – член ЦК ВКП (б). В мае 1937 г. переведен на Дальний

Восток нач. Управления НКВД по Дальневосточному краю. В июне 1937 г. был арестован и исключен из партии. В ноябре 1937 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР. Расстрелян. Не реабилитирован. (Лубянка. Сталин. – С. 667).

¹⁷⁹ См., например, *Нам И. В.* Культурно-национальные автономии в истории России. Документальный источник. Дальний Восток. 1921–1922. – Т. 2. – Томск.

¹⁸⁰ Книга памяти. Архивные списки депортированных российских корейцев в 1937 году. – Ч. 1. – М., 1997 и другие.

¹⁸¹ См. «Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему» (Иркутск, 2007). Составители: *Томилов В., Александров А., Растошинская Н., Спец Е., Терновая И.* Обобщил данные *Пронин Ю.* Иркутский след Большого террора // Байкальские вести. 23 декабря 2004.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае». – Барнаул. – Т. 1 (1998 – 1930 гг.); – Т. 2 (1941 – май 1945 гг.).

¹⁸⁶ Обречены по рождению... По документам фондов Политического Красного Креста. 1921 – 1922 год. Помощь политзаключенным. 1922–1937 гг. / Сост. Должанская Л., Осипова И. –С-Пб.: «Звезда», 2004; Книга памяти жертв политических репрессий Республики Татарстан. – Казань, 2004: В книге названы имена 3 092 граждан (из них 328 – расстрелянных, 325 чел. – погибших в заключении).

¹⁸⁷ См.: *Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938 гг.* – Кн. 1. – М.: Издательство «КимКор», 2000. и другие. – Автор и сост. Ку С., главный редактор Ли Хен Кын, редакционная коллегия: Сон Ж. Г., Сухоруков А. Н., Ким М.).

¹⁸⁸ См.: *Эркенов Э.* Чеченцы и ингуши: пакет документов // Шпион. 1993, № 1, 2; Кавказские орлы. (Обзор материалов о бандвижении на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР. (Алма-Ата, 1945). М.: «Мистикос», 1993; *Сидоренко В. П.* «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД». Документы о проведении спецоперации по депортации народов ЧИ АССР. 1943 – 1944 // Исторический архив. 2000. – № 3. – С. 66 – 69; История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Отв. ред. Б. Х. Бгажноков. – Нальчик: «Изд. М. и В. Котляровых». 2007; Россия XX век. Документы. М.: «Международный фонд «Демократия. Материк», 2007; Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953 / Сост. В. Н. Хаустова, В. П. Наумова, Н. С. Плотникова. Никита Хрущев. 1964: Стенограммы Пленума ЦК КПСС и другие документы / А. Н. Артизов;

¹⁸⁹ Репрессированные народы Советского Союза. Наследие сталинских репрессий. – Хельсинки. 1991, сентябрь и другие.

¹⁹⁰ «Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...». – М., 1992; Репрессированный народ ждет реабилитации // Набат Северо-запада (Петрозаводск) 1992. № 57 (154); Так это было. Сборник документов в 3-х томах. – М., 1993; «Нарымская хроника». 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания / Сост. и коммент. В. Н. Макшеева; под общ ред. А. И. Солженицина. – М.: «Русский путь», 1997; Книга памяти Республики Крым. В 8 томах. – Симферополь: «Таврида», 1994 – 1998; Книга Памяти / А. М. Пашков, В. Л. Подпечников. – Т. 5: О корейцах Сахалинской области, пострадавших от политических репрессий и депортации. – Южно-Сахалинск, 2000; *Тебуев Р.* Депортация карачаевцев. Документы рассказывают; Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа. Документы и материалы. (составители: Б. М. Зумакулов, А. Х. Каров, С. Н. Бейтуганов, А. И. Мусукаев). – Нальчик, 2001; *Курбанов М. Р., Курбанов Ж. М.* Дагестан: депортация и репрессии. – Махачкала, 2001; Культура и власть от Сталина до Горбачева; Президиум ЦК КПСС. – М., 2004. – Т. 1. – М., 2006. – Т. 2.; *Битюцкий В. И.* Реабилитация, возмещение ущерба и предоставление льгот жертвам политических репрессий / Народная ассамблея. – М., 2003; Ингуши: Депортация, возвращение, реабилитация. 1944–2004. Документы, материалы, комментарии. Магас: «Сердало», 2004; Воронежские сталинские списки: Книга памяти жертв политических репрессий Воронежской области. В 2-х т. / Сост. В. И. Битюцкого и другие. – Воронеж: «Центр духовного возрождения Черноземного края», 2007 и другие.

¹⁹¹ Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа. Документы и материалы. Нальчик, 2001 (сост.: Б. М. Зумакулов, А. Х. Каров, С. Н. Бейтуганов, А. И. Мусукаев). – Нальчик, 2001. – С. 5.

¹⁹² *Котов В. И.* Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1989. – С. 193–209; *Хатюшин В.* Урок на века: (о геноциде коллективизации: исторический очерк) // Москва. 1990. – № 3. – С. 154–164; *Кожин В.* Жернова насилия: Истинные наши потери 1917 по 1941 годы // Москва. 1994. – № 6. – С. 36–57; *Павлюченков С.* Социальная хирургия: «Красный террор» // Родина. 1998. – № 3. – С. 75–79; *Попов Н.* Спецпереселенцы (репрессии 30-х) // Родина. 2000. – № 12. – С.

20–23; *Ткаченко А. А.* История депортаций народов России // Российский демографический журнал. – № 1 и другие.

¹⁹³ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. – М.: «Капъ», 1994.

¹⁹⁴ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Начало сентября – 31 декабря 1941 г. – Т. 2. – М.: «Русь», 2000; Из Варшавы. Москва тов. Берия. Документы о польском подполье. 1941–1945 гг. – М., Новосибирск, 2001, и другие.

¹⁹⁵ См.: И. Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...». М.: «Дружба народов», 1991; О депортации народов из Прибалтики в 40–50-е годы // Молодая гвардия. – М., 1991. № 4. / Сост. Н. Ф. Бугай.

¹⁹⁶ *Котляр Э.* Думы о былом (о репрессивной политике 30-х годов в промышленности: главы из книги воспоминаний «Лишенные свободы») // Наука и жизнь. 1989. – № 1. – С. 20–28. См.: Книга памяти ссылки калмыцкого народа. – Т. 1. – Кн. 1-я. – Элиста, 1993; «Нарымская хроника» / Сост. В. Н. Макшеева. / Общ. редак. А. И. Солженицына. – М.: «Русский путь», 1997; Мы из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957). – Элиста, 2003; Москва-Крым: Историко-публицистический альманах. Специальный выпуск: Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. – Вып. 5. – М., 2003 900 дней в горах Крыма. Устная история. XX век глазами очевидца. Воспоминания комиссара партизанского отряда А. А. Сермуля. Комментарии, обработка и предисловие А. В. Мальгина. – Симферополь, 2004 и другие.

¹⁹⁷ См.: Репрессированные народы: история и современность. – Элиста, 1992; Репрессированные народы: история и современность. Нальчик, 1994; Российские греки: история и современность. – М., 1997, и другие.

¹⁹⁸ Социально-политические проблемы межнациональных отношений в СССР: теория и практика // Вопросы истории КПСС. – № 9. 1989.

¹⁹⁹ См. Крымская правда (Симферополь), 1992. – № 7–10.

²⁰⁰ *Бугай Н. Ф.* Вглядываясь в прошлое (по материалам международной конференции) // Обозреватель. – № 10–95. – М., 1995. – С. 75. Автор книги выступал на названной конференции с докладом: «Депортация народов Украины, Белоруссии и Молдавии» (См. Лагеря, принудительный труд и депортации. – Эссен, 1999).

²⁰¹ См. подробнее: *Балакаева Н. В.* реабилитации народов все еще много вопросов // Известия Калмыкии. 29 янва-

ря 2007. Автором книги был сделан доклад «Восстановление национальной государственности этнических общностей, подвергшимся репрессиям: вопросы теории и практики. (См. Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе. Материалы российской научной конференции. 12–14 января 2007). – Элиста, 2006.

²⁰² Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. – М., 1994, С. 169; *Бузгай Н. Ф.* Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт российских корейцев). – М., 1998. – С. 111 и другие.

Восстановленная документально картина событий показывает, что репрессии, в частности, принудительное переселение, другие формы коснулись в той или иной мере не обошли и русский народ, которому наряду с другими пришлось переносить и жертвы, и лишения, и разочарование в действиях функционировавшего режима власти.

В числе «изгнанников» оказались с одной стороны, те, кто располагал определенным статусом, оставаясь государствообразующими народами, имея свою государственность, «свое лицо» – карачаевцы, калмыки, немцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, народы Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии и другие.

Следующую группу составляли народы (корейцы, иранцы, поляки, болгары, греки, турки-месхетинцы, хемшилы, курды, финны-ингерманландцы и др.), проживавшие компактно в том или ином государственном образовании на территории Союза ССР.

Политика принудительных действий в отношении граждан разных национальностей нашла широкое применение.

²⁰³ См., например, *Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма.* – М., 1970; *Очерки истории Карачаево-Черкессии.* – Т. 2. Советский период. Черкесск, 1972; *Алиев И.* Шлейф бед и страданий // Так это было. В 3-х томах. – Т. 2. – М., 1993. –С. 7–36. Сборник «Национальные репрессии в СССР 1919–1952 год». Документы. Воспоминания. Фольклор. Публицистика. Проза. Поэзия. Драматургия. В 3-х томах. / Сост. С. У. Алиева; Дорогой горьких испытаний. К 60-летию депортации корейцев России. – М., 1997 и другие.

²⁰⁴ Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сборник документов. – Нальчик.

²⁰⁵ См.: *Грудцина А. В.* Партизанская быль. Нальчик, 1968; *Саренц Р. Г.* Непокоренный край. Ставрополь, 1962; Боевая слава Кабардино-Балкарии. Кн. III. Нальчик, 1966; *Занки-*

шев Х. Любовь рождала мужество // Кабардино-Балкарская правда, 1989 г.; *Розов Н.* Судьба режиссера // Понтоc, 1994, № 3; *Цкатишвили К. В., Чинчилакашвили Т. Г.* Герои Советского Союза из Грузии. – Тб., 1981; *Олесьюк Б.* Рыцари неба // Гудок. 27 марта 1988; *Обойщиков К.* Пяты героя – Григория Бахчиванжи // Понтоc. 1994. № 3; *Ставский В. П.* Рассказы о героях. – М., 1969; *Церковный М. Ф.* Героев подвиги бессмертны. – Киев, 1982; *Арменопулос Г.* Раздумья опального командира. – М., 1993; *Апостолиди К.* День нашей печали // Крымская правда, 25 июня 1991; Казахстанцы-защитники Брестской крепости. Алма-Ата, 1964; *Костоев Б.* Об Умаре Балкоеве // Сердало. 7 мая 1986; *Тумгоева Л.* Ингуши-защитники Брестской крепости // Ингушетия. 19 августа 1994; *Аушев Р.* Коварный замысел врага был разгадан // Голос Назрани. 27 марта 118; *Хашиев Т.* Вечная слава // Ингушетия. 8 сентября 1995; *Абдуллаев З.* Сокрушение идолов. – Грозный, 1992; Дорогой горьких испытаний. – М., 1997; *Майсагова Ж.* Дорога к звездам // Сердало. 21 августа 2001.

²⁰⁶ *Хан М.* Российские корейцы как субъект науки. Корейская диаспора // <http://www.arirang.ru/archive/kd/16/3.htm>.

²⁰⁷ *Костоев Б.* Об Умаре Балкоеве // Сердало. 7 мая 1986; *Тумгоева Л.* Ингуши-защитники Брестской крепости // Ингушетия. 19 августа 1994; *Аушев Р.* Коварный замысел врага был разгадан // Голос Назрани. 27 марта 1998; *Хашиев Т.* Вечная слава // Ингушетия. 8 сентября 1995; *Майсагова Д.* Дорога к звездам // Сердало. 21 августа 2001 и другие.

²⁰⁸ См. об этом: *Романов А.* Калмыки. Из выступления на III съезде Конфедерации репрессированных народов // Так это было. – Т. III. – М. 1993.

²⁰⁹ Калмыки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Элиста, 1996; Наши земляки – Герои Советского Союза. Элиста, 1967; *Медведев Р. А. Стариков С. П.* Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. – М. 1989. – С. 301–302; Боевой путь 11-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. – Элиста, 1976; *Скоробогатов В. П.* 28-я в боях за Калмыкию. – Элиста, 1968; *Романов А. С.* Восстанавливая справедливость // Известия Калмыкии. 28 октября 1999 и другие.

²¹⁰ Калмыки в Великой Отечественной войне... Док. № 304; В атаку поднимался первым. Документальная повесть. – Элиста, 1957; Они сражались за родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. – М.: «Новый хронограф», 2005. С. 125–143.

²¹¹ *Лайтанов К. Т.* Офицеры, сержанты, рядовые бойцы из Карачаевской автономной области на фронтах Великой Оте-

чественной... // Они сражались за родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. – С. 144.

²¹² См. *Мосер Н.* Первые незабываемые // «Нойес Лебен». 1977. – № 19; *Озеранер М.* Партизан Теодор Альбрехт // Нойес Лебен. 1977. – № 19; *Егоршев А.* Время звало к действию // Нойес Лебегн. 1980. – № 1;

²¹³ Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой отечественной войны. – М.: «Новый Хронограф»; 2005. – С. 341.

²¹⁴ См. *Сидоренко В. П.* Войска НКВД на Кавказе в 1941–1945 гг. Исторический опыт. Диссертация на соиск. уч. ст. к. и. н. С-Пб., 2000. – С. 203.

²¹⁵ *Бугай Н. Ф.* Курдский мир России: а политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение. (1917–2010 годы). С-Пб.: «Алетейя», 2012 и другие.

²¹⁶ Совет Народных Комиссаров БАССР. О производстве товаров широкого потребления из местного сырья и отходов в 1943 году. Постановление. – Уфа, 1943; Бюджет Башкирской АССР на 1944 и отчет об исполнении бюджета БАССР за 1941, 1942 и 1943 годы. – Уфа, 1944.

²¹⁷ Седьмая (юбилейная) сессия Верховного Совета Башкирской АССР. 25–26 марта 1944 г. Стенографический отчет. – Уфа, 1944; С. Вагапов. 25 лет Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета БАССР 26 марта 1944 г. – Уфа, 1944.

²¹⁸ На разгром врага: Материалы об участии колхозников Башкирии в строительстве самолетов-истребителей. – Уфа, 1943.

²¹⁹ Письмо трудящихся Башкирской АССР Иосифу Виссарионовичу Сталину. – Уфа, 1944.

²²⁰ Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1941–1960 гг.). – Уфа, 1962. – С. 38–176.

²²¹ Этапы большого пути. Комсомол Башкирии в цифрах и фактах. 1917–1970 гг. – Уфа, 1970.

²²² Археография Южного Урала. – Уфа, 1976. – С. 140–155.

²²³ Связи братские, интернациональные. Документы и материалы об интернациональных связях трудящихся БАССР с трудящимися зарубежных стран / Сост.: В. П. Иванков и другие. – Уфа, 1980.

²²⁴ Документы мужества и героизма: Башкирская АССР в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Сост.: Т. Х. Ахмадиев, Г. А. Валишина, Н. Г. Халтурина. – Уфа, 1980.

²²⁵ *Ихсан А.* На огненных копытах. Докум. повесть. Уфа, 1966; *Алибаев С.* Страницы дневника (Записки комиссара). - Уфа, 1971; *Кадиров С.* Через огонь и воды. Фронтовые записки. - Уфа, 1977. На башк. яз; он же. Орел Урала. - Уфа, 1985; *Белов Г. А.* Путь мужества и славы. 3-е изд., доп. - Уфа, 1985.

²²⁶ *Бирюков Н. И.* На огненных рубежах. - Уфа, 1969.

²²⁷ *Еникеев И.* Фронт за фронтом (Записки партизана). - Уфа, 1969; *Бикташев В. М.* Мы старше своей смерти. Записки узника Дахау. - Уфа, 1978.

²²⁸ *Гареев М. Г.* Штурмовики идут на цель. Изд. 5-е. - Уфа, 1990.

²²⁹ Башкирская областная организация КПСС в цифрах (1917–1987 гг.). - Уфа, 1987.

²³⁰ Письма далекой военной поры. - Уфа, 1990.

²³¹ Письма огненных лет. - Уфа, 2000. На башк. и рус. яз; Письма огненных лет. - Уфа, 2005. На башк. и рус. яз.

²³² Память: Записки фронтовика. - Уфа, 1991; *Ероносьян В. Е.* Не забудь нас, Родина! Заметки фронтового журналиста. - Уфа, 1993; *Ахметов Ф.* Наши погоны: Записки офицера. - Уфа, 1994; *Латыпов Р. Г.* Не ради славы. 2-е изд. Уфа, 1994; *Пстыго И. И.* Труженики неба. - Уфа, 1995; Годы боевые, годы трудовые: Сборник статей, очерков, воспоминаний о ветеранах войны и труда города Нефтекамска и Краснокамского района. - Уфа, 1995; Генералы Башкортостана. - Уфа, 1995; *Мурзин Д. Б.* Фронт в тылу врага. - Уфа, 2005 и другие.

²³³ Башкирия в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Сост.: Т. Х. Ахмадиев, Г. Д. Иргалин, Н. П. Каменев, Г. Р. Мухаметдинов. - Уфа, 1995.

²³⁴ Память. Списки погибших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. - Т. 1–22. - Уфа, 1994–2000.

²³⁵ Они вернулись с победой. Списки военнослужащих, вернувшихся живыми с Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. - Т. 1–14. - Уфа, 2001–2005.

²³⁶ Герои тыла. Списки тружеников, награжденных медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». - Т. 1–15. - Уфа, 2009–2010.

²³⁷ Легендарная 16-я (112-я) гвардейская Башкирская кавалерийская дивизия / Авт. -сост. М. А. Бикмеев. - Уфа, 2005.

²³⁸ Молодежное движение в Башкортостане. XX век. Сборник документов и материалов / Г. Р. Мухаметдинов, С. Н. Мурзаханова, Т. П. Лелюх, Р. И. Биканачева, А. М. Бакирова, З. М. Кузяшева, Р. А. Низамов, А. Г. Сафаргалина. - Уфа, 2005. -С. 89–139.

²³⁹ Навеки с Россией. Сборник документов и материалов: в 2 ч. - Ч. 2. - Уфа, 2008. -С. 149–225.

²⁴⁰ Хрестоматия по истории Башкортостана XX века. – Уфа, 2005. – С. 92–125.

²⁴¹ Женское движение в Башкортостане. 1941–2000: Сборник документов и материалов / Р. Н. Сулейманова, Ш. Н. Исянгулов. – Уфа, 2009. – С. 10–76.

²⁴² Материалы по истории башкирского народа. Т. VI. 1941–1985 гг. Сборник документов и материалов / Отв. ред. Р. Н. Сулейманова. – Уфа, 2009.

²⁴³ Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР. Стат. сборник. Уфа, 1959; Народное хозяйство и культурное строительство Башкирской АССР. Стат. сборник. Уфа, 1964; Башкирия за 50 лет. Стат. сборник. Уфа, 1969; Башкирия в Союзе ССР. Стат. сборник. – Уфа, 1972 и другие.

²⁴⁴ *Варюхин Г. А.* Об изучении истории местных Советов периода Великой Отечественной войны // Ученые записки Чувашского государственного педагогического института. Вып. 25. – Чебоксары, 1966. – С. 158–174.

²⁴⁵ *Кузьмин В. Л.* Чувашская АССР в годы Великой Отечественной войны (Краткий обзор литературы) // Вопросы истории Чувашии. Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИ). Вып. 4. – Чебоксары, 1975. – С. 316–337.

²⁴⁶ *Можаров Г. Г.* Комсомол Чувашии в годы Великой Отечественной войны (Краткий историографический обзор литературы) // Коммунисты Чувашии в годы Великой Отечественной войны. – Чебоксары, 1985. – С. 58–66.

²⁴⁷ *Сухова Е. В.* Проблема укрепления единства фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны (на материалах Марийской Мордовской и Чувашской республик) // Марийский археографический вестник. 2000. – № 10. – С. 132–140; *Григорьев А. Д.* Материальное положение и быт населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): историография и источниковедение проблемы. – Чебоксары, 2007.

²⁴⁸ Сыны чувашского народа в Отечественной войне. – Чебоксары, 1943; *Макаров С., Станюков В.* Михаил Сапожников, Герой Советского Союза. – Чебоксары, 1944; *Певенцев А., Ивич А. Мирон Ефимов.* – Чебоксары, 1944 и другие.

²⁴⁹ *Коренев П. А.* Опыт руководства колхозным производством (на примере сельхозартели «Марс» Яльчикского района ЧАССР). – Чебоксары, 1944.

²⁵⁰ *Галямина Е.* Семья патриотов. – Чебоксары, 1943; *С. Макаров.* Большое счастье. – Чебоксары, 1943.

²⁵¹ *Макаров С.* В гостях у бойцов Красной Армии. Делегация Чувашии на Западном фронте. – Чебоксары, 1942.

²⁵² Чувашский народ в помощь фронту. Сборник документов и материалов. Чебоксары, 1944; *Андреев М. А.* Чувашия в годы Великой Отечественной войны. – Чебоксары, 1945.

²⁵³ *Андреева З. А.* Советы Чувашии за 15 лет. – Чебоксары, 1945; *Матвеев А. М.* 25 лет Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. – Чебоксары, 1945; В братской семье народов СССР. – Чебоксары, 1950.

²⁵⁴ *Ижойкин А. Ф.* Подготовка кадров рабочих и повышение их квалификации в Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории Чувашии. Ученые записки ЧНИИ. Вып. 29. – Чебоксары, 1965. – С. 80–95.

²⁵⁵ *Кузнецов И. Д., Петров Г. П.* История Чебоксарского электроаппаратного завода. – Чебоксары, 1975. – С. 280.

²⁵⁶ *Румянцев М. В.* Трудовые подвиги комсомольцев и рабочей молодежи Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 22. – Чебоксары, 1963. – С. 75–89; *Михайлов П. М.* Комсомол Чувашии в годы Великой Отечественной войны. – Чебоксары, 1972.; Очерки истории Чувашской областной организации ВЛКСМ. – Чебоксары, 1978.

²⁵⁷ Наши земляки – Герои Советского Союза: сб. статей. – Чебоксары, 1964; Изд. 2-е, доп., 1968; Изд. 3-е испр. и доп. 1980.

²⁵⁸ Сыны Якутии в боях за Родину. Якутск, 1942. 52 с.

²⁵⁹ Они защищают Родину. Якутск, 1944. 66 с.

²⁶⁰ Все для фронта, все для победы: трудящиеся Якутской АССР в Великой Отечественной войне Советского союза. – Якутск, 1944. 42 с.

²⁶¹ *Мординов А. Е.* Якутия в Великой Отечественной войне. – Якутск, 1944. 52 с.

²⁶² *Петров Д. Д.* Якутская АССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.) // Очерки по истории Якутии советского периода. – Якутск, 1957. – С. 325–360.

²⁶³ Он же. Якутская АССР в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.) // История Якутской АССР. – Т. 3. – М., 1963. – С. 229–252.

²⁶⁴ Он же. Якутяне на фронтах Великой Отечественной войны Советского Союза. Якутск 1965. – 60 с.; Он же. Якутяне в боях на озере Ильмень. – Якутск, 1968. – 24 с.

²⁶⁵ *Избеков Д. Д.* Якутяне – герои Великой Отечественной войны. – Якутск, 1961. – 139 с.

²⁶⁶ Он же. Золотые звезды. – Якутск, 1972. – 280 с.

²⁶⁷ Он же. Полный кавалер ордена Славы. Якутск, 1965. – 36 с.; Он же. Якутяне в боях за Родину. Якутск, 1966. – 215 с.; Он же. Якутяне в небе фронтовом. Якутск, 1970. – 102 с.

²⁶⁸ *Боескоров Г. К.* Якутская художественная литература в годы Великой Отечественной войны. – Якутск, 1960. – 183 с.

²⁶⁹ *Степанов П. Д.* Слово партии в далеком тылу. Якутск, 1975. – 84 с.

²⁷⁰ Он же. Идеино-политическая работа Якутской Областной партийной организации в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). – Якутск, 1982. – 120 с.

²⁷¹ *Петров Д. Д.* Якутия в годы Великой Отечественной войны. – Ч. 1. Якутяне в боях с немецко-фашистскими захватчиками. – Якутск, 1979. – 356 с.

²⁷² Он же. Якутия в годы Великой Отечественной войны. – Ч. 2. Трудящиеся Якутии в тылу. – Якутск, 1992. – 320 с.

²⁷³ *Сивцева С. И.* Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941—1945 гг.). – Якутск, 2000.

²⁷⁴ *Горохов С. Н.* Народы Севера на фронтах Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: Вклад народов Якутии в победу над фашизмом: Мат. Научно-практич. конф., посвящ. 50-летию Победы в Великой Отечественной войне (Нерюнгри, 25 апр. 1995 г.). – Нерюнгри, 1995. – С. 32–35.

²⁷⁵ Он же. Героизм сынов Севера на фронтах Великой Отечественной войны. СПб, 2005.

²⁷⁶ Он же. Спецпереселенцы на Севере Якутии в годы Великой Отечественной войны. – Якутск, 1998.

²⁷⁷ *Христофоров В. А.* Оленекский район в годы Великой Отечественной войны // Оленекский улус: история, культура, фольклор. – Якутск, 2005. – С. 182–188; Аллаиха в годы Великой Отечественной войны // Аллаиховский улус: история, культура, фольклор. – Якутск, 2005. – С. 95–103.

ДОКУМЕНТЫ

К 70-летию Сталинградской битвы

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДВИГ СТАЛИНГРАДА.
ДОКУМЕНТЫ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 гг.**

Минуло 70 лет, когда на рубеже 1942–1943 гг. на территории около 100 тыс. кв. км, произошла грандиозная по своим масштабам и военно-политическим результатам Сталинградская битва.

Об обстановке тех дней дает представление запись в дневнике первого секретаря Сталинградского областного и городского комитетов партии А. С. Чуянова. «23 июня. На предприятых и в учреждениях, в колхозах и совхозах с новой силой продолжаются массовые митинги трудящихся, единых в своем стремлении сделать все для победы над фашистской Германией... Из Москвы начали поступать директивы мобилизационного порядка. Все они говорят об одном – неотложно направить всю мощь сталинградских заводов на службу фронту. Первый день призыва военнообязанных прошел организованно. Побывал на районных призывных участках. Настроение у людей боевое, все рвется на фронт, верят, что гитлеровцы будут быстро разгромлены»¹.

Уже в первые месяцы войны промышленные предприятия города выпускали до 80 видов военной продукции: танки, артиллерийские орудия, минометы, бронепоезда, снаряды, авиабомбы, мины и т. д. Сталинградский тракторный завод производил танки Т-34, артиллерийские тягачи, снаряды. На «Красном Октябре» изготавливались новые марки высококачественных сталей, брони, реактивные минометы «катюши», танки. Уже к 15 июля 1941 г. в сталинградское ополчение записалось 50 тыс. добровольцев. 13 октября 1941 г. в соответствии с решением ГКО началось создание оборонительных рубежей.

«Обильным потом и кровью – вспоминал секретарь обкома М. А. Водолагин – политы оборонительные рубежи на подступах к Сталинграду. Общее их протяжение 2572 км. ...Возведенные в донских и приволжских степях рубежи оказались на пути отхода солдат местами единственной возможностью зацепиться за землю – залечь в окопах за рвом, укрыться в дотах и дать бой»².

¹ Чуянов А. С. Сталинградский дневник 1941–1943. Волгоград, 1968. – С. 17.

² Сталинградская эпопея. – М., 1968. – С. 385.

К маю 1942 г. в действующей Красной армии было более 5,5 млн человек, свыше 4 тыс. танков, около 44 тыс. орудий и минометов, более 1 200 установок реактивной артиллерии и около 3 200 боевых самолетов. По состоянию на 1 мая 1942 г. противник на советско-германском фронте имел 6,2 млн солдат и офицеров, 43 тыс. орудий и минометов, более 3 200 танков и штурмовых орудий, 3 400 боевых самолетов. 3 января 1942 г. Гитлер в доверительной беседе с японским послом Осимой сообщил: «Лето является решающей стадией военного спора...»

К 17 июля 1941 г. на сталинградском направлении действовало 14 дивизий 6-й немецкой армии. Эта армия имела около 270 тыс. человек, три тыс. орудий и минометов (калибра 75 мм и крупнее) и до 500 танков. Ее действия поддерживала авиация 4-го воздушного флота (до 1 200 боевых самолетов). Им противостояли 12 дивизий 63-й и 62-й армий, в которых насчитывалось около 160 тыс. человек, 2 200 орудий и минометов и около 400 танков; 8-я воздушная армия имела 454 самолета, в том числе 74 воздушных бомбардировщика.

Советское командование, придавая сталинградскому направлению первостепенное значение, считало, что только упорной обороной этого района можно сорвать немецкие планы, обеспечить целостность всего фронта, удержать Сталинград. Учитывалось также, что в сложившейся обстановке сталинградское направление стало чрезвычайно выгодным в оперативном отношении, так как оттуда можно нанести весьма ощутимый удар во фланг и тыл группировке врага, продвигавшейся через Дон на Кавказ. Замысел Ставки на стратегическую оборону состоял в том, чтобы в упорных сражениях обескровить и остановить врага, не допустив его к Волге, выиграть время необходимое для подготовки стратегических резервов и выдвижения их в район Сталинграда с тем, чтобы в последующем перейти в решительное контрнаступление.

На отдельных этапах в битве с обеих сторон участвовало более 2,1 млн человек, свыше 26 тыс. орудий и минометов; 2,1 тыс. танков и свыше 2,5 тыс. боевых самолетов. Командование вермахта привлекло под Сталинград 1 млн 11 тыс. человек, 10 290 орудий, 675 танков и 1 216 самолетов. Битва под Сталинградом длилась двести дней и ночей (с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г.). Только пленных было взято около 144 тыс. чел. Была уничтожена 330-тысячная группировка войск. Всего противник потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести более 800 тыс. солдат и офицеров.

По оценке И. В. Сталина, «Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы уже не могли оправиться»³.

* * *

В декабре 1941 г. по инициативе секретаря ЦК, МК и МГК ВКП (б) А. С. Щербакова при Московском комитете партии была создана Комиссия по истории обороны Москвы. В 1942 г. уже при Академии наук была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны. Комиссии по сбору материалов по истории войны были созданы также при ЦК ВЛКСМ, наркоматах, в армии и на флоте, в областях, краях и республиках. В 1943–1944 гг. такие комиссии были созданы в освобожденных районах.

В Российском Государственном архиве социально-политической истории в 17-м фонде⁴ хранится направленный Секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову документ следующего содержания:

«Решением МК ВКП(б) в декабре 1941 г. была создана Комиссия по составлению истории Обороны Москвы. Работа Комиссии уже с первых дней переросла рамки первоначального задания. Нельзя было писать [ее], не изучив Тульской и Калининской операций [и без помощи всего Советского Союза. На местах были созданы свои комиссии. Сведения собирали и в дивизиях, но они были переброшены на другие фронты. В связи с этим] Московская Комиссия расширила работу.

В системе Академии наук СССР была создана группа научных сотрудников по собиранию и систематизации материалов Отечественной войны. Все это привело к тому, что Комиссия по составлению истории обороны Москвы, по существу, превратилась в общую комиссию по собиранию материалов по истории всей Великой Отечественной войны. Назрела необходимость создать такую комиссию, на которую возложить собирание материалов по истории Великой Отечественной войны.

Проект Постановления ЦК ВКП(б) прилагаю.

Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Александров. 11 февраля 1943 г.»

Еще один документ на бланке Секретариата свидетельствует о следующем:

«Совершенно секретно. На голосование вкруговую. Без даты (проект). Слушали – о Комиссии по истории Отечественной войны.

³ Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Издание пятое. – М., Воениздат, 1948. – С. 113.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д.204. Л. 1.

Постановили:

1. Создать Комиссию по истории Великой Отечественной войны в следующем составе: Ярославский Г. Ф., Шикин И. В., Поспелов П. Н., Александров Г. Ф., Рогов И. В., Минц И. И., Пономаренко П. К., Маханов А. И., Митин М. Б, Михайлов Н. А.

2. Поручить Комиссии собирание материалов по истории Отечественной войны; составление истории обороны Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Тулы, Севастополя, Одессы; составление Хроники событий Великой Отечественной войны; составление истории отдельных боевых частей, в первую очередь гвардейских.

Г. Александров».

Сформированная комиссия собирала материалы по истории действующих боевых частей, партизанских соединений, о героическом труде советских людей. Усилиями советских ученых в годы войны закладывалась основа будущих трудов о Великой Отечественной войне. Большая работа по сосредоточению материалов о деятельности компартии в условиях войны проводилась Институтом Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) и его филиалами.

Ем. Ярославский, разбирая работу Комиссии, отмечал:

«На закончившейся недавно сессии Академии наук СССР в Свердловске член-корреспондент Академии наук И. И. Минц сделал сообщение о работе комиссии по собиранию и подготовке материалов по истории отечественной войны. ...Материалы отечественной войны – это не только документы, характеризующие бои на том или ином участке фронта; это не только материалы о героических подвигах бойцов, командиров и комиссаров Красной Армии и Красного Флота; это не только история движения войсковых частей, наступления и отступления, побед и поражений; это не только история партизанской войны в тылу у врага. Суровая обстановка, в которой живет весь советский народ, ни на минуту не должна отодвигать перед учеными, перед историками СССР задачи изучения, исторического обобщения, анализа огромного исторического материала».

Сотрудники комиссии, в их числе ученые Института истории АН СССР, записывали беседы с военачальниками, политработниками и солдатами непосредственно по следам боев, выезжали в только что освобожденные от немецкой оккупации районы. Записи бесед – каждая по объему от 5–6 до 20–30 и более страниц машинописного текста. Комиссия ставила перед собой патриотическую задачу: «...во что бы то ни стало добить-

ся того, чтобы все гвардейские части и каждая дивизия имели записанную боевую историю»⁵. И хотя эти документы носят личностный, в определенном смысле субъективный характер, как со стороны автора, так и того, кто записывал беседу, тем не менее, они представляют значительный интерес для исследователя, так как передают непосредственную атмосферу того времени, фиксируют психологию участников событий.

Комиссия была ликвидирована в ноябре 1945 г. В соответствии с постановлением Президиума АН СССР, функции комиссии были переданы Сектору по изучению истории Великой Отечественной войны под руководством И. И. Минца. В структуре Научного архива Института истории АН СССР был создан фонд №2, где до сегодняшнего дня хранится уникальная коллекция из 17 422 дел, систематизированных по 13 тематическим разделам. Этот массив документов в архиве Института российской истории РАН все еще в должной степени не изучен и бесспорно остается важным источником для осмысления событий войны.

В книге представлены (в извлечениях) материалы бесед сотрудников комиссии с непосредственными участниками Сталинградской битвы – от высших командиров до рядовых. Публикуемые в извлечениях документы – это уникальные свидетельства защитников Сталинграда.

При публикации документов сохранен стиль живого разговора, рассказа участников событий, а также и стиль записи того или иного сотрудника Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Допущенные исправления в текстах обусловлены необходимостью некоторого сокращения (вследствие значительного объема), а также орфографическими и стилистическими несоответствиями.

Документ №1

«Национальный состав – русские, много сибиряков было, процентов 70 было русских, процентов 10 украинцев, а остальные националы. Лучше всего дерутся русские». Из беседы (сотрудников Комиссии) с генерал-лейтенантом Василием Ивановичем Чуйковым – командующим 62-й армией. 5 января 1943 г. Сталинград.

[...]. Первый бой 64-й армии был неудачным. Тут причины таятся выше нас. Прибыли мы 17-го, 19-го получили приказ

---

⁵ *Архангородская Н. С., Курносоев А. А.* «История воинских частей» в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 1984 г. – М., 1986. – С.174–175.

выйти и занять оборону, когда у нас еще 10% частей не прибыло, и к началу боев было сосредоточено максимум процентов 60. Части двигались по 200 км от станции разгрузки и фактически вступали с хода в бой. Начальство было слишком капризное, пришлось несколько пострадать. Как раз это дело было с Гордовым. 64-я армия избежала катастрофы, которая постигла 62-ю на том берегу, я ее вывел. Это поняли как безалаберное отступление, а фактически я вытащил армию из-под огня, а за то, что они этого не сделали, поплатилась 51-я и многие дивизии. 64-я свой костяк сохранила. Были потери, но без потерь ничего не делается. Уезжать я с фронта никуда не хотел, будь что будет. Тогда группа была организована из остатков 51-й, 64-й армий по направлению Котельникова. Там дрались. Здорово он нам дал жару. Фронтное командование не учло направления, хотя тов. Сталин предупреждал Гордова и всех, что Цымлянская – это первое важнейшее направление противника. Оттуда появилась колоссальная моторизованная группа немцев, которая двигалась с Цымлянской на Сталинград. Не было принято соответствующих мер. Тут начинают собирать и что-то бросать. Бросили меня с группой. Вначале было четыре дивизии, потом семь. Мы противника задержали, дали возможность сделать рокировку и план противника ударом через Котельниково на Сталинград был сорван, то есть мы его затормозили, накромяли большое количество танков, уложили не один десяток тысяч пехоты, особенно румын, тем самым обеспечили его отход оттуда. Этого мы достигли, прежде всего, быстротой переброски войск и опять-таки жесткой обороной. Успели создать фронт, а то ничего не было, открытые ворота.

Я выехал 3-го, 6 числа уже дрались. Противник тогда уже не имел открытых ворот. Я выехал со своими двумя адъютантами и одной рацией, потом из 51-й армии перебросили около 8 командиров, которые были выброшены на этом направлении, самым старшим из них был майор Лотоцкий. Из них сколотили штаб, средства связи были у них...

В общем, противника мы тут задержали и держали дальше этот фронт. Я предлагал тогда перейти в наступление с правого фланга, писал Еременко, но мне не разрешили наступать, а можно было ударить ему под корень. Потом эта группа по приказу командования фронта была отведена, пришлось перейти на оборону Сталинграда. С генералом Голиковым собрали всякие остатки. Дрались крепко, но опять-таки сила солону сломила.

11 сентября я был вызван в штаб фронта к Еременко и Хрущеву и мне сказали: нужно ехать принимать 62-ю армию,

задача – отстоять Сталинград. Говорят, узнайте, какие там части, потому что им самим не было ясно, что из себя представляют дивизии, которые здесь дрались.

У немцев было два направления удара: один шел через Калач на 62-ю с запада и вышел он севернее Спартакówki и Рынок, и второй удар его от Цымлянської, Котельниково, с юго-запада. Потом эти клещи сошлись под Сталинградом у него и уперлись в 62-ю, потому что 64-я отошла на Бекетовку. Он туда не полез. Я лично считаю, что он стремился как можно быстрее захватить Сталинград, как стратегический пункт и этим самым произвести такое моральное впечатление на армию, что ей деваться было некуда. Ему важен был Сталинград, как пункт, с которого он поворачивает на север. Клещи соединились в районе Карповки – Нариман и все пошли на Сталинград, где находилась только 62-я армия, а все остальное было за клещами.

11 числа я выехал из Бекетовки. 57-й армии фактически не было. Ближе к правому флангу к Сталинграду стояли немцы, тут его танковые части, авиация, все. 64-я армия – моя родная армия. Если откровенно говорить, защищающий Песчанку командир дивизии без шапки убежал с командного пункта, к которому ни один автоматчик не подходил. Это не делает ему чести. Нельзя сказать, чтобы Песчанка была большим камнем преткновения. Там я лично сидел и попал под такую бомбежку, что хотя блиндаж глухой, но от взрывов все к чертовой матери сняло, и нельзя сказать, чтобы там особенно сильные бои были.

Получил задачу ехать в Сталинград у Никиты Сергеевича, меня стали спрашивать: «Как вы смотрите?». Еременко тоже самое. Он меня давно знает. Ну что ему скажешь. Говорю: «Я понимаю задачу очень хорошо, задачу буду выполнять, постараюсь выполнить, а в общем, я или умру, или Сталинград отстою». Больше у меня никаких вопросов не было. Хотели чаем угостить, я отказался, сел в машину, поехал в Сталинград.

Командный пункт находился на высоте 102, 0, а противник был от высоты в трех километрах. Связь работала, телефон и радио. Но куда, ни посмотришь, везде разрыв, везде прорыв. Дивизии настолько были измотаны, обескровлены в предыдущих боях, что на них полагаться нельзя было. Я знал, что мне кое-что будет подброшено через три-четыре дня и эти дни сидел как на углях, когда приходилось выцарапывать отдельных бойцов, что-то сколачивать похожее на полк и затыкать им небольшие дыры. Фронт от Купоросной и Орловки – Рынок. Основной удар – Гумрак и на вокзал в центре города, второй удар южнее – Ольшанка, элеватор.

Некоторые дивизии доходили до 35 штыков и все. Артиллерия была, но была не дивизионная артиллерия, а иптаповские [истребительно-противотанковые артиллерийские] полки. Эти четыре дня были в полном смысле пыткой. 6-я гвардейская бригада была 13 числа разбита в доску. Из всей бригады один ходовой танк остался 34-й. 113-я бригада еще сохранила у себя танков 20, была на юге и на правом фланге была 6-я гвардейская бригада. Командовал ею полковник Кричман. Прекрасная бригада, но она на правом фланге была. И еще N-ное количество бригад, но танков в них не было, а противник прёт на Сталинград.

Когда приехал в штаб армии, почувствовал исключительно плохое настроение. Единственно кто встретил – это три человека тов. Гуров, Крылов – начальник штаба и начальник артиллерии Пожарский. Три моих заместителя сбежали на тот берег. Но самое главное – не было хороших частей, на что можно опереться, а продержаться нужно дня три-четыре. Штабы дивизий находятся на Волге, а мы еще сидим впереди на высоте. Мы сидим в штольне на реке Царице, а позади все командные пункты. Это оказалось правильным. Но что хорошо получилось, если уже на то пошло. Мы сразу приняли самые репрессивные меры в отношении трусов. 14 числа я расстрелял командира и комиссара полка одного, через некоторое время расстрелял двух командиров бригад с комиссарами. Сразу все опешили. Доводим об этом до сведения всех бойцов, а командиров в особенности. Если кто идет к Волге, говорят: а штаб армии впереди. Они – по своим местам. Уйди за Волгу, меня расстреляли бы на той стороне и вправе были это сделать. Обстановка диктовала, так и нужно было делать.

Было сознание, что мы удержим, потому что знали, что у противника есть слабые стороны. Отдельные дивизии 35 штыков, или группа по 200 человек, а немцы прут напролом с танками, с машинами в город. 14 числа они как врезались, достают губную гармошку и в плясовую, а их как возьмут в шоры, эти отдельные группы, сразу у них пыл сбили. Они прорвутся к переправе. Что делать? Он нас совершенно отрезает, пути отступления нет. Соберем командиров штабов, притащил я четыре танка, все бросил на выручку. Дивизия Родимцева прибыла. Нам нужно пристань немного освободить. Бросаем все это дело. Отбросили противника, потеснили его к вокзалу. Все лежали у нас до последнего бойца в цепи. Дали возможность двум полкам дивизии Родимцева переправиться благополучно. Они выгружаются с пристани, сразу разворачиваются в бой. Тут ни дня, ни ночи не знали, когда наступает рассвет,

что как. Все время чувствуем, противник лезет нахрапом без всякой осторожности. Дивизии маленькие, но работаем, режем, режем его. Боеприпасов в Сталинграде нам хватило бы еще черт знает насколько. Склады все здесь были.

Первые три дня мы нанесли противнику колоссальные потери в танках. Потеряли мы много. Били все наши орудия с прислугой, но нечего было делать, каждый знал, что отступить он не имеет права. И танкобоязнь отступает в мир преданий, когда соответствующим образом закрутишь, повернешь, а потом на танки плевать начали. Конечно, были и трусы, некоторые бежали. Но у нас работала связь, работали офицеры связи, каждый командир дивизии, каждый командир полка знали, если он на тот берег уйдет, близко подойдет к берегу, его расстреляют, знали, что нам за Сталинград драться нужно до последнего и что пополнение придет, знали.

Политическая работа проходила беспланоно, но она соответствовала обстановке. В таких опасных случаях бойцу не нужно читать лекции, давать большие лозунги, но он должен знать, что высший командный состав с ним, его командир с ним, который должен говорить, что немцев нужно бить, и за Волгу мы не пойдем. Командиры и комиссары были и храбрцы, были и трусы. Когда мы эти три дня подрались, пришла дивизия Родимцева, 6 дней она дралась в исключительно тяжелых условиях. Верно, она отвоевать ничего не отвоевала, но линию, которая оставалась на берегу Волги она удержала. Противник обжегся на этих боях, начинает принимать контрманевр в направлении Мамаева кургана в обход. Тут нам легче было дышать. На правом фланге был более стабилизированный фронт, кроме того, прибыла новая дивизия Горюнова. Эта дивизия дралась дней 5–6 в исключительно трудных условиях. Противник старался и тут прорваться. Его тоже здесь били крепко, а это тысячи трупов и сотни танков. Он делает новый контрманевр в направлении «Баррикада», но тут уже подоспела 193-я дивизия. Она была подготовлена. Правда, все это с ходу происходило, на нашем берегу, но уже можно было что-то выставить. Она дралась не совсем хорошо, но всё же задачу свою выполнила, потери понесла колоссальные.

В то же время у бойцов, командиров мысль растет, что немец то ни черта не берет, драться можно и бить можно. Тут уже начинают выращиваться кадры. Бойцы сами дают лозунги, жизнь начинает бить ключом. Бомб на нас сыпалось, наверное, около миллиончика, не считая снарядов и мин. Связь была налажена, работала безотказно. Начальник связи полковник Юрин. Несмотря на жесточайшую бомбежку, когда все

летит, рвется, горит, все в огне, за сутки я с каждым командиром два раза поговорю по телефону, а с некоторыми до десяти раз, если он наносит главный удар. Наш командный пункт тогда перешел к заводу «Баррикады» к нефтебакам. Находились мы в то время в двух километрах от нашего переднего края. Садимся обедать, он нас поливает, выйти куда-нибудь – он нас бомбит. Приносят суп, там осколки от снарядов. Член Военного совета Лебедев расскажет, как его в уборной прихватило. Зайдешь в уборную, там трупы лежат.

Подвоз был только через Волгу и только ночью. Бойцы у нас по двое – трое суток не ели, невозможно ни подвезти, ни поднести, ни подтащить и некогда ему было даже об этом подумать. Выноса раненых производилась у нас так. Если тебя ранили, лежи до ночи. Истечешь кровью, ничего не сделаешь, но если ты выползешь из окопов, наверняка не спасешься, лежи, а уже ночью тебя кое-как вытащат. За сутки пяти минут времени не бывает, чтобы над твоей головой не летали 15–20 самолетов. Сплошная бомбежка, сплошная канонада. Все прижимается к земле. Выползают его танки тут же, за ними идут автоматчики. Самолеты пикируют на 40–50 метров. Карта Сталинграда у противника была, сигнализация с воздуха прекрасная, взаимодействие у него было хорошо отработано. Но наши бойцы поняли, что чем ближе к противнику, тем лучше. Танков они не стали бояться. Пехота садится в щель, развалины, дома и начинают резать пехоту противника,двигающуюся за танками. Танки проехали, отдали их на расправу нашей артиллерии, которая стояла на 200–300 метров за передней линией и была на 20–50 метров, а пехоту наши не пропускали. Немцы думали, что здесь уже все подавлено, мертвое поле, а это мертвое поле оживало. Тут наша «Катюша» работает и артиллерия работает. Противник сосредотачивал на участке 2 км танковую дивизию, 3 стрелковых дивизии и такую дает подготовку, что просто волосы дыбом встают. Подойдут танки, больше половины останутся у нас подбитыми. На следующий день такой атаки нет, измолотили, тысяч 10–15 раненых. Своих по 3 с половиной тысячи раненых выносили, а сколько их оставалось и не только по широкому фронту, а на участке в два км из этой мясорубки, из этой мельницы.

Переправа шла все время под обстрелом. Берег утюжился сплошным порядком.

Еременко по приказу товарища Сталина должен был побывать у меня, узнать, как мы себя чувствуем. Он переправлялся с того берега на наш двое с половиной суток. Аджютант его плечо себе разбил, два катера затонуло. Потом ночью кое-как

переправились, ведь сплошь летят. Ходили одни только катера. Пароходы работают ночью, как чуть к рассвету в стороны удирают, чтобы на Волге ни одного суденышка не было. Уходили в Тумак и в Верхнюю Ахтубу, но и там им доставалось. Сколько у нас барж потопили, это черт знает что. Морских бригад у нас не было, но моряки были с Дальнего Востока в порядке пополнения. Это хорошие люди, но плохо обученные. Идет, хорошее настроение. Ему дают ППШ, говорит: «Первый раз такую птичку вижу». Он за сутки познакомится. Мы патрон сколько угодно давали, научись стрелять только.

Национальный состав – русские, много сибиряков было, процентов 70 было русских, процентов 10 украинцев, а остальные националы. Лучше всего дерутся русские.

Самый ужасный момент в обороне Сталинграда был после выступления Гитлера, когда Риббентроп и другие объявили, что Сталинград будет и должен быть взят 14 октября. Он пять дней готовился. Это мы чувствовали, знали, что он подвел свежие танковые дивизии, сосредоточил на участке двух километров новые дивизии, и до этого он утюжил так самолетами и артиллерией, что дышать невозможно было. Вот мы сидели в балке. Он нас бомбил, расстреливал, жечь начал, знал, что там командный пункт армии. Там было штук 8 бензобаков. Все это разлилось. У начальника артиллерии по блиндажу нефть полилась. Все вспыхивает, и Волга на километр горит по берегу. Три дня была сплошной пожар. Мы боялись задохнуться, угореть, придет и живым заберет. Перескочили на другой КП, ближе к его главному удару. Там держались. Мы знали, что лишний метр связи грозит частыми обрывами от бомбежки. Самое преступное, самое опасное для командира, особенно большого, когда он теряет управление и связь. Мы больше всего этого боялись – не потерять управления войсками. Пусть я ему резерва не дам, но достаточно мне взять трубку и поговорить, как следует, уже этого достаточно.

Я много в жизни пережил бомбежек, артиллерийских подготовок и прочего, но 14 число у меня останется в памяти. Отдельных разрывов не слышно, самолетов никто не считает, но, главное, выходишь из блиндажа, в пяти метрах ничего не видишь, все покрыто гарью, пылью, дымом. За 14 число в штабе армии потерь было 61 человек, а сидеть нужно было. И когда противник пошел в атаку в 11 часов дня 14-го, я уже знал, что ряды поредели, и только была одна надежда, что оставшийся гарнизон свою роль сыграет. Еще накануне мне удалось подвести одну танковую бригаду, закопать в землю к черту все танки, выставить пехотное охранение и ночью противник их

не бомбил. Он не знал, что здесь у нас засада. Три колонны танков, которые он пустил, были разбиты нашими танками. Потом он эти танки пожег, но факт тот, что мы сорвали атаку. Сильнее этого не было, но похожее было уже 11 ноября.

14-го было наступление, 15-го он такую атаку развить не мог. Весь штаб армии мобилизован, последнее охранение наше выставили на передний край, три дня держали пока подойдет 138-я дивизия. Бой в городе у нас понимают, что идет по улице, стреляет. Чепуха, улицы пусты. Бой идет в здании, в постройках, дворах, приходится выковыривать штыком, гранатой. Наши бойцы за эти бои полюбили «Феню», так называемую, нашу ручную гранату. В этих уличных боях идет в ход ручная граната, штык, автомат, нож, лопата. Лицом к лицу сходятся и полосуют. Немцы не выдерживают. В одном этаже они, на другом наши. Но, кроме того, у них есть танки, он подвозил все что мог, а у нас Волга. Сейчас по Волге пойдешь, какое удовольствие.

В армейском масштабе никаких боевых пауз оперативных не было совершенно. 13–14 сентября сошлись, схватились и друг друга молотили. Мы отлично знали, что Гитлер не остановится и будет все больше и больше бросать своих сил. Но он почувствовал, что борьба здесь идет не на жизнь, а на смерть, пока нас не приколешь к стенке, Сталинград будет держаться. Это были сплошные атаки на Сталинград, которые длились до 20 ноября. Когда мы чувствовали небольшое ослабление, мы немедленно бросали свои силы и переходили в контратаки, мы не давали ему покоя на Мамаевом кургане, десятки раз атаковали противника. В поселке СТЗ 37-я дивизия атаковала. Были сплошные мертвые схватки, в этих схватках кто правее ударит, кто левее. До этого периода мы активно оборонялись, не имели задачи наступления. Но оборона была активная, не только получить удар, но пользоваться каждым моментом, чтобы самому ударить по противнику. Бои усиливались, стихали, но не прекращались. Наступление все время шло. Были такие дни, когда это перерастало всякое человеческое воображение.

Мы ждали наступление противника перед ноябрьскими праздниками. Разведка говорила, что третьего числа начнется новое наступление Гитлера на Сталинград... Противник решил выйти на северную пристань, чтобы разрезать армию пополам. И, вдруг, удивляемся, 3-е, 4-е, 7-е, 10-е – не наступает. Бой идет, но не чувствуется напора. Фронт заволновался. У него насыщенность была колоссальная с точки зрения техники, плотности огня и проч. Стояло две дивизии у него в

резерве. Мы это знали. Не разгадал ли противник наши переброски на правый фланг? Каждый день Еременко запрашивал: «Что у тебя делается? Не уходит ли со своего участка?» ... противник пустил две последние дивизии, которые находились у него в резерве. По существу мы втянули их сюда своими действиями. Ни на участке 64-й, ни против Донского фронта. Пленные давали эти данные, убитые, документы, против которых не попрешь.

Только после 20 числа сразу резкое сокращение авиации противника, как бы отрубили это дело, и сокращение всякого его наступления. Отдыхать тут было нельзя. Там дерут, а тут задело: мы что – же сидеть будем. Нам пополнения не дали, все ушло на другой участок фронта.

Эта активная оборона, было два этапа, начиная с 12–13 сентября закончилась 20 ноября 1942 г. Тогда мы почувствовали, что должны наступать, постепенно начали кое-что отвоёвывать у него. Наносили массированные удары в городских боях. У него до черта здесь огневых средств. Подавить это ни одна артиллерия не в состоянии. При современном автоматическом огне достаточно небольшого количества живой силы, чтобы подавить пехоту. Танки по городу не пойдут, потому что все завалено минами, железом. Танки противника после 14-го октября не могли действовать, настолько разворочена земля была. Я хотел 7 танков вытащить на завод «Красный Октябрь». Бились, колотили сколько времени и не могли их пропустить. Все под огнем. Некоторые дома даже выжигали, но пройти невозможно.

С 23 ноября действия наших мелких штурмовых групп, нацеленные на дома, подвалы, цеха заводские. Действовали мелкие, но хорошо спланированные и организованные группы с ручными гранатами. Применялись все средства борьбы, о которых сейчас не сказать. В частности фюги, это оборонительные средства и фугасы. Мы их затаскивали в улицы, устанавливали, взрывали. Дается струя метров на 100 и наша пехота проталкивается за ней. Немцы не выдерживают. Термитные шары. Дальнейшая артиллерия в основном бьет огневые точки противника, а здесь минометы, противотанковые пушки, наши ручные гранаты. Больше всего и лучше всего они действовали.

Смысл третьего этапа заключался в том, что противник, который находился здесь, здесь и остался, а не перебросился на другие участки. Мы его втянули в драку. Замысел высшего командования, чтобы он не шел на другие участки. Мы это сделали, кроме танков, которые оторвались от нас, а дивизии,

которые дрались против нас до сегодняшнего дня сидят измочаленные вдребезги. Он сейчас все толкает на передний край. Мы их бьем. Какой же может быть у них моральный дух хороший. Против нас в основном немецкие дивизии. Командующий этими двумя армиями Паулюс, генерал-полковник. Первый этап наших боев за Доном. Тут две армии дрались в основном, 62-я и 64-я против наступающих главных сил противника. Перемололи мы его много во время этого наступления. К Сталинграду он дошел уже подорванным. Но на Сталинград он бросил самолеты из Крыма, все свежие силы. Основные два удара сошлись около Сталинграда и были направлены на 62-ю армию. 64-я армия отдыхала, ничего не делала. Второй этап – это ставка на истребление: или он нас, или мы его. Другого выхода не было. Каждый боец понимал, что пощады ждать нечего, Гитлер не остановится. Я считаю, что противник по сравнению с нашими потерями понес в три-четыре раза и в пехоте и в танках, кроме самолетов. Противно было смотреть. Выплывает наш сталинский сокол, только до Волги доходит, сразу выбрасывает бомбы. Летят они, когда по своим, когда по ним и обратно. А если начнется карусель, то просто жалко становится, какое-то истребление младенцев получается. Ночью наша авиация работала хорошо. Наши У-2, кто их изобрел, это ценнейшее изобретение. У нас его называли КВ – король воздуха. Он ни черта не боится. А немцы, какое уважение к ним имеют, это, говорят, стоячая смерть. Бронебойная пуля их берет, но надо попасть.

Третий этап, который мы переживаем, не пустить сюда противника, сковать его своими огневыми действиями. 22 ноября нам было известно, что противник попал в кольцо. Он не мог вытащить всю технику, которая у него осталась. Пока разберется там что сделать, тут уже зацепили. Мы чувствовали, что готовится наше наступление, но не знали где точно. Почувствовали это в первых числах ноября. Нам стали меньше всего давать. Раньше каждый день с фронтом разговариваешь, а тут смотришь, его нет. Хрущев здесь не был. Еременко один раз был.

Ремонтировали на заводах рабочие. Дали им пайки и они как военнослужащие работали. Здесь половина Сталинграда осталась. Они стали эвакуироваться только тогда, когда почувствовали, что Сталинград не сдастся, его бомбят. Жители сидели, рассуждали: «У меня здесь домик, а что если немец придет». Тут одной сотой доли не похоже на Тулу. Партийные организации эвакуировались, на населения они с собой не повели. Что Сталинград не мог дать сто тысяч людей, которых

можно было вооружить и использовать как угодно? Укрепления около Сталинграда строились. На плане там красота, а выкопано 10%.

Дружины создали. На трех заводах: СТЗ, «Баррикады», «Красный Октябрь». Мы насчитали всего около 600 человек и истребительные отряды, порядка и прочее. Милиция? Как будто ее здесь и не было. Как-то получилось так: армия пришла, армия защищает и никого не видно, истекаем кровью, тут черт знает что творится. До чего дошли с СТЗ: 7 тысяч тонн горючего, бензина, нам нужен бензин – дайте бензин. Директор завода, прикрываясь бумажкой из Москвы, чуть ли не от Молотова: «Дать не могу». Посылаю взять бензин, охрана с автоматами стоит. Спрашивается, что стреляться мне с ними? Вот вам отношение. Скандалить мы не хотели, взять просто нахрапом, или до стрельбы доходить, но к чему это могло привести.

Откровенно говоря, у большинства командиров дивизий не было настроения умереть здесь. Как чуть что припрет, сейчас начинается: разрешите перейти за Волгу. Кричишь: я еще здесь сижу и шлешь телеграмму – если сделаешь шаг, расстреляю. Командиру 112-й дивизии была послана телеграмма, Горохову, Андрусенко, Гурьеву. Родимцев еле ко мне добрался на КП, говорит: «Костыми ляжем, но не уйдем». Дивизии держали все командиры дивизий, кроме Ермолкина – 112-я, Андрусенко, Тарасова. Прекрасно вел себя в этом отношении Родимцев, Горишный, прекрасно себя ведет Гурьев, Людников лучше всех дрался. Он перед наступлением заболел, в разгар самой жестокой атаки 11-го возвращается больной и ни шагу. Батюк, Соколов прекрасно себя ведут, Желудев хорошо себя вел. Берешь трубку, молотишь его по телефону, говоришь: «Ты теперь давай. Тот вызывает комиссара дивизии, в свою очередь его молотит. Но меньше всего приходилось говорить по этому поводу с Родимцевым, Батюком, Гурьевым».

Тут нельзя было быть не крутому каждому командиру дивизии, нельзя было быть не методичным, нужно было все время следить. Самое страшное, чем мы страдали, это вранье наших штабов и командир дивизии, не проверив это дело, сообщал нам то, чего на самом деле нет. Упорства у наших командиров дивизий, кроме перечисленных, хватало в достаточном количестве. Верно, приходилось реагировать на некоторые из них.

Когда уже действительно самый опасный момент наступил, я говорю с Еременко, что у меня все срывается и чем потерять управление пусть Военный совет останется здесь, на этом бере-

гу, но как базу управление разрешите перенести на тот берег. Связь по берегу рвется, рация не работает, от меня приходится устанавливать связь с этого берега на тот и оттуда она идет к фронту. Я считал нужным штаб армии выбросить туда, чтобы оттуда лучше было управлять, а Военный совет остается здесь. Они было понекались. Тогда я говорю Крылову, Пожарскому: «Вам придется поехать туда, а мы останемся здесь». Говорил поодиночке. Один и другой заявляют: ни шагу от Вас не пойдем. Это мог сказать Родимцев, это мог сказать Людников, может быть сказал бы Гурьев, мог бы сказать Батюк, но за некоторых не ручаюсь. Только скажи – на остров переезжай, скажут: «Вот, слава богу, можно перейти». Некоторые их них помоложе меня, некоторые в моих годах, некоторые постарше. Я их раньше не знал, получил здесь. Но здесь общения долгого не нужно, связь и спайка моментально налаживаются. Каждый боец, прибывающий оттуда, моментально понимал свои задачи, моментально усваивал свои действия, что делать ему. Но весь вопрос в том, что они очень часто выбывали.

Партизаны роли совершенно никакой не играли и не сыграли при той организации, которая существовала. Они, наверное, получали паек, ели, а когда на дело послали, рассыпались в доску. Сталинград оборонялся на 99,9% армией, теми самыми сибиряками, украинцами, узбеками и другими национальностями, приехавшими в Сталинград защищать советскую власть, одни хуже, другие лучше, но факт остается фактом.

35-ю дивизию я совершенно не знаю. Она непосредственно Сталинград не обороняла. Гвардейские дивизии особенно ничем не отличались. Сказать, что гвардейцы дрались лучше, чем не гвардейцы не скажу. И у тех и у других были положительные стороны с точки зрения упорства, ответственности, готовности умереть, защищать до последней капли крови. И у них были свои недочеты. И в 13-й гвардейской были перебежчики, и «голосование» больше всего у Родимцева происходило. В тоже время взять 84-ю, 138-ю, 95-ю, не гвардейские дивизии. На их стояли бы гвардейцы и лучше сделали? Затрудняюсь сказать, может быть лучше, а может быть хуже.

Слабых сторон много. Первая – это вранье, что губительнее всего для нас – вранье и слабость управления от слабой ориентировки наших командиров. Он не знает, но говорит, что знает. Это ни к черту не годится. Тогда уж молчи. Не хватает мужества сказать, что не знаю. Вот разговор с Гурьевым. Я его уважаю, боевой командир, но говорит другой раз, не подумав. Идем в наступление. Я уже проверил, знаю, как организована система огня, кто ею управляет, как наблюдение, взаимодейст-

вие организовано. Вызываю его: «Товарищ Гурьев, что у вас делается?» Он начинает: «Все хорошо прекрасная маркиза» и т. д. Говорю: «Врешь, у тебя не так», – и начинаю ему выкладывать.

– Не может быть.

– Ах, не может быть, сейчас же садись за трубку, проверяй и докладывай через полчаса.

Через полчаса звонит.

– Вы правы.

И так говорить с ним, не имея собственных проверенных фактов, очень трудно. Обычно доносят: сделано то-то и то-то. Чтобы сразу написать сводку? Извините, пожалуйста. Посылаю своих офицеров связи: проверяй, удостоверься сам. Сам пойду до штаба дивизии, там поговорю, посмотрю, как офицеры связи работают, если плохо, снова погоню.

Собственные просчеты? Нужно было бы некоторые части попятить назад, занять более выгодный рубеж. Но на это пойти не мог, потому что не было уверенности, остановятся ли на этом рубеже или нет. Это первое. Второе, что в отношении использования наших танков у нас вопрос очень здорово не доработан, так и остался. Танки закапывать в землю и держать их как огневые точки не годится. Лучше засаду можно сделать, поставить пушки. Они меньше, скорей снимаются и лучше обеспечены. Танки нужно применять, как подвижные группы. Легкие танки вообще себя не оправдали, КВ и Т-34 остаются. КВ своими своим оружием, броней, своей мощностью, проходимостью. При современной авиации в направлении главного контрудара вы не замаскируете танков, чтобы противник их не нашел. И не могу согласиться, что танк у нас превратился в пассивное средство обороны. Танк остается танком, наступательным оружием и его лучше заменить в обороне нашей 45 мм пушкой. Ее я могу затащить в дом, на чердак, но танки вы не разберете, не потащите, не поставите. У нас танки были поставлены в землю, а их нужно было вытащить и создать какой-то кулак. После мы спохватились, создали некоторые подвижные резервы, и они сыграли свою роль.

Когда наступали мы на «Баррикады», три колонны танков, подбивались наши танки. Там были легкие танки. Они для наступления не годились, пробиваются бронебойными пулями. Их в бой нельзя было бросить. Пустить их в обход, они завалились бы в первую канаву и их бы расстреляли. КВ, Т-34 держать в обороне нельзя. Они должны зарываться на выжидательных позициях, не могут принимать боя. Для танков это гибельное дело. У нас достаточно артиллерии. Танкист, который сидит в танке, он за броней, но когда летит бомба, он еще

больше ощущает гул и прочее, а кроме того слепой сидит. Что там смотровая щель. Ему не могут даже более или менее приличную щель сделать. Немецкий танк лучше в отношении видимости. Наш танк лучше немецкого по быстроходности, маневренности, но он слепой.

Я прошу только одно понять, что все это наложило отпечаток на нашу психику, но взять за правила все наши действия нельзя. В то же время мы считаем: можно было что-нибудь лучше сделать? Честное слово – нельзя. Где мы прохлопали? Тут я должен сознаться – это с нашими заводами. Несмотря на то, что был приказ, были силы, туда посадили мы специальные саперные части, чтобы приготовить из них укрепленные пункты, но не согласовали эту работу, и не оказалось той стойкости, упорства, что дали нам немцы сейчас, несмотря на то, что мы могли сделать их крепкими узлами сопротивления в городе. Что мешало сделать это частям, которые сидели в этих заводах? Это, несомненно, авиация противника. Когда не бомбили заводы, все хорошо строили, но когда начали бомбить, летели станки, крыши. Железобетон не выдерживал. Уходят с завода – могила готовая. Тем более, если бы он бросал мелкие бомбы, а то летят пятитонки, тонки, броня, рельсы, это просто издевательство. Их больше всего бросали истребители – «Мессера».

Что характерно было в этом отношении в Сталинграде в этой борьбе? Командир, боец, приходит к Сталинграду, переходят на эту сторону, уже закалились, уже знают свои задачи, за что он дерется, зачем пришел и что нужно делать. По-моему, не было за все время борьбы за Сталинград такого случая, чтобы наши части, отступая, бежали, когда нужно было какой-то бой проводить, такую часть, какую роту взять – этого нигде не было. Садится, где его застигло утро, потому что днем продвижения никакого не сделаешь, вас расчешет в доску, и до вечера. Дрались до последнего. Отступления мы не знали. Этого Гитлер не учел и в этом просчитался.

Возрастной состав людей был разный, в основном, костяк был 30–35 лет. Молодежь была, в особенности моряки, которые прибывали с Дальнего Востока, но и стариков было много. Мы их отсевали, но на ходу ничего нельзя было сделать. Почему-то каждый боец понимал, что он из Сталинграда не может уйти. Он знал, что вся страна об этом говорит, что Сталинград сдавать нельзя, что Сталинград защищает честь Советского Союза.

Девушек было много, связисток, санитарок, фельдшеров, врачей. Работали исключительно хорошо, даже если сравнить бойца нашего и женщину и сказать. По физическим только причинам они не могут сделать то, что сделает мужчина, а

в отношении храбрости они перещеголяют мужчину. По моральной выдержке, по своему героизму, честности и преданности они не только не отстают, но даже во многих случаях перещеголяют. Верно, в горячих, трудных условиях борьбы я отсюда своих штабных женщин отправил на тот берег, заменил мужчинами, но только благодаря физической слабости женщин, а ни в коем случае не по их моральным качествам. Когда пойдешь, бывало, по берегу, работа наших санитарных частей. У нас все переправы были централизованы. Дивизии сами ничего не возили. Здесь и летучка, госпиталь, хирургическая. Во время боев у нас здесь работала хирургическая лаборатория. Один врач сделал 200 сложных хирургических операций. Посмотришь на так называемых медсестер. Замечательно! Закопавшись, в пыли, но работают черт знает как. Целый ряд примеров можно привести в отношении работы женщин. В процентном отношении у нас женщины больше награждены орденами, чем медалями по сравнению с мужчинами, в особенности медработники, и мне кажется ни одна женщина, которая была в Сталинграде не награжденной не осталась, а если осталась, так не останется.

Своеобразие борьбы в Сталинграде в отношении защиты города, в отношении атаки городов целиком и полностью будет применяться во всех боях. Любой населенный пункт можно превратить в крепость и можно раз в десять перемолоть противника больше, чем сам гарнизон. Факторы честолюбия остаются, но о них меньше всего говорят.

Нет таких героев, которые ничего не боялись. Никто не видит, не знает, что делает Чуйков, когда он остается один, когда нет свидетелей, когда его не видят и как работает у него мозг в голове. Но чтобы наш командир вышел к своим подчиненным и показал свою слабую душонку, такие находились, но это выродки. Мы сидим в блиндаже, и осколки снарядов на нас летят. Что же мы сидим, и нас не подмывает? Я этому не поверю. Инстинкт самосохранения есть, но гордость человека, командира в особенности, имеет решающее значение в бою, так что Лев Толстой в этом отношении прав.

Вот конкретный момент. Летят снаряды, свистят, жужжат, вот сейчас стукнет. Не у всех людей находится мужество не кланяться снаряду. Ну, я поклонюсь, обязательно попадет в голову, попадет в грудь, так что не спасет, пригнешься или нет, а все – таки кланяются. Но преклоняться, не дает гордость. Я никогда этого не сделаю. Если бы я был один, это совершенно другое, но я один никогда не бываю. Я не преклонюсь, за это даю голову на отсечение...

На глазах командира гибнут тысячи людей, но он не должен глазами моргнуть. Наедине он может заплакать. Пусть твоего лучшего друга здесь убьют, но ты должен стоять, как каменный.

Вот конкретный пример. 14 числа обрушивается блиндаж артиллерийского отдела. 9 человек всмятку, один выскакивает, ему ноги прижимает. Мы его два дня откапывали. Он жив. Его откапываем, а земля осыпается. Что, тут сердце не содрогается? Оно содрогается, но ты виду не подай. Или такие поступки. Четыре бойца сидят в трубе. Их окружают 8 фрицев. Один проползает через трубу раненый с запиской: «Откройте огонь по нам». Открываем огонь, бойцы погибают и фрицы. Разве это легко?

Если бы немцы учли психологические данные, политический момент, значение Сталинграда для каждого нашего бойца и командира, дошедшего до той точки, дальше которой нельзя было отступать, если бы они учли, что не все берется напролом и нахрапом, они не допустили бы такого провала.

Тут нельзя было проводить особый маневр стратегический, тактический, стой и все. Применить что-либо наполеоновское с точки зрения маневрирования, не применишь.

В начале сентября все силы противника перли на восток, на Сталинград и упирались в 62-ю армию. На 64-ю армию и на 57-ю армию противник не наступал, он их не бомбил. Все было направлено против 62-й армии, которая защищала непосредственно Сталинград, заводские поселки. Все немецкие группировки направлялись на 62-ю армию. Здесь были чистокровные арийцы под командованием фельдмаршала Паулюса, а против 64-й армии стояли румынские части ...

Немецкое командование сильно заедало, что мы держимся в Сталинграде. Эти кусочки, которые оставались на этом или том берегу не давали права германскому командованию говорить, что Сталинград нами взят и фактически он не был взят. Мы дрались, улицы все простреливались, все перемешались между собою. Был день, когда противник от нас в 25–50 метрах, а мы были в тылу у него. Он к нам заходит, просачивается. Это вынуждало его подбрасывать все новые и новые силы, чтобы сбросить нас отсюда.

Если вспомнить доклад товарища Сталина, именно его план был – выйти на Волгу и повернуть на север именно в Сталинград, очистить Сталинград.

Немецкие войска должны были встать ногой, повернуться каблуком на восток и пойти на север. Каблуком повернуться и этим самым свалить 62-ю армию. Не очистив Сталинград, он не мог продолжать свои наступательные действия на север. Он напрягал все силы, чтобы нас сбросить в Волгу.

11 ноября создалась такая обстановка, что противник... настолько был раздосадован, ибо вся наша пресса и вся мировая пресса говорила, что Сталинград не взят, что он эти резервные дивизии бросает в Сталинград. Это были его последние дивизии. Нам важен был этот бросок сюда, потому что силы его изматывались.

По Волге лед пошел – ни пройти, ни проехать, ничего привезти нельзя. Все было на пределе. Он снова повторяет это массовое наступление и снова разрезает нас в одном месте южнее 138-й дивизии в районе «Баррикады». Это было его последнее решительное наступление. Бои не прекращались все время. Бои идут, идут. Чувствуется, что что-то копится, потом повторяется сильный, мощный удар. Сразу чувствуется, что тут начинают действовать свежие силы, свежие резервы, которые у него были довольно сносными.

Дрались мы здесь восемь суток, фактически до 19 ноября. Все время он наступал, прекратил наступление 20 ноября. 11 ноября он поскользнулся, когда он потерял убитыми тысячи три, вместе с ранеными чуть ли не 10 тысяч.

В общем, все дивизии, которые пришли сюда, были измотаны. Начиная с 13 ноября, я сам перешел в наступление и наступал до 20-го числа. 20-го почувствовался перелом. Один удар со стороны противника шел в таком направлении, второй удар шел отсюда в район Котельниково. Оба удара по 62-й армии. Противник подошел к Тингуте. Он нас бьет, а мы стоим. Он перебрасывает на самолете свои части, бьет, бьет, а мы стоим.

Первое, что сделала 62-я армия – не дала возможности вернуться Гитлеру и сдавить Сталинград. Он не выполнил задачу, после которой должен был повернуться в разрез между Уралом и Москвой.

Второе, что сделала 62-я армия. Она настолько притянула отборные войска Гитлера и его технику, что дала нашим войскам возможность сосредоточиться на флангах и перейти в наступление. Он был загнипнотизирован всем этим делом, должен был взять Сталинград, а тут его притягивают.

Я был зол в одно время на нашу прессу и писателей, которые как будто бы нарочно дразнили: не взять Сталинграда, не взять Сталинграда, а он бьет все сильнее и сильнее, а нам тошно от этого. Жутко сказать перенести все это дело. Иностранная пресса тогда тоже – Сталинград не взят. А что значит престиж для Гитлера! Он и без того рвет, а тут еще подогревают его, а он все бьет, подбрасывает свежие силы, а мне сил не дают.

В декабре еще не чувствовалось, что противник выдыхается, но чувствовалось, что у него моральное состояние уже подавленное, чувствовался голод. Пленные, которых мы брали, все говорили, что голодали. По одним офицерам можно судить, которые начали в конце декабря кошек кушать. Это говорило о том, что у них не все благополучно.

Так что переход 62-й армии в наступление это приблизительно 17, 18 ноября. Это наступление у нас продолжалось до 2-го февраля 1943 года, решительное наступление с 10-го января 1943 г. Задача была поставлена армии: ударом на запад соединиться с частями, которые идут с запада. Точно в срок армия перешла в наступление. Верно с большими упорными боями, но все-таки я свою задачу постепенно выполнял. Поселок «Красного Октября» очистили, очистили Мамаев курган полностью. Мамаев курган, по-моему, переходил из рук в руки раз по 60. Трупов набили там! Очистили некоторую часть поселка Баррикады. Завод фактически очищен только 2 февраля 1943 г. В общем, вышли за город и там соединились с частями Чистякова и Батова. Соединение это произошло за Мамаевым курганом, западнее поселка Красный Октябрь, то есть разрезали противника на две части, отрезали от Волги и с запада на Дон. Получилась южная группировка и северная.

После этого соединения, часть была поставлена заслоном на север, часть на юг, чтобы «схарчить» южную группировку в центральной части города. Тут отличились наши части, в частности части Батюка. Все-таки наша армия была более приспособлена к уличным боям, несмотря на то, что вся оборона немцев была построена против нас.

62-я армия участвовала в ликвидации южной группировки, на севере совместно с другими частями армии.

Противник знал нашу армию крепко. Нас немцы боялись как черт лаdana. В плен нам не сдавались. В чем дело?

– У вас не армия, а какие-то партизаны. Мы боимся к вам в плен сдаваться.

Когда бойцы стали брать в плен, правда, пленных колотили и расстреливали, но ничего не поделаешь, не остановишь. Бывало что отлупят, потом говорят: «На, закури». Как-то якшались – ни в коем случае. Зверски были настроены.

Уличные бои были в городе у «Красного Октября». После того как соединились, повернули на юг и мы вышли почти к вокзалу: тут уличные бои шли. Затем от Мамаева кургана и почти что до Царицы продвигались с уличными боями. А потом все время были у нас уличные бои в поселке Баррикады, в самом заводе уличные бои были. Представьте себе, что это была за

борьба, когда за один день продвигались на несколько метров, на два оконных провета. В чем дело? Дело в том, что у каждого станка, в каждой щели, в каждой коробке сидят немцы. В ход пускаются только ручные гранаты, огнеметы, термитные шары. Как только шаг сделал – сотни трупов, цех захватить – это еще не все. В подземном хозяйстве до черта фрицев было напрятано, в подвалах, в холодильниках. Кричат: «Сдавайся!» «Не сдадимся!» Несколько ручных гранат, огнеметов или термитных шаров. «Ну что же, подыхай на здоровье!»

Моменты такие можно было наблюдать. Наш боец обнялся с фрицем и оба мертвы. Просто душили друг друга и ножи в ход пускали, ножами резались во всю, а лопатка саперная – это лучшее оружие было для рукопашной схватки, как огреют по голове, смотришь, зашатался. В обнимку лежат трупы – это можно было часто наблюдать.

Самый страшный период для нас был в отношении наступательных действий противника - это период октября. Это был период, когда Гитлер дал обещание всем, всем, что Сталинград будет взят. Действительно, он бросил против нас все, что у него было на фронте. Две, две с половиной тысячи самолетов кружатся не только над Сталинградом, но над всей армией. Ежедневно бомбят и бомбят. Минометный и артиллерийский огонь не прекращается ни днем, ни ночью.

Что значит тысяча самолетов? Пять минут не бывало времени, чтобы над тобой не крутились 12–18–30 самолетов. И сбрасывают, сбрасывают. Настолько это вошло в привычку, что когда приносят суп кушать, то надо было ложкой осколки вынимать. Смотришь осколки бомбы или камня, пока несут – попали.

В начале ноября самое страшное было – это Волга. Лед идет, река не останавливается. На лодках никакого движения нет. Бронекатера не могут пробиться, иначе говоря, подвоза нет. Самолетами дня три стали сбрасывать, причем могли сбрасывать только ночью, потому что днем показаться не могли. Самолетам трудно было сбрасывать, потому что настолько узкая полоска, что когда бросают, не знаю – не то на берег, не то к противнику, не то к нам. Прямо летит и кричит: «Ей, куда сбрасывать?». «У-2» в основном отличались. Мы поистрепались, боеприпасы на исходе. В боепитании были лимитированы и в питании были лимитированы. Дошли до последнего патрона, с отчаянием, но дрались. За это время были упорные рукопашные схватки.

У нас есть снимок, когда наши бойцы на штыки сажают фрицев – самая настоящая рукопашная схватка. Это без всякой подстройки. Идет бой и его засняли. ... Это было самое

тяжелое положение. Было в запасе несколько тонн шоколада, думаю хоть по плитке выдать бойцам, вода есть, проживем. Но больше всего смущали боеприпасы. Приехали московские тыловики, начали бросать обмундирование, продовольствие. Я посылаю их к чертовой матери и говорю: «Дайте мне боеприпасы, потому что драться портянками я не собираюсь». Все-таки мы вышли из положения. Обмороженных в армии – меньше всех. Голодать мы не голодали. Вшивости у нас было мало. И вот сейчас в 64-й тиф косит, а у меня всего шесть случаев подозрительных. У меня бойцы три раза в месяц ходили в баню, бани с паром. Идешь, так нахлещешься, что будь здоров! Все это было в берегу. Тут идет бомбежка, а вы приходите и моешь себе на здоровье. Верно, больше месяца не было бани, потому организовали несколько десятков, а может и сотню бань. Десять раз в месяц бойцы мылись в бане.

Управление все время не было потеряно. Мы планы противника знали хорошо. Зная его планы, мы вовремя делали контрподготовку. Что значит контрподготовка! Мы наблюдаем, от пленных узнаем, что противник в таком-то месте будет наносить сильный удар, потому что он туда подтягивает силы, средства, тянет артиллерию, пехоту, танки, боеприпасы. Мы имели группировку немецких войск в квадрате в трех–четыре километра. Получался такой сгусток войск, на который плюнуть нельзя, обязательно попадешь. Выждешь момент, когда противник подготовится и за несколько часов до его наступления, как дадим огонь из артиллерии, из «Катюш», минометов, часа на два, на три дадим такого жару. И наблюдаем, как в кино, как взрываются их боеприпасы, их транспорт, ноги, руки вверх летят. И от того стройного порядка, который он хотел создать, ничего не остается, мы его разбивали. Ему вновь приходилось это дело налаживать.

Эти потери противника мы почти не учитывали. Сообщали то, что непосредственно на переднем крае противник терял. Этой контрподготовкой мы изводили его в доску. В какие-нибудь 10–15 минут мы бросали тысячи снарядов в этот сгусток его войск. О результатах знали от тех же пленных. Когда они начинают описывать наши огневые налеты, наши действия, то гордость поднимается. Он пишет, что у него волосы встают дыбом, что Сталинград не можем взять – зубы поломали, что они несут тяжелые потери, что ничего в Сталинграде нельзя сделать, потому что здесь не люди, а какие-то звери. «Ну, кушай себе на здоровье!».

Всего рабочего класса под ружьем было 650 человек на весь Сталинград. Ружья-то были хорошие, а люди-то были

паршивые. Когда мы пришли, ни один завод не работал, за исключением СТЗ, где мы ремонтировали танки. Из рабочих создали тройки, зачислили на паяк, зачислили в военнослужащие. Они и до сих пор работают. Заводы работали до конца сентября, до начала октября. Конкретно секретаря Обкома т. Чуянова, который называется здесь председателем Комитета обороны, я увидел лично его, знаете когда? Пятого февраля 1943 г. на митинге. Секретаря горкома т. Пиксина увидел, если не ошибаюсь, в конце января или в середине января 1943 г. До этого я никого из них не видел. Один раз секретарь Краснооктябрьского райкома был с директором завода и смотрел тут же. Больше мы их не видели. 650 человек рабочих в основном следили за соблюдением порядка и охраны своих объектов. Рабочие не эвакуировали.

Рабочие сталинградские оказались очень нехорошими. Когда им секретарь райкома говорил и директор завода, что надо эвакуироваться, они говорили: «Хорошо, пойдем за вещами». Разойдутся и никто не приходит. Они считали, что Красная армия разбита, немцы придут, куда нам бежать, не лучше ли остаться. Но когда они почувствовали, что Сталинград держится неделю, держится другую, их домики разваливаются как карточные домики, они побежали. Организованной эвакуации не было.

На обороне Сталинграда работала дивизия НКВД. План был составлен неплохо с точки зрения постройки укреплений, но выполнен был этот план на 10% до прихода противника. А баррикады были построены таким образом, что зацепишь крылом машины, и они разваливаются.

Я был в Сталинграде и в Туле. Если сравнить В. И. Жаворонкова и Чуянова – тот и другой были для меня незнакомыми лицами, то они друг от друга отличаются как небо от земли. Один заинтересован был и работал, ни один вопрос без него не решался, чувствуется, что все ключом бьет, а здесь – ничего.

Военный совет армии, командующий армией защищают Сталинград, сидят на Мамаевом кургане. В моменты, когда нас окружают автоматчики, прыгаем на берег Волги. Бывали моменты, когда мы сидели в 150 метрах от переднего края противника. Были ли здесь местные партийные организации? Были ли Чуянов, был ли Пиксин? Я их увидел (и познакомился с ними) – одного на митинге, другого в январе месяце. Конечно, Сталинградская эпопея богатая. Организация боев под Царицыным и под Сталинградом – это как небо от земли. Я считаю, что если было соответствующее руководство, здесь было бы другое положение. Армия состоит из людей, а боль-

шеви́стское руководство находится там, где больше всего опасность угрожает в такие минуты трудные.

Волжская флотилия – это Военная флотилия: бронекатера, суда. Противник уже ворвался в Сталинград. На заводе СТЗ было много сотен тонн горючего. Горючее переправить очень трудно через Волгу, все это сопряжено с колоссальнейшими опасностями. Говорю: «Забрать это горючее!» Встречаю директора завода СТЗ, который мне заявляет, что, согласно Постановлению СНК, ничего с завода не может быть взято. Приказываю вооруженным бойцам забрать. Они встретились с вооруженной охраной, с направленными пулеметами против наших бойцов. Что мне было делать? Плюнул и отказался. Горючее осталось у противника.

Вот комендант г. Сталинграда, когда стихло более или менее, является на тот берег.

– Чем вам помочь?

– А вы кто?

– Комендант города.

– Где вы сидите?

– За Волгой – Ленинск, Ахтуба, Красная Слобода – они там сидят.

Режим, который создали немцы в Сталинграде, был ужасен. Часть жителей, которые не отправляются в Калач – расстреливаются, часть жителей, которые попадают немецкому солдату на улице, он заставлял работать. Сам курит трубку, а жители работают. Не сладко досталось им в этом отношении.

Первые бои в городе были в заводских поселках. Гитлер не рассчитывал, что мы будем сопротивляться. Когда бойцы попали в город, когда десятки и сотни фрицев стали сдаваться, это ободрило бойцов, они увидели, что немцев бить можно и крепко бить. Это первый фактор.

Второй фактор – это приказы и потом наша агитация – умри, но не уходи, дальше отступать некуда, в Сталинграде решается судьба нашей родины. Это бойцам было понятно. И у самих бойцов было такое настроение, что их вытаскивают раненых с переломанным хребтом, то они со слезами на глазах уезжают на тот берег, когда они прощаются с товарищами, приехавшими, привезшими их на тот берег, они не хотят расставаться, говорят: лучше нас здесь закопайте. Считали для себя позором идти ранеными на тот берег. Это явилось отзвуком приказа товарища Сталина.

Третий фактор тот, что с трусами и паникерами мы были беспощадны. 14-го сентября комиссар и командир 40-го полка бросили полк и бежали. Тут же их расстрелял перед всей

армией. Две бригады сбежали у меня с этого берега на тот берег, и за нос меня водили несколько дней. Нашел, расстрелял командиров и комиссаров. Приказ отдал по всем частям, что трусам и изменникам никакой пощады не будет.

Четвертый фактор тот, что оглянешься на Волгу, черт ее переплывет. Это уже чисто географический фактор.

Были корреспонденты – иностранцы, все допытывались, какие части здесь стояли, где они комплектовались. Спрашивали, что это сибирские части? Я говорю, ничего подобного – русские, украинцы, узбеки, татары, казахи и т. д. Фактически так и было. Здесь были представители всех национальностей, а не какие-то особые, отборные части, специально созданные для Сталинграда. Конечно, русских было больше, потому что русского населения было больше. Лучше всего дрались у нас русские, потом украинцы и даже узбеки, которые раньше никогда не воевали.

Правда, первый и второй день плачут, потом сама обстановка заставляет его смотреть на русского, на украинца и с ними вместе бьется и умирает. Высокое политическое сознание было исключительное для бойцов.

Мы бы там легли, но мы бы не отступили, в крайнем случае, пули бы себе в лоб пустили. Такое у нас было решение, что без приказа свыше, мы ни в коем случае не уйдем. В этом отношении я со всей ответственностью заявляю, что военный совет не ушел, а за ним не ушли бы и другие.

Чувствовалась ли помощь и поддержка Москвы?

Что значит, когда Н. С. Хрущев позвонит по телефону, а он звонил очень часто. Мы знаем, что такое Н. С. Хрущев – член Политбюро, член ЦК партии, который непосредственно может поговорить с товарищем Сталиным. Он не произносил его имени, но тот факт, что он часто звонит и спрашивает как дела, как настроение – для нас очень много значило.

– Ничего, терпеть можно.

– Хорошо, я надеюсь на вас.

Еременко приезжал. Он двое суток ко мне переплывал только через Волгу, чтобы поговорить. Волга кипит, горит и все-таки он ко мне приезжал на каком-нибудь катеришке. Мы с ним старые приятели.

– Мне товарищ Сталин приказал навестить тебя, посмотреть, как ты живешь, в чем ты нуждаешься?

В отношении боеприпасов и прочего снабжения плоховато было. Подвоза ни черта нет, снарядов мало. Как дашь в Москву телеграмму – моментально дается ответ, и сразу чувствуешь материальную поддержку. Подвоз боеприпасов и снарядов для

нас – это было все. Тут была помощь не только морального порядка, но если что-либо надо прошибить, всегда через Москву. Верно, я редко прибежал к этому делу, но все же прибежал.

Раненых эвакуировали на ту сторону. «Истекает кровью, – пишу в Москву, – умирать мы согласны, деремся мы храбро, Сталинград удержим, давайте силы!»

Дают. Прямо пишут: «КП, мне». «Почему Чуйкова не снабжаете тем-то и тем-то, направляйте то-то и то-то».

Мы регулярно получали газеты. Разве бойцу не лестно прочесть, что, начиная с передовицы и кончая последними страницами, центральные газеты «Правда» и «Известия» все время пишут: «Сталинград, Сталинград».

Мне главный заместитель начальника Санитарного управления Красной Армии говорил: «Идет тяжелораненый боец. Его спрашивают: откуда и куда?» Раненый ударяет себя в грудь и говорит: «Из 62-й армии, три раза ранен, выздоровею и вернусь туда обязательно».

А посылок сколько нам слали со всех концов Союза. Мы все-таки умудрялись бойцам преподносить эти подарочки: пару яблок, кусок колбасы. Но лучшие особо отличившиеся бойцы все время получали.

Что говорить... Приезжает Мануильский, хочет ехать к нам. Гуров согласился. Я категорически возражал и не пустил к себе. К чему человека потерять? Не обязательно, чтобы член Исполкома Коминтерна приехал нас поддерживать, мы пока еще не падаем, а рисковать мне просто было жалко. Я уговорил его, и он к нам не поехал.

А жена что мне пишет: «Я знаю, ты в Сталинграде. Там опасно, но я горжусь борьбой сталинградцев. Это похоже на единоборство с фюрером. Побей его похлеще, чтобы он язык высунул, как это показано на картинке». А бойцам что писали? А командирам что говорили?

В отношении страны, в отношении Москвы, в отношении высшего командования, лично товарища Сталина язык не повернется плохое что-нибудь сказать.

Чувствовали себя обреченными, потому что физически мы были отрезаны от всего, чувствовали всю тяжесть своего положения, чувствовали, что умрем, если надо будет по обстановке, но чтобы про нас кто-либо забыл или не оценил, этого мы не чувствовали. Конечно, мы знали, что писать открыто про защитников Сталинграда, называть персонально было нельзя. Это была военная тайна. Но, когда в Наркомате обороны состоялось постановление в отношении того, чтобы особо выделить 62-ю армию, то у каждого бойца нос на квинту, козырем начал ходить.

Я, по разрешению товарища Сталина, в 1943 г. летал на самолете к своей семье в Куйбышев. Это как раз совпало с празднованием годовщины Красной армии 23-го февраля. Я был приглашен в театр. Меня уговорили выступить минут на 5–10. Там был Маршал Советского Союза Шапошников. Выступали многие, их встречали тепло, но когда последнему мне дали слово, я, как дурак, минут пять стоял. Начну говорить, меня прерывают. Чувствовал, насколько все-таки наше положение и нашу борьбу понимали.

Все наши бойцы были уверены, что армия должна быть гвардейской. Все были уверены в этом. И сейчас непонятно, почему этого не сделали. Почти все дивизии получили звание гвардейских дивизий. Имейте в виду дивизии, а армейские части, армейское управление? Вновь прибывшие дивизии, даже не гвардейские совершенно по-другому будут относиться и по-другому будут рассматривать задачи, которые перед нами стоят и с них всегда больше спрашивают.

Наша армия вела до 14.00 2-го февраля 1943 года. Привязанного зайца каждый охотник возьмет. Ставка Паулюса окружена, что его не взять? Но выдержать натиск его авиации, артиллерии – вот с кем надо было состязаться. Пленными мы не блещем, но количество убитых!.. По-моему, весь фронт столько не перебил, сколько мы перебили. Привязанного зайца может взять всякий, но, когда он не заяц, а когда он гидра, вот с ним побороться и вот где честь. Это не просто трупы, которые лежат во всем городе, это были звери в полном смысле слова. С ними приходилось бороться.

Чем дальше шли наступательные бои, тем упорство противника ослаблялось. Артиллерия мало работала, авиация уже не бомбила, но они сидели в хороших укреплениях, в хороших блиндажах, патроны у них были, стреляли. Так что из каждого подвала, из каждого окопа, из каждого блиндажа приходилось выковыривать штыком, гранатой или жечь. В этом отношении наши люди приспособились. 20–30 ручных гранат запустят в блиндаж или термитной пашкой подожжет.

Жертвы с нашей стороны небольшие. Последний бой 2-го февраля. Бои закончились боями за поселок «Баррикады». Мы как раз с Гуровым стояли в этом пункте и наладили все это, организовали. Наши бойцы идут в атаку с танками, артиллерией, прямой наводкой разносят фрицев. Мы находимся в 500 метрах и наблюдаем все это дело. Фрицы стреляют, не сдаются. Из одного убежища выкурят, часть побьют, часть уничтожат огнем, преследуют – не сдаются. Тогда наша пехота ворвалась в сам поселок и завод. Вдруг около двух часов 2-го

февраля, мгновенно как дирижер оркестра махнул палочкой, все прекратилось, ну моментально. Тогда и наши прекратили. Никакой стрельбы, ничего. Мы с Гуровым пришли к заводу «Баррикады». Нас встречает с этого завода толпа пленных. Когда смотришь на этих фрицев, думаешь: «Черт возьми, все вы такие изможденные». Офицерство, правда, сытое, полны карманы колбасы. Дико казалось. А с другой стороны отлегло у всех бойцов и командиров. Лица у бойцов были какие-то напряженные, сумрачные, смотрели зверем, а тут начинают выбататься, идет вразвалку, вроде как победитель.

Был какой-то один момент, когда из штаба фронта позвонили – прекратить действия до 10 часов. Я возмутился, думал – зачем такое унижение. Предложили? Не сдались, теперь сдаются на милость победителя, выбрасывай белый флаг и все, а там дело наше, что с вами делать! Потом это отменили. Возможно, что Москва тут вмешалась – передышки им не давать никакой... Очистка от засевших фрицев продолжалась до 20-го февраля, сидели проклятые. По-видимому, набрали харчи, спрятались и сидели. В частности на заводе «Баррикады» группу обнаружили в подземном хозяйстве. Дожидались, по-видимому, возможности проскочить из подвалов. Их вытаскивали. Авиация им подбрасывала продовольствие. Думали создать свой потайной цейхгауз и сидеть около этого цейхгауза. Там два командира корпуса были и командир дивизии, все генералы из штаба армии.

Спрашиваю, что это вы так плохо воевали? Что вы нас не сбросили в Волгу?

– Это вам повезло.

– Как это повезло? Сегодня повезло, но нужно немножко и умение.

– От ваших бойцов никто не ожидал такого сопротивления.

Они на этом просчитались и просчитались крепко.

– Вы знаете, какая армия стояла против вас?

– Конечно, знаем, 62-я.

– Где мы находились?

– Ваши пленные говорили, что вы находитесь здесь, но мы не верили, считали, что здесь штаб дивизии. Где вы фактически находились?

– А в том месте, где мы с вами беседуем.

– Да очень жаль, что поздно узнали.

Немецкие генералы просидели часа четыре пока их собрали, покормили. У них одна забота, а где наши вещи, где наши денщики с вещами? Эта частнособственническая база, а вдруг вещи их пропадут, довлекла над всем. Для нашего командира и бойца это совершенно дико.

Спрашиваешь их, как вы оцениваете положение, военную обстановку?

– Мы ничего не знаем. Мы ресурсов своих не знаем. Мы оторваны, окружены, связи нет. В общем, толком ничего не говорят, и мы ничего не добились от этой сволочи.

Еще раз повторяю, чтобы чувствовалась самоотверженность – нет. Сидели в блиндаже, чай пили, а своих денщиков поставили как бы в оборону. Один лейтенант пришел, в потолок пустил пулю, и они руки подняли. Выпустил пару пуль в себя и все в порядке. Я так понимаю, так должен драться командир – большевик. В общем, Сталинградская битва выявила столько героев, о которых мы знаем, что действительно удивляться приходится на что способен наш русский народ, советский народ, а сколько героев мы еще не знаем, наверное, их в десять раз больше.

Лед идет, ни пройти, ни проехать, и все-таки связисты умудрялись или пешком переходить с того берега на этот или на лодке, чтобы проложить линию. 64-я армия ахает, как наши полки, наши паромщики уносились течением вниз по Волге. Они плыли мимо фашистов и оттуда доставлялись мертвыми. Людей затирает льдами, их немцы расстреливают, они плывут дальше. В Бекетовке заметят, что плоты идут, притягивают плоты к берегу и видят, что все бойцы мертвые.

Хочется рассказать такой случай. Весь Военный совет, в том числе и я, стоял и наблюдал. Двигается колоссальная льдина, идет и упирается все время в берег. Льдина у берега трещит. Думаем – остановится льдина или нет? Если остановится, мы спасены. Не остановится, значит ни на лодке, ни пешком не можем пройти. Заметили мы ее в три часа дня. С треском и грохотом все это идет. В шесть часов против нашего командного пункта останавливается. Стоит минут 10, стоит 30 минут. Мы стоим и наблюдаем – пойдет дальше или нет? А лед все прибывает. Так простояла она до 9 часов вечера, а вечером наши бойцы пошли по этой льдине на тот берег. Когда пошли морозы и заковало реку, у нас образовался ледяной мост. Летом можно было переправляться катерами и другими плавучими средствами, но когда лед пошел, то он отрезал все совершенно.

С 25 сентября 1942 г. если огородить колючей проволокой Сталинград, начиная от р. Царица, кончая заводом «Красный Октябрь», то вполне можно было сказать, что это «лагерь вооруженных пленнных» [...].

Документ № 2

«Лучше всех воевали сибиряки». Из беседы с генерал-майором Александром Ильичем Родимцевым – командиром 13-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии. 7 января 1943 г. Сталинград.

[...] Я на Харьков наступал. 4 км было до него, не дошел. Там вышел целиком с дивизией, но потрепали крепко в Перемоге. Потом под Доном дрался много в 62-й. Я вышел в сентябре, 14 числа. Я прибыл с этой дивизией, но она была уже доукомплектована. Командиры остались все. Это была 87-я с.д. Потом ей дали 13-ю гвардейскую. 19 января будет ее годовщина. Сюда я тоже шел очень плохо. Народ у меня исключительно хороший был, все были из училищ. Они должны были выходить средними командирами. Состав у меня был 10 тыс. человек – дивизия нормальная и народ исключительно хороший, обучен весь. Заместитель командующего Западным фронтом Голиков смотрел, когда переправлял дивизию.

Я до 13-го орудия получал. 13 сентября здесь же на месте получил оружие. Тогда командующий Еременко крепко мне помог. Около 2 тыс. автоматов было одних. В общем, полноценная дивизия были. В ночь на 14-е уже здесь противник был. Если бы я только на одни сутки опоздал, Сталинграда бы не было.

Когда я был командиром взвода, командиром полка и дошел до командира дивизии, то, безусловно, душа лежала к кавалерии, хотел овладеть летным делом, а когда окончил академию и уже может быть стал более зрелым, то считаю, что все рода войск должны быть сосредоточены у этого командира, поэтому любить нужно все, что я знаю. Конница теперь у меня отпала лишь только потому, что я не воевал, как кавалерист. В Испании я воевал, как пехотинец. Здесь я тоже самое с конницей не воевал.

Был я в более трудных переплетах, чем в Сталинграде. Здесь я сидел в блиндаже в туннеле, когда кислорода не было, спичку зажигаешь, гаснет, но я сидел в блиндаже. Бросали гранаты на КП, но я считал, что в этом блиндаже меня не достанет. А когда был под Конотопом, поле был и когда танк заехал на блиндаж и начал разворачиваться, это другое. Потом, я в лесу был на КП. 27 раз самолет делал залет и только на мое КП. Он лес голым оставил и из блиндажей только два осталось. Тогда из комсостава мало кто уцелел. Буквально из-под танка выскакивали и бежали, отстреливаясь. Когда пришел к батальону, организовал опять бой и остался жив. То же

самое в Казацкой было, когда переоделся секретарь ДПК. Я по кусточкам шел и танк противника рядом, но мне нельзя ни из пулемета стрелять, ни из пушки. Когда они начинают гранаты бросать, я ложусь. Со мной адъютант шел, уполномоченный особого отдела. Те отбегут, потом вернутся ко мне. Люди организованно дрались. Противник окружил нас со всех сторон и хотел взять живьем. Но десантники были такие: ему приказал и дерется. Танки без людей ничего не сделают, а пехоту отсекли. Тут тоже на волосок от смерти был. Вышел то же самое и вывел людей. Это, когда в окружении был...

Ну, и Сталинград. Противник шел прямо на город. Потом, когда он здесь понес большие потери и увидел, что нельзя пройти, то пошел от Орловки на заводы. Там тоже было трудно. Тогда и вводили новые дивизии, мое положение улучшилось.

10 сентября я был уже в Камышине, получил приказ о том, чтобы на машинах переброситься в Среднюю Ахтубу. Дивизия еще не была вооружена, но оружие должно было быстро подойти. Я стал протестовать, что без оружия я не пойду, потому что у меня были моменты, когда люди оставались без оружия и это оружие нам приходилось отбирать у бегущих. Я был вызван к прямому проводу. Разговор с Василевским. Он приказал получить оружие там, Сталинград в тяжелом положении... 14 числа получаем приказ переправиться через Волгу и войти в состав 62-й армии, которой командует генерал-лейтенант Чуйков, член Военного совета Гуров. Обстановка не знаем. Тогда же мне поставили задачу один полк переправить на переправе № 62 и на центральной два полка. Задача того полка - 39-го овладеть высотой 102, а этим двум полкам, 42-му и 34-му была поставлена задача переправиться на центральной переправе и очистить город по реке Царице. Один батальон дать в распоряжение командующего 62-й армией. Какая цель была передачи этого батальона? Я лично считаю, что для охраны самого штаба, который тоже находился в кольце противника.

Еременко приказал переправить к ночи все и самому со штабом на тот берег. Я обстановку совершенно не представлял, считал, что противника пока нет на берегу. Но, когда сделали первый и второй рейс, 1-й и 2-й батальоны были выброшены для того, чтобы создать определенный плацдарм, получил сведения, что противник на берегу, батальон уже в бой вступил, прямо вылез из воды и дерется. Я тогда стал форсировать, патроны, буквально, на баржах выдавал. Сразу был погружен 42-й полк, полторы тысячи человек. Машинист стал что-то крутить, взад, вперед – никак. Уже пулеметами

начал противник обстреливать, из артиллерии. Он струсил. Пришлось его расстрелять, поставить другого. Стали переправляться. Переправился командир 42-го полка полковник Елин. Он первый пустил в бой свой полк.

Утром я вижу, что нужно переправляться всей дивизии. Позвонил Еременко, прошусь на тот берег. Днем посадил штаб на катер и переправляться. Это часов в 10 утра. Противник сильно обстреливал наш катер, ранил начальника инженерной службы подполковника Узкого миной. Переправились. Там были работники НКВД Сталинградской области. У них штольня была. Там я сделал КП, потому что ВЧ работал с Еременко. С Чуйковым связи нет никакой. Уже днем переправилась еще баржа одна за мной. Эту баржу потопили снарядами....

С Чуйковым связи нет никакой. Уже днем переправилась еще баржа одна за мной. Эту баржу потопили снарядами. Авиация была в это время, но она не так еще сильно действовала. Потом переправился, узнал обстановку, дал определенное направление полкам и начал вести наступление. 14 числа, 15-го я еще связи не установил с Чуйковым. 15-го к исходу дня я вышел на железную дорогу, вокзал захватил, уже потери имел. Меня вызвал Чуйков к себе. Часов в 17 пришел к нему. Дорогой авиация меня прихватила крепко. Пришел, доложил, как состав прибыл, какое положение сейчас. Он поставил мне задачу и с этого времени я связь с ним установил. Тут уже руководство стало выше.

39-й полк с ходу захватил высоту 102. В дальнейшем продвижение успеха не имело. 16 числа была поставлена задача о том, чтобы ударом в направлении Мамаев курган и севернее Базисная 39 полку захватить поселок и не дать возможности противнику прорваться крупными силами в центр города... 42-му и 34-му полкам была поставлена задача: 34-му, командир подполковник Панихин, очистить улицу у разгранлинии, овраг Долгий и ул. Нижегородская, выйти на железную дорогу; 42-му полку, командир полка Елин – разгранлиния справа, Нижегородская, левее р. Царица, очистить улицу и высоту и выйти на линию железной дороги параллельно Волге.

К исходу дня 16 сентября 39-й овладел высотой 102, западными скатами Мамаева кургана и закрепился. 34-й, несмотря на большие потери, очистил улицу и вышел двумя батальонами на железную дорогу, там закрепился и одним батальоном вел бой на ул. Тамбовская. Этому батальону в ночь была поставлена задача – во что бы то ни стало выйти на железную дорогу, но он так и не вышел. Противник подбросил свежие

части и упорно сопротивлялся. 42-й полк первым захватил вокзал и удерживал его, а двумя батальонами вел бой. 3-й батальон дрался на улице Коммунистической и второй батальон на ул. Островского. В руках противника был дом специалистов и Госбанк. День 16-го на этом закончился.

17 числа утром противник перешел в контрнаступление. При сильной авиационной подготовке перешли в наступление на высоту 102 до 40 танков и до двух полков пехоты. Все атаки были отражены и высота Мамаев курган находилась в наших руках в течение 17-го. Полк выдержал больше 800 самолетовылетов немецких, командир полка Долгов. С этим полком у меня связи не было. Он связь держал с ВПУ (военно-полевое управление) на переправе 62 с заместителем Чуйкова и отсюда получал задачу самостоятельно.

17 числа начались ожесточенные бои. Организованного наступления, какой-либо основной группировки иметь где-то и нанести удар не было никакой возможности. 17 числа переходили из рук в руки одни и те же улицы, одни и те же здания, 18, 19, 20 числа. 20 числа я получил донесение о том, что вокзал противник сжег. Наши люди, находившиеся там, оставили его и заняли рожицу Коммунистическую у Привокзальной площади и здесь закопались. Не помню, какого числа пришла 92-я бригада. Эта бригада была направлена на левый фланг к элеватору. Задача ей была поставлена – очистить мелкие группы противника, просочившиеся на элеватор и там закрепиться.

Не помню, какого числа, командный пункт командующий уже сменил, 272-й полк остался в районе Краснознаменское и Тургеневская. 17, 18, 19 числа шли уличные бои. Дом один наш, потом противник, потом опять наш, так что нельзя определенно сказать, где был фронт. Первое время опыта уличных боев не было. Слабости здесь заключались в том, что не учитывалось положение, что противник уже занял Сталинград.

Нужно было готовиться к уличным боям, то есть давать определенные улицы, определенные дома определенным группам, а не ставить задачу на таком-то фронте наступать такой-то дивизии. Немцам было лучше в этом время. Они как с первых дней захватили дом специалистов и Госбанк, так он и сейчас в их руках, а рядом наши на расстоянии 30 метров и сколько я ни пытался, взять их не мог. Первое время я мог бы это сделать, но не хотел губить людей, а думал выйти на железную дорогу, отрезать, дадут мне пополнение своевременно и я создал такой плацдарм, который не даст возможности противнику удержаться. Но получилось наоборот. Когда он на-

жал на левую группу, та перешла на левый берег. Там командир и комиссар дивизии были расстреляны. Таким образом, мой левый фланг, сосед мой левый был противник.

До 22 числа такие переменные бои шли день и ночь, то они захватят дом, улицу, то наши. И так организованным порядком штурмующие группы были созданы, направлены, кто, куда должен выходить. Вели борьбу, каждому подразделению улицы давались. Это длилось до 22 числа. 22-го противник подтянул свежие силы до двух полков пехоты, около 70 танков, перешел в наступление в направлении Крутого оврага и площади 1 января, то есть на 34-й полк подполковника Панихина. Танков у меня не было, но была организована противотанковая система, ПТР было в дивизии около 300, но они были по подразделениям. Батальон единственный у него есть ПТР и дивизион ПТО 19 противотанковых ружей, и он стоял в районе 34-го полка.

Утром, примерно часов в 10 22-го противник перешел в наступление, смял передний край, вывел из строя 6 пушек, захватил площадь 9 января. Здесь подавил несколько ПТР, то же самое вышел на Артиллерийскую улицу. Бойцы, истекая кровью, в этом бою подбили 42 танка у противника, уничтожили до полутора тысячи немцев и на этом противник прекратил наступление. Он больше не мог продвигаться. Панихин находился здесь в трубе. Обстановка была тяжелой. Некоторые танки противника даже прорвались к Волге, к трубе продвигались, но сильным артиллерийским огнем, противотанковыми средствами были отброшены, часть подбита, часть сожжена. Здесь атака противника захлебнулась, и ему пришлось отскочить назад.

23 числа противник мелкими группами старался улучшить положение. Получил я небольшое пополнение, человек 500, 23 числа перешел в контратаку, но никаких успехов территориального порядка я не имел, потому что превосходство сил противника раза в три-четыре было. Тогда я поставил задачу перейти к активной обороне, дать возможность подтянуть резервы на эту сторону и потом, взаимодействуя с другими дивизиями, перейти в решительное наступление. Связь с Чуйковым была все время. Чуйков тогда отдал приказ перейти не таком-то участке к обороне и закрепиться. 1-й батальон старшего лейтенанта Федосеева был отрезан, когда оголился левый фланг и справа прорвалась группа противника и окружила его. Этот батальон перестал существовать уже ко 2 числу. Связь с ним восстановить нам не удалось. Об их действиях я могу сказать только на основе донесений; со слов

командира, который был ранен, вышел и санинструктора. В донесении было сказано: «Пока через мой труп противник не пройдет, ни один из нас не уйдет». Таким образом, этот батальон до последнего человека героически погиб на месте.

Бои уже носили местный характер. Борьба шла за каждый дом. Противник перегруппировывает здесь силы. Видя, что ему оказывают большое сопротивление, – а он здесь положил примерно около 70 танков, до тысячи пехоты, – чувствуя, что здесь не будет успеха, противник пошел севернее на Орловку, заводской район, обходом направо. До 1 числа у нас было более или менее тихо. Потом я стал просить у командующего о том, чтобы мне дали 39-й полк, то есть пришла уже новая дивизия, 284 Батюка. В ночь на 1 октября полк этот был сменил и я его выбросил на левый фланг свой с задачей обеспечить центральную переправу, улицу Пензенская, Смоленская, не дать возможности противнику прорваться к Волге.

Когда был сменил полк, сюда перешел, на второй же день эти доблестные войска отошли с Мамаева кургана и он был захвачен немцами. Таким образом, он забрал под огонь почти всю Волгу и высота 102 до сегодняшнего дня у него...

У меня погибло четыре тысячи с лишним здесь. Это не так просто досталось. Одно орудие дралось, три танка подбило. Потом его ранило тяжело, и пока четвертый танк не наехал, не раздавил, ни один не отступил назад и не было такого момента, чтобы где-либо отступили, захватили. Там умирали, но народ не отходил... 2 числа противник захватил весь Мамаев курган и таким образом взял под обстрел все переправы. Когда противник организовал одну группу в направлении высоты 102, он в ночь выбросил два батальона саперных в промежутке оврага Крутой и Долгий, вышел на берег, на КП командира 34-го полка и начал забрасывать гранатами. Связь с ними была прервана.

Командир полка только сообщил по телефону: «Я уже погибаю, противник на КП, гранатами забрасывает». Было решено тут же в ночь бросить мой резерв: разведроту, часть людей из караула, из заградбатальона взвод, и полковник Елин собрал группу, комендантскую роту, разведку, автоматчиков около полтора человека, дивизионная разведка, заградительный батальон 30 человек, комендантская рота 10 человек. Группа № 1 командир Вайцеховский, пошла с севера на юг на помощь 34-му полку – под командой капитана Цвигуна, начальника штаба 42-го полка, группа в 150 человек пошла с юга на север. Таким образом, отрезав пути отхода противнику, уничтожили прорвавшихся здесь немцев. Тут было трупов около 200. Часть раненых

противника ушла. В общем, эта группировка была почти вся уничтожена. В 34-м 400 человек было раненых и убитых.

Таким образом, 1-го числа положение было восстановлено. Высота 102 была потеряна, когда 39-й полк ушел оттуда. Этим самым была дана возможность противнику обстреливать мой правый берег ...Дальше начались контратаки на севере. Я получил приказ на достигнутом рубеже, на занятых улицах закрепиться и перейти к прочной жесткой обороне, и это было вызвано тем, что людей уже мало осталось. активных действий проводить уже нельзя было, левая группа перешла на левую сторону. Мне ставилась задача обеспечить крепость действий на севере, своим правым флангом не дать возможности противнику прорваться к переправе и захватить Волгу. Дальше активных действий не было. Противник на моем участке то же самое перешел к прочной обороне. За время октябрь, ноябрь, декабрь мы улучшили свои позиции с тем, чтобы не дать возможности противнику обстреливать Волгу. Захватили Г-образный дом, дом железнодорожника и тут уже шли бои только местного характера. Г-образный дом, дом железнодорожника не давал возможности переправиться по р. Волге и ходить здесь свободно. Мы могли ходить только по траншеям. Поэтому задача была поставлена командующим – захватить опорные пункты. Г-образный дом, дом железнодорожника, дом ВВС и школу 38; 2-му полку, усиленному двумя батальонами, захватить дом железнодорожников, школу 38 и выйти на площадь 9 января, там закрепиться. Я сам пошел к Елину в 42-й полк к мельнице на КП командира роты. Оттуда хорошо наблюдать, операция была подготовлена исключительно хорошо. Каждый боец знал, куда он идет и что делает, какой угол, на какие огневые точки набрасываться и после этого, куда он становится и открывает огонь. Артиллерии была поставлена задача перед моментом наступления дать сильный 10-минутный налет и во время этого налета должен начаться штурм. Расстояние до противника 40–50 метров, в одном месте Г-образный дом, во втором месте дом железнодорожников, школа 38 – метров 100.

Перебегать нужно было площадь 9 января, которая сильно обстреливалась противником. 34-й полк, получив такую задачу и 42-й, начали подкапываться вплотную днями и ночами и почти дошли на 20–30 метров. Ночью они рыли траншеи, а днем скрывались от противника, к утру замаскировывали это дело и почти подошли вплотную. Это они сделали дней за 6, прокопали метров 60. людей там работало не так много, по два были вперемешку. Земля наверх не выбрасывались, а

выносились к Волге за обрыв. Это была подготовка для штурма. День атаки был назначен утром на 10 часов 3 декабря. Я пошел на наблюдательный пункт в 42-й полк в 7-ю роту. Там командир полка был, а здесь остался комиссар Вавилов. Он пошел на наблюдательный пункт в трубу. Мне можно было наблюдать и Г-образный дом, военторг и площадь 9-е января. Панихину был приказ сделать внезапную атаку без артиллерийской подготовки, в 6 часов ворваться в Г-образный дом. В 10 часов должен наступать 42-й полк. Артиллерийская подготовка в 6¹⁵ должна быть, то есть методический огонь до 9⁴⁰ на разрушение отдельных огневых точек противника. Вывели орудия и прямой наводкой били по амбулатории. Была привлечена огнемётная рота 28 огнемётов, 10 огнемётов было у Панихина у Г-образного здания и 18 в 42-м полку. Задача огнемётам была поставлена при захвате опорных пунктов выжигать немцев из подвалов. Мы много раз брали эти дома, но не смогли удержаться в них, потому что люди не особенно шли. Противник контратаковал, и нашим приходилось или гибнуть, или отходить в свои окопы. Мы должны были поставить группу, которая после захвата остается и закрепляется.

Сама организация была продумана исключительно правильно. В 6⁰⁰ группа заскочила в Г-образный дом без единого выстрела. То, что находилось наверху, было моментально уничтожено. Там было 6 этажей. Прямо вскочили туда, и внутри начался бой в комнатах, на этажах. Наши наверху были, они внизу, некоторые на 7-м этаже были. Люди буквально резали, били. Потом уже там трупы выносили, и наших и их. Вопрос стоял такого порядка: если из подвала не выбить, то будет плохо. А там их человек 60 было. После мы взяли одних только пулеметов 17, 18 винтовок, автоматов, огнемётов, две пушки противотанковые, минометы были.

Тогда, когда я был там, в 10 часов начался штурм железнодорожного здания. Это было захвачено. Одного пленного взяли, трупы фашистов, часть людей побили, часть перешла в школу 38 и оттуда противник начал контратаковать. Я приказал Жукову, исполняющему обязанности командира батальона, организовать систему огня. Он хорошо организовал до начала наступления, то есть расставил огневые точки, штурмовые группы, поставлена задача бойцам, кто, куда должен идти, как должен идти. Но одну «мелочь» спутал, самое основное. Станковые пулеметы не должны были идти в наступление, а должны были поддерживать. Он их не зарыл в землю, а замаскировал за углом один и правее, слева другой. Когда пехота пойдет на штурм, он должен открыть из этих пулеметов

и минометов шквальный огонь для того, чтобы задушить огневые точки противника. Он это сделал, но не сделал блиндажа, который бы предохранял бы от мин. Когда пехота поднялась в атаку, немцы открыли минометный огонь и прямо по пулемету. Пулемет из строя вышел, второй то же самое, а пехота уже пошла. Ее начали резать. Тогда он выскакивает и с наганом: «За Сталина, за родину – вперед», – а поддержки, огня нет. Я метрах в 60-ти был тут же, приказал немедленно эту бестолковщину отменить. Там человек 8 убитых и человек 20 раненых. Потери получились потому, что огневые точки противника не были ослаблены нашим огнем, а наши были подавлены.

Вторая группа командира батальона Андрианова. Тот зарыл пулеметы в землю. Когда началась контрогневая подготовка немцев по нашим пулеметам, то эти пулеметы стреляли, не обращая никакого внимания. Штурмующая группа как поднялась, сразу рывок и внутри уже началась борьба. Таким образом, был занят железнодорожный дом и одна группа пошла на школу 38, но людей было недостаточно для того, чтобы осуществить это. Мы считали, что в гарнизонах по 20–30 человек, а там целиком роты были по 70 человек.

Когда я узнал, что в Г-образном доме идет борьба, я приказал Панихину, во что бы то ни стало, этот дом очистить любыми средствами. Панихин мобилизовал людей, организовал. Заместитель у него Куцаренко по строевой части. Было поручено ему уничтожить противника в подвале. Там подвалов очень много. В одном подвале пробрили ломами потолок и как дали туда двумя огнеметами. Там было человек 20 и всех сожгли. В другой подвал 250 кг толу положили на потолок, потом взорвали и все там и остались... Часть немцев сбежала.

Бой шел 26 часов. К утру мы полностью освободили и закрепились. Сейчас расстояние 30 метров друг от друга. Школу 38 некому было брать. Этот дом имеет большое значение, из него виден весь Сталинград. Там были применены новые средства. Сама жизнь заставляет людей думать и знать свой маневр. К подвалу трудно было подойти, артиллерия не могла разрушить и вот ломами били, пробивали, а потом огонь давали, то есть выжигали из укрепленных точек, а потом подрывали.

«Под домом железнодорожников подкоп у нас 50 метров был прорыт под землей на глубине пяти метров. Туда было заложено толу три тонны. Потом была подготовлена штурмующая группа. В момент, когда взорвется огневая точка, она должна идти на штурм. Там получилось немного не так, то есть дали пополнение, а люди не пошли – узбеки, которые крайне плохо воюют. Из этой группы, кто не пошел, расстреляли всех. Ста-

вилась задача после взрыва этой группе, обеспеченной огнем, ворваться в железнодорожный дом. Там были люди русские, старые бойцы, которые хорошо воевали, разведчики. Крик исключительно сильный был. Там было три огневых точки, 30 человек офицеров и солдат. Они там и остались. После этого кинулись в атаку. С момента взрыва полторы минуты летит земля и осколки камней, а от места действия 30 метров, таким образом, в диаметре будет 60 метров. На этом расстоянии была штурмующая группа, а до дома этого 20 метров. Я рассчитал, что полторы минуты они сидят после взрыва и минута на бег. Если они пойдут все, безусловно, ворвутся и захватят этот дом. [В] две с половиной минуты были саперы организваны, которые должны были проволоку резать и толовые шашки забрасывать в амбразуры. Саперы, разведчики кинулись, проволоку перерезали, толовые шашки забросили, а штурмовать некому, они все лежат. Саперы и разведчики погибли. Командир взвода поднимал за шиворот, расстреливал – мы не пойдем. Лучше всех воевали сибиряки».

Документ №3

«Пионерами снайперского движения полка были: Александр Калентьев – сибиряк и уралец – моряк Василий Зайцев...». Из беседы с гвардии капитаном 1047-го полка 284-й стрелковой дивизии Николаем Никитичем Аксеновым. 5 мая 1943 г.

Родился в 1908 г. в селе Подойникове Панкрушихинского района Алтайского края. До Великой Отечественной войны преподаватель Томского педагогического института. В армии с 8 сентября 1941 г. В Сталинград приехал 30 сентября 1942 г.... К самому берегу Волги я подъехал, когда уже начало темнеть. В тот момент Сталинград казался особенно страшным. Все было в огне. С берега стекала нефть с разбитых цистерн Нефтеиндиката и огненный вал, который отражался в воде, усиливал впечатление от величины пламени. Состояние было очень тяжелое. Ночью переправились через реку. Немцы обстреливали баржу, на которой мы переплывали. Случилось так, что канат буксира, на котором была прицеплена баржа, порвался и буксир уходил на берег за канатом, а мы стояли на середине реки на якорях и нас противник обстреливал. Вся эта переправа длилась, примерно, часа два. Были раненые на барже. Мины взрывались около баржи. Особенно неприятно было то, что немцы бросали на парашютах ракеты, река ярко освещалась, а деваться нам было некуда.

Утром 1 октября я пришел в свой полк. Утром для того, чтобы ознакомиться с оперативной частью, я прошел на передовую по всему участку полка. Тут я насмотрелся всяких ужасов. В самом конце сентября немцы бомбили расположение нашей дивизии, и особенно Нефтесиндикат, где мы занимали участок обороны. Было много наших убитых: люди валялись не зарытыми всюду, много трупов лежало в воронках, много было гражданских убитых – женщин и ребят около лодок, около построек домов – всюду. Я пошел сразу на завод «Метиз». Завод горел. Запах гари, трупный запах, жарко, пыль, дым – такое было впечатление. Шел бой на участке 1-го батальона.

Я узнал, что за первый день боев у нас было потерь до полутора тысяч человек убитыми и ранеными, и 5 октября в полку было 1 300 человек. Были роты, в которых насчитывалось 20 активных штыков.

В начале октября особенно часто приходилось отражать атаки в двух пунктах нашего участка обороны: на заводе и на знаменитом Мамаевом кургане, высоте 102, 0. Передний край нашей обороны был приближен к немецкой обороне, примерно на 50–60 и до 100 метров. Такое приближение бывало редко. Чаще всего такой предельный край сближения бывал в уличных боях, которые сразу вызвали к жизни гранату. Отражение атак было, как правило, гранатами... На нашем участке немцы превосходили нас численно раз в пять – шесть. Это и по данным, причем немцы пускали отряды. Часто бывали дни, когда немцы шли на нас по четыре – пять атак в день... В первых боях особенно большую роль сыграл командир батальона Чабыкин. Его батальон, отбивая контратаки немцев в районе завода «Метиз», развил сильный наступательный порыв, они выбили немцев с завода. С тех пор завод остался в наших руках и стал прочным узлом сопротивления участка полка. В первых боях Чабыкин погиб от рук немецкого снайпера на улице.

Вместе с сибиряками большую роль сыграли моряки. Вот интересный факт, когда на моряхах обгорело обмундирование от нефти и бензина, они ходили в атаки в одних тельняшках, и так что моряки для того, чтобы воодушевить бойцов, зная любовь бойцов к морякам, снимали пехотинское обмундирование, оставались в морских тельняшках... Моряков у нас очень любили. С ними весело и дружно бойцы шли в атаку. Такая любовь к морякам возникла во время формирования еще в Красноуфимске. Там моряков долго ждали. Когда не хватало процентов 30 состава полка, командир все время обещал прислать моряков, чему наши бойцы радова-

лись. И так и случилось, что последняя партия пополнения была моряков. Это значительно повлияло на стойкость дивизии. Моряки были с Тихоокеанского флота... Интересно отметить моряка Крутелева. Он попал в роту автоматчиков. Крутилев научился прекрасно водить людей в атаку. Воодушевлял бойцов. Сам он здоровый, сильный, всегда с автоматом наперевес шел впереди. Точно судьбу его не знаю, слышал, что он был ранен. В первый день отражения контратак особенно прославился младший лейтенант Масаев, который также прекрасно водил бойцов для отражения атак. Это был первый орденоседец в полку. Он был внушительного вида, широкоплечий, высокого роста...

У командиров был интересный лозунг. Все слышали о славе сибиряков в прошлом, а в Сталинграде сибиряки стали себя называть сталинградцами. Когда был приказ идти в атаку, то явился такой лозунг: «Сибиряки – сталинградцы в атаку!» или «Сибиряки за Сталинград, за Сталина!»

Несмотря на все попытки немцев прорвать оборону в районе завода «Метиз» и Мамаева кургана, им этого сделать не удалось. В один день на Мамаевом кургане было шесть атак. Это было, примерно, 6–7 октября. Немцы решили совсем выжить нас с Мамаева кургана. 3-й батальон находился на восточных скатах кургана, немцы хотели овладеть полностью курганом, чтобы пройти к берегу и рассечь нас на две части.

Командир батальона Никитеев с лучшими своим командирами томичами, которые уже имели большой опыт боевых действий под Касторной, люди, которые уже побывали в окружении, выходили с боями из окружения – эти командиры держали хорошо свои подразделения. Несмотря на то, что немцы так часто наступали, боевые порядки не нарушались, и разбить батальон немцам не удалось, и батальон противопоставлял себя как большую силу. Командный состав, включая командира батальона, а также штабных командиров был всегда на переднем крае... КП был там, где был командир батальона... КП командиров рот были там, где грозила опасность...

Самым напряженным критическим днем на нашем участке был день 17 октября. С утра дотемна, продолжались бомбежки. Самолеты висели в воздухе непрерывными эшелонами по 30–50 самолетов одновременно. Воющих бомбардировщиков в Сталинграде называли музыкантами, они бомбили участки всей 62-й армии, и особенно завод «Красный Октябрь». Надо сказать, что бомбить передний край было опасно, так как наш передний край находился от них в 50–60 метрах, и они рисковали упасть в свои части.

Крупную роль в новом расположении боевых порядков в линии без эшелонирования, сыграл приказ товарища Сталина. Начиналось это с дивизии и кончалось взводами. Поэтому если бомбили, то жертвы были невысокими при этом расположении.

Большой урон немцам принесли наши «У-2» по ночам, но это было уже в ноябре... самолеты мы называли «огородниками» они приносили большую пользу перелетая Волгу с левого берега на правый и еще не долетая до линии обороны противника, они выключали мотор и начинали сваливать свой груз – бомбы, и только уходя в сторону, включали мотор. Поэтому «У-2» были неуловимы... Вообще надо сказать, что авиации в Сталинграде было очень мало, и слабая, не знаю отчего.

Не знаю отчего, но почти все люди дивизии болели поносом. Пили сырую воду, а Волга была загажена и нефтью, и трупами и обломками деревьев и т. п. Поносы очень изнурили всех. Я сам долго болел. У нас был повар Борис, который смеялся, что вылечит нас генеральскими сухарями. В то время командующий армией перешел на КП нашего полка и кухня командующего армией и нашего полка объединились, поэтому повар и говорил так.

К середине октября наш передний край упрочился. Немцы нас не теснили на Мамаевом кургане, наоборот, мы их немного потеснили. Мамаев курган был разделен на две части. Восточный – у нас, а западный край оставался у них, причем у немцев же остались водонапорные баки, чертовы купола, как их называли. В этих баках у них были главные наблюдательные пункты, все корректировщики артиллерийские находились у нашего переднего края в безопасности, сидя в этих баках. Поэтому господствующее положение на кургане оставалось за немцами. Вот почему позднее сражение за Мамаев курган по существу было сражение за баки: кто господствовал на баках, тот господствовал на Мамаевом кургане... Примерно 14 января был полностью взят Мамаев курган и баки. Длина Мамаева кургана вдоль берега можно считать метров на 1000, в ширину 400–500 метров.

Все бойцы и командиры исходили из одной задачи – как можно больше вывести из строя живой силы противника. Часто бывали такие приказы, которые я сам нередко получал от командира Батюка: «Сегодня в ночь выпустить 1000 мин». И мы били по площади минометным огнем. Прицельного огня ночью вести нельзя было, но мы заранее пристреливали участки... мы участки прочесывали пулеметным огнем. Наши бойцы говорили: «Мы имеем море огня и днем и ночью». В боеприпасах мы никогда нужды не имели.

По приказу командующего Чуйкова и командира дивизии надо было иметь свои переправочные средства. Баржи все были разрушены, сожжены и затоплены... Даже крупные катера и те торчали носом кверху на берегу. Единственный способ иметь свой транспорт – было пользоваться мелкими лодочками. Сначала в полку было семь лодок, а потом увеличилось до десяти лодок, причем в их числе было два понтона. Эту свою флотилию мы в шутку называли «флотилией им. Коробкова». Коробков был помощником начальника штаба по тылу, который сам создал эту «флотилию». Между прочим, это тоже бывший учитель и директор школы, прекрасный организатор и толковый работник. Он жив и здоров и награжден медалью за боевые заслуги. Утлые лодки оказались самым плавучим средством переправы через Волгу.

Лёд пошел по Волге 9 ноября и шел до 17 декабря. Нам это очень надоело. Это самый тяжелый период для армии. Лодки с большим трудом протаскивались между льдами туда и обратно, затирались во льдах, люди переходили с одной льдины на другую. Были случаи, когда лодки уносило вниз по течению к немецкому берегу, и тогда надо было лодки или бросать, или выбрасывать груз и уходить в сторону. Одну нашу лодку занесло ниже Сталинграда километра на три и пять дней мы разыскивали своих людей. В общем «красавица Волга» испытывала наше терпение и действовала нам на нервы. В эти дни мы не любили Волгу. Утром каждый спрашивал, не встала ли Волга. И немцы, как мы узнали от пленных, тоже с нетерпением ждали, когда встанет Волга...

11 ноября немцы перешли в наступление на участке завода Метиз, но из этого наступления ничего у немцев не получилось. На часть нашего участка пришел батальон 92-й бригады. Она должна была сесть на левом фланге, но ее переместил на правый фланг. Мы этот участок формально почти сдали, но пулеметные точки все еще находились там... А как на грех немцы ночью предприняли атаку, и человек 50 бросился на литейную завод «Метиз». В газетах этот эпизод описан, как один немецкий ефрейтор бросился в литейной на бойца Реутова, выбил автомат из рук и крикнул: «Сдавайся, рус». Боец не растерялся, ударил его и выбил в свою очередь автомат из рук немца. В это время выскочил снизу из блиндажа командир пулеметной роты старший лейтенант Большешапов и стал бросать в окна гранаты. Пулеметчики открыли огонь. Гранатами и пулеметным огнем нанесли немцам большие потери. Немцы растерялись...

11 ноября. Первый пленный на участке 1047-го полка 284-й стрелковой дивизии – ефрейтора, который подбежал к Боль-

щепцову, ранило, его взяли в плен... Взяли второго в плен и привели в штаб полка. Это был первый язык в Сталинграде. Раненого ефрейтора бойцам приказали нести на носилках, но так как был ноябрь, бойцы рукавицы еще не получили, они по дороге отбили ему все печенки, отогревали руки... С ним много возился врач Краснов, чтобы привести его в себя и допросить, Ему, правда, стало лучше, и он успел сказать, что он ефрейтор 216 полка, но больше ничего от него не добились, и он тут же умер. Второй пленный... держался этот пленный очень нахально и вызывающе. Он... член фашистской партии. Мы отправили его в штаб, а потом оттуда он был направлен в штаб фронта. Он еще чувствовал себя победителем и никаких признаков подавленности у него не наблюдалось. Он рассказал как тяжело было в эти дни с обмундированием...немцы его так и не получали до конца Сталинградской битвы, все время питали надежду ее получить.

Мы круглые сутки вели огонь и наносили большие потери немцам... Очень хорошо помогала пехота и дивизионная артиллерия... Хуже было с поддерживающей артиллерией, которая нас была часто самих...Почти с первых дней обороны Сталинграда появились кочующие минометы 150 мм, когда минометчик переходил с одного участка на другой. сначала это делалось для того, чтобы не засекали минометную точку..., ему приходилось бегать от одного миномета к другому. Особенно интересным был минометчик Есин, рабочий Митин и томич Медведев. Все эти три минометчика очень хорошо били по ходам сообщений, по дорогам, по подходам... На моих глазах Митин одним выстрелом 203 мм пушки пробил водонапорный бак... он пристреливал его и почти всегда туда попадал. Этим делом занимались ампулометчики или огнеметчики... Помню, как 25 ноября горел один бак..., что напоминало извержение вулкана. Огромное количество погорело в то время.... Хорошо работала 120 мм батарея омского учителя Борисова. Надо отметить, что среди командиров было много учителей, и мне казалось, больше всего приспособились к военной обстановке.

По инициативе начальника связи полка старшего лейтенанта Селезнева был протянут кабель через Волгу под водой... обыкновенный подводный кабель может служить не более 6-7 дней. Селезнев добился... что кабель держался целый месяц... Часто кабель горел в самом Сталинграде или его разрывало на куски минометным огнем. Был случай, когда немецкая бомба попала в бензобак, горючее хлынуло на берег, кабель горел. Надо было спасти кабель, чтобы держать непрерывную связь и один из храбрых линейных надсмотр-

щиков томич Прогресс Смирнов принял дерзкое решение – он схватил горящий провод и бросился в холодную воду Волги, дело было в ноябре. Он дотянул провод до воды, потом связал концы порванного провода... связь восстановил. Смирнов это делал три раза, опускал провод в воду, чтобы его спасти. Вода была очень холодная, но этот человек был способен на подвиг.

Большую роль в обороне Сталинграда сыграли и снайперы полка. В полку, которым командовал гвардии подполковник Метелев, снайперы появились в дни самых горячих боев за Сталинград, то есть в октябре месяце. Пионерами снайперского движения полка были: Александр Калентьев – сибиряк и уралец-моряк Василий Зайцев, ныне герой Советского Союза. Всего в полку было 48 снайперов. За время сталинградских боев на улице города и на Мамаевом кургане они уничтожили 1 278 немцев. Среди четырех лучших снайперов полка руководящая роль принадлежала Василию Зайцеву. Он был отличным стрелком и быстро усвоил технику снайпера и тактику одиночного бойца.... он выполнял обязанности полкового инструктора, почти во всех подразделениях полка. У него вскоре появились ученики, которых называют в шутку «зайчатами».

Интересно, что в Сталинграде чувствовалось, что каждый боец и командир стремился убить как можно больше немцев. Чувствовалась особенно жгучая ненависть к немцам... Это и было одной из причин породивших снайперское движение в полку. Бойцов, желающих стать снайперами, было очень много... Часто многие по своей инициативе ходили на передний край. Врач Краснов украдкой уходил на передний край и на своем счету имел восемь убитых немцев. Военфельдшер Извеков, находясь на переднем крае в блиндаже, перевязывал раненых, а затем перебежал на огневые позиции и стрелял из своей винтовки по немцам... Военфельдшер 2-го батальона стал снайпером, имел две квалификации: был военфельдшером и был снайпером. У него на счету 45 убитых немцев. Он награжден орденом Красной звезды. С ним был неприятный случай – он убил своего же летчика. Наш истребитель таранил немецкий бомбардировщик... Первый парашютист падал на нашей стороне, он горел, и струйка дыма шла от него выше парашюта. Мы не знали, чей это летчик, и когда он приблизился к земле, слышали крик. Смертельно ненавидевший немцев Зеков решил, что это немецкий летчик, дал очередь по нему и убил парашютиста, а он оказался нашим, дважды орденоносцем... Зеков был убит горем, на него это событие очень сильно повлияло. Мы похоронили убитого. Зекова судили, дали ему десять лет с отбыванием на передовой. Зеков

очень смелый и энергичный, боевой человек, фельдшерская специальность не подходит к нему. Он нес наказание на передовой, он начал уничтожать немцев вместе с Зайцевым и до конца битвы имел 45 убитых немцев. С него сняли судимость и наградили орденом Красного Звезды. Адьютанты командира полка и те украдкой ходили на передний край, увлекались снайперским делом. Начальник штаба, как только добрался до переднего края, стрелял из каждого пулемета. И меня при-страстил к этому...

В активной обороне Сталинграда большую роль сыграло повседневное укрепление переднего края обороны. Я, например, был специально прикреплен от штаба полка к 1-му батальону на Мамаевом кургане. Командиром батальона был старший лейтенант Георгий Бенеш... Мы с ним вместе наметили пути продвижения на Мамаев курган через траншеи. Это очень оригинальный способ наступления. Наступать нельзя было, так как в этом случае мы несли большие потери. Так, чтобы все – таки приносить немцам урон и улучшать ежечасно свое положение, шли вперед траншеями. Днем вели огонь насколько возможно, ночью расстреливали блиндажи и дзоты и рыли траншеи вперед. Улучшение переднего края сыграло большую роль в обороне Сталинграда, поскольку можно было проходить в разных направлениях для ведения огня. Мы создали там удобную систему перекрестного огня. Блиндажи располагались в разных местах. Мы простреливали лощины в любое время дня и ночи, и немцы никак не могли туда проходить...

Командир Бенеш был поистине храбрый человек: разведчик, снайпер, прекрасный тактик. Он никогда не думал о смерти, презирал смерть. Когда его спрашивали, боится ли он смерти, он говорил, что смерть носил до киевских боев, а после Киева смерть из души выбросил. Был такой момент: мы шли с ним вместе к передовой. Поднялись на Мамаев курган и попали под пулеметный огонь немцев. Надо было прилечь. Я ему крикнул: «Ложись». Он всегда шутил и мне, смеясь, ответил: «Если Бенеш умрет в бою за Сталинград, то умрет только стоя». Он любил и подразнить. Когда мы пошли на передний край, я вижу, что никого кругом нет, Бенеш приготовился стрелять из снайперской винтовки. Я в перископ стал наблюдать. Тут же по перископу начали стрелять, так внимательно следили за нами немцы. Я перешел в другое место. А Бенеш высунулся и начал стрелять. Вижу, он фуражку снял выше перископа. Немец выскочил из-под танка и побежал к баку. Бенеш успел его пристрелить. Он сказал, что это один-

надцатый убитый им немец. Несколько раз мы с ним ходили и днем и ночью и он не берег себя. Можно сказать, что он прямо преступно относился. И погиб он зря, глупо погиб. Переходил из одного дома в другой и его убило шальной миной. Он как раз шел с ...Радой Завадской. Он говорил ей: «И мы с тобою, Рада, на защите Сталинграда». Бенеш был поэт. Он сводный племянник Гроссмана, последнее время он просил меня разыскать Гроссмана, но мне не удалось этого сделать. Бенеш был представлен к награде, и приказ о его повышении и награждении пришел три дня после его смерти. Наградили его за бой под Касторной. Про Гроссмана надо сказать, что когда он говорил с командиром полка, даже не спросил о Бенеше и не поинтересовался его дневником. Дневник его сожжен. В дневнике он часто ругал командиров – трусов, много там было стихов его и правдивых вещей. Венеша похоронили на кладбище на берегу Волги. С тех пор там кладбище командиров 1047-го полка.

Кроме дивизии Батюка, начиная с 21 сентября и кончая 12 января, никто не был на Мамаевом кургане. Шли на Мамаев курган с большими потерями. Немцы нас хотели свалить с кургана окончательно. А мы хотели взять баки во что бы то ни стало, потому что Мамаев курган был господствующей высотой над городом и в ясную погоду с него просматривалось километров на десять. Над Сталинградом эта высота – метров 80. Получилось так, что вначале мы должны были стрелять кверху. Самое опасное и неудобное в оперативном отношении положение – занимать оборону на обратных скатах. Нельзя построить успешно огневую систему. Все время надо подниматься на гребень и, если уж удалось отбить немцев, и мы проходили на 5–7 метров. Это считалось победой. Тем самым мы упрочили свою огневую систему. Непрерывно и ежедневно, и ночью думали об улучшении своих позиций. И особенно много сделал в этом отношении Бенеш. У него был хороший помощник – старший лейтенант Болвачев. Мы были с ним большие приятели и когда ходили на передний край, внимательно все обдумывали. Я следил за этим участком очень тщательно.

18 октября был интересный случай. Настроение было хорошее. Когда я видел перед собой весь город, я почувствовал весь Сталинград и вспомнил про Царицын, про то, как я рассказывал об обороне Царицына в пединституте... Я рассказал свои воспоминания товарищам и сказал о том, что в 1918 г. Мамаев курган был и командным и наблюдательным пунктом товарища Сталина. Об этом мало знали. Бенеш заинтересовался подробностями. Затянул меня в блиндаж старшего

лейтенанта Литвиненко, где собралось человек пятнадцать рассказать об обороне Царицына. Я сделал что-то вроде лекций в течение часа... Когда все вышли из блиндажа, каждому хотелось посмотреть окопы 1918 года. Бенеш использовал этот рассказ и просил рассказать об обороне Царицына в других ротях. После этого бойцы еще больше почувствовали символическое значение обороны Сталинграда. То, что там был Сталин, глубоко проникло в душу бойцов и воодушевляюще действовало на их моральное состояние. И Бенешу хотелось занять Мамаев курган еще и потому, что он имел такую историю. В шутку мы называли Мамаев курган святым местом, местом, где был Сталин.

Ноябрь 1942. Немцы к этому времени целиком уже были окружены. Мы были в полукольце. А когда пошел лед, мы были почти в окружении и жили около полумесяца отрезанными. Нас снабжали не транспортные самолеты, как немцев, а «У-2» бросали нам мешки с боеприпасами и продовольствием. Понятно, что перед дивизией встал вопрос о Мамаевом кургане, о взятии баков, и о том, чтобы выйти на западный скат. Задача перед нами стояла очень трудная... Наступление на Мамаев курган и на баки нашей дивизии должен был проводить наш полк. Бенеша к этому уже не было. Командиром 1-го батальона был Жидких. 2-ой батальон находился на заводе «Метиз», 3-й батальон был вместе с нами на южных скатах кургана и также наступал, но решающую задачу должен был выполнить 1-й батальон 1047-го полка. К этому времени была уже разработана новая тактика наступательных боев. Тогда уже знали, что мелкими штурмовыми группами наступать гораздо выгоднее....

Первые атаки не имели успеха и было очень много потерь, бросались на штурм. Командиры вне всяких правил шли впереди, безуспешно. Из 20 человек оставались в батальоне 4–5 человек. Остальные были или убиты или ранены. В день мы ходили в атаку по три – четыре раза, причем в разное время: и рано утром, на закате, и днем и ночью. Испробовали все и безуспешно. В первые дни наступали вместе с танками. Два танка ушли за баки, один был сожжен, другой пропал без вести. Остальные танки не могли пройти, один был испорчен, другие подожжены... Между прочим, не совсем удачно подерживала артиллерия... часто была неудачно, по своим. За баки бои шли 20, 21, 22, 23, 24, 25 непрерывно. В первые дни я сам находился в штабе командир полка и начальник штаба все время там находились. 26, 27, 28 я был сам на передовой, на наблюдательном пункте и на передовой, где командиром

старший лейтенант Устюжанин. Шесть дней на баки ходили тремя батальонами. Били в лоб... На шестой день удалось продвинуться метров на 200 ...и тем самым поставить баки под угрозу. У немцев положение ухудшилось. Мы уже имели возможность ударить с флангов... бить с трех сторон, но все-таки взять баки никак не могли. Потом, когда мы захватили баки и Мамаев курган был в наших руках, мы интересовались, что представляют собой эти баки с точки зрения их толщины. Я тоже лазил в эти баки. Стены железобетонные два метра толщиной, снаружи они засыпаны землей так, что получается это не бак, а курган. Было два таких кургана, они были разделены перегородками, и там была вода раньше. В этих баках было построено много амбразур, в которых трудно было попасть. Это был целый дот, приспособленный немцами к стрельбе... Там было не менее 20 пулеметов. Очень удобная позицию занимали и немецкие снайперы и часто выводили из строя наших командиров.

Особенно удачными были действия лейтенанта Геричея, командира минометной роты 1-го батальона., который пошел в атаку с атаку с большой группой, но проник в баки только с четырьмя бойцами, ему удалось залезть в бак. Он был ранен в правую руку, но стрелял левой рукой. Этот отважный человек перебил много немцев... Удержать первый большой бак они одни не могли. Геричей вынужден был отойти... Подходы к бакам были совершенно открытые.

Днем 27 ноября на бак шел танк, прямо на наших бойцов, в обороне от 30 человек осталось всего 8 человек. Было холодно, был ветер с дождем, и очень трудно было доставлять боеприпасы. На передовой было только два противотанковых ружья. На нашем КП не было ни одной бутылки с горючим, ни одного противотанкового ружья, ни одной противотанковой гранаты. Слышим отчетливо, как приближается танк. Устюжанин позвонил по телефону, просил прислать противотанковых гранат. Принесли противотанковые гранаты. Когда немецкий танк подходил к передовому отряду, по нему открыли огонь из бронебоек. В это время немецкие снайперы били по нашим бойцам и командирам, и высунуться было невозможно. В тот час погиб один из лучших политруков лейтенант Охачкин, член партии. Его убил снайпер в голову. Он на старой обороне оставался с несколькими, примерно, с пятью бойцами. Для того чтобы создать впечатление, что у него больше людей, он положил автоматы на расстоянии друг от друга и разных позициях по ширине 60 метров. И бойцы ходили и стреляли с разных мест. Танк подбить все же не удалось.

Немцы также не имели подступа к бакам, в баках не было регулярного пополнения, и танк подвозил туда боеприпасы, а не стрелял. На следующий день опять шел танк, но мы уже знали, что он подвозит боеприпасы... В ночь на 28 выпал первый снег в Сталинграде, а 27 -го был ветер и дождь. Шинели замерзали и сделались как палка. Все перемерзли, чувствовали себя неважно. Чтобы навести боевой порядок на переднем крае, послан заместитель командира 1-го батальона по строевой части лейтенант Сальников. Случилось так, что он переползал от одного окопчика к другому, воодушевлял бойцов. Им дали подкрепление человек 10. На рассвете принесли завтрак. Сальников пообещал, что в этот день переоденут в зимне обмундирование, и отдал приказ командиру роты Шевелеву готовиться к атаке. Мы должны были выступить вместе с учебным батальоном дивизии, который нам придали, и с 1-м батальоном 1043 полка. Когда все почти было уже готово, Сальников вышел к переднему краю. Ему еще раз хотелось посмотреть на боевые порядки своих людей. Было уже светло, и немецкий снайпер Сальникова убил.

28 числа в 10 часов еще раз пошли в атаку, но баков взять и на этот раз не удалось. Учебный батальон почти полностью был разбит – оставалось только несколько человек. Можно сказать, что после этого наступления учебный батальон нашей дивизии перестал существовать. Командный состав был частью передан в наш полк, частью в штаб дивизии. Во время этой атаки погиб командир третьей роты младший лейтенант Шевелев. За Мамаев курган, таким образом, погибли офицеры 1-го стрелкового батальона: Бенеш, Сальников, Охупкин, Шевелев, Литвиненко - командир 1-й роты. Литвиненко погиб, когда хоронили подполковника Тимошкина, командира 1045-го полка. В час его похорон был дан залп из всех орудий дивизии по противнику. Нужно было дать этот залп одновременно. Литвиненко был на передовой и управлял огнем. Когда немцы повели ответный огонь, Литвиненко погиб от мины. Вместе с ним погиб первый снайпер полка, пионер снайперского движения сержант Калентьев.

Командир дивизии Батюк – молодой командир, ему 38 лет, сейчас – генерал-майор. Службу начал с бойца, пройдя все стадии война до командира дивизии. В армии служит с 16 лет. Нашего командира в дивизии любят все бойцы и командиры. Между прочим, эту любовь он завоевал еще до войны в Томске при формировании дивизии. Особенно его полюбили на тактических занятиях, на маневрах, где он старался приблизить, как можно больше занятия к боевой обстановке. Это очень

дальновидный человек в военных вопросах. Спокойный, сдержанный человек и старается влиять на беспокойную публику. В самые тяжелые минуты поддерживает у всех хорошее настроение. Командный состав дивизии между собой называл Батюка бате́й Батюком. Наш комсостав и бойцы видели, что командир дивизии у них опытный воин. Он очень скоро усвоил особенности уличных боев в Сталинграде, и поэтому в нашей дивизии быстро привилась тактика боя мелкими штурмовыми группами... Бои мелкими группами нас обязывало проводить то небольшое количество людей, которое осталось у нас в частях. Батюк также очень удачно применял там тактику маневренности. Батюк также очень быстро воспринял от командующего армией Чуйкова тактику маневренности... У Батюка всегда была железная решимость в действиях: если он чего-нибудь решил, он добивался своего... Эта железная решимость сказывалась и твердостью голоса, и жестах, и даже в мимике. Начальник штаба Питерский говорил, что ему достаточно поглядеть на командира дивизии, чтобы знать, чего он хочет. Действительно, иногда он зайдет в блиндаж, посмотрит, ничего не скажет, но посмотрит так, что знаешь, в чем дело. Если он приходил в полк, значит, в полку было неблагополучно. Он добирался и до батальонов, несмотря на то, что это было связано с риском, а уж если там начнет перебирать людей, то переберет всех.

Иногда он не бывал у нас по полмесяца, но удивительно четко знал состояние передовой. Это часто удивляло командиров и вселяло особое уважение к командиру дивизии. Он не ошибался в этом смысле. Все знали еще одну его особенность: если Батюк говорил на украинском языке, значит у него хорошее расположение духа, особенно он любил говорить по-украински с нашим командиром полка. Если расположение духа плохое, он по-украински не разговаривал. Таким образом, разговор на украинском языке был показателем хорошего настроения. Он был очень строг, но не жесток. Иногда казалось, что бойцы и командиры делали большие промахи, думали, что сурово за них накажет, но он делал строгий выговор и наказывал не жестоко. Во всем хорошо разбирался, знал весь личный состав, всех командиров, умело ставил их на места...

Можно сказать несколько слов о командире нашего полка подполковнике Метелеве. Этот человек начал службу еще в царской армии и в Крыму перешел в чин младшего офицера. Он двадцать пять лет в армии. Между прочим, в Сталинграде, в день 25-летия Красной армии в блиндаже, который мы называли армейским клубом, мы праздновали двадцатипяти-

летие, поздравляли Метелева с двадцатипятилетием службы в Красной армии. Опытный командир, очень заботливый командир, он был также одним из первых командиров в Сталинграде, который быстро усвоил особенности уличного боя. Подполковник Метелев в октябре и ноябре ночью никогда не спал. Какое бы положение не было на передовой, плохое или хорошее, он никогда не спал и просиживал ночами в блиндаже без сна. Нож не выходил из его рук: или он строгал или точил им что-нибудь, но не спал. Спал он или утром, или днем и очень мало. Страха не имел. Часто ходил на передовую. Один раз был контужен, в другой раз дом разрушило крупнокалиберным снарядом и его придавило, шапку его как-то прострелило пулей, но обходилось благополучно.

Наступательные бои в декабре также туго шли... Наш полк перебрали на северные скаты кургана. Мы держали оборону между железной дорогой, огибающей курган с востока и баками. Если в ноябре на пути нашего полка на Мамаевом кургане стояли баки, которые мы так и не могли взять, то теперь на пути полка стояла высота Безымянная – один из северных холмов на Мамаевом кургане. Предстояло взять эту высоту, тем более, что она мешала взять баки. Она была несколько выше всех высот, и немцы прочно укрепились там, имея не менее 30 пулеметов и целую систему ходов сообщений, блиндажей. Кроме того, они имели хороший подход к высоте, где у них была масса блиндажей, и они ночью туда проскакивали и укреплялись, а если надо было, давали пополнения. 12–13 января 1043-й и 1045-й полки взяли, наконец, баки и стали продвигаться на западные скаты кургана...

Мне казалось, что пока еще нет настоящего боя, и идет только подготовка. За четыре месяца в Сталинграде мы настолько привыкли к опасности и отупели от опасности, что часто казалось, что находишься на учении, а не в бою. В этот раз так и было – казалось, что идет учение. Наши бойцы были в белых масхалатах, а немцы без масхалатов выделялись черными фигурами. От мороза шел пар из ртов людей.

Теперь немцы господствовали на высоте Безымянной Мамаева кургана и надо было взять эту высоту. Командир 1-го батальона в это время был капитан Жидких, заместитель его Болвачев, старший лейтенант. В течение суток шла подготовка к штурму высоты. Были созданы мелкие штурмующие группы. В час дня 14 января штурмующие группы одна за другой бросились на штурм дзотов и блиндажей в лоб и немного с правого фланга. Я находился на КП 2-го батальона, примерно в 70 метрах от переднего края, на линии железной

дороги. В атаку пошли мелкими группами. Всего человек 40. Немцы имели явное превосходство в живой силе и в пулеметах. Мы превосходили их в минометном огне. До часа дня была обыкновенная перестрелка с обеих сторон. Был холодный и морозный день. Никакой артиллерийской подготовки с нашей стороны не было. Везде было тихо. Видно было, что немцы забрались в блиндажи и не ждали атаки, так как это было необычное для атак время... Пять пушек у нас стояло на открытом месте. Они начали стрелять по дыму, который шел из блиндажей. Атака опоздала на полчаса. Одна группа автоматчиков в белых масхалатах перебежала сто метров и бросилась в немецкие траншеи, разбившись по блиндажам с двух концов. Немцы повыскакивали из блиндажей, наши оказались вплотную с немцами. Одной штурмовой группой руководил Антонов, красноармеец, другой группой руководил сержант Кудрявцев, третьей группой руководил мл. лейтенант Максимов. Все эти люди блестяще прославили себя в этот день и в последующих боях... Антонов взял винтовку за ствол и начал бить немцев направо и налево по голове. Между прочим, штыками в Сталинграде не действовали и их все побросали. Я дал приказание стрелять из пушек по высоте несколько выше голов немцев, чтобы отрезать подходящие группы огнем. Размахивание винтовкой Антоновым бойцы приняли за сигнал к прекращению огня, и мне снайпер кричит, чтобы мы прекратили огонь. Я в бинокль вижу, как бьет немцев Антонов и что группа Кудрявцева пошла в противоположную сторону и стала бросать гранаты в траншеи немцев. Тут завязался сильный гранатный бой. Дальше перебросилась группа Максимова. Все это было за каких-то 15–20 минут. Немцы еще не успели опомниться и не вели настоящего боя. И странным казалось, что идет рукопашный бой, а немцы огня не ведут. С нашей стороны тоже не было пулеметного и минометного огня. Это объяснялось тем, что страшно было дать большой огонь, чтобы не побить своих. Бой за высоту шел в траншеях немцев. Когда наши бойцы в белых халатах полезли на высоту, немцы бросили подкрепление с высоты на атакующих бойцов. Тут мы открыли огонь из пулеметов, минометов и артиллерии и немцам не удалось наших отбросить. В этот день захватили большую часть высоты, но не всю высоту. Здесь мы имели потери. Действия продолжались до 2-х часов дня. Затем мы закрепились и бой закончился. Немцы к концу дня раза три ходили в контратаки, чтобы отбить нас с высоты, но безуспешно... Полностью мы овладели высотой 16 января.

В нашей газете описано старшим лейтенантом Устюжаниным, как Бабаев ворвался в блиндаж, где был немецкий офицер. Тот приготовился было стрелять, но Бабаев взял в руки топор и тот сдался в плен. В другой раз, когда он израсходовал все пулеметные ленты и у него не было гранат, ему попала ракетница, из которой он выстрелил в упор и убил немца... Особенно бесстрашно действовал с штурмовыми группами сибиряк Максимов, комсомолец. Сержант Кудрявцев также проявил храбрость. Он был одним из смельчаков, который словил до 10 немецких гранат, брошенных в наших бойцов, успел отбросить обратно, поскольку немецкие гранаты замедленного действия. Этим он и прославил себя...

Полностью мы овладели высотой 16 января и сбили немцев на западные скаты. Таким образом, бои продолжались два дня. После этого на высоте был водружен Красный флаг с надписью: «За Родину, за Сталина». Лозунг был написан агитатором полка капитаном Ракитянским.... В январе нам было уже легко воевать. Пополнений мы получали мало,... вполне достаточно получали продовольствие.

День, когда встала Волга, был незабываемым днем, радостным для всех сталинградцев. Волга долго нас мучила и встала 17 декабря. Имея нормальное сообщение через реку по льду, мы могли хорошо подготовиться и иметь нормальное снабжение. Был такой разговор с командиром дивизии в день, когда встала Волга. Он редко звонил. Но в этот раз, когда он позвонил по телефону и я доложил обстановку, он спросил меня.

– Все?

Говорю, что все.

– А про ЧП знаешь?

Я с тревогой спросил: «А что такое случилось товарищ полковник?»

– Волга встала, – ответил он мне и засмеялся.

На следующий день мне также пришлось с ним говорить по телефону, и в конце он сказал: «Волга продолжает закрепляться на достигнутом рубеже».

Высота Безымянная нам дорого обошлась. Был убит командир батальона Жидких, смертельно ранен заместитель по политической ст. лейтенант Бибик, старый член партии, делегат XVIII партсъезда, о чем он мне рассказал на Мамаевом кургане 28 ноября, показав свой делегатский билет. Погиб в боях за Безымянную высоту отсекретарь капитан Николаев. Этот человек все время был на передовой, очень много сделал для полка в смысле роста партии, беззаветно преданный делу, был убит шальной пулей. Был убит один из лучших штабных

командиров, начальник связи Селезнев, директор тамбовской школы, прекрасный связист. Он очень много сделал для усовершенствования связи в трудных условиях Сталинграда. Он сделал широкую сеть шлейфов из обводных проводов... Мина рвет провод – работает обводной провод. Рвется обводной провод – работает следующий за ним. Связь была так хитро построена, что через каждый батальон она проходила и все батальоны были связаны между собой. Нам было очень жалко Селезнева. Всех командиров мы похоронили на высоком берегу Волги, где поставили памятник с именами погибших командиров.

Примерно 20–21 января мы уже слышали из Сталинграда залпы и канонаду артиллерийской стрельбы Донского фронта... Несмотря на то, что мы имели уже чрезвычайно малый состав людей в эти дни – 450–470 человек в полку, а если иметь в виду активные штыки, то это составит только человек 40, мы все-таки вели наступление и большой огневой бой... Тем самым мы приковали к себе буквально все силы, которые были у немцев в Сталинграде, атаками давая чувствовать им, что мы переходим в наступление и что они не могут оттянуть от нас свои силы.

Встреча 284-й дивизии 26 января с войсками Донского фронта. День встречи с Донским фронтом 26 января мы называли историческим днем. Незабываемый день, незабываемая встреча. Я был в штабе полка. Было трудно высидеть в штабе, когда и командир и начальник штаба ушли на передовую. Я был связан с наблюдательным пунктом телефоном и не мог уйти. В 10 часов дня с НП 1-го батальона разведчик Шаврин увидел, как приближались 9 танков с северо-запада на Мамаев курган. Мы предчувствовали, что наши должны подойти, но боялись, как бы немцы не выкинули авантюры, переодевшись в нашу форму. Поэтому сразу понять, чьи танки идут, было нельзя. Через несколько минут разведчик сообщает мне, что видит уже 14 танков. Потом он рассмотрел на головной машине красный флаг и тут же мы уже решили, что идут наши танки, а не немецкие. В качестве опознавательных знаков для наших подходящих частей у нас были подняты красные флаги на высоте безымянной, на баках и на вагонах. В это время все насторожились. Приближался исторический момент – встреча двух фронтов. В 11 часов капитан Котов командир 2-го батальона доложил, что его бойцы подошли к головной машине. Бойцы приветствовали друг друга, расцеловались, на миг забыли про войну. Казалось, что войны нет. Я запросил, чье это подразделение. Капитан Котов сообщил, что это была головная машина подполковни-

ка Нежинского. Затем он послал своего майора для встречи с нашими командирами полков. Встреча произошла у древка флага на безымянной высоте. На западных скатах Мамаева кургана, тоже произошла встреча. Там был устроен короткий митинг, и они были приняты официально начальником политотдела нашей дивизии подполковником Ткаченко. Этот момент описан в «Правде».

Встреча произошла на участке обороны противника. Наши бойцы бежали около блиндажей, по траншеям, где только вчера был противник. Мы этого не знали – противник обманул нас, там не было ни одного человека. Ночью во время бурана немцы ушли от тира, где занимали оборону, в центральную часть города, оставив оружие, боеприпасы и обмундирование. Затем мы получили приказ очистить западные скаты Мамаева кургана и двинуться к оврагу Долгому в направлении улиц Беломорская и Магистральная, и 28-го наша дивизия заняла поселок Безымянный в районе улиц Рязской, Беломорской, Магистральной. Здесь мы имели большой успех, и когда взяли поселок Безымянный, мы шли уже с дивизией Донского фронта.

28 января мы закончили операцию, и по приказу командира дивизии наш полк перешел на северные скаты оврага Долгий с задачей прорвать оборону и двинуться на центральную часть города вдоль линии железной дороги. Весь день 28-го числа мы бились, потеряли много людей, но ни одного метра у немцев не взяли. Мы наткнулись на его долговременную оборону. Овраг Долгий был укреплен массой огневых точек, дзотов, были минированы скаты, обнесен колючей проволокой, и мы его взять не могли. 1043-й и 1045-й полки, действующие со стороны завода, значительно продвинулись и взяли человек 70 немцев в плен. Командир дивизии приказал, во что бы то ни стало выполнить задачу, а людей у нас не осталось. Ушли на передовую командир полка и начальник штаба. Поздно вечером с передовой вернулся командир полка и начштаба и командир полка приказал мне и старшему лейтенанту Устюжанину идти на передовую. Мы с Устюжанином прибыли в 1-й батальон. Люди были измучены. Кто спал, кто дежурил у пулеметов и другого оружия. Комбаты также спали. Задачу поставили, собрать все силы и наступать, причем командир полка указал, чтобы оставить пулеметчиков на участке полка, а остальной личный состав должен группами обойти через улицы Полотнянные и пройти по участку 1 043 и 1 045 полков вдоль линии, зайдя противнику с фланга.

Начали организовывать дело. Собрали всех людей – 40 человек. На участке полка оставили только пулеметчиков по одному человеку и минометчиков. У меня до сих пор сохранился список штурмующих групп ми их старших. Было создано 5 штурмующих групп, 6-я из саперов, 7-я группа разведчиков...

Разведчикам удалось вглубь и наткнуться случайно на КП командира немецкого батальона, где он был вместе со своим адъютантом, остальные немцы были в блиндажах на передовой. Как только выскочил адъютант командира немецкого батальона и стал отстреливаться, наши начали бросать гранаты. После этого выскочил сам командир и поднял руки. Солидный такой, холеный командир в неуклюжей шубе. Надо сказать, что это был один немец в шубе. В этот момент штурмующие группы прошли линию обороны и зашли с фланга на немцев, и разом забросали их гранатами. Внесли замешательство... Когда узнали, что взяли немецкого комбата, мы через разведчика приказали его поднять на высокое место, дали ему простыню и приказали подать своим сигнал, о том, чтобы они сдавались... Немецкий комбат махал простыней своим солдатам, чтобы они сдались. Немецкие солдаты стали поднимать руки и идти в плен десятками. Тут разведчики и командиры разоружают их, накладывают оружие в кучу... Сначала пришло 60 человек, потом еще больше ста человек пришли... В то утро наш полк взял 172 пленнных. Это было самое большое количество пленных, взятых полком до этого дня... Немного посмеивались над ними наши. Немцы были закутаны кто в чем. У одного немца на каждой ноге было по одеялу, другие укутаны просто как чучела. Мы построили пленных и повели их на КП.

Тут вышел кинооператор и сказал, чтобы мы поднялись на высокий берег. Кинооператор выбрал самое удобное место для съемки на фоне Сталинграда, а вперед пустили пленных по скользкому скату берега вместе с комбатом в неуклюжей шубе. Я, между прочим, шел и помахивал кнутом.

31-го числа наш полк в составе дивизии двинулся вдоль железной дороги к станции. На пути встретился опорный пункт в Центральной гостинице Сталинграда. Я был в это время в штабе полка. Пополнения присылали буквально единицами – по два–три человека. На передовой действовало не больше 30–35 человек. Хорошо показывали себя минометчики, которые успевали двигаться за пехотинцами.

В Центральной гостинице немцы устроили круговую оборону. Везде у выходов стояли немецкие офицеры. Было так,

что этаж выкидывает флаг к сдаче - идут туда принимать пленных... К нам перешел один человек, который десять раз ходил, потом парламентаром и приводил человек по 15–20 немцев. Он был хорошим агитатором, и сам охотно выбирал среди немцев офицеров и снайперов для расстрела.

30-го числа, в конце дня, командир дивизии запрашивал командующего, что сделать с этим офицерским домом: оставить его или уничтожить... Командующий армией, через меня, приказал уничтожить гарнизон.

31 января 1943 г. дивизия двигалась на выполнение задачи по взятию центральной части города и железнодорожной станции. В 14.00 часов 31-го дивизия достигла железнодорожной станции Сталинград. Взяла станцию и встретилась с 64-й армией, которая шла с юга к центру города... Но офицерский дом еще держался. Командующему еще раз донесли о трудностях штурма офицерского дома. Командующий приказал немедленно взять дом и дал туда пять танков. В нашем полку действовало 4–6 групп... Когда подошли танки и били прямой наводкой прямо в дом, наши штурмующие группы бросились в комнаты, но и там немцы все еще сопротивлялись. Их было перебито человек 100, а 60 человек сдались. Мы взяли в плен их медсанбат. Я не верил в то, что это был медсанбат. На санитарях были надеты новые шинели, совершенно незапятнанные. Мне казалось, что это были переодетые офицеры, хотя они всячески старались показать, что они не офицеры и что они не имели отношения к защите дома. В 16 часов 31-го в центральной части города пал последний опорный пункт немцев центральная гостиница города... Наш художник зарисовал этот офицерский дом.

31 го же у нас была одна самая тяжелая потеря в полку. Подорвался на mine капитан Василий Иванович Ракитянский, агитатор полка, бесстрашный человек, дважды раненый на фронте. Тоже сибиряк. Он работал вторым секретарем Нарымского обкома партии, Литератор по образованию, политработник. Самое большое его желание в этот день было идти вместе с бойцами на передовую и как только брали опорный пункт, у него был готов красный флаг. Они договорились с оператором, чтобы Ракитянский нес красный флаг и поставил его на гостинице. Оператор уже приготовился его снимать, Ракитянский в это время нарвался на мину. Бессмысленная смерть.

В ночь на 2-е число получили приказ наступать в направлении Аэропорта и парашютной вышки, затем повернуть направо на завод «Баррикады». Интересно отметить, что начало атаки сделали сами бойцы еще до приказа. Видят, что дела

обстоят неплохо, немцы редко стреляют, переходят в плен и примерно за 30 минут до приказа они пошли в атаку. Командир полка приказал, а там уже идет бой. Немцы сопротивлялись здорово, особенно на заводе «Баррикады», но натиск наш был стремительный. сил было много немцев крепко теснили. В этот день мы взяли 800 пленных. Всего за время боев в Сталинграде мы взяли 1554 пленных.

После взятия завода «Баррикады» в конце дня пришлось допрашивать офицеров. Помню, завели ко мне в блиндаж заместителя начальника немецкого штаба 113 дивизии, майора. Взяли в плен заместителя начальника штаба по тылу и коменданта дивизии. Пленные вели себя очень гибко, лояльно. Когда мы их допрашивали, они не сразу припоминали, ошибались, но другие наперебой их исправляли, рассказывали как бы искренне и, стараясь показать свою искренность. На одном была надета красноармейская шапка, но с фашистской свастикой. Один боец из комендантского взвода сорвал с него шапку, оторвал свастику, бросил ему, а шапку бросил в сторону...

Первый раз за 156 дней я перешел Волгу 25 февраля. Я шел впереди с командирами. Когда мы подходили к дер. Красная Слобода, первое, что нам бросилось в глаза – это целый домик с целыми рамами. Из трубы этого домика шел дым. Мы так привыкли к развалинам, которые нам казались обычными, что целый домик был для нас необычным явлением и привлек наше внимание. Мы даже остановились, смотря на уцелевший домик.

Документ № 4

«Как можно дороже отдать свою жизнь, как можно больше перебить немцев. ...» Из беседы со снайпером 1047-го полка 284-й стрелковой дивизии Василием Григорьевичем Зайцевым. Апрель 1943 г.

Когда немцы начали подходить к Сталинграду, мы возбудили ходатайство перед Военным Советом об организации добровольцев-комсомольцев моряков на защиту Сталинграда. Я пошел добровольцем на защиту Сталинграда... В Красноуфимске мы сформировались в сентябре месяце 1942 г.,. при-были в Красноуфимск, а 7-го прямо из эшелона в эшелон перегрузились и поехали. Эшелон был большой, тысяч на пять человек. В Красноуфимске зачислили в дивизию Батюка, тогда она была просто стрелковая дивизия. Учиться нам приходилось в эшелонах. Я сам пулемет изучал так: на верхние нары поставлю пулемет, посажу с собой рядом пулеметчика,

он мне рассказывает, показывает. Я командир, он рядовой со мной сидит, учит меня. Там меня назначили командиром хозяйственного взвода, но я отказался и пошел простым бойцом. Взял винтовку и пошел стрелком. Я очень хорошо стрелял еще во флоте... Прибыли мы в Сталинград 21 сентября. 20–21 сентября мы стояли в Бурковке. Сталинград в это время весь горел. С утра до 7 часов вечера были воздушные бои наших самолетов с самолетами противника. Один за другим самолеты падают, горят, весь город горит. Если смотреть из-за Волги, то видишь там язык, в другом месте язык пламени, потом все это сливается в одно, образуется громадное зарево пожара. Идут, ползут раненые. Через Волгу их перевозят. Это потрясающе на свежего человека действовало и сильно озлобляло... Когда через Волгу переправились, то стали на берегу Волги. В городе в это время уже были немцы. В 6 часов утра они нас заметили, открыли по нас сильный минометный огонь. Там было 12 бензобаков. Эти 12 бензобаков мы заняли. Потом вылетели 60 самолетов противника и начали бить нас. Взорвали нефтебаки, нас облило бензином. Мы к Волге скатились, к воде потушились, всю горящую одежду на себе порвали, остались в одних тельняшках, а некоторые даже голые, некоторые плащ-палатками покрылись. Винтовки наперевес, пошли в атаку. Заводскую часть отбили у немцев, завод «Метиз» отбили, мясокомбинат...

После первых боев командир батальона меня взял адьютантом к себе... Немцы начали против нас выставлять своих снайперов... Один раз мы с командиром батальона капитаном Котовым подошли, смотрим, немец выскочил. Он дает приказание: «Вот вышел немец, убей его». Я вскинул винтовку через окно, выстрелил и немец упал. ...Тут поднялось восхищение, поскольку меня там уже все знали. Я уже большим авторитетом пользовался среди бойцов. В шутку смеются надо мной, восхищаются. Глядим, второй к нему идет на помощь. Тот немец, которого я убил, вероятно, шел с донесением. Кричат: «Зайцев, Зайцев еще один идет, хлопни и этого». Я перекинул винтовку, ударил – и тот упал. Уже двое за каких-нибудь 30 минут. Меня это занятие заинтересовало. Я встал у окна, смотрю – еще один немец ползет к этим двум убитым. Я этого ударил и этого убил немца.

На второй день после этого командир полка подполковник Метелев вручает мне через командира батальона капитана Котова именную снайперскую винтовку с оптическим прицелом. Я начал учиться стрелять из этой винтовки. У нас в полку был тогда один снайпер Калентьев Александр. Он мне по-

могал изучать эту снайперскую винтовку. Три дня я ходил с этим снайпером Калентьевым, присматривался к его действиям, как он винтовкой этой работал. Материальную часть винтовки мне помог изучить старший лейтенант Большешапов Василий. С этого времени я стал ходить в засаду. У меня были уже хорошие успехи. Если бы я один действовал, мне было бы легче проследить немцев. Между прочим, за мной они очень много охотились, немцы меня уже знали. Я тогда решил набрать побольше снайперов.

Я людей подбираю сам, дружил с ними, любил их. С ними делился всем: подчас с питанием было трудно, приходилось делиться сухарем своим, табачком. Когда люди видят, что к ним относятся с открытой душой, у них появляется привязанность к тебе. Я надеюсь, что если он меня душой полюбил, то он меня нигде не бросит, и я его тоже.

В одном районе на Мамаевом кургане, нам надо было взять один дзот, который не давал возможности нам маневрировать, переходить из одного района в другой, подносить пищу, подтаскивать боеприпасы. Командованием была поставлена задача: взять этот дзот. Наша пехота несколько раз туда ходила, но атаки ее срывались. Там засели немецкие снайперы. Я послал туда из своей группы двух снайперов, но они там промахнулись, их поранили и они вышли из строя. Командир батальона приказал мне самому пойти и взять еще двух снайперов. Я пошел в этот район. Наскочил я на хорошего немецкого снайпера. Я только показал каску из окопа, он ударил по каске, каска упала. Но нужно было определить, где он находится. Это очень трудно было сделать, потому, что как только выглянешь - он ударит и убьет, значит нужно обмануть его, перехитрить, то есть подойти тактически правильно. Я ставлю на бруствер каску, он стреляет, каска летит. Я часов 5 охотился за ним. Тогда я прибегаю к такому способу. Снял варежки с руки, надел на дочечку и из траншеи высунул. Немец думает, это кто-то поднимает руку, не хочет воевать. Он дает выстрел. Я опускаю эту варежку, смотрю, где варежка пробита. По пробитому месту я определяю, откуда он стрелял.... Этот выстрел мне дал район направления, откуда он стреляет. Я беру перископ окопный и начинаю наблюдать, увидел я его. Наша пехота лежит за передним краем, всего надо было преодолеть метров 30 препятствия до немецкого дзота. Выследил я его, он приподнялся, чтобы посмотреть нашу пехоту, оторвался от винтовки. В это время я выскочил из окопа, перекинул винтовку, ударил и он упал. Я навожу огонь по амбразурам этого дзота, откуда стреляют их пулеметы. Я начинаю бить по амбразурам, чтобы не

дать возможности пулеметчикам подойти к пулеметам. В это время пехота рывком кинулась на этот дзот.

5 октября 1942 по 10 января 1943 гг. на моем счету числятся 242 убитых немца. Всего я обучил 30 снайперов. Организовал снайперское движение. В «Красном флоте» за 15 марта статья гвардии капитана Аксенова, в которой он описывает мою деятельность.... На одной высоте наша рота была отрезана пулеметным огнем немецкими снайперами. Подход к ней был очень трудным. Командование требовало отыскать противника, где он засел. Два, три раза ходили, но установить не удалось. Командир полка подполковник Метелев приказывает установить, где находятся точки противника, где засели снайперы и расчистить подход. Я со своими красноармейцами Куликовым Николаем и Двояшкиным пошел. Вышли к 5 часам утра, еще темно было. Днем не видно, откуда стреляют... мы в окоп залезли, завернули большую папиросу. Надели каску, сделали крестовину, верх этой палки обернули тряпкой, получилось вроде лица. Надели каску, в рот вложили горящую папиросу, шубу накинули и показываем, немецкий снайпер видит, человек курит папиросу. Когда в темноте стреляют, то огонь от винтовки виден. Этим удалось засечь, где находится немецкий снайпер... я успел засечь расположение немецкого дзота... мне снайперский огонек сбить не удалось. Только установил расположение. Я связался с нашей противотанковой артиллерией. Наша противотанковая артиллерия разбила немецкие блиндажи и немецких снайперов. Таким образом, мы вывели нашу роту, которая была отрезана.

Еще один пример. Брали мы железобетонный мост. Несколько раз пробовали его брать, не удалось. Наши атаки срывались. Я с группой снайперов в 4 человека зашел к немцам с фланга скрытно, даже вернее зашел не фланга, а с тыла. Залезли мы в разрушенные домики. Когда наши пошли в атаку, немцы начали выбегать и забрасывать наших гранатами. В то время, когда они выбегали из укрытия, мы их стреляем. Они нас обнаружили и выкатили против нас орудие. Мы всю прислугу перебили. За каких-нибудь два часа мы вчетвером убили 28 немцев. Это было 17 декабря 1942 года. Нашей пехоте удалось занять этот сильно укрепленный мост. До этого сколько раз брали, сколько раз снарядами били прямой наводкой - не поддается никакому разрушению. Там метров шесть толщиной бетон. Снаряд ударит, лунку сделает и все.....

В моей памяти есть интересный отпечаток. Часто бойцы при встрече смеются над этим. Первый раз меня контузило. Я

залез в разваленную печь, дом сгорел, а осталась одна печь и труба. Я в эту печь залез и из этой печи бил немцев, но немцы меня обнаружили и мины ударили в трубу. Меня завалило в этой печи кирпичом, винтовку разбило. Из печи я много немцев перебил. Когда меня завалило, у меня сапоги были большие 46 размер - с ног свалились, плащ-палатка была разрезана и навернута на ноги. Я ноги подогнул, а сапоги остались. Между прочим, часа 2 я там лежал без памяти. Потом когда отошел, разворочал весь кирпич, ноги вытащил, а сапоги, как я уже сказал, остались в печи. Я кирпич весь выбросил, думаю: «Убьют, черт с ними». Разбитую винтовку повесил на шею на ремне, ноги портянками обмотал, сапоги захватил в руки и босиком бегу по переулку. Бойцы смеются. Интересно сфотографировать было. Немцы почему-то тут не стреляли.

Еще случай. В овраге Долгом это было. Тут была их кухня. В подвале. Вечером, поздненько уже, солнце скрылось. Мы сидели в одном здании курили. Смотрим, выходит немец здоровый-здоровый. У них термосы очень большие. Немец этот выходит во всем белом – повар, видимо, и начинает мыть этот термос. Расстояние было метров 400. Его так уголкем видно. Мне кричат: «Зайцев, стреляй в него». Я перебрал винтовку и когда он взялся за края и заглядывает в термос, я ударил в голову. Он головой ткнулся в термос, а туловище осталось. Бойцы говорили: «Собственное орудие навел в сторону противника». Много смеялись над этим.

О присвоении звания Героя Советского Союза я узнал в феврале 1943 года. Я сюда приехал по приказу начальника Глав ПУРА тов. Щербакова. Когда пришел к его помощнику у капитана Ведюкова, я еще не знал о награждении. Пришел, меня поздравляют. Указ о моем награждении был 23 февраля 1943 года. 26 февраля я получил орден Ленина. Выдавал Михаил Иванович Калинин.

Как меня ранили. Я сидел в засаде. Немцы меня обнаружили... Их снайпер не давал подняться. Я сидел под вагоном... Прямой наводкой они ударили в вагон. Осколки от вагона полетели прямо в меня. Один снаряд надо мной разорвался. Обожгло лицо, осколками ранило меня. Всю одежду сорвало, ногу вывернуло в колене, в правом ухе перепонка лопнула. В общем, очень сильно был ранен.

В партию вступил в октябре 1942 года. Мы были в окружении одно время. Тут Волга, через Волгу нельзя подтянуть ничего. Нас взяли в кольцо. К жизни признаков никаких нет. Я тогда был командиром. Я так считал, но бойцам нельзя этого сказать. Положение было исключительно тяжелым. Я тогда

был глав. старшиной. После первого боя я получил правительственную награду медаль «За отвагу».

Когда мы сидели в районе завода «Метиз», там немцы потащили одну женщину (предполагают, что насиловать). Мальчонка кричит: «Мама, куда тебя». Она кричит оттуда, недалеко от нас было: «Братцы, выручайте, помогите». Разве это не действует. А как ее спасешь, когда тут передовая линия. Нас было мало, кинешься – перебьют и все сорвано будет. Или в сад посмотришь, на сучках висят девушки, дети – разве это не действует. Это потрясающе действует.

Усталости не знали. Сейчас как похожу по городу, устаю, а там часа 4–5 утра позавтракаешь, в 9–10 приходишь ужинать, целый день голодный и не устаешь. По 3–4 дня не спали, и спать не хотелось. Чем это объяснить. Все время в расстройстве, ужасно вся эта обстановка действовала. Каждый боец и я сам лично только и думал, как можно дороже отдать свою жизнь, как можно больше перебить немцев. Только и думаешь, чтобы принести больше вреда, насолить как можно больше. Под Сталинградом я был три раза контужен и ранен. Сейчас у меня расстройство нервной системы, все время трясет.

В партию я вступил в самые трудные дни октября месяца... Тут у меня уже были ученики. Я все время был агитатор. Приходится подготавливать в партию... написал заявление прямо в окопах.

Комсомольцы все отличились, но чтобы рассказать об одном комсомольце, не замечал. Скажем, Миляев комсомолец. Он разбил будку железнодорожную. Он пополз. ... Подошел, бросил гранату, взорвал будку, инструменты взял...

Или взять комсомолку Клару Синцову. Ранило командира. Он лежит, подойти к нему нельзя. Она прямо из дома выскочила и к немцам бежит. Немцы были поражены этим, думают: С ума она сошла, к нам бежит что ли? Даже не единого выстрела. Когда она добежала до воронки, прыгнула туда, они давай стрелять. Потом командира спасла. Тоже награждена...

Или Большешапов. Он комсомольцем был. Немцы уже окружили. Он со своим пулеметом сидит в доме, берет гранату, встряхивает и считает: «Раз-два-три», – из окошка спускает и отбил. Вот комсомольцы, семь человек их было: Большаков, Кузнецов... Сидели в доме и домик окружили немцы до роты. Большаков, Карев, комсомолец, и Реутов, комсомолец, Кузнецов, член партии, еще политрук этой же пулеметной роты, мой снайпер Дмитриев, Анисимов – вот семь человек, а их туда ворвалось очень много. Реутов, сибиряк сам, здоровый, сильный. Он встал, охранял две двери

в этот дом. Туда немецкий офицер заскочил и автомат на него наставил.. Реутов: «Руки вверх!», – выхватил у офицера автомат и этим автоматом его убил. Начали гранатами отбрасываться, в рукопашную перешли. За какие-нибудь 20 минут они больше 40 немцев перебили, взяли двоих в плен: ефрейтора и одного солдата.

Штабная работа самая скверная в армии. Я только приехал с хозяйственной работы – мне обратно на хозяйственную. Мне хотелось что-то сделать, чтобы была история, что есть такой человек, а то живешь, землю топчешь, небо коптишь.

Снайперская винтовка имеет оптический прицел, который приближает в четыре раза. А из простой винтовки, если расстояние 200 метров, так и 200 метров. Вероятность прицела уменьшается, но если стрелять, то неважно. У меня снайперов было 30 человек, а из снайперских винтовок стреляли только 8, остальные били из простых винтовок. В населенном пункте, скажем, в доме сидишь, амбразура маленькая. А снайперской винтовки прицел стоит, значит, амбразура большая, а если амбразура большая, то противник видит, так что были случаи, когда удобней даже бить из простой винтовки.

Документ №5

«Трупов, как на картине после ледникового периода...»: Из беседы с генерал-майором Иваном Дмитриевичем Бурмаковым – командиром 38-й мотострелковой бригады. 28 февраля 1943 г.

Я воевал много, в Гражданскую войну провоевал три года, представляю себе войны, много читал, особенно историю войн изучал основательно, но то, с чем я столкнулся в Сталинграде в сентябре месяце не так просто описать. Трудно рассказать, трудно описать, трудно поделить впечатлениями. Это что-то такое, что трудно представить, конечно, война есть война, но это было что-то особое. Бригада пополнения получала на людей, которые были на других фронтах, причем были на самых тяжелых фронтах, участвовали в керченских боях, а это самые тяжелые бои, между прочем. Там участвовала массовая авиация противника. Я думал, что в Керчи было что-то особое, но здесь в Сталинграде бои и вся обстановка превзошли все, что я до сих пор испытал и видел и все-таки удержались. Мы окружили немецкую группировку не мало, ни много 30 тысяч. Я, как командир бригады, был в курсе дела фронтовой и армейской обстановки. Мы

дрались при всей сложности обстановки. Несмотря на то, что мы были стеснены, что нас гнали, что мы оставляли свою территорию, мы отходили, а отход наш чрезвычайно удручающе действовал, бойцы наши по сравнению с этой группировкой 6-й гитлеровской армии дрались здесь замечательно, просто нельзя найти примера. Лично я могу сказать, что части, которые защищали Сталинград, бойцы и командиры дрались исключительно. Страна может гордиться сталинградцами. Нас меньше было, чем немцев, которых мы окружили, а города не отдали. В частности в сентябре месяце, какой бы участок бригада не занимала, где бы она не оборонялась, меньше трех тысяч бомб в день только с самолетов не падало. То было и по другим частям.

Кругом горит, бомбы рвутся, снаряды рвутся, все трещит, пожары кругом, всюду обломки, всюду развалины – держимся. Снарядов нет, в километре Волга, отлично знаем, что переправ на Волге нет, да и никто и не думал, между прочим, о переправах – держимся. В общем, было такое чувство, что за Волгу идут только раненые. Ежели тебя не ранило, никто не думал о переходе за Волгу. Были такие моменты под конец боев, когда до Волги оставалось 40 метров – все-таки держались. С занятием немцами опорных пунктов, они видели уже тот берег, и уже Волгу простреливали, и в это время переправа наша действовала – подвозили боеприпасы и продовольствие из-за Волги. Подвозилось все это на катерах и паромах. Днем они разобьют паром, ночью это исправляется и перевозится. Так и держались.

Бригада сформировалась в Сталинграде, начала она формироваться 26-го июля, формировалась, как мотострелковая бригада. Мотострелковые части, в том числе и наша бригада, формировались для совместных действий с танковым корпусом. К этому моменту у нас широко развертывалась организация танковых корпусов. Враг был еще далеко, еще до Дона не доходил. Съехался комсостав. Приехал я, приехал Винокур – комиссаром, приехал начальником политотдела Стрельцов – старшим батальонным комиссаром был. Вот тройкой мы и обсудили вопросы ближайшего времени, хотя пополнение еще не пришло полностью.

Поставили мы себе задачу сформировать и подготовить так бригаду, чтобы она могла с честью оправдать доверие родины. Отсюда не жалея сил и энергии решили построить свою работу по подготовке бригады. Из этого все мы исходили. Июль месяц проработали день и ночь, просто даже отдыха не давали: пять-шесть часов отдыхали бойцы.

Мы мобилизовали партийную организацию, комсомольскую организацию, провели целый ряд совещаний с командующим составом старшим, средним и младшим. Проводили собрания с рядовым составом. Лозунги нашей бригады: «Достоинно защищать родину», «Ни шагу назад без приказа старшего начальника».

Особенно мы обращали внимание на подготовку комсостава, особенно младшего комсостава. Был проведен целый ряд занятий. Занятиями непосредственно руководил я, рассказывал, как наступать, как обороняться. Сидели в поле, разбор проводили на местности. Разбор проводили не только с комсоставом, но и со всеми бойцами, разъясняли бойцам, что мы сделали не так, что мы сделали хорошо. При тактических занятиях широко практиковали возврат: не так сделали, давайте сделаем как нужно. Каждый раз, когда возвращались, всегда вклинивалось что-нибудь новое, потому что война – сейчас такая обстановка, а через пять минут другая. Изучали всевозможные варианты неудач, заходов с флангов противника внутрь нашей обороны. Занятия по тактике проводил я сам. Я изучил немецкую тактику еще до Сталинграда. Все это мы проделывали.

Нужно сказать, что к концу июля месяца я был уверен в том, что бригада подготовлена. Правда у нас было много фронтовиков, а не фронтовиков еще больше и начсостава и бойцов, но все равно и фронтовиков надо было учить. Подготовкой бригады я был доволен. Только один вопрос меня, как командира бригады беспокоил, как покажет себя бригада в первых боях.

Откровенно скажу, что первые бои я ждал с тревогой, хотя был уверен в бригаде, знал, что бригада в основном будет драться хорошо. Крепкая партийная организация, хорошо сколоченный командный состав как средний так и младший, большая уверенность у меня в рядовой состав, но все таки первых боев ожидал с волнением, как мы выполним приказ товарища Сталина – «Ни шагу назад».

Обстановку я понимал. Тогда обстановка была тяжелая. Нам приходилось отступать. Немцы нас бьют своим бронированным молотом. Если этот бронированный молот ударит по бригаде, устоит ли моя бригада? Все это меня тревожило, беспокоило.

Помню 29 или 30 июля 42 года приезжает Федоренко, заместитель народного комиссара обороны по бронетанковым частям. Встретились мы с ним.

– Ну как, подготовились?

– Подготовились. Единственно автоматчики наши мало постреляли.

Мы все почти стрельбы проводили, но боеприпасов не хватало. У нас было 700 автоматчиков. Между прочим, большой упор мы взяли на подготовку наших автоматчиков.

Федоренко говорит.

– Нам осталось два-три дня, а пострелять они должны, обязательно они должны пострелять и основательно пострелять. Дать на каждого автоматчика сотни по три патрон. Сумеете расстрелять 200 тысяч патронов?

Меня аж в жар бросило. Я говорю.

– Вы дадите товарищ заместитель народного комиссара?

– Расстреляешь?

– Расстреляю.

– Пиши им 250 000

Дали нам 250 000 патрон. Мы стали проводить всевозможного вида стрельбы: и одиночками и на ходу, и с места, и из окопов. В общем, широко применяли стрельбу. Всех 250 000 патрон мы, конечно, не расстреляли.

Транспорта у нас было мало. Приехал командующий Сталинградским фронтом. Встретил нас Н. С. Хрущев.

– Бригада должна сегодня выступать в район станции Тингута и вступить в распоряжение 13-го танкового корпуса.

Я говорю.

– Товарищ командующий, у нас всего 40 машин. Тут обещают еще 40. Просил бы вашей помощи.

– Что хотите, как хотите. Мы, конечно, дадим указание, но в пять часов быть в районе станции Тингута.

Мы стояли в обороне Тракторного завода. До станции Тингута 90 км. Приблизительно в два часа мы получаем такое указание. Правда, малое наличие транспорта нас не испугало, мы быстро перестроились по боевой тревоге. Накануне приняли присягу: выстроили бригаду, я, комиссар, начальник политотдела перед всей бригадой дали клятву.

Выступили приблизительно часов в 10 ночи. Знаете, 90 километров расстояние большое. Начали комбинированно перебрасывать. Часть людей и боеприпасы быстро посадили на 80 машин. Этых выбросили, чтобы они могли там сразу драться. Потом машины возвращаются и снова берут. В общем, процентов 75 к пяти часам были в районе станции Тингута.

В это время как раз там танковая атака идет. Сдерживает ее 13-я танковая бригада 13-го танкового корпуса. Пехоты там нет. Не нашли командования корпуса. Командование корпуса еще на колесах подъезжает туда. Заняли оборону. Я сразу

оценил обстановку. Раз прут сюда – значит здесь надо оборонять, хотя, кто дерется справа, слева мне было неизвестно, но нужно держать там, где есть непосредственная угроза.

6-го августа расположились на обороне, отбили атаки и поехали искать командование корпуса. Нам сказали, что командование корпуса находится где-то там. Приехали в Червлевый. Нам говорят, что они выехали туда-то. Мы делали еще 60 километров, чтобы найти командира корпуса. Приехали в указанное место. Нам говорят, что командир корпуса в штабе 64-й армии: езжайте в штаб армии, там вы их найдете.

Приезжаем в штаб армии. Командующий армией тов. Шумилов говорит.

– Мы вас ждем

Я говорю:

– Мы вас не ищем, а ищем 13-й танковый корпус.

– Мало ли что вы нас не ищите. Вы не вступайте в 13-й танковый корпус, а немедленно перебрасывайтесь левее и занимайте оборону восточнее озера Цаца. Там никого нет, фланг открыт, угроза есть. Это решение командующего фронтом. Здесь заместитель командующего фронтом генерал-майор тов. Коваленко.

Сразу перебрасываемся туда. От Тингуты до Цаца километров 40.

Тоже комбинированную бригаду отправляем туда. Фронт обороны нам дали километров 18. Заняли оборону, ввели глубокую разведку. Противник не пошел туда.

Выявилась угроза в районе Котлубань. Противник прорвал фронт через Дон в районе станции Качалинская. Оттуда нас перебрасывают. И это все немедленно. Снова перебрасываем бригаду на этих 80 машинах, причем опять комбинированно. Перебросили части своевременно. Заняли оборону. Предотвратили угрозу, оборонялись с боями дня три, подошли другие части. И вдруг угроза здесь в городе. Нас оттуда перебрасывают в район Чапурники.

Я думаю, вот тебе раз, мы еще не полностью мотомашин у нас не хватает: машин положено 375, а мы имеем 80. Правда вся артиллерия у нас была на тракторах. Я понял, что защищать город придется защищать не в составе танкового корпуса, а защищать город там, где будет самое опасное место.

Первые наши бои, первые наши переброски показали нашу мобилизованность, наше умение и командующим Сталинградским фронтом стал держать нас в руках. По сути дела мы стали бригадой его заместителя генерал-лейтенанта т. Голикова. Голиков и был нашим начальником.

С той поры, где только угроза, туда моментально нашу бригаду. Постольку, поскольку угроза была каждый день и в новых местах, мы всюду обороняли, причем больше пяти-шести дней, кроме «Красного Октября» и Аэродрома мы обороны нигде не держали. Предотвратим угрозу, отобьем атаки противника, подойдут части, заткнут эту дыру, – в другом месте угроза, нас туда. Если бы меньше было угроз, то это, как говорится, ничего, а постольку, поскольку угроз было много, трудновато приходилось.

В Чепурниках была угроза – нас туда.

В Чепурниках дело восстановили, выявилась угроза Тракторному заводу. Сразу нас на Тракторный завод. Был приказ о переброске нас на Тракторный завод в 12 часов ночи во второй половине августа, не помню точно числа. Там прорвалась группа автоматчиков в большом количестве и создала угрозу Тракторному заводу. От Чепурников до Тракторного завода километров 45. Приказ говорил, что к пяти часам мы должны быть на Тракторном.

В пять часов я докладываю, что я в районе Тракторного.

– Спасибо.

Там было две бригады, нашу бросают туда третью. Там немцы перешли в наступление. Немцев отбили совместно с этими бригадами. Угроза миновала. Мы были в районе Тракторного два дня.

Была угроза в районе совхоза «Красная Поляна», немедленно сюда. Приехали в совхоз «Красная Поляна», заняли оборону, драться здесь не дрались. Ночью перебросили, на рассвете занимали оборону. Бойцы зарывались в землю. В бригаде так было: сел и сразу зарывайся в землю, потому что много авиации противника. Назавтра нас начали бомбить. Здесь мы дрались дней шесть и основательно дрались. Отбили шесть танковых атак, причем танков противника было не менее 70.

В первый день в районе Верхней Ельшанки немцы сбросили не меньше трех тысяч бомб на оборону, во второй день не меньше четырех тысяч бомб.

Знаете, ничего не видно. Что тут делать? Телефонные провода рвутся, посыльного хоть не посылай – обязательно погибнет. Связистов в эти дни много погибло, человек 18 связистов выбыло из строя. Во всяком случае, в первый день, когда сбросили на бригаду три тысячи с половиной бомб, было убито 7 человек и 14 ранено, – земля помогла. На второй день было убито человек 18 и ранено человек 30.

Мы подбили 20 с лишним танков и положили много немцев, но считать там трудно, потому что мы не идем вперед. Но все атаки отбили, восстановили положение.

Отсюда нас снимают и говорят, на Центральный аэродром, угроза в этом районе, немедленно бригаду туда. Приехал сам Голиков: «Немедленно туда бригаду». Мы перебрасываемся туда. Там дней шесть дрались. В течение трех дней мы отбили шесть танковых атак. Правда, мы потеряли много своей артиллерии и авиации. Тут мы почувствовали основательно свои потери, потому что бомбежка была невыносимая. Тут я потерял много комсостава, свои строевые кадры. Третий батальон дрался в окружении, остальные батальоны в полуокружении дрались. В конце концов, противник потеснил и основательно потеснил шестую танковую нашу бригаду.... И противник ринулся на Аэродром. Аэродром не защищался. Противник ринулся в город, на вокзал.

Что делать?

Я беру свой резерв. У меня в резерве были: рота разведки, и рота автоматчиков. Это мой кулак, который я бросал в самые критические моменты. Здесь я еще свой резерв не бросил... Эти части двинул на соседний участок, чтобы не пустить противника в город. Сам звоню по телефону. Тут снаряды, бомбы, все гремит, земля дрожит, нас в щели засыпает землей, телефонистов засыпает землей.

– Скорее сообщите командующему фронтом или командующему армией, что противник прорвал на нашем участке, а мы держим здесь этот участок. А он прёт, а он прёт. У нас рота разведки, 800 человек и рота автоматчиков 120 человек, плюс наша батарея одна. И мы задержали наступление двух полков около 400 000 человек, но противник начал просачиваться. Нам все время сообщали, что сейчас придет поддержка, держитесь, чтобы противник не прорвался в город.

Что же делать?

Я оставляю комиссара, оставляю начальника штаба. Говорю: держитесь здесь, не пропускайте, пока не подойдут части. Сам я возвращаюсь к своим частям.

Между прочим, предусмотрительно я сделал так: основной командный пункт был у меня на левом фланге, А дополнительный КП – на правом фланге. Послал туда Ильченко и развернул оттуда связь с частями. Так что связь с частями была из двух мест. Они понесли большие потери, особенно потери от авиации, но противника держали сутки, не пустили в город, дали возможность нашим эшелонам привести себя в порядок, зацепиться. Немцы потом заняли вокзал, но уже значительно позже, время было нами выиграно. Мы стали постепенно передвигаться с Аэродрома. Начали защищать завод «Красный Октябрь» – и в поселок, рабочий поселок. Тут мы стояли неде-

ли две с боями, все с боями. Нанесли мы тут невероятный урон противнику, но и нам досталось основательно тоже.

Когда мы Аэродром защищали, нам пришло известие, что Н. С. Хрущев, как член военного совета фронта, как член политбюро просил передать: «Передаю вашей бригаде искреннее спасибо». Мы моментально все это довели до бойцов.

Потом защищали «Красный Октябрь». Здесь выдерживали самые тяжелые бои. Здесь, у «Красного Октября» сидели недели две, дрались.

Потом вдруг нас перебрасывают на защиту завода «Баррикады», западного поселка Баррикады. Здесь было туго, пополнения не получили. Авиация также свирепствовала. Мне пришлось оборонять два километра фронта, причем боевого состава было человек 200, не больше, не считая артиллеристов, не считая автоматчиков.

Не меньше 75 танков, не меньше трех тысяч пехоты противника на участке бригады, который защищает две сотни человек. Положение, конечно, очень тяжелое. Помочь мне некому, обстановку я знаю, знаю что положение тяжелое.

Тут я уже подчинился командиру 23-го танкового корпуса. Одновременно я был в двух подчинениях: подчинился и командиру корпуса и командующему фронтом, или даже в тройном подчинении, подчинился и 62-й армии.

Звоню во все концы, что такое положение. Говорят: «Держись, держись!». Передаю в свои батальоны, посылаю туда офицеров связи. Иду сам: «Держитесь, во чтобы то ни стало держитесь!» Один докладывает, другой докладывает, что осталось столько-то людей. Смотрю, у меня уже сотни людей нет. А они прут, причем надо сказать, перли трусливо. Я вижу, что прут они трусливо, вижу, что у них слабо поставлена разведка, не знают, что на два километра фронта 200 человек, а теперь осталось 100. Моментально это было передано в части.

У меня закон в бригаде, какая бы сложная обстановка не была, боец должен знать, что делается, чтобы он знал обстановку. Если боец знает обстановку, он не в слепую действует, он сознательно действует. Говорили: «Товарищи, дело тяжелое, отходить нам некуда, умирать будем здесь, но прежде чем умирать надо заставить умереть противника на нашей земле». Потом были веселые командиры и это помогало.

«Ребята, на Советской земле смелее, смелее ребята! Чего нам бояться, пускай они бояться на нашей земле! Останавливай их!»

Сообщают, что сейчас сюда подходят две бригады, пока-то они подойдут. Работников политотдела, начальника политотдела, заместителя его, начальника тыла своего немедленно

выслал в тылы. Вытянул из тылов, все, что было у меня. В общем, наскреб в тылах без ущерба для работы тыловых учреждений еще человек 140. Народ шел – родина этого требовала.

Задержали мы здесь это наступление. Людей мало, дошло дело до тылов. Пришли две бригады и сменили нас. Отошли в район завода «Баррикады» и стали во втором эшелоне, метров на 400 в тыл отошли. Начали приводиться в порядок. Противник был окончательно задержан, не пошел дальше. Тут я ходил по своим минометчикам, которые сыграли здесь большую роль. Снарядов у меня всегда хватало и мин хватало.

Теперь о тылах. У меня тылы все были на том берегу. Меня, правда, упрекали несколько раз, почему вы часть тылов не выведете на левый берег, там все-таки начальники фронтов: начальник тыла фронта, начальник тыла армии, начальник тыла 13-го корпуса?

Я говорю: Нет, никто из бригады не пойдет, тылы пускай будут здесь, они будут выполнять мои задания. Между прочим, это помогло мне. Тылы были здесь, мои тылы кормили другие части, мои тылы снабжали боеприпасами другие части. Тылы мои вышли на левый берег последними. Сначала мы вышли на левый берег, а потом тылы.

Очень тяжело было переправляться на ту сторону. Машины нужно было переправлять, а машин я потерял очень много. Из 80 машин у меня с десяток машин разбилось, правда, их можно было восстановить, но здесь все это не восстанавливалось.

– Что я выбрасывал на левый берег?

Прежде всего, я дал указание сделать плоты для доставки боеприпасов. Затем выбросил первоначально 6, потом добавил два – всего 8 машин для ежечасной, ежеминутной доставки мне снарядов, продовольствия. У меня массу машин развезли во все части бригады.

Нужно сказать, что исключительно бы тяжелые условия. Семь месяцев бригада была здесь в Сталинграде. Исключительно была сложная обстановка, но ни одного разу не было такого положения, чтобы бригада не кушала два раза в день горячей пищи. Ползком тащили на позиции, а тащили, причем установился принцип в бригаде: нельзя днем, кушай ночью. Я как завел этот принцип, так он и держался. До рассвета позавтракаем, с наступлением, темноты ужинаем. Кроме того, после завтрака мы даем бойцам хлеб и еще что-нибудь, что бы он днем он мог покусать.

Был у нас такой казус. В одном месте на рассвете еще можно было подвезти, непосредственного обстрела не было. Приехали кухни. В это время противник бросил несколько сна-

рядов. Снаряды разорвались близко от кухни. Мои повара и тыловики не успели раздать пищи. Процентом 50 получили пищу, остальные не получили – повара метнулись и нет их. Я тогда думаю, нет, это не дело. Командир бригады здесь, комиссар бригады здесь, штаб бригады здесь, командиры и комиссары батальонов здесь, пушки здесь, минометы здесь, все здесь, а кухни будут удирать от трех снарядов.

У тыловиков какая тенденция? Это, конечно, относительно тылы, потому что трудно было разграничить, где тылы, где не тылы. Но, во всяком случае, у них тенденция, как что-нибудь, так прятаться, залезать в трубы водосточные или во что-нибудь подобное.

Я говорю: «Нет, не пойдет. Привез пищу, рвутся снаряды, отъехал от этого места подальше и продолжай раздавать».

Это установилось потом, как правило, в бригаде.

Я опустил один момент из первого боя в Чепурниках.

Нужно было с боем выбить противника и выйти на высоту. Пустил один батальон, второй, третий. Пошли мои люди. Тут бомбежка невероятная, стрельба артиллерийская и минометная, его шестиствольные лупят то всюю. Бригада моя идет впереди. Думаю: «Отныне я буду воевать с этой бригадой».

Потери понес я там сравнительно небольшие. Но вы бы видели, как пошла моя бригада вперед. С тех пор завоевала себе славу. Во всем Сталинграде бригада прославилась в этот момент.

Потом вывели бригаду на доформирование в Заволжье.

Прекрасный был минометный батальон. Он нанес огромные потери противнику и сам потерял очень много.

Я крепкий на нервы, разжалобить меня до слез очень трудно, но когда убили командира этого батальона капитана Хрыкина, я просто плакал. Это уже в последний [день] 30 числа.

Минометный батальон прикомандировали 31 числа к 6-й гвардейской танковой бригаде, и он оборонял «Красный Октябрь». Он оборонял «Красный Октябрь» еще после нас дней 12. Потом он был выведен.

Вывели нас на левый берег. На левом берегу дали нам отдохнуть, привести в порядок, выгнали транспорт отсюда. Масса войск было, масса бригад было мотострелковых. 4-я мотострелковая бригада выведена была на доформирование. Поехали формироваться в тыл. Говорят лучшая бригада, мы ее оставляем здесь и будем формировать сами. Сначала нас хотели направить вглубь страны, но у нас желания не было – воевать, так уж воевать. Поехали просить командование фронта формировать нас здесь. Командующий фронтом переговорил

со Ставкой. Он заявил ставке, что я сформирую бригаду здесь. Ему разрешили оставить нас здесь. Начали формировать, получили пополнение из запасного полка. Поучили это пополнение всего за 12 дней. Учили с такой же установкой, с какой мы учили первый состав нашей бригады. Основной костяк у нас был. Состав бригады получили снова хороший.

Я за эту войну удостоверился, что плохих людей нет. Есть, конечно, немножко трусливые, есть шкурники, но эти люди в основной массе теряются, это единицы. Люди прекрасные, но людей надо уметь водить, нужно уметь организовать, нужно им уметь рассказать и показать.

Затем нас уже транспортом перебросили на участок, где готовили генеральный прорыв, на участок между озером Цаца и озером Барманцак. Мы были в составе 62-й армии.

7-го ноября мы заняли оборону с целью ведения разведки. Начали вести боевую разведку на участке прорыва. Задача выбить передний край противника была возложена на нашу бригаду. Знал я об этом, знал комиссар, знал начальник штаба, знал начальник политотдела, больше никто не знал. Когда заняли оборону, надо было скрыть готовящийся прорыв. Мы ночами подходили туда, чтобы скрыть сосредоточение бригады. Что осталось, я перебрасывал машинами днем по пяти машин. Отправлю пять машин, через некоторое время еще пять машин, чтобы замаскировать от авиации противника это движение.

Мне было сказано, что ваша задача – установить точно, где передний край и подготовить удар там. Когда удар будет, пока это не твое дело. Надо, чтобы бойцы не знали, что готовиться удар. Готовьтесь здесь обороняться на зиму.

Начали на зиму готовиться обороняться. Послушал приказания, не пожалел трудов бойцов, зная, что все это лишнее, начали укрепляться, землянки делать, а слух всюду, что зиму нам зимовать здесь. В общем, рыли день и ночь.

Потом я говорю: «Товарищи, мы уже знаем отлично, что у того, кто за день не убил фрица – день пропал. Давайте их бить!»

Командиры батальонов тоже ничего не знали и тоже готовились зимовать.

– Бить, бить, товарищ полковник!

И я начал бить. Сперва разведку пустил, ничего не берет. Я тогда три роты пустил в разведку в трех направлениях. А это уже целый батальон, это уже силовая разведка.

Правда, потери мы понесли человек 200 за этот период. Раненых и убитых у нас было человек 200.

С 7-го по 19 ноября 1942 г. выявили передний край противника, потом набрались нахальства. Командующему армией говорю: «Дайте мне хоть полдесятка танков, я выясню вам противотанковую оборону».

На этом участке должны были быть, по моим сведениям, два танковых корпуса. Мне дали десяток танков: четыре танка не пошли, осталось у меня шесть. Я посадил на эти танки автоматчиков, место выбрал, двинул эти шесть танков. Надедали такого переполоха!

Тут как раз оборонялись румыны. Пришли шесть танков, притащили шесть пушек немецких. Румыны удрали, но постреляли с флангов из глубины. Таким образом, нам стала ясна противотанковая сила противника».

В этот момент, когда я вел эту работу, у меня были представители армии, начальник разведдивизиона 51-й армии.

На рассвете 20-го – удар ошеломляющий. Пока я снимался с обороны, так я уже не догнал своих танковых частей. Потом начал по заданию командования 57-й армии вести разведку. Во все части вел разведку бригадой, пользуюсь тем, что машины есть, разведку производил за Дон даже километров на 150. Набрал много кое-чего, скота массу забили. Мои разведгруппы внесли большую панику в ряды врага.

Постояли дней пять около одного населенного пункта. Нас бросили в составе 57-й армии на уничтожение окруженной группировки. В составе 57-й армии мы пробывали трое суток. Нас перебросили в состав 64-й армии и войну в Сталинграде закончили в составе 64-й армии. Участвовали в нескольких прорывах. Правда, кое-где прорывы были неудачные, потом стали удачнее, потом Сталинградский фронт бригада закончила пленением Паулюса [...]

Правда, иногда командиры сердились, что я иногда спать им не давал. Но интересы дела требовали этого. Часто говорили: «Товарищ полковник, я трое суток не спал!».

– Сорок минут поспи, я тоже не спал, полегчает – будем спать.

С каской, между прочим, я никогда не расставался и бойцов держал в касках. Надо пример показывать. Как строго у нас было в бригаде, а из бригады никто не хочет уходить, ни один командир, ни один боец. Так было еще до взятия Паулюса. Если какой командир лениться, я вызываю его и говорю: «Отсылаю вас в отдел кадров, потому что в бригаде вы плохо работаете!»

Ну что же плачет. Жалоб на своих командиров у меня нет, молодые они. Сейчас у меня командирами два старших лейтенанта, один лейтенант, один капитан.

Уже человек 100 получили награждение, о многих пошли представления в высшие органы.

У меня принцип такой, если командир не жалеет сил и энергии, то нехватку знаний я восполню своим контролем, своей помощью. У меня должен быть командир, который не ленился бы.

Бригада с честью выполнила приказ товарища Сталина «Ни шагу назад».

Интересно еще с населением. Так жалко было детишек. Кругом горит, там разрыв, там здание раздвоилось пополам, снаряды рвутся. Детишки вылезают из подвалов и сейчас же в веревочку. Так жалко, иногда слезы навертывались на глаза. Выскочат, прыгают через веревочку маленькие девочки или мальчики, а сами смотрят в небо – не летят ли? Если летят, сразу нет никого. Прошли, снова выскакивают, играют, бегают. Борьбу в Сталинграде написать только надо.

Родимцев пришел в сентябре, как раз в самый разгар.

Представляете, в сентябре было ежедневно не меньше тысяч трехсот самолетовылетов. Иногда было две тысячи самолетовылетов, иногда доходило до тех тысяч. Каждый самолет сбрасывал приблизительно десятка три, десятка четыре бомб. Он бросает один раз, заходит второй раз, заходит третий раз и бросает уже пять–шесть бомб. А первый, как сыпанет мелкие, а среди них такие «тетеньки», куда тебе!

Когда защищали Верхний поселок Красного Октября, мы понаделали себе щелей, от осколков наших зениток прикрывали себя.

Когда выходишь из домика, сразу вверх заглядываешь.

Смотришь, заходит, начинают пикировать. Мы уже научились. Когда на тебя бомбы летят, внимания не обращай. Все бомбы видно, как летят, как отделяются от самолета. Смотришь, бросил - ну эти полетели мимо.

Я только что вышел из помещения, чай пили. Смотрю, штук 12 летят. Я успел крикнуть в помещение: «Ложись!» В-ж-ж-и. Скоренько забежал и встал за угол. Чувствую, зашевелилось здание, стенка меня толкнула далеко. Вышел, смотрю перед нашим домиком яма метров в 9. Начальника штаба засыпало, сестру и еще человека четыре. Окна вылетели. Кирпичный фундамент домика сел.

Ничего, глянул в эту воронку, ну что если бы в этот домик?

Ничего и никого бы не осталось. Винокур в это время был в помещении, он упал. Земля влетела в окна и ударила его. Земли много насыпало».

Возьмите такой пример. Тут война, а тут хочешь одноременно. Тут прут на тебя танки, человек в уборную пошел

около нашего КП. Прежде чем пойти в уборную, посмотрел – не летят ли, потом зашел в уборную.

Или такой случай. Бегу я быстро к командиру корпуса, рядом КП командира корпуса. Вдруг слышу: «Вж-ж-и». Они высоко шли, сволочи «Хенхели», они не пикируют. Слышу шум большой бомбы. Падаю. Одновременно с моим падением падает бомба. Меня подняли, потом снова упал. Слышу сильный удар по спине, захватило дух. Я не могу подняться. Там кричат и бегут из соседнего сада ко мне, бегут не мои люди, а артиллеристы: «Товарищ командир, что с вами, живы?» В пяти метрах от меня девятиметровая воронка. Бомба как раз разорвалась на мостовой. Глыба асфальта оторвалась и ударила меня по спине. К счастью там тополи были, она упала на тополи, что затормозило ее падение, а то бы крышка была. Если не маленькая бомба, я жив бы не остался бы.

Тяжелая бомба врывается глубоко в землю. Волна от этой бомбы при разрыве пошла как-то так, что домик остался цел.

Примерно, метрах в 50-ти от завода между «Красным Октябрем» и «Баррикадами» разорвалась тонная бомба. Вижу летят, пикируют, я в водосточную трубу. Среди мелких – пара больших. Вдруг взрыв, зазвенело в трубе. Было, смотрю – стоило домиков штуки три, а стало совершенно чистое место.

Однажды мы вдвоем с Винокуром наехали на автомашине на минное поле, наехали с потушенными фарами. Это было в начале войны. Едем тихо, машину ведет шофер, едем тихо потому, что знаем, что здесь минное поле и вдруг... взрыв. Взрыв я услышал и потерял сознание. Чувствую, как потерял сознание. Сколько это длилось, не знаю. Потом пришел в себя. Сажу в машине как сидел, так и сажу. Хочется мне взять Винокура, рука не поднимается. Начинаю соображать, что мы налетели на минное поле. Начинаю шевелить членами. Нога левая работает, но правую ногу что-то плохо чувствую.

– Винокур, ты жив? Громко не могу сказать.

Не отвечает. Потом говорит.

– Жив.

– Шофер?

Молчит.

– Захаров! Захаров!

Шофер погиб. Стал вылезать, нога правая не работает. Думал, ее у меня нет. Ощупал. Есть. Вылезли, посветили фонариком. Смотрим, машину отбросило, яма на семь метров, машину развернуло назад и поставило мотором назад. Мотора нет, кузов цел. Моторная часть вся уничтожена, исковеркана. Если бы быстро ехали, гибель бы нам всем. Благодаря тому, что

тихо ехали, мина взорвалась перед передними колесами, весь взрыв пошел на моторную часть. Шоферу досталось больше, но он тоже остался жив. Его пришлось везти в госпиталь, бросили машину, пошли пешком. Ехали с передовой на всей КП.

Тут интересных рассказов можно привести много.

Исключительно интересный момент боя был, когда перед нашей горсточкой людей танки отошли. Танки противника струсили и пошли назад. Наши противотанковые ружья и пара пуценок заворачивают 30 танков.

Интересный бой был при защите «Красного Октября». Там есть высотка 107.5, сейчас за Верхним поселком. Там были упорные бои. С левого берега идет артиллерия и все ко мне на высотку. Набралось у меня до семи полков артиллерии. У меня было четыре дивизиона «Катюш». Один дивизион так и провоевал все время со мною. Мы нанесли большой урон немцам. Как только загремит «Катюша», фрицы ложатся, прячутся, как только взрыв кончился, они встают и идут. Мы начали хитрить. Как только они поднимаются, мы в этот момент сразу из четырех «Катюш». Урон мы им нанесли большущий.

Когда мы выходили на левый берег, интересный момент был. Скопилось на берегу народа! Сколько детишек, женщин! Мужчины провожают жен, детей, все загромождено. Переpravляем ночью. Каждый хочет скорее попасть на ту сторону, торопятся. Начали устанавливать порядок. У всех стремление скорее отправить. Нагрузили пять женщин и детей, переправили. Потом надо остров перейти, километра полтора. Я сам нес двоих детей. Все идем пешком, бойцы несут вещи, детей несут, чтобы облегчить. Смотришь женщина, вещи кругом и двое, трое ребятишек. Посмотришь, спазмы глотку сжимают. На берегу масса людей, масса детей. Не выдержал, на завтра десять машин послал. Распорядился в первую очередь вывезти детей к реке. Маленькие дети топчутся, о себе вспомнишь, твои дети в Сибири. Там ничего, а здесь такую муку переносят...

Такой случай. В районе «Красного Октября» Винокур, я, начальник особого отдела Кулик, фельдшер Велиховская, начальник штаба собрались переход делать с одного места на другое, КП меняли. Летят штурк 12, сразу пикируют сюда. Все разбежались в разные стороны, падают. Падает бомба и не разрывается. Здесь лежит Винокур, начальник особого отдела метрах в 10-ти от Винокура. Бомба килограммов 250 упала и не разорвалась. Они лежат на нее смотрят. Подняться боятся, а вдруг она разорвется. Лежать здесь тоже нельзя, вот положение какое!

Я читал одного корреспондента нашего, где он пишет: Тот, кто был в Сталинграде, тот никогда не забудет. Это правиль-

но. Часто собираемся, шутим: «Трупов, как на картине после ледникового периода». В районе станции не менее двух тысяч трупов. А здесь по подвалам, если пройти по городу, столько тут трупов ой! ой!... Все окопы забиты трупами. Там, где готовился прорыв, где стреляла артиллерия перед окопами – это ужас! В какую землянку не зайдешь 10–12 трупов.

Документ №6

«Немцы удивлялись тому упорству, с которым сражались наши части...». Из стенограммы беседы с инструктором 7-го отдела политотдела 66-й армии майором Петром Андреевичем Зайончковским. 28 мая 1943 г.

Род[ился] в 1904 г., отец военный врач, выходец из дворянской семьи. Моя бабушка была племянницей адмирала П. С. Нахимова. Я из кадровой офицерской семьи. Мой прадед за Бородино имел Георгиевский крест, и я сам воспитывался три года в кадетском корпусе.

С самых детских лет воспитывался я на героике войны 1812 г. Я, например, помню 6–7 лет всех героев войны 1812 года знал. Традиции семьи Нахимова играли, конечно, большую роль. Сохранилось несколько писем, в частности одно письмо, написанное Нахимовым после Синопа дедушке. Я передал его в военно-исторический архив.

Готовили, конечно, из меня морского офицера. Вначале я учился в 1-м Московском кадетском корпусе. Традиции, честь русской армии, честь русского офицера оставили у меня большой след. Помню 1917 год, Октябрьская революция. Каковы взгляды были отца? Во всяком случае, нечто вроде кадетско-октябристских. Мне было 13 лет. Я считал, если бы большевики оставили погоны, то можно было с ними помириться. Причем, я помню, я заплакал и мой маленький брат 11 лет тоже заплакал. Вот сейчас я тоже рад был погонам. Эти традиции сыграли большую роль в семье.

Что касается отца, он ни в каких армиях не был, был врачом, в 1926 году умер. Мать пенсионерка. Если вы спросите, стал ли отец на советскую платформу? Конечно, нет. Отец долго болел. Таким образом, вся тягота семейная ложилась на меня. Еще учась в школе, я работал в старших группах. Когда я окончил школу, отец умер. Я учился все время заочно и институт, и аспирантуру кончил заочно. Проработал лет семь на заводе строгальщиком. Вступил в партию в 1931 году. В 1940 г. защитил диссертацию. В 1937 г. закончил институт. В декабре 1941 г. добровольно вступил в армию.

Мне не повезло, попал в политуправление СибВО. Кандидат наук – будете лектором. Пробыл 3 месяца лектором. Я начальнику политуправления поставил вопрос: или меня демобилизуйте, или отправьте на фронт, я пошел в армию не для того, чтобы сидеть в Новосибирске....

Я был назначен инструктором по работе среди войск противника 315-й стр. дивизии, с которой мы и выехали в г. Камышин, Сталинградской области, войдя в состав 8-й резервной армии. 4 сентября армия подошла к линии фронта, заняв в ночь на 5-е боевой рубеж от правого берега Волги на 12 км. На запад в районе села Ерзовка, 16 км севернее Тракторного. 5 сентября армия вступила в бой, имея задачу форсировать линию немецкой обороны на фронте шириной в 12 км. Армия состояла из 6 стр. дивизии – 64-й, 299-й, 231-й, 420-м, 99-й и 84-й. Помимо этого имелось две танковых бригады и два полка РС. Наше наступление в течение 8 дней, стоившее нас больших жертв, ощутимого успеха не принесло. Продвинуться и прорвать линию немецкой обороны нам не удалось. Потери были исключительно велики. Мы потеряли почти все свои танки, большое количество людей. Причем, если рассматривать с колокольни армии, то здесь был допущен целый ряд грубейших ошибок.

Потери немцев были исключительно велики. Я могу процитировать одно письмо, которое мы тогда обнаружили у одного убитого. Письмо было написано 23 сентября. Письмо ефрейтора Губерта Хюскена, полевая почта 06338. Писалось письмо другу Фрицу Далину в Германию. Причем, писалось для отправки с оказией.

«Дорогой Франц!

Наилучшие приветы с Волги шлет тебе Губерт. Наконец-то я собрался написать тебе несколько строк. Ты знаешь также хорошо, как обстоит дело с письмами, особенно здесь, где имеются вещи, о которых нельзя писать. Многих из нашей роты уже нет. Из 180 человек осталось 60. Наше боевое крещение было особенно ожесточенным. Шпренгер тебе кое-что об этом расскажет. Я войну представлял себе совсем иначе. Это мне не казалось таким серьезным. Каждому надо испытывать это самому. Бои на Дону не были такими ожесточенными, хотя рукопашный бой там очень часто занимал первое место.

22 августа начался большой бой вплоть до Волги вокруг Сталинграда. За один день мы продвинулись от Дона до Волги, так что в 7 часов вечера были уже у Волги. Русские в первый день совершенно растерялись. 10 человек наших солдат взяли в плен 150 человек, из них 60 девушек от 18 до 20 лет, с которыми определенно войну не выиграешь. Но на другой день

они оправились, и тут началось со всех сторон такое, что ты и не можешь себе представить, и это продолжается еще до сих пор. Второй батальон должен был идти на север, чтобы русские оттуда не могли проникнуть в Сталинград. От наших позиций до пригорода было около 10 км. Но я тебе должен сказать, что это было не так просто. Каждый день с ожесточением при помощи танков прорывали наш участок, вследствие чего все наши части бежали в панике. Ты можешь, поэтому, себе представить наши потери. На одном участке дивизии лежало закопанными около сотни танков. Постепенно доходило до того, что нервы больше не выдерживали. Я никогда еще не был в таком положении, как здесь. Мы ничего не получили, все запаздывало, даже продовольствие. В 7-й роте 26 человек приговорены к кааторжной работе за трусость и паническое отступление. С 1-м батальоном произошло то же самое, от него осталось еще меньше. Нас в отделении осталось 4 человека, которыми я руковожу. Теперь ты можешь себе представить, как это бывает. Каждый день мы ждем смены, которая, надо надеяться, скоро придет. Мы не мылись в течение четырех недель».

Надо сказать, что это письмо типично. Оно характеризует настроение немецких солдат, т. к. в нашем распоряжении мы имеем большое количество писем, дневников убитых солдат и я его привожу, как иллюстрацию.

Остановлюсь на политико-моральном состоянии немцев. Я уже говорил выше, что политико-моральное состояние в силу целого ряда явлений вначале у них было устойчивое. Однако, надо сказать, что огромные потери, понесенные немцами в сентябре уже в известной мере обуславливали собой состояние крайней усталости. Их все время подогревали надеждой, что как только Сталинград будет взят, 14-й танковый корпус попадет на зиму во Францию на отдых, и они жили этой надеждой. Вместе с тем надо сказать, что сентябрьские и октябрьские бои привели к тому, что немцы охотно слушали нашу антивоенную пропаганду. Наши листовки мы находили у пленных, находили среди убитых. Причем, немецкие военнопленные рассказывали, что особое впечатление на них произвела следующая листовка: «Папа умер». На ней была изображена четырехлетняя девочка. Она держит письмо и лежит убитый немецкий солдат. Причем, мне один военнопленный рассказывал, что его товарищ послал это письмо с оказией домой.

Вообще социальная пропаганда, ставящая своей целью разоблачение гитлеровского режима, слабо доходит, а антивоенная пропаганда доходит. Через антивоенную пропаганду они приходят к выводу, а вы знаете тупость, ограниченность нем-

цев. В середине октября я проводил передачу через окопную установку в районе Волги – балки Сухой. Надо сказать, что мы производили передачи из блиндажа, находившегося в 180 метрах от немцев. Как только начинает говорить репродуктор, сразу замечаю по ходам сообщения движение. Немцы спешат поближе к репродуктору. Как правило, они не вели стрельбу во время передачи. Стрельбу они ведут после передачи....

Немцы удивлялись тому упорству, с которым сражались наши части. У одного из убитых фельдфебелей Штайберга было обнаружено неотправленное письмо, в котором он писал: «Русские защищаются на этом участке особенно ожесточенно и упорно. Они прекрасно понимают, что значит для них этот город и какие последствия будет иметь его падение». Среди фельдфебелей можно встретить довольно образованных немцев, очень часто с высшим образованием, со средним обычно. ...

Мне пришлось быть в большинстве блиндажей. Это были первые немецкие блиндажи, в которых я был. Находили мы там ужасающие вещи, полностью характеризующие лицо немецких грабителей. Достаточно сказать следующее. Я понимаю, что с точки зрения логики победителей и логики военной он мог взять туда перину, теплые вещи, взял зеркало, но на кой же черт, например, детскую коляску ручную брать. Причем, надо сказать, что до ближайшей деревни 10 км. Или детскую распашонку, которую я собственными глазами видел в блиндаже. Библия полная. Распашонку он еще пошлет в Германию, но куда детскую коляску деть?

Мне жители рассказывали. Вот висит старая рваная рубашка крестьянская, женская. Немец приходит, кладет ее в карман. Она ему может быть не нужна, но психология грабителя настолько вошла в плоть и кровь, что нужно все брать, независимо от того, нужно это ли или не нужно. ...Несколько слов о героизме. Вез всякого преувеличения можно сказать, что за весь период Сталинградских боев, за исключением, конечно, единиц, командиры, бойцы, проявляли величайший героизм. Обычно, бывая часто на переднем крае в момент нахождения в обороне, красноармейцы всегда набрасывались с вопросами, долго ли мы будем стоять, когда же пойдем в наступление. Одним из отрицательных моментов, если можно так выразиться, в нашем героизме – это излишне безумная храбрость и совершенно, подчас не нужный риск. Вот днем на переднем крае что происходит: «Ванька, дай закурить», – и вылезает, бежит закуривать. Или там, где нужно ползти, человек идет во весь рост и гибнет сплошь и рядом. ...

Документ № 7

«Всякие бои происходили, в большинстве бои были неравные. У нас с самолетами неважно было...». Из беседы с Героем Советского Союза майором Владимиром Григорьевичем Каменьщиковым – летчиком 788-го истребительного авиационного полка 102-й истребительной авиационной дивизии. 16 марта 1943 года.

«Когда вышел из госпиталя, послали меня в Сталинград. Ехал пароходом, хорошо отдохнул на Волге. Приехал в Сталинград 9 августа 1942 года. Я сам попросил, чтобы меня сюда послали. Мое желание удовлетворили. Приехал, стал здесь работать. Здесь я вошел в состав 102-й дивизии».

Дрались, конечно, нормально. Первое время, когда немцы подходили к Сталинграду, нам приходилось летать над линией фронта с Ивановки по реке Червленная сюда на Кривомузгинскую. Работали с Бекетовского аэродрома.

Всякие бои происходили, в большинстве бои были неравные. У нас с самолетами неважно было... 23 августа в 18.13 немцы сделали звездный налет на Сталинград. Звездный – это значит при всякой высоте, начиная с тысячи метров и до 8 тыс. метров. С разных курсов группы одновременно заходили на Сталинград и сбрасывали груз.

Мы колупались с ними. По сути дела работала только наша дивизия, потому что 8-я воздушная армия еще не подошла. Она еще формировалась. Прибыла позднее. Она вступила в бой в сентябре месяце.... Впечатленьице было неважное. Особенно я переживал за город. Самолетов не хватало... вылетали четверки, пятерки, шестерки. Здесь мы на «Яках» летали. Переживал за свой город. Он горел весь и помочь ничем нельзя было, потому что вылетишь, повертишься, покрутишься, а тут «Мистеров» куча. Дратся приходилось с большим напряжением. Сделаешь один вылет, опять вылетаешь. Мало самолетов было, много из строя выходило. Дрались до тех пор, пока наш аэродром стали обстреливать артиллерия.

Немцы вплотную стали подходить. Бомбардировщики висели над нашим аэродромом и «Мистера». Снаряды над аэродромом начали рваться. 788-й полк последним стал покидать аэродром. Перелетели в Среднюю Ахтубу за Волгу. Перелетели 30 августа. Оттуда продолжали воздушные бои вести. Воздушные бои вели, разведку делали. В общем, как ПВО там работали. Мы перешли в оперативное подчинение 8-й воздушной армии.

Под Сталинградом я сбил шесть самолетов. Как приехал сюда, одного сбил недалеко от аэродрома «88-го», одного «Хен-

келя» над Сталинградом сбил и трех «Мистеров». В общем шесть самолетов сбил.

«У нас трудность была в том, что не хватало самолетов».

Примеры отличия в бою:

«Много характерного было здесь. Ребята хорошо дрались. Я за командира полка работал в это время. Хорошо работал Башкиров, политрук, майор, комиссар эскадрильи, Козлов - командир эскадрильи, Гультяев, ныне Герой Советского Союза, Паскуаль Хозе, Беляев – сержант, исключительно работал парень. Приходилось драться с шестеркой “Мистеров” и парами дрались. Один раз 50 минут мы с Беляевым вели бой. Преимущественно мы дрались с “Мистерами”. В этом бою мы трех “Мистеров” сбили, капитан Чумаков сбил пару и Гультяев одного. Выходили из боя без оружия, боеприпасы израсходовали. Несмотря на это шли в лобовые атаки и все. Они не знают, есть у нас боеприпасы или нет. Действовали на моральное состояние.

В период нашей обороны Сталинграда немцы были на Тракторном заводе. Центральный аэродром немцы взяли и в самом центре города немцы были. Нам приходилось все время драться прямо над войсками. Их войска бомбили, свои прикрывали. У нас карта была. Мы знали, где наши, где их войска. Драться приходилось и над нашими, и над их войсками, там не разберешь, везде драться приходилось. Первое время они нам навязывали бой, а потом мы все время навязывали бой».

Немцы.

Надо сказать, что они трусоваты были не только под Сталинградом, они везде трусоваты. Они тогда паны, когда нас меньше, но если нас равное количество, или нас чуть больше, они в борьбу не вступают. Приходиться их догонять и просто навязывать им бой неожиданно для них. Обычно они в лобовые атаки не идут, трусят. Мы били им все время в лоб. На таран они тоже не идут.

Операция «Уран»:

Когда мы узнали, о наступлении наших войск, бодрость духа появилась. Когда нас прижимали, чувствовали себя неважно. Когда пошли наши войска в наступление, тут нашей авиации прибавилось. Тут уже старались больше вылетов делать. Вообще люди рвались в бой...

В последнее время мы несли охрану объектов Ленинск, Владимировка и Верхний Баскунчак. Железнодорожные узлы они старались все время бомбить. Это были единственные железки, по которым снабжался весь Сталинградский фронт. Он старался их разбить. Мы прикрывали, охраняли

эти железки. Там сбивали «Мистеров». Кто попадался, того и били, разбирать некогда было кто они такие.

Когда перелетели на эту сторону, приходилось разведку делать для армии: 16-й воздушной, 62-й и 64-й армии. Узнавали, в каких кварталах находятся немцы. Разведку сделаем, дают задание бомбардировщикам. Они летят, бомбят. И так до самого конца...

Потом сел на машину и поехал посмотреть, что делается в Сталинграде. Заехал домой. От дома ничего не осталось. Отец жил на Краснослободской улице. В Сталинград приехал -го февраля.

За Сталинград награжден орденом «Красного знамени».

Сейчас в ПВО находимся, прикрываем железнодорожный мост через Дон и дальше к Донцу. Там вновь построенные мосты. Он старается их разбить.

Все время летаем десятками, шестерками. Цель такая – не допустить немецкую авиацию, не дать возможности уничтожить эти мосты, чтобы наши войска имели возможность переправляться через эти водные рубежи. Они очень нужны будут с наступлением весны. Я войну начал в чине лейтенанта. Майора получил в начале 1943 года. Героя Советского Союза получил в чине лейтенанта.

Документ №8

«...В нашем отделении было 3 узбека, 2 киргиза, 3 русских и 1 мордвин. Командир взвода был татарин». Из беседы со Львом Александровичем Охитович – красноармейцем 347-го стрелкового полка 308-й стрелковой дивизии. 14 августа 1943 г.

С октября 1942 г. я служил в дивизии, которая принимала участие в обороне Сталинграда. По званию я красноармеец, но частично мне приходилось в период моей службы выполнять функции, не вполне свойственные красноармейцу. Поскольку на гражданской работе я был человеком литературы: журналистом, редактором и прочее, командование использовало меня для собирания материала по истории дивизии и в последний период даже разрешило мне писать произведения о боях в Сталинграде, которые я пережил вместе со своей частью.

К сожалению, мое положение всегда оставалось двусмысленным. Последние месяцы я находился при политотделе дивизии, но, будучи беспартийным и не штатным его работником, я фактически всегда сталкивался с рядом противоречий, связанных с тем, что ко мне предъявлялись требования,

как к рядовому, а моя работа носила характер работы политотдельской. Это меня не удовлетворяло, вот почему, почувствовав, что приближаются серьезные, решающие бои лета 1943 г., я явился к своему руководителю – заместителю командира дивизии по политчасти тов. Свирину и заявил ему: «Прошу отправить меня в полк для выполнения обязанностей рядового бойца. Я знаю, что скоро будут бои, в которых решиться судьба войны. Я хочу не писать об этих боях, а принимать в них участие и проявить себя так, как я сумею».

Тов. Свирин откомандировал меня в 347 полк к подполковнику тов. Чамову, который в свою очередь направил меня в 1 батальон, где я стал рядовым бойцом 2 роты, 3 взвода, 2 отделения. Месяц я нес службу как рядовой боец и был агитатором роты.

В начале июля нам объявили, что взятый в плен на нашем участке фронта (это было в 16 км от Мценска) немецкий офицер дал показание о том, что в промежутках между 3 и 6 июля намечается немецкое наступление. В связи с этим нас предупредили, чтобы мы были в боевой готовности.

3–4 и 5 июля мы провели в большом напряжении, а после 5 июля нам стало известно, что немцы уже начали свое наступление, и мы двинулись в поход. Наша дивизия пошла на левый фланг Орловского участка фронта.

В нашем отделении было 3 узбека, 2 киргиза, 3 русских и 1 мордвин. Командир взвода был татарин. Народ все необстрелянный. Кроме командира взвода и меня, никто не был в боях.

10 июля, когда мы подходили к реке Зуше, мы впервые попали под минометный и артиллерийский огонь противника. Впереди нас шла 380 дивизия. 11 и 12 июля она прорвала укрепленную линию врага, форсировала реку Зушу и вступила на противоположный ее берег. Мы шли вслед за 380 дивизией в качестве ее резерва с временным интервалом в 12–14 часов. Примерно через полсуток после того, как 380-я дивизия захватила первую линию немецкой обороны, мы уже занимали эти линии как резерв.

11–12, 13 июля наш полк подвергался непрерывными воздушным атакам. Немецкие самолеты буквально истязали нас, а поскольку основная масса бойцов не была раньше в боях, это вносило элементы некоторого замешательства из-за неумения вести себя при воздушной бомбежке.

Наконец, 13 июля мы прорвались сквозь зону воздушных атак и сумели занять тот боевой участок, который нам был назначен. 13 июля мы прорвались сквозь зону воздушных атак и сумели занять тот боевой участок, который нам был

назначен. 13 июля вечером другой батальон нашего полка вступил в бой.

14 июля утром наша рота занимала исходное положение, и я понял, что скоро наступит момент нашего соприкосновения с противником. Этот момент представлялся для меня очень тяжелым. В армии я уже полтора года. Я пережил оборону Сталинграда на самом страшном участке – на заводе «Баррикады», но будучи у себя в дивизии «журналистом», я в большинстве случаев выполнял функции, связанные с моей литературной работой и, находясь на самых опасных участках, наблюдал, а не действовал. А тут впервые я понял, что мне нужно реально делать то, что делает изо дня в день пехотный солдат в течение всей войны и что я видел только издали. Это меня до некоторой степени обескураживало. Мне 40 лет с лишком, физически я гораздо слабее большинства моих сверстников, я «неисправимый интеллигент» и, сколько я ни старался, даже будучи рядовым, понять и усвоить многие навыки, связанные с физическими действиями, навыки простые для людей из широких масс народа, я оставался в этой области бездарным и в большинстве случаев становился предметом со стороны других бойцов. Бойцы даже не понимали, что бывают люди, которые не умеют обращаться с лошадью, которые не умеют держать в руках лопату, которые по каждому пустому поводу обращаются к ним с вопросом, как нужно это делать?.. Умел собрать и разобрать винтовку, два раза бросал гранату и это, кажется, все. Ни ползать по-пластунски, ни делать пробежки я не умел, хотя и знал, для чего это делается.

Это было основной причиной, почему мне казалось, что здесь, в пехоте я могу бездарно, никчемно погибнуть в то время, как стоило бы подготовить себя к другому.

С огромным трудом я выкопал себе ячейку, затратив на это в три раза больше времени, чем тратил любой боец. Участок, на котором мы стояли, уже был под неприятельским минометным и снайперским огнем. Но это еще не была первая линия.

Утром пришел связной от командира роты и предупредил, что нужно готовиться к движению вперед. Слева подошли танки 1-го Донского гвардейского корпуса и остановились в роще. Командир взвода тов. Рахматулин предупредил меня, что я буду связным в ячейке управления взвода. Моя обязанность заключалась в том, чтобы идти позади цепи в 10 шагах впереди командира взвода и повторять громким голосом все приказания командира взвода, передавая их в цепь.

Командир взвода у нас был молодой, выдвигенец из рядовых, младший лейтенант. Перед вступлением в бой он сам

немного растерялся. Проезжавший мимо нас танкист 1-го Донского гвардейского корпуса высунул голову из башни и вполголоса сказал: «Чего же вы, ребята, мешкаетесь? Наши уже дерутся». Рахматулину стало неудобно, и он повел нас вперед. Я взял свою винтовку, встал в назначенное мне место и передал первое приказание командира взвода, в котором говорилось что-то о цепи, но мелкими пробежками. 2-3 раза я передал его приказания. Цепь шла вперед, поднимаясь по отлогому склону высоты. Противник стал осыпать нас пулеметным и автоматным огнем. А. Рахматулин почему-то вдруг замолчал. Пробегая, я обернулся назад и сказал: «Товарищ Рахматулин, дайте какое-нибудь приказание». Но он ничего не ответил. Через несколько секунд он ушел на левый фланг, оставив меня на правом. Я не знал, что делать и решил пойти вместе с цепью. Включившись в цепь на правом фланге своего взвода, я стал делать, как мог, перебежки. Огонь неприятеля все усиливался, пули сыпались градом, особенно раздражали разрывные, которые щелкали с треском при каждом соприкосновении со стеблем или травинкой. Говорят, что рвались и мины, но я этого не замечал. Я оглянулся на цепь и увидел, что никто не ведет огня, что люди прильнули головами к земле и переживают непривычные для них ощущения. Лежа в цепи и прислушиваясь к щелканью и жужжанию пуль, я заметил, что интенсивный пулеметный и автоматный огонь, который ведет по нас противник, становится все более и более бешеным и что сотни пуль все ближе и ближе: Если мы будем так лежать, то очень скоро нас всех перебьют, как куропаток. Я понял, что мы можем погибнуть бессмысленно. Совсем не из храбрости (которой у меня в этот момент не было) и вовсе не из мужества, а только потому, что я понял, что погибну, если ничего не сделаю, и что единственный шанс спасти себя и других – это идти вперед.

Я поднялся для того, чтобы сделать перебежку. Я обратился к товарищам по взводу. Мне захотелось сказать что-нибудь волнующее. Я не мог сказать ничего, кроме того, что сказал бы каждый на моем месте: «За Родину! За Сталина!». Сказав это, я побежал вперед. За мной следом почти вся цепь. На этот раз ободренные движением все стали вести огонь по противнику. Я тоже стал стрелять из своей трехлинейной винтовки. Стрелял я в пространство, и не был уверен в том, что веду огонь, куда нужно. Я был ободрен тем, что цепь пошла за мной, и понял, что так как никто не подает команды, все ждут моего слова. Несмотря на сумасшедший вражеский огонь, я поднялся снова и, сказав что-то, чего я не помню, снова бросился вперед с

винтовкой наперевес. Цепь снова пошла за мной. Так повторялось раза три или четыре. Я привык к этому и постепенно стал терять ощущение страха, так как видел, что идя смело сквозь дождь пулеметного и автоматного огня, я остаюсь целым и что почему-то мне все сходит... Когда слева из леса неожиданно вышли черные танки 1-го Донского гвардейского корпуса, я с новым подъемом крикнул бойцам что-то о том, что дескать идут наши советские танки, «вперед» и проч. Бойцы побежали за мною вперед. Но тут произошло что-то новое. Мы подошли к гребню высоты, за которой склон шел к линии немецких окопов. Вражеский огонь усилился до такой степени, что буквально нельзя было поднять головы. Ребята залегли, прильнув к траве лицами, и снова совсем перестали стрелять. Вражеский огонь, который до сих пор был бешеным, но бесприцельным, начал становиться прицельным. Мы ощущали, что пули, которые ложились сотнями вокруг нас, скоро будут попадать в нас. Я обернулся налево на моего соседа, лежавшего в 2–3 шагах от меня, и увидел как пули (очевидно трассирующие) облизывают своей трассой его голову, его спину, его ноги, почему-то не задевая его, и подумал: «Если он поднимет голову на миллиметр, его уже не будет»... Лежать больше было невозможно. Это привело бы к верной гибели. И, хотя мне было страшно перешагнуть через гребень и идти на виду у немцев, я во второй раз, еще более глубоко понял, что идти можно только вперед, и что оставаться на месте это значит погубить себя и других. Поднявшись в рост, я опять бросился вперед, что-то крикнув своим товарищам по взводу, и увидел с радостью, что справа в соседнем с нами взводе один из бойцов, о котором я знал, что он впервые попал в бой, следуя моему приказанию, также бежит вперед и зовет громко своих товарищей.

Пробежав шагов 7, я снова залег, обернулся к своему взводу, и, почему-то улыбаясь, под бешеным огнем неприятеля, стал переговариваться с ребятами. Я обратился к командиру соседнего отделения сержанту Маркелову и стал звать его к себе, убеждая его, что здесь хорошо, что нам быть вдвоем будет удобно. Два бойца (из них один пулеметчик), преодолев свою робость, также перебежали гребень и залегли в нескольких шагах от меня. Один из них, которых я помню в лицо, но фамилия, которого мною забыта, вдруг застонал и, извиваясь на траве, стал звать о помощи... Я решил ему помочь. Поднявшись, я сделал два шага в его сторону, и тут вдруг почувствовал, как мне с незнакомой, жгучей силой ударило горячим кнутом по бедру. Я упал неизвестно от чего. Сейчас это установить невозможно: может быть от того, что я понял, что я

ранен, а может быть от того, что я понял, что я ранен, а может быть от того, что моя нога стала немой.

Упав, я почувствовал, как мою ногу заливают горячей кровью. Я обратился к товарищу, который звал на помощь и закричал ему, что я не могу помочь, так как я сам ранен. Санитара сзади нас не было. Перед боем он ушел обедать, и не вернулся. Я стал звать санитаров не для себя, а для тяжело раненного товарища, но никто не откликнулся. Наша цепь пошла вперед, оставив на поле боя двух убитых и пять раненых. Я слышал стоны, но не мог разобрать, кто из наших пострадал. Наша цепь подходила к деревне, за которой были уже наши танки. В деревне происходили непонятные мне взрывы, от которых шли черные столбы дыма. Может быть, это кто-то подорвал танки - свои или чужие, я этого не знаю до сих пор. Я лежал без движения, переговариваясь с раненым товарищем, но вынужден был снова спрятать лицо в траву, так как засевавший где-то справа за деревьями автоматчик, продолжал осыпать нас целыми снарядами пуль. Когда я поднимался на локоть для того, чтобы сказать что-нибудь соседу, огонь усиливался, и пули снова осыпали землю и траву вокруг меня. Я понял, что нас добивают, и сделал опять-таки то, что сделал бы каждый на моем месте: притворился мертвым. Вскоре автоматчик исчез.

Не знаю, сколько времени прошло, когда появился около меня возвращающийся из деревни легкораненый незнакомый мне боец. Я попросил его перевязать меня. Он вынул у меня из кармана индивидуальный пакет; освободил мою ногу от одежды, залитой кровью, и перевязал мне бедро. Вначале он делал это не очень охотно но потом, разобравшись сказал: «Давай, я тебя дотащу немного». Я снял шинель, вещевой мешок, полевую сумку и, оставшись без пилотки, с винтовкой в правой руке, уцепился за шею бойца. В таком положении он подтащил меня к дороге. Когда уже мы были у дороги, послышался знакомый гул немецких самолетов. Боец сказал мне: «Вот что, браток, я должен идти», – и оставил меня на траве.

Налетели фашистские самолеты. Они сделали несколько заходов и в шахматном порядке стали методически долбить все поле, на котором лежали мы, раненые. Казалось, что пришел конец. «Не удалось убить нас в первый раз, не удалось добить во второй раз, так удасться, очевидно, сейчас рассчитаться с нами», – подумал я. Но мои предположения оказались напрасными. Немецкие самолеты, сделав несколько заходов, и улетели к деревне, занятой нашим батальоном.

На этом этот эпизод моей жизни закончился. Ехали люди из Донского гвардейского, подобрал меня и увезли в свой санбат.

Оттуда по многочисленным этапам я попал в Серпуховской госпиталь. У меня была сквозная пулевая рана в левом бедре.

В этом бою я понял разницу между пассивным переживанием опасности (с которой я познакомился в ужасающей обстановке Сталинграда) и между активным участием в борьбе, которую я познал здесь. Больше того, меня удивляло, что многие из моих товарищей, которые держали себя перед боем уверенно, в бою робели, и как мне казалось слишком. Это, очевидно, объяснялось тем, что попав впервые в бой, они еще не прошли всех этапов пассивного осваивания опасности, которые я прошел раньше, но которых я недооценивал. А мне не хватало новой стадии – активной. Теперь, пройдя эту стадию, я могу сказать (не опасаясь быть неточным), что движение вперед в бою и проявление уверенности в действиях, утверждение себя как хозяина своей судьбы, доставляет такое внутреннее удовлетворение, с которым едва ли может сравниться что-нибудь в ощущениях человека. Ужас, овладевающий человеком при столкновении лицом к лицу со смертью, есть ужас беспомощности. И только в действии, активном и уверенном, причем в действии, связанном с коллективом людей, человек обретает свободу от ужаса и радость победы над «неизбежностью».

Теперь о первых днях Орловской операции в целом. Сравнимая состояние умов теперь и год тому назад, я вижу разницу, которую принимаю, как факт, еще не найдя ей точного объяснения. В прошлом году за Доном у Калача очень многие, может быть даже большинство, чувствовали желание бежать без оглядки при первом возгласе: «Немецкие танки!» или «Мы окружены!». Здесь под Орлом трудно было даже себе представить, что мог кто-нибудь повернуть обратно. Невозможно даже возникновение самой мысли об этом. Многие из необстрелянных, разумеется, робели, но их робость ни при каких обстоятельствах здесь не могла превратиться в панику и в бегство. Робость только связывала им руки и мешала правильно действовать. Стремление каждого вперед было до такой степени стихийным, что едва ли могли быть какие-нибудь препятствия, которые в состоянии были бы остановить это стремление.

Документ №9

«Мы работали, когда вокруг нас рвались мины, снаряды, сыпалось все, а мы делали сложные операции...». Из беседы с Верой Леонтьевной Гуровой – медицинской сестрой 13-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии. Сталинград. 7 января 1943 г.

1920 года рождения. Родилась в Днепропетровской области, г. Кривой Рог, украинка. Окончила в Кривом Роге медтехникум, пошла добровольно на финский фронт. Я по специальности операционная сестра. Там работала старшей операционной сестрой. За финскую кампанию получила медаль «За боевые заслуги», орден «Красной звезды» за Киев. Второй орден «Красной звезды» получила в этой дивизии, вручал полковник Вавилов. Была награждена указом Донского фронта за бои под Тимом.

Под Киевом было тяжело, но не настолько как под Сталинградом. Мы работали, когда вокруг нас рвались мины, снаряды, сыпалось все, а мы делали сложные операции. Я работаю в медсанбате. Под Киевом не было таких трудных условий работы. Мы стояли там в большой больнице, снаряды, может быть, и долетали, но они нам не мешали как здесь. Здесь у нас 600–700 раненых в сутки протекало. Приходилось работать круглые сутки. Помещение все время обрушивалось. Медсанбат помещался на хуторе Буркова по ту сторону Волги во втором эшелоне, а здесь был только передовой пункт. Я была там, а сейчас прибыла на смену сюда, когда там работы стало меньше.

Все сложные операции проводились там, в более спокойной обстановке. Нельзя же было оперировать раненого и держать его здесь 4–6 дней. Сейчас здесь тихо, раненых немного, а тогда у нас было очень много.

Больше всего было осколочных ранений, от мин, снарядов, бомбежек. Под Сталинградом мы имели в большинстве случаев осколочные ранения. До этого времени, когда мы стояли против Харькова, у нас на передовой медпункт меньшую роль играл, потому что раненых нам удалось быстро доставлять в медсанбат для того, чтобы оказать помощь, а в работе под Сталинградом этот передовой пункт сыграл очень большую роль. Раненых в живот здесь оперировали и здесь держали некоторое время. Может быть в то время, пока мы их доставим в медсанбат, они бы погибли. Их на носилках переносили.

Во время сталинградских боев ввиду плохой транспортной обстановки, командование нашей армии выделило передовой пункт. Он состоял из двух хирургов, старшей сестры и младшей. Здесь раненым переливали кровь, делали операции и здесь же в блиндажах вылеживали несколько дней, а потом перевозили туда. Я была там потому, что вся тяжесть работы ложилась на ту часть медсанбата, которая находилась во втором эшелоне. Мы никогда не испытывали такой тяжести, как здесь, никогда я не видела столько раненых.

Сейчас я увидела, что сестры, кроме того, должны быть великими. Раненые все смотрят на тебя. Бывало, во время бомбежки раненые смотрят на тебя, как ты себя ведешь, так и они ведут себя. Я помню случай, когда бомбили нас, а раненых только обрабатывали, они оставались еще на столе. Это было под Киевом. Мне несколько раз приходилось оставаться с ранеными. В палатке ДПМ (дивизионный пункт медпомощи) была расположена операционная. Летало очень много самолетов. Хирург обработал, вышел, а 6 человек раненых нужно было снять со стола. В это время начали бомбить. Я и одна девчонка остались с ними, они на нас смотрят, говорят: «Идите сестры, спасайтесь вы, мы все равно раненые. Нам уходить было некуда, да и куда же уйдешь, если раненые смотрят на тебя, а ты их оставишь. Мне два раза приходилось оставаться при таких условиях. Я знаю, что ранен, ему больно, он знает, что еще один осколок может нанести такой урон и мне мысль даже не приходила в голову, чтобы я оставила раненого и ушла. С какими же глазами я потом вернусь палату и посмотрю на раненого. Я же приехала спасать его. Я не замужем.

Так же как боец рассказал о своем наступлении, так могу и я рассказать, как чувствовала себя на своей работе. Было по двое суток так, что ходишь и не помнишь себя, только видишь раненых. Я, как старшая сестра, вывод делаю, что не только квалифицированная сестра военная, а и должна быть очень хорошей организатор. Вот мы приезжаем на новое место и мне, как старшей сестре, хирург поручает, чтобы помещение было готово. Я со старшей медсестрой должна организовать так, чтобы все было подготовлено к работе, расставлен народ. Я здесь участвовала только в несложных операциях, а так все время мне приходилось заниматься организационной работой. Я должна была смотреть, чтобы все было, чтобы никакого перерыва в работе не было, иначе все хирурги, сестры будут стоять, если не хватит какого-нибудь материала».

Один раненый нас заставил прямо плакать. Он младший лейтенант, молодой, с 1922 г. Это было в Буровке в октябре. Он попал к нам раненым, ему сделали ампутацию ноги. Он сам был с Украины. Вся его семья, мать, отец, его девушка остались там, и он не знал, живы ли они или нет. Он нам все рассказывал, выражал очень большую ненависть к врагу все время, пока ему делали ампутацию, пока готовились к ней, потом он лежал с полчаса на столе. Операция делалась под наркозом. Мы его потом поили, кормили, и он очень нас просил, пока мы останемся под Сталинградом, мстить за него. Потом его отправили в тыловой госпиталь.

Очень мало таких людей, которые при тяжелом ранении теряли свой моральный облик, думали бы только о себе. Большинство сохраняло свой дух, и может быть, он на миг забывается, пока производится операция. После операции он начинает рассказывать, как его ранило, выражает свой гнев, жажду мщения за Родину. Есть раненые, которые поступают с легким ранением и уже считают себя не человеком, есть раненые с тяжелыми ранениями и не падают духом.

Я пять лет работаю операционной сестрой, без конца вижу эту кровь. В таком массовом количестве, конечно, не видела. Я знаю, что должна забыть все – это моя работа. Конечно, это не значит, что я не сочувствую раненому, смотрю на него как на бревно. Я переживала, но не должна делать так, чтобы это отражалось на оказании помощи раненому. Во время сложной операции, если я буду думать о чем-то другом, а не о ходе операции, так у меня ничего не получится.

Я не комсомолка, но подаю сейчас в кандидаты партии.

По-моему женщина в армии приносит такую же пользу, как и мужчина, конечно, за некоторым исключением, но эти исключения бывают и в мирное время. Иногда становится очень обидно, когда к женщине относятся с презрением: «А, женщина, да еще в армии». Я знаю, что пришла в армию выполнять свои обязанности. Те, кто плохо себя ведет, зависит от самих, что складывается такое мнение.

Документ № 10

«Потеряла мужа и двоих детей во время боев в Сталинграде». Из беседы с Аграфеной Петровной Поздняковой – кухонной рабочей горкома ВКП (б). 14 марта 1943 г. Сталинград.

Работала я в горкоме партии первое время уборщицей, потом на кухне. Пять лет уже работаю. Муж у меня был рабочий. Шесть человек детей. Старшая девочка тоже работала в горкоме в библиотеке. Была комсомолкой. Муж-сапожник, работал на обувной фабрике, потом работал в инвалидной мастерской. Потеряла мужа и двоих детей во время боев в Сталинграде.

Начал он бомбить с 23 августа, вечером, конечно. Мы все были на работе. День прошел благополучно, все хорошо, а вечером домой пришли, не успели сесть отдохнуть и «он» явился в гости.

Выехать у меня была возможность, но в это время у меня ребята все были больные. Мы остались здесь из-за этого. Пока наши были здесь, хотя и бомбили, но мы того не переживали – хлеб получали, в подвалы ходили от бомбежек. Иногда день

и ночь сидели в подвалах. Были минуты такие, что немножко затихнет, выберемся, схватим что-нибудь и обратно или хлеб испечешь или получишь и обратно спускаешься в подвал. Ходили за водой мы на железную дорогу. Ходили под пулями. Воду было трудно достать. Очень много было случаев, пойдет человек за водой и не возвращается. Воду брали из цистерн, с мазутом часто попадала.

Жили мы на Солнечной улице. Это был двухэтажный небольшой домик. Мы сидели в подвале этого домика. 14 сентября вечером наш подвал был взят немцами. 17-го сентября у нас все сгорело. Весь квартал выгорел. Из подвала нас выгнали. Я со своей семьей сидела во дворе в окопах, но домик был цел.

Часов в 11 загорелся пожар, такая страсть была, ужас. Мы сидели ужинали в домике. Начали выходить и брать, кто вещи, кто детей. Немцы закрывают двери и кричат: «Спать, спать, рус!» Нам пришлось в окна вылезать и детей выкидывать в окна. Пришлось все бросить. От дома остались одни стены. В этих стенах мы и ночевали. Утром пришли немцы и сказали, что освободить нужно и тут. Мы обратно в свой окоп пошли. Мы очистили его немножко, забрались и сидим. Там сидели до 26-го сентября.

27 была такая сильная канонада. У меня убило мужа и девочку, а нас засыпало. Этот мальчик /показывает/ был ранен. Нас отрыли и мы выбрались. Пошли в подвал к родителям этой девочки, которая сегодня ко мне приходила сюда...

В этом подвале мы жили до 12-го октября, а 12 октября немцы нас выгнали с этой территории совсем, вообще из центра города на окраину. Некоторые с сумочками за плечами уходили, а у меня этот мальчик был раненый, дети маленькие, у самой ноги были тоже контужены. Мы перебрались на окраину города за Советской больницей в Дзержинский район. Там и до сих пор живем. Приходили немцы и выгоняли нас и из этого помещения. Ходили в комендатуру, просили. Сама больная, дети. Придут, посмотрят, плечами пожмут, некуда девать, все равно погибнут.

Громилы нас очень сильно, били, стреляли в нас.

В элеваторе еще было много хлеба. Немцы вывозили хлеб из элеватора. Шли прямо страшными обозами. Обозники были русские пленники. Попросишь обозника какого-нибудь, он привезет мешок или полмешка муки. За 200, за 300 рублей покупали. При каждом русском пленном – немец. У одного купим, а другой немец через час, через полтора идет отбить, потому что он знает, что мы кушили. Ну и что же, разорили нас. У нас ни денег, ни хлеба не стало. Пока наши были до

сентября, мы получали хлеб, муку, немного белого хлеба для ребят. В это время мы кое-как перебивались. Потом перешли на одну конину. У них нечем было кормить лошадей, лошади стали падать. Выйдешь на дорогу, где Советская больница, там бараки страшные были.

Выйдешь к баракам русских пленных попросишь... видно, что лошадь все равно падает. Он ее пристрелит. Мы забирали это лошадиное мясо и питались им. Потом, когда немцев окружили, они сами стали есть конину. Нам оставляли ноги, головы и кишки. Когда к концу подошло, так и этого ничего не стало. Они сами все себе тащили, нам оставляли только одни копыта и кишки. Если увидят конину, сейчас отберут.

Особенно, когда пригнали румын из Калача, когда Калач наши заняли, мы думали, что они нас всех поедят живыми. Голодные были. Мороз такой, он они почти раздетые, жутко смотреть было. День и ночь шли эти чучела. А грабить – все тащили, что им только попадетя.

Когда только забрали Сталинград, они сыты были. Им нужна была одежда, обувь, хорошая, золото, часы, а потом добрались до всего. В немецкой комендатуре, например, за машину брали мужские костюмы, мужское пальто, ковры хорошие. У нас, конечно, этого не было. Так что мы могли только пешком идти. Он еще продельвал такие вещи. Возьмет эти вещи, вывезет за город, бросит их там, как хотят, так и добираться...

В Сталинграде много жителей оставалось. Девушек молодых женщин, ребят 14 лет, мужчин 55–60 лет и женщин до 50 лет угоняли в Германию. Многие молодые женщины и девушки работали и жили даже у них. Патриотки очень хорошие. Здесь в центре кто работал, первое время их отпускали домой, но с провожатым немцем. В последнее время запретили и не стали пускать домой. Нашивки делались, документы, чтобы не ломали помещение, где они живут. Кто белье на них стирал, кто убирал.

Когда уже наши входили, 28 января опять попало 2 снаряда в наш домик. Стучат в дверь, просят пустить погреться. Пустишь, начинают рыться в вещах, тащат с собою. В последнее время, если испечешь из горелой пшеницы лепешки и те отбирали. Сваришь что-нибудь ребятам – суп из конины или конины кусок оставишь, вместо хлеба порежешь кусочками, даже и это тащили. Больше мы не стали пускать. А то как: подойдут двое трое. Один становился возле двери с наганом. Остальные начинают: давай и все. Мужа нет, говоришь: «Ищите». Ищут, ищут – ничего не находят, а если что-нибудь находят, то забирают. Каждый вечер такая история. Одно время не пускали, тогда стрелять начинали.

Потом было объявление, чтобы хлеб несли в комендатуру, сдавали по два килограмма. Если хлеба нет, мясо, мяса нет – конину или соль, или мыло, или табак. Такого у меня ничего не было. Я пошла в комендатуру и говорю, что у меня ничего нет. Нам какое дело, давай и все. Если не принесешь, отберем паспорт. Я говорю, что у меня и паспорта нет. Берите меня со всеми детьми, куда хотите, туда и давайте.

У мамы этой девочки горелая рожь была, ее мыши поточили. Я ее перебрала, просеяла, насыпала в сумочку и говорю: «Вот все, что у меня есть». «Ну, давай и это пойдет».

Когда мы жили на площади Девятого января этот мальчик Гера ходил в школу. Ему два красноармейца сдали пшенички.

Нам ее некуда было девать, мы ее зарыли в ямочку. Когда нас выгнали с той квартиры, нам ее не пришлось взять. Потом они объявление повесили, что за линию железной дороги нельзя ходить. Кто пойдет, тот наказывается смертной казнью.

Пришли к нам четверо немцев, вроде как на квартиру. Жили они у нас целых две недели. Потом сестра Таички работала на Коммунистической. Она там у немцев работала. Пришла она со своим патрулем. Мы договорились с ним, чтобы они меня провели туда, где у меня пшеничка зарыта. Дошла до того, что дети умирают от голода. Он согласился, пожалуйста. Он по-русски хорошо говорит. У них в это время стало трудно из-за хлеба. Он говорит: «Пополам, матка, разделим» Я говорю: «Хорошо». Приходит за мной на другой день. Пошли с ним. Дошли до мостика, где пожарная каланча. Тут стоит полиция, его пропускают, а меня нет. Ему объясняют, что или возьми на нее пропуск. В этом районе стрельба была все время. Он говорит: «Пойдем матка с тобою, возьмем пропуск!». Пошли мы с ним.

Они меня вызывают: «У тебя там хлеб?» Я говорю, что хлеба никакого не было, а может быть его теперь уже и нет. Дает нам еще одного немца, жандарма по ихнему. С этим жандармом нас пропустили. Этого патруля отослали домой, со мной пошел жандарм в тюрьму. У них там был какой-то штаб военный. Его туда не пропускают. Он говорит: «Пойдем в комендатуру». Пошли, и я с ним. Приходим в комендатуру, он объясняет. Там сидят их генералы, офицеры.

По мосту прошли, идем по Коммунистической улице и дальше идем. Там все больше стреляют. Он говорит мне: «Матка, там фронт!». Я говорю: «Давай вернемся». Он идет по стеночкам, а я с салазками иду по середине дороги. Он опять говорит: дорогой идти нельзя, там фронт. Я говорю: «Ты возвращайся, я не боюсь. Я иду, не обращая внимания».

Оглянусь назад, он идет потихонечку. Доходим до Шиловской улицы. Там был раньше военкомат. Там веревка поперек дороги протянута и стоит патруль их. Значит, через эту дорогу проходить нельзя. Он ему что-то объясняет по-немецки. «Матка, там нельзя, там фронт».

Я смотрю, снежок выпал, там даже следов нет, совершенно никто не ходит. Я говорю, что почти дошла к своей цели, оставайтесь вы здесь, а я пойду. Тут все кругом открыто, все видно. Началась стрельба, я все-таки иду с санками. Потом они, наверное, увидели, что идет женщина и стрельбу кончил, а стреляли наши. Я добралась до своей заметочки. Вырыла пшеницу. Потом, где мужа с девочкой закопала, могилку оправила. Пробыла там долго. Я уже на санки мешок положила. Он подполз: «Покажи, где было зарыто! Может быть там еще есть». Я говорю: «Пожалуйста, иди смотри!». Он посмотрел. Я пошла, а он ползком ползет. Потом выбрались на Коммунистическую. Доехали до моста, я сворачиваю на другую дорогу. Он говорит: «Нет, поедem в комендатуру, хлеб нужно сдать в комендатуру». Думаю: «Значит, я для комендатуры за хлебом ездила! Так оно и вышло. У них объявление было повешено на русском языке, кто знает ямы с хлебом или одеждой, нужно заявить в комендатуру. Дают одного или двух патрульных, идут, разрывают эту яму, и вещи, и хлеб делят пополам. Они мне не то, что пополам, даже зернышка одного не дали. Отбрали весь хлеб и проводили меня домой. Пропали все мои два ведра пшеницы».

26-го, как нашим войти в город, немцы заняли домик, а штаб их военный разместился. Нас выгнали в четыре часа ночи с ребятами и со всем барахлом во двор. В окопах мы два дня сидел, пока наши не пришли.

Документ № 11

«...будем работать и день, и ночь...». Из беседы с Вениамином Яковлевичем Жуковым – начальником цеха № 7 завода «Красный Октябрь».

Я ушел с завода ночью 3 октября. 18 октября я был последний раз на заводе. На заводе я рос с 1932 г. Здесь я и вырос, начал работать шофером, вырос до начальника цеха. Завод рос на моих глазах и трудно видеть сейчас такие разрушения. Это равносильно тому, что уехать из дома, оставить отца с матерью живыми и вернуться через некоторое время домой и застать их мертвыми – такое впечатление. Завод работал, сам я работал, завод рос, и я на заводе вырос. Партийная орга-

низация меня вырастила. Последнее время была интересная работа над освоением МВ – «Катюши».

До войны как-то приятно было осознавать, что ты вносишь какую-то частицу своего труда в этот большой завод.

Я работал до декабря 1941 года в автотранспортном цехе. С декабря 1941 года, с переключением на МВ цех стал № 7, литерный. Основные материалы подвозили на автомашинах. В первый день войны мы сдали армии около 40 машин, от областной военной организации получили оценку «отлично» за сданные автомашины, несмотря на то, что машины находились в исключительно тяжелых эксплуатационных условиях.

Коллектив цеха, 60 человек, очень горячо взялся за освоение МВ. Впоследствии, когда было решено снять с производства эту машину, коллектив как-то повесил – неужели мы недостойны дальше выпускать эту машину. Приятно было принимать участие в Отечественной войне.

Ремонт машин мы производили для армии, за это тоже от областной организации получили благодарность. После этого ремонта боевые машины «Катюши», пришедшие с фронта прямо горяченькими еще, через два-три дня выходили из цеха и шли на огневые позиции, чуть ли не заряжались на заводах. И вот 24-го все оборвалось. Правда, 24-го мы две машины под бомбежкой закончили. 25-го был приказ. Около 70 машин подошло к заводу на ремонт, приказали их убирать.

Сейчас я увидел развалины и все. Не только проехать, но и пройти здесь нельзя. В голове это не укладывается. Сейчас группа моего цеха – 22 человека – оставлены для работы. Ждут, чтобы поехать на завод и немедленно принять участие в приведении его в порядок. Правда, они не представляют, какой вид имеет завод. Есть отдельные товарищи, которые до 18 октября были на заводе, пока уже командование фронтом сказало: давайте, товарищи, отсюда уходите. Вам здесь, говорят, делать нечего. Ездить уже нельзя стало. Сейчас люди горят желанием продолжать работу. Вот приеду, расскажу им. Надо представить их состояние, когда я расскажу, что представляет собой завод. Но приложим силы. Как только можно будет сюда пробраться, не считаясь ни с чем, будем работать и день и ночь.

39-я гвардейская освободительница нашего завода. Сделаем так, чтобы весь народ знал о 39-й гвардейской.

Мне хотелось бы отметить работников переправы рулевого катера Поцелуева и моториста этого катера Андрианова. Они обеспечивали переправу через Волгу, вначале перевозили рабочих завода, а впоследствии обслуживали воинские части. Катер погиб, а они остались живы.

Документ №12

«Бомбардировка продолжалась недолго – минут 20–25, но для нас это показалось вечностью...». Из беседы с Константином Васильевичем Зубановым – главным инженером Сталинградского энергокомбината. 13 марта 1943 г. Сталинград.

Таким сердцем в городе Сталинграде была Сталинградская районная электростанция. В мирное время мы давали электроэнергию для мирной продукции, для продукции, которая давала нам мирную жизнь и обеспечивала трудоспособность на определенных участках.

...Деятельность Сталгрэса, вернее Сталинградского энергетического комбината, можно разбить на несколько этапов. Если говорить о периоде военных действий, первый этап – это с начала войны до периода осады нашего города. В этот период мы всем своим стремлением, всем, чем могли, старались обеспечить наш город и особенно промышленность, имеющую исключительно оборонное значение, достаточным количеством электроэнергии соответствующего качества. Наши стахановцы обеспечивали высокую производительность труда, старались работать безаварийно и экономично, каждый грамм топлива был у нас на учете. Человек, который сэкономил топливо, у нас был передовым. Такими людьми были у нас и машинисты как Сахаров, Терентьенко. Такие люди были в котельном цехе, как теплотехник Саксеев, старший кочегар Харитонов Константин. Были люди, которые по несколько лет до этого, и особенно в период войны, обеспечивали безаварийную работу. Мы старались войти в ритм, которым дышала вся наша страна, отражая удары фашистских орд. Война резко изменила нашу технологию. Когда немцы захватили Донбасс, мы оказались без угля. Нам нужно было переходить на другие виды топлива – мазут. Нас не беспокоило это. Абсолютно без ограничения, это означало, что мы даже не чувствовали этот переход, мы осуществили переход с угля на мазут в очень короткие сроки. Такие монтажники как мастер Ивлев Сергей Васильевич, начальник котельного цеха Мудренко, они способствовали тому, что город не чувствовал этого перехода, и наша станция на новом виде топлива безаварийно и без ограничения обеспечивала электроэнергией потребителей.

С продвижением фронта к Сталинграду обстановка все время больше и больше накалялась, но это не изменило ритма нашей работы, наоборот, в последние дни перед осадой мы, как никогда, работали ритмично, четко и надежно. Достаточно ска-

зять, что в эти последние дни перед осадой не было ни одной жалобы, ни одного недоразумения с нашими потребителями.

Второй этап нашей деятельности начинается с 23 августа, когда гитлеровские стервятники беспощадно и всепоглощающим огнем начали уничтожать наш город-красавец. С первых же минут начала этой бомбардировки прервалась основная артерия, по которой мы питали нашу северную промышленность и промышленность нашего города, была на очень многих участках порвана линия передачи 110 киловольт. Город остался без света, без воды, без хлеба. Городской комитет обороны поставил перед нами задачу – любой ценой дать городу воду. Пожары, которые обильно свирепствовали в городе, душили людей, иногда очень трудно было добраться до Волги, чтобы хоть немного напиться воды. И мы поняли эту задачу. Она была серьезной, технически трудной. Под непрерывным огнем с воздуха, а впоследствии от артиллерийского огня, а также минометного, наши люди бросились на выполнение этой задачи. В любое время дня и ночи, собственно говоря, круглые сутки, люди восстанавливали эту линию передачи. Бывали случаи, когда только что восстановленный участок тут же разрушался, когда воздушной волной люди сбрасывались с места, с высоты 10–12 метров, но после первого шока, людьми опять восстанавливали линию. И город был все-таки при любых обстоятельствах, обеспечен водой. Линия передачи была восстановлена. Даже после восстановления она все время нарушалась, но это не останавливало коллектив сети. Во главе с главным инженером сети т. Панковым, главным инженером энергосбыта т. Столяровым, коллектив работников сетей ни разу не ушел со своих участков и, несмотря на отсутствие пищи, которую трудно было им подвезти, несмотря на отсутствие воды, которой там не было, работу всегда выполняли. Тов. Столяров несколько раз был контужен, но он поставил перед собой задачу – любой ценой, может быть ценой своей жизни, но своим присутствием воодушевить коллектив сетей и не дать ему возможности предаться панике и уйти со своего рабочего места. Только 13 сентября, когда немцы прорвались на уровень Купоросного к Волге, между сердцем Сталинграда и его мозгом связь была окончательно порвана. Артерия нарушена. Перед нами стояла такая задача – обеспечить электроэнергией южную часть города, а именно промышленность, населенные пункты Кировского района.

С этого периода начинается третий этап нашей деятельности. Немцы, укрепившись на высотах в районе Ельшанки, Купоросный и имея очевидно данные о работе нашей станции,

предприняли ожесточенный артиллерийский обстрел. Вначале они пристреливались, а затем уже точной наводкой немцы сосредоточили огонь на нас исключительной силы. Наибольшей интенсивности артиллерийский огонь достиг 23 сентября, когда по нашему объекту было выпущено до 400 снарядов. Жаркий это был день и тяжелое время для рабочего персонала, особенно он оказался роковым для наших агрегатов.

Вначале отдельными выстрелами, потом залпами (которые обычно военные называют огневыми налетами), наша станция была полностью выведена из работы. В самом начале этого артиллерийского огня мне удалось прорваться на электростанцию (я находился в командном пункте) – на станции картина была ужасная. Снаряды, которые попадали в станцию, помимо своих осколков несли за собой разрушение строительных узлов, агрегатов и всю эту массу – осколки, части конструкции, стекло, дерево, кирпич, металл. Все это валилось на головы людей, находящихся на своих рабочих местах. Особенно тяжело было в котельном цехе. Достаточно сказать, что рабочее место водоосмотра расположено на самой верхней точке нашего здания, под самой крышей. Это рабочее место совершенно не защищено, а уйти с него – это значит, что если снаряд попал в котел и не будут вовремя приняты меры по отключению котла, он может причинить наибольший ущерб, чем даже сам снаряд. Наши водоосмотры т. Дубоносов (комсомолец) и Самофалов, как никто другой показали образцы храбрости и мужества. Достаточно сказать, что в этот день у ног водоосмотра Дубоносова упал неразорвавшийся снаряд. Он не знал, что снаряд был замедленного действия, он рисковал своей жизнью, но с рабочего места не ушел. Я сам наблюдал картину его переживаний. Он успокоился только тогда, когда этот снаряд осторожно удалили с его рабочего места, с последующей его локализацией.

Итак, станция была остановлена. Надо было решать, что делать. Немцы очень хорошо пристрелялись, огонь был точный. Работать персоналу в таких условиях было опасно. Посоветоваться в этот момент было не с кем, телефонная связь с “миром” была прервана, из командного пункта никто не мог прийти из-за интенсивного артиллерийского огня. Я решил созвать начальников цехов для того, чтобы посоветоваться с ними о дальнейшей работе.

В шутку мы называли впоследствии это совещание совещанием в Филях. Был поставлен вопрос, как быть. Если остановить – это значит, что соседние заводы не ремонтируют танки, не выпускают снарядов, это значит – весь район остался без

воды, значит, армия будет без хлеба. Если пустить ее – прямая угроза персоналу и всему командному составу. Характерно, что ни один из начальников цехов не произнес слова “нет”. Все очень скромно и тихо, под непрекращающуюся артиллерийскую музыку, вынесли приговор: станцию пускать надо. Станция была пущена в тот же день 23 сентября...

Наступившая темнота вначале несколько уменьшила, а впоследствии совершенно прекратила артиллерийский огонь. Очевидно, немцы ориентировали свою стрельбу по дыму и пару, исходившим со станции. Артиллерийский огонь не прекращался вплоть до 10 ноября. Но уроки 23 сентября заставили наших областных руководителей принять решение о работе станции только в ночное время (было указание обкома партии по этому вопросу).

Итак, мы работали до 23 октября, причем в светлые хорошие ночи нас продолжали обстреливать с той же интенсивностью. Когда днем не работали, артиллерийского обстрела не было.

Но при остановке станции в дневной период мы не учли одного обстоятельства. Армия нуждалась в кислороде. Работа кислородной установки требовала непрерывной работы. Нужно было перейти на круглосуточную работу. Артиллерийский огонь здесь продолжался круглые сутки. Для того, чтобы пробраться из одного цеха в другой, или пройти в столовую, нужно было несколько раз проделать соответствующее падение или залечь в щели, находящиеся по пути.

В первые дни осады, учитывая угрозу нашему персоналу, мы вывезли весь свой основной персонал с оставшимися частично семьями (основная часть была вывезена до осады города), направив их в восточные районы для использования в наркомате электростанций.

В октябре месяце на станции оставался боевой коллектив, насчитывающий до 150 человек. Выбор коллектива, который должен быть остаться, был проведен удачно – ни капли паники, ни одного случая недовольства или проявления трусости не было, наоборот, было несколько случаев исключительно героического поведения со стороны нашего персонала.

Вот один из них.

В один из октябрьских дней снарядом порвало магистральную мазутную линию. Станция должна была пойти на остановку, но старший кочегар Константин Харитонов (примерно 28 лет), несмотря на горячий мазут, который с ног до головы ошпарил его, несмотря на то, что ему захватывало дыхание, произвел соответствующие манипуляции, отсоединил поврежденный участок без остановки

станции. Были отдельные случаи, когда личные примеры командного состава – начальников цехов, мастеров – помогали проявлять примеры стойкости. Например, после одного из интенсивных обстрелов ведущий кочегар Шестернин в беседе с рабочими сказал, что сегодня пережил очень трудные минуты.

Вы представляете, я не видел не только свой обслуживаемый котел, не только тепловой щит, которым я управляю, но от тех осколков, той пыли, которые сыпались на меня, я не видел самого себя. Чувство одиночества оно пугало меня, в тот момент, когда я, казалось бы, потерял самообладание, появляется один из руководителей станции и я, как окрыленный, продолжал стоять на своем рабочем месте.

Когда до периода осады у нас был заместитель председателя Совнаркома товарищ Малышев, то он в беседе с командным составом станции сказал: «Пусть лучше пострадает один – два командира, но нужно личным примером со стороны командного состава обеспечить нормальные условия для работы нашей станции». И наши командиры, именно: начальник электрического цеха Львов, начальник котельного цеха Кругляков, начальник турбинного цеха Крыжановский, заместитель главного инженера Карпов при любых обстоятельствах всегда появлялись там, где этого требовало обстоятельство. В такие тяжелые минуты хладнокровное поведение руководства имеет очень серьезное значение. И мы, помня указания тов. Малышева, осуществили это у себя на практике. Это эффективный и надежный момент работы станции в любых военных условиях.

Здесь нельзя забыть такого человека, как дежурный электрик тов. Карочанский, который, несмотря на свист снарядов, непосредственную близость разрыва их, пунктуально и точно выполнял свои задачи.

Я помню 23 сентября, когда я осуществлял пуск станции и давал соответствующие указания о подготовке к пуску тех или иных агрегатов, со стороны тов. Карочанского я слышал лишь одно: «Я уже это сделал». Интересно, что очень часто при сильных огневых налетах трудно было персоналу, который по нашему указанию становился на места, более безопасные от падающих конструкций и разрывов снарядов, но вы можете в этот момент пойти на главный щит и увидеть, вернее услышать, нечто необычное: на фоне артиллерийской музыки вы слышите классические музыкальные произведения – это тов. Карочанский сидит и «проигрывает» пластинки на патефоне.

Хорошие примеры смелости показали у нас девушки. У нас есть химический цех, в котором мы оставили маленькую гор-

сточку женщин в количестве 7 человек, во главе с заместителем цеха т. Косовой Таисией Ивановной (техник). Рабочее место химиков было в нескольких десятках метров от основного коллектива. Было иногда немножко тоскливо и неприятно, не имея от них никаких сведений (связь, как правило, при этом была нарушена). Ни одного случая паники или беспокойства с их стороны я не наблюдал. Однажды, с большим трудом пробравшись к ним на химводоочистку, я спросил.

– Ну как, страшно?

– Нет, – говорят, – холодно.

При этом температура окружающего воздуха была плюс 20 градусов.

...Нельзя забывать и про работников нашего питания, которые также не оставляли своего рабочего места, обеспечивали, сообразно с обстоятельствами, нормальным питанием рабочий коллектив. До последнего дня, о чем я скажу несколько позже, рабочие систематически обеспечивались горячей пищей. Характерно, что весь период осадного положения мы работали на топливе, которое пришлось добывать непосредственно в Кировском районе, причем мы не пренебрегали никаким видом топлива, вплоть до применения в качестве топлива креозота. Особую настойчивость в этом вопросе проявил заместитель начальника топливного цеха тов. Лисагор.

За период осады, помимо отпуска потребителям электроэнергии и воды, которые играли большую роль в обороне Сталинграда, мы своими силами сумели отремонтировать несколько десятков автомашин, больше 20 орудий, 5 «катюш» и целый ряд других видов вооружения, обороняющих нас частей.

Нельзя при этом забывать роли скромного и деловитого мастера т. Соляникова, для которого никогда не было слова «нельзя», он всегда говорил: «Ну что ж, попробуем». А это «попробуем» означало, что работа будет выполнена.

4-й период нашей деятельности начался несколько неожиданно – с 4 ноября 1942 г. После ночной смены работы станции, осуществив нормальную остановку, весь персонал (кстати сказать, он с первых дней осады перешел на казарменное положение) ложился спать. Люди уже настолько привыкли к своему образу жизни, что артиллерийский обстрел не мешал людям ложиться в кровати нормально раздетыми. И вот в 8 ч. 30 м утра 4 ноября над станцией неожиданно распластали свои крылья фашистские стервятники. 49 «Ю-87» или как мы их называем «музыканты», начали систематически сбрасывать бомбы, имея своей целью разрушить нашу станцию.

Каждый из этих 49 сделал по несколько пикирований. Особенно неприятен был звук сирен. Я не верю людям, которые говорят, что можно привыкнуть, предположим, к артиллерийскому обстрелу, к бомбардировке, я не нахожу правды в их словах. Любую бомбардировку или любой артиллерийский обстрел, по моему, всякий переносит тяжело и болезненно. Все дело только в том, несколько человек может обладать собой, насколько он не показывает своих переживаний, но большего, что я пережил в эти минуты, я еще не переживал. Очень часто я слышал, что красноармейцы не так боятся бомб, как боятся сирен пикирующего бомбардировщика. Я в этом убедился, что это сушая правда. Действительно, сирена, она таки и выводит из строя людей. И вот, вы можете себе представить, что в это время творится на станции. Люди высакивали из постелей полураздетыми, бежали в убежища, некоторые бежали к агрегатам, чтобы привести их в состояние «готовности» к такой бомбардировке.

Бомбардировка продолжалась недолго, минут 20–25, но для нас это показалось вечностью. Когда самолеты улетели, мы вынуждены были признать исключительной силы результаты этой бомбардировки. До этого дня у нас не было ни одной серьезной жертвы, то в этот день их было больше двух десятков. Пострадало очень много агрегатов. И станция фактически была на долгое время выведена из строя с точки зрения ее эксплуатации.

Пришел Ильин, секретарь обкома партии. Было принято решение обкома партии окончательно эвакуироваться на левый берег Волги с тем, чтобы сохранить оставшуюся горсточку смельчаков.

И к этой операции мы стали готовиться с расчетом переправки на левый берег в ночь на 5 ноября.

Около 5 часов вечера 4-го противник повторил свой налет – теперь уже 33-мя бомбардировщиками. В ночь на 5-е, за исключением 17 человек во главе с управляющим т. Землянским, весь персонал был переправлен в с. Заплавное, имея своей целью дальнейшую отправку на Урал.

После выполнения своих задач по приведению станции к длительной консервации, оставшаяся группа в 17 человек 17 ноября также приехала в Заплавное.

...Следующий период нашей деятельности определился с первых дней наступления Красной Армии. Надо было немедленно принимать меры к восстановлению станции, одновременно был осуществлен выезд в Москву для получения принципиальных установок и выезд группы людей непосредственно на станцию для начала организации восстановительных работ. И с

8 декабря 1942 года для нас начался период возрождения сердца Сталинграда. И начались очередные трудности восстановления в условиях полного отсутствия рабочей силы и материалов. Следует заметить, что за период осады нам удалось через Волгу, а в дальнейшем на Урал переправить все наше ценное оборудование, а также все оборудование небольших габаритов. В таких условиях трудности были несоизмеримы. Но город требовал от нас, чтобы сердце его билось, и мы, несмотря на эти трудные условия, взялись по стахановки восстанавливать Сталгрэс. Такие люди как мастер Гунгасов, техник Горбунов, комендант Андреев, который был буквально универсалом, работая и за стекольщика, за начальника бюро пропусков и за начальника отдела снабжения, и за начальника отдела кадров и т. д., эти люди показали высокие образцы преданности своей родине.

Постепенно к нам стали стекаться наши рабочие. У меня сейчас лежит большая пачка писем от наших рабочих, работающих на Востоке, и можно смело сказать, что около 95% всего эвакуированного персонала нашего комбината с необычайным желанием и стремлением хочет вернуться на родину и при любых условиях (они, конечно, знают в каких условиях находится сейчас наша Сталгрэс) приступить к восстановлению станции».

Должен сказать, что эффективна работа нашего персонала на период осады и в последующем, в начале восстановительных работ. Она в первую очередь зависела от того, насколько правильно мы смогли организовать снабжение нашего коллектива, правильно расставить силы. В этом вопросе первейшую роль и первейшее значение сыграл наш управляющий т. Землянский. В период осады мы были отрезаны от баз снабжения, но вместе с тем тов. Землянский изыскивал такие пути снабжения, которые полностью удовлетворяли наши нужды.

Сейчас у нас уже большой коллектив, прибывают наши коммунисты, растет парторганизация, и мы надеемся, что в ближайшем будущем, с получением топлива, которое нам необходимо для пуска, сердце Сталинграда заработает.

У нас полагается 4 дежурных инженера, был один, полагается 4 сменных мастера – был один, он спал в цеху, он же работал, как что случилось его будит машинист, и он начинает работать. Начальники цехов основные были, причем или начальник или заместитель.

Мы очень гордимся следующими обстоятельствами нашей деятельности. Во-первых, наш народ, который сейчас находится на Востоке, показывает образцы стахановского труда. И, несмотря на приказы наркома об отпуске его к нам, отпуск его идет исключительно медленными темпами. Наш коллек-

тив горд, что сумел за период своей деятельности воспитать людей, которые в глубоком тылу показывают образцы работы.

В период осады мы очень часто встречались с военными, вращались в этих военных кругах, мы им были необходимы даже таких мелочах, как снабжение газированной водой, как обеспечение баней, а в фронтовых условиях баня – это слишком многое для тех, кто бывал в этих условиях, и эти люди, не скрывая, заявляли, что таких условий, в которых находится коллектив Сталинградской станции, они еще не видели ни на одной станции, даже Севастопольская станция не была еще в таких условиях как наша.

Я еще не сказал, но это следовало бы сказать, что за весь период на наш объект было выпущено 900 артиллерийских снарядов и около 200 бомб. На последнем пленуме горкома партии тов. Абрамов – член Военного совета 64-й армии сказал, мы уезжаем сейчас от вас, уезжаем на Запад для того, чтобы громить и дальше врага, но мы никогда не забудем героических людей, города-героя».

Мы очень часто наблюдали, как обстреливали немцы Сталгрэс. Буквально получается: их обстреливают, а они дымят. Кажется все, слишком много артиллерийского огня, слишком много снарядов в них засело, все взорвано, а утром встанешь – они дымят. Эта скромная оценка генерала, она действительно была справедливой.

Может быть даже трудно поверить, что можно было совершенно безопасно жить в Кировском районе, находясь в 200 метрах от нашей станции, т. к. огонь был настолько направленный и точный, что люди, живущие рядом со станцией, или женщины, живущие в поселке, были очень спокойны за все существование. Мне приходилось часто бывать в поселке и слышать от населения или от военных такие разговоры: «Опять стреляют». А другой отвечает: «Это опять по Сталгрэсу». И настолько была точная уверенность, что только туда стреляют, что тут безопасно, что люди себя совершенно спокойно чувствовали до 4 ноября.

Документ № 13

«Почему немцы так быстро прорвались к Сталинграду?» Из беседы с генерал-майором Степаном Савельевичем Гурьевым – командиром 39-й гвардейской стрелковой дивизии. Август 1942 г.

В 1940–1941 гг. учился в Воздушной академии. ... В это время спешно начали формировать десантные корпуса. Нас

вызвали в Наркомат, дали назначение, и я уехал командиром 10-й воздушной бригады. Сформировал бригаду, началась война, я с ней и воевал.

Война застала нас в Двинске. Я уже вышел к Поневежу 21 числа, еще войны не было. Когда прибыл туда 25-го вечером, то войска Прибалтийского особого военного округа, 8-я армия, уже отошли, и противник вел бои за Двинск и Якопилс. А я в это время сидел в Поневеже в 150 км в тылу немцев и оттуда 6 суток шел с боями с бригадой. Бригаду вывел всю, вывез на машине человек 200 раненых. Убитых похоронили. Оставленные [...] вагонов я там же сжег, а остальное все вывел. Встретил командующего фронтом Кузнецова в лесу во время дождя. Он стоит, намок, армии растерял, не знал, с чего начинать. Когда я доложил, что прибыл с бригадой, он сказал – а я считал, что вы погибли.

Затем командовал 5-м воздушно-десантным корпусом под Орлом. «Я пришел туда, когда еще Катукоев командовал танковой бригадой. Мы с ним вдвоем немцев держали на реке Зума гор. Мценск. До 17 октября держали, крепко налупили, дальше не пустили их [...]

Затем его срочно перебросили в Подольск... Дали мне две авточасти – 400 машин, танков крупных, два стрелковых полка, два полка артиллерии, одну тяжелую, другую противотанковую, дивизион РС, в общем, группа составила тысяч в 18. Я снялся 19 числа, эту группу повел по Варшавскому шоссе навстречу немцам. Грязь по колено. Слева и справа никого, части наши отходили в беспорядке. 17-я стр. дивизия, 53-я стр. дивизия просто бежали.

От реки Нара в 8 км западнее в районе дер. Воробьи была 201-я воздушно-десантная бригада. С 20-го на 21-е заняли этот узел. Немцы шли на Москву. 21 числа они позавтракали и пошли, как к себе домой, 201-я бригада встретила их ураганным огнем. Немцы начали отходить. Бригада заняла немецкие окопы. 22-го немцы выбросили штук 60 танков 20-й танковой дивизии и начали, буквально, давить. Командир бригады, полковник Коваль, звонит мне. А я организовал на реке Нара оборону, подготовил мост к взрыву. Я ему приказал отходить не по дороге, чтобы не притащить на плечах противника, а уходить на фланг. Грязь была по колено, танк все равно не пройдет.

Он начал отходить, противник пошел прямо по дороге на мост. Мост взорвался с их подходом. Они начали через реку Нару атаковать нашу оборону. Бой длился до 20 октября включительно день и ночь. Штыковых атак было несколько.

Деревня Горки и другие переходили по 5–6 раз из рук в руки. Немец принимал штыковые атаки. Дрались так 34-я, 98-я пехотные дивизии и 20-я танковая дивизия немецкая.

Под Москвой были острые боевые моменты, в дер. Аксеновка [...]. Все части у меня были расположены в обороне, а в деревне был штаб корпуса, три штаба бригад, два штаба полков – шесть штабов. Деревня – домов 80, все переполнено, и все штабной народ. В самой деревне оборона по южной окраине. Расстояние до немцев километра полтора. Я сидел в каменной школе старой кладки, толстые стены и на хорошем цементе.

В 19 часов начинается огневой налет. Немцы умеют все же огневые налеты делать. Живого места нет, все покрыто огнем, и продолжается налет до 4 часов утра. В 9 часов начинается наступление. В 9.30 зажег мне дом термитным снарядом. Начинается нарушение управления. У меня остается рация, в частях тоже рации есть. С частями я поддерживаю связь, но немцы до трех полков пехоты лезут на деревню, а обороняет ее рота небольшая. Мы сидим. Дом разбили, загорелась крыша. Я вышел на крыльцо. Смотрю, стоят за печкой комиссар корпуса, командир роты и начальник особого отдела и водку пьют. Я говорю: «Вы что же, обалдели, сейчас обвалится, выходи!»

Немец уже подошел на 150 метров, народ начинает подиночке отходить. Около меня группа собралась человек 30. Я с крыльца говорю: «Братцы, что же вы делаете, ведь немцы-то убегают».

Все давай из-за домов вылезать, из сараев стрелять начали. Немцы видят, что контратака, начали отходить, но чуть-чуть еще, и штабы погибли бы. Все отбили. Там десантники были.

28 октября немец переходит к обороне и потому начинает закрепляться. С 28 октября мы дальше ни шагу не пропустили его. Просидели до 26 декабря в обороне, укрепились. Сколько немец ни пытался атаковать, ничего у него не вышло. 26 декабря по приказу командующего Западным фронтом генерала армии Жукова перешли в наступление. Уже снег навалил большой. Действовали на стыке 43-й армии и 33-й, Ефремов ею командовал, а нашей армией командовал генерал-майор Голубев.

Подошли к Малоярославцу. В лоб его брать было невозможно, потому что были собраны большие огневые средства. Я тогда 10-ю бригаду и особый полк Западного фронта бросил с вечера обойти Малоярославец. Они сделали марш 30 км и на рассвете с криками ура атаковали Малоярославец с запада, для немцев абсолютно неожиданно. Немцы все побросали и убежали в юго-западном направлении. 10-я бригада первой поставила свое знамя на городском комитете партии.

Потом начали вести наступление на Медынь [...]. Там немец устроил мне одну пакость. Там есть речушка. Мороз большой был, градусов 30, так немцы, сукины дети, взорвали плотину, и пошла вода [...]. Передовые отряды все там, а тут ничего не переправишь. Мы быстро разобрали несколько сараев, начали наводить переправу для того, чтобы, хотя людей переправить на ту сторону. Сутки это дело длилось, потом начало подмерзать[...].

Медынь тоже брали ударом с запада, с северо-запада и юго-запада [...]. Там мы дрались три дня [...]. От Медыни ни одного дома не осталось [...]. Я еще писал жене вечером 31 декабря, что подошли к гор. Малоярославцу, будет взят. Жена сейчас это письмо бережет. У меня жена и три сына.

После Медыни мы начали наступать на Мятлево и на Юхнов [...].

Я там провоевал до 29-го января. 29-го января меня оттуда вывели. У меня остался уже один штаб. 160 км прошел тогда, больше 200 населенных пунктов освободил по пути, трофеи большие, около 200 орудий, больше 100 танков, а пулеметов ручных, станковых и не помню.

Приехал я в Раменское, начал снова формировать корпус 5-й воздушно-десантный, сформировал. Народ дали хороший. ЦК комсомола дал комсомольцев отборных и все физически здоровые. Обучили мы их хорошо, работали над ними месяцев пять, прыжки давали и уже были по существу готовы к десантной операции. В это время вызвал нас в Москву Генеральный штаб, дал два дня сроку – становитесь гвардейской и пойдете в Сталинград. Это было 3 августа.

6 числа [августа] двинулись на Сталинградский фронт. Прибыли 13-го на ст. Шавлинская, 15 августа уже выходим на исходное положение в районе Трехостровская. Прорвавшаяся группа немцев в составе трех пехотных дивизий, одной танковой застала нашу дивизию на марше, и очень крепко пострадал 117-й полк. Немцы давили прямо гусеницами бойцов, и бойцы не бежали. Подбито было до 70 танков, пушки. Там у меня погиб весь противотанковый дивизион. Немцы сделали тысячи полторы самолетовылетов по дивизии за 15 число и наверно до десяти тысяч снарядов бросили по дивизии, а самое главное, до 200 танков как налетели на 117 гвардейский полк и очень крепко долбали. Сохранился 120-й полк, он был во втором эшелоне. 112-й был на левом фланге к реке. Там погиб заместитель мой, полковник Ковалев, полковник Нетесов, начальник штаба дивизии. Все это краснознаменцы. Погиб командир 117-го гвардейского полка, полковник Чебеев, на-

гражденный орденом Ленина за Западный фронт. Погиб подполковник Киселев, начальник штаба 117-го полка [...].

...16 числа остатки дивизии продолжали еще драться с немцами, а в ночь на 17-е переправились через Дон [...].

Почему немцы так быстро прорвались к Сталинграду? Мы сосредоточились в поселке Тары с 11 августа. Там сосредоточилась вся 1-я гвардейская армия [...]. Мы в районе развертывания разгрузились, сосредоточились и стали выходить в станцию Трехостровскую. Это было с 14 -го в ночь на 15-е. Москаленко, командарм 1-ой гвардейской, пишет мне, что я должен подчиняться только командарму 1-ой гвардейской. В ночь с 14-го на 15-е выводим дивизии в район Трехостровской, в Верхнее-Акатово исключительно охрана района, в это положение вышли части. Никакие дивизии не могли бы ничего сделать. Здесь заставили щели рыть. Остальные части, артиллерия все еще продвигались, были в движении.

15 числа в 10 часов я посылаю своего заместителя полковника [...] лева в штаб 4-й армии в село Кисляково связаться и узнать обстановку на фронте 4-й армии. Он в 11-30 приезжает весь мокрый, вспотел, и докладывает, что немец на участке 184-1 и 192-й прорвался.

Я, – говорит, – был там, сидит командующий фронтом генерал-лейтенант Гордов. Он приказал немедленно поднять дивизию по тревоге, ликвидировать прорыв.

Я думаю, что что-то не вяжется. Садимся на машину и прямо на КП, к командарму 4. Захожу, докладываю, что командир дивизии прибыл. Он ходит, папиросу курит.

– Ну, дивизия поднялась?

Я говорю:

– Дал распоряжение подготовиться, но не поднял еще. Мне не ясна обстановка.

– Все очень просто, [до] батальона пехоты прорвалось и несколько танков. Немедленно положение восстановить на фронте 4-й армии.

– Разрешите доложить, – говорю, – что дивизия еще на подходе.

– Я слушать не хочу.

Тов. Чернышев вступает в разговор.

– А ты кто?

Я говорю:

– Это командир дивизии.

Он матом:

– Вон отсюда, и слушать не хочу.

Тот говорит:

– Я должен присутствовать.

– Вон отсюда к такой-то матери.

У него карта лежит с обстановкой на фронте. Он подписывается на этой карте, я вручаю ее полковнику Ковалеву и даю распоряжение немедленно поднимать дивизию по тревоге и в боевых порядках двигать. Ковалев сел на машину и уехал. Он погиб, и карта всего фронта попала к немцам.

Ковалева я отправил, потом говорю, что карты первой нет, а потом мне нужно познакомиться с обстановкой. Задержался минут на 15–20, сел на машину, уехал.

Вы представляете себе, что это за противник, с которым имеем дело. 16.VII [августа] начальник штаба 4-й танковой армии пишет, что противник силами до четырех пехотных дивизий с танками, при мощной подготовке авиационной прорвал оборону 4-й танковой армии, вышел к переходу Вертячий и Трехостровская. Если бы они на месте сидели, ничего не произошло бы. Но мы людей из окопов выгнали, люди вышли на чистое место, ни окопчиков, ничего. На чистом месте встретилась такая махина – четыре пехотных и танковых дивизий. В результате немцы как поперли 15-го вечером, 17-й полк сломали. Он пострадал из-за этого. Правда, бойцы дрались ожесточенно. Заместитель начальника политотдела, батальонный комиссар сам у орудия сидел – Симонов. По 15 самолетов пикировало на одну пушку, а пушка как встала, так и стоит, и он сидит у пушки. Пролез танк, буквально у пушки. Он последним снарядом как трахнул, танк подбил, и его рядом в грудь ударило, разорвало всего.

15-го и 16-го вся эта драка там происходила. Командарм 4, генерал-майор Крученкин растерял всю армию [...]. Все они там растерялись, сбежали, негодяи. Начальник штаба фронта в дивизии сидел часов шесть на КП – генерал-майор Никишев, выпил литра три вина за это время, через 15 минут стакан наливал и пил [...]. Кончается бомбежка, он сел на машину, переправился через Дон и [...]. руководить операцией в Сталинграде.

16 числа прорвались в этом месте на левый берег Дона. Я сразу в районе Панышина занял оборону. Чернышев с группой из штаба дивизии раненых всех выгнал. Буквально на плотиках переправлялись. В самом безвыходном положении были, но людей держали в руках и без паники переправлялись.

Когда собрались на левой стороне Дона, заняли оборону в районе Панышино. С комиссаром Чернышевым сидим на пригорке, видим на дороге непрерывный поток автомашин, танков немецких, видим, как наводится переправа через Дон. Уже на эту сторону переправляться начали, немцы уже в

Паньшино начинают врываться. Я поднимаю полк по тревоге, выбрасываю его к реке.

Приезжает заместитель командующего фронтом генерал-майор Коваленко.

– В чем дело?

Захватили мы пленного 384-й пехотной дивизии. Он нам рассказывал, какие полки там. Дивизия сформирована в г. Дрездене, а в апреле переброшена на Южный фронт, 8–10 августа дивизия брошена в бой. Личный состав дивизии: 1.03 1922–1923 гг. рождения, а остальные старше, по национальности все немцы. Дивизия вооружена по штату, боеспособна, морально не разложена. Командует дивизией фон Габленс.

Я, Коваленко, докладываю, что 384-я дивизия переправилась.

– Глупоستي, 50 автоматчиков и больше ничего.

Я говорю:

– Боком вылезут эти автоматчики, имейте в виду.

– Что вы мне угрожаете?

– Я не угрожаю, – говорю – предупреждаю вас.

– Щенок, учить еще будете меня.

Я очень резко с ним разговаривал, говорю, что своими глазами вижу. Тот берег крутой и лесочек. Они переправляются сюда и двигаются в район Пресноватки и Вертячий. Две переправы, по одной разгружаются, по другой ходят. Это было дело 19-го – 20-го. 21-го захватываем пленного 76-й пехотной дивизии. 22-го утром захватили пленного 68-й пехотной дивизии. Я говорю, что имейте ввиду, румынский корпус подошел.

Одна дивизия переправилась, захватила плацдарм, а эти наготове. 23-го немцы в 12 часов разогнали 98-ю стр. дивизию, танки пустили, сели на машины и прямо поехали в Сталинград, с Дона доехали прямо до СТЗ. Я после этого не видел ни одного из этих идиотов. Я потом им сказал: как же так получается, полководец дурак набитый.

...Стоит ли сейчас говорить о виновности и о всяких таких делах? Об этом напишет история. В то время замкомандующего фронтом был Гордов. Я не знаю, командует ли он где-нибудь сейчас. Он – главный виновник. История это ему никогда не простит. Еременко командовал двумя фронтами: Сталинградским и Юго-Восточным. По Сталинградскому фронту его заместителем был Гордов [...]. Гордов был в высшей степени человек бесталанный.

29 сентября по приказу командующего фронтом генерал-полковника Еременко, дивизия была переброшена к Сталинграду. Сюда приехали 30 сентября, и в ночь на 1-е переправились в горящий Сталинград. С Чуйковым встретились на 1-е

ночью [...]. Когда проезжали, говорили – между Сталинградом и адом расстояние ноль-ноль две десятых. Я сразу на баржи погрузил две тысячи человек, из двух районов переправляли всех. Сам сел на баржу, попрощался с командующим Голиковым. Ночь темная, немец, сволочь, бьет артиллерией. Голиков как дал огонь из 60 орудий, и меня перевезли. Переплыли, все буквально, без потерь. Когда переплывали, тут всякие реплики, кто что вздумается. Один политрук стоит около меня: «Эх, твою мать, какая жара». Я говорю: «Ты что, собираешься переплывать,... ни-ни» [...].

Тут началась вся история. Мне была поставлена задача западнее завода «Красный Октябрь» занять оборону 7 октября. До 7 числа противник активности большой не проявлял, сидел между заводами «Красный Октябрь» и «Баррикадами», приводил себя в порядок. 7 числа сменили 193-ю стрелковую дивизию. Она начала выходить в беспорядке. Чуйков вызвал меня, говорит: немедленно смените 193-ю дивизию, ее продвинули правее. Заняли оборону, а числа 12 или 13-го немцы начали бешено наступать, особенно в заводском районе, прямой удар нанесли на СТЗ и большой удар по заводу «Красный Октябрь». Подошла 79-я пехотная дивизия, немецкая. У нее были такие полки: им. Гинденбурга, им. Гитлера, исключительно немецкие, полнокровные. Командовал ею фон Шверинг [генерал-лейтенант Richard Graf von Schwerin].

С 12–13 октября начали бешено наступать. В течение двух–трех дней 79-я пехотная дивизия была растрепана перед железной дорогой западнее завода, и порыв наступательный у нее резко снизился числу к 15–16, но от мысли сбросить нас в реку они не отказывались. Числа 19 они открыто заявляют, что не сегодня – завтра вас сбросим в реку.

18 декабря части дивизии перешли в решительное наступление, и 25 декабря завод «Красный Октябрь» был полностью очищен от немцев [...]. В результате этих боев дивизией полностью уничтожена 79-я пехотная немецкая дивизия. По показаниям пленных немецких офицеров, в дивизии осталось до 100 человек, остальные все были уничтожены. Оставшиеся были переведены в 305-ю пехотную дивизию, а командир дивизии на самолете улетел в Германию. Это генерал-лейтенант фон Шверинг [...]. Сильно были потрепаны части 20-й легкой пехотной дивизии, которая состояла из двух пехотных полков [...].

Мы завод штурмовали с 16 декабря по 25 декабря, причем брали мы их на измор. Это описать невозможно. Цех огромный, сплошной металл, сразу не возьмешь. Обороняться нам

было очень трудно. Немец сидит на берегу, а мы в заводе. Что мы начали делать?

Пушками не возьмешь, одними гранатами не выбьешь. Есть такое оружие ФОИ (правильно: ФОГ) – фугасный огнемет. Попробовали огнемет использовать, но огнеметная струя огненная действует на 15 метров, значит, надо подползать к немцам на 15 метров или выжидать их. На 15 метров они не подпускают. Значит, надо было подлиннее струю взять. Мы взяли фугасный огнемет – ФАИ – и из него стреляли на расстояние 85 метров. Мы сделали больше тысячи залпов из этого ФОИ. Каждый раз вечером или ночью или днем 15-10 залпов огненных. Весь завод в огне. Это такая густая масса, как попадает, человек горит. Как попадет в немцев, они бегают по заводу, орут [...].

Мартеновский цех был все время у нас в руках. Цех ширпотреба был тоже у нас в руках. Был такой эпизод с цехом ширпотреба. Дрались, дрались весь день, отбивали атаки немцев, отбили все. У нас была землянка с хорошим прикрытием и штольня. В это время мы сидели в землянке. Дубровский и заместитель по политической части были со мною.

Я говорю: «Пойдем поужинаем! Там лучше, чем в землянке!» Пришли, поужинали, посидели, поговорили. Я предлагаю отдохнуть часок! Только лег, адъютант будит меня: «Цех ширпотреба немцам сдали».

– Как сдали?

– Сидел народ, кашу варил, а немцы ворвались.

Представляете себе положение – сдали цех, это значит выходить отсюда. «Взять, – говорю, – обратно!»

Тревога, бойцы поднялись, пошли. Всех подняли на ноги. Через час цех взяли обратно. Это было в ноябре месяце. Если бы немцам оставить этот цех на день, они бы понатаскали туда пулеметов, гранат, минометов.

Второй такой случай повторился, когда мы брали завод. Там есть крупный цех листоотделочный. Мы его разведали. Там не особенно крупные силы были у немцев, и подходы хорошие. Командиру 112-го полка говорю: «Сегодня вы идите в атаку». К ночи все подготовили. Ночью самым нахальным образом ворвались в этот цех, захватили, просидели целую ночь. Просидели весь день в этом цеху, захватили большое количество пленных немцев. Они голодные как черти. Взяли трех человек, дали по буханке белого хлеба и посадили прямо в цеху на окно и заставили кричать немцам.

– Смотрите, у нас по буханке белого хлеба!

Немцы высунулись из окопов, смотрят. В это время офицер встает и начинает их лупить. Открыли стрельбу по пленным немцам. Их стащили, спрятали.

Сюда удачно подобраны войска. Были две очень неудачные бригады, в городе действовали, левее Родимцева, бросили все и ушли. Обстановка совершенно ясна: или погибнуть или удержаться [...].

Десантники – это великая сила, 50 человек заменяют полтысячи. Народ грамотный, молодой. Он садится и никуда не идет. Если его огнем начинают прижимать, он не дурак – сидеть не будет, сменит огневую позицию, но уж разделается. Я с ними всю войну воюю. Любую задачу выполняют. Этих соберешь, возишься-возишься – лежит, как неек, и ничего не поделаешь. А здесь каждый боец командир. Он и должен действовать в тылу самостоятельно. Люк открылся, провалился ночью и действуй, как хочешь. Хочешь жить – действуй, а не хочешь жить – погибай. А это стадо баранов.

Мне тут одно пополнение сибиряков дали, хорошо дрались люди. Там очень немного осталось. Десантники нам еще понадобятся, а их сразу не подготовишь, это не просто стрелков готовить. Надо, чтобы он и с компасом ориентировался, чтобы прыжки усвоил в совершенстве, оружием владел.

Когда шли в Сталинград, никто не выражал неудовольствия, что десантников туда посылают. Город Сталина защищать – это почетное дело.

Особенно у меня состав хороший был. Такого кадра начсостава трудно себе представить. Батальонами командовали майоры, начальниками штабов полковники были. Сейчас дивизией командует подполковник да академики. Их немного сохранилось, основная группа погибла. Человек шесть.

Документ № 14

«...Каждому бойцу мы сделали кинжалы десантные. Это гордость для него...» Из беседы с подполковником Яковом Ивановичем Дубровским – начальником политотдела 39-й гвардейской стрелковой дивизии.

Примерно, числа 5-го августа мы получили приказ наркома, что все десантные корпуса преобразовываются в гвардейские. Это было 8-го августа 1942 года. Тогда мы получили наименование 39-й гвардейской дивизии.

Я в это время работал комиссаром штаба корпуса. Приехали командир корпуса Гурьев и комиссар корпуса Чернышев. Меня назначили начальником политотдела этой дивизии, Чернышев работал комиссаром дивизии.

Коротко надо сказать, что собою представляет наша дивизия. Основные кадры начсостава и политсостава и часть бойцов, которые мы сумели сохранить во время боев под Москвой, явились нашим костяком для развертывания гвардейской дивизии. Поэтому у нас была полная уверенность, что звание, которое нам дали авансом, будет полностью оправдано. Комсомольцев у нас было 5534. В общем партийно-комсомольский состав до 70% доходил. Комсостав прошел бои в Латвии с немцами, под Орлом, под Москвой и был подготовлен к тому, чтобы выполнять серьезные задачи под Сталинградом. Весь руководящий комсостав мы сумели сохранить. Он приобрел большой опыт в руководстве частями в борьбе с немцами.

С политсоставом произошла такая картина. Когда из корпуса преобразовалась дивизия, штаты были меньше, и количество политсостава было меньше. Потом мне дали возможность выбрать из корпуса все, что есть лучшего из политсостава. И мы выбрали, укомплектовали полки и политотдел дивизии самыми наилучшими испытанными, опытными партийно-политическими работниками. Политаппарат был старый, может быть 10–15% был молодняк, но мы сумели подготовить их основательно. Состав бойцов у нас молодой, комсомольцы, рождения 1922–1923 гг. Но это молодежь, которая сумела сделать по три-четыре прыжка с парашютами. Она схватила традиции и готовилась быть десантниками. Взять такую вещь: каждому бойцу мы сделали кинжалы десантные. Это гордость для него. Он имел голубые петлицы, обязательно птички авиационные. Если дать общую характеристику красноармейскому составу, то надо сказать, что этот народ, который в первый период их обучения вызвал некоторые сомнения – пойдет в бой и заплачет – экзамен выдержал полностью...

По-честному сказать, что у нас произошла катастрофа за Доном. Мы один полк совсем вывели из строя в личном составе и материальной части.

14-го августа стали продвигаться за Дон в район Трехостровской. Заняли оборону. Беда в том, что нас не совсем точно информировали. Командующим фронтом был Гордов, который сейчас с военной сцены сошел. Нам сказали, что у противника до батальона пехоты и до 40 танков. Ну, думаем, полнокровная дивизия, боевая дивизия, имеем полностью технику. Я видел начальника штаба фронта Никишева, который прибыл в Трехостровскую. Положение было исключительно тяжелое и напряженное. Он посидел несколько часов, на машину и уехал.

Что произошло там? Сначала мы заняли оборону. Исключительно выгодное положение было по местности: горы, овраги. Люди окопались, закрылись очень хорошо. Но когда противник прорвался через боевые порядки 4-й танковой армии, т. Гордов отдал приказ выдвинуться вперед и уничтожить просочившуюся группу противника. Тогда мы подняли народ и прямо с хода бросили в бой. Они начали нас мять.

Причины этой катастрофы совершенно ясны. Прорвать он прорвал, но не такими силами прорвал, о которых нас предупреждали. Нам сказали до батальона пехоты и до 40 танков. В действительности было четыре немецких пехотных дивизии и больше сотни танков.

Как только немцы врезались в наши боевые порядки, никто удержаться не мог. Был такой момент, что они наш народ просто наматывали на гусеницы танков. Противник вклинился в наши боевые порядки, когда мы еще не укрепились, не уцепились за землю, поэтому удержаться было очень трудно. В результате этой тяжелой эпопеи погиб командир 117-го полка, начальник штаба, комиссар полка был ранен, погиб заместитель командира дивизии, начальник разведки, заместитель начальника политотдела, т.е мы потеряли огромное количество прекрасных кадров. В результате всего этого, прорвав линию обороны 4-й танковой армии, противник успешно начал двигаться вперед. 15-го августа, когда мы по существу оказались на берегу Дона, пока еще на той стороне, противник выбросил огромное количество самолетов и бил нас в течение суток с утра до ночи. Окопаться мы не успели. Боевые порядки поломались. Гурьев в армию в это время поехал, потому что какие-то меры надо было принимать, что-то надо получить. Здесь остались: комиссар дивизии, я остался, начальник особого отдела, прокурор и часть работников штаба. Мы сидели буквально на берегу Дона. Танки противника начали выходить непосредственно на берег и обстреливать нас. Переплыть Дон не было возможности, потому что и авиация, и артиллерия нас били беспощадно.

С 15-го по 16-е было отдано распоряжение подготовить из подручных средств какие-либо плоты. Надо сказать, что раненых в это время у нас было большое количество. Не дождавшись темноты, примерно в 20 часов с минутами начали переправлять раненых через Дон, а потом сами начали переправляться. Переправились в район Качалинский, где был штаб 4-й танковой армии. Там оказался командующий фронтом Гордов. Когда комиссар Чернышев докладывал Гордову истинное положение вещей, он его выгнал из кабинета – вон

отсюда, я даю задание командиру дивизии. Чернышев заявил, что я вместе с командиром дивизии отвечаю за дивизию как комиссар. В общем, получился большой скандал. Сам Гордов чувствовал, что положение безнадежное. После этого он дал приказ частям уходить за Дон. Правым нашим соседом была 37-я гвардейская дивизия, которая вошла в 1-й десантный корпус, который в Люберцах стоял.

После того, как мы переправились через Дон у нас одного полка не было, но боеспособность дивизия сохранила. 112-й и 120-й полки сумели максимально организованно перебраться через Дон, правда 112-й полк хуже перебрался. 120-й лучше перебрался, потому что он был вместе с 37-й гв. дивизией. Они переправлялись немного выше, где нажим противника был меньше [...].

Первую задачу немец поставил такую: для расширения плацдарма для переброски своих сил в район Сталинграда, он решил захватить Паньшино. Паньшино – большой населенный пункт, который давал возможность занять совершенно открытую местность. К моменту нашего подхода бои происходили на западной окраине Паньшина. К этому времени была вместе с нами 18-я стрелковая дивизия, вернее кусочки ее, и, кажется, 21-я танковая бригада – десятка полтора танков. Мы все-таки сумели удержать Паньшино, которое осталось у нас до самого конца.

После этого нам дали задачу выйти на вал Анны Ивановны, который идет от Дона до Сталинграда [...]. Когда мы вышли на вал, нам дали задачу продвигаться в район Котлубань, на деревню Кузьмичи. Когда прибыли к д. Кузьмичи, нам поставили задачу взять эту деревню. Надо сказать, что Кузьмичи представляли сильный опорный пункт противника [...]. В течение десятка дней возились с этими Кузьмичами, так их и не взяли. Кузьмичи были взяты в последний момент, в момент окружения немецкой группировки. Здесь вал, а здесь железная дорога, которая ведет из Калача к Сталинграду. Здесь мы стояли. Отсюда нас перебросили к разъезду 564 к линии железной дороги. В течение пяти – шести дней дивизия дралась за этот разъезд. В итоге разъезд взяли, но дальше продвинуться нам не дали возможности...

24 сентября нам дают приказ сняться с участка 24-й армии и идти в распоряжение 66-й армии за р. Рынок [...]. Километров 70 здесь было [...]. Командующий 66-й армии нам сказал: вы здесь не задерживайтесь, есть дополнительное распоряжение вам отправляться к Волге. Мы немного выше района Дубовки переправились через Волгу и прибыли в госпитом-

ник – лес есть на той стороне Волги против Сталинграда, от Красной Слободы километра три на восток.

30-го сентября мы там сумели сосредоточиться, собрали весь свой народ и 1 октября 1942 г. с группой в три тысячи с половиной человек отправились. Нам дали огромную баржу. Посадили три тысячи людей своих с боеприпасами и оружием и переправились через Волгу.

Это был момент, когда все горело, кругом стреляли. Трудно было определить, куда мы едем. Собственно говоря, не было места, где бы не стреляли – трассирующие пули, ракеты, снаряды рвутся, авиация бомбит, мины рвутся и город горит, потому что немец зажег в это время нефтебаки – заводской запас нефти. В этот момент мы переправились. Отправлял нас генерал-лейтенант Голиков, командующий Воронежским фронтом. Когда мы сели в эту баржу, по существу мы были беззащитные люди. Чем мы можем на воде обороняться? Для того чтобы прикрыть наше движение, генерал-лейтенант Голиков дал задачу тяжелой артиллерии в течение всего времени, пока мы переправляемся, держать ураганный артиллерийский огонь. Это нас спасло, и мы благополучно переправились.

После того, как мы переправились, Гурьев и я прибыли к Чуйкову. Чуйков нас встретил исключительно прекрасно, ввел в курс дела. Нам картина стала более или менее ясной. После этого пошли к начальнику штаба Н. И. Крылову. Беседовали с ним, поужинали, вышли. Он рассказал всю обстановку. Вызвали командиров полков, дали им задачу направлять людей занимать оборону в районе «Красного Октября».

117-й полк вместе с 37-й Гвардейской были брошены на СТЗ. Нас вначале сунули в район «Баррикады», где стояла 95-я дивизия, или еще какая, не помню, которую мы должны были сменить. Мы меняли дивизию, которая занимала уже линию обороны, меняли потому, что она выбилась совсем. У нее не оказалось личного состава. В течение ночи с 1-е на 2-е октября мы эту дивизию сменили и начали занимать оборону, а эти части стали оттягиваться. На следующий день была поставлена задача врыться в землю. Первые три–четыре дня мы были заняты работой, как можно лучше врыться в землю и сделать оборону крепкой.

Естественно отсюда, что работа партийно-политического аппарата была направлена на то, чтобы создать жесткую оборону. Каким образом мы проводили эту работу? Созывать партийно-политический аппарат на КП дивизии мы не имели возможности, потому что отрывать этот народ от частей мы не хотели, да и не могли. Поэтому весь аппарат политотдела

собирались, давались указания, и он отправлялся в полки. Насколько это было тяжело, могу привести такой пример.

Был у нас батальонный комиссар Серюков Иван Иванович, награжденный орденом «Красного знамени». Он был инструктором политотдела дивизии. Я ему дал задачу пробраться в район 120-го полка и там заострить внимание на создание жесткой обороны.

В этот период у нас снайперское движение делало робкие шаги, а немцы снайперов использовали очень крепко. В тот момент, когда Серюков вылез на одну из возвышенностей в районе завода «Красный Октябрь», он был тяжело ранен, убит ... Я приказал вытащить его во что бы то ни стало. Послали двух бойцов туда. Один боец был убит, второй был ранен. Только глубокой ночью вытащили этого Серюкова.

Работа политотдела была сопряжена с большими трудностями. Задачи ставил командир дивизии. Я был всегда связан с командиром дивизии. Как только командир дивизии ставит задачу одному полку или полкам, я сейчас же даю задание политработникам. Они отправляются в части и делают все, что необходимо для выполнения приказа командира дивизии. Трудно было политработнику пробраться в полки. частности, есть знаменитый Банный овраг. Для того чтобы пробраться через этот Банный овраг, нужно было огромное напряжение, потому что немцы с утра до вечера били по Банному оврагу. Народ пробирался туда только с наступлением темноты, или ранним утром, или в момент, когда немцы обедают, приблизительно в 17–18 часов. Мы изучили все перерывы, которые они устанавливают, и в эти моменты мы проскакивали. Знали места, которые простреливаются сильнее, знали, какой участок можно пробежать и какой проползти... Дойти до батальона не такая сложная штука, но дойти до роты – это сложнее. Рота из себя представляет очень маленький состав. По существу, здесь окоп роты нашей, а в метрах 30–40 окопы противника. Мы взяли за правило партийно-политическую работу проводить ночью.

Сводку Совинформбюро в дивизии принимали систематически. В два часа принимают, размножают по всем частям, к шести часам прибывают посылные от полков. Эти сводки отправляются в полки. В полках делают таким образом: для каждой роты переписывают на кусочке бумаги и отправляют с присланным туда политработником. Он идет по блиндажам, по окопам.

Помните, было письмо т. Хрущева насчет формы партийно-политической работы, в котором он писал, что в период самых напряженных боев надо, чтобы партийно-политический аппарат ближе связался с бойцами. Он приводит пример. До-

пустим, ночью приходит политработник в блиндаж к бойцам в момент самой напряженной обстановки, тем более ночью, когда боец больше расположен рассказать с откровенностью, то есть можно влезть в его душу. Мы такую форму и практиковали. Ночью политработник работает, днем, когда нет приказа о наступлении – отдыхает несколько часов. Эта система работы ночью дала возможность иметь небольшие потери в политсоставе и больше охватить рядовой состав посредством бесед в блиндажах и окопах. Благодаря этому мы знаем, чего боец хочет, о чем он думает. Помимо того, чтобы боец знал боевую задачу, его надо накормить, надо, чтобы ему было тепло, потому что время октябрь – ноябрь. Воды больше нет, за водоем надо ходить на Волгу. Все это сопряжено с большими трудностями. Подвести продовольствие – не такая простая штука. Помимо сухой пищи надо дать горячую. Два раза в сутки горячую пищу мы давали систематически, за редкими исключениями, когда никак нельзя было это сделать.

Я считаю, что партийно-политический аппарат проделал исключительно большую работу, которая имела своим последствием то, что народ наш не отошел.

Кроме того, такую форму мы еще применяли. Для того чтобы мы видели результат работы каждого бойца в отдельности, мы отпечатали небольшие листки с надписью: «Бои за Сталинград». Эти листочки или бланки были в ротах. К исходу дня или боя командир роты или замкомандира по политической части пишет: комсомолец Петров за сегодня сделал то-то и то-то, убил одного или двух немцев, взорвал блиндаж. Этот бюллетень, как мы его называли, обходил весь народ в блиндажах.

Помимо этого у нас были боевые листки. К сожалению, у нас очень мало их сохранилось. Была такая обстановка, что люди не думали о том, что это необходимо будет для истории, кое-кто не думал выйти живым.

Помимо того, 39-я дивизия имела окопную установку для проведения работы среди войск противника. Делали мы это таким образом: подтягивали провода и динамику к передовым позициям. Мы ее использовали и для своих бойцов. В определенный час мы передавали сводку Информбюро. После этого передаем специальные передачи для немцев, начинаем их агитировать. Помимо листовок, которые мы разбрасывали, мы их привязывали к камешку и забрасывали, потом использовали ампулы. Мы набиваем ампулу листовками и швыряем немцам. Они с удовольствием читали.

Первый период до общего наступления мы своей задачей ставили всеми мерами и средствами сдерживать противника, не

пустить его к Волге. На это была направлена вся партийно-политическая работа. Каждый день, изо дня в день, разъяняли бойцам: ни шагу назад, создать такую оборону, через которую не мог бы пройти противник. Следующий этап, когда мы почувствовали определенную силу и когда немцы уже ослабели, перед нами поставили задачу постепенно, но продвигаться в день на несколько метров. Тут партийно-политическая работа была направлена на то, чтобы взятые 10 метров не прошли даром. И следующий период, когда получили 12 ноября приказ об общем наступлении частей Красной армии, частей Сталинградского фронта. Это дело не только политической работы, но здесь мы имели доклад товарища Сталина от 7-го ноября и письмо товарищу Сталину, которое у меня тоже сотни бойцов подписали.

Это письмо было в начале января 1943 года в честь 25-й годовщины Октябрьской революции. Нам дали текст и говорят: выбирайте самых лучших бойцов, пусть подпишут. Мы сделали таким образом: Провести собрание или митинг мы не могли, поэтому представитель политаппарата полка или представитель политотдела идет по блиндажам и говорит: товарищи, такое-то письмо, и читает содержание этого письма. Кого вы считаете нужным выделить, чтобы он за всех вас заверил товарища Сталина. Говорят: такого-то Иванова. Иванов подписывается. Весь этот материал с подписями мы направили в армию. Таких подписей было больше сотни. Через несколько дней мы поставили задачу, чтобы весь состав дивизии подписал это письмо. Мы преследовали, прежде всего, то, что когда человек подписывается, он этим самым берет на себя ответственность. Мы на этом очень много заработали с точки зрения политического багажа.

Уже в момент наступления получили приказ за подписью Еременко и Хрущева. Это дало возможность поднять народ и постепенно двигаться. Мы добились успехов. Завод «Красный Октябрь» был освобожден первым по отношению к другим заводам.

Документ 15

«...третий батальон бой вел всю ночь...Неожиданно и крепко он побил немцев». Из беседы с подполковником Василием Андреевичем Лещининым – замкомандира дивизии по строевой части, командиром 112-го полка.

[...] 8-го [августа] выехали из Раменского на фронт, как и вся дивизия [...]. Поездом ехали до Иловли. В Иловле высадились 12 или 13 августа 1942 года. Здесь мы получили приказ

выступить в район Трехостровской. Здесь немного нас постигла неудача.

В это время мы входили в подчинение 1-й гвардейской армии, а здесь действовала 4-я танковая армия. Приехали туда и получаем приказ организовать учебу, пристрелку орудий, рытье окопов и т. п. Это было в 14 часов дня, а в 16 часов – приказ: немедленно вперед. Противник прорвал фронт от нас в 16-ти километрах. Пока туда-сюда – час прошел. Дали боевой курс одному полку, другому, третьему. Сам я на машине поехал вперед. Не успел проехать пяти километров, как налетели самолеты. Смотрю, сзади Трехостровская горит, откуда приехал – все горит, идет бой. Народ бежит. Что вы? Противник. Когда бой завязался в Трехостровской, мне кричат: танки противника находятся в Трехостровской, через Дон путь отрезан. Я говорю: не может быть. Один батальон я даже не сумел остановить. С правой стороны перерезали меня, и когда я сунулся на машине вперед, навстречу мне немцы на танках. Получилось такое положение, что не разберешь: поехал назад – немцы, вперед – немцы. Один батальон удержал, и бить немцев с правого фланга. Немцы крепко ударили по 117-му полку и мне во фланг. Третий батальон, который вышел в тыл, для немцев оказался неожиданным. Бой, который завязал третий батальон, для немцев оказался неожиданным. Они никак не ждали такого дела, потому что с передовой части прошли. Они много там наделали. 40 машин сожгли. Немцы быстро разбежались. Привезли денег полный ящик, аккордеончик привезли. Машины увозить некуда было, потому что все пути были отрезаны. Машины мы сожгли. Пушки тоже подорвали и сбросали. Этот третий батальон бой вел всю ночь. Это было за В. Акатовым. Неожиданно и крепко он побил немцев...

В Нижнем Акатове стоял 2-й батальон. 1-й батальон стоял около Трехостровской. Когда поступил приказ следовать на помощь своим товарищам, 2-й батальон пошел вдоль реки, 3-й пришел сюда, а 1-й остался у Трехостровской. Поскольку танки ворвались в деревню, командир генерал Гурьев взял этот батальон в свое подчинение и повернул 1-й батальон против противника. 3-й батальон прошел туда, 2-й батальон задержался. Противник пошел с запада на восток, и 3-й батальон оказался отрезанным. Этот батальон повернул кругом и начинает бить колонну немцев, которая шла с запада на восток. Взял этот батальон у противника 40 машин, 4 или 6 пушек.

Когда я узнал, что в Трехостровской танки противника, я решил, что надо нажимать на Нижне Акатово и на Трехостровскую. 2-й батальон возвратил обратно. Он занял свою преж-

нюю оборону для того, чтобы задержать противника, который шел с запада на восток. Занял оборону западнее Н. Акатово и южнее Н. Акатово [...]. Я со вторым батальоном вел бой, пока были снаряды. Потом получил приказ перейти через Дон. По Дону самолеты противника все время дежурят. Здесь потери мы понесли большие. Здесь он крепко нас потрепал.

Фронт западнее Трехостровской был прорван. Там была 4-я танковая армия. С этой танковой армией я все время связи не имел. Мы не ожидали, что противник прорвет фронт, даже в армии этого не ожидали. Если бы знали, что противник прорвет фронт, зачем нам надо было переправляться через Дон, тогда нам надо было занять оборону около Дона и тогда ему никогда не быть в Сталинграде.

Надо сказать, что десантники до тех пор не отходят, пока у них есть чем сражаться. Когда уже ничего нет, они начинают отходить. Так и тут они отходили к Дону и переходили Дон все время в боях. Дон перешли 17 августа 1942 года. Бой около двух суток был на этом пятачке – километра на два по фронту и в глубину. А потом получили приказ перекатиться через Дон.

Надо сказать, что приказ пришел позже, чем все это дело совершилось...

Дон перешли. Здесь мы дней пять держались в районе Панышино. Дивизия попала в очень трудную обстановку. 3-й батальон вышел почти полностью, 2-й батальон почти полностью, 1-й батальон немножко растерялся. Командир батальона не вышел и командиры рот не вышли. Пришел один заместитель по политической части. Но, в общем, процентов на 70 я сохранил людской состав полка.

Нам приказано было держать оборону в районе Панышино. Мы держали в районе Панышина противника дня четыре. Как он ни пытался прорваться сюда – не удалось. Он прорвал южнее Трехостровской. Тут была переправа между Вертячим и Песчанкой. Здесь он прорвал и прямо пошел на Сталинград. Три дня мы держали оборону в районе Панышина. Потом нам приказано было отойти в район дома отдыха – Качалино. Из Панышино было приказано взять Качалин. Здесь мы продержались два дня. Попытка противника прорваться в район Качалина не удалась: 28 августа нам было приказано выскочить в район Котлубань. В район Котлубань пришли вечером. Было приказано наступать. Противник к этому времени занял Кузьмичи и разъезд 564. Это было севернее Сталинграда, километрах в 35-ти. Разведка донесла, что там сосредоточено до 400 танков противника. По моему полку было приказано наступать на Кузьмичи, поскольку он Кузьмичи перерезал и

ушел. Была попытка несколько раз переходить в атаку. Кузьмичами я не овладел, да и овладеть ими было трудно.

Итак, противник занял Кузьмичи, разъезд 564 и дальше пошел на Ерзолку в обход Волги. Наши части находились от Кузьмичей в полутора километрах. Эту высотку я занимал. Мы с Россочки пошли по этой дороге, пошли обходом, чтобы обеспечить себя с севера. Дня три дрались за Кузьмичи. Потом пришла новая дивизия. Нашу гвардейскую дивизию выбросили сюда на отметку 133, то есть северо-западнее разъезда 564. Здесь есть высота Огуречная. Этой высотой я овладел своим полком. Нам пришлось сильно подраться.

Что характерно здесь? С этой высоты Огуречная виден был весь Сталинград. Вот высота Огуречная, вот разъезд 564, вот высота 145,1, которая господствовала над всей местностью. Нам надо было эту высоту забрать. Взять эту высоту и пойти в Сталинград. Нашу дивизию перебросили от Кузьмичей сюда, чтобы я забрал эту высоту. После двух – трехдневного боя я овладел этой высотой. Высота называется Огуречная или отметка 145,1. Это был первый успех полка. Немцы держали эту высоту крепко. Там побили мы столько немцев, что невозможно. Здесь до того дело дошло, что пришел заместитель командира какой-то армии. Мне приказано было во что бы то ни стало высоту взять. Я сам пришел со своим заместителем по политической части. Подняли всех людей и пошли в атаку. Ребята до того разошлись, что ворвались в немецкие окопы, немцы оттуда выскакивают, горят, кричат. Наши их расстреливают.

Один старший сержант, который командовал ротой во втором батальоне – это действительно герой. Он врывается в окоп, бросает гранаты, колет штыком. Оттуда выскочил один офицер. Стреляет в него, не попал. Красноармеец убивает этого офицера. Старший сержант убил 4-х немцев: убил офицера и убил командира взвода, младшего унтер-офицера и потом сам погиб при штурме третьего блиндажа. Люди шли на штурм и доходили до ожесточенной рукопашной схватки. Нас поддерживало около семи танков. При помощи танков мы высоту Огуречная взяли [...].

3 октября противник кончил бомбежку. Правда, листовки бросал. Приблизительно 20 октября была листовка такого содержания: «Приготовьтесь к бане, будете купаться в Волге». Потом мы им говорили. «Купайтесь вы в Волге». Командование германской армии было уверено, что они нас опрокинут в Волгу....

Мы получили приказ, мы должны перебазируться через Волгу и направиться в Сталинград. 28 сентября мы сели в машины и 30 числа прибыли в район Красной Слободы. Пе-

реправились в район Оленье – это значит, с западного на восточный берег. В Красную Слободу приезжал заместитель командующего фронтом Голиков. Я получил приказ: полку перебраться в ночь через Волгу и вступить непосредственно в распоряжение командующего 62-й армией, а командующий 62-й армией поставит нам задачи.

Катера подогнали мне, и я переправил свой полк через Волгу. Это было часа в два ночи. После переправы сразу меня привели к начальнику штаба армии генерал-майору Крылову. Я ему рассказал, где я был, что я делал, рассказал обстановку, поскольку его интересовала обстановка. Минут 40 я ему рассказывал. Он внимательно все выслушал. Рассказал, что делают их части. Чувствовалось, что он рад, что приходят гвардейцы сюда. Правда, нас не так было много, но уверенность в нас была большая, потому что все знают, какой народ в десантных частях. В то время у нас были все десантники. Я сказал, что у меня такой народ, что головы отрежут, можно смело пускать группами, и пойдут, куда хотите, подготовлены люди не только воевать полным полком, но подготовлены люди воевать и группами.

Мне была поставлена задача: занять завод «Баррикады», за заводом есть сад, и там больница Ильича. Я получил приказ не от командира дивизии, а непосредственно от начальника штаба. Этот сад я занял с задачей не дать противнику продвигаться к Волге, то есть занять завод «Баррикады». Основная была задача выбросить хотя бы один полк и задержать напор. Правда, здесь мы были очень мало, простояли всего дня два. Сразу заготовили свои блиндажи, окопы, щели вырыли, приспособили каменные постройки, устроили амбразуры. Противник от нас метров в 40–30–15 даже. Половину дома он занимает, половину мы. Он из окон стреляет в нас - мы в него. Днем ходить совершенно было невозможно. Днем лежали и стреляли. На одной стороне улицы дом занимает противник, на другой – мы. В этом саду мы пробыли два дня. Это будет западнее завода «Баррикады».

Уже дивизия сосредоточилась. Через два дня мы получили приказ отсюда сняться и передать этот участок 92-й морской бригаде. Я передал ей это место завода «Баррикады», а сам ночью, – а в то время ночь превратилась в день, потому что все горело, шли при таком свете, что можно было иголки собирать, – по железной дороге вошел в район завода «Красный Октябрь», где занял оборону: овраг Банный, Карусельная улица, улицы Егенского и Библиотечная вдоль железной дороги. Правее находился 120-й, а еще правее 117-й полки. Правее нашей дивизи

зии находилась как будто бы 193-я дивизия. Мы заняли здесь оборону 3 октября: завод «Красный Октябрь», левый фланг был овраг Банный, правый – Библиотечная улица. Заняли оборону. Один день окапывались, второй день окапывались. По ту сторону железной дороги – противник, а по другую сторону – мы. Ночью окапывались, а днем лежали кто в какой ямочке. Здесь мы вели бой ружейный, пулеметный, артиллерийский до 16 октября. Это была чисто техническая перестрелка.

С 16 по 23 октября здесь он нас начал бомбить. Вы не представляете, что это была за бомбежка. Приблизительно на фронте нашей обороны не больше километра бомбили сотни самолетов, не уходя с воздуха – одни прилетают, вторые улетают. По 20 000 бомб выпускали на этот участок в день. В первый день 20.000, потом 18.000, потом 16.000. В общем, бомбы сыпались и сыпались беспрерывно. Потом дает артиллерийский огонь. Но особенно донимала нас бомбежка. Как только утро настает, как только солнце начинает всходить – летят, бомбят, и так до самого захода солнца беспрерывно авиация в воздухе. Мы посчитали, что за три дня противник сбросил около 60 000 бомб. Чем спасешься? Лежим в щелях, в блиндажах. Если рядом попала с тобой, или поцарапает или оглушит, не говоря о худшем. Бывали такие случаи, что бомба попадет в блиндаж, и видишь, как люди летят метров на 50. Это было что-то невероятное. На часы смотрят, скоро ли шесть часов стукнет. А ночью начинаем мы бить. Ночью наше дело. Тут пехота начинает лазить, и где, какой огонек, начинает бить. День в вашем распоряжении, а ночь – в нашем. Так было до 23 октября. По оврагу Банному бил без конца. Психически как-то устаешь и как-то уже не реагируешь. До того привыкаешь к этим бомбежкам, что не обращаешь внимания. Состояние такое было, все равно спасенья нет, потому что если прямое попадание, то не выдержит никакой блиндаж. Блиндаж только спасенье от осколков. От осколков спасенья нет.

Противник прорвал на соседнем участке. Им кричат, что противник с правого фланга уже занял завод «Красный Октябрь». В наших руках остались: цех ширпотреба и мартеновский. Соседний 120-й полк, который находился справа, попал под фланговый удар, откатился и вышел на реку Волга. Мы и 112-й полк ни одного метра не отдали. Он обошел кругом нас, пришел на КП сзади, метрах в 15-ти. Все командиры батальонов говорят: к вам подошел противник. Телефон не работал. По рации начинаю говорить: «Просим вас, Василий Андреевич, держаться. Все в порядке будет». Противник подошел справа на завод «Красный Октябрь», оказался в тылу и выхо-

дил на южную окраину завода. Занял южную окраину завода и занял на восточной окраине два цеха, а с запада, с железной дороги, прорвался, вернее, вклинился в наши боевые порядки, где мы занимали оборону. И что получилось?

В одном доме в подвале сидит наш командир 2-го батальона т. Илющенко, рядом в том же доме, только вход другой, сидят немцы. Наши вскакивают в блиндаж немецкий, кричат: «Сдавайтесь!» «Нет, вы сдавайтесь». Спорят между собою, кому сдаваться в плен. Из окопов наши ни шагу не отошли. Ночи дождались. Человека три пленных взяли и ночью начали бить. Сюда в тыл начали их бить. В КП командиров 2-го батальона и 3-го по 40–60 убитых немцев. Они видят, что положение их серьезное, танки их подорвались на минном поле, начали отступать. Здесь их очень сильно побили. Здесь три дня вели бой с ними и все же их выбили обратно за железную дорогу. Он за железной дорогой занял оборону и уже в районе железной дороги окончательно укрепился. Сколько он ни подбрасывал сил, ему не удалось абсолютно ни одного метра взять на участке нашего полка. «Красный Октябрь» занимали немцы. С 23-го октября были очень сильные бои. Немцы перешли к обороне по железной дороге на Красный Октябрь....

Не помню, какого числа, но в январе месяце был приказ командующего 62-й армии во что бы то ни стало выбить противника с «Красного Октября», ибо завод «Красный Октябрь» являлся основным фундаментом, где он держался; во-вторых, с завода он контролировал Волгу. Как только лодка или что, он с завода бьет. Было приказано, во что бы то ни стало завод очистить. Была смелая попытка бить с юга на завод 120-го полка и брать завод с востока на запад 117-го полка. Эти попытки не удались. Попробовали, попробовали, ничего не получается. Капитан Горячев, командир 3-го батальона, решил ударить на завод с запада на восток. Вклинили мы туда человек 40. В этот день был взят цех ЛОЦ. Правда, там бой шел очень сильный. Днем противник пытался нас оттуда выкурить. Наши части все его попытки отбили, и цех ЛОЦ стал полностью в наших руках. Как только взяли мы цех ЛОЦ, тогда ударили еще раз, перерезали противника на востоке и окружили цех готовой продукции. В цех готовой продукции вклинились, потом ударили на механический цех. Ему уже было здесь сильно трудно, потому что сил было мало.

Ко мне в полк прибыло пополнение из запасных полков. Был, между прочим, один сталинградец, который защищал Царицын, но он погиб. Хорошее было пополнение. Мы познакомились с этим новым пополнением, побеседовали с каждым

бойцом, организовали штурмовые группы. Своих «старичков» расставили между ними, приготовили хороший ужин, дали выпить по 100 грамм, а теперь, ребята, взять, а как взять, ничего не сказали. И взяли завод. Дату нужно уточнить. Помогу, числа 17 или 18 января.

Здесь по противнику били прямой наводкой. В плен брали мало. Тут немцам здорово досталось. Когда в последнее время брали пленных, они заявляли, что к нам в плен бояться идти. Мы знаем, тут сталинские партизаны, и мы знаем, что если попадешься к ним, то нас в живых не станет. Красным войскам мы сдаемся. Днем не бьете, а ночью три человека бегут и кричат «ура».

Наш командир полка является одним из командиров, который с 3-го октября по 2 февраля 1943 года оставался, до конца сталинградской эпопеи. За все время войны не сменилось ни КП полка, ни КП батальонов. Начали наступать, батальоны начали двигаться вперед ...

Награжденных в полку 250 человек. Из них коммунистов 50%. Партийная организация сыграла здесь колоссальную роль. Очень многие бойцы перед тем, как идти в бой говорили: считайте меня коммунистом, заявление не подал, но считайте меня коммунистом.

Документ №16

«Мы отходили к Дону под прикрытием одной из рот, допуская противника до рукопашной схватки». Из беседы с капитаном Василием Васильевичем Горячевым – командиром 3-го батальона 112-го полка.

Переправились через Дон в районе Трехостровская. Получили боевой приказ следовать по маршруту Верхнее Акатово [...] [взять] господствующую высоту южнее 8 км Верхнего Акатова [...]. В ходе движения в ночь на 16 [августа] батальон встретил разведгруппу противника. Это было с 15 на 16 августа в 9 часов вечера. Батальон с хода развернулся в боевой порядок и разведку уничтожил. После наведения боевого порядка в батальоне зам. командира роты Плаксин решил дать сигнал – красную ракету и встретить подходящего противника, головной его отряд. Сигнал был подан: три красных ракеты [...]. На этот сигнал через полчаса пришли 12 машин, 3 танка и 3 мотоциклиста немецких и [мы] открыли огонь из всех видов оружия. Расстояние от нас до этой колонны было 30–40 метров. Часть машин проскочила, часть машин была подбита. Пехота и артиллерийские расчеты частью были уничтожены,

частью разбежались. Противник обошел с запада, зашел в Верхнее Акатово и вышел на переправу к Нижнему Акатово. Таким образом, батальон был отрезан и остался в тылу на 10–12 километров. Ночью в 2 часа, колонна противника до 15 машин шла от Верхнего Акатово в нашем направлении, видимо, выгрузилась там и шла порожняком обратно. Эта колонна была встречена сильным огнем. Все машины остались у нас и 9 пушек. Всю ночь батальон вел бой с противником [...].

16 [августа] утром противник пустил в нашем направлении пешую и конную разведку. Эта разведка была нами обстреляна и вернулась обратно. Самолеты, которые прилетели на наш район, были обмануты. Было выложено два полотнища – опознавательные знаки для самолета – были сигнальные полотнища для самолетов. Выставлены были переодетые красноармейцы в немецкую форму. Когда пролетал самолет, летчик помахал им руками. Самолеты спускались до 50 метров, убежденные, что это немецкие солдаты, и нас оставили в покое.

В 12 часов дня противник предпринял решительное наступление на наш район с высоты. Батальон отражал атаки противника до последнего патрона, используя трофейное немецкое оружие, как то: 9 пушек, которые были нами захвачены. Они были повернуты в сторону противника и расстреливали его ряды. В использовании этих орудий отличались минометчики, которые не имели боеприпасов для использования своих минометов. Командир минометной роты старший лейтенант Сатепов организовал всех минометчиков, распределил их по участкам, орудия повернул в сторону противника, сам наскоро обучил их, как стрелять, обучил, как заряжать. Все это в какой-нибудь час. По его инициативе эти орудия были поставлены на позиции, были расставлены расчеты, и орудия эти стреляли с успехом по противнику. Четыре часа батальон вел бой с наступающим противником, превосходящим и в силе, и в технике. Расстреляв все боеприпасы, командир батальона решил выйти на соединение с другими частями к бою. Благополучно переправился на восточный берег Дона и соединился со своими частями. Мы отходили к Дону под прикрытием одной из рот, допуская противника до рукопашной схватки.

Переправлялись мы через Дон всеми способами, на плотках переправлялись, на лошадях, на бревнах. Все-таки нам удалось переправиться через Дон. Переправлялись и ночью под обстрелом противника. Дальше мы непосредственного соприкосновения с противником не имели. Когда переправились через Дон, мы соединились с частью нашего полка.

Уже на том берегу Дона батальон получил приказ овладеть высотой Огуречная и зайти противнику в тыл. Это было 26–27 августа.

Стремительным и решительным наступлением батальон подошел к южным скатам высоты Огуречная, с боями ворвался на гребень высоты и вступил в рукопашную схватку с противником. Бой продолжался около суток. Превосходство противника в танках не дало нам возможности для дальнейшего продвижения. Батальон засел в окопах. Вся суть в том, что заслон немецкий, выставленный против нашего участка, был очень сильно укреплен. Затем было большое превосходство противника в танках, танки у него были врыты в землю.

Под сильным огнем люди подползали к самим окопам и гранатой и штыком выбивали противника с высоты. Командир полка тов. Лещинин вышел на Огуречную высоту и находился от этих врытых танков всего в 40–50 метрах. Я, как командир батальона, был обязан выдвинуться вперед со своим взводууправлением. Подползли к этому танку метров на 20. Меня здесь легко ранили. На этом мы там бой закончили, высоту взяли, заняли и передали драку другой части.

После взятия высоты Огуречная мой батальон вместе с остальным полком был переброшен через Волгу, а затем на машинах в Сталинград. Переправились через Волгу 30 сентября [...].

После взятия высоты Огуречная мой батальон вместе с остальным полком был переброшен через Волгу, затем на машинах в Сталинград. Переправились через Волгу 30 сентября. Переправлялись на пароме. Выйдя в район завода «Баррикада», батальон получил приказ занять оборону на юго-западной окраине сквера, северо-западнее завода «Баррикада». На второй день я получил приказ оборону выдвинуть метров на 500, занять дома, которые были заняты немецкими автоматчиками.

При этом выдвижении особенно отличилась 8-я рота, которой командовал Бирзик, и 7-я рота, которой командовал Афонин. Они с ходу ворвались в эти три дома и заняли нижние этажи. Немецкие автоматчики были во втором этаже. До позднего вечера они вели перестрелку с немецкими автоматчиками. С наступлением темноты немцы не выдержали, и покинули эти дома. Часть их была уничтожена, часть сумела скрыться.

На третий день получили приказ сняться с обороны и пойти в район завода «Красный Октябрь». Район получили по карте. Мы должны были заменить один батальон 83-го полка. Делегат связи завел нас за железную дорогу и показал участок в районе бани, тогда как я должен был по приказу за-

нять район обороны до Карусельной улицы. Несмотря на это я оставил там две роты, остальные две роты повел на железную дорогу, где был противник. Дождался темноты и под носом противника нашел небольшое прикрытие и закопался в землю. Это было 3 октября. Первый день мы потратили на окапывание людей, понаделали дзоты, окапывались, конечно, только ночью. До 23 августа [так в тексте] батальон вел активную оборону, делая по ночам вылазки, как бы боевую разведку по уничтожению живой силы и нарушению системы обороны немцев. Отдельные группы заходили им в тыл, вклинивались в его оборону и делали ночные налеты на противника. Определенное время, когда противник выходит из окопов поужинать, поднести боеприпасы, вечером делали огневые налеты. Один из налетов был очень хорошо организован. Затем из всех видов оружия открывали ураганный огонь.

Такое совпадение. Однажды вечером, немецкие офицеры выходили на рекогносцировку, захватив с собой одного нашего пленного, и как раз попали под наш огневой налет. Часть офицеров была перебита, остальные в панике бежали. Создалось впечатление, что якобы мы наступаем. После этого они открыли ураганный огонь. А наши сидели спокойно в окопах. Они израсходовали уйму боеприпасов и никаких результатов не добились. Ночью темно, не видно, а они здорово трусят.

16 октября противник перешел к более активной бомбежке, но переднему краю мало доставалось, больше доставалось командиру полка и нам доставалось, командными пунктам батальонов, т.к. они были от переднего края метров на 100. Передний край они не могли бомбить, потому что войска находились в 300–400 метрах.

22 октября был собран партийный актив полка. На этом собрании партактива коммунисты батальонов были предупреждены о готовящемся наступлении немцев, об усилении бдительности [...]

Из полка были присланы две девочки ко мне в батальон, две комсомолки. Они были пущены в тыл противника. Они великолепно туда пробрались и дня четыре жили в поселке Красного Октября, разведали огневые точки противника, беседовали с офицерами. Девочки рассказывали, что немцы собираются наступать.

«Я жила в одной землянке, – рассказывает одна из них, – прибегает офицер, запыхавшись, и приказывает перенести свой КП дальше. Советуется с другими офицерами, перенести или не перенести КП дальше? Потом говорит, что целый день наступали, устали. Обе вернулись, но обе были ранены: одна

в ногу, другая в голову. До переднего края доползли, бойцы их взяли и привели на КП батальона. Я их отправил дальше в полк. Там они рассказали подробно, как и что».

23 октября командир полка сообщил, что противник думает сегодня перейти в наступление. Здесь были подняты все на ноги. Было сообщено в роты. Нам было известно, что немцы подбрасывают новые свежие части, а через показания пленных мы знали, что они должны дойти до железной дороги и перейти на западный берег Волги.

Рано утром 23 октября все члены партии на своих местах на наблюдательных пунктах. Сам я лично был на чердаке двухэтажного дома и ждал наступления противника. В 8 часов противник начал сильный артиллерийский и минометный обстрел. Кроме того, усилились налеты авиации. На бреющем полете противник стал сбрасывать бомбы и по переднему краю. В 9 часов утра с моего наблюдательного пункта уже не было видно переднего края. Все было в дыму, все горело на переднем крае. И только через полчаса я увидел колонну немцев в 40 метрах от моего КП. Примерно было их три группы. Со всех этажей я дал приказ принести гранаты. Со всех этажей мне принесли десяток гранат. Немцы подходили к моему КП на расстояние 30 метров. Я со второго этажа выбросил девять штук гранат, последнюю оставил, – когда они будут влезать, я эту гранату брошу (но эта граната взорвалась). Сам лег на чердаке. В это время из окон уже стреляли из автоматов, прицелили противотанковые ружья к подошедшему танку. Один танк зашел справа, другой слева, и били. Правый – в КП второго батальона, левый бил по моему КП и по блиндажам. Я был вначале в недоумении – где мой передний край. Он, оказывается, был на месте, все бойцы остались на месте. Мы отразили первую атаку немцев. Однако противник не успокоился и ринулся в атаку на мой КП. Один танк взорвался на минах, а другие танки повернули. Противник решил меня оставить в покое и пойти дальше. Они меня бросили, старались проскочить на завод. Солдаты проскочили, просидели до вечера, а с наступлением темноты стали пробираться обратно по одному.

23–24 октября на рассвете послышались голоса немецких офицеров. Они начали опять переходить. А тут у меня автоматчики сидят, и по одному их подстреливают. Часть убежали, конечно. Они выставили пулеметчиков в тыл и стреляли по моему КП. У меня все было приспособлено к отражению немецкого наступления – были сделаны за окнами дзоты.

Конечно, без потерь не обошлось у меня на КП. Был смертельно ранен начальник штаба, старший лейтенант.

Он был ранен гранатой. Мы с ним вместе отстреливались. В пяти метрах от него разорвалась граната и осколком его ранила в живот.

Здесь отличились – красноармеец Климов, который со второго этажа КП уничтожил до 20 немцев, затем сам был убит. Сенькин – связист, младший сержант. Когда подошел танк справа, он выдвинулся с ружьем ПТР на расстояние до 20 метров от танка и подбил этот танк. Сам он остался жив.

Старшина Лопатин, красноармеец Ланцов и красноармеец Засорин – трое суток не спали и не покидали своих позиций.

25 октября утром командир полка, учтя мое трудное положение, подбросил подкрепление – взвод в количестве 40 человек. Немцы были около моего КП.

Связной, который на протяжении двух дней держал связь со мной и командиром полка, приводит эти сорок человек ко мне на КП. Я эти сорок человек выстроил в помещении, довел до их сведения, что обстановка уже не такая трудная, что немцев немного (мы знали, что немцев не меньше 50 человек здесь окопалось). Я им сказал, что немцев не больше 15 человек, проинструктировал каждого командира, с офицерами побеседовал. Поставил конкретную задачу. Вывел командиров отделения в тыл противнику, зашел с фланга, показал отдельные дома, что через эти дома надо проскочить до железной дороги и около железной дороги закрепиться. Каждому рассказал и уточнил задачу. Затем, приказ командирам взводов по рву, который проходит по улице Орджоникидзе, проползти ползком узкой линией. Таким образом, немцы, которые прошли улицу Орджоникидзе, оставались сзади. Сзади оставалось человек 10 немцев, остальные закрепились впереди. Один из взводов по рву ползком подполз незаметно для противника, затем с криками ура поднялся и ворвался в расположение противника, который был всего на расстоянии 15 метров. Немцы в панике бежали. Взвод прочистил этот поселок до железнодорожного полотна. После, когда я пошел по блиндажам, мне население рассказывало, что немцы как слышали крики «ура», так все побросали и начали драть.

На правом фланге также упорно сопротивлялась 7-я рота, КП которой был в школе [ФЗУ] около Банного оврага. Школа эта завода «Красного Октября». Связь с этой ротой я имел через командный пункт полка. Когда прибыло пополнение, то взвод 8-й роты был выведен в тыл противника. Сам я с автоматчиками направился во фланг противника. Все это было сделано по сигналу. Мы предприняли одновременное наступление с трех сторон. Противник попал в окружение и пани-

чески бежал через наши порядки. Его бойцы на ходу расстреливали, кололи штыками, все-таки часть их удрала.

Герои 7-й роты, которые обороняли школу: сержант Басанский, старшина Китукин, который из окна школы из пулемета расстреливал боевые порядки противника во время наступления 23 октября на протяжении всех трех дней.

После этого батальон подошел к железной дороге метров на 30–40. Задача была выполнена. Часть бойцов осталась в окопах. Они так на месте и оставались. И мы ходили к ним в окопы. Они упорно до последнего патрона отстреливались...

Был такой случай. Когда немцы наступали 23-го октября от моего КП в метрах 30–40 был гражданский блиндаж. Там были муж с женой и мать. До наступления с ними встречался. Когда фрицев прогнали, я к ним пошел в землянку. Мужчина был весь изуродован гранатой. Я спросил, как это дело произошло. «Немцы подошли, кричат: “Рус, выходи!”,— я был у выхода, хотел выйти, в это время как раз они кричат: “Рус, выходи!”,— я пополз вглубь землянки. Они бросили гранату и меня всего изуродовали». [...]. После того, как был занят ЛОЦ, получаю приказ наступать на цех готовой продукции. На подготовку этой операции командир полка дал около двух суток. Целый месяц этот цех готовой продукции брали два полка и никак не могли взять. Меня это заставило подумать, как я могу этот цех взять. Вместе с командиром полка пришли к выводу, что цех готовой продукции надо взять и возьмем.

Два дня мы лазили, определяли подходы, его огневые точки, систему огня, расположение блиндажей. Произвели боевую разведку и в направлении цеха готовой продукции, и в направлении красных домиков. На цех готовой продукции пускали тайную разведку, незаметную для противника. Пускали разведку на механический цех и на красные домики, а готовились взять цех готовой продукции. Противник сосредоточил большое количество пулеметов в механическом цехе.

Чтобы наступление, которое было мною организовано, не захлебнулось, командир полка мне подбросил человек 40 пополнения. К оставшимся 40 бойцам в цехе ЛОЦ я добавил этих 40 человек вновь прибывших. Своих старичков между ними расставил. Разбил на штурмовые группы. В основном у меня было две штурмовых группы и резерв, который оставался у меня. Подготовили этих людей, провели с ними беседы, вооружили их боеприпасами, гранатами. Некоторых пришлось обучать бросать гранаты, потому что были и такие, которые не знали, как гранату бросать. Перед наступлением хорошо покормили людей, дали по 100 грамм и незаметно

для противника вывели на исходное положение. В три часа утра предварительно вышли командиры взводов, командиры штурмовых групп на исходное положение. Они наметили себе путь подхода, план действий, приняли решение и после этого вывели своих людей на исходное положение – в конце этого уступа у листопрокатного цеха и рассредоточились вправо незаметно для противника. Впереди цеха готовой продукции было до пяти блиндажей немецких, битком набитые немцами. Эти блиндажи были приспособлены не к обороне, а служили как бы комнатой отдыха. Около них дежурили пулеметы. Без единого выстрела они подошли с правой стороны и залегли. Затем по сигналу двух белых ракет люди с криками ура начали бросать гранаты в эти блиндажи. Фрицы в испуге из этих блиндажей побежали. Мои люди ворвались в цех готовой продукции. Но здесь их противник начал забрасывать гранатами. До рассвета был гранатный бой. Штыковые схватки были уже в самом цеху. Немцы из этих красных домиков тоже стали удирать. С командиром полка договорились, что как только из этого цеха закричат ура, то части, находившиеся при командире полка, тоже кричат ура. С этого цеха кричат ура, здесь кричат ура. Мои люди не наступали, а на месте кричали. 2-й батальон тоже ура кричал. Как ура закричали, немцы начали гикать. Здесь все перемешалось, кто кого бьет, не поймешь. Факт тот, что противник покинул рубеж, начал отходить, навел панику, и остальные части стали отходить от цеха готовой продукции, от этих красных домиков к механическому цеху.

118-й и 120-й полк повели наступление с юга на север. Соединились мы со 120 полком в механическом цехе. Это было 24 или 28 октября (ноября).

Взятие цеха готовой продукции послужило началом разгрома немцев под Сталинградом. Орден Александра Невского я получил за завод.

В ноябре наш батальон продолжал держать активную оборону. Штурмовые группы действовали по уничтожению живой силы противника. Боевая разведка велась по ночам, захватывали отдельные блиндажи. Наш КП так там и остался, но этот дом был весь разбит. Остались одни стены. КП мы не меняли, роты тоже не меняли, только у 9-й роты КП разбили.

Я передал этот участок 92-й бригаде, а сам получил приказ занять оборону: юго-западную часть завода «Красный Октябрь». Это было в ноябре месяце. Получили приказ числа 18-го одной 8-й роте наступать на цех ЛОЦ. Рота ворвалась в этот цех под прикрытием темноты. Днем противник перешел в контратаку и попытался выбить оттуда 8-ю роту. Там

было их человек 30. Мы думали, что они удержаться. Немцев было 80, а наших было 30 человек. Наши выгнали немцев из этого цеха. Днем немцы подбросили подкрепление и наших выгнали оттуда. На второй день командир полка мне поставил задачу – во что бы то ни стало, кровь из носа, а цех ЛОЦ должен быть взят. Тут я не одну роту, а весь свой батальон вывел на исходное положение на расстоянии 20 метров от этого цеха, используя вагоны, колеса, которые там стояли, рельсы, шпалы. Под эту линию железной дороги я подвел своих людей и сам пошел туда. Бьют у прохода невозможно. Там стояло десять пулеметов, пули которых о станки стучали, как горох. Невозможно было головы поднять. Люди укрывались под эти колеса, шпалы, рельсы, лежали и не дышали.

Так он бил ровно до четырех часов. Мы выжидали, перенесли этот «огонек», организационно подготовились, назначили сигналы, поставили задачу каждому бойцу, каждому командиру. В 4 часа утра по сигналу (красная ракета) все с криком ура поднялись и ворвались в этот цех. Кто лез в окна, кто в двери, кто в обход. Противник не успел опомниться, немножко огонек дал, но сразу замолчали все пулеметы. Немцы даже не успели выбежать из подвалов, их захватили.

Таким образом, батальон под сильным огнем, в основном под пулеметным огнем, ворвался в этот цех. Схватили пять человек пленных, захватили пять пулеметов, много винтовок и боеприпасов. В этот раз были брошены все силы. Командир полка бросил партийных работников: начальников штабов, заместителей начальников штабов и т. д. Из цеха начали долбить стены, обкладывать окна, делать в окнах амбразуры и т. д. Заняли круговую оборону. В 4 часа утра ворвались, в 5 часов утра я отдал приказ этот цех очистить от немцев.

Наши штурмовые группы с криками «ура» подходили с флангов, с криками «ура» ворвались в цех и гранатами выбили из этого цеха немцев. Здесь у немцев были блиндажи, так называемые обогревательные блиндажи, откуда происходила смена их службы. Здесь на заводе было пять-шесть блиндажей. Эти блиндажи были приспособлены для обогрева.

Три раза на следующий день противник ходил в контратаку с севера механического цеха, и с востока. Этот уступ цеха ЛОЦ, занятый нами, не давал возможности пройти немцам в цех готовой продукции. Они поставили своей задачей этот уступ взять. Три раза ходили в контратаку. Первый раз им удалось занять выход из этого уступа. Но наши бойцы немедленно их оттуда вышибли. После этого они повторили еще две атаки, которые были также отбиты с большими потерями для них.

При взятии ЛОЦ хорошо работали минометчики, которые находились всего в 200 метров от этого цеха. Они огородили этот приступ заградительным огнем, и как только покажется группа противника, немедленно открывали огонь. Противника рассеивали и уничтожали.

Хорошо работали при взятии этого цеха: старшина 8-й роты сержант Лопатин, связной командира Волков, которые проявили мужество, отвагу и героизм. Связной этот проползал днем и ночью под носом противника, все приказания выполнял точно и в срок. Кроме того, он выдвигался на позиции, на второй этаж противника, и истреблял противника метким огнем. Лопатин-старшина то же самое, отличный снайпер. За один день он уничтожил 8 фрицев. Старшина Кожемяка 8-й роты обеспечивал бесперебойно боеприпасами. На этот цех мы израсходовали много гранат. Здесь был исключительно гранатный бой. За один день израсходовали до 800 штук гранат. Когда Кожемяка тащил мешок гранат, пулями ему прострелили куртку, его не задело. Он прополз с мешком и доставил на этот выступ мешок гранат, остался на переднем крае и уничтожил метким своим огнем до 5 фрицев.

Противник отказался от всяких контратак, видя несостоятельность этого дела. Таким образом, весь листопрокатный цех мы очистили...

Был такой случай. Когда наступали на КП за железной дорогой, в наступление шли три человека во главе с сержантом Волковым. Сержант Волков ворвался в один блиндаж. Там оказалась гражданская старушка.

– Немцы есть?

– Нет, сынок

– А где они?

– А вот рядом.

Они были от входа сообщения метрах в 15-ти. Он быстро проскочил ход сообщения, подходит к этому блиндажу по ходу сообщения. Открывает дверь, там четыре фрица. Он был один. Взмахнул гранатой «Сдавайтесь!» Они сразу подняли руки. Он их вывел по ходу сообщения, заставил ползком ползти в другую сторону, а сам с автоматчиками смотрит. Там встретили их двое наших и взяли в плен. Это было числа 29 или 30 января.

Во время наступления меня два раза ранило в легкое и ногу.

«Немцы сгруппировали до 30 автоматчиков, пустили 15 танков на нашу переправу...». Из беседы со старшим сержантом Иваном Марковичем Полтораком – санинструктором 112-го полка. 7 марта 1943 г. Сталинград.

7 августа выехали на фронт. 4 августа переправились на правую сторону Дона. Переправлялись в четыре часа вечера. Противник разбомбил переправу и не дал нам перевести нашу технику, она осталась на левой стороне Дона. Там заняли оборону. Немцы сгруппировали до 30 автоматчиков, пустили 15 танков на нашу переправу. Переправу разбомбил и пошел на переправу в наступление. Переправа была в деревне, не помню какой. Мы только пришли, и не у кого было спрашивать. Гражданского населения не видели мы там. Немец занял эту деревню. Пришлось нашему первому батальону бой принимать. Приняли бой. Восемь немецких танков уничтожили, остальные ушли. Автоматчиков тоже большинство побили. Деревню отбили.

17-го августа переправились на эту сторону и заняли оборону под Паньшином. Саму деревню Паньшино наш полк занял. Там мы держали оборону. 3-й батальон принимал бой в этой деревне. Из деревни Паньшино пошли на Котлубань. На этой станции мы боя не принимали никакого. С этой станции, не помню, какого числа, пошли на ферму №4 в деревне Грачи. Когда пришли в эту деревню, тут же на рассвете приняли бой. Там ничего серьезного не произошло. Некоторых ребят потеряли там. Некоторым пришлось здорово поработать, а особенно мне как санинструктору. У нас был начальник нашей санчасти Осипов. Он мне сказал: «Полтораком, 1-й батальон принял бой, смотри, чтобы все было благополучно по эвакуации раненых!». Я пошел туда, взял с собою двух санитаров. Бой происходил километрах в пяти от деревни. Пришлось раненых выносить. Когда принимали бой на высоте 107,5, наши танки пришли на поддержку наших батальонов. Он (немцы) подмаскировал под наши танки свои танки, зашел в наше расположение, зашел в наше расположение и начал нас бить. Здесь восемь танков противника было уничтожено. Во время боя выбыли из строя все медработники, и некому было работать: я был в полковой санчасти. Мне передали из 1-го батальона, что нет медработников. В 1-м батальоне мне дают санитаров и говорят: иди туда поближе, подберешь с поля раненых. Я пошел туда. Пошел туда, убрал раненых с поля боя.

Числа 11-го сентября я уже перешел в 1-й батальон работать – санитаров не было, военфельдшеров не было, совсем не

хватало медработников. Я перевязывал людей и эвакуировал. Я эвакуировал раненых всеми способами. То кухня подьедет на передовую, то машины подвезут боеприпасы, ночью подводы приезжают. Я пользовался этим транспортом, который возвращался с передовой, и увозил раненых в санчасть...

28 сентября переправились мы в Сталинград, сразу заняли оборону на «Баррикадах». Мы там оборону держали до 4 октября. 4 октября мы перешли на «Красный Октябрь». Возле Банного оврага мы заняли оборону на поселке «Красного Октября» и на улице Орджоникидзе возле трамвайной линии. Тут боев не принимали никаких. Мы были во втором эшелоне. До 23 октября он нас только бомбил. Бомбежка была с пяти часов утра до шести часов вечера. Невозможно было ходить. Заметит одного человека и на одного человека бомбу бросает.

Работы много было, и за работу награжден [...].

О своей работе, что могу сказать? Выносил с поля боя бойцов, командиров. Здесь в Сталинграде так бывало: выносишь с поля боя, и днем никак нельзя эвакуировать. Если будешь эвакуировать, то и сам [погибнешь], и раненого не спасешь. До вечера дожидаясь. Вечером договоришься с командиром батальона, так и так, товарищ командир батальона, надо эвакуировать раненых с моего пункта. Он говорит, пойдешь, возьми бойцов. Возьмешь двух или трех бойцов и носилки. Иногда на плечах сам таскаешь. И таким образом с нашего пункта перетаскиваешь. Если раненых нет, занимаешься другой работой. Снайпером был. На счету у меня 27 убитых фрицев.

23 октября была самая тяжелая работа. Они выбили минометчиков из строя у нас. Пришлось переносить всех раненых. Я их тогда даже днем таскал, несмотря на то, что бомбежке подвергался. Возьмешь, навалишь на себя и перетаскиваешь. Надо было таскать в овраг метров за 800. Когда авиация налетает, спрячешь где-нибудь, переждешь и вынесешь. Самая большая работа была с минометчиками. Они только откроют огонь, он засекает точки огневые и начинает бить по ним. Часто выводил из строя минометчиков, а к ним было трудно подойти. Я находился на КП батальона. Как санинструктор, я был при батальоне. Позвонят или придет связной, доложит, что в такой-то минометной роте есть раненые. У нас минометчики стояли под термическим цехом. Из-под термического цеха вытаскивал раненых.

23 октября немцы взяли завод «Красный Октябрь». 24-го октября у меня раненых не было. Мы были во втором эшелоне. Немцы просачивались только в завод. Когда они просачивались на завод, нас было только четыре человека. Забрали

автоматы, гранаты с собою в руки и пошли на завод для разведки, как там немцы размещаются. Мы туда дошли. С нами был младший лейтенант Козулин. Этот младший лейтенант дает команду – в общем, пустились на обман для того, чтобы выгнать их с завода, – взвод такой-то справа, взвод такой-то слева, вперед! Мы начали из автоматов бить, гранаты бросать. Немцы увидели, что что-то такое получилось, начали бежать с завода. Когда немцы начали бежать с завода, наши бойцы занимали оборону строго на север. Немцы начали выбегать с завода аккуратно против нашей обороны. В этот день один наш батальон уничтожил 640 немцев при перебежке их с завода. Выбежали с завода, а вечером опять начали в завод бежать. Мы [их] положили много в это время. После этого наши несколько раз ходили в контратаку и выбили их с завода. У них блиндажи были, блиндажи разбивали, пулеметы вырывали, вытаскивали из блиндажей.

23 декабря (немцы два месяца были на «Красном Октябре») мы их выгнали с завода. Когда выгнали их с завода, растерянность была большая. Связь плохо действовало, вернее, никакой связи не было. Бегут бойцы. Они в белых халатах и наши в белых халатах, не поймешь, кто бежит. Лежишь, смотришь – кто его знает, немец или свой. Велели прекратить огонь. Мы увидели, что немцев здесь уже нет. Когда мы увидели, что немцев нет, тогда мы пошли в наступление. Мы километра полтора продвигались, никакой задержки не было. В общем, немец ушел с территории.

Мы вошли в школу № 5. Из этой школы № 5 мне пришлось вынести двух немцев. Я вынес их на ротный КП. Принес одного, он там лежал. Передали в штаб батальона, что есть два немца. Нам приказали, чтобы мы их немедленно доставили в штаб батальона. Я пошел за другим без санитаров. В это время был со мною старший военфельдшер Дрогман. Вынес второго. Прихожу сюда. Бойцы рассердились на первого раненого, который был офицером, взяли и добились его. Второго я не дал добить. Он без чувств лежал. В это время холодно было, а на нем что? – Сапоги, сапоги тесные, в курточке такой, короткой, холодно ему, замерз, наверное, пьяный был. Мы его принесли на КП батальона. Он ничего не сказал. Нам приказали отправить его в штаб дивизии. Там он кое-что рассказал. Рассказал, сколько пушек находится, кем он был. Он был артиллеристом, их окружили, боеприпасов не давали. Ему пришлось сидеть в обороне [...].

Заявление в партию подал, когда наши пошли в бой, и я был в этом бою. После боя я подал заявление. Меня приняли

здесь же в батальоне. К ордену «Красной Звезды» представлен за вынос с поля боя 52 человек. Медалью «За отвагу» награжден за санитарную работу и уничтожение гитлеровцев. Сейчас тоже работаю санинструктором [...]. В последнее время я не был в батальоне. Меня забрали в полковую санчасть. Я работал в полку. Хотя работал в полку, но работу свою продолжал. Если есть на поле боя раненые, я никогда не утерплю, чтобы не подойти. Туда пойдешь, занимаешься снайперством.

Документ № 18

«Наши полки были по 300–350 человек. Противник сосредоточил против них артиллерийский огонь, бомбил с самолетов, и они там сражались до последнего...». Из беседы с генерал-майором Леонтием Николаевичем Гуртьевым – командиром 308-й «Сибирской» стрелковой дивизии 62-й армии.

Родился в 1891 г. в гор. Шемахе Азербайджанской АССР, в семье лесничего. Учился в начальной школе, потом окончил среднюю школу – реальное училище. Учился в высшем учебном заведении, в Политехническом институте в Петербурге. В 1914 г. в июле был арестован за участие в демонстрации на Выборгской стороне. Сидел в крепости. В то время был период забастовок, расстрелы рабочих, и были демонстрации протеста. В крепости отсидел три месяца. За это время началась война, меня освободили и тут сразу призвали в армию. Сначала меня, как студента, зачислили в вольноопределяющиеся. Служил я в артиллерийском дивизионе во 2-м батальоне в Луге, но там был очень недолго. В ноябре меня отправили на фронт за Варшаву. Наш батальон стоял последнее время недалеко от железной дороги возле гор. Сохачев. В январе 1915 г. меня как вольноопределяющегося направили учиться в школу на прапорщика. В школе прапорщиков я пробыл до 1 мая. В мае нас выпустили прапорщиками и отправили в запасный батальон в г. Тамбов. В Тамбове пробыл недолго. С маршевой ротой меня отправили опять на фронт в пехотную часть младшим офицером в 193-й Свияжский полк 49-й пехотной дивизии.

К этому времени моя личная жизнь сложилась таким образом. Женился я на студентке, сейчас жена моя находится в Омске. В 1915г. у меня родился первый сын, Леонтий. Сейчас он лейтенант, на Калининском фронте, минометчик. В 1915-м же году у меня умер отец. Мать моя жива до сих пор, живет в Ленинграде.

Прапорщиком я оставался все время и последний мой чин – прапорщик. Должность, которую я занимал после того, как убили командира роты, – командир роты. Осенью 1915 г. в боях на Стыре наши части были окружены, и я с частями попал в плен. Был в плену в Австро-Венгрии до ноября 1918 года. В ноябре, когда я был в лагере, в Венгрии, в местечке Залагержек, началось революционное движение, и всех пленных освободили. Мы вернулись на родину. Где шли пешком, где ехали поездом, было сплошное движение. В ноябре мес. я прибыл к своим родным, которые в это время жили в Коврове Владимирской губернии. Там я нашел мать, жену, сына и родных.

По прибытии на родину я поступил на гражданскую работу. Некоторое время служил в отделе труда статистиком, а потом перешел в земельный отдел на должность сельскохозяйственного техника. На гражданской работе был недолго. В июне 1919 г. был призван в Красную армию и с тех пор все время служил в Красной армии. Начал службу с командира взвода, а теперь команду дивизией. Служил без перерыва, все время на строевых должностях: комвзвода, комроты, комбатальона, помкомандира полка, помначальника училища, начальник училища, теперь командир дивизии. В 1931 г. я был принят в кандидаты партии, а потом в члены партии. Моя семья состоит из жены, двух сыновей и дочки. Младший сын тоже лейтенант. Все время находится на Дальнем Востоке. Два брата моих на фронте. Я никогда не судился, партвызысканий у меня нет.

Наша дивизия начала оформляться с первых чисел марта 1942 г. Я был к тому времени начальником училища. При училище оформлялись все дивизии, которые выезжали из Омска. Эта дивизия была пятой по счету, которая оформилась там, и я, как начальник училища, получил приказ, о ее формировании, а через некоторое время, с первых чисел марта, получил приказ командовать дивизией. Формирование дивизии проходило главным образом за счет сибиряков. Были случайные люди, которые жили на территории Сибири, но никаких пополнений из других районов мы не получали: были эвакуированные из центра и часть казахов, около тысячи чел. казахов. Формировались мы март, апрель, май. В мае успели выйти в лагерь. Оттуда уехали в первых числах июня месяца в Саратовскую область. Некоторое время мы стояли в Карамышевке, вблизи ст. Татищево, и там заканчивали свою боевую подготовку.

Там нас посещали представители из округа и НКО. Были командиры из группы маршала Советского Союза тов. Ворошилова. В июле к нам приехал тов. Ворошилов, пробыл у нас двое суток. Проводили совместное учение со 120-й дивизией.

Тов. Ворошилов остался доволен нашей дивизией, провел совещание с командным составом, дал указание, на какие недостатки надо обратить внимание. Потом собрал отдельно командиров дивизии с начальниками штабов полков, познакомился с ними поближе, сидел с ними часа два в одном из классов школы, побеседовал, а потом уехал. Через некоторое время мы были отправлены на фронт.

«Я побежал в штаб армии по берегу со своими штабными командирами, получил задачу выйти и подготовить рубеж к обороне в районе электростанции, немного правее завода «Баррикады». Пока мы переправляли народ, пока я ходил в штаб армии, уже рассвело, и нам пришлось выходить в район под воздействием немецкой бомбежки. Получилось нехорошо. Часть наших людей пошла по набережной, в том числе я со своими командирами, Стафеевым, Смирновым, своим адъютантом, начальником 1-го отдела, а часть пошла в обход. Большую трудность представляло нам добраться благополучно до места. Пришлось идти километра три. Противник нас обнаружил. Та узкая полоска земли вдоль берега, которая оставалась у нас к моменту нашего прихода в Сталинград, вся проглядывалась противником с высот, которые он занимал. Правда, мы шли расчлененными порядками, но противник нас заметил и начал бомбить, не давая возможности проходить. Там было здание музейного типа, где засели немецкие автоматчики и непрерывно били из различных минометов. Пока мы дошли до места, потеряли два-три десятка людей.

Я целый день был занят занятием рубежа и рекогносцировкой. Со мной переходил саперный батальон, батальон связи, пулеметный батальон, 351-й полк. Два моих полка оставались еще на правом берегу.

351-й полк занял район обороны в направлении между заводом «Баррикады» и тракторным заводом, несколько выше, к электростанции, на скате высоты, где стояла электростанция. К вечеру я получил задачу выйти с 351-м полком, занять исходный рубеж и совместно с левофланговой дивизией перейти в наступление, чтобы занять завод «Силикат» недалеко от Аэропортовского сада.

На следующую ночь перебрался и 339-й полк и вышел на то место, где стоял 351-й полк, юго-восточнее завода «Баррикады», а 351-й полк ушел несколько вперед. Позже, в ту же ночь, вышел 347-й полк и занял рубеж левее, юго-западнее завода «Баррикады». Он имел задачу также наступать вместе с левофланговой дивизией. В районе Аэропортовского сада мы остались одни. Там мы все время и воевали. Участок был

протяженностью километра в полтора. Полоска земли до Волги метров 700–800. У наших соседей: 39 и 19 дивизий земли до Волги оставалось еще меньше.

В разные дни, выполняя одну основную задачу – удерживать каждый метр, мы все время имели разные указания в смысле перегруппировки: то выйти вперед, то назад, то подойти к соседям справа или слева. Мне приходилось иметь в своем подчинении отдельные бригады и части соседей, командовать ими в зависимости от того, как складывались обстоятельства. Рубеж все время оставался один и тот же: правый берег реки Волги, несколько западнее завода «Баррикады».

351-й полк занял рубеж завода «Силикат». Наши полки были по 300–350 человек. Противник сосредоточил против них артиллерийский огонь, бомбил с самолетов, и они там сражались до последнего. Погиб комиссар Фролов. Маркелов – начальник штаба – остался за командира полка еще на Котлубани. Маркелов, как будто, жив. Я имею запрос о нем из отдела кадров, и у меня есть письмо, по которому можно считать, что он остался жив.

Я лично сам выводил 351-й полк на исходный рубеж ночью, когда мы еще плохо ориентировались на местности. Правда, нам дали в штабе армии проводников от дивизии, которая там стояла. Сначала мы успешно продвигались вперед и заняли силикатный завод целиком. Подошли уже к западным его стенам. Потом остановились после сильного огня противника, который перешел в наступление. Целый день мы были под ураганным огнем противника, у нас потери были еще с утра и полк был утомленный с марша. Много было в полку раненых. Последний человек, который прибежал ко мне на КП в магазине «Гастроном», был начальник связи. Прибежал перепуганный и доложил, что в полку все погибли. Я дал ему одного своего командира и направил назад к Маркелову с поручением. Он так и не вернулся. Потом это место занял 339-й полк, и тут все время шли бои и днем и ночью с превосходящими силами противника.

...Все мы сохраняли полное спокойствие, и в самые тяжелые моменты, когда нам казалось, что уже нет выхода, мы брали все свои автоматы и были наготове действовать до конца. Ни у кого и в мыслях не было идти. Если смотрели на Волгу, то в ожидании оттуда пополнений и боеприпасов. Каждый сознавал чувство долга. Большое значение имело и то, что командующий армией был рядом с нами.

...Бойцы часто ходили по берегу не укрываясь, а девушки всегда шутили. Кругом минометный огонь, а они сидят и отдыхают – тяжело нести раненых. Не любили тех, кто побаивался.

Фрицы зарывались в землю с пулеметами и их трудно было оттуда выбывать, а ночью они пытались просочиться к нам.

Утром числа 20-22 от меня отправился на переправу мой заместитель по тылу подполковник Шкудов с ординарцем. Они шли по берегу и с ними шли еще случайно два человека. Когда они были на полпути, они увидели у самого берега Волги фрицев. Их было несколько человек. Они вступили с ними в бой. Им удалось уничтожить эту группу немцев. Притащили с собой ручной пулемет и патроны. Если бы они вчетвером не ликвидировали эту группу немцев, те закрепились бы на берегу, и потом для их уничтожения пришлось бы послать целый взвод.

В одном из таких боев мы потеряли своего начальника трофейной команды.

Об отдельных эпизодах лучше могут рассказать непосредственные участники...

Были моменты, когда засыпало наш КП. Однажды засыпало так, что мы ничего не видели и не слышали и не понимали что происходит. Но и здесь все соблюдали спокойствие и люди героически держались, никто не показывал виду, что перепугался.

После того как переставали стрелять, люди выходили из землянок и блиндажей, спрашивали кто жив, кто ранен, кого убили, кто засыпан. Тут же начинали работать санитарки.

Санитарок у нас все любили. Одного врача не любили за ее нервность, но она была очень старательная и преданная и все время сидела на поле боя и делала перевязки. Потом написала мне письмо о своих впечатлениях о митинге и параде в Сталинграде, где она осталась после нашего ухода.

Или возьмите саперный батальон. Кроме того, что он выполнял свою основную работу, они воевали с нами, героически показал себя на переправе. На таких душегубках – лодчонках как наши, трудно было ночью переплыть Волгу и в спокойных условиях, а они перевозили раненых, боеприпасы и пополнения под непрерывной бомбежкой. Правда, мы пользовались и другой переправой, и сначала был пешеходный мостик через Волгу, но его скоро разрушили и лодчонки много нам помогали своей самоотверженной работой. Они награждены, их героическую работу отмечали. 4 ноября мы были выведены из Сталинграда для пополнения. Нам дали людей, но потом их от нас взяли. Мы ездили на рекогносцировку участка, куда должны были выехать с этими людьми, но нас скоро отправили в тыл на доукомплектование ...

Документ 19

«Считаю себя сибирячкой...». Из беседы со старшим сержантом Ниной Михайловной Кокориной – санитаркой санитарной роты, помощником заместителя по политчасти санитарной роты 347-го стрелкового полка.

Родилась в 1923 г. в Свердловской области в г. Тобольск. Считаю себя сибирячкой. Отец – участник гражданской войны. Он участвовал на Урале в дивизии Фрунзе. Отец – член партии с 1919 г. В 1941 г. я окончила школу. Решила ехать в Свердловский университет им. Горького, но тут началась война. Я получила письмо от сестры, которая добровольно ушла в армию. Она на Волховском направлении была. Сейчас не знаю, где. Старший брат тоже на фронте, с Востока переброшен. Отец дома, работает в Госрыбтресте на заводе. Дома остались мамаша, бабушка и младший братец. Все в Тобольске. После того, как я получила письмо от сестры, я пришла домой и сказала маме, что уйду на курсы медсестер. В комсомол вступила в школе в 1939 году. В октябре кончила курсы медсестер. По окончании курсов пошли на учет, но нас на учет не взяли. «Когда исполнится 19 лет, тогда приходите». Я написала письмо товарищу Сталину. Показывают письмо с резолюцией: немедленно отправить на фронт. Кроме того, работала в РОККе... Пошли в военкомат 60 человек, так как узнали, что наряд должен придти, написали заявление. Нас 45 девушек взяли, сандружинниц большинство. Прибыли в эту часть.

Мне также хочется рассказать, как нас провожали. Мне очень запомнился этот момент. Обычно провожают, и всегда слезы. Наши мамаша держались крепко, прямо замечательно. Мама пишет в письме, что часто приходят женщины и спрашивают: «Анна Васильевна, вы проводили двух дочерей и сына на фронт и все-таки веселая?» Она им отвечает: «Не для того я их растила, чтобы они дома сидели».

Все 45 человек девушек прибыли в 308-ю дивизию. Разбили нас по полкам. 15 девушек, в том числе и я, были зачислены в 339-й полк. Я была в 3-м батальоне 8-й роты санитаркой. Нас там было пять девушек. Это было в Языковке Саратовской области. Там мы обучались. Раз ротные санитарки, а тем были две взводные, у меня, например, был третий взвод, то всегда с бойцами. Нас очень здорово обучал генерал-майор Гуртьев. Выходы были по 30 по 60 километров почти ежедневно. Бывали дни, не успеешь обсушиться, дождь, только заснешь, сразу тревога. По тревоге поднимаешься и опять идешь. Девушки

замечательно себя держали. Иногда идешь по три дня подряд, не отдыхая, и всегда песни поем. На привалах пляски. Командир полка Михайлов очень любил нашу санитарную роту.

Наша санитарная рота находилась сначала на острове. Здесь девушкам очень много приходилось работать. По острову метров 800 до этой пешей переправы приходилось переходить на нашу сторону, потому что мы выносили раненых только до берега. Отсюда брали, грузили на лодки и на себе на лямках, на носилках тащили до своего полкового медпункта по песку. Здесь отличились такие девушки, как командир отделения Малых, Зезюкова, Пепельгина, Смирнов, Путилов, они доставляли раненых в медпункт. Приходилось раненых обрабатывать. Огня зажигать нельзя было, приходилось все делать в темноте. Санитарки-носильщицы только носят. Остров беспрерывно обстреливался из минометов, потому что противник знал, что здесь находятся наши тыловые части и проходят через остров наши новые пополнения.

Однажды был разрушен блиндаж, в котором находилась наша санчасть полковая. Откапывали раненых: Зезюкова, Смирнов и фельдшер Данилов. Я оказывала первую помощь. Этим санитаркам приходилось от батальонного пункта нести раненых на себе до следующей переправы уже на остров. Там они тяжелораненых сопровождали до медсанбата, легкораненых отправляли в тыл. Фельдшер Данилов все время находился с девушками.

18 октября нас потеснили, нам пришлось вместе с КП батальона сдвинуться назад. Немцы отрезали КП полка, и мы не знали, где наш полк расположен. Мы пришли непосредственно в цеха завода «Баррикады». Это было утром 19 октября. Пробыли здесь день, потому что переправлять раненых не было возможности, так как в это время подходили новые части. Раз подходили новые части, противник бомбил. Мы решили связаться с КП и продолжать дальнейшие операции.

Вечером оказалось, что мы находимся в окружении. Пробыли всю ночь и день на заводе «Баррикады», но выйти оттуда возможности не было, потому, что куда ни пойдешь, противник везде установил свои станковые пулеметы и, кроме того, забрасывал гранатами. Немцы подходили к нам метров на пять. Мы применяли гранаты так же, как и бойцы. Вечером мы решили выйти с боем. Разведка доложила, что немцев очень большое количество, а нас было немного. Тогда пошли на хитрость. В одной из стен цехов пробили огромную дыру, и все мы вылезли в эту дыру и вышли без потерь. Вышли на берег Волги. Оказалось, что здесь уже первый батальон, который тоже потерял

связь и вышел из окружения. Восстановили связь и к утру заняли оборону между «Баррикадами» и «Красным Октябрем».

Я 21 октября на берегу Волги была ранена и отправлена в медсанбат. Отправили сначала за 80 километров от госпиталя, но были слухи, что часть наша будет отходить; я боялась отстать от своей части и просто напросто убежала из госпиталя и пришла на КП. Меня в эту же ночь отправили, потому что оставлять меня никак нельзя было, так как у меня было сильное ранение в голову. Я была ранена прямым попаданием в блиндаж, и командир батальона Посылкин. Его тоже нельзя было оставлять.

Когда пошли в Сталинград, мы прошли 260 километров за трое суток. Этот путь мы замечательно прошли. Девушки всегда были с бойцами. Идешь, форсируешь реки. Бойцы часто стирали ноги. Мы им оказывали помощь. Благодарность почти каждый день получали девушки.

Прибыли в район станции Котлубань. Особенно запомнился первый день. В пять часов мы начали наступление. Здесь было две высоты: 143,8 и 154,2. До нас здесь было несколько дивизий, но ни одна из них не могла взять этой высоты. Это было 10 сентября. Непривычно, не знаешь. Что такое война – не представляешь себе. Немцы бросили в это время авиацию, начали бомбить наши позиции. Мы прошли одну высоту и спустились в лощину. Здесь появились первые раненые. Здесь сразу почувствовали. До этого, как-то не чувствовали, что действительно что-то серьезное, как будто бы на учении. Первый раненый был из роты ПТО. Я к нему быстро подскочила. У него все внутренности вывалились. Я вправила ему все внутрь и забинтовала. У нас была санитарная рота, метрах в 30-ти от высоты, за которую мы дрались, и наш батальонный медпункт. Мы, девушки-ротные санитарки находились непосредственно с бойцами. Немец бросил всю свою артиллерию и самолеты сюда.

Мы только поднялись на холмик, был убит первым наш командир минометной роты Захарченко. 1-й и 2-й взвод провалились вперед вместе с двумя нашими санитарками. Одна из нашего 3-го батальона и одна из 9-й роты.

Между бойцами затесался один автоматчик немецкий, переодетый в форму красноармейца. Когда идут бойцы, санитары, он не стреляет, как командир поднялся, он сразу бьет. Командир батальона Тарнюк, старший лейтенант, приказал мне пойти перевязать раненых и наблюдать, откуда раздаются выстрелы. Я проползала правее расположения 2-го батальона и заметила, что с одной стороны строчит в нашу сторону

автоматчик. Потом вижу, побежал красноармеец и через некоторое время автоматчик бьет с левой стороны. Я приблизительно засекала, где и откуда он бьет. Тут был раненый красноармеец 3-го взвода. Я его послала пойти доложить. Сама осталась наблюдать за этим автоматчиком и красноармейцем. Пока он ходил, автоматчик исчез и забрался в танк, который находился метрах в 500 от лощины и преграждал путь нашим. Этот автоматчик вывел из строя командира 8-й роты. Командование взял на себя командир моего взвода Ганченко. У нас половина взвода ушла туда, а здесь была целая полоса простреливаемая, через которую нельзя было пройти. Он дал приказание своим бойцам обойти этот танк и уничтожить автоматчика. Это приказание скоро было выполнено.

После этого боя у нас почти все батальонные девушки были представлены к наградам. Мне хочется рассказать о Соне Фатеевой, которая была ранена в этом бою. Она уроженка г. Тобольска. Такая высокая, здоровая. Бывало на занятиях, когда в Языковке еще были, придет какой-нибудь командир, она положит руку ему на плечо, он качается, падает. У нас ее очень уважали. Замечательная девушка, такая приветливая. Если увидит, что кто-нибудь унывает, сразу подымет дух.

С пяти часов вечера немец бомбил нашу лощину. Я решила пробраться через линию огня к своим. Пробралась. Там я узнала, что ранена санитарка Мотя Гурина. Немец там обстреливал минометами, а нас самолетами и минами тоже бил. Я добралась почти до последних окопов. Вижу, лежит девушка-санитарка. Подползаю, смотрю – Софья. Голова у нее перевязана. Оказывается, она ранена в голову, слепое ранение в череп. Ее перевязал наш старшина. С передовой линии ее отправили туда. Не знаю, как она пробралась через эту нейтральную полосу.

Я спрашиваю: «Софья, что с тобой?». Она: «Да вот, ранена. Много крови потеряла». Я говорю: «Тебе нужно отправиться в лощину». Она отвечает, – эти ее слова мне запомнились: «Я, – говорит, – знаю, там жизнь, но я туда не пойду». Я не стала приказывать, да и приказывать я не имела права.

Когда у нас вышел из строя командир батальона, командиром батальона стал бывший командир взвода 7-й роты Посылкин. Мы с 1-го сентября заняли оборонительные позиции. Оборонительные позиции занимали ночью и, видимо, подошли близко к немецким расположениям. Я была, Решетова Зина, Шуванова Аня и еще две девушки: Рощина и Архатова, охраняли наших командиров. Утром с рассветом мы услышали крики с немецкой стороны: «Хальт!» Выяснилось, что мы

с трех сторон были окружены. Был только небольшой проход в нашу лощину, который обстреливался из танка и который занимали немецкие автоматчики. В этом полуокружении нам подмогу не могли никакую подбросить. Нас осталось человек 16, не больше. Находились мы здесь до 18-го сентября. Два дня не получали ни пищи, ни воды. Раненых было очень много. Выносить их было нельзя. Мы их перевязывали. Во флягах у нас был неприкосновенный запас воды. Мы поили их этой водой, ухаживали за ними, прокопали окопчик. Кольцо постепенно сжималось. 17-го сентября просили подкрепление, но нам его не дали. Командир полка приказал батальону стоять. Весь батальон стоял и не уходил.

Нам много пришлось поработать с бойцами. Среди бойцов было много таких, которые колебались и не были уверены в том, что мы выстоим. Мы проводили беседы с ними. Прелезешь в окоп и начинаешь им рассказывать о героических подвигах бойцов и командиров. Рассказывали о рядовом бойце Косых, который с пятью комсомольцами отбил атаку 60 немцев. Дело это было у нас в батальоне. Он подпустил немцев на 10 метров и стал их забрасывать гранатами. В это время застрочил пулемет с фланга. Он взял Ефимова, своего бойца, и пополз по-пластунски к тому окопу, откуда раздался выстрел. Подполз, кинул туда несколько гранат и крикнул: «Батальон, за мной!» Шесть человек батальона пошли. Он принес с собою два трофейных пулемета, большое количество винтовок и 30 пленных. Сейчас он отправлен на курсы старших лейтенантов. Награжден орденом «Красной Звезды». Приблизительно на таких примерах мы проводили беседы.

18-го сентября получили приказ группой, какая есть, пойти в наступление и взять высоту 143,8. Дух наших бойцов был замечательный. В течение двух дней стояли и отражали натиск немцев – это очень подняло их дух. наших раненых ни одного не было, только в первый день были раненые. 17 сентября нам удалось пробраться с девушками в лощину, взять раненых, вынести и вернуться обратно. Целую ночь мы работали.

18 сентября пошли в наступление. У нас был замечательный командир роты Сигаев. Ему дали приказ занять сопку во что бы то ни стало. Мы двинулись. Немцы с высоты бьют по нас из автоматов. Видно, как они оттуда стреляют. Мы продвигались вечером, продвигались очень медленно, но шли без потерь. Подошли к подножию и остановились у подножия. Подняться нам не было возможности. Окопались и решили ждать подкрепления. Дальше продвинуться противник не давал возможности. Сначала подбирались к нам автоматчики по одному

человеку, но нам удобно было их снимать. Тут у нас стреляли все и бойцы и девушки. Мы были вооружены винтовками. Выносишь бойца, несешь винтовку и свою санитарную сумку. Когда трудно приходилось, то свою винтовку оставляешь, а потом опять забираешь. Потом немцы стали подбираться к нам группами. Мы видим, положение трудное, дело может решиться не в нашу пользу. Командир роты пошел на такое дело: дать команду нашей артиллерии (у нас была связь с батареей) – огонь артиллерии на нас. Наша артиллерия должна была обстреливать наше расположение. Эта команда была выполнена. Ночью уже потерь было много. Когда пришло подкрепление, у нас осталось только 10 человек. Ночью пришли подкрепления.

После войны думаю остаться в армии, пойти в военное училище. Я здесь несколько дней, но скучаю о своих, как они там без меня. До армии хотела поступать в университет на историко-филологический факультет. Очень люблю возиться с архивами, заберусь туда и копошусь. Отец живет в Самарове. Он с нами не живет с 1935 года, но мы все его любим и уважаем и мамаша тоже. Он к нам часто приезжает...

Документ № 20

«Эти бойцы были и стрелками, и минометчиками, и пулеметчиками, и бронбойщиками, и наблюдателями, и что самое важное, почти все снайперы». Из беседы с майором Василием Георгиевичем Белугиным – комиссаром 347-го стрелкового полка.

Жаркий был день. Противник семнадцать раз пытался атаковать боевые порядки 347-го полка, а на участке полка были уже единицы. Около 50 бойцов и командиров занимали участок обороны полка. Но это были лучшие из лучших. Эти знали цену не только каждого метра земли, но каждого вершка, каждого сантиметра. Эти бойцы были и стрелками, и минометчиками, и пулеметчиками, и бронбойщиками, и наблюдателями, и что самое важное, почти все снайперы. Мельчайшие изменения в стане противника становились известными буквально на всем участке обороны, и только это спасало положение. Не только крупные перегруппировки боевых порядков противника, не только сосредоточение его войск в каком-нибудь доме, за углом дома, или выдвигание их вперед предупреждалось огнем из всех видов оружия на участке полка, но и отдельные перебежки солдат и офицеров, отдельные сигналы у противника немедленно расшифровывались, принимались [решения] и локализовывались.

Незабываемый день 27-го октября. Противник начал зверствовать с самого утра. Не прекращая огонь артиллерии, минометов, пулеметов, из автоматов и винтовок, посыпая буквально как горохом минами с самолетов, производя физическую огневую и моральную атаки, он выводил из состояния душевного равновесия самого закаленного в боях. Бойцы говорили, что это ад. А я припоминаю картину ада из «Божественной комедии» Данте. В том аду можно было праздновать любую свадьбу чувствовать себя, по крайней мере, на «удовлетворительно». А вот здесь, когда ежеминутно сваливаются на наши глубокие щели осколки мин, камни, песок, земля, когда гул взрывающихся снарядов и мин, казалось, перерывал уже барабанный перепонки, когда на секунду выставленный из щели черенок лопатки пробивался тут же пулей снайпера, – попробуйте в этих условиях отбить атаку противника.

И вот наступил кульминационный пункт. Все было смешано с землей. Наши огневые точки засыпаны, цели обвалились, КП разбит. Мы вышли из него буквально за две минуты, и в этот момент нам казалось, что обрушившаяся на нас глыба живой силы и техники противника раздавит нас. Но нет. Тишина – это самый строгий приказ. Будь готов. Сейчас, сию минуту. Сейчас немедленно приведи себя в порядок, в боевую готовность и если ты хоть полужив, если у тебя действует хоть одна рука, заставь ее стрелять по противнику. Останови первого, идущего в атаку. Старайся остановить первый. Твой первый выстрел ободрит товарищей.

И тишина без условного приказа начала поднимать бойцов из засыпанных целей, начала готовить их к решающей схватке. У всех одна мысль: решенный вопрос. «Я не пропущу на своем участке врага, мне некуда отступать. Я сказал товарищу Сталину, что на левом берегу Волги для меня нет места. Я подписал письмо товарищу Сталину собственноручно, что не отступлю ни на шаг, и все свои силы и умения отдаю на борьбу за Родину». Так думали все, молча готовясь к отражению атаки.

И вот началось. Раздались первые артиллерийские залпы. Откуда? Почему? Даже было как-то странно и не верилось, что этот мощный залп несется с левой стороны, с левого берега Волги. За ним второй, третий залп, и началась канонада.

Генерал-лейтенант Чуйков, командующий 62-й армией, принял на себя всю тяжесть отражения подготовленной атаки противника. Мудрое решение! Он обрушил огонь всей артиллерии армии в направлении главного удара противника. В течение 40 минут работала тысяча орудий, и в этот период

наши бойцы – представители 347-го стрелкового полка торжествовали. Они вышли из своих щелей, широко раскрыв глаза, улыбаясь широко и ласково. И всем понятно – сегодня за нас работает артиллерия. Не бывало случая в моей истории, я не видел и не слышал никогда в своей жизни такой чудовищной силы артиллерийского огня, которую обрушил командующий армией на противника. Все запылало. Клубы дыма, пепла, пыли, щебня стояли в воздухе, мы праздновали победу сегодняшнего дня, но что сейчас происходит у противника? У него все порвано, все боевые порядки разбиты, управление нарушено, никакой атаки и никакой контратаки он сегодня вести не будет. Посылай за обедом, вари чай. И во время этой артиллерийской канонады бойцы приступили к обеду.

Кончился артиллерийский налет. Тишина, тишина победы. До вечера ни одного выстрела. Ни одного фрица в секторе наблюдения, ни одного самолета.

А 1 ноября, когда полк был отведен на левый берег Волги, бойцы испытывали не меньшую тяжесть, не меньшее беспокойство, чем в этот памятный день. Нас сменил стрелковый полк, и на нашем участке противник вышел к Волге. Много сил, много средств и жертв потребовалось для того, чтобы восстановить положение.

И сейчас, вспоминая оборону Сталинграда, хочется еще и еще раз сказать: «Велика матушка Русь. Есть у тебя народ негибаемый, любящий тебя, отдающий за твою красоту, мать-Родина, все, даже собственную жизнь, если этого требует боевая обстановка».

С 10 часов утра минометный и артиллерийский огонь противника не прекращался ни на минуту, а армада самолетов на бреющем полете группами по 10–15 штук непрерывно бомбили до темноты, сбрасывая огромное количество смертоносного металла.

347-й полк находился в резерве командира дивизии во втором эшелоне. На протяжении пяти месяцев долгой и плодотворной работы и я, и командир полка натренировали хорошо свой полк и мы не могли согласиться с отведенным нам боевым порядком. 10 сентября с разработанным планом выполнения задач, поставленных перед дивизией, мы входим к командиру дивизии со своим предложением. План наш был принят, 351 полк отведен, а мы стали на главном направлении. 18 сентября, получив задачу наступления, атаки и разгрома врага на высоте 154,2, овладения этой высотой и дальнейшего наступления на Бровкин хутор и хутор «Новая надежда», приступили к выполнению этой задачи.

Боевые порядки полка были расположены уступом вправо. Мы сосредоточились до 250 метров у высоты 154,2. Под покровом ночи окопались и, несмотря на ужасающий ураганный огонь противника, утром 18 с сентября и исключительным подъемом среди красноармейских масс мощным броском овладели высотой 154,2.

Первый и второй батальоны, продолжая выполнять последующие задачи полка, наступили на хутор Бровкин и «Новая надежда» и к 11 часам овладели Бровкиным и продвинулись дальше, несмотря на большие потери. Третий батальон, взойдя на высоту 154,2, приступил к закреплению успеха и начал организовывать круговую оборону высоты. Высота главенствовала над местностью. С нее просматривалась местность на 8–10 километров. С 10 часов утра минометный и артиллерийский огонь противника не прекращался ни на минуту, а армада самолетов на бреющем полете группами по 10–15 штук непрерывно бомбили до темноты, сбрасывая огромное количество смертоносного металла....

Выскочив вперед своих батальонов, я и командир полка, поздравили командира батальона Малыгина и его комиссара с успехом, уточнили приказ на дальнейшие действия и перенесли КП на высоту 154,2, откуда отлично были видны боевые порядки неутомимых бойцов 347 полка. Но соседи справа и соседи слева отставали. Далеко выдвинувшиеся вперед наши боевые порядки, по-видимому, просматривались противником. С наблюдательного пункта донесли о подходе свыше 20 автомашин противника, которые приступили к высадке пехоты. Пехота противника на наших глазах занимала боевые порядки. Началась первая контратака противника. И здесь-то и проявилась воля командира. Весь огонь третьего батальона командир полка Барковский из своего резерва бросил на контратаку колонне противника. Минометная рота полка из-за холма 154,2 посылала в стан противника последние мины из третьего боевого комплекта. Василий Болтенко подвел свои 45 мм орудия на огневые позиции и начал поджигать автомашины противника. Огонь танковых пулеметов прекрасно натренированной и обученной 3-й пулеметной роты рассеял боевые порядки противника. Контратака захлебнулась, и противник повернул вспять с остатками своих войск. Донесли командиру дивизии об успехе, и тут же, не отрывая телефонной трубки от уха, доложили, что противником начата контратака слева с пятью танками и до роты пехоты и что противник хочет отрезать наши боевые порядки, выдвинувшиеся вперед, но контратака идет на высоте 154,2.

Заработали полковые пушки, заработали ружья ПТР. Один танк загорелся, остальные повернули вспять. В 12.00 противник пытается контратаковать с правого фланга. Четыре вражеских танка уже вытянули свои отвратительные морды из-за пригорка, а автоматчики ведут огонь по высоте. На высоту выскочила батарея истребительного противотанкового дивизиона. Залп, второй. В этот момент взрывается мина противника и выводит из строя всю батарею.

Полковые орудия 45-мм пушек выдвигаются вперед. Василий Болтенко снова прямой наводкой останавливает и зажигает танк противника, уничтожает танковый пулемет.

Связь с первым и вторым батальоном прервана. Трижды восстановленная связь с командиром дивизии снова прекратилась. Соседи справа и слева, сбившись со своего курса, входят на высоту 154,2. Появление большого количества бойцов и командиров на высоте, смешавшиеся боевые порядки вызывают новые потоки огня со стороны противника на высоту. Организуем связь нашими посыльными. Сообщаем батальонам, прорвавшимся вперед, о выходе в их район 351-го стрелкового полка. Командир полка майор Савкин догнал 1-й батальон и достиг с ним «Новой надежды». Просим артиллерийского огня у командира дивизии.

С левого фланга надвигается снова угроза: 30 танков противника, приняв боевые порядки, медленно двигаются на высоту 154,2. Пехота противника не отрывается от танков. На танках автоматчики. Командир полка принял решение использовать все средства, имеющиеся на высоте. С оружием в руках он заставил занять огневые позиции минометной роты соседней с нами дивизии. Я собрал до 10 расчетов ПТР. Командир полка майор Барковский хочет организовать мощный кинжальный пулеметный огонь. Он собирает все танковые пулеметы, сам проверяет их, указывает цели и в этот момент смертельно ранен. Что-то он хотел нам сказать, но не договорил...

Танки приближались. Вызываю начальника штаба, любимца полка, Игоря Мирохина: «Ну, дорогой, принимай полк. Помнишь, ты еще в Черемушках мне говорил: «Годик – два побуду на штабной работе, а затем можете доверить мне полк», – всего лишь прошло два месяца». «Есть принять полк». И Игорь Мирохин, проверив огневые позиции, с противотанковым ружьем в соседнем со мной окопчике открывает сам огонь по танкам.

Пикирующие самолеты противника и самолеты, работающие на бреющем полете как воронье насели на высоту. Но не это главное. Главное остановить первый танк. Все остальное

пойдет своим чередом. Игорь Мирохин – прекрасный стрелок. Это он первый в дивизии из противотанкового ружья свалил Мессершмитта. И здесь с первого выстрела остановил правофланговый танк, а вторым выстрелом зажег средний. Плохо, что в боевом питании еще не смазывают патроны для противотанковых ружей. Трудно вынимать их из магазинной части противотанкового ружья. «На лопату». И Игорь Мирохин лопаткой открывает замок, стреляет, и третий танк противника запылал. Двести метров. В 150 метрах противник изменил боевые порядки. Фланговые танки вышли на главное направление, начали продвигаться прямо с фронта. Игорь Мирохин останавливает четвертый танк. «Нехорошо, зажигай!». Зажег. И на шестом выстреле по пятому танку выстрелы слились: выстрел Мирохина и выстрел пушки из танка противника. И Мирохина не стало. Убит прямо в голову. Прекрасный человек, храбрый воин, боец со стальными нервами в один миг обезглавлен. Весь мозг на меня. Четыре с половиной часа адской атаки! Четыре с половиной часа сверхчеловеческого напряжения! Команду принял на себя. Наши 45-мм пушки и взвод противотанковых ружей окончательно дезорганизовали противника. Танковая атака отбита.

Темнеет. Начинаю созывать командиров. На высоте тихо. Горсточка автоматчиков 10 человек, 2 противотанковых ружья, из 14 пулеметов работает только один. Решаю немедленно доложить о положении комдиву. Представитель 1-й гвардейской армии батальонный комиссар, фамилию не помню, направляется в качестве связного к комдиву от 347-го полка.

Кругом горящие танки, как большие свечи. Немедленно надо оказать помощь раненым. Немедленно надо просить помощи у комдива.

С таким же напряжением бой продолжался и 19-го числа. Комдив ввел в бой свой резерв. Истребительный противотанковый батальон, учебный батальон заняли боевые порядки. Начальники служб, химзавод, саперный взвод, ездовые – все были в качестве непосредственных бойцов на передовой.

19-го командир дивизии полковник Гурьев перешел на мой КП. Он вместе с комиссаром дивизии подполковником Свириным непосредственно руководил боем. Предварительный сигнал для атаки. В чем дело? Нет признаков понимания приказа командиром учебного батальона. Получил ли он вовремя приказ? Дать немедленно связь! Связи нет. Связисты выбились из сил, не успевают чинить и восстанавливать связь. Снова и снова проволочная связь прорывается огнем противника.

«Есть у тебя надежный человек, Белугин? – спрашивает Гуртьев. – Через пять минут атака. Вот в этом направлении, – показывает он на северо-запад, – расположены боевые порядки учебного батальона. Надо найти учебный батальон и передать мою записку».

Вызываю Селигеева. Неутомимый бегун, спартаковец. Он еще был замечен в период учебно-боевой подготовки, когда без усталости хаживал по сто километров в сутки. Ему рекомендовано было любой ценой не только доставить приказ командиру учебного батальона, но и вернуться доложить, что этот приказ им выполнен.

И вот в донских степях по-пластунски в указанном направлении Селигеев пустился в путь для выполнения приказа командира дивизии. До сих пор непонятно, как он преодолел расстояние до полутора километров в такой короткий срок, но он вовремя доложил командиру и показал расписку командира учебного батальона о том, что тот приказ получил и атаку начнет вовремя. Красная ракета взвилась в воздух. Артиллерия перенесла свой огонь в глубину. Началась атака. Отставали спецподразделения. Их вытолкали вперед. Атака прошла успешно. Высоты были окончательно закреплены за нами.

19 октября в 5 часов дочурка Майя вытаскивала меня на палатке раненого во время атаки. Радостно сообщая о том, что приказ выполнен, она успела мне шепнуть: «Скоро выздоровеем и снова будем здесь». Я оказался в госпитале, а дивизия, получив приказ на передислокацию, выехала в Сталинград.

Снова сказались выучка и закалка сибирской дивизии. 200 километров окружным путем отделяли новые огневые позиции нашей дивизии от старых и эти 200 километров были преодолены дивизией за полтора суток. Пушки везли на лошадях и автомашинах. Несмотря на чрезвычайные трудности, связанные с преодолением такого большого расстояния с переправой через Волгу, дивизия вовремя заняла свой район.

Документ № 21

«Люди, в основном, были сибиряки. Приходила неопытная молодежь, никогда не воевавшая». Из беседы с капитаном Семеном Соломоновичем Рывкиным – командиром отдельного саперного батальона.

Батальон начал формироваться в марте 1942 г. 25 марта мы отпраздновали годовщину его существования. Я пришел в батальон в момент его формирования. Люди, в основном, были сибиряки. Приходила неопытная молодежь, никогда не

воевавшая. Мы с ними занимались очень долго. После двухмесячных занятий ездили с ними на фронт, так что, в общем, прозанимались с ними месяцев пять, и каждому бойцу уже можно было доверить любое боевое задание

В отношении обороны надо сказать, что мы обороняли КП дивизии, узкоколейки и другие пункты, отклоняясь от своей основной работы. Мы всюду приходили на помощь. Наши люди, оставшиеся в живых, – 30 человек – все награждены. 8 человек получили ордена Красного Знамени, 3 – Красной Звезды, а остальные медали. После Отечественной войны снайперов (саперов) стали больше уважать, чем это было до войны, поскольку они показали себя на деле. Немцы это поняли давно, и как только они брали гору или населенный пункт, они их так укрепляли, что взять их обратно было очень трудно... Батальон начал формироваться в марте 1942 г. 25 марта мы отпраздновали годовщину его существования. Я пришел в батальон в момент его формирования. Люди, в основном, были сибиряки. Приходила неопытная молодежь, никогда не воевавшая. Мы с ними занимались очень долго. После двухмесячных занятий ездили с ними на фронт, так что, в общем, прозанимались с ними месяцев пять, и каждому бойцу уже можно было доверить любое боевое задание.

Чем занимался саперный батальон во время боевых действий? Устройством КП для дивизии. Это было очень ответственное и трудное задание, так как бомбежка с воздуха не прекращалась ни на минуту, и от того, как ты сделаешь КП, зависит его надежность. Поэтому на нас возлагались большие надежды в этом направлении.

В Котлубани мы буквально врывались в землю и использовали все имеющиеся там овражки, выдалбливали в скате оврага щель в виде буквы «Г» с тем, что если попадет бомба во вход, осколки не попали в самый КП. Материала не было, и приходилось разбирать ежедневно пути, чтобы использовать шпалы. Разбирали и разрушенные дома. Мы сделали, примерно, 25 штук КП, и у нас не произошло ни одного несчастного случая с командирами, которые были на этих КП. Так надежно мы их строили.

Второй важной работой, которой мы занимались, было минирование. Разминированием мы в Сталинграде не занимались. В основном, мы обороняли завод «Баррикады». Подвзвить мины было невозможно, так что мы просто из армейского склада боеприпасов носили мины к месту рассредоточения ползком по несколько мин [...].

В отношении подрыва дзотов. Вся высота 154,2 была покрыта дзотами, в которых засели немцы. За высоту 154,2 фактически и дралась наша дивизия, так как она имела господствующее значение под Сталинградом - с нее просматривался весь Сталинград. Красноармейцы Селезнев и Краснов уничтожили в этих дзотах сто немцев, подрывая их... Гуртьев – это исключительно хороший командир. Он был раньше начальником пехотной школы. Он хорошо знаком с тактикой военного дела. Прекрасно разбирается в обстановке. Этот человек берет не горлом, а рассудком и отдает приказание так, чтобы его все поняли без всякого крика. Но он требует точного выполнения приказа, проверяет потом сам, выполнен ли приказ. Болеет душой за все мелочи, очень скромный, внимательный, интересуется каждым человеком. Отвечает за каждый рапорт, толково и немедленно принимает решения, прекрасный командир.

Документ № 22

«Мы... много занимались, вырабатывали стойкость и выносливость у бойцов, что впоследствии дало свои результаты». Из беседы со старшим лейтенантом Михаилом Петровичем Власовым – комиссаром артиллерийского батальона 351-го стрелкового полка.

Наша дивизия начала формироваться в марте 1942 года в Омске, выехала после формирования в Вязовку и там проходила учебу, главным образом, тактику. Был там командир Савкин, батальонный комиссар Фролов. Мы там много занимались, вырабатывали стойкость и выносливость у бойцов, что впоследствии дало свои результаты...

27 числа мы получили приказ отойти. Тут были разные суждения: дивизия была потрепана, потеряла много из личного состава, думали отдохнуть, а тут началось формирование. 28 числа, получив приказ, мы пошли маршем и кружили километров 250. Несмотря на то, что народ только что вышел из боев, марш перенес неплохо.

Наша дивизия начала формироваться в марте 1942 года в Омске, выехала после формирования в Вязовку и там проходила учебу, главным образом, тактику. Был там командир Савкин, батальонный комиссар Фролов. Мы там много занимались, вырабатывали стойкость и выносливость у бойцов, что впоследствии дало свои результаты.

26 или 27 августа выехали на Сталинградский фронт. Попали западнее Сталинграда, километров 50–60, в Самохваловку и Котлубань. Тогда мы пределали очень большой

марш километров 150 от линии фронта. 10 числа утром прямо с марша вступили в бой и заняли линию обороны. Перед нами стояла задача – во чтобы то ни стало взять высоту 154,2 и 143,8 (так!), которые являлись господствующими высотами. На этом участке в центре поставили наш 351-й полк, слева 339-й и справа 347-й полк. Народ шел бесстрашно в бой, девушки шли вместе с бойцами – боец падает раненый, девушки его перевязывают, презирая смерть [...]. Полк наш дрался неплохо. Не было случаев, чтобы кто-то ушел с поля боя.

30 сентября полк переправился в Сталинград и получил задачу занять оборону на силикатном заводе, а наша [артиллерия], приданная полку, получила задачу занять оборону в Аэропортовском саду у завода «Баррикады». 4 или 5 числа мы находились в противотанковом опорном пункте, узнали, что наш 351-й полк погиб. Мы толковали с очевидцами. 1 числа остался один красноармеец и три командира, а вообще из участников полка осталось 5 артиллеристов и человек 5 штабистов, но сейчас их не найти. Они рассказывают, что 1-го наш полк наступал. Числа 2 и 3 они держали оборону на силикатном заводе. 3-го числа немцы повели контрнаступление: автоматчики, поддержанные танками и авиацией. Сзади и слева 42-я и 95-я бригады дрогнули, и наш полк попал в ловушку. Бились они буквально до последнего патрона и до последней гранаты. Рассказывают, что старший лейтенант нашего штаба Лесцов сумел вывести человек 16, когда было темно. Лесцов и командир полка Маркелов оба ранены. Людей нашего полка передали в 339-й полк и в другие дивизии.

Санитарка, которая была с Фроловым, рассказывает, что Фролов находился в блиндаже до последнего момента, и когда немцы подходили и кричали: «Рус, сдавайсь!», – он еще продолжал стрелять. Под покровом темноты остатки полка отползли, а Фролов так и остался в блиндаже [...].

Документ № 23

«Задачей дивизии было – прорвать фронт через высоты, чтобы соединиться с нашими частями, находящимися в Сталинграде». Из беседы с подполковником Алексеем Степановичем Смирновым – начальником политотдела дивизии.

Дивизия начала формироваться с марта месяца. Примерно с 6–7 марта народ начал прибывать. Большинство было сибиряков из Омской, Красноярской и Новосибирской областей. Процентом 10 было казахов и процентом 30 из центральных

областей. Формирование им закончили к концу марта месяца. Боевую и политическую подготовку провели неплохо. Когда в августе Ворошилов приезжал принимать дивизию, он дал ей хорошую оценку. С этим составом мы прибыли на Сталинградский фронт к началу сентября.

Первые бои начались под Сталинградом: Самохваловка – Котлубань. Задачей дивизии было – прорвать фронт через высоты, чтобы соединиться с нашими частями, находящимися в Сталинграде. Задачу в целом дивизия выполнила [...]. После того, как мы взяли высоты в Котлубани, нас перевели в Сталинград. Переброска велась на машинах. Сначала дивизия прибыла не в полном составе и вступила в бой двумя полками – 347-м и 351-м. Противотанковый дивизион, учебный батальон и батальон связи – эти части в первую очередь переправились на правый берег Волги и сразу получили боевое задание от 62-й армии, в которую мы влились, и к рассвету начали располагаться своим боевым участком. Это было самое тяжелое для нас время. С рассветом авиация начинала уже бомбить. В Сталинград дивизия вступила, имея процентов 35 недокомплекта [...].

17 октября был особенно напряженный день. Часть батальонов 347-го полка находилась около завода «Баррикады» и попала в окружение. Бывало так, что командиры полка не могли понять, где они находятся, поскольку улицы и дома были разрушены и по планам судить было трудно. Одно время была большая путаница, и приходилось и штабным сотрудником, и нам выезжать на места.

Тогда Чамов только что к нам прибыл, комиссар там тоже был новый, неповоротливый и трусливый. Пришлось идти к нему и рассказать, что от него требуется. А кроме того, прикрепить туда инструктора Херувимова. Обстановка создавалась опасная. От берега они находились метрах в 500–600. Там был КП и все силы сконцентрированы в овраге. С другой стороны находились части 283-й дивизии.

Был случай, когда в 283-й дивизии не знали, что происходит, все время путали расположение частей на местности и думали, что завод «Баррикады» не занят немцами, а на самом деле он был занят. В результате поставили в затруднительное положение командующего армией и сбили его с толку [...]. Виноват был начхим Левин, которого они послали представителем и который сказал, что все проверил, и там немцев нет, а оказалось, что они прошли и не знали об этом. За это Левину потом попало.

5 числа погиб 351-й полк. Первым прибыли к командиру дивизии я, начальник артиллерии и помощники начальников

штабов с тем, чтобы помочь 351-му полку. Мы пробились километра на 3–4 от физкультурного сада и потеснили немцев, когда 351-й полк занял участок 42-й и 95-й бригад. В этих бригадах было человек 60–70. В оперативном отношении они были подчинены нам. Прорыв получился на участке 95-й и 42-й бригады, и 351-й полк попал в исключительно тяжелое положение.

4 октября нужно было, во что бы то ни стало удержать участок. Получили приказ о том, чтобы полк никуда не отходил. Часов в 11 вечера вышел из строя командир полка Маркелов. После выхода его из строя, командование полком взял на себя Фролов, который и держал оборону. Немцы, в конечном счете, сумели окружить полк и уничтожили его целиком. Только два человека вышли из окружения и то, по-видимому, они удрали, и я их отправил обратно. Сведения о том, как сражался этот полк, нам давал командир полка Фролов. Полк прибыл в Сталинград в полном составе из Котлубани. Из политработников никого не осталось, за исключением Власова, которого мы сделали командиром батареи.

Еще под Сталинградом мы ловили отдельных трусов, но в Сталинграде этого еще не было. Наши армейские заградительные отряды не имели ни одного такого случая.

Документ № 24

«В период боевой подготовки был поставлен вопрос добиться ликвидации танкобоязни, а также авиационной боязни...». Из беседы с подполковником Афанасием Матвеевичем Свириным – заместителем командира 308-й стрелковой дивизии по политчасти 62-й армии.

В дивизии до меня сняли комиссара. Ко мне пришел генерал-лейтенант Медведев, дал мне 15 минут сроку – самолет ждал на аэродроме, и сказал, что направляет меня в 308-ю дивизию, которая идет в бой. Подали машину, отвезли на аэродром. В Омск прилетел прямо на воинскую площадку. 10 июня мы приехали в Саратов. Передо мной стояла задача познакомиться с политическим аппаратом. Дней через восемь провели партийный актив дивизии по вопросам партийно-политической работы и задач партийной организации. Я делал доклад о состоянии партийно-политической работы и поставил ряд конкретных задач, что и как делать, чтобы дивизия была подготовлена во всех отношениях. В основу всего была поставлена работа партийной организации. Первый вопрос – бытовой вопрос, забота о нашем бойце, о работе пищеблока. После партийного актива мы проверили работу пищеблока,

выявили ряд недостатков и наметили ряд мероприятий по ее улучшению. Следующий вопрос – санитарного состояния бойца – помыть его в бане, дать чистое белье. Санитарный вопрос был поставлен в дивизии неплохо. Наконец, вопрос подготовки дивизии к боям. В основу этого вопроса поставлено широко развернутая партийно-политическая работа. Такая форма как ротно-армейский митинг, собрание, митинги полковые, где очень много приходилось выступать и говорить по ряду вопросов. В период боевой подготовки был поставлен вопрос добиться ликвидации танкобоязни, а также авиационной боязни, теперь на опыте мы с этим столкнулись.

Как практически осуществлялась ликвидация танкобоязни?

Мы, прежде всего, внедрили в сознание каждого бойца противотанкиста силу, мощностъ и грозностъ противотанкового оружия. Достали на железной дороге плиты и дали возможность каждому бойцу простреливать эти плиты. Каждый боец убедился сам, что танк, возможно, простреливать и что можно овладеть противотанковым оружием хорошо. Но? что мы сделали в этом отношении – сумели пропустить танки через бойцов, сидящих в обороне в окопах, и бойцы убедились в безопасности нахождения в узкой щели, после чего они выходили и бросали гранаты.

Мы воспитывали, кроме того, бойцов на примерах отважных севастопольцев, которые бросились втятером под танки, на героических делах бойцов-панфиловцев 28 человек, которые сумели удержать такую лавину машин...

Мы много воспитывали людей на традициях нашей русской армии. Часто приводили слова наших великих полководцев, которые говорили о том, чтобы заложить своих жен и детей, но отстоять отечество, не пожалеть своих животов, но отчество отстоять. Приводили в пример героический поступок Ивана Сусанина и целый ряд других примеров из истории русского народа. Все это вселяло уверенность в победе в сознание каждого бойца. Пока мы ехали, я по дороге несколько раз выступал, рассказывая о задачах, стоящих перед бойцами в предстоящих боях. Выступали другие партийные работники. Во время стоянки проводили беседы, лекции и доклады. Все это мы делали для того, чтобы приехать на фронт в полной боевой и политической готовности [...].

В отношении борьбы с авиационной боязнью, мы знали, что идем на фронт, и еще в пути нам будут встречаться самолеты. Поэтому мы внедрили в сознание бойцов, что самолет можно пробить не только из зенитной пушки, но из винтовки, автомата и противотанкового ружья. Мы приводили примеры из

газет, как сбивают самолет из винтовки, и внедряли в сознание бойцов необходимость ликвидации этой боязни. Третий вопрос, который был поставлен, о том, чтобы отлично стрелять и, прежде всего, комсомольцам. В период боевой подготовки мы имели у себя около 3 тысяч комсомольцев. Была поставлена перед ними задача, чтобы среди них было 25% снайперов, а остальные стреляли только на «хорошо» и «отлично».

И вот, ставя изо дня в день такие вопросы, мы сумели добиться такого положения, что дивизия была проверена. В августе месяце маршал Советского Союза тов. Ворошилов проверял нашу дивизию в смысле боевой подготовки. Была назначена комиссия, которую возглавлял ген. Новосильцев, а тактические вопросы проверял тов. Ворошилов лично, и он сделал вывод, что дивизия подготовлена хорошо. Тема по наступлению, которая была нам дана, была выполнена на «хорошо». Тов. Ворошилов дал ряд указаний, которые легли в основу доработки этих вопросов в течение 6 дней.

Перед отъездом на фронт мы провели большую партийно-политическую работу. Созвали совещание всего партийно-политического аппарата и поставили на нем вопрос о том, чтобы приехать на фронт, не имея ни одного отставшего бойца и политработника в пути следования. Провели и комсомольские ротные собрания. Результатом этой работы было то, что мы приехали на фронт, не имея ни одного дезертира. Был единственный случай, когда красноармеец из нашей штабной роты уронил свой обрез-карабин. Пришел командир штабной батареи и сказал, что красноармеец потерял карабин километра три отсюда. Мы послали его обратно искать свой карабин, и примерно часов через 5 он возвратился обратно, мокрый как мышонок, с карабином. Таким образом, у нас не было отстающих. На фронт мы привезли 12 тыс. человек. Ехали семь суток.

Дни 28, 29 и 2 ноября были очень тяжелыми днями нас, потому что людей осталось очень мало. Нам звонят из армии и спрашивают, где, сколько и на каком расстоянии находятся ваши люди. Мы им объясняли, что на большом расстоянии осталось 17 человек [...].

В период пребывания в Сталинграде, несмотря на сильные бомбежки и бои, партийно-политическая работа не прекращалась, что обеспечивало мужество, стойкость, отвагу и беспримерную преданность бойцов в обороне и наступательных действиях. Партийная и комсомольская организация 339-го и 347-го полков собирались каждый день.

Действия наших войск на всех фронтах бойцы знали из сводок Совинформбюро, которые мы доводили до них каждый

день. Работу нашего тыла бойцы также знали. Газеты мы получали редко, но у нас был свой радиоприемник, мы печатали сводки, размножали их и распространяли по частям.

Каждый замполит имел план политического обеспечения на каждый день. Если на завтра должен идти бой за какой-то дом, замполит пишет план из трех вопросов: 1) подготовительная работа до боя 2) работа во время боя и 3) итоги боя и выводы из него.

Мы часто использовали отзывы в печати Англии и Америки о стойкости Сталинграда. Мы во что бы то ни стало старались довести эти отзывы до всех бойцов и командиров. Все, что печаталось на страницах нашей печати о Сталинграде, каждый политработник старался довести до сознания бойцов. Партийно-политический аппарат: т.т. Совчинский, Белугин, Сидоров, Петраков, работники политотдела: т.т. Херувимов, Полянский, Савченко, Максин, Ингер...

Ингер и другие всегда находились в окопах с бойцами. Весь партийно-политический аппарат награжден за свою работу.

Когда я приходил в подразделение, первый вопрос, которым я интересовался, был вопрос быта, накормлен ли боец. В Сталинграде мы имели свою баню и мылись там. Помню, как мы с генералом пошли мыться в баню, а налетела саранча и стала бомбить. Баню мы вырыли в том месте, где были зарыты фрицы, и там стоял зловонный запах трупов. Несмотря на это и на то, что налетели бомбардировщики, мы продолжали мыться.

Политаппарат не только был активным пропагандистом, но многие участвовали в боях и ходили в атаку. Так, например, Петраков сражался, ходил в атаку, тов. Херувимов принимал участие в штыковой атаке, майор Сидоров, зам. комиссара по политчасти, противотанковым ружьем подбил [...] танка и истребил много фашистов. Он был ранен вместе с Калининым в [...] бою.

Я лично не знаю у себя ни одного такого политработника, чтобы не принимал активного участия в боях.

Будучи в Котлубани, я ходил в бой и в Сталинграде участвовал в боях. Совчинский и Белугин прекрасно действовали в боях. Майор [...рев], будучи ранен, не уходил с поля боя. Наряду с этим он был активным пропагандистом.

Партийная комиссия работала непосредственно в окопах и принимала там в партию. На фронте не требовали от товарищей рассказывать устав и программу партии, а достаточно было оправдать доверие партии геройским поступком, чтобы получить партийный билет.

В связи с 25-летием РККА мы принимали письмо тов. Сталина от защитников Сталинграда, которое подписали все бойцы 62-й армии...

В Котлубани первый раз пришлось повстречаться с танками на высоте 154,2. Тогда шло до 40 танков. Мы с командиром дивизии 17 сентября были на НП. Тогда шли танки на 351-й и 347-й полки. Я вызвал двух инструкторов политотделов и сказал им, чтобы они шли в противотанковые подразделения поддержать дух бойцов при борьбе с танками, чтобы не сломить нашу стойкость. Получив указания, они ушли и стали убеждать всех стоять «на смерть», танки не пропустить. Когда пошли танки, был открыт сильный ураганный огонь противотанковой обороны. Весь артиллерийский полк стоял под высотой, и там около 12 танков сразу вывели из строя. Остальные повернули и пошли обратно. Тут каждый боец своими собственными глазами увидел горящие танки и убедился в том, что танки не так страшны, если с ними принять борьбу. Когда бойцы сидели в щели, мы говорили им, что танкист не видит бойца из смотровой щели, когда тот сидит в окопе, и подойдя близко на 5 метров, он застрелит его не сможет. После этого мы пошли в атаку на высоту. Я ходил вместе с Белугиным, и он был там ранен. Потом? командир дивизии прислал за мной, чтобы я не оставался на высоте. Высоту мы взяли небольшой горсткой людей. Там нам пришлось тяжело.

27 сентября мы получили приказ о выходе нашей дивизии в тыл, в резерв, а 28 мы получили приказ выехать в Сталинград, и 30 числа быть уже в Сталинграде. Посмотрели по карте – 250 километров. Но приказ надо выполнять. То, чего мы желали, сбылось – мы поехали в Сталинград. Когда народ узнал, что мы едем непосредственно в Сталинград и будем переправляться с правого на левый берег Волги, а затем снова на правый берег, народ принял это с радостью.

Нам пришлось идти обходом. Тут мы стали разъяснять людям традиции защиты Царицына. В Сталинграде мы основным стержнем своей политической работы делали вопрос обороны Царицына роль товарища Сталина, тов. Ворошилова и Пархоменко в обороне Царицына. Когда еще к нам приезжал Маленков и Жуков, они говорили о том, что тов. Сталин сказал, чтобы Сталинград не сдавать, каких бы усилий это не стоило. Умереть, но из Сталинграда не уйти. Дальше они рассказали, почему: за Сталинградом идет степь, затем Куйбышев и Москва. Все это мы повторили бойцам и предупредили, что нам грозит, если мы сдадим Сталинград.

Переправились все наши полки, кроме одного артиллерийского полка, который остался на левом берегу. Я проверял, как артиллерийский полк занимал огневые позиции, и ночью также приехал в Сталинград. На правом берегу были командиры батарей, командиры дивизионов и связисты, человек 200–250 артиллерийского полка остались на левом. Нужно сказать, что наш артиллерийский полк и в Котлубани, и в Сталинграде показал себя очень хорошим полком. В Сталинграде еще легче сохранить материальную часть, но и в Котлубани, несмотря на непрерывный авиационный огонь, они сохранили свои пушки, а разбитые ремонтировали, быстро их восстанавливали, и материальная часть не выходила из строя. По степени подготовленности артиллерийский полк оказался хорошо подготовленным полком. Не было случая, чтобы полк стрелял по своим, он бил всегда по указанной цели.

В Сталинграде сначала наступал 351-й полк..., для наступления и заняв завод Силикат. Перед отправкой нас на правый берег Волги в каждом полку, батальоне и роте были проведены митинги. Мы говорили: «Видите Сталинград. Вот стоят заводы, вот Волга – широкая русская река, вот?? дома Сталинграда – города, где жил великий Сталин. Мы оформлялись на берегах длинного седого Иртыша, а сейчас приехали на широкий берег русской реки Волги. Там мы учились, а тут будем претворять в жизнь учебу. Когда-то тов. Сталин на этих берегах приказал угнать с берега все плоты и лодки, чтобы они не смущали бойцов и не нагоняли страха. Поэтому и мы, переехав на правый берег Волги, угоним все лодки обратно, чтобы они не смущали бойцов, которым нужно идти только вперед».

Так проходили митинги, всегда на высоком идейно-политическом уровне, и бойцы выступали с клятвенными заверениями о том, что они будут защищать Сталинград до конца.

3 и 4 числа [октября] 351-й полк взял завод «Силикат» и продвинулся вперед на север, но его никто не поддержал, фланги полка остались открытыми, и 4 числа немцы обрушили на этот полк и завод огромное количество танков. Полк получил приказ не отходить назад, и приказ был выполнен. Был такой сильный бой, что полк не было видно, трудно было его рассмотреть. Из полка осталось 11 бойцов. Последним погиб комиссар полка Фролов, а командир полка был тяжело ранен. Одиннадцать бойцов остались живы потому, что они были рассыльными в штабы дивизии, штабы полка и т. д.

Полк дрался сутки без отдыха и без прекращения огня. Можно было этот полк вывести и уйти им, но поскольку была

поставлена задача держаться любой ценой, в наших интересах было эту задачу выполнить до конца. Полк доказал мужество, истребил много живой силы противника, отвлек силы от других и тем самым облегчил положение Донскому фронту. Бой длился в течение суток, и ни один коммунист и комсомолец не вышел из боя.

Учебный наш батальон также дрался очень хорошо. 60 оставшихся бойцов дрались в течение четырех суток в развилке железной дороги, северо-западнее завода «Баррикады». Все 60 бойцов погибли героической смертью, и ни один не вышел с поля боя. Немцы заняли развилку только после того, как там остались одни трупы. Танков у нас не было там, так как им негде было развернуться. Когда командующему доложили, что учебный батальон взят в кольцо и героически дерется против превосходящих сил противника, командующий отдал приказ погибнуть, но не отходить, чтобы тем самым [не] ослабить нашу оборону. Наша оборона в Сталинграде была именно активной. Борьба шла за каждый дом, за хлебопекарню, за баню, за отдельные этажи в домах. И каждый день наступали. Таков был приказ Военного совета.

Нам было очень жалко подполковника Михалева, начальника штаба 339-го полка, который погиб вместе со всем штабом. Это был замечательный командир, знающий, строгий, и его любили в полку. Девушки-санитарки отзываются о нем, как о родном отце. С ним можно было идти куда угодно и выполнить любой приказ.

6 октября я получаю записку от Михалева о том, чтобы я помирил его с комиссаром полка Сандиным. Я хорошо знал Михалева и решил идти тут же в полк вместе с начальником политотдела Варшавчиком. Только мы вышли и прошли не больше 50 метров, как навстречу идет посыльный от командира дивизии с поручением зайти к нему разрешить какой-то спор. Я пошел и задержался там с командиром дивизии и двумя майорами уточнять расположение наших частей. Только я переступил порог, чтобы идти в полк, как мне докладывают, что весь штаб 339-го полка погиб от прямого попадания бомбы. Было убито 17 человек, в том числе погиб представитель от армии.

В район Котлубани мы приехали 1–2 сентября. Наша дивизия несколько дней находилась в распоряжении Ставки, а потом была включена в состав 24-й армии, и тогда мы получили приказ от армии в отношении боевых действий дивизии в районе Котлубани. Приказ был дан наступать ночью. Перед выступлением мы опять проводили во всех полках и батальо-

нах митинги, на которых выступал представитель ЦК ВКП(б) тов. Юдин и целый ряд других работников, в том числе и я.

Авиация в это время рыскала везде и освещала все кругом. Когда мы проводили митинги, часто нам приходилось прерывать их. Как будто бы противник узнал об этом и освещал нас ракетами и бомбил. Тов. Юдин приехал к нам из Москвы, сразу попал в такой переplet, и нам было сказано о том, чтобы его оберегать. После наших выступлений выступили бойцы с клятвенным заверением о том, чтобы выполнить приказ, освободить Сталинград и соединиться со сталинградскими частями. Митингом было принято письмо товарищу Сталину, в котором каждый полк поклялся в том, что бойцы-сибиряки, получив приказ о боевых действиях, не пожалеют сил для выполнения приказа и разгрома врага.

Утром, когда дивизия пошла в бой, настроение и у всех было хорошее, и чувствовался особый подъем. Когда мы получили приказ наступать на высоты 132, 154,2, 143,8, в наступление пошли 339-й и 347-й полки, при поддержке артиллерийских дивизионов. Нам обещали дать танки для поддержки наступательных действий, но танков не дали, и 8, 9, 10 и 11 числа полки наши наступали на эти высоты без танков. Высоты эти имели огромное значение, поскольку с них просматривался весь Сталинград, – эти высоты знает товарищ Сталин, и мы поставили задачу их во что бы то ни стало взять. Кроме того, с этих высот открывалась возможность к дальнейшему продвижению на Гумрак и соединение со сталинградцами. 19 сентября эти высоты были взяты. Удержать их было нелегко, и продержались мы на них до 27 числа.

Партийная и комсомольская организация 339 и 347 полков собиравались каждый день. Когда погибла комсомолка Леля Новикова, младший политрук Шейко пришел на собрание и поставил один вопрос на повестку дня - обсуждение смерти комсомолки Новиковой. Все встали для почтения ее памяти, затем провели собрание, на котором постановили отомстить за пролитую кровь Лели Новиковой.

Документ № 25

«Люди были разных национальностей». Из беседы с капитаном Александром Филипповичем Ольховкиным – инструктором пропаганды 112-го полка.

Когда мы прибыли в Сталинград, мы остановились на восточном берегу Волги. Сталинград в это время горел. В этот период мы получили пополнение до одного полка, больше по-

лутора тысяч людей. Сразу этих людей вооружили и послали в бой. С этими людьми требовалась большая работа. Кроме того, надо было их изучить. Люди были разных национальностей. В этот период немцы буквально забрасывали нас листовками, в которых писали, что мы окружены, в общем, нам капут. Начиная с 15 октября с утра до вечера немцы нас бомбили. Помню, 16 октября они бросили листовку: «Приготовьтесь, 17-го вам капут в Волге». Эта листовка попала к бойцам. На некоторых наименее устойчивых людей это произвело впечатление. Я помню, что я пришел из второго батальона и доложил командиру полка т. Лещинину. Он дал указание «пойти в батальоны, побеседовать с каждым бойцом, разъяснить истинное положение, в особенности разъяснить приказ 227 товарища Сталина». В этот период было обращение защитников Сталинграда. Дали мне секретаря комсомольского <и> партийного бюро. Пошли мы в батальоны. Все время лазили по окопам, потому что людей собрать нельзя было, потому что каждый блиндажик находился не больше, как в 100 метрах от передовой противника. Всю работу приходилось <делать> только ночью. С вечера до утра работали. Утром, если позволял обстановка, отдыхаешь.

Мы занимали тогда невыгодное положение. Все командные высоты, с которых просматривалась эта местность, находились в руках врага. В этот период нам пришлось провести инструктаж низовых агитаторов, разъяснить положение, чтобы они следили, чтобы бойцы не читали немецкие листовки. Затем провели партийные и делегатские собрания по батальонам.

Когда встал вопрос о том, чтобы создать жесткую оборону, этот вопрос очень трудно проходил, потому что днем работать было нельзя, людей мало, люди не спят, измотанные. Ночью начали работать. Ракету пустит, смотришь, ранили или убили. Очень трудно было работать, но, тем не менее, это надо было делать. Я помню, командир полка как-то собрал политаппарат и приказал всем агитаторам разойтись по полкам. Я был послан во 2-й батальон. Вечером пробрался мы в 4-ю роту. В блиндаже было четыре человека. Побеседовали с людьми перед утром, когда было более спокойное время. Собрали низовых агитаторов на КП роты, который помещался в школьном подвале. Это было в три часа ночи. Противник от школы был метров в 40. Как раз была передовая статья в «Правде» о боях за Сталинград. Я провел инструктаж на эту тему. Рассказал, какое значение имеет Сталинград, почему Гитлер рвется к Сталинграду. Увязал это с приказом о создании жесткой обороны.

Недалеко от КП было два блиндажа. В один блиндаж было прямое попадание мины и в другой блиндаж. В том блиндаже, который был сделан так, как требовал приказ, люди остались живыми, в том блиндаже, который был сделан неправильно, от прямого попадания два красноармейца были убиты. Я использовал этот наглядный пример. Подвел бойцов к тому и другому блиндажу посмотреть, почему так получилось. Это дало положительный результат – укрылись, и укрылись очень неплохо. Хорошо оборудовали блиндаж и потерь не имели.

22-го октября мы провели на КП полка партийное собрание, на котором зачитали закрытое письмо Военного совета Сталинградского фронта. После этого командир 112-го полка (Лецинин) поставил перед нами задачу разъяснить это письмо комсомольцам. Взят был упор на то, чтобы создать жесткую оборону, разъяснить, что противник пытается наступать. Пошли мы, и целую ночь лазили по блиндажам.

Партийное собрание кончилось часов в 12. Пошли, обходили блиндажи. После этого отправились домой. По пути заметили нас немцы, бросили ракеты, начали обстреливать. Мы легли и лежали минут 30. Налетели самолеты, начали бомбить. В этот период они готовили наступление. С трудом мы добрались до полка.

[23 октября] нас собрал замкомандира по политчасти и говорит: видите, противник начал артподготовку и, видимо, пойдет в наступление. Придется вам пойти в батальоны.

Мы пошли вместе с секретарем партийного бюро. До 12 часов противник вел артподготовку и бомбежку, с 12-ти часов пошел в наступление и вклинился в нашу оборону. Создалось тяжелое положение, нарушилась связь. Командир полка вызвал меня уже вечером, темнеть начало, и послал в штаб батальона установить истинное положение и одновременно предупредить, чтобы любой ценой удерживались. КП полка остается на прежнем месте. От КП полка автоматчики находились в 100 метрах. Рядом был Банный овраг. Надо было пройти всего метров 20 до другого оврага. Вот тут он нас встретил. Со мною было два связных: одного убили, другого ранили. Я прополз метров 40, примерно, минут 40. Трудно было ориентироваться. Дополз до другого оврага. До КП батальона оставалось метров двадцать. Подбежал. КП батальона окружено. Там вооружились все, и повара, все, кто мог. На КП батальона было семь человек. Прибежал туда. Там раненых полно. Связь установили с КП полка. С ротами связи не было. Командир полка поставил задачу: выяснить положение с ротами. Мы с командиром батальона капитаном Шлютченко

пошли на КП 6-й роты узнать, какое у них положение. Прошли от КП батальона метров 30 и попали к немцам. Немцы были в помещении дома еще не разрушенного. Мы начали отбиваться, гранаты начали бросать. Утихло. Немцы не стали атаковать. В это время прибегает старшина 6-й роты Шульга и рассказывает, что командир роты убит. Он рассказал, что подошел танк к КП, командир роты хотел его уничтожить и при попытке уничтожить танк врага был убит. Тогда я решил командование ротой взять на себя и взял. В это время, когда был убит командир роты, танк бил прямой наводкой, как ударит по школе, где был КП, так все сыпется. Некоторые трусили, чуть было не побежали. Тов. Шульга, член партии, участник гражданской войны, крикнул: «Стой! Командовать ротой буду я». Назначает старшин. Вы становитесь здесь, отвечаете за эту сторону, а танк я уничтожу сам. С бутылкой «г.с.» (горючей смесью) он вышел и поджег танк. Когда танк загорелся, немецкие танкисты бросились бежать. Он из ППШ убил четырех гитлеровцев. Взял труп командира роты, принес в блиндаж и говорит: командир роты погиб геройски, и мы должны так драться. Больше он ничего не сказал. Действительно, эта школа превратилась в неприступную крепость для немцев. 47 трупов там было. Сколько было раненых – подсчитать нам не удалось, потому что они успели их унести. Эти шесть красноармейцев во главе с коммунистом Шульгой удержали эту школу. В этом бою Шульга истребил 27 гитлеровцев за один день. Он был замечательным агитатором. За это дело командование представило его к Герою Советского Союза, наградили его орденом «Красного знамени». Шульга был тяжело ранен при выполнении другой операции. Ему пробило плечо, перебило руку. Теперь будет без руки.

На этом дело не кончилось. Ночью стояла задача удержать рубеж. Немцы просачивались внутрь обороны. Командир батальона послал Шульгу в шестую роту, так он и остался командовать 6-й ротой. Доложили командиру полка. Он сказал, что правильно сделали, пускай командует. Таким образом, Шульга школу удержал.

27 октября противник снова пытался перейти в наступление. Прежде всего, он провел сильную артподготовку. Прямым попаданием снаряда Шульге пробило плечо и перебило руку. У него в это время было на счету 61 истребленных немцев. Как участник гражданской войны он знал, как немцы издевались над украинцами, мстил им. После ранения он пришел на КП, в это время я был там, и говорит: ничего не жалко, жалко одного, что я не выполнил своего слова. Я обязался уничтожить

не менее 100 гитлеровцев. И так спокойно говорит. Его перевязали. Командир батальона приказал двум красноармейцам отвести его. Его очень любили красноармейцы. Он рождения 1898 года. Был председателем сельского совета на Украине. Награжден орденом «Красного знамени».

Мальков – ампуламечтик. Был приказ о том, чтобы наши войска перешли в наступление. У Малькова в этот период друг был хороший, Иванов, просто, не родня никакая, а товарищ близкий. И вдруг в момент наступления этого Иванова убивают. Малькову была поставлена задача поджечь блиндаж противника. Что-то у него заело огнемёт, а по времени должна быть атака. Тогда он берет ампулу в руки, подползает к блиндажу и бросает ампулу. Этим самым он обеспечил путь продвижения штурмовой группе. Группа овладела красным домом, за который шел бой. Мальков был убит в этот же день.

Необходимо отметить такой момент. 19-го ноября мы получили приказ о переходе наших войск в наступление. Командир полка приказал провести митинги там, где можно, и этот приказ донести до сознания каждого бойца. Приказ этот был в батальонах, но мы с командиром полка все-таки решили поехать по батальонам. Приехали в один батальон и видим, что красноармеец Холодов стихийно собирает бойцов и по этому приказу проводит митинг. На митинге у него присутствовали связные, которые были в роте, потом артиллерийские связные. В общем, все кто там был, – семь человек. Зачитали этот приказ. Мы приехали, когда выступал красноармеец Афонькин. Между прочим, у него нет ни одной группы образования. Он говорит таким образом: «Есть “частя” наши пошли в наступления». Он сказал, что с сегодняшнего дня я буду снайпером. До этого он работал связным у командира батальона. Этот Афонькин начал заниматься снайперским делом. За восемнадцать дней он довел свой счет до 39 истребленных гитлеровцев. Сейчас его приняли в партию, награжден.

Мы пошли по подразделениям. Я пошел в 6-ю роту. На митинг пригласили из других блиндажей. Всего собралось человек 13 в подвале школы. Немцы, по-видимому, заметили, что мы собрались, и открыли сильный огонь, разрушили это здание и аккуратно попали прямым попаданием в стену, чуть не завалили нас в блиндаже. Тем не менее, приказ этот был разъяснен. Его знал каждый боец. На митинге выступил красноармеец Петров, который заявил: «Лучшим, – говорит, – я не нахожу отметить этот день, – как вступлением в партию. Я решил сегодня вступить в ряды нашей большевистской партии. День этот будет самым замечательным днем в моей

жизни. За период боев в Сталинграде Петров истребил 53 гитлеровцев. В Сталинграде он убит. Его приняли в партию и наградили медалью «За отвагу».

Документ № 26

«28 сентября приехали в Сталинград. Переправились через Волгу. Сталинград был весь в огне». Из беседы со старшим лейтенантом Василием Григорьевичем Бялых – заместителем командира 2-го батальона 120-го полка.

28 сентября приехали в Сталинград. Переправились через Волгу. Сталинград был весь в огне. Ночью переправились через Волгу, а утром заняли оборону западнее завода «Баррикада». Я был помощником командира 1-го батальона 120-го полка. Там три дня пробыли. Положение на левом нашем фланге ухудшилось. Нас тогда перебросили на завод «Красный Октябрь». Мы заняли там новую оборону. Заняли оборону 2-го или 3-го октября 1942 года. До 23-го октября держали активную оборону. Ночью наступаем, уничтожаем его живую силу.

23 октября рано утром, примерно, в четыре, в пять часов немцы начали сильный артиллерийский обстрел. Нас предупредили, да и мы сами догадывались, что немцы готовят сильную артиллерийскую подготовку. Мы также предупредили все роты, что немец готовится к наступлению.

Сильная артиллерийская подготовка кончилась. Он часов в восемь пошел в наступление. Он к нам пошел прямо в лоб. В обороне у нас было проволочное заграждение. Он не мог порвать оборону нашего батальона и обошел справа нашего соседа. Этого соседа сбил, – сосед откатился назад к Волге, – и зашел с правого фланга, чем отрезал наши роты от КП батальона. Связь с полком была прервана. С ротами связи нет. Тут мы приняли самостоятельное решение обороняться. Немцы вышли к больнице с правого фланга, поближе школы ФЗУ.

Подходит один немец без всякого: «Рус, пан, выходи!» Мы его сразу на месте убили. Подходит другой – этого убили. Здесь мы около блиндажа набили их человек 20. Так они по-дурацки подходили – кричит в блиндаж: «Рус, выходи!» или что-то бурчит такое. Потом увидели, что кучи их набиты, поняли. У нас кухня была в красном домике метров за 40 от блиндажа. Эту кухню они разгромили, все продукты разграбили. Больницу тоже разграбили. Шинели были, портянки – все забрали и начали в наш блиндаж гранаты бросать. У нас блиндаж большой, метров 25 проход. В этот проход они гранаты бросают. Не дают выйти из блиндажа и сами не стали подходить. Бросают и бросают гранаты.

Наше дело невыгодное, ни связи, ни управления – ничего нет. Мы опять решили держаться до последнего патрона. Сделали баррикады. Были у нас перины, подушки, диваны, заставили проходы. Он бросает в подушки гранаты, только перья летят, ничего сделать не может. Он лазит вокруг нас, кричит: «Рус, выходи!» Кричал, кричал – ничего не выходит, тогда заходит с южной стороны, где было у нас глухое место, откуда мы не могли их обстреливать. Подошли, начали нас раскапывать. Тут мы решили, что конец нам пришел, взорвет он нас, а сюда в блиндаж гранаты бросает и автоматический огонь ведут. Нам выхода нет. Мы уже собирались погибать. У нас минометная батарея сзади стояла на краю завода «Красный Октябрь». Всю эту картину они наблюдали, видели, как штаб батальона обстреливают. Одну мину пустили, вторую, третью прямо в блиндаж. Все эти улицы на кирпичики разбили, а в блиндаж не попали. Немцы после этого отказались от нашего блиндажа, только под обстрелом держат и не дают выходить нам. Пулемет поставили метрах в 10-ти от нашего КП. Уже в завод прорвались наши части. Боеприпасов у нас уже нет. Там нас было семь человек: писарь, два связных, телеграфист. Личное оружие было, гранат уже не было. Приняли решение до ночи просидеть, а ночью выйти под покровом темноты. Досидели до ночи. Ночью только вышли из блиндажа часов в 12, прошли улицу, кричат: «Хальт!» Мы сразу – в воронку. Гранаты запустили в него. Началась перестрелка у нас. Из красного домика выскочило человек 30 немцев. Завязался гранатный бой. Они в нас, мы в них.

О том, что мы оказались в окружении отрезанными, узнал наш командир полка. 3-й батальон в этот момент был во втором эшелоне. Он был прислан нам на помощь. Мы с тыла ударили, а 3-й батальон отсюда. Было человек 25 фрицев, мы их всех побили и соединились со своими частями. Роты тоже подошли к нам. Штаб 2-го батальона был в таком же положении. Пошли на помощь штабу 2-го батальона и освободили. Пошли в роты. В нашей роте остались замкомандира роты по политчасти и два связных. Они отбивались тоже в круговой обороне. После этого решили опять там занять круговую оборону. Пополнение нам подбросили к утру под 24-е.

Немцы 24-го опять пошли в атаку. Мы заняли по улице Орджоникидзе оборону в домиках. Тут он справа и слева прорвал, встык 112 (написано – 11) полку. Фрицы бегут то на завод, то с завода, наши снайперские автоматчики щелкают и щелкают. Наложили мы их там бесчисленно. Три дня мы там были с 23 по 26 октября, не отступили ни на шаг. 26-го он еще силы

подбросил, свои войска подтянул и нас сжал в кольцо. Опять попались в окружение. После этого нам дали приказ отходить. Под сильным давлением живой силы и техники противника мы пробили кольцо, и вышли к Волге к своим частям.

У нас было много трофеев: 10 ручных пулеметов, 1 станковый пулемет, много боеприпасов и одна 37-мм пушка. Пушку взорвали, пулемет взорвали. Взяли только одно легкое оружие. Вышли к Волге к своим частям на соединение.

После [того, как вышли к нашим частям на соединение к Волге], получили указание занять оборону в мартеновском цехе «Красного Октября». Немцы в это время чуть ли ни вплотную подошли к Волге. Метров на 150 заняли оборону. Началась активная оборона с тем, чтобы вслед за обороной переходить в наступление. Так и начали понемногу теснить и теснить немцев. Мы жили так: в 20 метрах от нас немцы, в 20 метрах мы от немцев. Воюем-воюем, кричат – обедать давай! Пленных в это время брали. Тут Красный уголок сделали, и артисты к нам приезжали. Шаг за шагом мы очистили весь мартеновский цех, чугунолитейный, вышли на восточную его окраину, освободили школу ФЗУ от немцев. Это было начало его разгрома.

Расскажу один случай. В начале ноября мы получили приказ о взятии среднесортного цеха завода «Красный Октябрь». Выделены были штурмовые группы. Перед каждым командиром и бойцом в отдельности поставили задачу, как он должен действовать, где он должен действовать и как именно ворваться в среднесортной цех.

К среднесортному цеху никак невозможно было подойти. Он обстреливался со всех сторон фланкирующим огнем, и в лоб били, в амбразуры. Тогда мы решили взорвать стену с северной стороны и ворваться с севера в цех. Так и было сделано.

Подложили тол, взорвали северную стенку и ворвались в цех. Там оказалось вроде котлована. Мы туда вскочили. Там много было немцев. Котлован этот дальше идет вниз, какая-то труба проходит там. Ворвались в низ этого котлована. Мы внизу, а немцы сверху сидят. Мы к ним бросаем гранаты, а они к нам. Друг в друга гранаты бросаем. Мы не можем их выбить сверху, и он нас не пускает наверх. Мы долго бились за этот цех. В конце концов, мы отказались его брать и заняли оборону. Решили наступать в другом направлении на соединение с соседом, с 112-м полком. 112-й полк стоял с юго-западной стороны, здесь стоял 120-й. Нам надо было сделать один скачок, чтобы соединиться с 112-м и зажать немцев в кольцо. Но нам долго не пришлось соединиться с 112-м полком.

В конце декабря дали нам небольшое пополнение, человек 12. Партийные собрания проводили в мартеновском цехе в печах. Поставили задачу каждому коммунисту, каждому беспартийному. Выделили штурмовые группы. Командир взвода целый день лежал на снегу 24 декабря, рассматривал, разведывал, где какие огневые точки. Все огневые точки засек.

Я решил пойти в наступление с юго-западной стороны на железную дорогу. Поставил два пулемета, чтобы противник не мог подтянуть резервы из глубины обороны. Одну группу послал с северо-восточной стороны, вторую группу штурмующую послал северо-западнее. Им поставил задачу: на месте создать шум, то есть, сделать видимость наступления. А основным удар решил нанести левым флангом с северо-восточной стороны. Так и было сделано. Открыли ураганный огонь из тех двух пулеметов, которые я поставил, с северо-запада, открыли огонь автоматчики, а с северо-восточной стороны втихую ворвались в цех. Наши ворвались без выстрела и стали немцев бить с тыла. Немцы видят, что дело плохо, бросают оружие и панике бежать. Они оборону бросили, и станковые пулеметы бросили, и боеприпасы бросили и стали откатываться. Откатывались они в механический цех.

Начал я наступление в четыре часа утра, среднесортовой цех мы освободили в восемь часов. Цех был полностью очищен. Тут я доложил обстановку командиру полка. Командир полка дал мне еще подкрепление. Я хотел наступление дальше развивать. Поставил задачу ворваться в механический цех на соединение с 112-м полком. Соседом справа был 117-й полк. Мы встретились с 112-м полком, поздоровались, стали развивать наступление дальше. Вышли к железной дороге. Взяли механический цех и среднесортовой.

В механическом и среднесортовом цехах было взято много трофеев. Восемь станковых пулеметов, четыре ручных, 10 автоматов и 50 винтовок, 3 тысячи ручных гранат немецких, много патронов. Взято было 5 человек пленных немцев.

Еще один случай. Когда мы начали наступление, то каждый день теснили и теснили немцев. Поселок «Красного Октября» освободили и поставили задачу взять 5-ю школу. Это был очень укрепленный район. Первый раз хорошо пошли в наступление. Внезапно мы зашли в овраг и ударили по немцам с южной стороны. Немцы бежали, не знаю как. Но почему-то наши подошли на 50 метров к школе и залегли. Много трофеев взяли: 20 блиндажей, несколько пулеметов, автоматов. Приказ получили – закрепиться пока. Закрепились в этих блиндажах. Людей в это время много из строя вышло. Людей

осталось мало. Стало темнеть. Немцы подтянули свои резервы. И в семь часов вечера пошли в контратаку, чтобы вернуть свои утраченные позиции. Я держал, держал, народу мало... Силы противника превосходят мои в пять раз. Слышим порусски кричат: вперед в контратаку! Наши держались, держались и откатились назад. Телефонист вышел, его убили. Я звоню командиру роты и спрашиваю, что делать дальше? Вдруг сзади меня на ломаном русском языке слышу голос: «Не заказывай огня, не стреляй!»

– Кто вы, немец?

– Да, да. Хлеб у вас есть? Не стреляй, не стреляй, мы сами к вам придем!

Я говорю: «Я тебе такой хлеб дам, а “катуши” не хочешь!»

Тут «катуша на мое счастье как начала бить по 5-й школе.

26 января я был ранен в ногу, попал в госпиталь. Когда вернулся из госпиталя командир батальона новый. Я награжден орденом «Красной звезды». Награжденных в батальоне, можно сказать, 100%. Особенно отличились: Сотов – командир роты, Чесноков – красноармеец, награжден дважды «Красной звездой», Александров – связной, командир взвода Кривенко, лейтенант, минометчик-красноармеец Тимонин, минометчик Нургалев, татарин, погиб 22 января, Фомин, связной, дважды награждены «Красной звездой» и орденом «Отечественной войны 1-й степени».

Документ № 27

«Я Сталинграда не узнал... Раньше – это был цветущий, полнокровный город, а теперь развалины, ни домов, ничего». Из беседы со старшим сержантом Митрофаном Яковлевичем Карпушиным – стрелком 1-го батальона 120-го полка.

30 сентября приехали в Сталинград. Нас бросили к Дубовке. В Дубовку мы приехали днем, примерно часа в четыре. Часа четыре мы отдыхали. Часов в восемь нас посадили на катер и ночью переправили через Волгу. Ночью же нас посадили на автомашины и повезли. Переправа прошла очень спокойно. Когда подходили к Сталинграду, нас высадили километров за 12 от переправы. Я не знаю, где нас высадили. Говорили, в Средней Ахтубе, еще какое-то место называли, но точно я не знаю. К Волге продвигались днем. Попали под минометный обстрел. Бомбежки, правда, не было. Человек 10–12 выбыло. Переправлялись через Волгу все время под обстрелом, как его называют, контролирующим. Стреляют и стреляют. Всю ночь

бьют, бьют и бьют. Переправились 1-го октября в район «Красного Октября». Переправа была у оврага Банного. Первого рано утром начали передвигаться в район Сталинграда.

Я Сталинграда не узнал. После ликвидации немецкой группировки я ходил по городу. Раньше – это был цветущий, полнокровный город, а теперь развалины, ни домов, ничего.

Во время нашего продвижения мы попали в стандартные дома в поселке «Баррикады», где попали под обстрел «ванюш». У нас сразу вышло из строя 19 человек: 7 убитыми и 12 ранеными. Заняли оборону у развилки железной дороги за стандартными домиками северо-западнее завода «Красный Октябрь». Пробыли мы там до 4-го числа. 4-го нас передвинули в расположение улицы Орджоникидзе и улицы Станиславского. Около водонапорной башни мы заняли оборону. Потом нас немножко передвинули правее по полотну железной дороги. Улица Станиславского проходит по эту сторону железной дороги. Простояли мы здесь числа до 15-го, стояли и занимали оборону. С 10 по 14 октября мы заняли железнодорожную линию и продвинулись вперед метров на 150 за ж.-д. линию. Потом опять были в обороне до 23-го октября.

У нас не было живой силы, состав был маленький, наступать мы не могли. Приходилось идти в оборону и подготавливаться для дальнейшего броска. Улиц в это время уже не было, все было пожжено. Если шли бои, то за отдельные блиндажи и дзоты.

Тут надо сказать, что с 14 или 15-го октября в течение пяти суток шла непрерывная суточная бомбежка. Как только чуть рассвет, появляется «фронтowej старшина», так мы называли немецкий самолет «Фокке-Вульф», и еще много «ласковых» имен давали. Первым появлялся «Фокке-Вульф» – немецкий корректировщик. За ним появляются «мистера», потом, как мы называли, «гармонисты» – румынские самолеты. Одни пикируют, другие подходят, одни выходят из пике, отбомбились, другие начинают идти в пике, третьи заходят на бомбежку. И так продолжается до самой темноты. Меньше всего бомбили передний край. Больше всего бомбили «Красный Октябрь», бомбили школу ФЗУ и клуб.

23-го октября часов в восемь началась крупная огневая подготовка противника, минометный, артиллерийский и пулеметный огонь. Нельзя было высунуть голову. У нас порвалась телефонная связь. Когда телефонист хотел исправить связь, он увидел немцев. Немцы просочились по улице Центральной правее школы ФЗУ и левее нас. Мы попали в окружение. Нас восемь человек в составе батальона и две женщины из гра-

жданского населения. Всего у нас было девять гражданских. Семь человек отправили на лодках за Волгу, двух женщин не сумели посадить, и они остались с нами.

С девяти часов утра до шести часов вечера мы просидели в обороне, отстреливались. Мы сидели в блиндаже на ул. Орджоникидзе.

Часов в шесть вечера подошел и 3-й наш батальон. Атака немцев была отбита. Они отошли за трамвайную линию на противоположную улицу Орджоникидзе. Мы из этого блиндажа вышли и заняли оборону в доме. В ночь с 24-го на 25-е мы заняли оборону в доме. Весь день 24-го противник крупными силами старался просочиться в район завода «Красный Октябрь». Они к дому подтащили 37-мм пушку. Я с одним санитаром Рукавишниковым взяли ее под обстрел. Около нее мы уничтожили 12 человек фрицев, ранены они были или убиты – нам неизвестно. Попытались они эту пушку откатить, но до темноты им это не удалось.

25-го октября они старались наступать. Отдельные группы просачивались в район завода «Красный Октябрь». 25-го октября мы вынуждены были отойти от улицы Орджоникидзе к школе ФЗУ, где пробыли в обороне 26 и 27 октября. К противнику подошло шесть танков с Центральной улицы, и начали прямой наводкой расстреливать дома. Разрушили несколько домов. Мы попали вновь в окружение. Очень много их просочилось в завод «Красный Октябрь». Тут были люди 117-го полка третьего батальона, 1-й батальон нашего 120-го полка. Часть людей была убита, но, в общем, набралось человек 150–180. Они занимали оборону правее нас. Северо-западнее от занимаемой нами обороны есть детские ясли. Командование батальонов собралось, посоветовалось. У нас на КП стояла рация. Велись переговоры с генерал-майором Гурьевым, который приказал нам держаться до вечера. Держались мы часов до 8 до 9 вечера, после чего генерал-майор Гурьев отдал распоряжение отойти из окружения к Волге. Вышли мы по направлению к Русской деревне, хотели соединиться с 112-м полком нашей 39-й дивизии, но были встречены сильным ружейно-пулеметным и гранатным огнем противника, после чего повернули обратно. Часть людей подалась на северо-запад по направлению к Главной конторе завода «Красный Октябрь». Эта группа состояла, примерно, из 30 человек, возглавлял эту группу политрук Мирошниченко, который погиб при освобождении мартеновского цеха. Посмертно награжден каким-то орденом. В этой группе и я был. С нами шло человек восемь минометчиков бывшего 2-го батальона. Они были

приданы 1-му батальону. Мы пошли прямо в чугунолитейный цех завода «Красный Октябрь», повернули на юг, вошли в расположение завода между электростанцией и среднесортным цехом, где столкнулись с группой немцев в 7 человек. Произошел гранатный бой. Эти семь человек были уничтожены. Мы повернули строго на юг к цеху ширпотреба и по цеху ширпотреба пошли по направлению оврага Банного. Цех ширпотреба был в это время нейтральной зоной. Вышли на Волгу. Когда мы вышли на Волгу, командир батальона Тайбулин собрал нас. Когда мы собрались, то от батальона оказалось 13 человек. Во время выхода из окружения пропал старший политрук, комиссар батальона и санитар Рукавишников. До сих пор о них никаких сведений не имеется. Командир батальона сходил в штаб дивизии, где ему было приказано собрать всех людей и занять оборону около мартеновского цеха. Я и еще один человек были посланы на розыски комиссара батальона и политрука. Не нашли. Во время поисков я около оврага Банного был контужен в голову. Пробыл на Волге дня четыре после этого, потом пришел в цех и вступил в свою часть.

Пришли в мартеновский цех. Там мы сидели в печи, номера печи я не знаю. Работал я в это время на доставке боепитания. Переносил на себе от переправы до передовой мины, патроны, гранаты, и т. д. В течение месяца приходилось участвовать в боях, потому что в это время шли бои. Вот стена, за стеной немцы. Они бросают через стену гранаты, и мы бросаем через стену гранаты. Мартеновский цех был занят наполовину немцами. Они вышли частично в блюминговый цех. Тут шлаковая насыпь. Немцы метрах в 150–200 от Волги. Сверху кричат: «Рус, сдавайся, буль-буль!»

В мартеновском цехе все время работали мелкими штурмовыми группами. Шаг за шагом освобождали чугунолитейный, среднесортной и другие цеха.

Ноябрь и декабрь мы почти целиком просидели в мартеновском цехе. Я не знаю, что раньше это за здание было, его мы называли красный домик. Там у нас был КП, «Верба» назывался. При его блокировке и занятии погиб старший адъютант, старший лейтенант Кузьмин, награжден. Здесь же погиб старший сержант Боженок, который посмертно награжден орденом «Отечественной войны 1-й степени» [...].

У нас ежедневно проводились утром политинформации, получался «последний час». Жили мы в мартеновских печах. Я лично и со мной пять бойцов жили в колодце. Это метров десять, а может быть немножко больше под землю. Носил боеприпасы. Сходишь раз шесть – семь по грязи, придешь, зале-

зешь туда и отдыхаешь. Там тепло, спать можно было раздетым. В течение трех месяцев бани не было, но белье меняли.

Питались мы прилично. Питание подносили, кухни были в мартеновском цехе. Питание носил старшина. Берет несколько бойцов, приносит и разносит, до каждого бойца доносит. Коли бойцу нельзя выходить из обороны, ему подносит старшина. От противника мы находились иногда в 10, иногда в 15 метрах, иногда противник был за стеной.

Примерно 24 декабря были нами освобождены цеха: среднесортовой, механический и цех блюминга завода «Красный Октябрь». Мы вышли уже к железной дороге. Тут я стал работать писарем батальона. Бои шли ежедневно, бои шли исключительно гранатные. Больше всего использовались из боеприпасов - это гранаты, потому что за каждый блиндаж приходилось драться гранатами. Гранаты расходовались ежедневно тысячами. Стали применять ФОГи и ампуломет. И так постепенно брались блиндаж за блиндажом. Я не помню, какого числа погиб один из минометчиков, Нургалиев, член партии командир отделения, в это время он был старшиной роты.

В январе месяце мы подошли к железной дороге. Нас тут очень часто передвигали, то вправо, то влево по фронту.

У нас уже разговор шел о том, что будет генеральное наступление, что наша Донская армия отогнала противника. Мы знали, что немецкие войска в Сталинграде окружены. Знали это посредством политинформации. Информировал нас заместитель по политчасти командира батальона политрук, по званию старший лейтенант, сейчас капитан, Беляев, затем Аллахвердиев, который вел работу заместителя по политчасти командира роты. Приказ о наступлении был обнародован, доведен до каждого из бойцов. Нам его зачитывали—разъясняли. О предъявлении ультиматума генералу Паулюсу мы тоже знали. Знали также, что он отказался принять этот ультиматум, знали по сигналам, по ракетам, по артподготовке. Когда они отказались принять наш ультиматум, стало известно, что начинается наше наступление.

У нас основным узлом сопротивления была школа № 5, где мы очень долго топтались на одном месте. Ходили в наступление 12–13 бойцов с командиром подразделения. В этих боях у нас особенно отличился сержант Фомин, который руководил ротой, несмотря на то, что в роте было два средних командира. При блокировке школы № 5 отличились: младший лейтенант Мартынов, сержант Чесноков, красноармеец Александров.

Мы знали заботы о нас родины. Нам присылали подарки: мандарины, шоколад и прочее. Нас, несмотря на все трудности,

родина и люди нашей родины сумели одеть в теплое обмундирование. Мы своевременно получили валенки, теплое обмундирование. Рукавицы у нас были фланелевые. Фланелевые рукавицы нам заменили меховыми. В ноябре месяце все это было. Валенки были выданы в то время, когда еще в них нельзя было ходить, было еще сыро. Поэтому у бойцов были и валенки, и ботинки.

План защиты Сталинграда мы знали. Мы знали слова нашего знатного снайпера младшего лейтенанта Зайцева, что за Волгой нам земли нет. Мало-мальски развитый человек знал, что противник хочет окружить нашу столицу с востока, занять Волгу, занять наши нефтяные источники – Баку. Это мы знали через работу политработников. Потом мы все-таки имели возможность читать газеты, хотя и урывками. Газет хватало на каждого бойца. Мы читали дивизионную и армейскую газеты, читали центральные газеты «Правду», «Красную звезду». Особенно много было «Правды» и «Красной звезды». «Известия» и «Комсомольскую правду» получали. Во время боевых действий мы газеты получали с опозданием дней на семь, на восемь. Я всегда успевал просмотреть передовицу. Освещения хватало. Тут было трансформаторное масло, сколько угодно его было. Главным образом, мы воевали днем, потому что ночью воевать в цехе было очень трудно. Бывали и ночные бои, но больше воевали днем. Ночью воевать было трудно, потому что малейший шорох, и вы попадали под обстрел. Мне некоторые вещи понравились Ильи Эренбурга, потом очень понравились статья об уличных боях генерал-лейтенанта Чуйкова. Я ее и сейчас у себя храню как память.

Было у нас 12–15 женщин, мы их эвакуировали. Остались: мать и дочь, у дочери ребенок. Они работницы завода «Красный Октябрь». Получали маленькую заработную плату, имущества у них никакого. Был свой домик небольшой. Все у них сгорело. Они жили исключительно тем, что им давали красноармейцы. Когда мы стали уходить 27–28, они тоже с нами пошли, но не знаю, вышли они или нет. В общем, здесь местного населения не было почти. За Доном было много местного населения. Местами отношение можно было встретить хорошее, а местами отрицательное. Например, в хуторе Паньшино было видно, что люди настроены антисоветски, некоторые уходили из Красной армии [...].

Школу ФЗУ заняли в ночь на 1 февраля. Первого февраля было очень слабое сопротивление. В это время много пленных брали. За школой ФЗУ последовали Красные казармы, эти три домика красных. 2 февраля мы шли без всякого боя. Они уже начали сдаваться.

«Оборону надо держать. Пополнение шлют, его на два, на три часа хватает. Опять нужен народ. Так вот и воевали». Из беседы с красноармейцем Александром Андреевичем Тимониным – минометчиком 1-го батальона 120-го полка.

Когда переправлялись через Волгу, нас обстреливали ой, ой. Некоторые бойцы прыгать в воду стали. Ничего, проехали, конечно. Прибыл 22 ноября в 120-й полк. В районе завода «Красный Октябрь» мы со своими минометами участвовали дней десять. Потом нам минометы приказали сдать, взять винтовки и идти на передовую в расположение роты. Вошли в расположение роты. Как раз у нашего лейтенанта, командира взвода, спрашивают, кто у вас может на миномете хорошо работать? Он рекомендовал меня – «Тимонин Александр может хорошо работать». Меня привели к одному миномету, где полный расчет должен быть семь человек, а я один должен был работать, и мины таскать надо было. И вот ночью таскаешь, 10-12 штук принесешь на себе. Таскаешь, таскаешь, потом приказ: по школе ФЗУ, по школе № 5 – огонь! Один, надо снаряды класть, надо мину пускать, установить надо. По восьми, по девяти ночей не приходилось спать. На «Красном Октябре» держали оборону.

Воевали так: стена высокая кирпичная, и за стеной немцы метрах в пяти-шести в блиндажах, и стреляют разрывными пулями и гранатами. Мы около окошка. У одного окошка пулемет, у другого гранаты, у третьего – винтовка. Возьмешься за миномет, штук пять-шесть пустишь, подойдешь, из пулемета выстрелишь, подойдешь – гранату бросишь. Гранаты кидаешь, кидаешь, из винтовки начнешь стрелять. Оборону надо держать. Пополнение шлют, его на два, на три часа хватает. Опять нужен народ. Так вот и воевали. Приходилось трудности такие переживать. Меня три раза ранили. Как раз из миномета я стрелял. У меня в здании из железных листов будочка была такая устроена в цехе литья. Только пострелял, стал дровишки приготавливать, мина пролетела – раз. Меня осыпало осколками. Один сапог пробило, лицо поцарапало, но ничего всерьез не повредило. Сошел в санчасть, мне перевязку сделали. Опять на завод пошел. Поехали на «Орел», из «Орла» в «Тулу» приехали.

Нам надо было переменить свою позицию. Только приехали, расположились, командир взвода говорит: «Давайте, пойдем, постреляем!» Пошли мы с ним двое. Я первую мину пустил, вторую пустил. Раз меня в спину осколки. Ранили.

Прихожу к санитарке, она меня перевязала и пишет сопроводительную в санчасть. Я говорю, что я не пойду. Как же так? «Пойду завтра утром». «Нет, сейчас иди». «Не пойду, лучше пойду стрелять». И пошел. Утром пошел в санчасть. У меня осколок из спины вынули, дают дальнейшее направление. Я сказал, что я пойду в свою часть. «Ишь ты, говорят, какой!» Я ушел в свою часть и опять свое дело продолжал. И до 2 февраля все время с минометом я участвовал.

Конечно, лишнего у меня здесь ничего нет, что было, то и сказал, как участвовал, и все. За хорошую службу, за ответственные самые посты меня два раза наградили: медалью «За боевые заслуги» и медалью «За отвагу».

С питанием было хорошо. Насчет газет тоже было хорошо. Даже давали открытки, – пишете письма, пожалуйста. Письма получали от семей редко. В последний раз, когда Сталинград начал к концу подходить, немец с самолетов бросал питание своим. Наши начнут белые ракеты пускать, и парашюты бросают в наше расположение. Я один парашют поднял с хлебом, колбасой, шоколадом. Прямо кидал на нашу территорию, до невозможности, сколько бросал.

И пленных приходилось брать. Как раз с минометом пришли в «Тулу», глядим, стоит румын, граната в руке и в другой руке граната, пьяный, пьяный. Один, потом глядим – второй. Подошли, взяли, и все в порядке. Нас, говорят, было пять человек здесь в этом белом доме. Мы уснули, а они ушли, нас оставили.

Документ № 29

«Особенно было жутко 23 октября. Сил у нас было мало, были раненые, были убитые. Немец после артподготовки пошел в атаку. В нашем батальоне было мало людей». Из беседы с красноармейцем Федором Ивановичем Черданцевым – связным 3-го батальона 112-го полка.

28 сентября прибыли на завод «Баррикады». Пробыли здесь до 4-го октября. Потом пошли к заводу «Красный Октябрь», где занимали оборону. Оборону занимали между Банным оврагом и улицей Карусельная. Как прибыли, противник все время пытался прорваться к заводу. Отражали его контратаки.

Особенно было жутко 23 октября. Сил у нас было мало, были раненые, были убитые. Немец после артподготовки пошел в атаку. В нашем батальоне было мало людей. Второй раз я был ранен 28 октября, но с поля боя не ушел – легкое было ранение, осколочное. Дней двенадцать воевал. Когда пошли в

наступление, меня опять в ногу ранило. Я вышел в свою полковую санчасть. Здесь пробыл восемь дней. Когда из нашего батальона убили связного, я стал работать связным. Все приказания выполнял в срок и точно. Какой бы обстрел ни был, я доставлял все приказания.

Был приказ: занять цех готовой продукции. Был сильный обстрел. Мне нужно было пройти от полка в батальон с пакетом. В это время дали пополнение. Я вместе с пакетом без потерь провел это пополнение, был большой обстрел и днем и ночью. Я провел это пополнение без единой потери. Иногда приходилось целыми днями лежать в обороне. Бойцов было мало.

23 октября, когда немцы наступали, мною было уничтожено десять немцев. Нас было три человека, а немцев было больше десяти. Я с криком «Ура!» выкинул их из домика и уничтожил. За это я получил медаль «За отвагу».

Связным работаю по настоящее время, никаких замечаний, ничего не было, все выполнял в срок. В комсомол вступил в декабре месяце 1942 года. В комсомол меня принимали как самого хорошего бойца. Все комсомольские нагрузки выполнял. Комсомольские нагрузки были такие: провести беседы на передовой с бойцами, чтобы они проявляли больше инициативы. Жили хорошо, ничего, командир батальона был хороший. Когда приказание принесут, он обдумает, потом дает задание. Командир батальона капитан Горячев. По его совету всегда выполняли все приказания с очень малыми потерями. На передовой два месяца с лишним были все больше в обороне. Когда был приказ товарища Сталина о генеральном наступлении, наши части стали наступать.

Документ № 30

«После того, как пехота взяла высоту, наши пушки не отступили. Я заставил двух казахов тащить пушки...». Из беседы с младшим лейтенантом Василием Яковлевичем Болтенко – командиром взвода и замкомандира батальона по строевой части 347-го полка.

В бой вступили 9 сентября на станции Котлубань. Я был помощником командира взвода и командиром орудия

Бои шли за высоту, которая имела большое значение, – 154,2. 347-й полк получил задание с 17 на 18 число драться за эту высоту. Обстановка была очень серьезная, и там сосредоточены большие силы противника. В этих боях я был с 1-м батальоном. С правого фланга противник вел сильный огонь. Как только наводчик сделал выстрел по блиндажу, замковой

был убит. В 200 метрах на моих глазах убило и командира батареи. Мне стукнуло снарядом по каске. После того, как пехота взяла высоту, наши пушки не отступили. Я заставил двух казахов тащить пушки. Командир полка Барковский находился возле высоты, и здесь 8 немецких танков пошли в контратаку. Я подбил два танка, остальные были подбиты бронебойщиками. Все остались у нас. Я стрелял в один танк три раза, в другой - два раза и сразу их остановил. После этого майор Барковский указал мне цель – миномет, и я его расстрелял. Перед вечером я остановил автомашину, которая шла с правого фланга и везла снаряды. Вечером мы закрепились на этой высоте, после чего два дня в обороне вели перестрелку, и нас отвели с высоты и отправили в Сталинград.

Наша 45-мм батарея оправдала себя. После того как мы атаковали, появилось 8 танков, а вслед за ними еще 30. Здесь я уже не стрелял, так как моя пушка находилась в другой стороне. Положение было серьезное: наши пехотинцы и бронебойщики залезали на танки после того, как их подбивали, а подбили они 12 танков. Третий взвод подбил три танка. Младший лейтенант Мартынов награжден за это орденом Отечественной войны.

17 октября немцы сосредоточили горячий огонь: вели сильную артиллерийскую подготовку и бомбили. Бороться нам было трудно, но удобно. Хорошая маскировка и сектор обстрела. Одно дело – уличный бой; если заползает под развалины, оттуда было удобно их бить. Получилось так, что примерно часа в два появился первый немецкий танк, со мной были два бойца – один заряжающий. Танк выскочил возле пушки. Танкист вылез из танка и смотрит, так что к пушке подойти нам было нельзя без того, чтобы себя не размаскировать. Я знаю, что он от нас никуда не уйдет. Боец мне говорит, что он расстреляет его. Командир полка наблюдал эту картину. Только немец залез в свою башню, я отправился к своей пушке, вышел метров на 70 и прямой наводкой стрельнул по танку. Танк загорелся, танкисты стали выскакивать, а бойцы прибили цель и ни один от нас не ушел. У меня был один старшина, который все кричал: «Ты не стреляй, если себя обнаружишь, плохо будет». Минут через 30 появляются еще 10 немецких танков, и когда они навалились на нас, мы остались у них во флангах. Они отрезают нас, но не видят. Здесь я подбил один танк. Тогда я открыл огонь по башне. Пушка била метко, что твоя винтовка, и я снес всю башню. Через несколько минут подходит большой черный танк и опять меня не замечает. Метров всего 150 расстояние и уличный бой – все видно. Как водой обливают нас снарядами, а пушка моя его не берет. Тогда я повернулся и взял бронебой-

ный снаряд другого типа. Он пробил танк, перебил все гусеницы и убил танкиста. Другие двое убежали. После этого все затихло. Остальные танки в лощине бил наш артиллерийский дивизион. Когда все затихло, мы собрались покурить.

Минут через 30–40 идет опять пехота с танками. Тьма, ничего не видно. Идут в полный рост, и огня ниоткуда не слышно. Бойцы наши как-то ступевались вроде, а мне было все равно, уйти некуда. Старшина струсил и убежал. Тут я говорю: «Давай, Галкин, выбрасывать снаряды у блиндажа». Тут мы начали сбрасывать снаряды. Шло 15 танков с танкетками, из них средний, большой и малый, и тьма пехоты. А у меня было мало картечи для снарядов. На заводе «Баррикада» подбил один танк. 3-й батальон мог бы прекрасно помочь, но через улицу ничего нельзя было сделать, так как мешали развалины. Ту пушку, которую я так долго сохранял, разбили там. Как только пехота пошла на меня, и автоматчики начали строчить, я давай сыпать картечью. Они так и валятся.

Но картечь у меня вся вышла. Тут ударил миномет беглым огнем. Им остается дойти до меня метров 100, а у меня от нагревания ствол пушки откатился назад. Что делать? Помощи никакой нет. Тогда я посылаю одного бойца доложить командиру полка и командиру батареи о создавшемся положении. Начали стрелять из карабинов. Тогда нам очень помог один пулемет... В это время танки подошли метров на 20, и немцы кричали: «Рус, сдавайсь!» Я картечью одного убил. Как только застрочил наш пулемет, все они залегли. Тут связной возвращается с донесением и говорит, что командир полка требует взорвать пушку и отойти, а я это сделал еще раньше. Людей у нас не было, стало темнеть, немец рядом, и нам пришлось отходить через минное поле. Не знаю, как только остались живы, но другого отхода не было, так как мы были отрезаны. В этот момент у меня одного бойца убило.

1-й батальон выводил нас из окружения. Со мной оставили двух бойцов.

В это время один немец бросил в меня гранату. Я был ранен и лежал в госпитале. После этого возвратился обратно в Сталинград.

Документ № 31

«В целом по дивизии вышло из строя до тысячи человек». Из беседы с Дмитрием Андриановичем Петраковым – комиссаром 339-го стрелкового полка.

4 сентября 1942 г. мы стояли в местечке Лесничество Сталинградской области. Пришел приказ выступить и дойти до

станции Котлубань. Шли маршем с 5 до 8 до 300 километров, и с рассветом 9-го числа были у станции Котлубань. В это время на нас налетала авиация. Налет был массированный. Наша походная колонна полка еще не сумела развернуться и шла, вытянувшись, когда началась бомбежка, и нас начали обстреливать из минометов и бить артиллерией. С этого момента полк и вступил в бой. Никаких предварительных разведок не было, местность была совершенно ровной и чистой, видны только впереди высоты, на которых укрепился противник и поливал нас огнем. Тут же на ходу, под бомбежкой и обстрелом, люди начали окапываться. Развернули боевые порядки, и началось наступление на высоты 143, 9 и 154, 2. Потери у нас были большие.

К вечеру 2-й батальон шел первым эшелоном и потеснил противника. Личного состава в первый день вышло процентов 50, а политсостав рот в основном почти весь вышел из строя в этот день. Немцы оставили у подбитых танков одного снайпера и двух танкистов для разведки 2-го батальона, но когда этот батальон продвинулся вперед, немцы остались в тылу. Нам было видно, что кто-то из комсостава политработников метился в немцев. Только после этого немцы догадались, что сзади них стреляют.

К вечеру началось что-то ужасное. Люди бросились в овраг и не разбирались, что, где. В целом по дивизии вышло из строя до тысячи человек. Работникам политотдела приходилось работать всю ночь под обстрелом. Но дело быстро выправилось, и к утру комсостав весь был пополнен из заместителей политработников. С утра на помощь левому флангу вышел 1-й батальон и справа 3-й батальон.

Самый кульминационный пункт наших действий при взятии высот был 18 сентября, до высоты оставалось около 10 километров ровной местности. Несколько раз я ходил с ротой в атаку, и у нас были большие потери. 18 числа было приказано взять эту высоту. В то время проводилась очень большая политическая работа следующими политработниками: Ахундянов – агитатор полка, Носков – от[ветственный]секретарь партбюро полка, Шейко – отсекар по комсомолу и я.

Мы получили задание, во что бы то ни стало ночью пойти в расположение батальона и провести работу с таким расчетом, что в 5 часов начнется артиллерийская подготовка, а ночью мы будем наступать. Мы излазили буквально все окопы. Наши стреляли только трассирующими пулями. Людей накормили и объяснили им значение этих высот, обещав им награду: за пойманного немецкого солдата – Орден Красной

Звездь», за офицера – Орден Красного Знамени, а кто первый войдет на высоту – Орден Ленина. Многие из бойцов говорили, что языка нам все равно не видать - как поймают его, так головой в воду. Нам был придан артиллерийский полк, два дивизиона «катюш» и свой батальон. Тут мы начали бить немцев, в 6 часов перейдя в наступление.

Наступали три батальона, в которых было активных штыков не больше чем по 60. Местность была до того ископана и изрыта бомбежкой и снарядами, что окапываться нам не надо было. По этим окопам и ухабам мы стали наступать. Шестиствольные минометы – «ванюши», как их одно время называли, авиация и артиллерия немцев не давали нам поднять голову. К рассвету мы спустились к подножию высоты 143,8. Нас осталось там всего 7 человек из 60. Слева подходил 1-й батальон, в котором осталось 3 человека, и справа подходил 3-й батальон, где оставался один командир. Потом и они куда-то исчезли, и осталось только 7 человек. В это время я был старшим инструктором политотдела для организации политработы. Комиссар роты Погребнюк не выпускал трубки изо рта. Кроме нас, был Посылкин, две санитарки, писарь штаба и один боец. Люди растянулись цепочкой метров на 200. Потом их вытянули и организовали круговую оборону. Дали знать на КП полка, в каком положении мы находимся. Нам сказали, чтобы мы держались и обещали дать подкрепление.

Держимся. 8 часов утра. Держались мы до того, как взошла луна. Когда стемнело, к нам пришло подкрепление в количестве 15 человек, а затем подошло еще до 25 человек. Первые партии выходили. В это время налетели разведчики «Фоке-Вульф» и без конца нас бомбили, в то время как скапливались части к нашему рубежу. Мы дали по ним залп. Отойдут, а потом опять приходят корректировать наши подходящие части. До темноты было до 15 немецких самолетов на нашем решающем участке. С наступлением темноты нам нельзя было вести прицельный огонь. Немцы от нас были на расстоянии 50 метров. Комиссар батальона Погребнюк перескакивает ко мне и спрашивает, что дальше делать. Я ему сказал, что надо держаться до конца. Посоветовавшись с ним, мы решили, чтобы артиллерийский полк дал свой залп по нас из батареи «катюш», поскольку немцы уже обтекали высоту с восточной стороны вместе с автоматчиками, и тут уже ничего нельзя было сделать, и я решил вызвать свой огонь по скатам, на которых мы залегли. Мы приказали по телефону бить по обоим скатам. Как только передали приказ, тут же снаряд угодил в телефон. Мы увидели, как пошли языки...от двух «катюш».

Я крикнул: «Товарищи, Родина нас не забудет». И все мы, 7 человек, залегли на самое дно окопа. Тут ударило два дивизиона «катюш» по этой площади, снаряды начали рваться, и наша артиллерия начала бить. В это время я был контужен. Вытаскивал меня Погребнюк. Мне сильно побило голову [...].

Все остались живы, кроме одной санитарки Аркановой, а на скате у немцев вышли из строя и танки, и артиллерия, и много немцев. Меня двое бойцов отвели в тыл на КП. Спрашиваю их: как обстоит дело с высотой. Я плохо слышал, и они мне написали на бумажке, что подошло подкрепление. К 12 часам ночи наши взяли высоту, что и требовалось выполнить дивизии [...]. Когда меня контузило, я отказывался ехать в госпиталь, так как не хотел терять связь с дивизией, там где я работал с самого момента ее формирования. Когда контузия прошла, я вернулся снова в политотдел дивизии. [...]. Главная заслуга нашей семерки состоит в том, что она корректировала артиллерийский огонь по скоплениям вражеских сил. Связь все время рвалась и мы ползком поддерживали связь, а, в конце концов, нам пришлось вызвать на себя артиллерийский огонь. Об этом писали в газете «Правда» 15 октября 1942 г. в статье под названием «У подножья высот». [...].

Надо отметить причину потерь. Потери понесли потому, что должны были действовать разом все три батальона, и чтобы противник не мог сконцентрировать силы на одном участке, а рассеял бы их. Командир 3-го батальона Монахов поступил не умно. Мы вечером договорились идти все вместе в наступление, но он не пошел с нами, чтобы на него не был направлен первый огонь. А как только немцы направили огонь на нас, они стали бить и их батальон. И в этом была большая его ошибка [...].

Когда взяли эту высоту, полк постоял два дня, укрепил эту высоту и оттуда пошел под Сталинград.

Бойцы закопались глубоко в окопы в крепкой почве, которую миномет не брал. Когда последний раз били прямой наводкой по окопу, я переполз в другой окоп, но окопы поражения не имели. Тут надо заметить, что если окапываться хорошо, то можно спокойно сидеть в окопе без риска попадания мины [...].

Минометный огонь противника взял прицел на наши окопы. 10 мин он подводил под мой окоп, но земля была твердая, и окоп устоял. На последних выстрелах 9-й и 10-й мины начали глушить так, что невозможно было терпеть. Одиннадцатый выстрел мины противника сшиб мой окоп. Около меня разорвалось несколько мин, и тут меня основательно приглушило, а когда ударили свои «катюши», меня тут контузило.

Бойцы закопались глубоко в окопы в крепкой почве, которую миномет не брал. Когда последний раз били прямой наводкой по окопу, я переполз в другой окоп, но окопы поражения не имели. Тут надо заметить, что если окапываться хорошо, то можно спокойно сидеть в окопе без риска попадания мины [...].

Минометный огонь противника взял прицел на наши окопы. 10 мин он подводил под мой окоп, но земля была твердая, и окоп устоял. На последних выстрелах 9-й и 10-й мины начали глушить так, что невозможно было терпеть. Одиннадцатый выстрел мины противника сшиб мой окоп. Около меня разорвалось несколько мин, и тут меня основательно приглушило, а когда ударили свои «катюши», меня тут контузило.

Документ № 32

«Немцы опять взялись бомбить из шестиствольного миномета-ванюши». Тут ранило командира роты. Нам было очень его жалко. Хороший человек, такой герой, всегда ободрял всех...». Из беседы с Гавриилом Григорьевичем Селезневым – красноармейцем саперного батальона 308-й стрелковой дивизии.

22 сентября 1942 г. ночью мы получили приказание от капитана Рывкина копать КП дивизии. Пришли туда, выкопали КП. Перед рассветом командир роты Краснов дает второе распоряжение – разминировать мины, из 20 штук вытащить тол. Я разминировал все мины, наложил два мешка толу. Затем пошли вместе с Красновым и Юдиным на задание – подрывать немецкие доты. Подходим к высоте 154.2 в район Котлубани. Высота была с выгибом, и мы двигались в проход. Там была амбразура, мимо которой мы прошли. Ночь была темная. Только мы вышли на горку, как немцы начали нас обстреливать с двух сторон. С левого фланга били наши «катюши» по немцам, и нам пришлось взять правее. Потом мы скатились вниз по горке, залегли и наблюдали до утра, откуда немцы ведут стрельбу. Сидели там до вечера 23 числа. Начало темнеть. Мы ничего не ели. Вышел месяц, и опять стало светло. Командир Краснов ходил наблюдать, откуда немцы ведут огонь. Перед рассветом стало темнее, и Краснов решил идти в поход. Взяли сумки, пошли в заход к немцам. Прodelали метров 200, смотрим, один немец выходит за сопкой метров 60 от нас. Краснов мне говорит: «Ты оставайся сзади, а мы двинемся вперед». Они стали подлезать к сопке, им уже не видно, что делается впереди, а я вижу, что отходят два немца к блиндажам и бросают ракеты. А подальше идет бомбежка.

Я притаился, полежал, вижу – немцы пошли обратно и скрылись. Тогда я беру сумку и бегу к лейтенанту Краснову. Говорю: «Немцы в блиндажах». Мы подползли туда, наложили 40 кг тола. Тут командир вытаскивает наган, а Юдина заставляет зажигать, но у того не горят спички, и командир поручает ему стрелять из нагана, если надо будет, а сам зажигает спичку. Зажег фитиль. Мы потихоньку, на носках, отошли, а потом отбежали метров 150, и через несколько минут из блиндажа полетели и осколки, и чурки, и обломки пулемета. После этого мы пошли на КП к командиру дивизии, командир роты доложил, что мы подорвали блиндаж, и командир дивизии пошел с Красновым в расположение батальона. Рассказали и Рывкину, как было дело. Нам дали днем немного отдохнуть.

На вторую ночь меня будят снова. Опять надо подрывать дзот. Говорю, что устал. Нам дают лошадей. Мы сели на лошадей, поехали на то же место. Залегли. Командир 351-го полка, узнавал у командира роты, разведывала ли то место разведка и, узнав, что разведка там, приказал ее найти. Мы нашли эту разведку, и пошли вместе подрывать дзот. Подошли с правой стороны к сопке. Тут нас немцы начали шпарить и ранили одного разведчика. Откатились назад ползком. Послали двух разведчиков убрать раненного, но тот приподнялся и потихоньку пошел сам – его ранило в ногу.

Тут вышел месяц, стало светло, и нам нельзя было двигаться снова вперед. Надо было ждать второго вечера. Нам привезли поесть, ребят отправили обратно, они посидели, покурили возле КП полка. Немцы опять взялись бомбить из шестиствольного миномета «ванюши». Тут ранило командира роты. Нам было очень его жалко. Хороший человек, такой герой, всегда ободрял всех. Командир полка приказал его отнести до командира дивизии. А затем нам подали подводу, и мы поехали обратно. В первый раз мы уничтожили 15 гитлеровцев и два пулемета.

Документ № 33

«...мы перетаскивали раненых в медпункт ночью, причем таскали в Сталинграде все время на себе, так как подвод никаких не было...». Из беседы с военфельдшером Анной Киприяновной Стойлик – командиром санитарного взвода санитарной роты 308-й стрелковой дивизии.

Под Котлубанью мы организовали ВМП, который находился сзади боевых порядков батальона. Местность была ровная, а наш пункт находился в овражке. Я была при батальоне, но

не с ротой, а мы с одной девушкой ходили раза два-три на передовую просто из любопытства сначала, а потом, когда 17 сентября попали в наступление и было большое количество раненых, мы вытаскивали их на носилках с поля боя и подтаскивали к овражку, кто не мог сам ползти. Противник нас захватил, когда мы еще не сумели окопаться. Ночью мы стали отходить. В каждой стрелковой роте у нас было по 5 девушек. Здесь некоторые девушки повыходили из строя. Мы выходили ночью на передовую, подтягивали носилки к передовой, собирали раненых и возили в санроту. Нам приходилось перевязывать большое количество раненых и не своего батальона. Мы были расположены в таком месте, где мимо проходило много народа. Приходилось оказывать помощь людям, которые не могли дальше идти. В тяжелом состоянии мы раненых дальше не отправляли, а они лежали в окопах, а кто мог, шел дальше после перевязки. Много раненых мы отправили на лошадях.

Хорошо показала себя Савченко. Она много вынесла раненых с поля боя и была представлена к награде, но ее переправили в другую дивизию и я о ней уже ничего не знаю. Выносила раненых на шинели, на палатках и на себе, иногда по-пластунски, иногда даже во весь рост.

Робинова выносила раненых вдвоем с одной девушкой. 17 сентября в ночь ранило командира пулеметной роты батальона. Она осталась с этим раненым. Вместе с той девушкой вынесла этого раненого, причем двигались они по звездочке как им сказал комбат, а когда звездочка скрылась, они потеряли всякое направление, намучились, не знали куда идти, но притащили раненого в батальон. Это был тяжело раненный, он потом погиб. Вообще под Котлубанью нам досталось. 26 или 27 сентября у нас ранило военного фельдшера командира санвзвода. Тут я стала работать командиром санитарного взвода, военным фельдшером.

Последнее время полковая санитарная рота стала выезжать для помощи нам. Когда уже было большое количество людей, которых мы переправили дальше, оказав им помощь. Мы старались отправлять раненых на свободных повозках вместе с боеприпасами и кухней, которые отъезжали. Брали повозки и из других дивизий, иногда даже под угрозой оружия. Затем давали адрес куда везти, в какую санитарную роту полка. Потом мы вышли из боев под Котлубанью, как и вся дивизия, два дня постояли для отдыха и нас перебросили в Сталинград. В Сталинграде нас осталось мало – всего из 19 девушек 1 военфельдшер и 6 санитарок прибыли в Сталинград, среди них были раненые.

...И больше всего мы перетаскивали раненых в медпункт ночью, причем таскали в Сталинграде все время на себе, так как подвод никаких не было. Днем же раненых группировали где-нибудь в одном месте. Вначале наш батальон продвигался вперед, а потом его взяли в окружение, и здесь у нас вышло из строя 13 человек из батальона, и приходилось перетаскивать раненых на себе.

Когда мы стояли около нефтебаков, возле электростанции, мне часто приходилось вытаскивать раненых. Девушек в ротках я отправила подальше, а сама пошла на передовую вместе с санинструктором и еще одной девушкой из другого батальона. 24 октября наш батальон был взят в окружение. Тут все батальоны были сведены в один, и в нем находилось 40 человек. Когда КП полка забросали гранатами, командир полка попросил помощи. Он приказал, чтобы батальон держался на месте. Выходить было некуда. Когда 10 человек пробовали выйти, они не вернулись, здесь противник начал бить артиллерией, минометами и автоматами. Днем к нам близко подошел танк и уничтожил много бойцов пехоты. Приходит командир роты и говорит, что надо принимать какие-то меры. Связи с полком мы не имеем. Комбат принимает решение выйти. Здесь остался один связной, три девушки, начальник штаба и комиссар. Как только мы выползли по ходам сообщения, Усольцев и Усольцева (однофамильцы) поползли в воронку. Комбат побежал к оврагу, и я с Робиновой заскочили тоже в овраг. В это время Усольцеву убило, а Усольцева ранило, и он вышел в овраг. Тут много народа сбежалось в овраг из других полков, и начали отходить по оврагу. Был ранен один боец, одна девушка, которым мы оказали помощь и взяли их с собой. Одну девушку из другого полка оттащили в блиндаж.

26-го октября мы стояли на самом берегу. Противник повел сильный минометный огонь. Не было возможности выйти. Ранило одного бойца. Я побежала к нему. Противник в это время начал стрелять беглым огнем. Я пригнулась к блиндажу, а затем выскочила. В это время рядом одному минометчику было нанесено шесть ран. Я раздела и перевязала его, но у меня не хватало сил его перетащить. Тут ко мне подбежала Робинова и мы вместе с ней дотащили его в блиндаж. Он пришел в сознание, попросил пить. К Волге за водой бежать надо по открытому месту, воды у бойцов во фляжках не было. Я побежала к Волге за водой, принесла воды, напоила раненого и оставила его в блиндаже. Вечером [вытащила] его на себе до санроты километра два на плащ-палатке. Носилок у нас не было. Мы завязывали концы плащ-палатки и выносили на

плечах. Немцы в это время минометами и автоматами простреливали овраги.

Был ранен командир нашего полка в ногу. Оружие мы выносили вместе с ранеными. Если некоторые бойцы бросали оружие, мы его подбирали, но учета собранного оружия мы не вели. В этот день пришлось вынести десять тяжелораненых с поля боя. В тот день, когда ранило нашего начальника штаба батальона и помощника начальника штаба, мы перевязали их, оставили в укрытии до вечера, а вечером выносили на медицинский пункт. Когда мы выносили раненых по оврагу, он казался нам очень длинным. Овраг все время простреливался. В середине протекал ручей. На носилках не было возможности нести раненого, так как там был узкий проход, и мы несли поспенно на себе и на плащ-палатках... Всего я вынесла 97 раненых в Сталинграде... За свою работу награждена Орденом Красного Знамени.

Документ № 34

«Все живое в полку зарылось в землю». Из беседы с Генрихом Ароновичем Фугенфировым – командиром 1011-го артиллерийского полка.

Для артиллерийского полка период боевых действий под Котлубанью был очень хорошим в смысле открытой местности, где весь полк со всеми своими порядками был как на ладони и притом в непосредственной близости от переднего края 2 – 1,5 километра. Несмотря на постоянную авиабомбежку противника с воздуха при залете 50–60 самолетов одновременно, все огневые задачи полка были своевременно и массированно выполнены [...].

Характерно, что тыл нашего полка находился также на открытом месте. Местность представляла собой открытое плато, почти не пересеченное никакими оврагами. Выходящие из строя орудия на поле боя артиллерийским снабжением полка немедленно ремонтировались и вновь водворялись в строй. Начальником артиллерийского снабжения был техник-лейтенант Израилев, начальником мастерской техник-лейтенант Козлов и младший воентехник Трусов. Несмотря ни на какую бомбежку, огневая мощь нашего полка за все время боя ни разу не сократилась. Все живое в полку зарылось в землю, снарядов было достаточно, голода в артиллерийских выстрелах не ощущалось. Батареи выпустили до 800 штук снарядов в течение светлого времени. Все поле боя покрывалось сплошным заревом, мглой и порохом. Командиры батарей и коман-

диры дивизионов постоянно находились в боевых порядках пехоты. Вопросы взаимодействия увязывались на месте. Так, например, в ночное время передовые пункты командиров-наблюдателей всегда оставались на месте и обеспечивали отдых пехоте. Весь артиллерийский огонь был спланирован настолько, что полностью обеспечивал расположение частей дивизии.

И нужно сказать, что даже молодые командиры, которые только что попали в полк, восприняли события неплохо. Сначала жались друг к другу, а потом приобрели опыт и стали воспринимать события иначе. В артиллерии есть своя специфика: командный состав находится непосредственно у поля боя, а огневые позиции находятся подальше. Политсостав находится в расположении огневых позиций для обеспечения боеприпасами и приема всех указаний.

Чем характерен Сталинградский бой? Командный состав уже приобрел опыт и мог ориентироваться в обстановке. Была уверенность в том, что раз командир занял наблюдательный пункт, он не уйдет оттуда до конца, а поэтому выберет такой наблюдательный пункт, чтобы он был обеспечен.

Особенностью сталинградских боев было то, что нас разделяла Волга, причем полк еще в период формирования не был достаточно обеспечен средствами радиосвязи. В полку находилось около 6 радиостанций. Там весь личный состав полка понял, какое огромное значение имеет радиосвязь. Радиосвязь являлась для артиллерии основным, что связывало все пушки с наблюдательными пунктами.

Нельзя не остановиться на таком факте, когда приходилось управлять огнем всего полка непосредственно самому через свой штаб, потому что все командиры дивизионов были связаны со мной телефонной связью. Одна радиостанция находилась на моем наблюдательном пункте, другая – по ту сторону Волги в расположении одного из дивизионов полка, а все батареи и дивизионы полка были связаны телефонной сетью, подведенными коммуникациями к этим двум радиостанциям. Таким образом, через эти две радиостанции вызывался огонь всего полка. Надо сказать, что огонь под Сталинградом был массированным и строго спланированным. Была составлена схема огня, все планирующие документы, все занумеровано, и достаточно было сказать определенный шифр, как все уже грохотало. Характерно, что район наблюдательных пунктов находился всегда под постоянным огневым воздействием противника, как минометным, так и авиационным. Два раза радиостанция наша была засыпана вместе с радистом старшим сержантом Санниковым, которого мы выкапывали, отчищали

и приводили в сознание. И первым вопросом, после того как он приходил в себя, был вопрос о радиостанции. Он ее тут же отремонтировал и она снова на нас работала.

С другой стороны огневой позиции был сержант Сенков, который так же дважды засыпался, так же приводили в чувство и так же ремонтировал свою радиостанцию. И течение всех сталинградских боев радиосвязь у нас не прекращалась. Оба эти товарища были представлены к правительственной награде: ордена Отечественной войны 1 степени.

Нужно сказать, что основной поддержкой дивизии был наш полк. Все приданные полки по своему краткому периоду подготовки не обеспечивали спокойного существования дивизии. Надо поставить в заслугу полка, что в период, когда стрелковые части были распоряжением командира выведены на правый берег Волги, наш полк продолжал поддерживать другие части 62-й армии. Мы поддерживали полк 95-й дивизии, ныне гвардейской. Тогда был даже спор среди полков. Когда они получили задачу на соединение с частями 339 полка нашей дивизии, они сказали, что будут выполнять задачу, если их поддержит 1011-й арtpолк. Когда я представился командиру полка ночью, во время как он отдавал приказ на наступление, он заметил, что теперь, несомненно, они задачу выполняют, поскольку с ними наш 1011-й полк. Вообще надо сказать, что командиры полков, которых мы поддерживали, были нами довольны.

Гуртьев, всеми уважаемый и любимый командир дивизии, почти с исключительным хладнокровием и спокойствием вел нас в бой. Под Котлубанью он сам делал рекогносцировку того участка, где были командир стрелкового полка и начальник штаба артиллерии дивизии Гуртьев совершенно не боится пуль, настолько, что все время приходилось его останавливать, просить ложиться и нагнуть голову. Он не обращает внимания на пули, без всякого волнения отдает приказ, рекогносцировал местность и принимал свое решение. Его приказы выполнялись как ничьи, не только потому, что это требуется по уставу, а из чувства глубочайшего уважения к нему. Это – исключительный человек. Наш генерал никогда не кричит, никогда не ругается, но уж если он только изменит интонацию своего голоса, это значит, что нужно работать лучше и лучше выполнять его приказ. И приказы генерала всегда выполнялись. Любят его не только командиры, но и бойцы, которые его хорошо знают, потому что он все время разъезжает по частям. Он тщательно знакомится с бытом бойца, не пройдет мимо кухни без того, чтобы не зайти и не попробовать

того, что ест боец, солдаты его любят. Я как-то ехал с ним в машине. Он с такой любовью отзывался о солдате. Он журит и ругает бойца, как старый прожженный боец, а потом говорит: «Хороший боец из него вырабатывается, прекрасный воин».

Скромность генерала исключительная. 16 октября, когда немцы были на расстоянии 120 метров от нас и, несмотря на то, что КП находился в непосредственной близости от частей наступающей немецкой армии, он никуда не вышел. Наоборот, все части сгруппировались вокруг КП и не пропустили немцев, после чего один из полков 95-й дивизии сменил наши боевые порядки, а нам дали возможность отойти на правый берег Волги.

Документ № 35

«11 сентября 1942 года был самый жаркий для наступательной дивизии бой, особенно для 339-го полка...». Из беседы с капитаном Иваном Васильевичем Максиным – начальником политотдела дивизии по работе среди комсомольцев.

Как комсомольский работник, и ранее, будучи воспитателем учащихся средней школы, я старался выработать из себя настоящего фронтового комсомольского работника и воспитывать в людях лучшие качества на примерах комсомольцев, показавших себя героями Отечественной войны: Арнольда Мери, Ильи Кузина, Зои Космодемьянской. Таким образом, вырабатывая свой характер фронтовика, одновременно воспитывал на образах этих героев и комсомольцев в беседах с комсомольцами подразделений, организаций, в беседах с девушками-комсомолками [...].

В этой обстановке, в какую мы попали в районе Котлубани, было очень трудно навести порядок в комсомольском хозяйстве, и руководство не всегда было оперативным у наших комсомольских организаций. Тов. Шейко был образцом настоящего организатора-комсомольца. Он знал на каждый день, когда и сколько человек комсомольцев выбыло из строя по тем или другим причинам: ранения, смерти, болезни и т. д. Каждый вечер бюро подводило итоги своей комсомольской работы. Члены комсомольского бюро собирались в назначенном месте, обычно после горячего боя, в период относительного затишья, и подводили итог боевого дня: в какой комсомольской организации сколько за сегодня выбыло комсомольцев, сколько осталось в строю, какой подвиг и какой комсомолец из какой организации совершил. Подвиги комсомольцев обобщались на этом за-

седании бюро, и потом вырабатывалась линия популяризации этих людей, чтобы героя дня завтра же, сегодня же в организации комсомольцев. Члены полкового бюро расходились по своим подразделениям, приближаясь к низовым комсомольским организациям, и несли с совещания все вопросы и итоги совещания, героика комсомольцев в массы, на фронт. Докладывали комсомольцам, собирая их маленькими группами в окопах, на рубежах, иногда и в ночное время, об итогах совещания и рассказывая о подвигах, совершенных комсомольцами других подразделений. На следующий же день все комсомольцы знали о том, кто является среди комсомольцев героем дня.

Одним из характерных комсомольских собраний, популяризирующих героев дня – комсомольцев и комсомолок, было комсомольское собрание, которое провел сам секретарь комсомольского бюро тов. Шейко в санроте после смерти одной героини-комсомолки, награжденной посмертно орденом Красного Знамени, Лели Новиковой.

Лелю Новикову все знали. Сначала она не внушала того доверия, которое потом оправдала на фронте. Она была больше похожа на балерину. Во время подготовки к бою ходила на высоких каблучках. Работала она чертежницей, но все время рвалась на фронт, на передовую. Многим казалось, что она проявляет недисциплинированность, не хочет работать по своей основной работе. Но она все время просилась в батальон санитаркой, чтобы выносить раненых из-под пуль на передовой линии. И в конце концов, ее пустили на передовую именно за недисциплинированность.

11 сентября 1942 года был самый жаркий для наступательной дивизии бой, особенно для 339-го полка. В этом жарком бою в течение многих часов Леля Новикова проявила исключительный героизм. Она перевязывала раненых, тащила их в укрытие под ураганным огнем пулеметов и минометов противника, не считаясь с тем, из какого подразделения и какой роты был раненый. В этот день она истратила свыше 50 бинтов для перевязок, тратя на каждого раненого один индивидуальный пакет, то есть вытащила с поля боя и перевязала 50 раненых бойцов и командиров. Вечером она вернулась с поля боя, я был в полку, а до этого, еще в период учебы и подготовки к боям у меня с ней состоялась такая беседа: «Леля, ты хорошая комсомолка, образованная, у тебя прямо артистический талант читать стихотворения. Если бы ты была более дисциплинированной девушкой, то могла бы и в партию попасть. Мы бы тебя рекомендовали в партию. Покажи себя». Она отвечала, что не может вступить в партию, потому что

пока не проверила себя в боях. «Не знаю, какой я буду в самых жарких боях, – сказала она, – вот если я хорошо буду себя вести на фронте и покажу себя, я пойду в партию, но раньше я должна попасть на передовую». Так она и добилась своего.

Когда она вышла из этого жаркого боя с засученными рукавами, руки до локтей в запекшейся крови, и их нельзя ни где было помыть, поскольку у нас с водой было очень плохо, и не только помыться, но и попить порой нечего было, она пришла к нам на закате солнца, и тут мне уже сказали, что Леля проявила героизм в боях. Бойцы ее почти на руках принесли из жаркого боя. Первыми ее словами, когда она к нам пришла, были: «Теперь я прошу вас оформить меня в партию. Теперь я себя проверила, что я никогда не струшу в любом жарком бою». И она с таким восхищением рассказывала о том, как пролетали вокруг нее снаряды и пули автоматов, и как ей бойцы кричали: «Сестрица, помоги!» И как она вытаскивала раненых с поля боя. Она была полна впечатлений этой фронтовой жизни, изливала свою душу и просила оформить ее членом партии.

На другой день был опять жаркий бой. Командир батальона, которому Леля Новикова спасла жизнь, ночью вытащив его из-под ураганного огня противника, подарил ей пистолет. Она повесила его через плечо и снова на второй день в жаркий бой. После двух часов боя пуля немецкого автоматчика ее сразила – три попадания в голову. И Леля погибла.

И вот, когда тов. Шейко пришел в комсомольскую организацию роты, он прямо поставил на повестку дня один вопрос – героический подвиг Лели Новиковой. Надо сказать, что это собрание было образцовым в смысле воспитания комсомольцев. Тов. Шейко зашел в комнату. Все комсомольцы встали. Он поздоровался и сказал: «Комсомольское собрание санитарной роты считаю открытым. На повестке дня один вопрос – героический подвиг комсомолки Лели Новиковой». Навел порядок и взял слово, потому что он знал о ее подвиге и умел его рассказать. Прежде всего, он попросил всех встать и почтить память Лели Новиковой, героически погибшей на поле боя с немецкими захватчиками. Все встали, у многих на глазах были слезы, все жалели Лелю. Она была очень веселая и подвижная. Тов. Шейко рассказал о ее подвиге. Затем выступили девушки, которые поклялись, что будут сражаться с немцами так же, как Леля. После клятвенных слов комсомольское собрание постановило: в боях за социалистическую родину с немецкими оккупантами всем комсомольцам быть достойными поведения Лели Новиковой. Также было постановление просить партбю-

ро о принятии ее в партию – принять ее в ряды коммунистической партии большевиков и считать членом ВКП(б).

Подвиг Лели Новиковой сразу стал достоянием комсомольцев всех организаций полка. В наших фронтовых и нашей дивизионной газете появились статьи о Леле Новиковой, в том числе и моя статья. Затем комсомол ходатайствовал о посмертном награждении Лели Новиковой, и она была награждена посмертно орденом Красного Знамени. Ее матери мы написали теплое письмо, но не получили ответа, так как она эвакуировалась из Воронежа [...].

Был у нас еще подвиг комсомолки-сибирячки Зои Роковановой. Зоя Рокованова в гражданских условиях работала в редакции районной газеты наборщиком. К нам в дивизию она пришла добровольно с таким же желанием и стремлением попасть на передовую, как и у Лели Новиковой. Ее брали работать по специальности к нам в редакцию газеты, но она хотела быть на передовой. И вот в Сталинграде санитарная рота, в состав которой она вошла, занимала рубеж обороны – один дом. Из подразделения, в котором она находилась, остались единицы, в том числе два средних командира-комсомольца. Немцы все мощь своего огня обрушили на тот дом, где они находились, стремясь заблокировать его и обойти. Часть защитников этого дома погибла, несколько бойцов было ранено, и Зоя Рокованова оказывала первую помощь, в том числе, и среднему командиру. Когда немцы превосходящими силами стали блокировать дом, штурмуя его, из окна этого дома один командир и Зоя Рокованова все время сбрасывали на головы гитлеровцев гранаты. Немцы залегли. Путь в дом был прегражден гранатами, и они откатились от дома. Через несколько минут в этот дом посыпались зажигательные мины, дом начал гореть. Когда из окон дома повалили клубы дыма, наши подразделения старались прорвать блокировку немцев, сделать ворота и вывести оттуда наших людей, но этого сделать не удалось. И когда немцы подходили вплотную к дому, бойцам подразделения было слышно, как они кричали: «Рус, сдавайся!», – тем, кто оставался еще в доме, и бойцы видели, что из окон в клубах дыма вновь на головы гитлеровцев было сброшено несколько гранат. И затем наступило молчание. Только кричали немцы, но на их вызов и гнусные крики никто не вышел.

После того, как на третий день этот дом был вновь отбит у немцев, мы нашли там обуглившиеся тела наших героев, в том числе и Зои Роковановой, патриота родины, которая помнила слова Арнольда Мери о том, что комсомольцы с поля боя

не уходят, что комсомольцы в плен не сдаются, и их только уносят с поля боя. Этот долг выполнила Зоя Рокованова. Она знала, что фашистский плен хуже смерти, и решила сгореть, но не сдаться в плен.

Документ № 36

«4 октября наши подразделения показали свою большую стойкость. Весь день шел бой, и у нас не было ни одного бойца, дрогнувшего или ушедшего с поля боя». Из беседы с Александром Федоровичем Кошкаревым – секретарем партбюро 339-го полка.

Наша часть прибыла в Сталинград, и мы переправились с 1 на 2 октября на ту сторону Волги. Противник заметил, как мы переправлялись, и открыл по нас сильный минометный и артиллерийский огонь. Часть наших подразделений переправилась, а другая часть переправилась с наступлением темноты на остров против завода «Баррикады». Утром мы сосредоточились на берегу Волги и вышли в садик на площадке Сталинградского тракторного завода. Там мы пробыли день, так как был налет авиации, соблюдая все правила маскировки и заняв оборону.

В ночь с 2-го на 3-е наши подразделения заняли основную оборону у Аэропортовского сада. Мы имели возможность оборонять свои оборонительные рубежи ночью, так как днем авиация противника действовала непрерывно. С 3-го на 4-е наши части продолжали оказываться и усовершенствовать свою оборону.

Штаб нашего полка поместился в здании «Гастроном». Левее этого здания был Аэропортовский сад, где были расположен наш батальон. Спецподразделения были справа от этого здания... Артиллерии у нас еще не было, она была на марше. В этом здании находился штаб дивизии, но 3-го числа в ночь они ушли, так как была попытка со стороны немцев обстрелять это здание.

4 октября немцы начали атаку как раз на боевые подразделения, находившиеся в Аэропортовском саду и в самом здании, в котором поместился штаб полка и подразделения комендантского взвода. Примерно часов с 11-ти начался сильный штурм 15-ю танками и пехотой. Немцы шли с фронта и все время старались зайти с правой стороны и прорвать нашу оборону.

Они установили против нас пять или шесть танков, и попеременно били прямой наводкой по зданию. На боевые порядки также была атака пехоты с танками. Танки подходили к

нам на 20–30 метров. В этот день было подбито 8 танков. Мы это здание не сдали и выдержали бой в очень трудных условиях, не имея никакой связи. Немцы зажгли в конце концов здание и надо было его тушить во что бы то ни стало. Тушили и песком, и винтовками и одновременно вели бой [...].

4 октября наши подразделения показали свою большую стойкость. Весь день шел бой, и у нас не было ни одного бойца, дрогнувшего или ушедшего с поля боя. Ни одно подразделение не ушло со своего рубежа, несмотря на то, что танки подходили на расстояние 30–40 метров, и у нас не было противотанкового оборудования, не были заминированы поля и единственным средством борьбы были гранаты и бутылки с горючей жидкостью.

Как вели себя коммунисты? На партийном собрании выступал командир комендантского взвода коммунист старшина Кровелев и сказал, что нам оказана большая честь защищать город, который носит название великого Сталина, и мы должны эту честь оправдать перед народом, родиной и Сталиным. Он взял на себя обязательство мобилизовать бойцов на стойкую борьбу и как коммунист показать свою авангардную роль и вести борьбу до последних сил.

Ночью во время боя комендантский взвод был на втором этаже здания в количестве 13 человек. Сам Кровелев стрелял из автомата и уничтожил 11 немцев. Когда был убит боец, стрелявший из противотанкового ружья, Кровелев взялся стрелять сам из этого ружья и подбил в этом бою два танка. Он был ранен в руку, но из боя не выходил и продолжал стрелять. После того как он был ранен еще в ногу и в грудь, его почти без сознания вынесли с поля боя. Он дрался до последних сил. В этом бою он завоевал любовь всех бойцов, увлекая их своим личным примером.

Был у нас помощник начальника штаба по разведке лейтенант Жигалин. Когда штаб находился внизу здания, и мы отстреливались, у нас не было автоматического оружия. Жигалин достал где-то неисправный пулемет ручной, прочистил его и приготовил к бою. Затем поставил этот пулемет в дверях здания, снял с себя пилотку, стал у этого пулемета и начал отстреливаться. Пулемет сыграл очень большую роль не только боевую, но и оказал психологическое воздействие на бойцов: когда заработал пулемет, настроение у всех поднялось, все стали активней действовать и таким образом не дали проникнуть немецкой пехоте к нашим частям.

Заместитель командира 2-го батальона коммунист тов. Носков также своим личным примером увлекал бойцов. У них

не было противотанковых гранат. Он послал бойца за гранатой, тот принес одну гранату, и когда танк был на расстоянии 40 метров, он сам пополз с адъютантом, чтобы подорвать этот танк. В этой операции он был тяжело ранен.

Бой 4 октября проходил весь день. Наши подразделения не отступали ни на шаг назад, и здание, на которое напирали немцы, осталось в наших руках.

Здесь показал исключительный героизм лейтенант Шонин, комсомолец. Он подал заявление о приеме его в партию, но нам не пришлось его принять - он был убит 5-го числа. Он лично подбил 3 танка.

С наступлением темноты мы из здания «Гастроном» вышли, потому что считали нецелесообразным оставаться там. Часть бойцов и командиров у нас вышла из строя, и мы знали, что немцы хотят взять здание, во что бы то ни стало, а у нас не было подкрепления. Мы перешли в другое помещение, которое стояло ниже метров на 100–150, заводской поликлиники, стоявшей буквой «Т».

5-го числа наши подразделения вели бой. Штаб находился уже в здании поликлиники. Помещение было полуподвальное. Туда собрались все наши остальные подразделения, в том числе артиллеристы. Нам был придан ряд подразделений, поддерживающих нас (противотанковый дивизион из пулеметного батальона, наш дивизион артиллерии). Вечером 5 числа основной нашей задачей было увязать действия частей между собой и построить крепкую оборону. Когда приходило совещание с командирами подразделений по увязке взаимодействий, в штаб попала бомба прямым попаданием и всех, кто там был, убило: командира полка, военкома полка, начальника штаба, двух помощников командира полка, заместителя начальника политотдела, ст. батальонного комиссара, представителя фронта, адъютанта и других. Я случайно не оказался там, так как должен был пойти за документами за Волгу. Остались живы в этом помещении я, Жигалин и Фугенфиров. Жигалин принял на себя команду. Я в этой части был недавно, Жигалина я знал и просил его принять команду, наладили связь с батальонами и со штабом дивизии. Я остался в этом помещении, чтобы организовать работу по откапыванию трупов [...].

«Как проводилась партийно-политическая работа в Сталинграде? Еще при подходе к Сталинграду нам вручили листовки участников обороны Царицына, которые выступили с обращением к сталинградцам, чтобы они не посрамили боевых традиций города Сталина и обороны Царицына. Было у

нас также обращение Героя Советского Союза генерал-майора Родимцева в связи с подготовкой к Октябрьской годовщине. В этом обращении было сказано о том, чтобы отстоять Сталинград во чтобы то ни стало и не сдать врагу. Провели партийные собрания, на которых выступали партагитаторы и широко прорабатывали эти документы. Коммунисты и комсомольцы давали соответствующие обязательства. Документы довели до каждого бойца нашей части и поставили перед ними задачу выйти из Сталинграда или победителями или умереть со славой ...

Перед боем 13 октября была проведена соответствующая партийно-политическая работа по доведению задач до сознания бойцов. В это время вся партийно-политическая работа проводилась по разъяснению тех моментов, о которых я говорил. Были у нас такие письма сталинградцев к тов. Сталину и ряд других документов, которые мы прорабатывали вместе с бойцами. Мы все время напоминали бойцам о принятых ими обязательствах. Тут было внесено новое – каждый боец должен был открыть лицевой счет по индивидуальному учету убитых немцев и этот лицевой счет стал по существу стимулом к соревнованию – кто больше уничтожит немцев. Мы проверяли потом эти лицевые счета и, если не было убитых фрицев на лицевом счету, мы убеждали и стыдили товарищей.

Вся эта работа способствовала тому, что без всяких потерь был взят банно-прачечный комбинат, тут сыграло роль и то, что каждый боец знал свою задачу, что именно он должен был захватить в момент атаки. Слева 3-й батальон был обеспечен прикрытием 1-го батальона, чтобы отвлечь фланкирующий огонь от 3-го батальона.

Документ № 37

«В этом бою было уничтожено 23 немецких танка и истреблено до двух батальонов пехоты противника...».
Из беседы с подполковником Чамовым.

В 22 часа 30 мин я от командира дивизии получил приказ вывести полк из окружения. Дело было организовано так, что помощники начальника штаба и начальники служб были направлены в батальоны и должны были проникнуть с батальонами сквозь порядки немецкой пехоты с боем при поддержке артиллерийского огня. Была поставлена задача вывести батальоны на новый рубеж обороны командира штаба. С этой задачей мы справились и к ночи личный состав, а также раненые, были выведены из окружения и заняли новый рубеж

обороны по линии южной и восточной частей? завода «Баррикады» полукольцом.

В этом бою было уничтожено 23 немецких танка и истреблено до двух батальонов пехоты противника. Одновременно было уничтожено до 7 минометных батарей противника. Артиллерийским и минометным огнем подавлен огонь двух артиллерийских батарей, захвачены трофеи, в частности, минометы в количестве 6 штук.

Ни один боец из личного состава полка не оставил в эт.... поля боя самостоятельно, даже и раненые.

У того же сержанта Болтенки заклинило замок у 40-мм орудия, которое было выведено из строя. Дважды к нам прибегал красноармеец и спрашивал, что делать с пушкой: вывезти ее с поля боя или оставлять. Пушку было приказано вывезти с поля боя.

Характерно, что в плен мы тогда брали больше: ...ездовых, поваров и т. д. По-видимому, немцы делали ставку на последние резервы...

После отхода наш полк оборонял южную и восточную часть завода «Баррикады», а также район улицы Новосельской около школы-семилетки.

21 октября при наступлении противника одно трехэтажное кирпичное здание обороняло подразделение ст. лейтенанта Новиткова. Это здание было окружено немецкими танками. Было отбито 11 немецких атак в течение дня и сожжено 3 танка. Часть бойцов и командиров погибла в дыму и огне. Из горящего здания не выходили до тех пор, пока стало невозможно дышать в дыму и огне.

27 октября противник в течение дня вел массированный артиллерийский и минометный огонь, сочетая его с авиационной подготовкой. Обычно эта авиационная подготовка начиналась с рассветом и заканчивалась по всем нашим данным в 18.30 и 18.45 вечера. В это время обычно полагалось наступление со стороны немцев.

В 12.30 мне сообщают с КП командира дивизии, что будет «концерт». И действительно, «концерт» начался в 12.40 и длился до 13.20, в течение 40 минут. Выражался он в артиллерийской подготовке. Тут начала интенсивно действовать наша артиллерия, которая стояла по ту сторону Волги. В результате массированного, очень культурно и грамотно построенного артиллерийского огня в сторону противника, была парализована всякая попытка со стороны немцев к дальнейшему наступлению. Связь у них была порвана, огневые средства подавлены, и в течение двух часов после артиллерийской

подготовки не только огонь минометов, но даже огонь автоматчиков затих. Наступила настоящая тишина.

28 октября противник прорывается силой до роты автоматчиков к моему полку с попыткой выйти к Волге в «Овраг смерти», как мы его называли. Стали обстреливать КП полка из автоматов с разрывными пулями. Для ликвидации прорыва были приняты все меры – я вывел в бой даже штаб полка во главе с начальником штаба капитаном Сергиенко, с командирами штаба и начальниками служб полка, и с группой в 13 человек вступил в бой с ротой автоматчиков при поддержке 50-мм миномета. В результате этого боя было уничтожено до двух взводов немецких автоматчиков, остальные были отброшены и обращены в бегство, причем бежали они метров 200. В этом бою от ранения осколком в грудь погиб капитан Сергиенко, награжденный орденом «Красного Знамени».

Один дом, который мы называли «Белый дом», обороняло подразделение ст. лейтенанта Новиткова и подразделение ст. лейтенанта Баландина, бывшего артиллериста. В течение дня было отбито этим гарнизоном 17 атак противника, уничтожено два танка, и в результате успешных боевых действий гарнизон перешел в наступление и продвинулся вперед на 100 метров. В этом бою отличился уполномоченный особого отдела ст. лейтенант государственной безопасности тов. Киреев.

С 29 октября до 2 ноября личный состав полка продолжал сдерживать натиск противника. В подразделении ст. лейтенанта Баландина осталась небольшая группа людей. Из них 70% раненых. Это было в 12 часов дня. После того как мне доложили о создавшемся положении, я разрешил раненым оставить поле боя. Характерно, что из 17 человек ни один не вышел – все остались вести бой и вышли с поля боя только с наступлением темноты.

Командир дивизии генерал-майор Гуртьев, прежде всего, один из скромнейших людей. Это его характерная черта. На первый взгляд даже кажется, что это безобидный человек. Очень простой человек, душевный, заботливый. У него можно выиграть десять боев, но если не накормить одного человека – опозоришься на весь свет. Во время боев ко мне в «Овраг смерти» днем приходил генерал-майор, не считаясь с опасностью, вместе с начальником политотдела Смирновым. Пробыли они у меня полсуток, смотрели, как бойцы ведут бой. От передовой линии находились в каких-нибудь 150 метрах. Ежеминутно интересовались обстановкой...

Командир дивизии предоставляет в своей практической работе большую самостоятельность и инициативу командирам полков и с их мнением всегда считается.

Был такой случай. Вижу, что я ничем не могу помочь командиру дивизии, ничего ему не могу дать – все уже поставил на карту. Решил ему об этом не говорить. Сказал, что все в порядке как на войне: они стреляют, и я стреляю. А на самом деле у меня образовался чуть ли не прорыв на левом фланге. В докладе начальнику штаба дивизии по телефону я об этом сказал, но знаю, что помочь они мне не могут и решил делать все, что от меня зависит. Каким-то образом Гуртьев подслушал наш разговор по телефону и тут же спросил, в чем дело. Помочь он мне не мог и сказал: «Подумай, что можно сделать, но ты знаешь, что у меня ничего нет, я сижу один и дать тебе ничего не могу».

Он требовательный в меру, я бы сказал, культурно требовательный. Он крайне тактичен в своих требованиях и эта требовательность как-то внушительно сочетается с прозорливой убежденностью. Этим он заставляет себя уважать и располагает к себе. Голоса он никогда не повышает.

Личный состав очень хорошего мнения о командире дивизии. Куда бы он не приезжал, он, прежде всего, идет на пищеблок и спрашивает, сколько там продуктов, какой будет обед. Красноармейцы после этого говорят: «Сегодня обед будет хороший. Здесь генерал-майор». А на самом деле обед как варился, так и варится и остается таким же. Спрашивал нашего повара, как он наливает суп. Тот сказал, что на два пальца до края. Так ведь пальцы-то бывают разные: большие и маленькие. Ты наливай на два маленьких пальца.

Положительным является то, что он знает людей, и не только руководящий состав, но и рядовой состав. Обладает исключительной памятью: помнит все фамилии на память. Любит, чтобы все было в порядке по уставу. Очень щепетильный в отношении соблюдения устава человек. Все его уважают за скромность, душевное отношение к людям в сочетании с требовательностью и за знание своего дела. Плохого мнения о нем нет.

Документ № 38

«Только я успел войти в блиндаж, как противник сбросил 250-тикилограммовую бомбу и нас 9 человек завалило». Из беседы со старшим лейтенантом Калининым.

Командир полка мне позвонил, чтобы я явился к нему и отдал материал по разведке. Только я успел войти в блиндаж, как противник сбросил 250-тикилограммовую бомбу и нас 9 человек завалило. Там была минута растерянности, но потом я

нащупал рукой лопату, догадался, откуда поступает воздух, и стал разгребать лопатой отверстие. Оно становилось все шире и шире, но все-таки было очень узкое, чтобы пролезть. Командир полка говорит мне, чтобы я лез. Я был самый маленький среди всех. Попробовал протиснуться между двух балок, но пролезть никак не мог. В это время противник опять бросил бомбу, и меня опять завалило. Я остался висеть на одной руке. Соседний блиндаж также завалило, и я им закупорил воздух. Потом, когда раскопали блиндаж, меня вытащили живым.

Ранен я был так. Я залег в ров. В это время немцы открыли сильный минометный огонь. Тут был отсекретарь полка. Вижу, противник делает недолет. Теперь, думаю, надо отойти в сторону. Не успел подумать, как чувствую, что-то ударило в ногу. Отсекр спрашивает: все ли живы? Посмотрел ногу, вижу – кровь в нескольких местах. Отсекр мне говорит, чтобы я шел в санитарную роту. Когда я туда шел, меня ранило во вторую ногу. Прихожу в санитарную роту, но и тут налетала авиация. Блиндаж санитарной роты был сделан из ящиков из под снарядов «катюш» и засыпан песком. Я зашел к ним в этот блиндаж, мне сделали перевязку, дали помощь.

Попробовал встать на ноги – не могу. Мне сказали, чтобы подождал катера. Хотел сам идти к переправе – девушки не пускают, а одна солидная дивчина говорит: «Садись на меня». Мне не хотелось этого делать, но все же, она меня понесла. Там осталось метров сто, и меня перетасили вдвоем, посадили на катер и перевезли на ту сторону Волги.

Документ № 39

«Открыли огонь, и пошли в атаку». Из беседы с подполковником Кушнаревым.

17 октября 1942 г. противник прорвал соседа справа и начал резать боевые порядки нашего полка, подойдя к КП, который находился на заводе «Баррикады». С 13.00 связь с батальонами была прервана. Штаб, комендантский взвод и рота снайперов, которая в это время была там, вели бой в окружении до 21 часа. Отбили восемь ожесточенных атак. У нас был гранатный бой. Сначала действовали гранаты, потом выводили из строя снайперы. Во время этого боя было уничтожено больше 100 фрицев, захвачены ценные документы от убитого офицера, и с наступлением темноты в 22.00 я и весь штаб в полном составе спустился подземным ходом и занял КП в конторе завода «Баррикады». Тут я связался с батальонами и занял оборону в цехах 13,14, 32. Подземный ход связывал цехи

завода между собой, и я выходил к центральным воротам. До 21–22 октября у противника эти цехи отобрал. 13–14 числа я принял решение овладеть цехами, а 22 пошел в наступление. 3-й батальон имел задачу овладеть цехом №13. Командиром батальона был уже Погребнюк, потому что Посылкин был ранен. С этой задачей 2-й батальон справился блестяще и через час цех был захвачен. 2-й батальон имел задачу овладеть цехом № 14. Командиром 2-го батальона был Жигалин. 1-й батальон как закрепляющая группа поддерживал наступление. 2-й и 3-й батальон свою задачу выполнили, операцию провели хорошо и цехи были захвачены, но половина цеха № 13 находилась еще у немцев. Нужно сказать, что Погребнюк с небольшой группой людей вел бой с 21 до 23 числа и героически там погиб.

23 числа немцы 13-й цех снова у нас отбили. Оборудование из цеха было вывезено. Там оставались только стены и перегородки. Там в основном шла борьба гранатами и штыками. После этого оборона была занята в 100 метрах от цехов в заводских домах и оборону держали, пока не сдали дома по актам, потому что 25 числа мне было приказано передвинуть оборону левее завода, а этот участок на правом фланге, где был 3-й батальон, сдать соседу. Борьба за цехи небольшими группами людей с превосходящими силами противника привела к тому, что мы цехами все-таки овладели и держали их три дня. В это время противник бросил больше батальона пехоты на 3-й батальон и частично на 1-й 6 танков. Из 6 танков 4 было подбито и было уничтожено до 150 человек гитлеровцев.

25 октября вечером 2-й батальон занял новую оборону в районе цеха № 32 завода «Баррикады». Вечером 25-го противник перешел в решительное наступление с батальоном пехоты, до роты автоматчиков и 6-ю танками. 2-й батальон удерживал оборону в количестве 30 человек до 26-го (вечера). И только через трупы 2-го батальона противник прошел и овладел этим участком. Комбат Жигалин с ручным пулеметом погиб на поле боя, вышел только его заместитель Калимулин с одним бойцом.

После этого я собрал весь резерв, все, что было на Волге, сформировал человек 40, перешел в контратаку и отбил этот участок 26 числа, заняв оборону. Закрепил участок, бросил туда 1-й батальон, который держал его до конца. В результате этой двухдневной борьбы было подбито 3 танка из 6 и уничтожено до 50 гитлеровцев из тех, кого мы подобрали.

29 октября мы занимали оборону в районе баков у завода «Баррикады». Противник начал наступать в двух направле-

ниях: на 1-й батальон и на район КП, который оборонялся комендантским взводом и штабом.

Командный взвод под командой младшего лейтенанта Косых с группой в 11 бойцов защищал участок, где был мой КП, куда наступал взвод немецких автоматчиков и до батальона пехоты. На участок 1-го батальона наступало также до батальона противника. Противник начал наступление с 6 часов утра и продолжал его до 18 часов вечера. В этот день было отбито 6 атак. В результате боя ночью КП, на который противнику удалось продвинуться, я отбил. Было уничтожено до 40 гитлеровцев, взято два ручных пулемета и четверо пленных. Атака была отбита и противник отброшен на исходные позиции. В то время был ранен начальник штаба капитан Дятленко, тяжело ранен помощник начальника штаба Фугенфиров. Я остался без штаба с заместителем командира полка Совчинским и начальником связи, которого 30 числа ранило также. Бой закончился 29 октября. Мы заняли опять свой рубеж и прочно его удерживали.

2 ноября перешел в решительный штурм. Мы держали оборону на тех же участках. Противник сначала бросил авиацию и вел артиллерийскую и минометную подготовку. Начал заходить с Волги и с тылов бомбил со своих КП. В это время был ранен секретарь комсомольской организации Лисицкий. Этот бой велся с утра до ночи, было отбито 8 ожесточенных атак. Со стороны противника было брошено до 8 танков и до 2 батальонов пехоты.

Здесь отличились: секретарь партбюро Кошкарев и опять Косых со своей группой комендантского взвода, который героически отбивал атаку. Отличился весь штаб. Противник потерял до 100 убитых. Было взято нами два ручных пулемета, пленных не было [...].

Документ № 40.

«...немцы хотели ... выйти к Волге...». Из беседы с майором Владимиром Макаровичем Совчинским – заместителем командира 339-го стрелкового полка по политчасти.

Красноармеец Кот в бою утром 23 числа подбил танк, который помогал штурмом брать цехи. После этого немцы прекратили наступление.

В этом бою отличился командир группы младший политрук Погребнюк. Он руководил правой группой, а левой группой руководил главным образом красноармеец Кот.

13 числа в связи с тем, что людей там оставалось мало, было приказано оставить цехи и занять оборону [...] в сосед-

них домах. [...]. Эти дома мы держали до 26 числа. 25-го мы провели партийное собрание, а 26-го народ разошелся в ожидании подкрепления.

В это время мы получили человек 30 подкрепления. Было распоряжение командира дивизии – снять всех тыловых, вплоть до санитаров медсанбата. Мы подготовили этих людей и развели по подразделениям. Контора цехов являлась главным центром работы нашего полка.

26 октября немцы повели решительное наступление. Пленные потом показывали, что немцы хотели очистить эти дома и выйти к Волге. Батальон мы перебросили к водокачке и бакам против цеха 32 завода «Баррикады» во главе со старшим лейтенантом Жигалиным. Немцы бросили на командира 2-го батальона Жигалина до батальона пехоты и на Погребнюка – командира 3-го батальона – до батальона пехоты, и бросили на них 4 танка. Мы остались со штабом на правом фланге. Тут был бой целые сутки до 27 октября.

Командир батальона Жигалин проявил в этом бою исключительное мужество и героизм. Он никуда не ушел от ручного пулемета и погиб с этим пулеметом в руках. Когда немцы начали продвигаться с танками на КП, он лично вышел с пулеметом и начал отстреливаться. С ним был один боец. Комбата убили, а этого красноармейца ранили. Живым остался один заместитель командира батальона по политической части.

Старший лейтенант Калимулин вел бой и сдерживал целые сутки вместе с командиром атаку немцев на правом фланге.

В этот день погиб Погребнюк, который вел бой с тремя бойцами против 100 фашистов. Он уложил возле трех домов до 100 немцев.

На оборонительном рубеже мы вели бой еще 28 числа. Здесь проявил геройство и мужество красноармеец Терещенко, он подбил один танк из противотанкового ружья [...]. После того, как Терещенко подбил один танк, среди немцев началась паника, они отступили, и контора осталась за нами, хотя танки и прорвали оборону [...].

Одним из жарких боев был бой 29 числа, когда у нас оставался один батальон и комендантский взвод – 11 человек, а также штаб в количестве 4 человек. Начальником штаба был Дятленко. Он был убит. Первый помощник начальника штаба Фугенифров, только что принятый в кандидаты партии, также был убит. Из наших штабных работников проявил геройство старший лейтенант Косых, который держал оборону возле КП. 1-й батальон держал оборону около нефтебаков, а КП 1-го батальона мы передали 69-му полку.

Когда немцы прорвали нашу оборону, они начали двигаться на наш КП. Здесь был мобилизован весь до единого личный состав. Секретарю партбюро Кошкарёву было поручено с двумя бойцами выбить трех фашистов-автоматчиков возле цеха 32. Начальник штаба со всеми штабными работниками держал правый фланг, а левый фланг держал комендантский взвод в 11 человек. Старший лейтенант Косых проявил здесь хитрость. Когда противник начал двигаться, он пустил их вперед. Там был овраг, в котором находился наш КП. Впереди 11 бойцов нашего батальона, слева – нефтяные баки, а немцы подошли с правой стороны и начали обстреливать нас из ручных пулеметов. Нашей задачей было выбить фашистов из здания, расположенного направо. Старший лейтенант Косых, пропуская немцев справа, зашел с 11 бойцами слева, подпустил их близко и уничтожил, забрал 4 пленных и два ручных пулемета, остальных фашистов уничтожили.

Проявил героизм начальник штаба. Он был ранен в ногу, но не ушел с поля боя и вместе с бойцами и штабными работниками, которые остались, оборонял до последнего момента дом и только на второй день, когда кончился бой, он ушел в санитарную роту.

Лейтенанта Фугенфирова тяжело ранили. Он был принят в партию в этом же бою по его просьбе, когда он был тяжело ранен.

После этого противник не вел наступления, а только автоматический огонь, и действовали снайперы 30 и 1 ноября.

3 ноября противник набрался такого нахальства, что начал прямо штурмовать нашу оборону. Пустил авиацию, которая летала над блиндажами и била из мелкокалиберной пушки по блиндажам. В этом бою мы потеряли полностью 1-й батальон. Комбат был тяжело ранен, а также заместитель по политчасти и все его работники. Тут у нас людей осталось еще меньше.

Здесь проявил героизм заместитель командира 1-го стрелкового батальона старший лейтенант Петченко. Он был ранен и находился в это время в блиндаже на левом фланге с двумя бойцами. Когда подошли 10–12 немцев, он приказал своим бойцам: «Ни шагу назад». В этом бою он бросил три гранаты и автоматическим огнем уничтожил полностью наступающую группу немцев.

2-го числа к нам пришло подкрепление, и тут нашей миссией было передать оборону, чтобы противник не прошел дальше этих цехов. Мы полутора суток передавали оборону, после чего полк вышел из боя. 4-го ноября мы перешли на левый берег.

Надо отметить исключительную стойкость бойцов, которые держали оборону двое суток втроем.

22 октября мы получили обращение от Военного совета Сталинградского фронта ко всем коммунистам, защитникам Сталинграда. Мы стали прорабатывать в частях это обращение. Собрали в цех коммунистов на общеполковое собрание. Собралось человек 7–8. Собрание это нам не удалось закончить, так как противник начал наступление на цехи. Все коммунисты, в том числе и секретарь партбюро, только что прибывший, были отпущены, и было приказано, чтобы в каждом цехе находился коммунист и до приказа не отходили. Цехи мы держали двое суток. Половина одного цеха была у нас, а другая половина – у немцев. Никогда мы не тратили столько боеприпасов, сколько в эти дни. Если не хватало патронов, мы расхodoвали гранаты Ф-1. У нас было много раненых. Оставалось по 3–4 человека в батальоне.

Документ № 41

«Рус, сдавайсь, в Волгу буль-буль». Из беседы с младшим лейтенантом Ильей Мироновичем Брысиным – командиром саперного взвода отдельного саперного батальона 308-й стрелковой дивизии.

3 октября мы прибыли в Сталинград. Как только дивизия переехала на другую сторону Волги, наш саперный батальон вступил в бой. Больших операций мы не производили, а были использованы по обеспечению КП. 25 октября мы получили задание сделать КП нашей дивизии. Я в то время был сержант. Мне было поручено взять людей и пойти организовать КП. 18 октября командир взвода был ранен, и я, как его заместитель, стал командовать взводом.

26 октября в 10 часов дивизионный инженер майор Турик приказывает сходить в батальон, принести донесение о состоянии людей и всего личного состава. По дороге мне встречается командир саперного батальона капитан Рывкин и спрашивает, куда я иду. Я ему сказал, что иду за донесением к дивизионному инженеру. Он говорит, что идет сам, и мы пошли вместе, а потом и весь личный состав пришел на КП. Там получили задание идти в оборону. С нами был мл. лейтенант Лебедев и из 1-й роты мл. лейтенант Павлов. Нас придали с нашими людьми и с этими двумя лейтенантами 347 полку. Два батальона заняли оборону на одном стыке между двух флангов, против завода «Баррикады» между 339 полком нашей дивизии и 10 полком 37 дивизии.

В ночь на 26 октября нас лейтенанты расположили занять оборону. Оборудование КП было уже снято. Мы разделились на первую и вторую роты. 1-я рота заняла левый фланг в 10-м полку, а 2-я рота заняла правый фланг в 339-м полку. Мы разместились в одном жилом доме и цехе завода «Баррикады». Мы пробыли сутки в этой обороне. Потерь у нас тут не было.

27 числа часов в 10 дня у нас ранило мл. лейтенанта Лебедева – ему выбило глаза, и я отправил его с одним бойцом на переправу, где был медпункт. Тут я принял команду. У меня было 10 человек бойцов. К пяти часам вечера у меня убило бойца Зеленина. Во второй группе убило бойца Скрипку.

Стало темнеть. Я своих людей расположил на валу из щебня и земли. В 2 часа ночи я получаю приказание от мл. лейтенанта Павлова идти в наступление. У меня осталось к этому времени уже 9 человек. Мне невозможно было перелезть через вал. Павлов прошел вперед, и я его поддерживал. Немцы имели численное превосходство, и они почти всю группу Павлова уничтожили. Осталось только двое: Костюченко и Баранников. Когда мне сообщили, что мл. лейтенант Павлов убит, а все его люди растеряны, Костюченко и Баранников влились ко мне в группу.

28 числа в 6 часов вечера я выставил наблюдателей во втором этаже одного дома: Дудникова и Каюкова. Сам вместе с сержантом Павловым расположился в другом доме, а мои бойцы находились кругом меня. На рассвете вижу: на бугре стоят немцы и кричат: «Рус, сдавайсь, в Волгу буль-буль». Я растерялся, не знал, что делать. Ко мне подбегают ребята из других домов и спрашивают, что делать. А Дудников и Каюков сидят на втором этаже и спуститься не могут, так как лестницу из миномета разбили. Я вижу, что остается всего 7 человек, решил идти под берег к Волге, где были накопаны окопы. Мы туда сбегает. Немцы занимают первый и второй дом, где мы были. Мы занимаем оборону в 20 метрах от немцев и в 20 метрах от воды. Я своим ребятам не говорю, что два человека наших сидят в доме. Ребята у меня были смелые, не растерялись. У них были противотанковые гранаты. Для того чтобы им выбраться оттуда, они начинают бросать гранаты по немцам. Получается дымовая завеса, и в этот момент они оттуда выбегали и собирались около меня. Через некоторое время появились и Дудников и Каюков. Им удалось вырваться от немцев. Мы их радостно встретили.

Скоро стало светло. Немцы установили около нас пулемет. Тогда Дудников взял гранату и бросил ее в пулемет. Я сидел впереди всех, бойцы были возле меня в куче. Когда свалился

пулемет, я не растерялся и крикнул: «Ура, в атаку, за мной!» Погибать не хотелось, и пропустить немцев нельзя было. Побежал впереди. Когда подбежал к дому, где были немцы, они туда заползали на карачках, за стены. Мы их забросали гранатами. Вижу, что и в другом доме тоже лазают немцы. Тогда я, не говоря никому ни слова, подбежал к первому дому, в котором мы раньше находились. Я знал, что на втором этаже у нас были боеприпасы – трофейное оружие, которое мы во время боя подобрали у немцев: и винтовки, и патроны. Я пробрался в этот дом. В меня начали стрелять из автомата, думая, что это немец. Дудников вовремя их предупредил. Когда я вбежал в дом, я заметил внизу две плащ-палатки, по которым я и взобрался кверху за оружием. Немцы оказались за 15 метров на валу, и второй этаж, где я был, приходился на уровне этого вала. Я начал бросать в немцев гранатами и стрелять из винтовки поочередно, что попадетса под руку. В конце концов, я израсходовал все запасы, и у меня не осталось ни одного патрона. Перестрелка продолжалась. Вижу, что мне надо выбираться оттуда. Я захватил с собой вещевой мешок и спустился вниз опять по плащ-палатке. Я не заметил, что немцы оставили с правого фланга пулемет. Как только я вышел на открытое место, они ударили из пулемета по дому в угол. Тогда я упал и спрятался за камень. Немцы выпустили на меня из пулемета всю ленту. Я из-под камня перелез ползком в подвал. Когда вышел оттуда, спросил у наших, где Дудников? Мне сказали, что ранило сильно Каюкова, и Дудников понес его. Мне стало очень жаль Каюкова, и я побежал в блиндаж. Прихожу – действительно наш друг лежит, истекая кровью. Увидел меня, стал просить пить, но я боялся дать ему воды, чтобы не вызвать еще больше крови. Я вышел и отправил людей с ранеными. Контузило Тупикова и Рейкова.

28 октября в 10 часов у нас осталось всего три человека: я, Дудников и Глушаков. Меня вызывает командир роты 2-го батальона 347-го полка. Я в то время оброс и носил большие усы. Он меня называл сержантом «Усатым»: «Пойди, говорит, Усатый, разведать, где находятся немцы, и узнай, какие огневые точки у них стоят». Я хотел доказать, что днем нельзя ходить в разведку – светло и все видно, но мне было приказано, и я с двумя своими людьми: Дудниковым и Глушаковым пошел в разведку. Связался с 10-м полком 37-й дивизии.

Мне показали, где находятся немцы. Я тогда поворачиваю обратно и иду доложить командиру роты Кузнецову, как обстоит дело. Относительно огневых точек я узнал, когда сидел на втором этаже и видел, как они устанавливали пулеметы

и минометы на площадке. Лейтенант Кузнецов, командир роты, поручил мне идти уничтожить эти огневые точки. Я рассказал Дудникову и Глушакову, какая опять нам предстоит задача. Мы набрали с собой гранат, боеприпасов и пошли в 10-й полк 37-й дивизии. Там мы нашли 6 человек полка и одного среднего командира. Я ему рассказал, что иду выполнять поставленную передо мной задачу и просил помочь мне, прикрывая огнем. Это было часов в 12 дня. Мы посидели немного, покурили, они дали мне хороший совет. Тут я договорился со своими двумя товарищами, как действовать, снял с себя шинель и пополз вперед. Я залез на высотку, где проходила железная дорога и где была прокопана большая щель в воронке под землей. Около этой воронки стояло два пулемета. Я долез метра три до железной дороги и хотел влезть в воронку, но посмотрел в щель и заметил там немцев. Тогда я бросил сначала одну «феню», потом другую и полез к щели. Там оба немца оказались убиты. Я стал махать Дудникову и Глушакову, чтобы они подошли. Мы отобрали у немцев сумку с фотокарточками и документами, и все это запрятали под рельсы.

Дальше я стал думать, как уничтожить миномет, который был метрах в [...] от пулеметной воронки. Я решил ползти опять вперед. А Дудникову и Глушакову велел залезть в воронку и меня поддерживать огнем. Я пополз. Там действовали немецкие снайперы, и не прополз я и десяти метров, как мне в каску попал снайпер. Я повернул обратно. Затем опять пополз и полз так два часа. Потом стал бросать гранаты, а Глушаков в это время из винтовки убил снайпера. Я гранатами уничтожил миномет и стал отползать обратно. Мы потом вернулись, забрали немецкие трупы, я приказал сдать их в штаб полка, а сам пошел доложить командиру роты о том, что его приказание выполнено. Мне разрешили отдохнуть в блиндаже, поскольку я четверо суток не спал.

Надо было пойти к себе в батальон дивизии и доложить о том, что мы задание выполнили. Передаю поручение с Глушаковым, чтобы нас выручали и взяли к себе. Глушаков отправился. Я не успел заснуть, как полковой инженер приходит за нами, чтобы идти в оборону охранять штаб полка, так как людей у них не хватало. Дошли до штаба полка и стали его охранять. Перед рассветом на 29 октября полковой инженер забрал нас к себе часовыми для обороны штаба. Мы там простояли до 4-х часов утра. Глушаков не возвращался с пропуском. Тогда я послал Дудникова. Мне самому уйти было нельзя, так как мне тогда могли бы приписать то, что я ушел с обороны. Дудников тоже не возвращался. Тут мне дали 20 человек лю-

дей и приказали идти для обороны завода «Баррикады». В это время возвращается посыльный с нашего батальона, принеся бумажку о том, чтобы написали донесение о своем взводе и шли в расположение батальона. Я передал начальнику разведки, которому был придан, эту записку, и он отпустил меня.

29 октября часов в 11 я пришел в расположение саперного батальона. И только 30 и 31 числа мне удалось отдохнуть.

2 ноября немцы продвинулись вперед метров на 50, и капитан Рывкин мне приказывает занять оборону. Я забрал повара Белякова, старшину Черных, Баранникова, старшего сержанта Коваленко и мы впятером пошли в оборону. Мне было приказано залезть в воронку. Я пошел вместе с бойцами. Немцы находились за грудой металлических стружек, вывезенных с завода, где проходила железная дорога, а сами мы сидели с другой стороны. Тут я заметил немецкого снайпера и решил его уничтожить – переползти в воронку и оттуда его снять. Как только я вылез на железную дорогу, он меня щелкнул два раза: одна пуля разорвалась в стружках, а другая попала мне в каску и осколком ранила шею. Я лежал минут с десять, затем подозвал к себе Черных Ивана. Когда прыгал в воронку, шинель на мне вся разорвалась. Вернулся обратно. Капитан Рывкин поругал меня, зачем я туда полз, а ночью меня переправили в медсанбат.

За три дня с 26 по 29 октября было уничтожено моим взводом 87 человек гитлеровцев, 4 пулемета и миномет, убит один снайпер и один офицер. Я лично убил 25 фрицев. Награжден Правительством орденом Красного Знамени.

Из медсанбата меня отправили в полевой госпиталь, где я пролежал всего два дня, а оттуда вернулся в свою часть, где меня лечил свой фельдшер. Ранение было легкое. Теперь, когда пришло новое пополнение, я командую взводом. Взвод неплохой. Обучаю по опыту Отечественной войны.

После боя 29 октября был принят в кандидаты партии, а сейчас член партии.

Документ № 42

«...раненый, изнемогая от потери крови, продолжал стрелять». Из беседы с Ефимом Ефимовичем Дудниковым – красноармейцем саперного взвода отдельного саперного батальона 308-й стрелковой дивизии.

Очухался немного, увидел пулемет и кинул в него гранату. Уничтожил пулемет с расчетом. Потом мы пошли в наступление. Тут ранило красноармейца Костюченко. Он, раненый, из-

немогая от потери крови, продолжал стрелять в то время, как у него не действовала левая рука. Бросал гранаты в фашистов до последнего момента. Награжден орденом Красного знамени. Проявил исключительное самообладание и самопожертвование в бою. Я его перевязал. Он мне отдал свой автомат и штуки три гранаты «Фени» (Ф-1). Потом его отправили в госпиталь.

Я очень быстро использовал его гранаты. Смотрю, бегут ко мне Павлов и Каюков с мешком гранат. Я обрадовался. Мы с Каюковым были друзья, скучали друг без друга в бою. Кричу им: «Идите скорей!» «А там было пространство между домом и валом, которое простреливалось немецким пулеметчиком – его надо было пробежать. Павлов залег в камнях, а Каюков побегал, и ему попали осколки в позвоночник и в живот. Я кинулся к нему ползком, подал ему руку, вытянул немного. Затем подполз под него, положил к себе на спину, поднялся во весь рост и вынес его. Три раза ему делали перевязки, но бесполезно – он умер. Когда Каюкова ранило, он уронил свою пилотку, и я отдал ему свою, а надел каску. Потом я решил вернуться и найти пилотку, так как в каске мне было неудобно. Тут разорвалась мина, и меня оглушило так, что я несколько дней плохо слышал.

Кругом рвутся снаряды, стоит гул, а нам с Брысиным захотелось есть. Мы достали черного хлеба. Едим. В это время некоторых наших ребят ранило.

Затем меня вместе с Брысиным послали уничтожить пулеметы. Тут я мало сам действовал, только поддерживал Брысина. На мою долю пришлось примерно 16 убитых немцев, в том числе, один снайпер и один офицер. Кроме того, я уничтожил пулемет.

Скоро Брысин меня отправил в батальон. Командир батальона дал мне немного отдохнуть, а потом поставил меня переправлять раненых и продукты на ту сторону, и я стал работать на лодке.

Когда наша дивизия отходила, я переправил весь командный состав на ту сторону Волги. Переплывать было опасно, т. к. Волга все время обстреливалась. Стреляли и днем, и ночью, но работать можно было только ночью.

Звание сержанта мне присвоили после боя, и после боя из комсомольцев приняли в кандидаты партии. Награжден орденом Красного знамени.

Сейчас работаю помощником командира взвода Брысина. Взвод неплохой.

В Сталинград я попал 1 октября. Наш взвод отстал. Мы шли с северо-западного Сталинградского фронта. Я приехал

первый со своим взводом в 6 человек. Ночью мы переправились на правый берег на 62-й переправе. Утром мы пошли делать командный пункт для своей дивизии. Вечером 2-го октября меня назначили в отряд охранять КП дивизии помощником дежурного по гарнизону. Затем КП от берега перешел в заводской район города. Там я пробыл три дня. Ходил как связной капитана Соколова с донесением на передовую несколько раз. Когда немцы предприняли большое наступление, КП пришлось перенести на старое место на берег Волги. Когда я вернулся, наш взвод уже прибыл на место. Там я встретился со своим взводом. Несколько раз ходил на задание по минированию полей, приходилось таскать на себе мины километров по 6. Когда нас с Брысиным 25 октября сняли с КП, нас отправили в оборону.

Мы с красноармейцем Каюковым были все время вместе. Сделали себе парную ячейку. Рыть было очень трудно, так как там был шлак, подкатили большие валуны, устроили что-то вроде щита, немного подкопав, чтобы можно было стрелять с колена ...

Через некоторое время мы с Каюковым получили приказ от Брысина, когда мы должны были идти в наступление, сойти вниз к дому и расположиться на валу. Когда же немцы пошли в наступление, нам пришлось забраться во второй этаж дома. Тут бил миномет по лестнице и разрушил ее. Не знаю, как получилось, что нас бросили. Мы надеялись, что наши товарищи внизу, а оказалось, их не было. Мы услышали, что кругом кричат немцы. Мы стали кидать гранаты, но кидать было неудобно, так как мешала стена. Тут мы решили слезть со второго этажа. Потолок был пробит бомбами, прутья поломаны. Мы за один прут привесили две немецкие плащ-палатки и спустились вниз по одному. Тихонько прошли по коридору. Я сунулся вниз, хотел пробежать к ребятам, но вижу, метрах в 5–6-ти немцы что-то тащат. Я кинул в них две гранаты, а сам побежал обратно в здание. Тут у них началась паника. Каюков во время этой заминки выбежал к нашим, а я остался в здании один. Пробежал по коридору, сунулся в другую дверь – там тоже немцы. Вижу, что их так много, что с ними ничего не сделаешь. Прополз около груды камней, выбежал и пробрался ко второму зданию, а оттуда удалось добежать до Брысина. Была большая радость, когда я прибежал...

ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ

Разрушенный Сталинград

Немцы, убитые под Сталинградом

«Непобедимые» в Сталинграде

Остатки съеденных немцами лошадей

Немецкое кладбище в селе Городище

Разбитая немецкая техника

*СТАЛИНГРАД... ВОЙНА ОКОНЧЕНА...
ПОСЛЕВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ...*

Фрагменты документов,
собранных Комиссией по истории
Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Историческая беседа
с командующим 51-й Армией
Героя Советского Союза генерал-
лейтенантом Крейзером Д.Б.

генерал-лейтенант КРЕЙЗЕР Д.Б.
командующий 51 армией
член партии с 1925 г. (1925)
дней: в 1936 г. - орден Ленина, в 1941 г. - звание
Героя Советского Союза, в 1943 г. - орден
Кутузова I степени, в 1938 г. - медаль
"XX лет ВКП(б)", в 1943 г. медаль "За оборону
Сталинграда".

мая 1944 г. Беседу проводит старший научный сотрудник Комиссии доктор исторических наук проф. ТЕНЩИНА Э.В.

**КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ**
БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
244^й стрелковой дивизии.

Стенограмма беседы
с Героем Советского Союза
майором Камельниковым.
(102 н. а. г.)

Степанограма беседы
с зам. командира 102 красно-
знаменной нефтебательной авиа-
дивизии по политчасти
полковником Явтушенко С. Я.

2010/10/10

Степанограма беседы
м. сержантом Буровым
ф.в. (38) мор.-стр. брига

Стеенограмма беседы
с командиром 73 в. (38) с. д.
генерал-майором Савиушкиным

Стеенограмма беседы
с разведчиком 7 в. под-ср. ср.
Г. Бурковым и. р.

Стенограмма беседы
с зам. нач. штаба
7 в. (38) мор-сгр. бри
В. майором Солдашовым

Стенограммы бесед
проведенных в 308ой е. г.

В. Иванов. В. Белов.
"Сибиряки на защите
Сталинграда."
(308 стр. дивизия).

Сленговые беседы
проведенные в 35ой вар
дской стрелковой дивизии

Смерть немецким оккупантам!

Лицевой счет

ЗАЩИТНИКА СТАЛИНГРАДА

ИЩИ ВРАГА И БЕЙ
ЕГО НАСМЕРТЬ!

28/0

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдулатипов Р. 17, 21
Абрамов Н. М. 94
Абрамов 377
Август 75
Авраамий 65
Агарышев П. Г. 127, 139
Айнутдинов С. Х. 128
Аксенов Николай Никитич 307, 330
Александр I 34, 74, 77-84
Александр Невский 39
Александров 450
Александров Г. А. 229, 231
Александров Г. Ф. 269, 270
Александров, красноармеец 454
Алексеев Б. Л. 228
Алексеев Г. А. 220, 228
Алексий, старец 97
Алиев Г. 42
Алиева С.У. 180
Аллахвердиев 454
Амвросий (Юшкевич) архиепископ Новгородский 88
Анастасий архиепископ Кишиневский 95
Андреев М. А. 212, 213, 216
Андреев 376
Андрианов 368
Андрусенко 281
Анисимов 332
Анисков В. Т. 131
Антоний (Вадковский) 89, 90
Антоний (Храповицкий) 95
Антонов 321
Антуфьев А. А. 129
Ануфриенко Г. П. 127
Арканова 463
Арсений (Мацеевич) митрополит Ростовский 88
Арсений (Стадницкий) 97
Арутюнян Ю. В. 127
Архатова 421
Ауман В. А. 182
Афанасьев Н.С. 165
Афонин 402
Афонькин 445

Ахазов Т. А. 215, 218, 220
Ахмадиев Т. Х. 129
Ахундзянов 461
Аюпов Р. С. 136, 138
Аюшеев Д. 171

Бабаев 322
Бадашкеев Г. И. 170
Баженова Н. Н. 128
Базаржапов В. Б. 157, 165, 173-175
Базаров Б. В. 173
Баландин 480
Балдано М. Н. 167, 171, 173
Балжи М. Ф. 130
Балицкий В. П. 186
Банзаракцаева Е. В. 175
Банзаров Доржи 171
Баранников 488, 491
Барковский 426, 459
Бартанова А. А. 163
Батов 288
Батуев Б.Б. 175
Батуев Ж.
Батюк Н. Ф. 281, 282, 288, 303, 310, 315, 318, 319
Башкиров 353
Белов Г. А. 204
Белугин Василий Георгиевич 423, 429, 438
Беляев 353, 454
Бенеш Георгий 314-316, 318
Бенешевич В. Н. 95
Березин М. Е. 130
Берия Л. П. 178, 180, 186, 190
Берлинский П. 171
Бикмеев М. А. 206
Бирзик 402
Бирилов Г. С. 136
Бирюков Н. И. 204
Блажевич Л. А. 220
Боескоров Г. К. 234
Боженок 453
Бойко И. И. 211
Болвачев 315, 320
Болотов А. Н. 166
Болтенко Василий Яковлевич 426, 458, 479

Большаков 332
Большешапов Василий 311, 312, 329, 332
Борис 310
Борисов 312
Бочков В. М. 186
Боянова В. Р. 170
Бриллиантов А. И. 90
Бромлей Ю. В. 13, 54
Брысин Илья Миронович 487, 492
Бугай Н. Ф. 176, 185
Будаев Д. Ш. 170
Будаева С. С. 175
Булгаков С. Н. 95
Бурмаков Иван Дмитриевич 333
Бурмистров В. М. 226
Бушуева Т. С. 267
Буянтуев Б. Р. 166
Бялых Василий Григорьевич 446

Вавилов 305
Вайцеховский 303
Варюхин Г. А. 211
Василевский 299
Васильев А. Ф. 127
Васильев А. В. 94
Васильев Е. В. 224
Васнецов В. М. 95
Ващалкин С. И. 161
Введенский А. И. 88, 89, 91, 92
Ведюков 331
Велиховская 347
Верховский П. В. 90
Винокур 346
Винокуров В. П. 212
Витте С. Ю. 89
Владимир, митрополит Киевский 97
Владислав 67
Власов Михаил Петрович 431
Водолагин М. А. 267
Вознесенский Н. А. 120
Возничка З. 194
Волков 409
Волков Д. И. 95
Вольхин А. И. 134

Ворошилов К. Е. 115, 186, 197, 433, 436, 438
Врангель П. Н. 40
Высотина Е. А. 157, 168, 169
Вышинский А. Я. 194

Габленс фон 383
Гай Юлий Цезарь 75
Галкин 460
Галсанов Ц. 171
Ганченко 421
Гареев М. Г. 204
Гармаев В. Д. 175
Геричей 317
Гермоген 67
Герцен А. И. 35
Гершман М. 233
Гитлер А. 54, 268, 277, 278, 280, 284, 287, 289, 442
Глушаков 489
Годунов Борис 64
Голиков Ф. И. 298, 337, 339, 390, 397
Головатый Ф. П. 230
Голубев 379
Голубинский Е. Е. 87, 90
Гонов А. М. 185
Гонсевский 66, 68
Гончаров Г. А. 134
Горбачев М. С. 14
Горбунов 376
Гордина И. В. 169
Гордов 272, 381, 383, 387, 388
Горишный 275
Горлицкий Л. И. 130
Горохов С. Н. 236
Горохов 281
Горячев Василий Васильевич 400
Горячев 399, 458
Грачева О. Н. 128
Григорьев А. Д. 211, 212, 231, 232
Григорьев П. Г. 213, 223
Гризодубова В. С. 116
Громов М. М. 116
Громогласов И. М. 95
Гроссман В. С. 315
Грязнухина М. Э. 233

Губерт см. Хюскен Губерт
Гудар Анжи 77
Гузенко З. И. 128
Гультяев 353
Гумилев Л. Н. 54
Гунгасов 376
Гурина Мотя 421
Гуров 274, 294-296, 298
Гурова Вера Леонтьевна 360
Гуртѣв Леонтий Николаевич 413, 428, 431, 470, 480
Гурьев Степан Савельевич 281-283, 377, 386, 388, 390
Гусак С. Н. 235
Густав Адольф 70

Далин Фриц 349
Дальков Ю.А. 163
Данилевский Н. Я. 58
Данилов 419
Двояшкин 330
Дегтярев В. А. 130
Дедов Г. И. 127
Дедушкин Н. С. 224
Деманов А. А. 227
Деменев А. И. 128
Дементьев Б. П. 137
Деникин А. И. 40
Денисевич М. Н. 131, 135
Дерюгина В. Н. 166
Дионисий 65
Дмитриев 71
Дмитриев Н. К. 223
Добровольский Н.С. 128
Долгов - 301
Дрогман 412
Дубоносов 371
Дубровский Яков Иванович 386
Дудников А. Г. 218, 488
Дудников Ефим Ефимович 489
Дьяков Ю. Л. 46
Дятленко 484, 485

Евланова М. Н. 127
Егоров Н. 22
Ежов Н. И. 178, 187

Екатерина II 38
Елизавета Петровна 38
Елин 300, 303, 304
Ельцин Б. Н. 15, 16, 19, 21, 43
Еременко А. И. 272, 273, 276, 279-281, 293, 298, 300, 393
Ермолаев Д. Е. 226
Ермолкин 281
Есин 312
Ефимов 422
Ефремов М. Г. 379

Жабаева Я. О. 175
Жаворонков В. И. 291
Желудев 281
Жигалин 476, 477, 485
Жидких 316, 320, 322
Жириновский В. В. 45
Жолкевский 65-68
Жуков 305
Жуков Вениамин Яковлевич 367
Жуков Г. К. 379, 438

Завадская Рада 31
Зайналабдиева Ж. 201
Зайончковский Петр Андреевич 348
Зайцев Василий Григорьевич 307, 313, 314, 327, 328, 331, 455
Зайцева Л. А. 169
Занданова Д. О. 165
Запорожец А. И. 125
Заруцкий Иван 68, 69
Захаров 346
Захарченко 420
Зезюкова 419
Зеков 313
Зеленин 488
Землянский 375
Земсков В. 194
Золотин В.В. 220
Золотоев А. К. 162, 164
Зубанов Константин Васильевич 369

Иван III 63
Иван Грозный 64
Иванова Г. А. 128

Иванова М. Г. 161
Иванцов-Платонов А. М. 87, 88
Ивлев Сергей Васильевич 369
Игнатъев С. Д. 163
Ижойкин А. Ф. 213-215
Избеков Д. Д. 234
Извеков 313
Израилев 468
Илларион архимандрит 91, 95
Илларион митрополит 36
Ильин 375
Ильченко 339
Исянгулов Ш. Н. 202

Каганович Л. М. 143
Калентъев Александр 307, 313, 318, 328
Калинин Михаил Иванович 331
Калинин 481
Каменьщиков Владимир Григорьевич 352
Карев 332
Карл-Филипп (брат Густава-Адольфа) 70
Карманов А. Г. 127
Карочанский 373
Карпушин Митрофан Яковлевич 450
Каршыкова Г. А. 182
Карташев А. В. 92
Карташев Л. С. 165
Катуков 378
Каюков 488, 492, 493
Керенский А. Ф. 92, 96
Кирилл архиепископ 96
Кириллов В. М. 133
Киселев П. Д. 34
Киселев 381
Китукин 406
Клименко К. И. 126
Климов 405
Ключевский Василий Осипович 63, 64
Кобержицкий 73
Ковалев 380, 382
Коваленко 337, 383
Коваль 378
Кожемяка 409
Козлов 353

Козлов 468
Козулин 412
Коккинаки В. К. 116
Кокорина Нина Михайловна 418
Коль Г. 16
Колодникова Л. П. 63, 106
Колчак А. В. 40
Комков Г. Д. 127
Кондауров И. А. 128
Кондратьев М. Г. 228
Корк А. И. 115
Корнилов Г. Е. 126, 131, 135
Коробенкова Н. Д. 175
Коробков 311
Космовская О. В. 227
Космовский А. В. 227
Космовский В. 217
Космодемьянская Зоя 471
Косовая Таисия Ивановна 374
Костюченко 488, 491
Косых 485, 486
Кот 484
Кот С. 194
Котин Ж. Я. 130
Котов 323, 328
Кошкарев Александр Федорович 475, 484, 486
Кравченко Г. С. 127
Краснов 464
Краснов 312, 313
Краснов П. Н. 156
Кривенко 450
Кривогорница А. В. 161
Кринко Е. Ф. 140
Кричман 274
Кровелев 476
Кругляков 373
Крутелев 309
Крученкин 382, 397
Крыжановский 373
Крылов 274, 282
Крылов Н. И. 390
Кудрявцев П. П. 94
Кудрявцев Ф. А. 171
Кудрявцев 321, 322

Кузин Илья 471
Кузнецов 332
Кузнецов 489
Кузнецов Е. И. 95
Кузнецов И. Д. 216
Кузнецов И. И. 161, 162
Кузнецов 378
Кузнецов М. М. 219
Кузьмин 453
Кузьмин В. Л. 211, 212
Кузьмина Н. Н. 128
Кулик 347
Куликов Николай 330
Куляшев А. Г. 94
Кунаев 42
Куркчи А. И. 193
Кушнарев 482

Лаврищев А. Н. 126
Лагарп 78
Лайпанов К. Т. 200
Лампе А. А. фон 156
Ланцов 405
Лебедев 276
Лебедев 487, 488
Левашев 71
Левин 433
Ленин В. И. 49, 50, 120
Лесцов 432
Лещинин Василий Андреевич 393, 402, 442, 443
Лжедмитрий II 66
Липатов Н. П. 127
Лисагор 374
Литвиненко 318
Лопатин 409
Лукин Ф. М. 213
Львов 373
Людников 281-282
Ляпунов Захарий 65, 69
Ляпунов Прокопий 67

Майя 429
Макаров С. 212
Максимов 321

Максимова Т. С. 236
Максин Иван Васильевич 471
Маленков Г. М. 120, 438
Малиновский В. Ф. 77-80
Малов С. 177
Мальгин 426
Малых 419
Мальшев 373
Мальков 445
Мануильский Д.З. 294
Маркелов 358, 416, 432
Мартынов 454, 459
Масаев 309
Маскевич 68
Матвеев П. М. 170
Маханов А. И. 270
Медведь Н. 18
Мельников Н. Н. 130
Мельников С. А. 86
Мери Арнольд 471, 474
Меркулов В. Н. 186
Метелев 319, 320, 330
Метгерних 82, 83
Мжаванадзе 42
Милюков П.Н. 57
Миляев 332
Минин Кузьма 62, 65, 70, 71, 73
Минц И. И. 270, 271
Мирохин Игорь 427, 428
Мирошниченко 452
Митин М.Б. 270
Митин 312
Митрофан епископ 93-95
Митрофанова А. В. 127
Митупов Б-М. М. 162, 164
Митупов К. Б-М. 167, 175
Михаил Федорович 73
Михайлов 419
Михайлов В. 14, 22
Михайлов В. М. 226
Михайлов Н. А. 270
Михайлов П. М. 215, 216
Михалев 440
Могутнов В. П. 138

Можаров Г. Г. 211
Молотов В. М. 143, 178, 186, 192, 281
Мординов А. Е. 233
Морехина Г. Г. 127
Морозов А. А. 130
Москаленко К. С. 381
Мотревич В. П. 131
Мошкин Н. А. 127
Мстиславский 65, 66
Мудренко 369
Мурышкин Н. М. 213, 216, 218, 220, 222, 223
Мусукаев А. И. 189
Мырдыгеев Р. 172

Надиров Н. К. 194
Намсараев Х. 171
Наполеон Бонапарт 39, 78-82
Наумова А. Г. 127, 128
Нахимов П. С. 348
Нежинский 323
Нетесов 380
Нечаев Г. М. 136
Никита Сергеевич, см. Хрущев Н. С.
Никитеев 309
Никишев 382
Николаев 322
Николаев А. Г. 219
Николаев А. Н. 218, 220
Николай I 34
Николай II 89
Новгородова А. Л. 233
Новикова Леля 441, 472-474
Новосильцев Н. Н. 34, 78, 79
Номтоев Ц. Н. 170
Носков 461
Нургалиев 450, 454

Ознобин Н. А. 166
Ольховкин Александр Филиппович 441
Орлов Ф. Н. 212, 230
Осима 268
Осипов 410
Охашкин 318
Охитович Лев Александрович 354

Павел апостол 76
Павленко В. Д. 138
Павленко Г. К. 133, 138
Павлов 487, 488
Павлович 93
Палецких Н. П. 132
Пальме Виктор 14
Панихин 300, 305
Панков 370
Панчуков А. П. 170
Парфенова З. И. 219
Пархоменко 438
Паршин Г. М. 219
Паскуаль Хозе 353
Патоличев Н. С. 126
Паулюс Ф. 280, 295, 344
Пепельгина 419
Петлюра 50
Петр I 38
Петр III 38
Петраков Дмитрий Андрианович 437, 460
Петров 445, 446
Петров А. П. 170
Петров Г. П. 216
Петров Д. Д. 234, 235
Петров Ф. Ф. 130
Петрова Н. М. 161
Петченко 486
Пиксин 291
Питерский 319
Плаксин 400
Победоносцев К. П. 89
Погребнюк 462, 463, 483, 485
Пожарский 274, 282
Пожарский Дмитрий Михайлович 62, 65, 68, 70-73
Позднякова Аграфена Петровна 363
Покровский А. И. 93
Политидис Г. X. 193
Полтораки Иван Маркович 410
Полянский 437
Попов Г. В. 233
Поспелов П. Н. 270
Посылкин 420, 483

Потемкина М. Н. 132
Поцелуев 368
Примаков В. М. 115
Путилов 419
Путна В. К. 115

Раднаев Г. Ш. 166
Разинков С. А. 133
Ракитянский Василий Иванович 322, 326
Рахматуллин 356, 357
Рашидов 42
Рейков 489
Реутов 311, 332, 333
Решетова Зина 421
Риббентроп Й. 192, 277
Робинова 467
Рогов И.В. 270
Родимцев Александр Ильич 274, 275, 281, 282, 298, 386, 478
Рождественский А. 91
Розенберг 155
Рокованова Зоя 474, 475
Романенко С. 56
Романов Михаил 73
Романова Ф. А. 225
Рощина 421
Рукавишников 453
Румянцев М. В. 216
Руссо Жан Жак 77, 79, 80
Рывкин Семен Соломонович 429, 465, 487

Савкин 431
Савченко 466
Саксеев 369
Сальников 318
Самофалов 371
Сампилов Ц. 172
Сандин 440
Санжиев Б. С. 163
Санжиев Г. Л. 162
Санжиева Т. Е. 173
Санников 469
Сарсков А. М. 230
Сатепов 401
Сахаров А. Д. 14

Сахаров А. Н. 33, 75
Сахаров 369
Свирин Афанасий Матвеевич 355, 434
Селезнев Гавриил Григорьевич 464
Селигеев 429
Семочкина Е. И. 128
Сендерова А. Б. 127
Сен-Пьер 77, 79, 80
Сергиенко 480
Сергий (Старогородский) 89
Серов И. А. 186, 193
Серюков Иван Иванович 391
Сивцев И. С. 234
Сивцева С. И. 235
Сигаев 422
Сигизмунд III 66
Сидоренко В. Н. 130
Сидоренко-Солдатенко 200
Сидоров 437
Симонов 382
Синцова Клара 332
Сираева З. И. 128
Сироткин М. Я. 213, 224
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич 65
Скрипка 488
Слепцова М. И. 233
Смирнов 313
Смирнов 419
Смирнов 415
Смирнов А. П. 223
Смирнов А. Я. 91
Смирнов Алексей Степанович 432
Совчинский Владимир Макарович 437, 484
Соколов 281
Соколова В. И. 228
Солженицын А. И. 48
Соляnnиков 374
Сорокин П. А. 135
Соседенко М. П. 161
Сотов 450
Софья 421
Сперанский М. М. 34
Сперанский А. В. 126, 130, 135, 137, 139
Сперанский И. И. 95

Сталин И. В. 107, 110-112, 118, 123, 125, 142, 143, 145, 177,
178, 180, 185, 186, 190, 192, 193, 202, 230, 269, 272, 276, 292,
294, 295, 309, 310, 315, 316, 322, 335, 345, 357, 386, 393, 418,
424, 438, 441, 458, 476, 478
Стафеев 415
Степанов Н. С. 224
Степанов П. Д. 234
Стойлик Анна Киприяновна 465
Столяров 370
Струве П.Б.58
Судейманова Р. Н. 202
Суржикова Н. В. 134
Сухова Е. В. 211, 212, 227

Тарасов 281
Тармаханов Е. Е. 166, 169, 173
Тарнюк 420
Терентьевко 369
Терещенко 485
Тимонин Александр Андреевич 450, 456
Тимофеев В. В. 227
Тимошкин 318
Титлинов Б. В. 87, 93-96
Тихон (Белавин) Патриарх 97, 98
Тишков В. А. 13
Ткаченко 324
Токарев П. Н. 234
Токарева Ю. С. 128
Толстой Лев 285
Тороев А. 171
Трифонов А. Н. 135
Троянов Л. С. 130
Трубецкой Дмитрий 68, 69, 71, 72
Трубецкой Е. Н. 95
Трусов 468
Туйск А. Г. 166
Тулаев Ж. 172
Тумунов Ж. 171
Тупиков 489
Туренин 71
Турик 487
Тухачевский М. Н. 115

Уборевич И. П. 115
Уваров С. С. 35
Усольцев 467
Усольцева 467
Устюжанин 317, 322, 324
Усубалиев 42
Ухсай Я. Г. 224
Ухъянкин С. П. 224

Фатеева Соня 421
Федор Иванович 63, 64
Федоренко 335, 336
Федорова А. В. 136, 137
Федорова Л. Г. 236
Федосеев 302
Фельдман Б. Е. 115
Фердинанд I 83, 84
Фердинанд VII 83
Ферсман А. Е. 126
Филоненко Ф. Д. 91
Фомин 450, 454
Франц I 80, 82
Фридрих-Вильгельм III 80
Фролов 416, 431, 434, 439
Фугенфиоров Генрих Аронович 468, 477, 484-486

Халыев А. Р. 233
Хан М. 199, 200
Хаптаев П. Т. 171
Харитонов Константин 369, 372
Хейдери Джамшид 194
Херувимов 433
Хисамутдинова Р. Р. 131
Хлынина Т. П. 140
Ходкевич Карл 71, 72
Холодов 445
Хомхолов Б. Х. 163
Хонинов М. В. 200
Храповицкий Антоний 92, 97
Хрущев Н. С. 177, 178, 272, 273, 280, 293, 336, 340, 391, 393
Хузангай П. П. 224
Хюскен Губерт 349

Цанава Л. Ф. 186
Цветков Н. В. 93, 95
Цвигун 303
Цыдынжапов Г. 171
Цыремпилова Д. Ц. 161
Цыренов Д. М. 164
Цыретарова Б. Б. 175

Чабыкин 308
Чагодаев 95
Чамов 355, 433, 478
Чебеев 380
Чеботарева В. Г. 182
Чебухов В. В. 213, 218
Черданцев Федор Иванович 457
Черных Иван 491
Чернышев 381, 382, 386, 388
Чесноков 450, 454
Чистяков 288
Чкалов В. П. 116
Чуйков Василий Иванович 271, 285, 294, 298, 300, 301, 302,
311, 319, 383, 390, 424, 455
Чумаченко Т. А. 136
Чуянов А. С. 267, 291

Шабатин И. 93
Шаврин 323
Шагдарова Б. Б. 175
Шаповал Ю. 185
Шапошников Б. М. 295
Шахрай С. 17, 22
Шверинг фон [Generalleutnant von Schwerin] 384
Шверник Н. М. 126
Швыдченко В. И. 127
Шевелев 318
Шейн 69
Шейко 441, 461, 471, 472
Шестернин 373
Шикин И. В. 270
Шкудов 417
Шлеев С. И. 94
Шлютченко 443
Шонин 477
Шоткинова З. Л. 163

Шпренгер 349
Шувалов П. А. 83
Шуванова Аня 421
Шуйский Василий 64, 65, 67
Шулунов Ф. И. 166
Шульга 444
Шумилов 337
Шумилов-Уйш М. Д. 224

Щербаков А. С. 269, 331

Эйдеман Р. П. 115
Эльгер С. В. 224
Эразм Роттердамский 76
Эфендиев Салих 195

Юденич Н. Н. 40
Юдин 441, 464
Юрин 275

Якир И. Э. 115
Яков 1 69
Яковлев А. Н. 186
Якунцов И. А. 139
Ямпилов Б. 171
Ян Амос Коменский 76
Ярославский Г. Ф. 270

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**У ВСЯКОГО НАРОДА ЕСТЬ РОДИНА,
НО ТОЛЬКО У НАС – РОССИЯ:
Проблема единения народов России
в экстремальные периоды истории
как цивилизационный феномен
российской государственности.
Исследования и документы**

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Фондом подготовки кадрового резерва «Государственный клуб» по итогам конкурса, проведенного в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации №127-рп от 02.03.2011 года «Об обеспечении в 2011 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества»

Рукопись подготовлена к печати канд. ист. наук Л. П. Колодниковой (Научный Совет РАН «История международных отношений и внешней политики России»); канд. ист. наук Т. С. Бушуевой (ИРИ РАН); В. В. Федоровым («Исполком совета славянских народов»)

Издательство «Прометей»
129164 Москва, ул. Кибальчича, д. 6, стр. 2
Тел.: (495) 683-15-85
E-mail: info@prometej.su

Подписано в печать 05.06.2012 г.
Формат 60×90/16. Объем 32,875 п. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 222.

ISBN 978-5-7042-2298-9

9 785704 222989